Е.М.ГАЛКИНА-ФЕДОРУК,
К.В.ГОРШКОВА, Н.М.ШАНСКИЙ

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

УЧПЕДГИЗ
1958

Е. М. ГАЛКИНА-ФЕДОРУК,
К. В. ГОРШКОВА, Н. М. ШАНСКИЙ

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ФОНЕТИКА. МОРФОЛОГИЯ

Утверждено
Министерством просвещения РСФСР
в качестве учебного пособия
для педагогических институтов

ИЗДАНИЕ 2-е, ИСПРАВЛЕННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва · 1958

ОТ АВТОРОВ

Настоящее учебное пособие представляет собой обработку лекций, читанных авторами на протяжении ряда лет в МГУ и педвузах.

Второе издание целиком повторяет первое, исправлены лишь замеченные опечатки.

Разделы „Введение", „Лексикология" (кроме § 7—14, 18, 19, 21, 22, 26—28, 37, 38, написанных Н. М. Шанским), а также „Наречие", „Категория состояния", „Частицы", „Модальные слова" и „Междометие" принадлежат Е. М. Галкиной-Федорук.

Автором разделов, посвященных фонетике, орфоэпии, графике и орфографии, а также разделов „Местоимение", „Глагол", „Предлог" и „Союз" является К. В. Горшкова.

Разделы „Введение в морфологию", „Имя существительное", „Имя прилагательное" и „Имя числительное", а также § 7—14, 18, 19, 21, 22, 26—28, 37, 38 в разделе „Лексикология" написаны Н. М. Шанским.

Авторы будут благодарны за все критические замечания, которые помогут им в дальнейшей работе над книгой.

ВВЕДЕНИЕ

Язык является важнейшим средством общения людей. На всех этапах развития человеческого общества он носит общественный характер, служа обществу и вместе с тем отражая жизнь общества.

На всем протяжении истории человечества язык служит средством познания окружающей человека объективной действительности, он органически связан с мышлением, является могучим орудием культуры.

Такая важная роль языка в общественной жизни учит бережному к нему отношению, требует прочного и твердого знания его правил и законов развития. Совершенно необходимо хорошее знание современного русского языка для студентов-филологов — будущих учителей-словесников.

В соответствии с этим курс современного русского литературного языка ставит перед собой в первую очередь следующие задачи:

1. Дать систематическое изложение добытых наукой теоретических сведений по фонетике, лексике, словообразованию и грамматике современного русского языка.

2. Познакомить с системой графики и научными основами орфографии и пунктуации русской письменной речи.

3. Показать изучающим современный русский язык, его огромное значение в жизни общества, раскрыть его богатство и мощь, пробудить любовь к родному языку.

4. Помочь студентам в совершенстве овладеть нормами русской литературной речи.

5. Содействовать выработке у будущих учителей русского языка и литературы прочных навыков лингвистического анализа.

Курс современного русского языка включает в себя следующие разделы: 1) лексикологию, изучающую словарный состав и устойчивые обороты русского литературного языка; 2) фонетику, изучающую звуковую систему русского литературного языка и те процессы, которые сейчас в ней происходят; 3) орфоэпию — собрание правил литературного произношения; 4) гра-

фику и орфографию, соответственно описывающих алфавит и систему правил русского письма; 5) словообразование, предметом изучения которого являются морфологическое строение слова и законы образования новых слов; 6) грамматику, куда входят морфология и синтаксис, изучающие правила изменения слов, их сочетания в предложении, строение и типы предложений.

Русский язык является одним из славянских языков. Славянские языки делятся на три группы: восточную, южную и западную. В восточную группу входят русский, украинский, белорусский языки. Южную составляют болгарский, македонский, сербохорватский, словенский языки. К западной группе относятся польский, чешский, словацкий, кашубский и лужицкий языки.

Славянские языки связаны между собой тесными узами родства. Все они восходят к одному и тому же языку-источнику — общеславянскому языку, на котором говорили славяне в то время, когда составляли единый народ. Все они, даже в настоящее время, настолько близки друг другу, что их общность не вызывает сомнений не только у специалистов, но и у людей, не имеющих никакого отношения к лингвистике. Близость славянских языков друг другу проявляется как в идентичности и сходстве многочисленных фактов в лексике, так и в идентичности и родстве многих явлений в грамматическом строе и звуковой системе. Например, слово *голова* по-украински будет *голова*, по-белорусски — *галава*, по-польски — *głowa*, по-чешски — *hlava*, по-болгарски — *глава* и т. п.; слово *нести* по-украински звучит *нести*, по-чешски — *nésti*; слово *два* по-болгарски будет *два*, по-польски *dwa* и т. д.

Особенно близки между собой русский, украинский и белорусский языки, появившиеся как языки соответствующих народностей на базе древнерусского языка.

В курсе современного русского языка освещается прежде всего современный русский язык, т. е. русский язык, на котором говорят в настоящее время. Русский язык — это язык великого русского народа, исторически сложившийся и обслуживающий его потребности в общении. Однако при анализе фактов современного языка в целях вскрытия активных тенденций его развития нередко привлекаются и факты русского литературного языка XIX века, прежде всего те, которые особенно важны для понимания художественных произведений русской классической литературы.

В курсе современного русского языка изучается современный русский литературный язык, т. е. нормированный и отшлифованный язык, обслуживающий культурные потребности народа, нужды его государственных учреждений, науки, печати, театра, радио, художественной литературы. Содержание понятия „русский литературный язык“ не одинаково на разных этапах исторического развития общенародного языка, вследствие различных функций

литературного языка в разное время и разного взаимоотношения его с диалектами и устно-разговорным языком.

Русский литературный язык как нормированный язык, обслуживающий культурные потребности народа, не совпадает целиком с русским общенациональным языком — этой исторически сложившейся языковой общностью, в которую входит вся совокупность речевых средств русского народа. Следует строго разграничивать понятия „русский общенациональный“ и „русский литературный“ языки. Общенациональным русским языком называется вся совокупность говоров и наречий, на которых говорит русский народ. Литературный русский язык — это высшая (отработанная) форма общенационального языка, обслуживающая государственные потребности народа, служащая средством общения всех русских людей.

Литературный язык не охватывает всего богатства системы общенационального языка, включая в себя лишь наиболее точные и типические слова и выражения, наиболее известные и употребительные морфологические формы и синтаксические конструкции. По ясности, четкости, общепонятности и выразительности он представляет собой самое совершенное средство общения народа, являясь мощным орудием культуры, важнейшим фактором развития нации и вместе с тем активной и наиболее выразительной формой национального самосознания и национального творчества.

Нормированность литературного языка проявляется в существовании в нем известных правил (норм), регулирующих отбор лексики, образование грамматических форм, произношение и правописание слов и т. д.

Так, в словарный состав русского литературного языка нельзя, например, включать вульгарно-бранные слова (например, *налопался* вместо *наелся, глаза продрал* вместо *проснулся* и т. п.), диалектизмы (например, *кочет* — литературное *петух, батя* — литературное *отец, обувка* — литературное *обувь, усейко* — литературное *недавно*) и др.

В грамматическом строе литературного языка не приняты, например, формы на *-á* в именительном падеже множественного числа от слов *трактор, офицер, инженер, договор* и некоторых других; недопустимо смешивать формы *обеими* и *обоими* (форма *обеими* должна сочетаться с существительными женского рода: *обеими руками, обеими ногами;* форма *обоими* — со словами мужского и среднего рода: *обоими дубами, ушами* и пр.). По нормам русского литературного языка не допускается, чтобы собирательное числительное *трое* согласовывалось с существительными женского рода (например, можно и должно говорить *трое мужчин,* но нельзя сказать *трое женщин* и т. п.). Слова среднего рода во множественном числе в родительном падеже нельзя употреблять с теми же окончаниями, что и слова мужского рода. Принято писать и произносить *много дел,* а не *делов, нет мест,* а не *местов, купил яблок,* а не *яблоков* и т. д. Нелитератур-

ным считается произношение некоторых слов с таким ударением, как *по́ртфель* (литературное — *портфе́ль*), *а́рбуз* (литературное — *арбу́з*), *мо́лодежь* (литературное — *молодёжь*) и т. д.

Русский литературный язык имеет две формы: устную и письменную.

Устная форма русского литературного языка по своему лексическому составу отличается от письменной, содержащей большое количество научных терминов, интернациональной и абстрактной лексики, наличием слов специфически разговорно-просторечного характера, обиходной фразеологией и т. п. Она не требует строго отработанных синтаксических форм, допускает неполные предложения, так так многое при устном общении подсказывается положением, ситуацией, жестами, интонацией; для нее характерны простота и непринужденность. Обычная сфера применения устной речи — беседа, разговор. Более сложной формой ее является доклад, лекция, выступление и т. д. В этом случае и по своей лексике, и по своему построению устная речь во многом сближается с письменной.

Особенности письменной речи в значительной мере зависят от того, в каком стиле русского литературного книжного языка она применяется.

Русский литературный книжный язык имеет ряд стилевых разновидностей: 1) стиль художественной литературы; 2) стиль научный; 3) стиль технически-производственный; 4) стиль общественно-публицистический; 5) стиль официально-деловой, т. е. стиль деловых бумаг, государственных документов и т. д.

Все эти стили, несмотря на довольно серьезное различие в лексике и синтаксисе, имеют много общего не только в фонетическом строе и грамматических формах, но также в лексике и синтаксических конструкциях.

1. Стиль художественной литературы распадается на два во многом различных стиля — стиль прозы и стиль поэзии.

Язык художественных произведений нередко включает в себя и различные элементы других стилей. Однако в художественное произведение различные элементы из других стилей могут привлекаться лишь в качестве определенного средства художественной изобразительности.

Отличительной чертой стиля художественных произведений являются высокая эмоциональность и экспрессивность, которые достигаются применением наиболее действенных и выразительных средств языка, отбором слов, ярко рисующих художественные образы.

В произведениях художественной литературы употребляется лексика литературно-книжная, литературно-разговорная и поэтическая.

Литературно-книжная, литературно-разговорная и поэтическая лексика не однородны в своем составе.

Литературно-книжная лексика включает в себя научную терминологию, слова, относящиеся к разным видам искусства, профессионально-техническую лексику и т. д.

Литературно-разговорная лексика включает в себя главным образом слова общеупотребительные, обозначающие явления природы и общества, выражающие мысли, чувства и ощущения человека. Она обслуживает потребности обиходно-бытовой и обиходно-деловой жизни, ограничиваясь той сферой, в области которой ведется разговор.

Слова просторечные, областные, диалектные и жаргонно-арготические, не входящие в литературно-разговорный словарь, также вводятся иногда авторами в художественные произведения или как средство создания того или иного образа, или для выражения черт характера действующих лиц и их речи.

Поэтическая лексика наиболее употребительна в поэтическом жанре, но не избегают ее и прозаики.

В поэтическом стиле лексика различна: в одних жанрах поэтическая речь прежде всего отличается применением особой народно-поэтической лексики и фразеологии: *девица-красавица, добрый молодец, горе-горькое, грусть-тоска, путь-дорога, ретиво сердце* и т. д. В других — использованием слов, свойственных только книжной поэзии, так называемой традиционно-поэтической лексики: *нега, пленительный, сладостный, чарующий, грезы, чары, очарование* и др. Поэтическая речь ритмична и часто рифмованна, в ней применяются особые средства изобразительности: эпитеты, сравнения, метафоры, повторы, ретардации, отрицательные сравнения и т. д., что, однако, находит применение и в прозаических произведениях.

2. Научный стиль — это стиль ученых трудов по всем отраслям науки. Научный стиль отличается в лексике обилием терминов той отрасли науки, материал которой служит предметом научного сочинения. Так как многие термины науки интернациональны, то в языке подобного рода сочинений много интернациональной лексики, в большинстве случаев восходящей к греческому и латинскому языкам. Научные работы содержат много слов, выражающих абстрактные понятия. В стиль научных сочинений не допускаются диалектные, вульгарно-бранные, фамильярно-бытовые и подобные им слова.

Синтаксис научных работ характеризуется сложными (сочиненными и подчиненными) предложениями с богато развитой системой союзных соединений. Ввиду того, что в научных трудах раскрываются свойства или качества какого-либо предмета или явления, предложения часто содержат большое количество однородных членов. Обычно в научных трудах употребляют слова в их прямом значении. Поэтому средства изобразительности (сравнение, эпитет и метафора, ретардация, гипербола и т. п.) в них мало употребительны.

3. Стиль технически-производственный включает в себя лексику прикладной техники, различных производств и ремесел. Работы о способах бурения, об управлении различными машинами, о технике выращивания льна, хлопка, о выработке сахара, о производстве вин, о техническом процессе обработки красильно-дубильных веществ и т. д. имеют в своем составе узкоспециальные термины по той или иной отрасли труда, включая и названия материалов, процессов, орудий труда и продуктов труда. Разница, однако, между такими произведениями только лексическая.

Синтаксис произведений, в которых преобладает производственно-техническая лексика, является обычным для научной речи с общеупотребительными конструкциями предложений, но вместе с тем и с наличием довольно большого количества сложных конструкций. В кругу простых предложений не употребительны ни номинативные — описательные, ни безличные предложения. Редки также вопросительные и восклицательные предложения.

4. Общественно-публицистический стиль по своей лексике очень близок к стилю научному. В нем много книжных, абстрактных слов и особенно много политических терминов. Грамматически этот стиль отличается обилием имен существительных отглагольного образования (типа *изъятие, образование*), а также деепричастных и причастных оборотов. Сказуемое чаще всего именное, так как здесь нередко употребляются характеристики-оценки. Общественно-публицистическим стилем написаны статьи на политические темы, критико-публицистические работы, статьи газет. Авторы публицистических произведений стремятся не только доказать правильность своих взглядов, но и воздействовать на читателя, побудить его к определенным действиям. Вследствие этого в общественно-публицистическом стиле свободно употребляются изобразительные средства, нередко используются вопросо-риторические обороты.

Русская публицистика имеет славную традицию: Радищев, Герцен, Белинский, Чернышевский и Добролюбов выработали прочные основы и двинули далеко вперед развитие общественно-политической мысли. Высшего расцвета публицистическая речь по своей глубине и воздействующей выразительной силе, богатству лексики и удивительно четкому синтаксису достигла в трудах В. И. Ленина.

Общественно-публицистический стиль все же не вполне однороден, во многом зависит от жанра публицистических произведений. Так, стиль передовицы резко отличается от стиля фельетона. Стиль информации совершенно иной, нежели стиль лозунгов-призывов.

5. Официально-деловой стиль характеризуется резкими отличительными чертами прежде всего в лексике. Его лексика весьма специфична: в ней довольно много книжных устарелых слов, которые в других стилях не употребляются: *сей, таковой, препровождается, вышеупомянутый, нижеследующий, вышеизложенный* и др. В деловой речи выработано немало особых языковых шаблонов, становящихся общепринятыми формулами, отступление от которых является нарушением. Особенность деловой речи — употребление слов в прямом значении, стремление к максимальной точности изложения с целью избежать возможности какого-либо иного, неправильного толкования сказанного. В законодательных актах и приказах синтаксис лаконичен, предложения — или с императивами, выраженными в форме инфинитивов, или со словами различной модальности *(надо, нужно, необходимо; требуется, предлагается, вменить в обязанность, обязать* и т. д.).

Функционирование языка в качестве средства общения требует и предполагает единые литературные нормы в области лексики и фонетики, морфологии и синтаксиса — для быстрого и правильного восприятия выражаемых мыслей. Однако литературный язык не может отгородиться от общенационального языка, в котором его нормы необязательны. Поэтому в литературный язык нередко проникают отдельные просторечные факты и диалектные явления, которые при их умеренном употреблении оживляют и обогащают литературный язык.

Просторечием называют особые формы и слова, употребляемые в разговорно-бытовой речи, которая не связана нормами литературного языка, например: *брехать* (вместо *лгать*), *махаю* (вместо *машу*), *красивéй* (вместо *красúвее*) и т. д. Просторечие иногда включается писателями в литературный язык как одно из средств создания диалога и речевой характеристики персонажа.

В общенациональный русский язык входит не только нормированный, литературный язык, но и вся совокупность местных говоров русского языка, а также классовые жаргоны, которыми пользовались не народные массы, а преимущественно эксплуататорские классы и деклассированные элементы общества.

Каждая социальная группа могла создавать и обычно создавала для своих узкоклассовых целей свой жаргон; именно такими были существовавшие определенное время аристократическо-дворянский, купеческо-буржуазный жаргоны, жаргон мелкой буржуазии и, наконец, жаргон деклассированных элементов.

Классовые жаргоны представляют собой ответвления от общенационального языка, которые лишены языковой самостоятельности на всем протяжении развития языка и обречены поэтому на исчезновение.

Местные (иначе „территориальные“) диалекты обладают определенной языковой самостоятельностью, ибо они имеют специфические особенности не только в словаре, но и в грамматическом строе.

Различаются три большие группы русских народных говоров: северновеликорусские, южновеликорусские и средневеликорусские.

Границы распространения различных говоров в настоящее время очертить вообще очень трудно, но все же определение их возможно, так как до сих пор у каждой из названных групп имеются определенные, специфические, им лишь присущие языковые черты.

Территория распространения северновеликорусских говоров намечается приблизительно так: с севера ограничивается берегами Баренцева и Белого морей, на востоке граница северновеликорусских говоров проходит по течению реки Урала, а в некоторых местах и за Уралом, через Оренбург и Уральск; с Урала граница идет севернее Камышина и к югу от Саратова к Волге, затем проходит восточнее линии Саранск — Пенза и, проходя южнее Мурома, идет на запад к Калинину и Пскову, затем по западному побережью Ладожского и Онежского озер и по Финскому заливу к Баренцеву морю. Южновеликорусские говоры распространены среди населения южных областей Европейской части РСФСР.

Наиболее важными отличительными фонетико-морфологическими чертами северновеликорусского наречия являются:

1. Оканье, т. е. различение не только ударных *о* и *а*, но и безударных; *о* произносится всегда как *о*: *дом — дома, воду — вода, город — города* (не [длмá], [влдá], [гърлдá]).
2. Повсеместное распространение взрывного *г*.
3. Твердое *т* в формах 3-го лица глагола: *пишет, играют*.

Важнейшими фонетико-морфологическими чертами, характеризующими южновеликорусское наречие, являются:

1. Аканье, т. е. произношение неударного *о* в первом предударном слоге как *а*: [влдá], [бърлдá], [длмá] и т. д.; во всех предударных и заударных слогах, кроме первого предударного, *а* и *о* произносятся редуцированно: [гълльвá], [бърлдá], [скáскъ] и др.
2. Фрикативный звук γ (вместо литературного задненёбного взрывного *г*): [γъвлрúт'], [γóр'ькъ].
3. 3-е лицо глагола единственного и множественного числа имеет мягкое окончание: *идуть, идёть*.
4. Родительный падеж личных и возвратного местоимений имеет форму *сибе, тибе, мине*.
5. В положении после мягкого согласного в ряде говоров *к* смягчается: *Катькя, Таськя, Ванькю, Петькю, чайкю* и т. д.

Кроме этих основных черт, северновеликорусские говоры в отличие от южновеликорусских имеют и ряд других, более частных особенностей; они изучаются в специальном курсе русской диалектологии.

В средневеликорусских говорах, узкой полосой расположенных между северновеликорусскими и южновеликорусскими, одни языковые черты являются общими с чертами северновеликорусских говоров, другие — с чертами южновеликорусских.

Различия между северновеликорусскими говорами и южновеликорусскими имеются и в лексике. Например:

В северновеликорусских говорах:	В южновеликорусских говорах:
брезговать	*гребовать*
волк	*бирюк*
сосед	*шабёр*
тропинка, дорожка	*стёжка*
навоз	*назём*
ухват	*рогач*
рига	*клуня*
петух	*кочет*
векша	*белка*
баять	*гутарить*

В русском языке происходил очень сложный процесс взаимодействия и взаимовлияния литературного языка и говоров. С одной стороны, литературный язык вбирал в себя все наиболее ценное, жизненно важное и типичное из говоров, тем самым обогащаясь и улучшаясь. С другой стороны, элементы литературного языка проникали и проникают в диалекты, приближая их к общелитературному языку. Происходит естественный процесс исчезновения диалектов и распространения литературного языка.

Нельзя сопоставлять литературный язык и территориальные диалекты, и классовые жаргоны вне связи с конкретной исторической средой. Литературный язык взаимодействует с диалектами в разные эпохи по-разному. Так, например, территориальные диалекты эпохи капитализма противостояли литературному языку, потому что капитализм, хотя и нарушал феодальные перегородки, но недостаточно устранял прежнюю территориальную разобщенность, обострял противоречия между городом и деревней. Капитализм создавал условия для появления деклассированных элементов, которые вступали в сообщества, образовывали свой „блатной язык", особые арго́.

В социалистическом обществе условия для существования классовых жаргонов устранены, а для существования территориальных диалектов устраняются. Благодаря общему повышению культуры трудящиеся овладевают литературным языком, который постепенно становится общенациональным достоянием.

В царской России русский язык был обязательным государственным языком для всех народностей, населяющих Российскую империю. Школа, делопроизводство, суд, законодательство, пресса обязаны были пользоваться только русским языком.

Царское правúтельство душило всякое проявление национальной самостоятельности, находя поддержку этому и среди монархистов-черносотенцев, и среди либералов.

Партия большевиков во главе с В. И. Лениным боролась против запрещения родного языка и принудительного введения обязательного государственного русского языка в школу, делопроизводство, суд и прессу.

В. И. Ленин в статье „Нужен ли обязательный государственный язык?“ писал, вскрывая реакционную политику черносотенцев и либералов: „Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*“ [1].

После Великой Октябрьской социалистической революции в союзных и автономных республиках родной язык каждой нации или народности стал языком делопроизводства. На родном языке печатаются книги, газеты, на родном языке ведется обучение в школе во всех республиках: в Белоруссии — на белорусском, в Украинской ССР — на украинском, в Грузии — на грузинском и т. д.

Но русский язык, при наличии в каждой республике собственного национального государственного языка, не только не потерял своего значения в жизни других наций нашего социалистического многонационального государства, но и приобрел особо важную роль, стал языком межнационального общения народов СССР. Общие государственные задачи, общие цели построения коммунистического общества требуют, чтобы жители союзных республик различных наций знали русский язык.

Русский язык сплачивает все народы Советского Союза, приобщает их к культуре великого русского народа, является средством единения и дружбы народов, входящих в СССР.

Русский язык стал орудием межнационального общения не по принуждению, а добровольно, в процессе совместной исторической борьбы народов нашей страны против самодержавия и капитализма, против нашествия врагов как в период интервенции 1918 — 1920 гг., так и в дни Великой Отечественной войны, в процессе построения социализма в СССР и развернутого коммунистического строительства.

Русский язык стал выразителем величайших идей человечества — идей марксизма-ленинизма. На русском языке написаны труды гениального вождя мирового пролетариата В. И. Ленина. На русском языке созданы величайшие произведения мировой литературы, это язык передовой науки и техники. Русский язык стал острым и могучим орудием в борьбе за мир.

Русский язык помогает развитию и обогащению языков народов СССР. Многие слова русского языка входят в национальные языки народов Советского Союза, обогащают эти языки, приобщая их носителей не только к русской культуре, но и к интернациональной.

Сбылись думы и чаяния В. И. Ленина, который писал: „Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки*“ [2].

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 55.
[2] Там же, стр. 56.

Русский язык по своей мощи и силе с давних пор считался одним из важнейших и богатейших языков мира. Исключительно увеличилось значение русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции, особенно возросла его роль после победоносного окончания Великой Отечественной войны.

Русский язык вышел на мировую арену вполне закономерно, так как это язык народа, сделавшего огромный вклад в историю всей мировой культуры.

Все прогрессивное человечество смотрит на Советский Союз, как на могучую социалистическую державу, как на самого верного и активного защитника мира; поэтому прогрессивные силы стремятся овладеть русским языком — языком передовой политической мысли, языком передовых идей. Во многих странах мира с любовью изучают русский язык.

Политическая, государственная и научно-техническая терминология перенимается многими языками непосредственно из русского языка. Такие слова, как *большевик, ударник, колхоз, Совет, комсомол* и т. п., своей родиной могут считать Советский Союз, так как все эти слова рождены Великой Октябрьской социалистической революцией.

Русский язык очень выразителен. Четкая и стройная синтаксическая структура, правила порядка слов в русском языке, допускающие относительно свободное расположение слов в предложении, придают фразе гибкость и разнообразие. Разноместное словесное ударение сообщает русской речи весьма своеобразный рисунок ритмичности и тонирования.

Трудно не заметить богатства и выразительности лексических средств русского языка. Смысловая насыщенность словаря, широкая полисемия, разнообразие стилистических и фразеологических вариаций — все это свидетельствует о мощной культуре и богатстве русского языка. Богатство и мощь русского языка неоднократно отмечали и высоко оценивали классики марксизма-ленинизма, крупнейшие ученые, писатели.

Ф. Энгельс, который был замечательным полиглотом (он знал свыше 20 языков), имея возможность сравнивать выразительные качества многих языков, говорил о русском языке, как об одном из красивейших языков мира. В 1875 году Энгельс, изучив русский язык, писал: „Знание русского языка,— языка, который всемерно заслуживает изучения как сам по себе, ибо это один из самых сильных и самых богатых живых языков, так и ради раскрываемой им литературы,— теперь уж не такая редкость...“ [1]

О богатстве, величии и мощи русского языка говорил В. И. Ленин в статье „Нужен ли обязательный государственный язык?“, отвечая либералам: „Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч“ [2].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 239.
[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 55.

Глубоко ценили русский язык наши писатели и поэты.

Горячей любовью и гордостью пронизаны высказывания М. В. Ломоносова о русском языке. „Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ее могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает“,— писал наш великий ученый в своей „Риторике“.

С глубокой любовью, будучи прекрасным знатоком его, говорил о русском языке А. С. Пушкин. Прекрасно понимая, что сила языка, его многогранность и выразительность вырабатываются у писателя только в том случае, если он питается соками общенародного языка, А. С. Пушкин настойчиво советовал писателям учиться русскому языку у народа.

Высоко ценил русский язык и Н. В. Гоголь: „Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название драгоценнее самой вещи“.

Горячая любовь к родному русскому языку выражена целым стихотворением в прозе у Тургенева:

„Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины,— ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!“ „Народ, у которого такой язык,— великий народ“,— говорил он же, как свидетельствует об этом в своих воспоминаниях Щербина.

Об огромных богатствах русского языка не раз высказывался А. М. Горький: „Русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей...“

Нет необходимости приводить здесь все высказывания писателей, ученых, общественных деятелей о русском языке. Они богато представлены в хрестоматии „Русские писатели о языке“ (1954 г.).

Можно прямо сказать, что русский язык является по своему значению одним из важнейших языков мира. Это язык новой, советской государственности. Это язык новой, социалистической идеологии, культуры и науки.

Русский язык — средство общения народа, который хочет созидать и жить в мире и дружбе со всеми народами мира.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

I. ЛЕКСИКА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Лексикология как раздел науки о языке. Слово *лексика* происходит от греческого слова *lexikos*, что значит „словарный“. Лексикой называют совокупность слов, характерных для того или иного языка.

Лексика изучается в разделе науки о языке, называющемся лексикологией (от греческих слов *lexikos* „словарный“ и *logos* „учение“).

Лексикология русского языка ставит себе задачу изучить словарный состав русского языка.

§ 2. Слово как лексическая и грамматическая единица речи. Значение слова. Слово — это номинативная единица человеческой речи, обозначающая явления объективной действительности и понятия, грамматически оформленная и одинаково понимаемая коллективом людей, объединенных языковой общностью.

Слово как номинативная единица человеческой речи является звуковой оболочкой понятия о предмете, явлении, процессе, качестве. Эта звуковая оболочка не отражает в себе самой особого характера явления действительности, а является только его обозначением.

Таким образом, слово, т. е. определенный звуковой комплекс, имеющий то или иное значение, не связано органически с предметом, который оно называет. Это видно из того, что одно и то же явление на разных языках обозначается разными звуковыми комплексами, например: в русском языке одна из птиц отряда воробьиных обозначается словом *жаворонок*, а в греческом *χορυδος*, в латинском *alauda*, в болгарском — *чичулига*, в польском — *skowronek*, в немецком — *Lerche*.

Однако в слове нельзя видеть лишь знак предмета, нельзя считать его целиком произвольным. Тот или иной звуковой комплекс и его форма при отнесении к явлениям действительности всегда обусловлены внутренними законами языка.

Слово как основная единица речи проявляет всю свою полноту природы в связной человеческой речи.

К слову следует подходить при его изучении с двух сторон: фонетико-грамматической и лексико-семантической.

Слово произносится, выявляя свою фонетическую природу. Поэтому в слове изучают его звуковой состав (этим занимается фонетика).

Слово построено из связанных между собой морфем, поэтому в слове изучают морфологический состав: корень, суффикс, префикс, окончание и т. д.

Слова не одинаковы по морфологическому характеру. Слова, обозначающие предметы,— существительные; слова, называющие качественные признаки предметов,— прилагательные; слова, обозначающие процессы, действия, состояния,— глаголы; слова, являющиеся названиями признаков действий и качеств,— наречия. Слова, выражающие отношения и связи между предметами и явлениями,— слова служебные: предлоги, союзы. Слова, служащие для выражения отношений говорящего к предметам и явлениям,— слова модальные. Слова, выражающие чувства, волю,— междометия. Количества предметов обозначаются особой частью речи — именем числительным. Указательная группа слов образует местоимение.

Следовательно, в языке имеются различные части речи в зависимости от характера называемых словами явлений действительности. Каждой части речи соответствует своя словообразовательная система, своя система грамматических значений, своя система грамматических функций.

Грамматическую сторону слова, морфологический состав слов, формы, изменение слов, функцию их в речи изучает грамматика.

В лексикологии изучается лексическая сторона слова, прежде всего его лексическое значение, экспрессивно-стилистическая окраска, происхождение и употребление.

Под лексическим значением следует понимать соотношение и связь звукового комплекса и обозначенного им предмета, явления, процесса, качества и т. д. Если я попрошу книгу, а мне подадут кружку, значит человек не понимает значения слова *книга*. Соотношение, устанавливаемое людьми между звуковыми комплексами и понятиями о предметах, вещах, процессах и пр., и есть лексическое значение слова, или, как некоторые его называют, смысл слова, содержание слова.

Лексическое значение слова, возникающее при наименовании предмета, явления, качества и т. д., называется прямым значением, так как звуковой комплекс в этом случае непосредственно выражает понятие о явлении действительности, познаваемом в практике.

Значение слова возникает при образовании понятия и на базе понятия. Как может измениться понятие, обозначаемое словом, так изменяется и значение самого слова.

Возьмем слово *бегемот*. Бегемотом мы называем особое млекопитающее, больших размеров животное, живущее в пресных водах в Африке. Одна из черт, которая свойственна бегемоту,— это неповоротливость. Если мы „бегемотом" называем неповоротливого человека, то значение этого слова будет иное, именно „неповоротливый", а вовсе не то, которое оно имеет как название животного. Однако некоторая общность в значении здесь тоже остается.

Точное значение слова можно выявить лишь из контекста. Значение слова, взятого отдельно, может быть и недостаточно определенным, и недостаточно четким. Например, значение слова *переход* можно узнать только из контекста: *переход здесь* — „место перехода", *утомительный переход* — „действие по глаголу *переходить*".

Понятие о слове можно выявить при отнесении слова к предмету, значение слова выявляется только в системе языка. Поэтому приравнивать значение отдельных слов к отдельным логическим понятиям нельзя.

В значение слова включается вся совокупность его содержания, определившегося в процессе практики и опыта жизни и закрепленного традицией общающихся людей.

Каждое слово имеет значение. Без значения нет слова. Слова-междометия, выражающие чувства, волю, слова-призывы, собственные имена социально также все значимы потому, что они являются необходимым элементом в общении людей.

Каким же образом звуковой комплекс приобретает значение? Почему, когда говорят *дайте воды*, подают именно воду, а не кусок дерева, хлеба, лист бумаги? Каким образом звуковой комплекс связывается с обозначаемой им вещью, процессом, качеством?

Наблюдения за звуковым оформлением названий одних и тех же предметов в разных языках позволяют сделать вывод, что никакой внутренней обусловленности соединения звуков с вещью нет. Такую мысль высказал еще К. Маркс: „Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом" [1].

Нет тождества не только между звучанием и предметом, нет тождества между звуковым комплексом и понятием, так как звуковой комплекс — явление физиологическое, а понятие — явление логическое. Кроме того, один и тот же звуковой комплекс может даже в одном языке служить названием разных предметов и может включать в себя разные понятия (ср. *плоскость крыла самолета* и *плоскость равнины*, где одним звуковым комплексом названы явления разных сфер, но явления чем-то сходные: своей формой, своей сущностью, проявленной в разных признаках, и др.).

Звуковой комплекс, обозначающий предмет и выражающий в то же время отдельное понятие, уже таит в себе возможность многозначности.

§ 3. Многозначность слова. Способы развития значений в русском языке. Название дается предмету по его признаку. В другом предмете может оказаться один из признаков, схожий с признаками первого предмета. Поэтому и второй предмет может быть

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVII, стр. 113.

назван тем же комплексом звуков, что и первый предмет. В результате в языке возникают слова, обозначающие разные предметы, хотя и со схожими признаками. Возьмем, например, слово *корень*. Употребляя это слово в сочетании *корень дерева*, мы словом *корень* называем часть дерева, находящуюся под землей и представляющуюся для его питания наиболее существенной. Употребив слово *корень* в сочетании *корень слова*, мы также называем словом *корень* существенную часть — часть слова, несущую основное лексическое значение. Следовательно, слово *корень* в обоих случаях имеет нечто общее.

Или возьмем слово *язык*. *Язык человека, язык колокола* и *язык пламени* — во всех этих словосочетаниях слово *язык* обозначает хотя и разные предметы, но схожие по форме самого тела и по форме его движения (*язык человека* и *язык колокола*) или схожие по движению и форме (*язык человека* и *язык пламени*). Звуковой комплекс одинаковый, а предметы, обозначаемые им, разные.

Разные значения в слове возникают в зависимости от того, в какой круг других слов и понятий мы его включаем и как оформляем грамматически.

Словом *рыба* мы называем определенный вид живых существ с холодной кровью, живущих в воде, но этим же словом мы можем называть холодного и равнодушного ко всему человека.

Слово *флюгер* служит обозначением особого приспособления, указывающего направление ветра, но *флюгером* же называем и человека, меняющего свои взгляды по обстоятельствам, для него выгодным.

Многозначность слова — это способность слова употребляться в разных значениях. Она возникает на основе возможности переноса этого слова как названия одного предмета на другой предмет на основе общности признаков.

Многозначность слова связана с тем, что звуковой комплекс, который служит наименованием какой-либо вещи, предмета, явления, процесса, качества и т. д., начинает обозначать и другое явление, процесс, вещь или качество, но с каким-то схожим признаком или схожей функцией. Возьмем слово *узда*. Слово *узда* обозначает часть конской сбруи, состоящей из ремней, с удилами и поводьями, которая надевается на голову лошади для управления ею: „*Узде* послушен конь ретивый". *(П.)* В переносном употреблении *узда* — сдерживающая сила: „Нынче смех страшит и держит стыд в *узде*". *(Гр.)*

Способы переноса значений в русском языке различны:

1. Перенос может происходить на основе сходства обозначаемых предметов по форме, по цвету, по характеру движений и т. д., т. е. на основе метафоры. Например: *нос* (собаки) — *нос* (корабля), *ножка* (человека или животного) — *ножка* (стола), *лист* (дерева) — *лист* (бумаги), *крутая* (гора) — *крутой* (лоб), *острый* (нож) — *острый* (ум), *золотая* (цепь) — *золотая* (осень), *бледное* (лицо) — *бледный* (роман), *яркий* (свет) — *яркий* (язык), *зеленая* (лужайка) — *зеленая* (молодежь), *барабанит* (солдат в барабан) — *барабанит* (дождь в окно), *течет* (речка) — *течет* (речь), *растет* (куст сирени) — *растет* (население) и т. д.

2. Перенос может происходить и по смежности (пространственной, временной, логической, смежности материала и изделия, процесса и результата и т. д.), т. е. посредством метонимии. Например, *университет* (здание) — *университет на дому* (занятия), *лавка* (мебель для сидения) — *лавка* (место мелочной торговли), *стол* (мебель) — *стол* (пища), *утро* (летнее) — *утро* (жизни), *осень* (поздняя) — *осень* (жизни), *золото* (металл) — *золото* (изделия из этого металла); *я занимаюсь фотографией* — *мне подарили фотографию; величественная история русского народа* — *я купил „Историю СССР"; купили дюжину тарелок* — *я три тарелки съел.*

3. Перенос наблюдается также в случае перехода слова из собственного в нарицательное. Таких переосмысленных собственных имен, ставших названиями вин, материй, машин и т. п., очень много. Например, названия оружия: *наган, маузер, кольт, браунинг;* машин: *зил, газ;* самолетов: *як, мик, ил;* тканей: *шевиот, бостон, мадаполам, кашемир.*

4. Перенос может происходить, наконец, и на основе общей функции: *дворник* — метущий двор и стеклоочиститель у автомобиля; *крыло птицы* и *крыло самолета; вокзал на железной дороге* и *речной вокзал* и т. д.

В результате переноса в слове уже появляется новое значение — вторичное.

Поскольку перенос может быть осуществлен неоднократно, то один и тот же звуковой комплекс может получить несколько различных значений, слово становится многозначным.

Нужно подчеркнуть, что в контексте слово всегда однозначно. Употребление же одного звукового комплекса в разных контекстах свидетельствует о многозначности слова. Ср. значение слова *залог* в примерах:

1. Отец понять его не мог
И землю отдавал в *залог*.
(Пушкин, Евгений Онегин.)

2. Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя.
(Там же.)

Интересно стихотворение В. Остена „Дорога" с точки зрения многозначности слова:

ДОРОГА

Подумайте только, как много
Значений у слова „дорога".
Дорогой зовут автостраду,
И тропку, бегущую рядом,
И шлях, что лежит на равнине,
И путь каравана в пустыне,
И шаг альпиниста по круче
К вершине, упрятанной в тучах,
И след корабля над волнами,
И синие выси над нами...
А вскоре пополнится новым
Значеньем привычное слово.

Представьте: готова ракета
К прыжку на другую планету.
Прощаясь с ее экипажем,
Стоящим у звезд на пороге,
Мы просто и буднично скажем:
До встречи! Счастливой дороги.
Подумайте только, как много
Значений у слова „дорога".

§ 4. Омонимы в русском языке. Омонимы (греческое *homos* — „одинаковый", *onyma* — „имя") — это слова, одинаково звучащие, но совершенно различные по значению.

Лексические омонимы делятся на простые и производные.

Русский язык небогат простыми омонимами (ср.: *ключ* от замка и *ключ* — ручей, бьющий из-под земли; *коса* — прическа, *коса* — узкая полоса земли и *коса* — простейшее орудие для кошения травы, хлеба; *лук* — растение и *лук* — древнейшее оружие и др.).

В основном омонимия в русском языке — это свойство производных слов (ср.: *лучок* — деревянная часть смычка, *лучок* — приспособление для ловли птиц и *лучок* — молодой лук; *затопить* — начать топить и *затопить* — пустить ко дну; *лисичка* — уменьшительное от слова *лиса, лисичка* — название гриба и т. д.).

Причины возникновения омонимов могут быть различные. Омонимы могут появляться в языке в результате совпадения первоначально различных звучаний, разных по своей этимологии слов, например: *лук* и *лук, жать* (от *жьну*) и *жать* (от *жьму*), *брак* (от *брать*) и *брак* (из нем. яз. — *Brack*), *балка* (овраг, из тюрк. яз.) и *балка* (бревно, из нем. яз. — *Balken*).

В слове *лук* (древнее оружие) у славян на месте *у* произносилось когда-то носовое *о*, слово писалось лѫкъ. В слове *лук* (растение) (это слово писалось лоукъ) — *у* было исконным, не из носового звука *о* (ср. древнегерм. *lōk* и совр. немецкое *Lauch*). Слова *жать* (от *жьну*) и *жать* (от *жьму*) совпали в своем звучании в связи с дописьменным процессом образования из гласного + носовой согласный перед согласным носового гласного звука (*жьнти* и *жьмти* > жати > *жати* > *жать*) и т. д.

2) Омонимы могут создаваться и при совпадении звучания в процессе образования слов и форм. Например, если взять инфинитивы *солить* и *са́лить*, то в этих словах омонимической пары нет. Но производные от них глаголы с приставкой *за-* и суффиксом *-ива-* уже совпадут в звучании, в результате чего получаются омонимы: *засаливать капусту и засаливать платье. Засыпа́ть* будет и от *сыпать* и от *спать* и т. д.

3) Омонимы возникают при словообразовательных процессах и в словах, образованных от одной и той же непроизводной основы. Например, от слова *ставить* образовались омонимы: 1) *заставить* — поставить что-то за какую-то преграду (***Заставил** куда-то в буфете чашку, и не найдешь*); 2) *заставить* в значении „заполнить" (***Заставил** всю комнату вещами*); 3) *заставить* — принудить (***Заставить** делать трудное дело*).

4) Омонимы возникают в результате полного разрыва значений одного и того же слова. Не столь многочисленные, как другие

группы, они всё же в русском языке имеются. Сюда можно отнести, например, *мир* (свет) и *мир* (согласие); *свет* (все существующее, вся действительность) и *свет* (результат светящегося тела), в языке XIX века и начала XX *свет* — высшее общество [1]; *тьма* (отсутствие света) и *тьма* (бесчисленное множество); *запор* (чем запирают ворота, дверь дома) и *запор* (болезнь); ср. также слова *коса, коса, коса,* общее значение в которых — представление об узкой полосе; *кулак* — сжатая кисть руки и *кулак* — богатый крестьянин, эксплуатирующий других, и т. д.

Чаще всего омонимы встречаются в глаголах, реже в именах, например: *топить масло, топить котенка, топить печь; затянуться* (при курении), *затянуться* (кушаком), *затянуться (это дело слишком затянулось); заплатить* (жизнью) и *заплатить* (в кассу).

5) Омонимы могут возникать вследствие одинакового произношения слов, обозначаемых орфографически по-разному, например: *пруд — прут, плод — плот, медь — меть* и др. Такие омонимы называются омофонами.

6) Имеются в языке и такие случаи, когда слова пишутся одинаково, а произносятся по-разному, так как ударение падает на разные слоги (ср. *па́рит* — „нагоняет пар" и *пари́т* — „стремится вверх"; *за́мок* и *замо́к, бело́к* и *бе́лок, доро́га* и *дорога́* и др.). Такие слова называются омографами.

Из омонимов необходимо выделять так называемые омоформы, слова, совпадающие лишь в одной или части форм, но имеющие отличия в других формах, например: *знать* — глагол и *знать* — существительное; *напасть* — глагол и *напасть* — существительное; *печь* — глагол и *печь* — существительное.

Омонимы и омоформы в литературном языке нередко употребляются со специальными стилистическими целями как средство для образования каламбуров, например: *А что же делает* ***супруга*** *одна в отсутствии* ***супруга?*** *(П.) Защитник вольности и* ***прав*** *в сем случае совсем не* ***прав.*** *(П.)* Ср. также примеры:

Не щеголяй, приятель, *тем*,
Что у тебя избыток *тем*,
Произведенья знаем те мы,
Где лучшие погибли темы.

(Из эпиграммы С. Шевцова.)

Поэзия всегда была моя стихия,
Свободой, правдою звучал мой смелый *стих*;
Но, изувеченный цензурою, я *стих*,
И только для друзей пишу теперь стихи я.

(Из стихотворения И. В. Шумахера.)

[1] Из этих примеров видно, что и омонимия — явление историческое. Существовавший раньше омоним *свет* как слово со значением „высшее общество" в настоящее время уже в активном словарном запасе не наблюдается, в результате чего трехчленный омонимический ряд превратился в двучленный.

Противоположным явлением омонимии в языке является синонимия.

§ 5. Синонимы в русском языке. Синонимы (греческое *synōnymos* — одноименный) — это слова, различные по звучанию, но или совпадающие, или близкие по значению. Например, характеризуя какого-либо героя Великой Отечественной войны, мы говорим: *храбрый, смелый, отважный, мужественный, стойкий, безбоязненный.* Все эти слова — синонимы, так как они характеризуют человека с одной положительной стороны, но в каждом слове есть такой оттенок значения, которого нет в другом.

Абсолютных синонимов, т. е. совершенно одинаковых по смыслу слов, в языке не должно быть, так как это перегружает язык лексическими дублетами. Два слова, совершенно одинаковые по смыслу, встречаются только в терминологии или при наличии русского слова и иностранного, но такого, которое прочно вошло в обиход. Такими являются, например, слова *доказывать* и *аргументировать*, но чужое слово употребляется в речи реже и не во всех стилях. Словообразовательная способность у таких слов разная: свое, исконно русское слово производительнее, чем иноязычное.

1) Главным источником синонимии является развитие и обогащение словаря с помощью различных способов словообразования с тем, чтобы новым словом выразить особый оттенок в значении, выделить какую-либо специфическую черту того или иного явления. См. например приведенные выше: *смелый, храбрый, мужественный, стойкий, отважный, безбоязненный* (человек).

2) Вторым источником синонимии является обогащение и развитие лексики русского литературного языка за счет слов диалектного происхождения, например: *петух — кочет, жниво — стерня* и т. д.

3) Третьим источником синонимии является обогащение лексики литературного языка путем заимствования слов из других языков, например: *довод — мотив; доказательство — аргумент* и т. д.

Синонимические средства языка глубоко национальны. Они свидетельствуют о самобытности языка.

Богатство синонимических рядов — это богатство языка, так как каждый синоним служит для выражения какого-либо оттенка речи. Это понимал уже Фонвизин, писавший в „Собеседнике Российского слова“ 1783 года о синонимах *старый, старинный, давний, ветхий, древний* следующее: „*Старо* то, что давно было ново; *старинным* называется то, что ведется издавна; *давно* то, чему времени много прошло; в настоящем употреблении *ветхим* называется то, что от старости истлело, обвалилось; *древне* то, что происходило в отдаленнейших веках“.

Выделяются следующие основные группы синонимов:

1. Синонимы, представляющие собой такие слова, которые обозначают одно и то же, но с разной стилистической окраской:

а) при повышении стиля: *глаз — око; щека — ланита; лоб — чело; парус — ветрило; шея — выя; плечи — рамена; лицо — лик; правда — истина* и т. д.

б) при понижении стиля: *глаза — бельма, зенки, хлопалки; лицо — морда, харя, мурло* и пр.; *украсть — стибрить.*

2. Синонимы, возникающие при замене русского слова иностранным словом, вошедшим в систему русского языка, почти идентичным или совершенно одинаковым по значению: *доказательство — аргумент, зодчий — архитектор, ваяние — скульптура, явление — факт, сельскохозяйственный — аграрный* и др.

3. Синонимы, возникающие при замене одного слова другим словом с более сильной эмоциональной окраской: *неприятный — противный — отвратительный — омерзительный — мерзостный; нелюбимый — ненавистный; хороший — замечательный — чудесный — потрясающий* и др. Если одно из слов имеет положительное или нейтральное значение, а другое резко отрицательное, то нельзя говорить о их синонимичности; например, *пустобрех* не может быть синонимом к слову *оратор*, а *стихоплет* — к слову *поэт.*

4. Синонимы, образующиеся при замене слова литературного языка словом диалектным: *петух — кочет, сени — мост, кочерга — клюшка, жниво — стерня* и др.

5. Синонимы, возникающие в результате эвфемистической замены: *чёрт — нечистый; толстый — полный; умереть — скончаться* и др.

Синонимика играет большую познавательно-уточняющую роль в нашем языке. Владение синонимикой разнообразит речь, делает ее более живой и выразительной, дает возможность отметить тончайшие оттенки мысли и т. д. Именно поэтому синонимы широко применяются как в разговорной, так и в книжной речи.

Например, великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский, критикуя царское правительство, указывал, что для обозначения нелепостей современной ему русской действительности, обязанных своим существованием современному ему социальному строю, в русском языке развился богатый синонимический ряд для обозначения бессмыслицы: *чепуха, вздор, дичь, галиматья, дребедень, ахинея, безалаберщина, ерунда, нескладица, бессмыслица, нелепица, гиль, ералаш, сумбур, кавардак, бестолковщина, чушь, белиберда...* По мнению Чернышевского, список таких слов можно расширить до двух-трех сотен.

Гончаров в своем замечательном произведении „Обломов“, используя синонимы для достижения определенного стилистического эффекта, дает в то же время и понятие о том, что синонимия в языке обусловлена социальными и историческими факторами. Так, например, он указывает, что слова-синонимы с общим предметным значением *луна* и *месяц* по-разному воспринимаются людьми:

„Бог знает, удовольствовался ли бы поэт или мечтатель природой мирного уголка. Эти господа, как известно, любят засматриваться на луну да слушать щелканье соловьев. Любят они луну-кокетку, которая бы наряжалась в палевые облака да сквозила таинственно через ветви дерев или сыпала снопы серебряных лучей в глаза своим поклонникам.

А в этом краю никто и не знал, что за луна такая,— все называли ее месяцем. Она как-то добродушно, во все глаза смотрела на деревни и поле и очень походила на медный вычищенный таз".

В произведении Ильфа и Петрова „Двенадцать стульев", очень интересном по языку, для создания определенных художественных целей дан целый синонимический ряд к слову *умерла*.

„— *Умерла* Клавдия Ивановна,— сообщил заказчик.— „Ну, царство небесное,— согласился Безенчук.—*Преставилась*, значит, старушка. Старушки они всегда преставляются... или *богу душу отдают*, это смотря, какая старушка. Ваша, например, маленькая и в теле,— значит, преставилась. А, например, которая покрупнее да похудее — та, считается, богу душу отдает.

— То есть как это считается? У кого это считается?

— У нас и считается, у мастеров. Вот, вы, например, мужчина видный, возвышенного роста, хотя и худой. Вы, считается, ежели, не дай бог, помрете, то *в ящик сыграли*. А который человек торговый, бывшей купеческой гильдии, тот, значит, *приказал долго жить*. А если кто чином поменьше, дворник, например, или кто из крестьян, про того говорят: *перекинулся* или *ноги протянул*. Но самые могучие когда помирают, железнодорожные кондуктора или из начальства кто, то считается, что *дуба дают*...

— Ну, а когда ты помрешь, как про тебя мастера скажут?

— Я человек маленький. Скажут *загнулся* Безенчук. А больше ничего не скажут... Мне дуба дать или сыграть в ящик невозможно: у меня комплекция мелкая..."

Рассматривая синонимы в современном русском языке, следует иметь в виду, что синонимика слов — явление историческое. Например, в настоящее время *винтовка* и *ружье* — синонимы. Но пока *винтовкой* называли только такое огнестрельное оружие, канал ствола которого снабжен спиральной нарезкой для сообщения пуле вращательного движения, увеличивающего скорость полета пули. Слово *винтовка* не могло иметь синонимом слово *ружье*. Это видно из словоупотребления, например, С. Аксакова, у которого сказано: „Впрочем, из обыкновенных охотничьих *ружей*, дробовиков, как их прежде называли, редко стреляют пулями: для пуль есть штуцера и *винтовки*".

§ 6. Антонимы. Антонимы (от греч. *anti* „против" и *onyma* „имя") — слова с противоположным значением, употребляющиеся для обозначения контрастных явлений.

Подавляющее большинство антонимов выражает противоположность качественных понятий, но с разной градацией. Однако антонимичными по отношению друг к другу могут быть также и слова, связанные с выражением временных, пространственных и количественных понятий. Обычно считается, что к антонимам относятся лишь разнокоренные слова. По-разному решается вопрос об отношении друг к другу одинаково звучащих слов с противоположным значением.

Явления контраста и противоположности находят в языке выражение в ряде слов, как самостоятельных, так и служебных:

1. В словах, являющихся выражением понятий, связанных с состоянием и деятельностью человека, например: *счастье — горе, заболевание — выздоровление, развитие — застой, подъем — упадок, молодость — старость, сила — слабость, болезнь — здоровье, работа — отдых, живой — мертвый, здоровый — больной, старый — молодой, живет — умирает, стареет — молодеет, трудится — ленится, работает — отдыхает, работает — бездельничает* и др.

2. В словах, выражающих понятия, относящиеся к явлениям природы, например: *тепло — холод, мороз — оттепель, сушь — влажность, ветер — затишье, шум — тишина, расцвет — увядание, свет — темнота, теплый — холодный, мороженый — талый, мокрый — сухой, теплеет — холодает, морозит — тает, мочит — сушит, расцветает — увядает, светает — темнеет* и т. д.

3. В словах, связанных с понятиями времени, например: *осень — весна, лето — зима, день — ночь, утро — вечер, дневной — ночной, утренний — вечерний, ранний — поздний, тогда — теперь, всегда — иногда, рано — поздно* и т. п.

4. В словах, связанных с понятиями пространства, например: *север — юг, восток — запад, близь — даль, простор — теснота, далекий — близкий, просторный — тесный, верх — низ, здесь — там, туда — сюда, в — из, вдоль — поперек, впереди — сзади* и др.

Интересно заметить, что однокорневые слова пространственного значения в одних частях речи антонимичные, в других частях речи антонимичными не являются. Например, слова *низкий* и *высокий* являются антонимами, в словах же *высота* и *низина* антонимичности уже нет. Слово *глубокий* антонимично слову *мелкий*, но *глубина* (мыслей, замысла) не имеет антонима от того же корня, что и прилагательное *мелкий* и т. д.

5. Очень многочисленны антонимические пары, относящиеся к понятиям чувств, настроений с их проявлениями, например: *смех — слезы, покой — тревога, любовь — ненависть, уважение — презрение, уныние — бодрость, грубость — нежность, печаль — радость, дружба — вражда, злоба — доброта* и т. д. Антонимичны прилагательные и причастия тех же корней: *покойный — тревожный, уважаемый — презираемый, унылый — бодрый, грубый — нежный, злой — добрый* и др.

6. Особенно богаты антонимическими парами слова, выражающие качества, свойства, например: *хороший — плохой, грязный — чистый, нежный — грубый, полезный — вредный, горький — сладкий, храбрый — трусливый, бледный — румяный, белый — черный, светлый — темный, дорогой — дешевый, умный — глупый* и т. д.

Антонимичные слова различны по своей способности вступать в словосочетания; одни из них сохраняют свой антонимический характер во всех возможных словосочетаниях, другие же с некоторыми словами сочетаться не могут, например: ***печальн(ый)*** *тон, день,*

событие, случай, жизнь; ***радостн(ый)*** *тон, день, событие, случай, жизнь;* ***светл(ый)*** *фон, день, ум, комната, жизнь, настроение;* ***темн(ый)*** *фон, день, ум, комната, жизнь* (но ***темного*** *настроения* нет); ***устал(ый)*** *тон, человек, голос, настроение, лицо;* ***бодр(ый)*** *тон, человек, голос, настроение.*

Писатели, употребляя в сочетании слова, которые логически (по своему лексическому значению) сочетаться как будто не могут, создают особый вид изобразительных средств речи — оксюморон, например: *убогая роскошь наряда, пышное природы увяданье, богатство нищего* и др.

Многие слова, отдельно взятые, не имеют антонимического им слова. Так, к слову *свободная* вне контекста антонимом слово *тесная* не будет, однако в сочетаниях *свободная обувь — тесная обувь* эти слова антонимичны. Если слово имеет несколько значений, то каждое из них может иметь антонимическое себе слово.

Антонимы могут быть общенародные и индивидуальные, или контекстуальные. Например: Кто был *ничем*, тот станет *всем* (Э. Потье) — это общенародные антонимы, но: Радость *ползет улиткой*, у горя *бешеный шаг* (В. Маяковский), Ненавижу всяческую *мертвечину*, обожаю всяческую *жизнь* (В. Маяковский) — это антонимы индивидуальные, или контекстуальные.

Антонимы употребляются в речи для большей выразительности, для сопоставления и противопоставления явлений, как одно из средств антитезы: *Мир* хижинам, *война* дворцам. Любить, но кого же? *на время* — не стоит труда, а *вечно* любить невозможно, (Лермонтов).

У Лермонтова:

Мне *грустно* потому, что *весело* тебе...
И *ненавидим* мы, и *любим* мы случайно,
Ничем не жертвуя ни *злобе*, ни *любви*,
И царствует в душе какой-то *холод* тайный,
Когда *огонь* горит в крови.

У Пушкина:

Ты *богат*, я очень *беден*,
Ты *прозаик*, я *поэт*;
Ты *румян*, как маков цвет,
Я, как смерть, и тощ и *бледен*.

II. ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

1. ИСКОННО РУССКАЯ ЛЕКСИКА

§ 7. Понятие „исконно русская лексика". Как и современный язык в целом, словарный состав нашего языка в том виде, в каком он существует в настоящее время, представляет собой результат длительного развития. Среди слов, которыми пользуются сейчас говорящие на русском языке, наблюдаются самые различные по времени возникновения и по происхождению слова. Рядом со словами, бытующими в русском языке с дописьменной эпохи (*мать, радость, сила, озеро, горох, шить, нести, старый, белый, по, у, три* и т. д.), мы найдем в нем слова нового времени, совсем недавно или даже только что вошедшие в него (ср. *атомщик* (не ранее 1946 г.), *бесконфликтность* (в 1952 г.), *госхоз* (в 1954 г.) и т. п.). Рядом с исконно русскими словами (*вода, говорить, гордый, смазчик, ударничество, чтобы* и др.) — слова, пришедшие к нам из других языков (*мастер* — из немецкого языка, *баста* — из итальяского языка, *тетрадь* — из греческого языка, *аквариум* — из латинского языка, *солидный* — из французского языка, *митинг* — из английского языка, *позволить* — из польского языка и т. п.).

Как точный хронометр, словарный состав языка отмечает изменения, совершающиеся в обществе, закрепляя в каждый момент своего исторического развития все то, чем характеризуется жизнь человеческого коллектива — носителя соответствующего языка в данную эпоху.

Естественно, что та система лексики, которая характерна для нашего языка сейчас, не была ему свойственна в предшествующие эпохи его развития, ибо его словарный состав постоянно прогрессирует и обогащается: появляются для выражения соответствующих понятий и называния возникающих предметов и явлений новые слова; уходят из употребления слова, ставшие ненужными; многие слова в процессе их использования меняют свое значение и употребление и т. д.

Тем не менее многое в этой лексической системе сложилось задолго до возникновения русского языка как собственно русского языка, т. е. языка русской народности, а затем нации.

Основным пластом словарного материала современного русского языка, как и русского языка на всем протяжении его развития, являются исконно русские слова. Они составляют подавляющее большинство слов, употребляющихся в настоящее время в нашем языке, и образуют в словаре то, что определяет самобытность русской речи, ее глубоко национальное своеобразие. Это, таким образом, не только самая важная часть слов современной русской лексики в количественном отношении, но и слова, определяющие специфику нашего словарного состава, особенности его характерной системы и путей развития и обогащения.

Исконно русские слова — это слова, представляющие исконную принадлежность лексики нашего языка, слова, возникшие в нем самом или унаследованные им из более древнего языкового источника — своего языка-основы.

Исконно русскими словами будут не только слова собственно славянского происхождения или на их основе возникшие, но и слова, появившиеся в нашей речи на базе заимствованных основ и корней или целых слов. Было бы со-

вершенно неверным, например, считать слова *ямщик, аэросани, газетный, форсить, штурмовщина, зацементировать, чайник* и т. п. словами не русскими, а заимствованными только потому, что в их составе есть иноязычные корни (*ям* — из тюркских языков, *аэр* — из греческого языка, *газета* — из итальянского языка, *форс* — из французского языка, *штурм* — из немецкого языка, *цемент* — из латинского языка, *чай* — из китайского языка и др.). Как слова определенного значения и словообразовательно-грамматической структуры, они — творение и факт нашей речи и в другом языке были бы заимствованиями из русского языка.

Среди исконно русской лексики, бытующей сейчас в нашем языке, следует различать, имея в виду время появления их в языке, несколько пластов: общеславянские слова, восточнославянские, или древнерусские, слова и собственно русские слова.

§ 8. Общеславянские слова. Слова, полученные древнерусским языком, диалектами восточных славян из когда-то существовавшего общеславянского языка (распадение его относится к первым (V — VI) векам нашей эры), можно назвать общеславянскими. Это самый небольшой в количественном отношении, но самый древний и весьма важный пласт. Такие слова, как правило, и теперь наблюдаются во всех современных славянских языках; исключения, когда на месте общеславянских слов наблюдаются другие, возникшие позднее или пришедшие извне, а общеславянские отсутствуют, весьма немногочисленны. Поэтому соответствующие слова обычно являются общеславянскими не только в том смысле, что они существовали уже в эпоху общеславянского языкового единства, но и в том, что, будучи получены из общеславянского языка, они являются общеславянскими по употреблению и сейчас. Необходимо отметить, что отсутствие того или иного слова в каком-либо одном или даже нескольких из современных славянских языков не является свидетельством того, что это слово не общеславянское: оно могло быть потеряно или заменено другим. Слова *искать, роща* и т. д. являются в русском языке давним словарным наследием из общеславянского языка, хотя этих слов и нет в таких языках, как украинский и белорусский.

Напротив, не является обязательным свидетельством общеславянского происхождения одно лишь наличие какого-либо слова во всех современных славянских языках: это слово может быть и позднейшим заимствованием, и позднейшим самостоятельным новообразованием в каждом отдельном языке (ср., например, слова *партия, коммунист* и т. п.).

При определении происхождения слова необходимо учитывать и его распространенность в современных и древних славянских языках и диалектах, и наличие или отсутствие его в словарном составе других языков, и его словообразовательный характер, и выражаемое этим словом понятие.

Среди общеславянской лексики, существующей в словарном составе современного русского языка, можно наметить две группы: 1) слова, представляющие собой в переоформленном виде слова из общеиндоевропейского языка, и 2) новообразования эпохи славянского языкового единства.

К первой группе (эти слова условно можно назвать индоевропеизмами) относятся среди общеславянских слов ряд названий конкретных предметов, их качеств и действий, выражений нескольких абстрактных понятий, некоторые числительные и служебные слова и т. д. Всех их объединяет очень длительное время существования и распространенность в самых различных языках индоевропейской семьи (в каждом, естественно, в своем, но очень близком другим, фонетическом облике и значении). Например, слово *небо* встречается не только во всех славянских языках, но и в целом ряде других: в греч. — νεφος — „туман", „туча", в лат. — *nebula* — „туман", в санскр. — *nabhaḥ* — „облако", „небо", в нем. — *Nebel* — „туман" и т. д. Таким же общим будет для индоевропейских языков и глагол *беру*[1]: его мы находим и в славянских языках, и в греч. — φερω („несу"), и в лат. — *ferō* („несу") и в арм. — *berem* и т. д.

То же можно отметить и относительно слов *три* (ср. греч. τρεις, лат. *trēs*, нем. *drei* и т. п.), *живой* (ср. лат. *vīvus*, лит. *gývas*, греч. βιος и др.) и пр.

Вот некоторые примеры индоевропейского пласта общеславянских слов[2], являющихся названиями родства, животных, явлений природы, производственными терминами, обозначениями абстрактных понятий, наименованиями частей человеческого тела, качеств, предметов быта и т. п.: *брат, сестра, сын, дочь, зять, сноха; волк, гусь, олень; мох, роса, ночь, луна, снег, камень, зима, вода; шить, молоть, печь, драть; цена, честь, сон, слово, мзда; нос, зуб, ухо, око, бровь, грива* — раньше „шея"; *который* — первоначально „который из двух", *нагой, новый; дом, мед, семя, дым, огонь, мех, ось, зерно* и т. п.

Значительно большую часть, нежели слова, унаследованные из общеиндоевропейского языка, представляют в общеславянской лексике славянские новообразования, возникшие уже в общеславянском языке или на базе старого индоевропейского корнеслова, или на базе (правда, немногочисленных) заимствований из других языков.

Таким общеславянским, но не общеиндоевропейским словом в современном русском языке является слово *отец*, которое представляет славянское новообразование с суффиксом **-ько-* (> *ьць* > *ец*) от индоевропейского корня уменьшительно-ласкательного значения *от-* (ср. греч. ἄττα, лат. *atta* — „папа" и т. д.). Старое

[1] Старое значение, которое этот глагол раньше имел, сохраняется в производных от него старославянском бремя (из **bermen*) — „ноша" и русском диалектном *беремя* — „вязанка дров".

[2] Даются в современном звучании и написании.

индоевропейское название *отца* (ср. лат. *pater*, нем. *Vater* и др.) славянами было утрачено. Такими же общеславянскими словами производного характера, образованными от общеиндоевропейских корней, являются также и слова *сердце* (с суффиксом **-ько-* > > *ьцо* > *ьце* > *це*; ср. лат. *cor, cordis*), *трясу* (из трасѫ, от корня **trem-* с помощью суффикса *-so-*, ср. лат. *tremo*), *сеять* (от корня *се*, ср. старослав. сѣти, лат. *sero*), *ветхий* (с помощью суффикса *-х-*, ср. лат. *vetus*), *стопа* (от корня *сто-*, ср. глагол *стоять*) и т. д.

В качестве новообразования общеславянского языка, которое возникло на основе заимствования, можно назвать, например, слово *купец* (на базе корня, заимствованного из германских языков, где оно из латинского; ср. нем. *kaufen* и др.).

Новообразованиями общеславянского языка на базе индоевропейских корней являются в современном русском языке многие обозначения понятий и явлений, связанных с производством и общественными отношениями: *народ, человек, племя, оброк, староста, невеста, муж, месть, цена, правда, воля, гончар, ковать, пшено, мука, гумно, веять, сметана, веретено, нить, полотно, нож, долото* и др.

Количество слов, унаследованных русским языком из общеславянского языка и употребляющихся русскими сейчас, не является большим, если его сравнивать с общим словарным запасом. В самом деле, в „Толковом словаре" под ред. проф. Д. Н. Ушакова, отражающем лишь наиболее употребительную часть современного русского словесного материала, указывается свыше 85 тысяч слов. Слов же, ведущих свою историю из общеславянского языка, в нашей лексике сейчас не более 2000. Однако до сих пор эти слова являются в нашей речи наиболее употребительными, частыми и ходовыми и в повседневном общении составляют не менее $^1/_4$ всех слов.

В семантико-грамматическом отношении общеславянские слова — самые разнообразные. Здесь и знаменательные слова (существительные, прилагательные, глаголы и т. п.), и слова служебные. Здесь и названия родства, и обозначения частей человеческого тела, и названия природных явлений, и обозначения животных, и термины производственного и общественного характера, и наименования качеств и действий и т. д.

Приведем некоторые примеры общеславянских слов, употребляющихся и сейчас в лексике нашего языка. Слова будут даваться в том виде, в каком они существуют в русском языке сейчас, древнее общеславянское значение будет указываться лишь в случае очень резких семантических изменений.

Наиболее богатой (как по количеству, так и по семантическому многообразию) среди общеславянских слов является группа, представляющая имена существительные. Из них особо необходимо отметить следующие:

1. Наименования частей человеческого тела и тела животных: *борода, бок, брюхо, бровь, бедро, волос, голова, губа, грива,*

горб, горло, горсть, зуб, коса, клык, космы, лапа, ладонь, лицо, лоб, нос, нога, ноготь, око, палец, перст, плечо, пята, рог, рот, рука, ребро, сердце, темя, тело, ус, уста, утроба, чело и др.

2. Термины родства: *мать, мачеха, отец, сын, дочь, брат, сестра, внук, дед, зять, сноха, свекор, свекровь, деверь, тесть, теща, отчим* и т. п.

3. Названия, относящиеся к обозначению времени: *день, ночь, вечер, утро, сутки, полдень, полночь, осень, лето, весна, зима, месяц, год, час, век* и др.

4. Слова, обозначающие полезные ископаемые: *серебро, золото, железо, медь, олово, соль, глина, песок* и т. п.

5. Слова, обозначающие явления природы (погода, различные атмосферные явления, небесные светила, характер местности, водоемы и т. д.): *буря, берег, болото, брод, блеск, ветер, вода, вихрь, гора, гром, град, гроза, дно, долина, дождь, жара, земля, звезда, зной, ил, камень, лед, лес, луг, море, мороз, мгла, небо, озеро, поток, поле, погода, ров, ручей, река, роса, суша, солнце, снег, туча, тьма, тина, тепло, холод, яма* и т. д.

6. Названия, относящиеся к растительному миру: *бук, боб, береза, верба, вяз, горох, граб, гриб, дыня, дуб, ель, желудь, ива, клен, корень, липа, лоза, лопух, лебеда, лист, морковь, ольха, орех, осина, плющ, слива, сосна, тыква, трава, терн, тис, тополь, цвет, хмель, явор, ясень, яблоня* и т. д.

7. Слова, обозначающие домашних животных: *бык, вол, корова, коза, конь, кот, овца, пес, свинья* и некоторые другие.

8. Названия, относящиеся к животному миру: *волк, ворона, гусь, голубь, гад, жук, дятел, еж, ерш, жаба, заяц, зверь, змея, иволга, комар, лисица, лещ, лань, линь, лебедь, лось, муха, мышь, медведь, овод, оса, орел, осетр, олень, окунь, пчела, рысь, рыба, сова, сорока, тур, уж, угорь, хорь, щука, цапля, ястреб* и др.

9. Названия орудий и предметов труда: *весло, ведро, долото, волокно, вилы, грабли, жито, зерно, игла, кол, лен, лыко, лом, масло, мука, мыло, нож, нить, невод, плот, полотно, сало, сад, соха, сито, солома, седло, серп, тесто, цеп, шило* и др.

10. Наименования действующих лиц: *враг, друг, жнец, пастух, пряха, приятель, сосед, слуга, староста, сторож, холоп* и др.

11. Ряд слов, представляющих собой выражение абстрактных понятий: *вера, воля, вина, гнев, грех, дух, жалость, зло, кара, милость, мысль, правда, радость, сила, страх, счастье, смерть, старость, стыд, слава, сон, смех, свобода, труд, тревога, честь, цена, шум, ярость* и др.

Значительную группу слов общеславянского происхождения образуют и глаголы, среди которых мы находим как наименования привычных и необходимых действий или состояний, так

и обозначения, представляющие производственные и общественно-политические термины. Ср.: *лечь, сидеть, спать, вянуть, мыть, дать, клевать, спеть, уметь, плевать, дышать, видеть, есть, брать, идти, звать, плакать, слышать, сосать, знать, расти, бить, печь, врать, бояться, кричать, стоять, гореть, хотеть, стынуть, ползти, умирать, пить, петь, жить, дуть, быть* и др., а также: *шить, ковать, сеять, ткать, толочь, веять, молотить, пасти, прясть, учить, писать, читать, рубить, воевать, мстить, чтить* и т. п.

Не менее важную часть слов, унаследованных из общеславянского языка, в современном русском языке составляют и имена прилагательные. Среди них мы находим обозначения духовных качеств людей (*мудрый, хитрый, добрый, суровый, лютый, злой, глупый, грубый, гордый*); наименования физических качеств человека и животных (*голый, лысый, молодой, старый, косой, глухой, слепой, полный, быстрый* и др.); слова, обозначающие цвет (*белый, желтый, синий, русый, черный, зеленый* и т. п.); слова, обозначающие свойства и качества вещей (*правый, левый, большой, глубокий, короткий, узкий, кислый, ровный, легкий, мокрый, острый, теплый, мягкий, тонкий, густой, частый*) и др.

К общеславянским словам относятся в русском языке также и некоторые числительные (*один, два, семь, десять, сто, пять* и др.); многие местоимения (*я, мы, ты, вы, он, кто, что, сам, весь, мой, наш* и т. п.), отдельные наречия, как правило, местоименные и отприлагательные (*там, тогда, где, вон, как, едва, мимо, скоро, мало, высоко, горько, внутрь, вчера* и т. п.), большинство непроизводных предлогов и союзов (*над, к, при, от, в, у, за, с, без, до, об; и, а, ли, да, но* и т. п.).

Если говорить о морфологическом строении общеславянских слов, бытующих в современном русском языке, то все они являются словами с простой словообразовательной структурой и в своем подавляющем большинстве представляют собой в настоящее время слова корневые, с непроизводной основой.

По своему стилистическому характеру это слова общеупотребительные, межстилевые, необходимая принадлежность как устного словаря, так и лексики книжной, письменной речи.

По своему месту в общем словарном составе нашего языка — это ядро, важнейшая и древнейшая его часть.

В большинстве все эти слова и сейчас имеют то же самое прямое номинативное значение, что и в древности, обозначая как в русском, так и в других славянских языках одно и то же. Однако в отдельных словах можно встретить по разным славянским языкам и иную семантику, не совпадающую с общеславянской или русской. Например, слова *муж* и *жена* в русском языке не сохраняют старого значения „мужчина“ и „женщина“ (ср. семантику корней *муж-, жен-* в производных *мужской* и *женский*). Слово *живот* уже не употребляется (ср. существительное *животное*, сочетание *животный мир* как противоположность

растительному) в значении „жизнь“. Слова *лоно* и *труп* уже не имеют в русском языке сохраняющихся в ряде других славянских языков значений „грудь“ и „туловище“. Слово *палец* только в русском обозначает любой палец, в других славянских языках в этом значении употребляется слово *перст*, а слово *палец* обозначает лишь большой палец. Лишь в русском языке слово *огород* по значению четко противопоставляется слову *сад*. Не имеют уже в русском языке своего старого значения слова *грех* (ошибка) и *грива* (шея); их прежнее значение можно видеть только в производных и в фразеологическом употреблении, ср.: *наделать огрехов, сделать с грехом пополам, дать по загривку*. Только в русском языке для обозначения органа зрения употребляется слово *глаз*, в то время как общеславянское слово *око* является архаизмом и т. д.

Отдельные общеславянские слова, наблюдаемые в других языках, в русском языке уже не употребляются. На их былое существование в нашем языке указывают лишь производные от них. Сюда относятся слова *ул* (ср. польск. и чешск. *ul*), *яро* (ср. чешск. *jaro*), *руб* (ср. болг. *ръб*), *тло* (ср. укр. *тло*), *рудый* (ср. укр. *рудий*), *коварь* (ср. чешск. *kovař*), *корок* (ср. белорусск. *крок*) и т. п. В русском языке эти слова продолжают свою жизнь лишь как составные части слов: *ул* в *улей, улица, переулок, закоулок, проулок; яро* в *яровое, ярка, яркий, Ярило; руб* в *рубец, рубаха; тло* в *дотла, потолок, утлый; рудый* в *русый* (общеслав. основа *rudso-), *румяный, рыжий, рдяный, ржавый, руда, рожь; коварь* в *коварство, коварный*; *корок* в *окорок, на карачках* и т. д.

§ 9. Восточнославянская лексика. Значительно бóльшим по количеству и семантико-словообразовательному разнообразию, нежели разобранная выше общеславянская лексика, является тот пласт слов русского языка, возникновение которого в нем связано уже с особым существованием диалектов древних восточных славян, древнерусского языка (VI — XV вв.).

Он составляет так называемую восточнославянскую лексику, т. е. слова, которые сохранились в русском языке как достояние языковой общности предков русских, украинцев и белорусов. Это, как правило, слова, не встречающиеся в лексике южных и западных славянских языков, хотя в своем большинстве и возникшие на базе общеславянского строительного материала.

Неизмеримо меньше восточнославянских слов появилось на базе заимствованных и усвоенных в это время из других языков (греческого, тюркских, германских).

Восточнославянские (но не общеславянские) по происхождению и времени слова в своей массе связаны с развитием на Руси новых (уже не патриархально-родовых, а феодальных) общественных отношений, с дальнейшим прогрессом культуры, науки, искусства и т. д., с все более глубоким познанием человеком окружающей его объективной действительности.

Этих слов в современной русской лексике очень много, но ученые занимались ими пока весьма недостаточно.

Восточнославянский слой словарного состава нашего языка не только не изучен с семантико-словообразовательной, этимологической, стилистической и других точек зрения, но и не описан (хотя бы предварительно) в сравнении с общеславянским и собственно русским пластами.

Никакого систематизированного перечня основных лексико-словообразовательных групп исконно русских слов, возникших в эпоху языкового единства восточных славян, привести пока что нельзя. Поэтому ограничимся лишь указанием некоторых отдельных примеров, по возможности самых разнообразных по принадлежности к определенному грамматическому классу, значению и словообразовательной структуре.

К восточнославянским (но не общеславянским) словам, например, можно отнести такие слова, как: *совсем* (укр. *зовсім*, бел. *зусім*; ср. польск. *zupełnie*), *галка* (ср. польск. *kawka*), *тут* (ср. польск. *tu, tutaj*), *снегопад* (укр. *снігопад*, бел. *снягапад*; ср. болг. *снеговалеж*), *говорун* (ср. чешск. *mluvka*), *снегирь* (бел. *снягір*, укр. *снігур*; ср. серб. *зимовка*), *пузырь* (укр. *пузир*, бел. *пузыр*; ср. чешск. *měchyř*), *горбоносый* (укр. *горбоносий*, бел. *гарбаносы*), *добреть* (укр. *добріти*, бел. *дабрэць*), *ледяной* (укр. *льодяний*, бел. *ледзяны*; ср. польск. *lodowy*), *горячиться, шарик, после, пустышка, горошина, поясок* и т. п.

Не следует думать, что разбираемые здесь слова, возникшие в древнерусском языке, можно определить на основе фонетических примет, вроде полногласия, *ж, ч* на месте старых **dj, *tj*, начального *о* из более древнего **je* и т. д.

Подобные фонетические факты говорят лишь о том, что эти слова оформлены целиком или в какой-то своей части по законам восточнославянской фонетики, но отнюдь не о их происхождении в период VI — XV вв. и распространенности во всех восточнославянских языках. Эти слова могут быть как более раннего происхождения (т. е. общеславянской еще эпохи), так и более позднего (т. е. эпохи раздельного, самостоятельного существования трех восточнославянских языков).

Такие, например, слова, как *здоровый, берег, дерево, порох, холод, сторож, золото, межа, свеча, один, озеро* и т. п., являющиеся с современной точки зрения корневыми, представляют собой по происхождению общеславянские слова. Восточнославянским в них является лишь их звуковая оболочка и в ряде случаев значение.

Такие, например, слова, как *одеревеневший, дороговизна, краснодеревщик, одиночество* и т. п., представляют собой по времени своего возникновения уже собственно русские слова, которым в украинском и белорусском соответствуют другие: укр. *задерев'янілий, червонодеревець, самітність* или *самота*, бел. *адзеравянелы, чырвонадрэўшчык, адзінота*, укр. *дорожнеча* и бел. *дарагоўля* и др.

Более того, эти фонетические приметы не всегда будут даже принадлежностью исконно русских слов: они могут встречаться и в заимствованных словах (ср., например, полногласие в словах *король, шелом, ч* из **tj* в слове *чужой* и т. д.).

Не является в то же время свидетельством обязательно общеславянского происхождения один факт наличия того или иного слова в разных славянских языках: они могли (на базе общего корневого и аффиксного материала) появиться в них и совершенно независимо. О самостоятельном их возникновении в русском и каком-либо другом славянском языке говорят абсолютно различные значения, не допускающие сближений. Например, сербское слово *зимовка* — „снегирь“ и русское слово *зимовка;* русское слово *застава* и чешское слово *zástava* — „заклад, залог“ совершенно друг с другом не связаны и возникли в них самостоятельно, независимо друг от друга на базе одинакового корневого и аффиксного материала уже в эпоху раздельного существования трех групп славянских языков.

Естественно, что возникшие в древнерусскую эпоху слова впоследствии могли иметь и имели подчас различную судьбу в русском, с одной стороны, и украинском и белорусском языках, с другой. Они могли приобретать в них различные значения; например, сохраняя старое значение в украинском и белорусском, получать новое в русском языке; могли частично утрачиваться, заменяясь другими, не говоря уже о претерпеваемых ими изменениях в огласовке.

§ 10. Собственно русские слова. Наиболее многочисленный и разнообразный в структурно-стилистическом отношении и грамматических свойствах пласт исконно русской лексики представляют слова, возникшие уже в эпоху раздельного существования русского, украинского и белорусского языков, т. е. слова собственно русские.

Собственно русскими словами являются такие, которые возникли в нем за период с XV века по настоящее время. Эти слова представляют собой специфическую принадлежность русской речи, и их существование в других языках будет, несомненно, фактом заимствования из нашего языка.

Большинство собственно русских слов, как и слова общеславянские и восточнославянские (древнерусские), возникло на базе своего исконного материала. Однако немало их образовалось и на основе заимствованных, иноязычных слов. Пласт такого рода лексики (исконно русской по происхождению, но содержащей в себе в том или ином виде иноязычные элементы) среди собственно русских слов является несравненно большим и заметным, нежели среди слов, возникших в общеславянскую или древнерусскую эпоху. Он образует в собственно русской лексике особый слой, занимающий своеобразное место среди чисто русских слов

и заимствований. Сюда можно отнести, например, такие слова, как *денежный, шнурок, прошляпить, журнальный, негритянский, помадка, кокетничать, стартовать, вельветовый, трамвайщик, кассирша, капризуля, пробасить* и т. п. Все эти слова содержат иноязычные корни, но все же это не заимствования, а особая часть собственно русской лексики, появляющаяся в результате процессов словообразования русского языка.

В отношении словообразовательной структуры собственно русские слова почти все в своем возникновении являются производными. Исключение представляют отдельные, весьма немногочисленные имена существительные, возникшие при помощи безаффиксного способа словообразования (типа *удаль*). По своему значению собственно русские слова в своей основной части служат для выражения новых понятий, связанных с появлением новых предметов и явлений объективной действительности, с развитием науки, техники и литературы. Значительно меньшую часть составляют собственно русские слова, являющиеся названиями того, что ранее уже было обозначено другими словами.

Хотя собственно русские слова с исторической точки зрения (прежде всего — их семантика и словообразование) изучены значительно больше, нежели восточнославянские слова, систематический перечень всех составляющих их семантико-словообразовательных групп дать пока что затруднительно. Ограничимся поэтому вполне установленными фактами из словообразования и отдельными примерами. К собственно русским словам определенно можно отнести:

1) почти все имена существительные, образованные при помощи суффиксов: *-щик (-чик), -овщик, -льщик, -тельство, -ша* и некоторых других (ср. *каменщик, наборщик, уборщица, гробовщик, чистильщик, вмешательство, надругательство, командирша, маникюрша*);

2) почти все имена существительные, образованные от префиксальных глаголов при помощи безаффиксного способа образования без внутренней флексии (*присед, разбег, зажим* и т. п.);

3) все сложносокращенные существительные (*кожимит, главк, вуз, зарплата* и т. п.);

4) почти все имена существительные на *-тель* со значением действующего предмета (*огнетушитель, взрыватель, углубитель* и др.);

5) подавляющее большинство существительных на *-ость* от прилагательных с иноязычными корнями (*партийность, грандиозность* и т. п.); почти все существительные, образованные при помощи суффикса *-ость* от имен прилагательных на *-тельный* (*внимательность, утомительность* и др.);

6) почти все имена существительные, образованные сложением с одной из иноязычных основ (*миноносец, славянофил, литературоведение, теплотехник, электросварщик, радиоузел* и т. п.);

7) сложные имена существительные, образованные из двух синтаксически равноправных существительных (*овцебык, светотень* и др.);

8) почти все имена прилагательные с суффиксами *-чатый, -чивый* (*бревенчатый, обидчивый, разговорчивый* и т. д.) и немногочисленные прилагательные, образованные с помощью иноязычных приставок от русских прилагательных (*антинародный, архиглупый* и др.);

9) большинство бытующих в нашей современной лексике сложных прилагательных (*дикорастущий, светло-красный, темно-розовый, русско-польский, работоспособный, хлеботоргующий, учебно-воспитательная* и т. д.);

10) глаголы, образованные суффиксально-префиксальным способом от глаголов при помощи одновременного присоединения префикса и агглютинативного суффикса *-ся* (*разбежаться, разоспаться, съехаться, вжиться* и т. п.);

11) многие отыменные глаголы суффиксального образования (типа *сапожничать*) и суффиксально-префиксального образования (типа *обезлюдеть, обезболить, разбазарить*);

12) наречия, образованные от прилагательных на *-ский* суффиксально-префиксальным способом с помощью приставки *по-* и суффикса *-и (по-мальчишески, по-приятельски, по-дружески* и т. д.); наречия типа *по-весеннему, по-серьезному, по-деловому* и т. п.; наречия от причастий, образованные при помощи суффикса *-е* (*торжествующе, угрожающе* и т. д.);

13) подавляющее большинство производных предлогов и союзов (например, *вследствие, насчет, вроде, наподобие, благодаря, вслед; пока, чтобы, ежели, так как)* и т. п.

Число примеров можно было бы увеличить, однако и указанного вполне достаточно для того, чтобы понять, насколько разнообразна и многочисленна собственно русская лексика в современном русском словарном составе.

Многие из указанных семантико-словообразовательных типов являются приобретением очень недавнего времени. К таким, например, можно отнести сложносокращенные слова, появляющиеся в русской лексике с конца XIX века; имена существительные на *-ость* от иноязычных основ, в подавляющей своей массе возникающие с 30-х годов XIX века; слова типа *беспроцентно-выигрышный, фотосъемка* и т. д.

Следует иметь в виду и то, что огромное количество собственно русских слов структурно совершенно не отличается от ранее возникших общеславянских или восточнославянских (древнерусских) слов.

В качестве отдельных примеров собственно русских слов (среди которых есть и аналогичные по способу словообразования возникшим еще в общеславянскую или древнерусскую эпоху) можно привести следующие: *соображать* (ср. укр. *розуміти*, бел. *разумець*), *бросить* (ср. укр. *кинути*, бел. *кінуць*), *обнажать* (ср. укр. *оголяти*, бел. *агаляць*), *здешний* (ср. бел. *ту-*

тэйшны, укр. *тутешній*), *смородина* (ср. бел. *парэчкі*, укр. *порічкі*), *вдруг* (ср. укр. *враз*, бел. *разам*), *вероятно* (ср. укр. *певно, мабуть*, бел. *напэўна*), *глазастый* (ср. укр. *окатий*, бел. *лупаты, зіркасты*), *очень* (ср. укр. *дуже*, бел. *вельмі*), *темнокожий* (ср. бел. *цёмнаскуры*, укр. *темношкірий*), *грустный* (ср. укр. *сумний*, бел. *сумны*), *нужно* (ср. бел. *патрэбна*, укр. *потрібно*), *щи* (ср. бел. *капуста*, укр. *капусняк*), *сочинить* и производные от него слова (ср. укр. *складати*, бел. *скласці*), *поцелуй* (ср. бел. *пацалунак*, укр. *поцілунок*), *сизый, ломоть, сердитый, голубой, седой, парень, чернокожий, глазок, добавочный, нужный* и т. п.

Необходимо иметь в виду, что то или иное слово современной русской лексики, представляющее по времени своего появления общеславянское или древнерусское, может не являться таким в своем современном или некоторых современных значениях. Слово, возникшее как определенный звуковой и структурный комплекс в общеславянскую или древнерусскую эпоху, по своей современной семантике, несмотря на это, может быть специфическим фактом русского языка. Например, слово *красный* было известно уже в общеславянском языке, но имело оно там, как это наблюдается и сейчас в некоторых славянских языках, значение „красивый“ (ср. укр. *красний*). В русском языке это значение сохраняется соответствующим корнем лишь в составе производных от слова *красный* слов: *прекрасный, красноречие, краснобай* и т. д. и в единичных фразеологических оборотах (ср. *красная девица; долг платежом красен; на миру и смерть красна*). Слово же *красный* в современном русском литературном языке служит прежде всего для обозначения красного цвета, который в других языках называется обычно по-старому: словами, образованными от основы *черв-* (ср. бел. *чырвоны*, укр. *червоний*, польск. *czerwony*, болг. *червен* и т. д.).

В этом современном значении (как синоним слов *алый, багряный, пурпурный* и т. д.) слово *красный* является уже не общеславянским фактом, а явлением собственно русским, возникшим в эпоху раздельного существования трех восточнославянских языков. Естественно, что и все слова, образованные от этого слова в данном значении (*покраснеть, краснота, краснотал, раскраснеться* и т. п.), будут являться собственно русскими образованиями.

То же самое можно сказать и о слове *вешать*, которое, являясь общеславянским в значении „делать висящим“ (ср. *вешать пальто на гвоздь*), представляет собой в то же самое время в значении „определять вес“ собственно русское слово. Для обозначения последнего действия („определять вес“) во всех других славянских языках употребляется слово, образованное от *вага* (ср. укр. *важити*, бел. *важыць*, болг. *важа*, польск. *ważyć* и др.). Образованными от слова *вага* в русском языке являются слова *важный, отвага* и т. п.

Слово *обыденный* (или *обыдённый*) по возникновению (из *объ инъ дьнь*) представляет собой восточнославянское слово, имевшее значение „однодневный“ (ср. белорусское *абыдзень* — „в один день“). С тем значением, которое для него характерно сейчас в русском языке („повседневный, обыкновенный, заурядный“), оно является словом собственно русского происхождения, фактом, возникшим уже в эпоху раздельного существования трех языков восточных славян.

Такого рода фактов очень много. Все они объясняются различной судьбой одного и того же по происхождению слова в процессе длительного употребления в определенном языке, обусловливаются процессами семантического переосмысления, которые могут происходить иногда весьма своеобразно даже в самых близкородственных языках.

Поэтому при отнесении какого-либо слова к тому или иному пласту исконно русской лексики следует всегда учитывать и семантические факты: по времени появления в качестве лексической единицы вообще слово может быть значительно древнее, чем оно является в том или ином конкретном значении.

2. ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 11. Понятие „заимствованные слова“. Помимо слов исконно русского происхождения, в лексике современного русского литературного языка немало и фактов заимствованных, пришедших в русский язык из других языков.

В силу длительных экономических, политических, военных, культурных и т. п. связей и отношений русского народа с другими народами в русский язык проникало довольно значительное количество иноязычных элементов лексики.

Этот процесс освоения русским языком некоторых заимствованных фактов не был явлением отрицательным: напротив, он обогащал наш родной язык, который становился благодаря этому еще более емким, выразительным и развитым. Естественно, что все взятое извне перерабатывалось в русском языке, подчиняясь законам русской фонетики и грамматики, правилам русского словообразования и семантической системы.

§ 12. Старославянизмы в лексике русского языка. Среди лексических заимствований в русском языке особое место занимают старославянизмы — слова из близкородственного старославянского языка[1]. Причины появления и укрепления в русской лексике слов старославянского происхождения объясняются историей русского литературного языка, влиянием на него, после

[1] Помимо слов из старославянского языка, в русский язык пришло и некоторое количество фразеологических выражений, словообразовательных элементов, грамматических форм (род. пад. ед. числа прилагательных на *-ыя, -ия* и пр.) и синтаксических оборотов (дательный самостоятельный и т. д.).

появления на Руси христианства, старославянского языка, который в течение очень долгого времени был основой для целого ряда разновидностей письменного языка древней Руси.

Входя в русский язык, старославянские слова, как всякие заимствованные словарные единицы, подвергались переоформлению в соответствии с внутренними законами развития языка: изменялись (если они имели в своем составе звуки, нехарактерные для русской фонетической системы) со стороны звучания, приобретали новые значения и стилистические качества и т. д. Например, старославянские слова мощь, овощь, пещера и т. п., включающие слитный мягкий звук шт, начинали произноситься как *мощь, пещера, овощ:* несвойственный русской произносительной системе звук шт заменялся наиболее близким по акустическим свойствам звуком *щ*.

Такое переоформление старославянских слов являлось очень важным фактом, так как оно включало чужое слово, пусть и из близкородственного языка, в лексику русского языка как равноправное с исконно русскими словами. В результате этого некоторые старославянизмы прочно укреплялись в словаре русского языка (например, *враг, время, страна, работа, мощь, между, польза* и др.), иногда даже вытесняя соответствующее исконно русское. Во всяком случае немало примеров, когда старославянские слова так прочно вошли в русский язык, что их неисконный характер в нем вскрывается с трудом и для неспециалиста совершенно не заметен.

Среди слов, пришедших в русский язык из старославянского, следует различать три группы.

Первую группу составляют старославянские варианты (в основном чисто фонетического характера) слов, бывших еще в общеславянском языке, которые были унаследованы и древнерусским языком, но получили в нем специфически восточнославянскую огласовку. Сюда относятся: *брег* (ср. *берег*), *глад* (ср. *голод*), *раб* (ср. древнерусское *роб,* в качестве корня сохраняющееся в диалектном *робенок,* в литературном *ребенок*), *рождать* (ср. *рожать*), *нощь* (ср. *ночь*)и т. д.

Вторую группу образуют старославянские слова, представляющие уже специфические образования старославянского языка. Их не было в общеславянском языке; среди них немало лексических единиц, созданных для передачи соответствующих греческих слов. Если старославянские слова этой группы и имеют исконно русские синонимы, то последние являются или вообще словами с иной непроизводной основой, или при одном корне — словами иной словообразовательной структуры. В качестве примеров можно назвать: *ланита — щека, истина — правда, агнец — ягненок, излить — вылить;* словообразовательные кальки[1] с греческих слов: *бездна, совесть, мудрость, благодарить* и т. п.

[1] О них см. ниже, § 19.

К третьей группе относятся семантические старославянизмы, т. е. общеславянские по времени появления слова, получившие в старославянском языке особые значения и с этими значениями вошедшие в древнерусский язык. Так, семантическими старославянизмами по происхождению будут являться в русском языке слова *бог, грех, блуд* и т. п. в их современных значениях (ср. старые значения этих слов, выступающих в качестве основной части производных: *богатый, огрех, заблудиться*) и т. д.

Следовательно, в данном случае старославянским по происхождению будет лишь то или иное значение, само же слово по времени своего возникновения будет общеславянским.

О старославянском происхождении многих лексических старославянизмов можно заключить, только хорошо зная историю их употребления в русском языке, старославянский и древнерусский словарные составы, древние письменные памятники и т. д.

Однако весьма значительный ряд старославянизмов выделяется по определенным приметам. Эти приметы могут быть фонетическими, словообразовательными и семантическими.

О старославянском происхождении корневых слов, значимых частей слов (корней, суффиксов, приставок), а в ряде случаев и целых производных слов говорят прежде всего следующие фонетические особенности старославянского языка (в отличие от фонетических особенностей русского):

1) неполногласные сочетания *-ра-, -ла-, -ре-, -ле-* между согласными в соответствии с русскими полногласными сочетаниями *-оро-, -оло-, -ере-: нрав, врата, жребий, злато, смрад, здравый, краткий, мрак, пленить, храм, трезвый, пламя, власы, сладкий, храбрый, хранить, драгой, прах, чреда* и т. п.;

2) сочетания *ра-, ла-* перед согласными в начале слов в соответствии с русскими начальными сочетаниями *ро, ло* (из **ort, *olt*): *раб, разум, равный, разный, ладья* и т. д.;

3) сочетание *жд* на месте русского *ж* (из **dj*): *вождь, между, одежда, прежде, рождение, нужда, жажда, вежды* и др.;

4) звук *щ* (как замена старославянского звука шт) в соответствии с русским *ч* (из **tj*). Это *щ* в данном случае чередуется с *т* (*щ*, чередующееся с *ск* и *ст*, наблюдается и в исконно русских словах: *рост — роща, хвост — хвощ, блеск — блещет, треск — трещотка* и др.): *мощь, пещера, освещать, общий, овощи, поглощать, сущий, вещество* и т. п.;

5) начальный звук *е* вместо русского *о*: *есень* (ср. *Есенин*), *елень, езеро* (ср. *Езерский*), *единый, единица* и пр.;

6) начальное *ю* вместо русского *у*: *юноша, юг* (ср. производное от исконно русского *уг — ужин*), *юдоль, юродивый* (ср. *урод*) и немногие другие;

7) начальное *а* на месте русского *я*: *агнец, аз* (ср. древнерусское *язъ* [современное *я*]);

8) твердое *з* (из *г*) на месте русского *з* мягкого: *польза* (ср. *нельзя*), *осязать*.

Иногда указывается, что старославянскими словами являются также слова, в которых звук *е* под ударением и не перед мягкими согласными не изменился в *о* (*перст, небо, крест, жертва, скверна, мерзкий* и т. п). Это не совсем точно.

Звук *е* под ударением не перед мягкими согласными произносился как *е*, а не как *о* с предшествующей мягкостью согласного не только в старославянском, но и в древнерусском языке, произносится как *е* в этом положении и сейчас в некоторых диалектах (ср. дразнилку: *Сидит Сережка на березе и ест лепешки* [Ряз. обл.]).

Поэтому произношение *е* в указанной фонетической позиции не может быть приметой старославянского происхождения слов, оно является свидетельством лишь особой — книжной, церковнославянской — огласовки того или иного слова.

Среди названных выше слов, в которых *е* не переходит в *о*, имеются действительно старославянизмы, но о том, что они старославянизмы, говорит не произношение в этих словах звука *е* без изменения в *о*, а их история, значение и стилистические качества.

Кроме фонетических признаков слов старославянского происхождения, могут быть и словообразовательные приметы (иначе их иногда называют морфологическими). Сюда относятся некоторые суффиксы, приставки и отдельные модели образования сложных слов:

1) суффиксы *-ствие (действие, бедствие), -чий (кормчий, зодчий), -знь (жизнь, болезнь), -ыня* в отвлеченных существительных *(гордыня, святыня), -тва (молитва, битва); -ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ- (горящий, несущий), -есн- (древесный, чудесный);*

2) префиксы *из- (испить, изыди, изгнать)* и *низ- (ниспадать, низвергать);*

3) первые части сложений в виде *зло-, добро-, благо-, богосуе-* (из которых многие — кальки с греческих слов): *злословить, добродетель, благословение, благородный, благодарить, богоборец, богослов, суеверие* и т. п.

На старославянское происхождение того или иного слова может указывать также и их семантика, их смысловое значение (выражение ими религиозных понятий, обозначение предметов и явлений церкви и т. п.).

По семантическому признаку (фонетические и словообразовательные приметы в них отсутствуют) к старославянизмам можно отнести такие слова, как *суета, соблазнить, воскресение, таинство, образ, креститель, святой, страсть* (страдание; ср.: „страсти господни"), *кадить, пророк, творец* и т. п.

Следует предупредить против зачисления всех без исключения слов, имеющих указанные только что признаки, в слова старославянского происхождения.

О старославянском происхождении какого-либо слова определенно свидетельствуют из приведенных только фонетические признаки, но и то лишь в том случае, если они встречаются в корневых словах, в словах с непроизводной основой.

Производные же слова, содержащие в своем составе какой-либо старославянский элемент, имеющие религиозно-церковное значение, могли возникнуть и возникали на базе старославянских слов или по их модели и в книжном древнерусском языке (такие слова можно назвать церковнославянизмами).

Производные слова со старославянскими корнями или созданные по словообразовательным моделям старославянского языка появлялись в русском литературном языке и в новое время. Поэтому следует иметь в виду, что далеко не всякое производное слово, имеющее тот или иной старославянский элемент, является старославянизмом. Например, слово *предрассуждение* (ср. в „Вольности" Пушкина: *В сгущенной мгле предрассуждений*) имеет три несомненных фонетических признака старославянского языка: неполногласное сочетание в *пред-* (ср. *перед-*), начальное сочетание *ра-* перед согласным в *рас-* (ср. *рос-* в *россыпи, росчерк*) и сочетание *жд* (ср. *суженый*). Тем не менее, отнеся слово *предрассуждение* к старославянским, мы бы совершили ошибку. В действительности это слово, как и слово *предрассудок*, возникло в русском литературном языке во второй половине XVIII века в качестве кальки французского слова *préjugé*.

Мы уже не говорим о таких словах, как *мясохладобойня, формирующий* и т. п., появившихся лишь в советское время.

И, напротив, могут быть такие старославянизмы, в которых никаких формальных старославянских признаков нет, и о их старославянском происхождении свидетельствует лишь историческая лексикология (ср. *свидетель* — древнерусским было *послух, убийца* — древнерусским было *головник*, откуда современное *уголовник* и т. п.).

Старославянские слова, войдя в русский язык, не все обрусели в нем в одинаковой мере. Судьба отдельных старославянизмов в нашей речи была весьма разнообразной.

Одни старославянизмы настолько обрусели, что совершенно потеряли свою специфическую стилистическую окраску и значение, стали неотъемлемой принадлежностью межстилевой, общеупотребительной лексики, например: *время, враг, сладкий, праздник, храбрый, брань, срам, вред, член, бездна, овощи, общий, среда, нужда, плен, влага, здравствуй, казнь* и т. п. [1].

В своем большинстве эти общенародные по употреблению старославянизмы представляют собой слова, вытеснившие соответствующие исконно русские.

Другие старославянские слова, не осознаваясь уже как чужие и являясь обычными словами активной лексики современного рус-

[1] Некоторые из них прочно вошли даже в диалектную речь, ср. *благо* много), *страм, блажной, прах* (чёрт), *оглашенный* и др.

ского литературного языка, тем не менее выглядят как книжные, являются принадлежностью прежде всего письменной речи, например: *жажда, благо, бремя, творец, истина* и т. д.

В том случае, если эти книжные по стилистической окраске старославянизмы употребляются рядом с дублетными формами исконно русского происхождения, они имеют иное, более абстрактное значение (*хранить, здравый, краткий, нрав, власть, вращать, совратить, мощь* и т. д.; ср. значение слов *хоронить, здоровый, короткий, норов, волость, ворочать, своротить, мочь*).

Многие старославянизмы (третья группа) в настоящее время в отличие от названных выше не входят в активный словарный запас современной лексики, употребляются в нем как устаревшие слова с определенной стилистической окраской (архаичности, торжественности, риторичности и т. д.). Сфера употребления их все более суживается, и они постепенно уходят из языка, например: *нощь, хощу, дщерь, брег, глас, древо, чреда, злато, хлад, длань, агнец, алкать, отверзать, лобзание, предтеча, глагол* (в значении „слово“: ***Глаголом*** *жги сердца людей*), *риза* (в значении „одежда“: *И* ***ризу*** *влажную свою сушу на солнце под скалою. П.*) и т. д.

Такие старославянизмы составляют один из наиболее важных пластов устаревшей лексики (о ней см. ниже, § 27).

Следует иметь в виду, что в начале XIX века некоторые старославянские слова устаревшего характера употреблялись в поэтической речи рядом с соответствующими исконно русскими совершенно безразлично, без каких-либо стилистических, художественно-выразительных установок. Такое безразличное употребление то старославянского, то исконно русского слова в подобных случаях определялось лишь чисто версификационными целями (т. е. ритмом и рифмой) и может быть охарактеризовано как одна из поэтических вольностей. Особенно ярко оно проявлялось в использовании неполногласных и полногласных вариантов одного и того же значения.

В „Евгении Онегине“ А. С. Пушкина мы, например, находим: *Онегин, добрый мой приятель, родился на* ***брегах*** *Невы* и *Иди же к невским* ***берегам,*** *новорожденное творенье; Внемлите мой печальный* ***глас*** и *В глуши звучнее* ***голос*** *лирный* и т. д.

От лексических старославянизмов, т. е. слов, пришедших в русский язык из старославянского, следует отличать, если данное языковое явление рассматривается с генетической точки зрения, книжные слова, возникшие по модели или на базе старославянских уже в русском литературном языке.

Нередко собственно старославянские слова и слова, появившиеся в результате использования старославянских элементов в древнерусском письменном языке, объединяют, называя церковнославянизмами, или славянизмами.

В этом случае, по существу, учитывают не генетическую сторону дела, а стилистическую и семантико-словообразовательную,

принимают во внимание прежде всего уже не происхождение соответствующих слов в русском языке, а сферу их употребления.

§ 13. Иноязычные элементы в лексике русского языка. Основным способом обогащения словарного состава русского языка на всем протяжении его развития было образование новых слов на базе существующего уже в нем лексического материала. Причем эти процессы создания и возникновения в русском языке новых слов, естественно, происходят по тем законам словообразования, которые для нашего языка характерны.

Вместе с тем было бы неправильно не учитывать и еще один источник пополнения словаря — использование русским языком словарного богатства других языков, иногда весьма далеких по своей структуре и происхождению. Это использование иноязычной лексики может быть различным. Рассматривая, например, слова *дельта, одеколон, карий, небоскреб, плоский* („пошлый“), мы придем к выводу, что во всех них отражается иноязычное влияние, но отражается по-разному. Нерусское, заимствованное здесь выступает перед нами как факт разной полноты, характера и качества.

И это вполне понятно. Дело в том, что из других языков могут заимствоваться как слова в виде целых номинативных единиц, т. е. звуковые комплексы с определенными значениями, так и лишь их отдельные элементы (структура, значение). В связи с этим среди лексических фактов, в которых находит отражение иноязычное влияние, нужно различать, с одной стороны, такие, которые объясняются прямым заимствованием, а с другой — такие, которые возникли в результате калькирования.

В соответствии с этим следует различать 1) иноязычные слова и 2) кальки (от французского *calque* — „копия на прозрачном листе, подражание“).

Среди приведенных выше слов *дельта, одеколон, карий* являются иноязычными, что же касается слов *небоскреб* и *плоский* („пошлый“), то это кальки (*небоскреб* — словообразовательная калька с англ. *skyscraper*, *плоский* („пошлый“) — семантическая калька с французского *plat*).

§ 14. Иноязычные слова. Иноязычные слова в лексике современного русского литературного языка хотя и представляют собой довольно многочисленный пласт, но тем не менее не превышают 10% всего его словарного состава. В общей лексической системе языка лишь небольшая их часть выступает в качестве межстилевой общеупотребительной лексики; подавляющее же большинство имеет стилистически закрепленное употребление в книжной речи и характеризуется в связи с этим узкой сферой применения (выступает как термины, профессионализмы, варваризмы, специфически книжные слова и т. д.).

Бытующие сейчас иноязычные слова в большинстве были заимствованы вместе с вещью, явлением или понятием и т. д. (*зонтик* — из голландск. яз., *диск* — из греч. яз., *вензель* — из польск. яз., *бульвар* — из франц. яз., *бокс* — из англ. яз.,

чалый — из тюркск. яз., *помпа* — из лат. яз., *квартет* — из итальянск. яз., *штатив* — из нем. яз. и т. д.), однако немало их пришло в русский язык и в качестве новых обозначений того или иного факта или понятия, имевшего до этого исконно русское наименование (ср. *специфический* — из франц. яз., *лошадь* — из тюркск. яз., *февраль* — из лат. яз. и т. п. и исконно русские *особенный, конь, лютый*).

Многие иноязычные слова ясно ощущаются как пришедшие извне. Однако заимствованный характер чужих по происхождению слов чувствуется далеко не всегда: иноязычность целого ряда заимствованных слов можно вскрыть лишь при помощи специального лингвистического анализа.

Различие между явно нерусскими по происхождению словами и словами, в которых сейчас их иноязычность совершенно не ощущается, объясняется и временем их заимствования, и сферой их употребления.

Давние заимствования общенародного характера в ряде случаев прочно вошли в плоть и кровь русского языка (ср. слова *тетрадь, свекла* — из греч. яз., *билет, суп* — из франц. яз., *карман, деньги* — из тюркск. яз. и т. д.). Недавние заимствования узкой сферы применения в ряде случаев удерживают в своем составе даже некоторые чуждые русскому языку фонетические и морфологические свойства (ср. *пенсне, денди, интервью, модель, репертуар, кенгуру, нокаут, жюри* и т. д.).

Естественно, что иноязычность вторых ясна любому русскому человеку, в то время как неисконное, чуждое происхождение первых становится известным только после специальных этимологических разысканий.

Более радикальная переработка иноязычного слова происходит тогда, когда оно заимствуется в процессе устного общения: заимствованное слово в таком случае испытывает серьезные изменения в своей огласовке, заметнее меняется его значение, быстрее происходит грамматическое приспособление к законам и правилам русского языка (ср. заимствованные из немецкого языка слова *кустарь, маляр, пара — Künstler, Maler, Paar*).

В подавляющем большинстве иноязычное слово того или иного грамматического класса является словом той же самой грамматической категории и в русском языке. Однако в некоторых случаях такого соответствия не наблюдается: слово, являющееся в русском языке именем существительным, генетически может восходить не только к слову иной части речи, но и к целому словосочетанию или какой-либо форме слова (*рояль* — франц. *royal* — „королевский“, *кандидат* — лат. *candidatus* — „одетый в белое“, *омнибус* — лат. *omnibus* — „всем“, кворум — лат. *quorum* — „которых“, из *quorum praesentia sufficit* — „присутствия которых достаточно“, *кредо* — лат. *credo* — „верую“, *ноктюрн* — франц. *nocturne* — „ночной“, *проформа* — лат. *pro forma* — „для формы“, *республика* — лат. *res publica* — „общественное дело“ и т. п.).

Существующие в настоящее время в русской лексике иноязычные слова пришли в нее в разное время из самых различных языков. Заимствования из одних языков являются в нашем языке единичными, слова из других образуют более или менее многочисленные группы. Довольно большое количество слов, в частности, заимствовано русским языком из тюркских языков, греческого и латинского, польского, а также немецкого, французского и английского. Значительно меньшие группы составляют слова, пришедшие в русский язык из голландского и итальянского. Остальные языки дали русскому языку лишь отдельные слова.

Определяя то или иное слово как иноязычное, следует отграничивать от заимствованных слов слова, возникшие на базе иноязычных уже в русском языке. Слова *ерунда, га, Жоржик, ямщик, спец* и т. п., хотя и возникли на базе иноязычных слов (ср. лат. слово *герундий*, франц. *гектар*, франц. *Жорж*, тюркск. *ям*, франц. *специалист*), являются по своему возникновению исконно русскими словами.

Устанавливая, из какого конкретного языка идет заимствование, необходимо четко разграничивать этимологический состав слова и его возникновение именно как слова в том или ином языке. Нельзя, например, слово *велосипед*, основываясь на том, что оно состоит из латинских корней *velox* — „быстрый“ и *pedes* — „ноги“, считать латинским, так как оно возникло во французском языке. Неверно будет слова *гранит, гранат* и *граната* (имея в виду его корень латинского происхождения *granum* — „зерно“) все считать латинскими словами. Тогда как слово *гранат*, действительно, является латинским словом (ср. *granatum* — „зернистое яблоко“), слова *гранит* и *граната* являются соответственно: первое — итальянским, второе — немецким.

Слова *фортель, рынок, герб* не являются в русском языке немецкими заимствованиями: это полонизмы, так как и значения этих слов, и их звучание коренным образом отличаются от тех немецких слов, которые были заимствованы польским языком (ср. *Vorteil, Ring, Erbe*).

При установлении, откуда слово пришло в русский язык, следует особо обратить внимание на необходимость осторожного использования указываемых обычно в пособиях примет: ведь в ряде случаев имеющиеся приметы одинаково могут характеризовать слова ряда языков. Например, иногда начальный звук *э* указывается в качестве характерной приметы слов из греческого языка. Но этим звуком могут начинаться и слова из латинского (*эгоизм, элемент, эра*), из древнееврейского (*эдем*), из французского (*экипаж, эссеист, экран, эшелон*), из английского (*эль*), из немецкого (*эндшпиль, эльф*), из испанского (*эмбарго, эспадрон*) и из арабского (*эмир*) языков. Кроме того, в ряде случаев даются такие приметы словообразовательно-морфологического характера, которые могут быть выделены в подавляющем большинстве слов этого типа только при знании соответствующего языка. Поэтому в практиче-

ских целях после предварительного определения происхождения анализируемого слова по приметам следует прибегать к помощи словарей (как словарей иностранных слов, так толковых и этимологических).

§ 15. Заимствования из скандинавских, угро-финских и тюркских языков. Наиболее ранними заимствованиями в русском языке (исключая иноязычные слова, унаследованные им из общеславянского) были заимствования из скандинавских, угро-финских и тюркских языков. Небольшое количество скандинавских слов вошло в древнюю официально-деловую и бытовую русскую речь, например: *тиун, ябеда, вира, яскъ* (откуда — *ящик*), *ларь, крюк, клеймо, якорь* и некоторые имена: *Рюрик, Аскольд, Дир, Трувор, Игорь, Олег, Рогволод, Синеус* и др.

Небольшое количество слов скандинавского происхождения в русском языке свидетельствует (в числе многих других фактов) о научной несостоятельности так называемой „норманской теории" образования Русского государства.

Из угро-финских языков в русский язык перешло также очень немного слов, из которых больше всего названий животных, рыб, рек, населенных пунктов и др.; ср., например, очень древние названия рек: *Шексна, Истра, Икша* и др., сравнительно поздние названия рыб, птиц и др.: *навага, севрюга, семга, сиг, салака, акула, гагара, пурга, нарты, пельмени, тундра* и др.

Тюркские слова, в число которых входят слова разных народов — татар, печенегов, половцев и др., перешли в русский язык устным путем, видимо, при торговых и военных сношениях, и относятся главным образом к быту, к одежде и обиходу. Особенно много вошло в русский язык из тюркских языков названий утвари, одежды, названий лошадиных мастей и т. д.: *кистень, кандалы, кабала, улус, юрта, очаг, арба, сундук, кабан, аркан, аргамак, тарантас, чепрак, чалый, буланый, гнедой, башмак, башлык, армяк, колпак, зипун, кушак, кумач, тулуп, алый, шаровары, сагайдак, каблук, бахрома, кошма, кисет, чекмень, каракуль, алтын, деньга, баскак, толмач, хан, орда, карга, ярлык, таган, торба, чумак, топчан* и др.

Слова из тюркских языков проникали к нам еще до татарского ига. Известный тюрколог Мелиоранский считает, что в домонгольский период к нам проникли такие, например, слова, как *арба, лачуга, орда, аркан, улус, бисер, клобук, коврига, кумыс*, позже такие, как *бадья, барыш, визирь, карандаш, тютюн, чалма, балбес, ералаш, караван*. Яркой приметой тюркских по происхождению слов является сингармонизм [1]. Проявление сингармонизма в различных тюркских языках разное.

§ 16. Греческие и латинские слова в составе лексики русского языка. В русском языке немало греческих слов. Различают

[1] Сингармонизмом, или гармонией гласных, называется такое явление, когда в одном слове могут быть гласные только одного — или переднего, или заднего — ряда.

два периода в усвоении русским народом греческих слов: византийский и более поздний. Еще до принятия христианства Русь имела оживленные торговые сношения с Грецией. На северном берегу Черного моря был ряд греческих колоний, например Корсунь, Судак и др. Многие термины богослужения [1] пришли из греческого через посредство старославянского языка. Но особенно усилилось влияние греческого языка в XVI веке, когда в школах южной Руси и в Москве усиленно изучался греческий язык.

В первые века русской письменности влияние греческого языка на русский шло в основном через старославянское посредство. В наш язык переносились слова главным образом из сферы церковно-богослужебной: *акафист, амвон, анафема, архангел, патриарх, архимандрит, архиерей, антихрист, демон, литургия, епископ, келья, схима, панихида, ангел, клирос, монах* и др. Попадали в русский язык и слова, представляющие собой названия бытовых предметов, например: *фонарь, лохань, лента, свекла, скамья* и др.

Под воздействием греческого языка у нас развивались и многие модели сложения слов из двух корней (ср.: *благообразный, велемудрый, благодушие, живописец, сребролюбие* и др.).

Очень много греческих слов перешло к нам книжным путем непосредственно или через другие языки: *алфавит, апостроф, аспид, диадема, диалект, диафрагма, дракон, идея, идиллия, кипарис, кафедра, кимвал, кедр, лексикон, металл, мистика, музей, миндаль, обелиск, техника, сурик, охра, синтаксис, грамматика, стих, комедия, трагедия, физика, хронограф, логика, ипподром, гигант, деспот, пирамида, скипетр, стадия, хартия, театр* и др.

Как видно из перечня слов, из греческого языка заимствовались или слова, обозначающие церковно-религиозные понятия, или термины науки, культуры и быта. Немало из него было заимствовано и собственных имен: *Евгений, Василий, Евдокия, Софья, Елена, Александра, Федор* и др.

Многие из этих греческих слов вошли в состав русской лексики так прочно и стали настолько привычными, что их даже трудно отличить от исконно русских слов, например: *свекла, кровать, тетрадь* и др.

Большое влияние оказал на русский язык в области лексики и второй древний язык — латинский. Латинские слова большей частью относятся к сферам понятий искусства, науки и техники, политических и общественных отношений. Вот несколько примеров: *автор, структура, экзамен, операция, аудитория, индукция, юстиция, республика, формула, цензура, депутат, делегат, ректор, декан, архивариус, экспедиция, экскурсия, пропорция, конституция, лаборатория* и т. д.

[1] В связи с официальным принятием христианской веры при князе Владимире в 998 г.

Из латинского языка заимствовались не только отдельные слова, но и целые выражения, например: *status quo* (существующее положение), *terra incognita* (неизвестная земля), *tabula rasa* (чистая доска) и др.

§ 17. Западноевропейские слова в составе русской лексики. Слова из других языков. С конца XVI до середины XVII века западноевропейские языки оказывали влияние на русский через посредство польского языка. Поэтому в русской речи стали употребляться слова из польского языка или из других языков, но в польской фонетико-морфологической обработке, например: *вензель, сбруя, местечко, писарь, полковник, шляхта, краковяк, мазурка, франт, аренда, жупан, зразы, клянчить.* Через польский в русский язык приходили и чешские слова (*прапор, угол, наглый*), и немецкие (*замша, барвинок, имбирь, пастернак*) и др.

При Петре I количество переводов с польского стало сокращаться, но зато усилилось заимствование непосредственно из языка-источника.

Широкие административные и военные реформы Петра I повлекли за собой появление в русском языке большого количества иностранных слов, названий бытовых вещей и терминов. Считается, что четвертая часть всех иноязычных слов была заимствована именно при Петре I.

Н. А. Смирнов в своей книге „Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху" так описывал проникновение в нашу речь иностранных слов: „Появляются теперь *администратор, архивариус, аудитор, бухгалтер, герольдмейстер, губернатор, инспектор, камергер, канцлер, ландгевдинг, министр, полицмейстер, президент, префект, ратман* и другие более или менее важные особы, во главе которых стоит сам *император*. Все эти персоны в своих *амите, архиве, гофгерихте, губернии, канцелярии, коллегиуме, комиссии, конторе, ратуше, сенате, синоде* и в других административных учреждениях, которые заменили недавние думы и приказы, *адресуют, аккредитуют, апробуют, арестуют, баллотируют, конфискуют, корреспондуют, претендуют, секондируют, трактуют, экзавторуют, штрафуют* и т. д. *инкогнито*, в *конвертах, пакетах* разные *акты, акциденции, амнистии, апелляции, аренды, векселя, облигации, ордера, проекты, рапорты, тарифы* и т. п."[1].

В начале XVIII века в силу исторических условий русский язык пополнился словами из немецкого, голландского, французского и английского языков.

Из немецкого[2] к нам пришли военные, технические, торговые и другие термины.

[1] Н. А. Смирнов, Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху, СПБ, 1910, стр. 4—5.

[2] Было бы неверным утверждать, что немецкие слова начали проникать только с начала XVIII века. В русский язык стали проникать немецкие слова еще с XIII века, когда на берегах Балтийского моря образовался немецкий

Из военной области: *гауптвахта, вахта, ефрейтор, фельдъегерь, фельдмаршал, фельдфебель, штурм, штаб* и др.

Из области ремесла: *верстак, штамп, рашпиль, клейстер, шифер, штатив, шпиндель, слесарь, штейгер* и др.

Из области искусства: *ландшафт, мольберт, капельмейстер, танцмейстер, валторна* и т. д.

Из области домашнего обихода и одежды: *кухня, бутерброд, крендель, паштет* и др.; *камзол, галстук, фартук, фланель, обшлаг* и др.

Из области охоты: *ягдташ, патронташ* и др.

Из области игр и развлечений: *танцы, кегли, фанты, кегельбан* и т. п.

Голландские слова, проникшие в русский язык при Петре I, были главным образом из сферы морского дела: *гавань, фарватер, кильватер, киль, шкипер, верфь, кабель, рея, трап, дрейф, каюта, крейсер, руль, кок, люк, рейд, вымпел* и др.

Французские слова начали проникать в русский язык также при Петре I, но особенно много французских слов появилось у нас в конце XVIII — начале XIX века. Употребление многих из вошедших тогда в русский язык французских слов объясняется подражанием всему французскому, настоящей галломанией, охватившей в то время русское дворянство.

Французские слова употреблялись и в салонном жаргоне дворян, и в литературе. Русский язык не имел еще в это время разработанной абстрактной лексики, поэтому западноевропейские элементы словаря, в том числе и французские, восполняли имевшиеся пробелы. Однако использование французской лексики очень часто тогда определялось не потребностью, а модой, доходившей нередко до нелепостей, что и высмеивалось нашими лучшими писателями (например, Фонвизиным в „Бригадире", Грибоедовым в „Горе от ума").

Дворянство подражало прежде всего французам в быту. Особенно много усваивалось французских слов обихода, например: *драп, трико, капот, корсет, кашне, корсаж, жилет, пальто, манто, фрак, браслет, вуаль, жабо, драпри, этаж, комод, кабинет, салон, туалет, трюмо, люстра, абажур, портьера, сервиз, канделябр, бра* и др.

Немало было заимствовано из французского языка и военных терминов, например: *капитан, сержант, авангард, марш, манеж, редут, батальон, салют, гарнизон, курьер, лейтенант, блиндаж, сапер, корнет, десант* и др.

Прочно вошли в наш обиход и слова французского происхождения, являющиеся терминами искусств.

В театре мы будем сидеть в *партере* или *бельэтаже*, слушать *пьесу*, смотреть на *актера* и не чувствовать работы *суф-*

орден меченосцев, с которыми русские и воевали, и торговали (ср., например, слово *мастер*).

лера, режиссера; пойдем в *антракте* в *фойе*, будем говорить о *сюжете, амплуа актрисы* и т. д. Французскими словами являются и *бенуар, рампа, репертуар, фарс, балет, жанр, тапер* и т. д.

Из французского языка были усвоены также некоторые термины торговли, например: *аванс, баланс* и др.

Из английского языка проникали в русский язык еще при Петре I термины кораблестроения. Начиная с XIX века приходят в русский язык также и термины железнодорожного дела, общественной жизни, быта и спорта, например: *мичман, вокзал, рельсы, трамвай, клуб, бойкот, митинг, локаут, лидер, бюджет, сквер, коттедж, пудинг, пунш, виски, грог, джин, кросс, футбол, баскетбол, волейбол, бокс, жокей, спиннинг* и др.

Так как Италия издавна славилась музыкой, музыкальная терминология заимствовалась из итальянского языка, например: *альт, каватина, канцона, тенор, пиано, модерато, ария, бемоль, арлекин, балерина, браво, либретто, аллегро* и др.

Имеются в русском языке итальянские слова и из других сфер, например: *барокко, мезонин, арка.* Через французский из него же к нам пришли слова: *баррикада, бронза, бастион, карнавал, арсенал, шарлатан, балкон, балюстрада, баул, баста* и др.

Немало слов попало в русский язык через французский и из испанского языка: *эстрада, мантилья, кастаньеты, сигара, томат* и др.

Остальные языки дали русскому языку лишь отдельные слова, например: *борщ, бондарь, завзятый, буханка, бублик, дивчина, парубок* (из украинского); *робот, полька, краля* (из чешского); *чай, каолин, фанза* (из китайского); *бекеша, хутор, гуляш* (из венгерского); *халва, алгебра, гарем, нашатырь* (из арабского); *кимоно, гейша* (из японского); *инжир* (из персидского); *плис* — из шведского; *кули* — из индийского; *какаду* — из малайского; *наган* — из бельгийского и т. п.

§ 18. Переоформление иноязычных слов в русском языке. Заимствуя то или иное слово, русский язык редко усваивал его в том виде, в каком оно было в языке-источнике. Различия в звуковом строе, грамматике, семантике, словообразовательных свойствах, существующие между русским языком и тем, откуда приходило слово, вели к тому, что чужое слово изменялось, приспособляясь к фонетическим нормам, грамматическим правилам, словообразовательным моделям и семантическим законам русского языка, т. е. переоформлялось.

Совершенно обязательна словообразовательная обработка слова, состоящая в присоединении соответствующих аффиксов, в том случае, если заимствуется глагол или прилагательное. Слова вроде немецк. *marschieren* и франц. *naïf* становятся фактами русского языка, только получая характерные для русских глаголов и прилагательных аффиксы *-овать* и *-ный* — *маршировать, наивный* и т. д.

При заимствовании существительных такого переоформления может и не быть (ср. франц. *marche* и русск. *марш*, греческ. *lyra* и русск. *лира*, латинск. *norma* и русск. *норма*, франц. *taxi* и русск. *такси* и т. д.).

При усвоении иноязычного слова происходит устранение в нем несвойственных русскому языку звуков и форм; звуки, составляющие слово, подчиняются действующим в нашем языке звуковым законам; оно приобретает грамматические и словообразовательные свойства, характерные для того класса слов, в который входит, и вступает в новые семантические связи и т. д.

Немецкое слово *Losung* на русской почве начинает произноситься с твердым *л*, в соответствии с произношением на конце твердого согласного становится словом мужского рода, теряет артикль и производный характер основы (суффикс *-ung* у нас не чувствуется), входит впоследствии в синонимические отношения со словом *призыв* и т. д. Латинское слово *aquarium* коренным образом меняет свои словообразовательно-морфологические свойства, превращаясь в русском языке из производного прилагательного среднего рода в непроизводное существительное мужского рода *аквариум*. Неспециалистом в слове *аквариум* не осознается ни корня, ни суффикса, ни окончания (ср. лат. *aqua* — вода), ни этимологического родства со словами *акварель, аквамарин, акведук*. Французское слово *манто* (*manteau*) при заимствовании теряет несвойственный русскому языку носовой звук и превращается в слово среднего (отсутствующего во французском языке) рода. Греческое существительное среднего рода в форме именительного падежа множественного числа *seukla* испытывает метатезу (eu > ue) и становится формой именительного падежа ед. числа существительного женского рода *свекла* (*а* — из окончания им. пад. множ. числа — становится окончанием им. пад. ед. числа) и т. д.

Конечно, не всегда переоформление какого-либо иноязычного слова проводится последовательно, до конца. Некоторые из заимствованных слов живут в русском языке с некоторыми свойствами, ему чуждыми. К ним можно отнести из фонетических — произношение твердых звуков *д* и *т* перед *е* (ср. *ателье, модель, шоссе, мэр* и т. п.) из морфологических — свойство не склоняться (ср. *пальто, бюро, какаду, досье* и т. д.).

Помимо иноязычных слов, в русском языке существует некоторое количество (как правило, малопродуктивных) „заимствованных" словообразовательных морфем (например, суффиксы *-изм, -ист, -аж, -ер, -ация* и т. п., приставки *а-, анти-, ре-, де-, архи-* и пр.). Они рассматриваются, как и исконно русские словообразовательные элементы, в морфологии. Здесь только следует отметить, что сами словообразовательные аффиксы не заимствуются. Перенимаются слова, содержащие эти морфемы. Выделение того или иного словообразовательного элемента происходит уже потом, когда образуется хотя бы небольшая группа одноструктурных слов, пришедших в русский язык вместе с родственными словами (ср. суф-

фикс *-аж* в словах *массаж, пилотаж, тоннаж* и т. п., имеющихся у нас рядом со словами *массировать, пилот, тонна* и пр.).

§ 19. Лексические кальки. Среди имеющихся в русском словарном составе лексических ка́лек[1] выделяются два вида: кальки словообразовательные и кальки семантические.

Словообразовательные кальки — это такие слова, которые возникли как результат перевода иноязычных слов по составляющим их морфологическим частям, как результат усвоения словообразовательной структуры чужих слов. Иноязычность словообразовательных калек заключается, следовательно, в том, что они возникают по образцу соответствующих по значению иноязычных слов, но этим их „чужеязычие" и ограничивается: корни, аффиксы, их составляющие, не заимствованные, а свои, для русского языка — исконно русские.

Например, калькой с французского слова *subdivision* является слово *подразделение:* оно появилось путем перевода префикса *sub-* префиксом *под-*, корня — *divis* — основой — *раздел-* и суффикса *-ion* — суффиксом *-ение.*

Калькирование в данном случае представляет собой заимствование не слова как такового, а его словообразовательного строения.

Семантические кальки — это такие слова, в которых иноязычным является лишь какое-либо лексическое значение: само слово в своем звучании и словообразовательной структуре является исконным, но одно из присущих ему значений обязано иноязычному влиянию. Следовательно, в данном случае калькируется уже семантика чужого слова.

Необходимо иметь в виду, что такой процесс калькирования значения происходит только тогда, когда чужое слово и свое семантически имеют точки соприкосновения, обладают объединяющими их одинаковыми прямыми, номинативными значениями. Семантической калькой, например, является в русской лексике слово *трогать* в значении „вызывать сочувствие, приводить в умиление", которое появилось в нем под влиянием французского слова *toucher.* Основой для заимствования русским словом переносного значения французского слова послужило их единое прямое значение „прикасаться".

В качестве исходного материала для словообразовательных калек в русском языке выступают почти исключительно слова из греческого, латинского, французского и немецкого языков. Именно эти языки дали русскому языку соответствующий тип слов, выступающих часто рядом с прямыми заимствованиями, обычно иного значения.

Наиболее древними (если не считать калек, появившихся еще в общеславянском языке и из него перешедших в язык древних восточных славян) из словообразовательных калек в русском языке являются те, которые появились как поморфемный перевод анало-

[1] Кроме лексических калек, есть также и фразеологические: *с птичьего полета, синий чулок, разбить на голову* и т. п.

гичных греческих слов. Вот несколько примеров таких калек, различных по времени появления их в русском языке: *согласие* (ср. *симфония*), *азбука* (ср. *алфавит*), *летописец* (ср. *хронограф*), *самодержавие* (ср. *автократия*), *баснословие* (ср. *мифология*), *жизнеописание* (ср. *биография*), *благородный* (ср. *Евгений*), *инок* (ср. *монах*) и т. п.

Словообразовательные кальки, возникшие как следствие перевода по морфемам латинских слов, начали появляться в русском языке в заметном количестве с XVII века. Среди них можно отметить, например, такие: *естественный* (ср. *натуральный*), *обязательство* (ср. *облигация*), *земледелие, падеж, разумность* (ср. *интеллигенция*), *общество, насекомое* (ср. *инсект*), *дательный, предмет* (ср. *объект*), *наречие* и т. п.

В качестве словообразовательных калек французских слов, подавляющее большинство которых появилось в русском языке в конце XVIII века, можно назвать: *хладнокровие, впечатление, предрассудок, расстояние* (ср. *дистанция*), *развлекать, обстоятельство, рассеянный, развлечение* (ср. *дивертисмент*) и др.

Из слов, явившихся плодом поморфемного перевода соответствующих немецких, в основной своей массе возникших в 30—50-х годах XIX века, можно указать: *самоопределение, представление, состоять, очевидный, призвание, немыслимый, односторонний, образованный, целостность* и т. п.

Естественно, что многие из появившихся в свое время словообразовательных калек впоследствии были вытеснены из состава лексики русского языка другими словами, в частности прямыми заимствованиями. Среди таких слов: *звездозаконие* (современное — *астрономия* из греч. яз.), *любомудрие* (современное — *философия* из греч. яз.), *предзнание* (современное — *прогноз* из греч. яз.) и т. д.

Кроме полных калек, в лексике русского языка, как и других, наблюдаются и так называемые полукальки. Полукальки — это слова́, состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного, слова́, которые по словообразовательной структуре точно так же соответствуют аналогичным словам языка-источника. Например, слова *телевидение, гуманность* и т. п. представляют собой именно такого рода полукальки, поскольку одна часть соответствующего нерусского слова (*теле-, гуман-*) заимствована, а вторая переведена по морфемам.

Искусственное *televisia* привело к появлению в русской лексике слова *телевидение,* которое получилось благодаря заимствованию первой (греческой по происхождению) основы *теле-* и калькированию второй (по происхождению латинской): корня *-vis-* через *-вид* и суффикса *-ia* через *-ение* (ср. болг. *телевизия,* чешск. *televise* и т. д.).

Полукальки могут быть и словами, содержащими не два корня, а один. Поясним это на примере слова *гуманность.* Немецкое слово *Humanität* дало в русском языке *гуманность.* Это слово

возникло и укрепилось в русском литературном языке в 40-х годах XIX века благодаря В. Г. Белинскому. Возникло оно путем заимствования корневой части этого слова (*human-*) в виде *гуманн-* и перевода немецкого суффикса, образующего имена отвлеченного качества, *-ität* соответствующим русским суффиксом *-ость*. Неполное калькирование здесь очень близко уже к простой словообразовательной обработке слова по внутренним законам и словопроизводственным моделям заимствующего языка. Однако полностью оно все же с этим явлением не совпадает. Заимствование в данном случае повело бы к тому, что у нас укрепилось бы это слово не в виде *гуманность*, а в виде *гуманитет* (ср. такие заимствованные слова соответствующей словообразовательной модели, как *паритет, авторитет, нейтралитет* и т. п.).

Если словообразовательные кальки имеют довольно разнообразные языковые источники, то кальки семантические отмечаются лишь с французских слов. Кроме отмеченных уже слов *трогать* („вызывать сочувствие, приводить в умиление") и *плоский* („пошлый, банальный"), можно привести в качестве примеров слова *левый, правый* (в политическом значении, ср. франц. *gauche, droit*), *влияние* (ср. франц. *influence*), *черта* (лица, характера и т. д., ср. франц. *trait*), *упоение* (ср. франц. *enivrement*), *вкус* (франц. *goût*), *утка* (ложный слух, ср. франц. *canard*), *гвоздь* (самое главное в чем-либо, ср. франц. *clou*) и т. д.

Для отнесения того или иного слова к калькам необходимо иметь вполне определенные данные, это подтверждающие; одного структурного или семантического совпадения своих слов или оборотов с иноязычными еще совершенно недостаточно. Одинаковость структуры и совпадение в значениях (а следовательно, одинаковые по строению и значению слова) могут возникать в разных языках и самостоятельно, независимо друг от друга.

Говоря о кальках в системе лексики современного русского языка, необходимо, наконец, отметить, что сейчас все больше моделью для калькирования во многих языках становятся наши, русские слова. Достаточно указать на такие кальки в ряде языков, какими являются русские слова *пятилетка, колхоз, ударник, самокритика* и т. п.

§ 20. Отношение к заимствованным словам. В истории русского языка со стороны различных людей и групп отношение к иноязычным элементам было разным: одни считали, что заимствованные слова обогащают русский язык, другие полагали, что заимствование чужого портит русский язык, засоряет его.

Петр I, сам вводя многие иностранные термины, требовал соблюдать меру в их употреблении.

Тредиаковский стремился иностранные слова передавать русскими словами, подыскивая наиболее подходящие для передачи абстрактных понятий свои, русские слова; например, слово *harmonie* передавалось им словом *согласие;* слово *instinct* — словом *побудок* или словосочетанием *тайное побуждение.*

Особенно резко протестовали в XIX веке против заимствования иноязычных слов Шишков и его сторонники, а затем Даль, боровшиеся зачастую не столько с иноязычными словами, сколько с прогрессивными идеями, ими выражаемыми.

Основоположник современного русского литературного языка А. С. Пушкин стоял на более правильной точке зрения: решительно выступая против неумеренного использования заимствованных слов, он прекрасно понимал, что многие иноязычные слова так укрепились в русском языке, что заменять их русскими невозможно и нецелесообразно, особенно если это не галлицизмы только, но и „уже европеизмы" (мы бы сказали — интернационализмы).

В своем отношении к иноязычным словам мы должны исходить из высказывания В. И. Ленина, который в замечаниях „Об очистке русского языка" писал: „Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?" Указывая, как иногда у нас люди без надобности и неправильно употребляют иноязычные слова, В. И. Ленин заключает: „Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?"[1].

Очень правильно понял В. И. Ленина известный советский писатель А. Н. Толстой, который после заметки В. И. Ленина написал статью о чистоте русского языка, где говорится о том, что не нужно от иноязычных слов открещиваться, но не нужно ими и злоупотреблять.

Боролся и А. М. Горький с теми писателями, которые, желая щегольнуть иноязычными словами, проявляли безвкусицу и претензию на манерность.

Особенно внимательно нужно относиться к интернациональным словам. В связи с развитием общественной жизни, науки и культуры во всех странах появляются общие слова. Так, например, слова *революция, конституция, коммунизм* и др. известны каждому народу и везде звучат почти одинаково.

Большая часть интернациональных слов относится: 1) к сферам общественно-политической жизни: *революция, конституция, конгресс, диктатура* и др.;

2) к области науки и техники: *философия, филология, лингвистика, история, география, геология, грамматика, комбайн, лифт, телефон, телеграф* и др.;

3) к области искусства: *роман, пьеса, поэма, драма, комедия* и др.;

4) к области торговли: *экспорт, импорт, баланс, патент, процент, вексель, кредит, дебет* и др.

Большинство интернациональных терминов дали непосредственно древнегреческий и латинский языки, но немалое количество их искусственно образовано из корней и словообразовательных морфем

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 30, стр. 274.

латинского и греческого языков позднее, например: *электромонтер, телефон, термометр* и др. Многие русские слова после Великой Октябрьской социалистической революции стали также интернациональными, например: *Советы, большевик, ленинизм, колхоз, ударник, мичуринский, пятилетка* и т. д.

Рассмотренные интернациональные слова не должны переводиться и заменяться словами родного языка. Фонд этих слов должен всемерно увеличиваться.

3. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ОБОГАЩЕНИИ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 21. Словообразовательные процессы и лексика. Способы словообразования. В связи с тем, что язык непосредственно связан с общественной деятельностью людей, его словарный состав постоянно изменяется.

Эти постоянные изменения языка в области лексики, ведущие к тому, что словарный состав языка становится все богаче и разностороннее, происходят преимущественно за счет различных процессов словообразования на базе существующих в языке слов.

Новые слова появляются в языке 1) на базе старых и 2) как собственно новые образования, и 3) как результат появления у старых слов новых значений. Эти способы пополнения языка словами являются основными, определяющими.

Правда, обогащение словаря новыми лексическими единицами может происходить (см. предыдущие параграфы) и за счет заимствования отдельных, иногда довольно многочисленных по составу категорий слов из какого-либо другого языка. Однако выполнить задачу, которую ставит перед языком непрерывное развитие промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки, язык может лишь путем образования новых слов из своего собственного лексического материала, используя все существующие словообразовательные средства. Отсюда видно, какое огромное значение имеет в том или ином языке словообразование: именно оно позволяет языку иметь соответствующий развитию общества словарный состав.

Словообразовательные процессы в системе языка тесно связаны как с лексикой, для пополнения которой они служат, так и с грамматикой, в соответствии с которой оформляется каждое вновь появляющееся в языке слово. Эта сложная связь процессов образования новых слов (словопроизводства) со словарем, с одной стороны, и с грамматикой, с другой, особенно ярко проявляется в том многообразии способов словообразования, которые существуют в русском языке. Акад. В. В. Виноградов называет, например, в числе действующих в русском языке способов словообразования следующие: 1) морфологический, 2) лексико-семантический, 3) лексико-синтаксический и 4) морфолого-синтаксический.

Под лексико-семантическим способом словообразования понимается образование новых слов в результате изменений в смысловой стороне того или иного слова, путем получения каким-либо уже существующим в языке словом нового или новых смысловых значений, путем расщепления одного слова на два или более слова-омонима.

Собственно новых слов, новых фонетических единиц, ранее не имевшихся в языке, при помощи этого способа не создается, однако при его помощи возникают новые лексико-морфологические единства, язык пополняется новыми с морфологической точки зрения основами. В результате лексико-семантического способа словообразования возникли в русском языке, например, такие слова, как *среда* (третий день недели) и *среда* (окружение), *основа* (в тканье) и *основа* (база), *преследовать* (врага) и *преследовать* (свою цель), *кулачок* (маленький кулак) и *кулачок* (деталь машины), *добро* (имущество) и *добро* (противоположное злу), *следствие* (вывод) и *следствие* (расследование), *язык* (средство человеческого общения), *язык* (орган вкуса), *язык* (пленный) и *язык* (в архаическом значении „народ"), *завод* (машиностроительный), *завод* (у часов), *мир* (противоположное войне), *мир* (вселенная), *долг* (обязанность), *долг* (взятое взаймы) и т. п.

Под лексико-синтаксическим способом словообразования подразумевается возникновение слов из словосочетаний путем объединения в одно слово двух или более слов в процессе их употребления в языке. Такого рода словообразование обогащает язык новыми словами и с точки зрения фонетико-морфологической. При помощи этого способа словообразования возникли такие слова, как *близлежащий* (из *близ лежащий*), *дотла* (из *до тла*, т. е. *до дна*), *умалишенный* (из *ума лишенный*), *якобы* (из *яко бы; яко* — как), *если* (из *есть ли*), *итак* (из *и так*), *тотчас* (из *тот час*), *заблагорассудится* (из *за благо рассудится*), *сегодня* (из *сего дня; сей* — этот), *сумасшедший* (из *с ума сшедший*), *навеки* (из *на веки*), *нельзя* (из *не льзя; льзя* — можно), *Новгород* (из *новъ городъ*), *триста* (из *три ста*), *поделом* (из *по деломъ; деломъ* — старый дат. пад. мн. ч. от слова *дело*), *итого* (из *и того*) и т. д.

Морфолого-синтаксическим способом словообразования является переход слов одной части речи в другую. При этом способе словообразования ранее существовавшее слово не только получает новое смысловое значение (как это наблюдается при лексико-семантическом), но и становится выражением новых грамматических свойств. Подобное явление можно отметить, например, для слов *больной, мастерская, пивная, шампанское, рядовой, заливное, ученый, столовая, раненый, мороженое, дежурный, мостовая, горничная, портной,* (сидеть) *дóма, капельку* (терпенья), *залпом* (выпить), *дудки!, батюшки!, крышка!, зря* (напрасно, из деепричастия от глагола *зреть* — смотреть), *хотя* (союз, из деепричастия от глагола *хотеть*), *благодаря*

(предлог, из деепричастия от глагола *благодарить*), *суть* (существо, главное; глагол *быть* в форме 3-го лица мн. ч. настоящего времени), *почти* (из формы повелительного наклонения от глагола *почесть* — сосчитать), *значит* (из формы 3-го лица ед. ч. глагола *значить*), *вишь* (из *вижь* — формы повелительного наклонения от глагола *видеть*) и т. д.

В переходе слова из одной части речи в другую следует разграничивать превращение в слово (лексикализацию) грамматической формы и семантико-грамматическое переоформление ряда форм. Так, в случае возникновения на основе формы глагола *суть* существительного наблюдается лексикализация грамматической формы: новое слово приобретает все признаки, присущие существительному (*суть, сути, сутью, до самой сути,* обнаружилась *суть дела* и т. д.). В случае возникновения на базе прилагательного существительного *ученый* наблюдается семантико-грамматическое переоформление целого ряда форм, при этом формы словоизменения в определенной степени остаются прежними: существительное *ученый* продолжает склоняться как прилагательное.

Морфолого-синтаксический способ словообразования является одним из источников, ведущих к появлению в нашем языке все новых и новых омоформ.

Особенно важным для обогащения словарного состава современного русского языка является морфологический способ словообразования. Морфологическое словообразование представляет собой создание новых слов путем сочетания морфем по определенным правилам в словесные единства. Морфологический способ словообразования принципиально отличается от всех названных выше.

Именно этот способ является богатым, поистине неиссякаемым источником пополнения словаря новыми словами, которые представляют собой новое явление не только с точки зрения семантики и, следовательно, в ряде случаев словообразовательного строения, но и звукового оформления, и морфологической формы.

Именно морфологическое словообразование определяет ту особенную гибкость и выразительность словарного состава, которые постоянно отмечаются для русского языка.

Принципиальная разница между этим способом образования новых слов и другими видна в характере образуемого при его помощи слова.

Если новое слово, возникшее путем расщепления одного слова на омонимы, путем сращения нескольких слов в одно слово, путем перехода слова из одной части речи в другую, представляет собой так или иначе продукт более или менее длительного словоупотребления, то слово, образованное морфологическим способом, всегда является фактом языкового творчества человека, всегда возникает в результате акта словопроизводства.

Вместе с тем необходимо отметить, что и морфологическое словообразование не приводит к появлению в языке абсолютно

новых слов, неологизмов в полном смысле этого слова; он оперирует по существу лишь новыми видами комбинирования того, что уже существовало в отдельности раньше. Слово *целинник*, например, имеющееся в настоящее время в русском языке, является, несомненно, неологизмом (оно появилось не раньше 1954 г.), однако это не абсолютно новое слово, так как и основа *целин-* (в словах *целина, целинный*), и суффикс *-ник* (в словах *работник, сапожник, путник* и т. п.), при помощи которых образовано данное слово, были известны русскому человеку и раньше.

То же самое можно сказать и о таком же недавнем новообразовании, как *бесконфликтность*. И это новое слово образовано с помощью ранее известного суффикса и выделяет в своем составе уже бытовавшие до этого в русском языке морфемы *без-, конфликт-, -н-, -ость* и т. д.

Следовательно, и при морфологическом словообразовании из материала, существующего уже в языке, наблюдается не создание каких-то неведомо новых слов, а создание новых комбинаций, новых форм на базе наличного в языке строительного материала и существующих словообразовательных средств.

§ 22. Типы морфологического словообразования. Основные типы морфологического словообразования, существующие сейчас в русском языке: сложение, безаффиксный способ словообразования и аффиксация.

Под сложением подразумевается такой вид морфологического словообразования, когда новое слово образуется в результате объединения в одно словесное целое двух и более основ (*землекоп, носорог, простокваша, самоцвет, кругозор, солнцепек, водопад, паровозостроение, грязеводолечебница, мясохладобойня, семипудовый, бледно-желтый, серо-буро-малиновый* и т. д.).

Объединяться в одно слово могут как основы полные, так и усеченные: в первом случае сложение приводит к образованию сложных слов (см. вышеперечисленные), во втором случае — к возникновению слов сложносокращенных (*колхоз, вуз, комсомол, ликбез, зарплата* и т. д.).

В качестве образующих основ (т. е. основ, от которых происходит образование какого-либо слова) могут выступать и производные (делимые) основы, и непроизводные (равные корню): *паровоз, лесосплав, мореплаватель, капиталовложение, трехэтажный* и т. п. В современном русском языке соединяются, образуя новое слово, разные основы; образование новых слов так называемыми „повторами“ или „удвоением“ (ср. *тот* из *тътъ*, *колокол* из **kolkol* и т. д.), т. е. сложением одинаковых основ, в настоящее время в русском словопроизводстве существенной роли не играет.

Сложные слова, представляющие сложение непроизводных основ, являются в своем подавляющем большинстве именами существительными.

Сложные слова, образующиеся при сложении основ, из которых хоть одна является производной, по своей семантико-грамматической принадлежности более разнообразны (ср. *громкоговоритель, себестоимость, культурно-бытовой, пятиконечный, свинцово-тяжело, главнокомандующий, телодвижение, многочисленный, любвеобильный* и т. д.).

Сложение основ или слов происходит по-разному. Наиболее обычным способом является соединение двух слагаемых посредством соединительных гласных *о* и *е*, но наблюдается основосложение и без соединительной гласной.

Как один из способов морфологического словообразования сложение не является одинаково продуктивным в пополнении словаря русского языка различными категориями слов. Например, глаголы этим способом в русском языке совершенно не образуются; те немногочисленные по образованию сложные глаголы, которые наблюдаются в словарном составе русского языка, являются кальками с греческого языка (*благодарить, злословить* и т. п.). Напротив, сложение является чрезвычайно продуктивным в образовании имен (как существительных, так и прилагательных).

Еще менее распространенным является безаффиксный способ словообразования. Он действует только в области имен существительных.

При помощи безаффиксного способа имена существительные образуются от небольшой части глаголов и имен прилагательных: от глаголов образуются имена существительные мужского рода и значительно реже — женского, от имен прилагательных — всегда женского, например: *переплет* (от *переплетать*), *отлив* (от *отливать*), *перекур, удав, перепев, присед, зажим, прицел, разбег, взмах, всплеск, развоз, обжиг, осмотр, простой, накипь, запись, просека, зелень* (от *зеленый*), *сушь, рвань, бездарь, удаль* и т. п.

При безаффиксном способе словообразования основа образующего глагола или имени прилагательного без добавления каких-либо словообразовательных аффиксов (но с обязательным исключением из основы глагола тематических гласных, указывающих на их спряжение) становится основой имени существительного. Одновременно при образовании слова от имени прилагательного наблюдается определенное фонетическое переоформление образующей основы, обычно изменение конечного согласного основы. При производстве слова от глагола безаффиксным способом словообразования образующая основа в настоящее время обычно в фонематическом отношении не модифицируется. Почти все отглагольные слова безаффиксного образования, имеющие так называемую „внутреннюю флексию“ основы, т. е. чередование гласных в корне (*напор, приток, поджог* и т. п. — ср. *напирать, притекать, поджигать*), являются образованиями, по возникновению весьма давними.

Наиболее продуктивным, гибким и богатым видом морфологического словообразования является в русском языке аффиксация.

Аффиксация — это создание нового слова присоединением к основе образующего слова тех или иных словообразовательных элементов.

В зависимости от того, какие словообразовательные элементы участвуют в образовании слова и как они присоединяются к образующей основе, в аффиксации выделяется три разновидности: суффиксальный, префиксальный и суффиксально-префиксальный способы словообразования.

Суффиксальный способ словообразования — производство нового слова путем прибавления к образующей основе какого-нибудь суффикса. Слова *гордость, старик, книжный, слесарничать* и т. п. являются суффиксальными по своему образованию. Они образованы прибавлением к основам *горд(ый), стар(ый), книг(а), слесарь* суффиксов *-ость, -ик, -н(ый), -нича(ть)*.

Префиксальный способ словообразования — это образование нового слова путем прибавления к целому производящему слову какого-нибудь префикса (или, как иначе называют этот словообразовательный элемент, какой-нибудь приставки). Слова *разбудить, оговорить, вызвать, пробежать, сбросить, раскрасавица, некуда, антинаучный, ненормированный, архиплут* и т. п. будут по своему образованию словами префиксальными. Они появились благодаря присоединению к словам *будить, говорить, звать, бежать, бросить, красавица, куда, научный, нормированный, плут* префиксов *раз-, о-, вы-, про-, с-, рас-, не-, анти-, не-, архи-*.

Суффиксально-префиксальный способ словообразования — это производство нового слова от производящей основы (или образующего слова в целом) путем одновременного присоединения как приставки, так и суффикса. Так, слова *пасынок, пригорок, подорожник, предплечье, подмастерье, застольный, дословный, вжиться, разбежаться* и т. п. являются словами, образованными при помощи суффиксально-префиксального способа словообразования. Слово *пасынок* образовано от основы *сын* одновременным присоединением префикса *па-* и суффикса *-ок;* слово *пригорок* — от основы *гор(а)* одновременным присоединением префикса *при-* и суффикса *ок-;* слово *подорожник* — от основы *дорог(а)* одновременным присоединением *по-* и *-ник;* слово *предплечье* — от основы *плеч(о)* одновременным присоединением *пред-* и *-j(э);* слово *подмастерье* — от основы *мастер* одновременным присоединением *под-* и *-j(э);* слово *застольный* — от основы *стол* одновременным присоединением *за-* и *-н(ый);* слово *дословный* — от основы *слов(о)* одновременным присоединением *до-* и *-н(ый);* слово *вжиться* — от слова *жить* одновременным присоединением префикса *в-* и пофлексийного суффикса *-ся;* слово *разбежаться* — от слова *бежать* одновременным присоединением префикса *раз-* и пофлексийного суффикса *-ся* и т. п.

Эти три разновидности аффиксации не для всех категорий слов являются одинаково продуктивными.

Если имена существительные и прилагательные весьма интенсивно пополняются за счет суффиксального способа словообразования, то глагол обогащается также и за счет префиксального и суффиксально-префиксального способов, которые в именах (особенно первый) развиты значительно слабее, и т. д.

Различие между отдельными разновидностями аффиксации наблюдается и в способе производства слов при их помощи: при суффиксальном способе словообразования новое слово образуется от основы слова, при префиксальном — от целого слова, при суффиксально-префиксальном — и от основы слова (имена существительные и имена прилагательные, глаголы), и от целого слова (глаголы).

Анализируя с словообразовательной точки зрения то или иное слово, особенно важно строго разграничивать эти разновидности аффиксации. При помощи префиксации от того или иного слова образуются слова только того же грамматического класса; это же может быть отмечено и для суффиксально-префиксального способа словообразования от глаголов. При помощи же суффиксально-префиксального способа словообразования от имен, при помощи суффиксации возможно образование и слов иного грамматического класса.

III. ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ДИАЛЕКТНОГО СОСТАВА

§ 23. Общенародная и диалектная лексика в общей системе лексики. Основу словарного богатства русского литературного языка составляет лексика общенародная, т. е. свойственная, понятная и употребительная не только людьми, живущими на какой-то определенной территории нашей страны, но всеми говорящими по-русски.

Однако наряду с ней в системе общенациональной русской лексики существует и лексика диалектная, включающая в свой состав слова, свойственные одному или нескольким говорам.

Естественно поставить вопрос, каково же взаимоотношение современного русского литературного языка и диалектов, может ли литературный язык в настоящее время вбирать в себя по мере надобности слова территориальных диалектов, если да,— то в какой мере и из каких пластов лексики?

Естественно, что если в обиход всего народа входит какой-либо предмет, материал, процесс труда или его результат, известные вначале только в той или иной области, то и названия этих предметов становятся достоянием общелитературного языка. Такие диалектные слова входят в общелитературный язык потому, что в нем для обозначения соответствующих фактов действительности не было параллельного слова. Если же в общелитературном языке есть, например, название домашней птицы *петух*, то совершенно незачем вводить диалектное слово *кочет*, как нет никакого смысла вместо литературного слова *соседи* вводить диалектную параллель *шабры*. Не следует употреблять и чисто диалектные формы: *пекошь, пекёшь, пекёт* и т. п.

Нельзя, конечно, забывать, что литературный язык в процессе своего развития многое почерпнул из народных говоров и сейчас не должен лишаться этого важного источника пополнения. Но в то же время необходимо соблюдать меру в отборе народно-диалектных элементов, привлекая в литературную речь только то, что ее обогащает, развивает, улучшает, а не засоряет и портит.

Привлечение диалектизмов, имеющих в литературной речи синонимические слова и формы, возможно в настоящее время лишь в художественной литературе с определенными выразительно-изобразительными целями.

В борьбе за чистоту русского литературного языка большую роль сыграла дискуссия, посвященная вопросам языка писателя, вопросам использования диалектизмов в художественной литературе, организованная в 1934 году. Дискуссия возникла в связи с обсуждением в печати романа Панферова „Бруски“, но вскоре превратилась в дискуссию о языке советской литературы вообще.

Жизненная практика показывает, что диалекты после образования общенародных, национальных языков постепенно утрачивают свою самостоятельность и исчезают, вливаясь в эти языки. Однако многие писатели не понимали этого и увлекались чрезмерным употреблением диалектных слов в своих произведениях, считая это обогащением литературного языка, приближением его к народному. В дискуссии выступил А. М. Горький. „Пристрастие к провинциализмам, к местным речениям... мешает ясности изображения“ [1],— писал А. М. Горький. „Местные речения, „провинциализмы“ очень редко обогащают литературный язык, чаще засоряют его, вводя нехарактерные, непонятные слова“ [2].

„У нас в каждой губернии и даже во многих уездах есть свои „говора“, свои слова, но литератор должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски“ [3],— указывал он же.

В настоящее время уже не требуется никого убеждать в том, что необходимо избегать засорения литературного языка местными словечками, что надо пользоваться ими очень осторожно.

Областные слова в художественной литературе обычно употребляются для описания жизни во всех ее проявлениях в какой-либо определенной местности, для создания определенного колорита местного говора.

Например, И. С. Тургенев в „Записках охотника“ употреблял диалектные слова орловского говора, как правило, при передаче разговора крестьян. В своей речи автор использовал диалектные

[1] М. Горький, О литературе, 1955, стр. 588.
[2] Там же, стр. 587.
[3] Там же, стр. 388.

слова очень редко, причем, употребляя диалектные слова, он почти всегда их пояснял. Например, *майер* — по-орловски густой тростник, *дергач* — коростель, *площадь* — сплошная масса кустов, *заказ* — лес, заповедник, *мелоча* — низкие кусты, *казюли* — змеи, *сугибель* — крутой поворот в овраге, *бучило* — глубокая яма с весенней водой, *бирюк* — волк, переносно — угрюмый человек и т. п.

Ту же самую роль играют местные слова Тамбовской и Воронежской областей в стихотворениях Кольцова: *гуторить* — говорить, *погудка* — манера напева, мотив, *околоток* — окрестность и т. д.

Не чуждаются диалектных слов и советские писатели (ср. речевую практику таких писателей, как М. Шолохов, А. Твардовский, П. Бажов и др.). Например, у Бажова в сказках „Малахитовая шкатулка" употреблено около 1200 диалектных слов. У Исаковского встречаются: *укладка* — небольшой сундук, *росстани* — перекресток дорог и др. У Твардовского находим: *Поет, как вздумает* ***певень,*** *дурная голова...; ...Густые* ***зеленя*** и др.

Обычно эти диалектные слова употребляются очень осторожно и лишь такие, которые известны не в одном каком-либо говоре, а во многих.

§ 24. Профессиональная и терминологическая лексика и ее стилистическое использование в художественной литературе. Каждая отрасль человеческой деятельности имеет свою специальную лексику, специфическую терминологию[1]. Она имеется, например, в морском деле, в медицине, в садоводстве, цветоводстве, животноводстве, рыбной промышленности пищевой и текстильной промышленности, в разных видах искусства, спорта и т. д.

В художественной литературе эта специальная лексика используется для изображения места действия, производственного пейзажа, той обстановки, где развертываются события, где говорится о производстве, об орудиях труда и т. д.

Из произведений дореволюционной литературы, насыщенных специфической терминологией, можно отметить произведения Станюковича с морской терминологией (например: *рейд, рея, гюйс, камбуз*), „Молох" Куприна с заводской терминологией (например: *каупер, доменная печь, рельсопрокатка*), „Записки врача" Вересаева с медицинской терминологией (например: *стетоскоп, хирург, терапевт, клиника*) и др.

Современная художественная литература, отражая борьбу за новые формы жизни, новый, социалистический труд, не может обходиться без профессиональных терминов. Поэтому советские писатели, уделяя много внимания трудовой деятельности человека, используют специальную профессиональную лексику, научные термины и т. д.

[1] Термином, как известно, называется такое слово, которому соответствует одно какое-либо точно определенное понятие из области науки, техники, искусства. Совокупность терминов той или иной отрасли знаний или производства называется терминологией.

Фабрично-заводская терминология встречается у Гладкова в романах „Цемент" и „Энергия", у Горбатова — в романе „Донбасс", у Мариетты Шагинян — в „Гидроцентрали", у И. Эренбурга в романе „День второй", у В. Ажаева в романе „Далеко от Москвы" и др. В романе Горбатова „Донбасс", например, очень много терминов из горнозаводского дела: *забой, уступ, крепёжный* и др.

Иногда специальная терминология употребляется и с установкой на смешное, как средство для создания каламбуров и т. д. У поэта Апухтина, например, есть шуточное посвящение Чайковскому, целиком построенное на музыкальных терминах:

П. И. ЧАЙКОВСКОМУ

К отъезду музыканта-друга
Мой стих *минорный тон* берет,
И нашей старой дружбы *фуга*[1],
Все развиваясь, растет...

Мы *увертюру* жизни бурной
Сыграли вместе до конца,
Грядущей славы *марш бравурный*
Нам рано волновал сердца...

Некоторые современные писатели теряют чувство меры в употреблении профессиональных слов. При описании места работы и самого процесса работы писатели употребляют столько специальных названий частей машин, оборудования, что некоторые страницы их произведений похожи более на инвентарное описание склада, чем на художественное создание. Однако умелое и умеренное употребление профессиональных терминов не портит не только прозу, но и стихи:

У костра лежит брезент
На брезенте инструмент:
Рашпиль, молоточек,
Мечики, гвоздочек,

Тонкий поршневой мотыль
С горном переносным,
Да ведерко,
Да бутыль
С маслом купоросным.

(Недогонов.)

§ 25. Жаргонная и арготическая лексика и ее стилистическое использование. Язык как важнейшее средство общения людей одинаково обслуживает все общественные классы.

Однако отдельные социальные группы, пользуясь языком, не оставались к нему безразличными, а использовали его в своих интересах.

В результате создавались классовые жаргоны[2] верхушечных слоев общества или деклассированных элементов. В настоящее время в связи с исчезновением социальных причин, приведших к их появлению, исчезли и эти классовые жаргоны (см. выше,

[1] Фуга — особый вид музыкального произведения, в котором участвует несколько голосов, последовательно исполняющих один и тот же мотив с вариациями.

[2] *Жаргон* — argot — по происхождению слово французское, обозначающее язык той или иной общественной группы.

Введение). Почти исчезла и соответствующая жаргонная лексика, кроме отдельных жаргонизмов (например: *шикарный, мерси* и т. д.) и арготизмов („блатных" словечек из речи деклассированных элементов: *шамать, буза, стырить* и т. д.). Употребляются они в литературе, как правило, в качестве художественного средства речевой характеристики героя.

Некоторые писатели употребляли арготизмы и в авторской речи. Так, например, Погодин назвал свою пьесу о бывших ворах „Аристократы". Гладков в романе „Цемент" (в первом издании) одну из глав назвал „Барахольная ночь" и пр. Наиболее живучими оказались „блатные" слова из тайного языка воров и нищих. Деклассированные элементы, сохраняя в тайне свою преступную деятельность, скрывали содержание своих разговоров от чуждых им людей. Этот „блат" после Октябрьской революции через беспризорных детей, оставшихся без родителей после империалистической и гражданской войны, стал просачиваться в детскую и юношескую среду, затем в рабочую молодежь и даже в литературу. Многие блатные слова нерусского происхождения. Из немецкого языка заимствованы *зухер* — сыщик, *фиш* — рыба, *штауб* — мелкие деньги; из французского — *альфонс* — сутенер, человек, живущий на содержании у женщины, *браслеты* — кандалы, *пижон* — жертва шулера; из польского — *быдло* — скот, *пензы* — деньги; из турецкого считаются заимствованными *манатки* — рубашки, *бобы* — патроны, *шамать* — есть, *аркан* — шейная цепочка и т. д. Заимствованы некоторые блатные слова из еврейского, из цыганского и других языков.

С жаргонизмами и арготизмами необходимо вести решительную борьбу. Наш словарь разнообразен и богат, он и без этих слов способен выразить любую мысль. Жаргонизмы и арготизмы не проясняют, а затуманивают мысль, не обогащают, а засоряют наш литературный язык.

IV. ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ АКТИВНОГО И ПАССИВНОГО ЗАПАСА

§ 26. Активный и пассивный словарный состав языка. Процессом, определяющим развитие словарного состава языка, его дальнейшее обогащение и совершенствование, является процесс постоянного и довольно интенсивного роста существующей лексики за счет новых слов.

Накопление в словаре все большего количества слов, пополнение его стилистических ресурсов отражает, наряду с совершенствованием и улучшением грамматического строя, общее поступательное движение языка вперед.

Однако в лексике происходит одновременно и обратный процесс — процесс исчезновения из ее состава некоторых устаревших слов. Этот процесс не является определяющим в развитии лексики языка, так как выходит из языкового употребления значительно меньше слов, чем в нем появляется, но и он сильно сказывается на словарном составе языка и также свидетельствует о его постоянном совершенствовании.

Освобождение словаря от лишних слов (а выпадают из него только такие) столь же закономерно и необходимо, как и обогащение его новыми словами: оно позволяет говорящим на данном языке освобождаться от ненужных лексических дублетов, устранять из своего активного запаса устаревшее и тем самым содействует более эффективному выполнению языком своей основной и важнейшей функции — быть средством человеческого общения. Эти процессы появления новых слов и исчезновения устаревших сопровождаются процессами семантического порядка: возникновением у слов новых смысловых значений и утратой старых.

Так как закрепление в языке новых слов и значений и особенно окончательный уход из языка старого — процесс постепенный и длительный, то в словарном составе языка всегда существуют одновременно два пласта слов: активный словарный запас и пассивный словарный запас.

К активному словарному запасу языка относится вся привычная, повседневно употребляемая в той или иной сфере языкового общения современная лексика, не имеющая ни оттенка устарелости, ни оттенка новизны. Активный словарный запас включает в себя как слова общенародного употребления, так и слова в своем использовании ограниченные (термины, профессионализмы, книжные слова, эмоциональная лексика и т. д.), поэтому его нельзя отождествлять с активным запасом слов того или иного носителя языка. Сложная и разветвленная терминология советских физиков будет во многом неизвестной и активно не употребляемой лингвистами, медиками, садоводами, рабочими и т. д.; существующая сейчас эмоциональная лексика недопустима в сфере официальных отношений, в научных трудах и т. д., но от этого ни терминология советских физиков, ни существующая сейчас эмоциональная лексика не перестают быть фактами современной лексики, фактами активного запаса языка.

К пассивному словарному запасу языка (он не совпадает с пассивным запасом слов того или иного носителя языка, зависящим от его профессии, образования, повседневной работы и т. д.) относится из лексики все то, что не является в ней повседневно употребляемым, определяющим ее систему как современную, т. е. все, что редко уже или еще употребляется, что не стало еще или перестало уже быть необходимым, привычным и каждодневно употребительным в той или иной сфере общения. Иначе говоря, в пассивный словарный запас языка входят: 1) слова, которые ушли или уходят из языка (устаревшие слова), и 2) слова, которые не вошли еще в общелитературное употребление или

только что в нем появились (неологизмы). Следовательно, слова в современной лексической системе с точки зрения привычности, активности и повседневности в употреблении делятся на три группы: 1) современную лексику (о ней говорилось выше), 2) устаревшие слова, 3) неологизмы.

§ 27. Устаревшие слова. Процесс исчезновения из языка слов и отдельных их значений представляет собой сложное явление, совершающееся медленно и не сразу (да и не всегда) приводящее к выпадению слова из лексики языка вообще. Утрата слова или того или иного его значения — результат длительного процесса архаизации соответствующего языкового факта, когда он из активного словарного запаса первоначально переходит в пассивный словарь и лишь потом постепенно забывается и совершенно исчезает из языка. Этот процесс не представляет собой прямолинейного процесса: в ряде случаев устаревшие слова впоследствии вновь возвращаются в активный запас лексики нашего языка. Естественно, что при этом происходит, как правило, и резкое изменение их значений (ср. судьбу, например, таких слов, как *указ, солдат, министерство* и др.).

Устаревшие слова современного русского литературного языка, в совокупности образующие его устаревшую лексику, представляют сложную и многослойную систему. Причиной этого является их неоднородность и многообразие с точки зрения: 1) степени их устарелости, 2) причин их архаизации и 3) возможности и характера их использования. Рассмотрим отдельно эти вопросы.

Как только что указано, устаревшие слова отличаются прежде всего степенью своей устарелости. Среди них выделяется в первую очередь группа слов, которые являются в настоящее время совершенно неизвестными рядовому носителю современного русского литературного языка и потому непонятны без соответствующих справок.

Сюда относятся:

1) слова, совершенно исчезнувшие из языка, не встречающиеся в настоящее время в нем даже в составе производных слов (*локы* — лужа, *потяти* — убить, *котора* — ссора, *просинец* — февраль, *чванец* — жбанчик, *стрый* — дядя по отцу, *капь* — 4 пуда, *нетий* — племянник по сестре и т. д.);

2) слова, не употребляющиеся в языке как отдельные слова, но встречающиеся в качестве корневых частей производных слов: *подаяти* (подаяние), *хызъ* — дом (*хижина*), *белица* — белка (*беличий*), *говядо* — скот (*говядина, говяжий*), *усние* — кожа (*заусенец*), *булдыга* — кость (*забулдыга*), *худог* — искусный (*художник*), *скора* — шкура (*скорняк*), *коло* — колесо (*двуколка, около*), *коварь* — кузнец (*коварство*) и т. п.;

3) слова, исчезнувшие из языка как отдельные значимые единицы, но употребляющиеся еще в составе фразеологических оборотов: *кур* — петух: *как кур во щи; зга* — дорога (ср. *стезя*): *ни зги не видно; кол* — небольшой участок земли: *ни кола, ни двора; красный* — дорогой, красивый (*красная цена, красная девица*) и др.

Все эти слова сейчас забыты, однако изредка они всё же употребляются в литературе и как отдельные номинативные единицы (*весь* — село, *тать* — вор, *мыто* — вид торговой пошлины в древней Руси, *камо* — куда, *зане* — потому что, *скотница* — сокровищница и т. д.).

Этой группе устаревших слов до известной степени противостоит другая группа, включающая в себя слова, которые знакомы всем владеющим современным русским литературным языком, но находятся в составе его пассивного словаря и употребляются лишь в определенных, в общем редких, случаях. К такого рода устаревшим словам можно отнести слова: *верста, конка, царь, бурса, лукавствовать, зря* (видя), *иройство, брадобрей, токмо* (только), *глаголать* (говорить), *вельми* (очень), *хлад* (холод) и др.

Естественно, что большое значение в степени устарелости того или иного слова (и отдельного значения) имеет время выхода его из активного употребления. В большой мере, однако, это определяется также и, во-первых, местом данного слова с соответствующим значением в номинативной системе общенародного языка; во-вторых, первоначальной распространенностью слова и длительностью употребления в качестве факта активного словаря; в-третьих, наличием или отсутствием ясной и непосредственной связи с родственными словами и т. д. Нередко слово, давно вышедшее из активного употребления, все же до сих пор не забыто говорящими, хотя и встречается в их речи очень редко, и, наоборот, бывают случаи, когда забывается и выпадает из языка слово, переместившееся в пассивный словарный запас языка сравнительно недавно.

Например, слова *бдеть, глад, бедство* вышли из активного словаря не только устной, но и письменной речи более ста лет назад, однако до сих пор понятны в своих основных значениях говорящим на современном русском языке. Напротив, забытыми, неизвестными сейчас на русском языке являются слова *уком* (уездный комитет), *непрерывка,* существовавшие в активном употреблении, сравнительно с ранее отмеченными *бдеть, глад, бедство,* совсем недавно.

Так как топонимия (названия рек, озер, населенных пунктов и т. д.) и ономастика (личные и фамильные имена) являются наиболее устойчивыми фактами в словарном материале, то очень многое из того, что уже ушло из активного словарного запаса языка как нарицательное, сохраняется в топонимии и ономастике в качестве собственных имен: река *Шуя* (*шуя* — левая), станция *Бологое* (*бологое* — хорошее, доброе, красивое), озеро *Велье* (*велие* — большое), город *Городец* (*городец* — городок, с суффиксом *-ец*), город *Мытищи* (*мытище* — место, где собирали мыто — пошлину), де-

ревня *Червленая* (*червленая* — красная, ср. *червонный*), *Воронцов* (*воронец* — уменьшительно-ласкательное от *ворон*), *Шульга* (*шульга* — левша), *Черепанов* (*черепан* — гончар) и т. д.

Ушедшие в устаревшую лексику современного русского языка слова могут быть в активном словарном запасе в лексике других, близко родственных ему славянских языков (ср. слова *вельмі* — в белорусском, *łuska* (русское *луска* в составе производного *лускать*) — в польском, *крак* (русское *корок* в составе производного *окорок*) — в болгарском языке и т. п.).

Помимо того, что устаревшие слова различны по степени своей архаичности в современном языке, они отличаются друг от друга еще и тем, что́ привело их в состав устаревшей лексики. Это различие является наиболее серьезным и принципиальным.

Рассмотрение устаревших слов с точки зрения тех причин, в силу которых они превратились в устаревшие, заставляет выделить среди них две основные, резко противоположные категории слов: 1) историзмы и 2) архаизмы.

В одном случае слова становятся ненужными в активном словаре говорящего потому, что они являются обозначениями исчезнувших явлений действительности; в другом случае слова уходят из активного употребления потому, что их вытесняют другие слова (с теми же значениями), которые оказываются более приемлемыми для выражения соответствующих понятий. В первом случае мы имеем дело с историзмами, во втором — с архаизмами.

Историзмы представляют собой слова пассивного словарного запаса, служащие единственным выражением соответствующих понятий. При необходимости назвать какое-либо уже исчезнувшее явление, предмет, вещь и т. д. мы волей-неволей прибегаем к историзмам, ибо в современном русском литературном языке они синонимов не имеют (ср. историзмы в романе А. Н. Толстого „Петр I“: *боярин, ямщик, стольник, сокольничий, алтын, епанча, ферязь* (мужское долгополое платье), *кольчуга, самопал, пищаль, единорог* (род пушки) и т. д.).

Что же касается архаизмов, то в словарном составе современного русского литературного языка рядом с ними обязательно должны существовать и существуют синонимы, являющиеся словами активного употребления (ср. *ловитва — охота, вояж — путешествие, кои — которые, балтические — балтийские, самодовольствие — самодовольство, стора — штора, пиит — поэт* и т. п.). Если причины ухода слов из активного употребления в состав историзмов всегда ясны, то установление причин превращения слов из факта активного словарного запаса в архаизмы, объяснение причин вытеснения, замены одного слова другим являются собственно лингвистическими вопросами, как правило, весьма сложными.

Для нас совершенно ясно, почему, например, слова *кафтан, городовой, подорожная* и др. превратились в историзмы (исчезли соответствующие им предметы, явления, вещи и т. д.); напротив,

требуются специальные лингвистические разыскания для того, чтобы ответить на вопрос, почему слова *перст, сей, чело, доселе, буде* и т. п. были вытеснены из активного употребления словами *палец, этот, лоб, до сих пор, если* и превратились, таким образом, в архаизмы.

В зависимости от того, является ли устаревшим все слово как определенный звуковой комплекс, имеющий определенное значение, или устаревшим оказалось лишь его смысловое значение, архаизмы можно разделить на архаизмы лексические и архаизмы семантические.

Среди лексических архаизмов с точки зрения их отношения к тем словам, которые вытеснили их из активного употребления, выделяются три вида. В первом случае мы имеем дело с такими словами, которые ныне вытеснены в пассивный словарный запас словами с другим корнем. Это — собственно лексические архаизмы. Например: *психея* (душа), *мание* (воля, желание), *льзя* (можно), *поелику* (потому что), *всуе* (напрасно), *мемория* (память), *ветрило* (парус), *овн* (баран), *доколь* (пока), *лицедей* (актер), *выя* (шея), *шуйца* (левая рука), *присно* (постоянно), *зело* (очень), *иже* (который), *денница* (утренняя заря), *сей* (этот), *перст* (палец), *заморский* (иностранный) и др.

Во втором случае мы имеем дело с такими словами, которым ныне соответствуют однокорневые слова. Это — лексико-словообразовательные архаизмы (ср. *чувствие — чувство, пастырь — пастух, кокетствовать — кокетничать, нервических — нервных, безлюдство — безлюдие, дружество — дружба, фантазм — фантазия* (*поэма вся проникнута немецкой сантиментальностью и немецким* ***фантазмом*** (*Бел.*), *свирепство — свирепость, воитель — воин* и т. д.).

В этом случае слово, употребляющееся в активном словаре сейчас, отличается от архаизма лишь с точки зрения словообразовательного строения, лишь суффиксами или приставками; непроизводная же основа в них одна и та же, и образованы они от одного и того же слова. *Рыбарь* и *рыбак* различны между собой не своей непроизводной основой *рыб-*, а присоединенными к ней суффиксами *-арь* в одном слове и *-ак* в другом.

В третьем случае мы имеем дело с такими словами, которые в настоящее время как названия одних и тех же предметов действительности заменены в активном словаре словами того же корня, но несколько иного звукового облика. Это — лексико-фонетические архаизмы. Их не следует смешивать и отождествлять с фонетическими архаизмами, которые представляют собой устаревшие явления не в словах, а в звуках.

Например, фонетическим архаизмом будет произношение *е* как *е*, а не как *о*, под ударением не перед мягкими согласными (*потек*, не „потёк“, *еще*, не „ещё“ и др.), произношение мягкого *р* в словах типа *верх* и т. п. Лексико-фонетическими архаизмами являются такие слова, как *осьмнадцать* (восемнадцать), *цензура* (цензура),

гошпиталь (госпиталь), *аристократия* (аристократия), *философия* (философия), *афеизм* (атеизм): *Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого* ***афеизма*** *(П.); зерцало* (зеркало), *глад* (голод), *вран* (ворон), *клоб* (клуб), *воксал* (вокзал), *ироизм* (героизм), *стора* (штора) и др.

Помимо лексических архаизмов, существуют, как уже упоминалось, архаизмы семантические. Семантические архаизмы — это слова, существующие и в современном русском литературном языке, но имеющие устаревшие значения. Семантический архаизм, иначе говоря, представляет собой устаревшее значение какого-либо слова, в иных значениях являющегося обычным словом современного русского литературного языка.

Магнит и электрическое вещество имеют ***привлекательную*** *силу.* (Словарь Академии Российской.) *Теперь смотритель,* ***соображая*** *все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная. (П.) И столь же строгому разбору в* ***соседстве*** *повод подавал. (П.) Не Гёте ли был его* [имеется в виду Шатобриан] ***льетенантом*** *в Германии. (Т.)* ***Прямым*** *Онегин Чильд Гарольдом вдался в задумчивую лень. (П.) Угас как* ***светоч*** *дивный гений. (Л.) Законов* ***гибельный позор****, неволи немощные слезы. (П.)*

Выделенные слова в приведенных примерах употребляются и сейчас, однако в других значениях. Так, слово *привлекательная* употреблено в значении „притягивающая“, слово *соображать* — в значении „сопоставлять, сравнивать“, слово *соседство* — в значении „соседи“, слово *льетенант* — в значении „заместитель“, слово *прямой* — в значении „настоящий“, слово *светоч* — в значении „большая свеча, факел“, слова *гибельный позор* — в значении „зрелище гибели“.

При анализе языка художественных произведений прошлого необходимо учитывать, что в ряде случаев писатели в определенных художественных целях используют слово с расчетом на восприятие читателем в нем и нового, и старого значений.

В двух значениях одновременно употреблено Пушкиным слово *упоенны* — в оде „Вольность“:

Он видит — в лентах и чинах,
Вином и злобой *упоенны*,
Идут убийцы потаенны.

В настоящее время уже нельзя сказать „упоенные вином“.

В двух значениях с обличительно-сатирической целью, с явной издевкой употребляется Щедриным в „Наших глуповских делах“ слово *позорище* (ср. *позорище* — зрелище и *позорище* — увеличительно-презрительное от *позор* — стыд): *Глупов и Глуповица, управляющие и управляемые — все это, взятое вместе, представляло такую сладостную картину гармонии, такое умилительное* ***позорище*** *взаимных уступок доброжелательства и услуг, что сердцу делалось больно и самый нос начинал ощущать как бы прилив благородных чувств.*

Следует отметить, что стареть может не только само слово (целиком или в какой-либо части), архаическими могут становиться и связи данного слова с другими, его возможность сочетаться с тем или иным словом (что в конце концов отражается и на значении и употреблении слова вообще).

В примерах:

Открой мне благодарный след
Того возвышенного галла,
Кому сама средь ***славных бед***
Ты гимны смелые внушала. (П.)

Остров малый *на взморье виден. (П.) Дело в том, что осетинские* ***разбойники, безопасные*** *в этом месте, стреляют через Терек в путешественников (П.)* — выделенные сочетания слов в настоящее время являются устаревшими. Сейчас уже не скажут *славные беды, малый остров, безопасные разбойники,* хотя *славные подвиги, малые дети, безопасное место* будут словосочетаниями самыми обычными и современными.

Намеченные выше группы устаревших слов различаются между собой также характером и возможностью их употребления в различных стилях современного русского литературного языка. Архаизмы могут употребляться только с определенной стилистической целью; вне этой художественно-выразительной и изобразительной установки их использование не может быть оправдано и является ошибкой с точки зрения современного словоупотребления. Историзмы же, употребляясь иногда с теми же целями, что и архаизмы, возможны и вне определенных стилистических условий, так как могут применяться с целью обозначения этих исчезнувших понятий, явлений, предметов и т. п. Такое использование историзмов мы находим, например, в исторических работах, в описаниях прошлого, в воспоминаниях и т. д.

Архаизмы используются в художественной литературе в основном с тремя различными стилистическими целями:

1. Они могут быть использованы писателем прежде всего для создания колорита эпохи, для воссоздания реальной исторической обстановки и речи героев. Такое употребление архаизмов (и историзмов) мы наблюдаем в исторических романах, повестях, рассказах и т. д.

2. Они могут быть использованы писателем для создания торжественного стиля, взволнованно-патетической речи. В такой роли архаизмы (очень часто старославянского происхождения) мы наблюдаем в стихотворениях Пушкина „Пророк“, „Анчар“, „Вольность“, „Клеветникам России“, „19 октября“, „Олегов щит“ и др., в стихотворениях Лермонтова „Умирающий гладиатор“, „Поэт“,

„Пророк", „Сосед" и т. п., в ряде авторских отступлений у Гоголя и т. д.

3. Они могут, наконец, явиться у писателя одним из средств создания комического, иронии, сатиры, сарказма.

Мастером употребления архаизмов в этих целях был Салтыков-Щедрин. Именно такое их использование (наряду с целями воссоздания летописного слога) мы наблюдаем, например, в „Истории одного города" (см. „Обращение к читателю").

По своему происхождению в лексической системе русского литературного языка как архаизмы, так и историзмы могут быть самыми разнообразными. Среди них встречаются и исконно русские слова (*льзя, дабы, оный, насильство, семо* (сюда), *сполох* (тревога), *заводчик* (зачинщик) и т. п.), и старославянские (*град, лобзать, святыня, глагол* (слово), *вещать* и др.), и заимствованные из других языков (*абшид* — отставка, *сикурс* — помощь, *натура* — природа, *политес* — вежливость, *аксамит* — бархат и т. п.).

При анализе языка литературных произведений прошлого следует учитывать двоякий характер историзмов и архаизмов. С одной стороны, исследуя язык писателей прошлого, мы встречаемся с сознательным использованием такого рода фактов в определенных, указанных выше стилистических целях. В подобных случаях (к ним относится и употребление устаревших слов современными писателями) соответствующие слова — факты устаревшей лексики как для нас, так и для авторов XVIII—XIX вв. и их читателей-современников.

С другой стороны, в произведениях прошлого (и художественных, и деловых, и научных и т. д.), даже если они написаны сравнительно недавно, встречаются историзмы и архаизмы, которые таковыми являются лишь для нас, но которые во время написания анализируемого произведения такими не были.

Следовательно, есть архаизмы и историзмы стилистического употребления (в современных нам художественных произведениях, как уже отмечалось, они должны быть и являются только такими) и есть архаизмы и историзмы времени (они встречаются — иногда рядом с устаревшими словами стилистического употребления — только в произведениях, написанных в прошлом).

§ 28. Неологизмы. Противоположным процессу исчезновения слов из языка является процесс появления в нем новых слов, который, как уже указывалось, является определяющим для развития лексики любого языка.

Этот процесс ведет к возникновению и существованию в словарном составе языка другого слоя пассивного словарного запаса — неологизмов.

Неологизмы — это слова, которые еще не вошли или никогда не входили и не войдут в активный словарный запас языка.

Они до тех пор лишь и остаются неологизмами, пока окончательно не освоятся языком и не вольются в активный запас лексики, пока воспринимаются как слова, имеющие оттенок свежести и необычности, печать особенности и новизны.

Поэтому очень часто то, что было в определенный момент развития русского языка неологизмом, позже неологизмом уже может и не являться. Так, не представляют в настоящее время неологизмов слова *кругозор, будущность, гражданин* (в современном значении), бывшие неологизмами в последней четверти XVIII в. (первое было введено Курганoвым, второе — Карамзиным, третье с новой, ныне существующей семантикой — Радищевым); не воспринимается сейчас как неологизм появившееся впервые у В. И. Ленина и им введенное в русскую лексику слово *партийность* (первый раз оно употребляется у В. И. Ленина в конце 1894 года в работе „Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве" [1]) и т. д.

Следовательно, если то или иное слово, даже возникшее как языковой факт недавно, стало всеобщим и общеупотребительным, потеряло специфические стилистические качества и вошло в активный запас языка, оно уже не неологизм.

С этой точки зрения неверно включать в неологизмы современного русского литературного языка, т. е. в его пассивный запас лексики, абсолютно все слова, появившиеся в русском языке в советскую эпоху. Ведь, с одной стороны, подавляющее большинство их стало словами активного словарного запаса (*колхоз, комсомольский, трактор, заочно, спецовка* и т. д.), а с другой, некоторые из них уже превратились в устаревшие слова (*уком, наркомат, непрерывка, женотдел* и т. п.).

Таким образом, не всякое новое, недавнее по времени возникновения слово является неологизмом. И наоборот.

Так, слова *огончарован* Пушкина, *умнохудощавое* Гоголя, *брюхопоклонники* Салтыкова-Щедрина, *романомания, полетистость* Белинского, *обер-композитор, левитанистее* Чехова и т. д., возникшие еще в XIX веке, хотя и не являются новыми по времени своего появления, оставаясь до сих пор индивидуально-художественными новообразованиями, представляют собой и сейчас неологизмы. Такие слова обычно в учебных пособиях называются неологизмами индивидуально-стилистическими.

Неологизмы различаются между собой как с точки зрения причины, которая повлекла появление их в языке, так и с точки зрения их лексико-словообразовательного характера.

Неологизмы могут возникать в языке и как обозначения появ-

---

[1] „С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы..." (В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 380—381).

ляющихся в жизни новых вещей, явлений, качеств и т. д., и как новое название того, что уже имеет в языке наименование. Неологизмы первого рода в своем возникновении совершенно необходимы для языка, представляют собой слова, без которых обойтись нельзя. В качестве таких неологизмов были в свое время неологизмами слова *пароход* (этим словом обозначался первоначально и паровоз), *радиовещание, нигилизм* и т. п.

Неологизмы второго рода возможны, но не обязательны, хотя и всегда в своем появлении обусловлены; они возникают в языке потому, что почему-либо появляется необходимость дать свежее, новое наименование тому, что свое обозначение в слове уже получило. В качестве таких неологизмов в свое время бытовали слова *предложный* (падеж), придуманное М. В. Ломоносовым, *самолет, мифология,* заменившие соответственно слова *сказательный* (падеж), введенное М. Смотрицким, *аэроплан, баснословие.* В качестве таких неологизмов воспринимаются и сейчас *рифмодей* Пушкина, *злец* Салтыкова-Щедрина, *калекши* Маяковского.

Неологизмы в зависимости от того, являются ли они простыми наименованиями чего-либо или также служат и определенным художественно-выразительным задачам, определенным стилистическим целям, можно разделить на собственно номинативные неологизмы (*целинник, госхоз* и т. п.) и неологизмы номинативно-стилистические (иначе — индивидуально-стилистические). Последние более всего присущи художественной литературе, но не чужды и публицистике (*полуподлец, тяжело-звонкое* Пушкина, *зеленокудрые* Гоголя, *одисты, поэтцы* Белинского, *акростишествовать* Салтыкова-Щедрина, *толкастика, блиноед, кисляйство, купчихообразная* Чехова, *многопудье, радугоглазый, огромнить, аэросипед, молоткастый* Маяковского и др.).

В зависимости от того, новое ли само слово или же это использование для выражения появившегося понятия уже существующего слова, неологизмы распадаются на лексические (образованные на базе существующих слов, заимствования из других языков) и семантические.

В качестве семантических неологизмов (примеры лексических были даны выше в достаточном количестве) возникли в русском литературном языке второй половины XIX века слова *подоплека, среда, шумиха, помпадур* в современных, присущих им значениях (сейчас это, конечно, уже не неологизмы). Семантическими неологизмами являются до сих пор и некоторые индивидуально-стилистические новообразования, например слова Салтыкова-Щедрина *аплодисменты* и *дантист,* соответственно значащие „пощечины" и „бьющий по зубам", служащие у него для разоблачительных целей.

В отличие от собственно номинативных неологизмов номинативно-стилистические неологизмы редко укрепляются в активном словарном запасе языка, обычно не входят в общелитературное употребление. Чаще всего они как слова определенного художественного контекста существуют лишь в нем. Только немногие из такого рода индивидуально-стилистических новообразований с течением времени становятся словами общего употребления (ср. *головотяп, благоглупость* и *пенкосниматель* Салтыкова-Щедрина, *прозаседавшиеся* Маяковского и т. п.).

Любой неологизм, появляющийся в лексике русского языка, должен быть оправдан в своем возникновении или потребностью назвать познанное, открытое, изобретенное и т. д., или определенными художественно-изобразительными задачами. Любой неологизм, появляющийся в лексике русского языка, не может быть новообразованием, созданным вне правил и законов русского словопроизводства, русской семантической системы и грамматического строя. Только тогда неологизм является жизнеспособным словом, действенным фактом языка как системы, понимаемым и оправданным, могущим войти в общенародный язык, когда он образован в соответствии с существующими в языке закономерностями.

Неумеренная страсть к образованию новых слов, образованию слова ради слова как такового, образованию слова без учета активных тенденций современного им русского словообразования всегда была чужда нашим лучшим писателям и публицистам, у которых неологизмы никогда не были самоцелью, всегда были образованиями, в которых чувствовались и большое языковое чутье, и глубокое проникновение в дух русского языка, и художественная мера большого мастера. Пристрастие к неоправданным неологизмам характеризует лишь творчество некоторых символистов и футуристов (Белого, Хлебникова и др.). Именно поэтому их словоновшества оказались мертворожденными: не только те, которые были образованы совершенно произвольно (вроде слова Крученых *еуы* со значением „лилия"), но и те, которые базировались на реальном материале русского языка (вроде слов *будетляне, речар, охотея, кричак* и др. Хлебникова).

Все неологизмы, вызванные к жизни определенной потребностью, будь это потребность называния, будь это потребность художественно-стилистическая, до тех пор, пока это неологизмы, находятся в пассивном словарном запасе.

В отличие от устаревших слов неологизмы составляют такую группу слов пассивного словарного запаса, которая демонстрирует неисчерпаемые возможности языка обогащаться новыми словами, но которая существует в общей лексической системе до некоторой степени потенциально, будучи словами, прикрепленными к определенному контексту и вне его не воспроизводимыми.

Отрыв от соответствующей ситуации, употребление за пределами того, где неологизм возник, является первым шагом на пути превращения неологизма в слово активного словарного запаса, в факт современной словарной системы языка.

V. ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ

§ 29. Общеупотребительная лексика, свойственная устной и письменной речи. Устная и письменная разновидность литературного языка всегда характеризуется употреблением определенных пластов лексики, которые специфичны только для письменной или устной речи. Но в языке существует и так называемая общеупотребительная лексика, входящая и в письменную, и в устную речь.

Общеупотребительная лексика — это разряды слов, служащие названием основных понятий, предметов, явлений, которые прочно вошли в обиход жизни человека, например: *дом, поле, ветер, окно, стол, кровать, хлеб, соль, чай, одежда, белый, ходить, читать, он, я, сам, такой, но, а, при* и прочие. Этот лексический пласт представляет собой обычные названия явлений окружающей нас действительности и является основным в повседневной языковой практике народа. Эту общеупотребительную лексику принято иначе называть стилистически нейтральной лексикой, так как она не имеет никаких добавочных эмоционально-экспрессивных оттенков.

§ 30. Лексика устной речи. Отличительным признаком устной речи является ее диалогичность. С точки зрения лексики между устной формой речи и письменной нет такой значительной разницы, какая существует вообще между устной и письменной речью. Однако устная речь, обычно произносимая в близкой к говорящему среде (товарищеская беседа, обиходно-бытовой разговор, обычный разговор с членами своей семьи, с товарищами по работе), все же не одинакова по лексике и не тождественна с письменной речью.

В словаре устной речи большую роль играет разговорно-бытовая лексика.

Разговорно-бытовая лексика включает в себя следующие категории слов: 1) общенародные слова, обозначающие явления окружающей обстановки, названия обиходно-бытовых вещей и природных явлений, 2) слова диалектные, 3) слова просторечные, 4) вульгаризмы, 5) слова бранные.

Из диалектизмов в разговорно-бытовую лексику включаются не все, а лишь некоторые, особенно характерные и выразительные. Такие диалектизмы в письменном литературном языке используются для воссоздания местного колорита речи, например: *гуторить* (говорить), *столешник* (скатерть на обеденном столе), *стежка* (дорожка), *шлях* (дорога), *кринка* (горшок для молока) и т. д.

Основную часть разговорно-бытовой лексики образуют слова просторечные, употребляемые для непринужденного живого общения, встречающиеся в отличие от диалектизмов не в отдельных территориальных говорах, а повсюду, где говорят на русском языке, например: *стращать* (пугать), *волынить* (медлить), *тарахтеть*

(говорить попусту), *вечор* (вчера вечером), *помереть* (умереть) и т. п. Эти слова иногда называют простонародными, однако в последнее время этот термин почти не употребляется.

Просторечные слова нельзя смешивать с диалектизмами. Просторечие — это особая стилистическая категория, включающая слова конкретно-бытового значения, имеющие яркий характер разговорной экспрессии (как без отрицательного оттенка, так и с отрицательным оттенком), и ходячую разговорную фразеологию (поговорки, пословицы и т. п.).

Просторечные слова по своим свойствам не являются одинаковыми. Некоторые просторечные слова разговорно-фамильярного характера не имеют грубого оттенка и свободно употребляются в художественной литературе. К таким относятся, например, слова: *картошка* (картофель), *закусить* (поесть), *затеять* (задумать), *смекалка* (сообразительность), *захворал* (заболел), *разжился* (разбогател), *сделалось* (случилось), *бедокурить* (проказничать), *подремать* (некрепко уснуть), *недосуг* (нет времени), *проштрафиться* (провиниться) и т. д.

Однако среди просторечья наблюдаются и грубопросторечные слова: *чего подъезжаешь* (чего добиваешься), *плавает* (плохо отвечает на экзаменах), *шлепнулся* (упал), *чмокнул* (поцеловал), *уплетает* (быстро и жадно ест), *барабанил* (быстро говорил), *здоровенный* (сильный), *тарахтит, трещит* (быстро и неумно говорит), *плетет* (говорит несуразное), *поплелся* (пошел), *носиться* (бегать), *околесица* (чепуха), *огорошил* (удивил) и т. п.

Просторечная лексика не только не однородна, но и исторически подвижна.

Многие слова, считавшиеся ранее просторечными, в настоящее время являются принадлежностью литературного словаря. Так, многие слова, бывшие в конце XVIII века просторечными (они отмечены как нелитературные в Словаре Академии Российской (1789—1794 гг.), сейчас прочно вошли в общелитературное употребление: *быль, верховье, батрак* и др.

Вульгарные слова (вульгаризмы) допускаются в литературно-письменной речи только в определенных стилистических целях: в острой, непримиримой полемике с врагом, при изображении отрицательных явлений действительности и т. д. Но в устной речи подобные грубые слова, представляющие собой такое обозначение вещей, предметов, явлений и т. д., в котором, кроме их названия, выражено и резко отрицательное к ним отношение, употребляются довольно часто (например, вместо слова *лицо* говорят *морда, харя, рыло*; вместо слова *глаза* — *буркалы, зенки;* вместо слова *умереть* — *околеть, сдохнуть;* вместо слова *есть* — *жрать, лопать* и т. д.).

Бранные слова или слова с резко отрицательным значением, которые являются одной из групп вульгаризмов, различаются между собой по эмоциональной окраске; например, в бранных словах, относимых к лицам, презрение выражается словами *хлыщ, холуй,*

подхалим, гадина и т. д.; порицание отрицательных черт характера — словами *кукла, задира, вояка* и др.; оттенок пренебрежения — словами *пустомеля, балаболка, тупица, мямля, пустышка, бездарь* и т. д.; иронический оттенок — словами *ловкач, стиляга* и т. д.

В функции бранных слов могут выступать слова, которые сами по себе не являются бранными, но в определенном контексте становятся ими в силу своего отрицательного значения, например: *кулак, бандит, буржуй, барин, барыня* и др. Ту же функцию бранных слов несут иногда слова, употребленные в переносном значении, например: *шляпа, колпак, тюфяк* и др.

К разряду вульгарно-бранных слов примыкают вульгаризмы, стилистически смягченные. Эти слова некоторыми лингвистами объединяются в фамильярную лексику. К таким относятся, например, слова *срезаться* (на экзамене), *провалиться, засыпаться* (на экзамене), *отколоть, ловчить, трубить, тянуть лямку, франтить, форсить, объегорить, влопаться, улыбнулись часики* (украли), *посеять* (потерять) и др.

С вульгарно-бранной лексикой нужно вести решительную борьбу. Нельзя допускать проникновения таких слов в общелитературный язык, особенно в речь школьников. Грубость языка огрубляет и мысль, и чувства, мешает понимать и воспринимать прекрасное.

К разговорно-бытовой лексике необходимо отнести противополагающиеся вульгаризмам евфемизмы, т. е. слова, синонимично заменяющие грубые, вульгарные выражения; например, вместо *проворовался* говорят *был небрежен с казенными деньгами*, вместо *сошел с ума — тронулся* и др.

§ 31. Лексика письменного литературного языка. Литературно-книжная лексика включает в свой состав следующие основные рязряды слов:

1) слова, обозначающие различные абстрактные понятия из области явлений природы, физиологических и психических состояний человека, культуры и быта людей и т. д., т. е. отвлеченную лексику, например: *добродетель, доблесть, злоба, уныние, храбрость, обитель, пристанище, обличение, представить, низринуться, ввергнуть, непостоянство, ветреность, минувший, грядущий, забвение, немилость, рвение, усердие, поклонение* и т. п.;

2) слова, представляющие собой научные и общественно-политические термины, например: *абстракция, гипотеза, диалектика, деформация, категория, множитель, мимикрия, навигация, операция, оптика, пропорция, перпендикуляр, ретардация, репрессия, суждение, тождество, умозаключение, утилитарный, фикция, функция, цикличность, государство, коммунизм, социализм, партия* и др.;

3) слова официально-деловой речи, например: *обязательство, льгота, кодекс, указ, иск, мотив, преступление, доказательство, вследствие, нижесказанное, вышеуказанное* и др.;

4) слова, характеризующие жизнь, быт и переживания людей прошлых эпох, т. е. архаизмы и историзмы, примеры которых указывались выше (см. § 27);

5) многие профессиональные слова, т. е. названия инструментов, процессов и результатов работы представителей той или иной профессии. Обычно такие профессиональные слова употребляются в книгах, посвященных специальным вопросам, или же употребляются в художественном произведении особой тематики для изображения обстановки, процессов труда, отдельных сфер человеческой деятельности. При описании жизни и работы в типографии потребуются, например, слова *линотип* (наборная машина), *матрица* (пластинка с углубленным изображением букв для литья), *набор, шпон, петит* и т. д.

В литературно-книжную лексику включаются также слова, характеризующие быт различных народов, их специфические национальные черты. Подобные слова называются экзотической лексикой. Обычно в художественных произведениях эта лексика и употребляется при описании жизни того народа, который создал эти лексику; например, английские слова *мисс, леди, мистер, спич, грог, виски, сандвич, босс* и т. п.; французские — *мусье, мадам* и др.; итальянские — *синьор, синьора, гондола, арлекин, тарантелла* и т. п.; испанские — *донна, тореадор, кастаньеты* и т. д.; турецкие — *султан, гарем* и др.; японские — *самурай, гейша* и др.

Некоторые лингвисты экзотические слова называют „варваризмами“. С таким пониманием нельзя согласиться. Варваризмы — стилистическая категория, включающая слова иноязычного происхождения, несвойственные нормам русского языка и употребляемые с особыми художественно-выразительными целями. У русских писателей можно найти образцы применения варваризмов чаще всего как средства комического. Например, в XIX веке для высмеивания увлечения галломанией поэт И. Мятлев писал стихи, в которых русские слова буквально пересыпались французскими (такая речь, перенасыщенная варваризмами, называется макаронической):

Тут попадаешь в *ом даферы*,
В прикащики и *секретеры*
К известному *мусье ле конт*,
И свой ты тут находишь *конт*.

Писатели употребляют варваризмы и для речевой характеристики действующих лиц. Например, Гоголь в „Мертвых душах“ в таких целях вводит варваризмы в язык дам „просто приятной“ и „приятной во всех отношениях“: *Ведь это история, понимаете ли:* ***истоар, сконапель истоар...*** *Словом,* ***скандальозу*** *наделал ужасного... Все кричат, никто никого не понимает, ну, просто* ***оррёр, оррёр, оррёр...***

Частью литературно-книжной речи в художественных прозаических и поэтических произведениях является также и особая, ярко выделяющаяся среди других разрядов, поэтическая лексика. В нее входят прежде всего народно-поэтические слова (*кручина, печаль, буйный, горюшко, лебедушка, молодец, дубрава, пригожий, дивный, родимый, погожий, лазоревый, дородный, година, хула, вороги, зелье, недуг* и др.) и особые книжные слова, обычно выступающие в торжественной речи: *зело, упование, десница, уста, ланиты, перси, очи, мзда, гордыня, стезя, чаянье, жребий, озарить, простирать, предначертать, страждущий, безбрежный, доблестный, нерушимый, безмятежно, незабвенный* и др.

У некоторых виднейших писателей XIX века посредством употребления таких слов создается экспрессивно приподнятая, торжественная речь стихотворного и прозаического произведения с „высокой" тематикой. Очень умело в стихотворной речи употреблял такие поэтически торжественные слова Пушкин:

Духовной жаждою *томим*,
В пустыне мрачной я *влачился*,
И *шестикрылый серафим*
На перепутье мне явился.

Перстами легкими, как сон,
Моих *зениц* коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы...

(„Пророк".)

В поэтическую лексику включаются также и слова, которые, создавая приподнятый тон речи, вместе с тем делают ее лиричной, служат выразительным средством красивого и волнующего, например: *чарующий, сладостный, упоительный, божественный, чудесный, греза, чары, обаятельный, обаяние, трепетный, лелеять, перлы, лучезарный, кумир, блик* и др.

§ 32. Эмоциональная лексика. Как в книжно-письменную речь, так и в устно-разговорную входит эмоциональная лексика, выражающая чувства и настроения человека. Эмоциональная лексика по значению прежде всего делится на лексику: 1) называющую чувства кого-либо и 2) выражающую положительное или отрицательное отношение к явлениям действительности. Слова этих двух групп часто составляют антонимические пары. Например, словом *добрый* называется положительное качество человека, словом *злой* — отрицательное; словом *нежный* — положительное, словом *грубый* — отрицательное, словом *задушевный* — положительное, словом *черствый* — отрицательное и т. д. Словами *грустно, весело, люблю, ненавижу* мы выражаем свое состояние, свои чувства.

В соответствии с этим среди эмоциональной лексики можно выделить: 1) слова, называющие чувства, переживаемые самим говорящим или другим лицом; 2) слова-оценки, квалифицирующие вещь, предмет, явление или с положительной, или с отрицательной стороны всем своим составом, лексически, без помощи аффиксальных средств; 3) слова, в которых такое эмоциональное

отношение к называемому выражается не лексически, а словообразовательно, т. е. особыми суффиксами.

К первой группе относятся слова, обозначающие самые ощущения, эмоции и настроения: *отвращение, брезгливость, любовь, ненависть, гнев, ласка, доброта, злость, злоба, приветливость, ужас, страх, пренебрежение, гордость, нежность, смирение, страстность, грусть, печаль, душевность* и др.

Ко второй группе относятся слова, выражающие оценку явления лексически: *добрый, злой, ужасный, милый, хороший, скверный, ласковый, потрясающий, бедный* (в смысле несчастный), *гадкий, мерзкий* и др.

В первых двух группах в самих словах обозначена эмоция. Однако эти слова могут употребляться и без всякой эмоциональной окраски (например, в учебнике психологии).

К третьей группе относятся слова, в которых понятие о чувстве и ощущении обозначается не лексически, а словообразовательно. В корне слов эмоциональное значение не выражается, свое отношение к называемому говорящий показывает при помощи особых суффиксов. Такие слова называются эмоционально окрашенной лексикой; например с эмоцией ласки: *сынок, цветик, голосочек, пальчик, бабуся, бабуля, рученька, бабонька, солнышко, сердечушко, батюшка, папочка, славненький кудрявенький;* с эмоцией пренебрежения: *домишко, девчонка, мальчишка* и т. д.

Необходимо отличать от эмоциональной окрашенности лексики экспрессивную окрашенность, в которой выражается не чувство, а теми же суффиксами достигается особое усиление выразительности речи, например: *часок, неделька, годок, минутка* и др.

VI. ФРАЗЕОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 33. Основные типы фразеологических единиц в современном русском языке. Фразеологией называется вся совокупность устойчивых сочетаний слов, имеющихся в данном языке. Фразеологией же называется часть науки о языке, изучающая эти устойчивые фразеологические сочетания.

Фразеологические обороты, являясь неразложимыми смысловыми целыми, служат в предложении обычно одним каким-либо членом предложения и равнозначны слову, так как выражают одно понятие, например: *принять участие — участвовать; оказать помощь — помочь; клевать носом — дремать; водить за нос — обманывать; впасть в тоску — тосковать; оказать содействие — содействовать; прийти в ярость — разъяриться; делать усилие — силиться; сгореть от стыда — устыдиться; неровен час — а вдруг; кот наплакал — очень мало* и т. д. По конструкции фразеологическая единица соотносительна или со словосочетанием, или же с целым предложением. Поэтому фразеология

является, с одной стороны, предметом изучения лексики, с другой стороны — грамматики.

Фразеологические единицы образуются в результате частого и длительного употребления обычных синтаксических сочетаний и даже целых предложений.

Классификация фразеологических оборотов у разных ученых не является одинаковой[1]. Одни включают во фразеологию только особые фразеологические сочетания, так называемые лексически неразложимые сочетания, значения которых не вытекает из значения отдельных слов и которые не переводятся на чужой язык буквально. Другие относят к фразеологическим единицам также и пословицы, поговорки, профессиональные выражения, переводы иноязычных пословиц, библейские и евангельские выражения, выражения и обороты из античной литературы, афористические выражения, крылатые слова, устойчивые формулы и обороты научной речи и т. д. Наиболее принятой классификацией фразеологических единиц является классификация акад. В. В. Виноградова, который выделяет фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания[2].

§ 34. Фразеологические сращения. Фразеологическими сращениями называются неделимые и неразложимые сочетания, в значении которых нельзя уловить какую-либо связь со значениями входящих в них отдельных слов. В своих значениях фразеологические сращения не обусловлены, не мотивированы и произвольны с точки зрения современного языка. Если их составные элементы однозвучны с какими-нибудь самостоятельными отдельными словами языка, то это соотношение будет являться чисто омонимическим.

Фразеологическими сращениями являются, например, такие просторечные выражения, как: *собаку съел, бить баклуши, точить лясы, точить балясы, заговаривать зубы, заморить червячка, втереть очки, вылететь в трубу, кузькина мать* и т. п. Часто этого рода фразеологические единицы называют идиомами. Общий смысл таких оборотов совершенно не соотносителен со смыслом отдельных слов, их составляющих.

В связи с превращением свободных сочетаний в идиому резко изменяется и их грамматическое значение. Например, выражение *он собаку съел* значит: „он мастер". Грамматическое значение здесь будет совсем иное, чем то, которое мы будем наблюдать

[1] В настоящее время не только нет единства мнений о составе фразеологии и классификации фразеологических единиц, но нет и их единого, общепринятого названия: их называют фразеологическими сочетаниями, фразеологическими единицами, неразложимыми словосочетаниями, устойчивыми словосочетаниями, идиоматическими выражениями, идиомами, фраземами и т. д.

[2] Вышедшие „Англо-русский фразеологический словарь" (М., 1954 г.) и „Немецко-русский фразеологический словарь" (М., 1956 г.) систематизируют материал по классификации В. В. Виноградова. Несколько иначе классифицирует фразеологические единицы Б. А. Ларин, см. „Очерки по фразеологии", Ученые записки ЛГУ, № 198, 1956 г.

в свободном словосочетании. Сочетание *как ни в чем не бывало* становится наречием. Выражение *денег куры не клюют* — синонимично неопределенно-количественному слову *много* и т. д.

Акад. В. В. Виноградов делит фразеологические сращения на четыре типа:

1) фразеологические сращения, в состав которых входят непонятные, нигде, кроме как в этом выражении, не употребляемые слова: *попасть впросак, у чёрта на куличках, во всю Ивановскую* и др.;

2) синтаксически неразложимые фразеологические сращения, включающие грамматические архаизмы: *ничтоже сумняшеся, всуе печешися, вся недолга, притча во языцех* и т. п.;

3) фразеологические сращения, лексически неразложимые, выражающие какие-либо эмоции с экспрессией: *вот тебе и на! вот так клюква!* и т. д.;

4) фразеологические сращения, составляющие такое слитное единство, что лексическое значение отдельных слов, входящих в это единство, безразлично для понимания целого: *сел в калошу, сидеть на бобах, натянуть нос* и пр.

Следуя этим принципам разграничения устойчивых оборотов, к фразеологическим сращениям можно отнести следующие сочетания, в которых наличествует полная синтаксическая нерасчлененность, немотивированность словосочетаний и отсутствие живой грамматической связи между их морфологическими частями:

1) *согнуть в три погибели, ходить назад пятками, уйти в свою скорлупу, навострить лыжи, намозолить глаза, бить баклуши, точить лясы, сидеть на бобах, не чаять души* и т. д.

2) *ни к селу, ни к городу; при пиковом интересе, сон в руку, концы в воду, взятки гладки, сбоку припеку;*

3) *неровен час, чёрта с два.*

Семантическая целостность фразеологического сращения поддерживается полной синтаксической нерасчлененностью или немотивированностью этого словосочетания, отсутствием живой синтаксической связи между его морфологическими компонентами, например: *так себе, куда ни шло, то и дело, хоть куда* и др.

Фразеологические сращения могут быть и экспрессивного образования. В них выражается та или иная мысль, эмоционально окрашенная, например: *поминай как звали; вот тебе и на; пиши пропало* и др.

§ 35. Фразеологические единства. Фразеологическими единствами называются такие сочетания, которые тоже неделимы по смыслу, но связь элементов в которых в отличие от фразеологических сращений мотивирована.

От фразеологического сращения фразеологическое единство отличается тем, что в нем нет ничего непонятного с точки зрения современной системы языка.

Фразеологические единства неделимы, их элементы незаменяемы. Если заменить какое-либо слово, входящее во фразеологическое единство, нарушится целостность всего выражения.

Фразеологические единства имеют четыре существенных признака:

1) переносное, образное, не всегда четко выявляемое значение;

2) экспрессивную насыщенность;

3) невозможность перестройки и замены одних элементов другими;

4) возможность синонимической замены либо целым фразеологическим сочетанием, либо одним словом с эквивалентным значением.

Во фразеологических единствах можно выделить следующие типы:

1) фразеологические единства, образованные из слов с конкретным значением, употребляющиеся в разговорно-бытовой речи, например: *держать камень за пазухой, выносить сор из избы, семь пятниц на неделе, стреляный воробей, мелко плаваешь, кровь с молоком* и др.;

2) фразеологические единства, употребляемые в литературно-книжном и литературно-разговорном языке, например: *плыть по течению, бить ключом, из огня да в полымя* и др.;

3) фразеологические единства, принадлежащие разговорно-фамильярной речи, с сильной экспрессией и эмоциональной насыщенностью, например: *убил бобра, ему и горюшка мало, плакали наши денежки, держи карман шире! чем чёрт не шутит, наша взяла, ума не приложу, над нами не каплет* и др.;

4) каламбурные обороты, которые основаны на внутреннем контрасте, например: *без году неделя, от жилетки рукава, кормить завтраками* и др.

Особые группы фразеологических единств составляют: 1) обороты, исторически изменившиеся, образное представление в которых не соотносительно с его современным значением (например: *держать в черном теле, за пояс заткнуть, поставить крест* (на чем-нибудь), *сыр-бор загорелся* и т. д.) и 2) выражения, семантическая целостность которых создана эвфоническими и формально-грамматическими средствами: созвучиями рифм, однородностью членов и т. д., например: *сами с усами, ни сват ни брат, и нашим и вашим, всякой твари по паре* и т. д.

Совершенно особо стоят в ряду устойчивых выражений целостные неразложимые словесные группы, являющиеся названиями-терминами, например: *белый гриб, уксусная эссенция, прямая кишка, слепая кишка, зубная паста, кесарево сечение, пифагорова теорема, восклицательный знак, прогрессивный паралич, Черное море, Нижнее Поволжье, средние века* и пр.

§ 36. Фразеологические сочетания. Чтобы понять сущность фразеологических сочетаний, необходимо разграничить свободные

и несвободные сочетания слов. Возможность того или иного слова вступать в связи с другими словами предопределяется его лексическим значением. Одни слова свободно сочетаются со многими словами; например, слово *внезапный* может сочетаться со словами *решение, отъезд, приезд, известие, посещение, предложение* и т. д.; слово *темный* может быть определением к словам *комната, цвет, помещение, костюм, волосы, ночь* и т. п. Другие же слова ограничены в своих связях собственной семантикой и могут сочетаться только с определенным, иногда очень небольшим кругом слов; например, слово *кромешный* выступает только в оборотах *кромешная тьма, кромешный ад*; слово *скоропостижная* употребляется в сочетании только с одним словом *смерть*. Немногочисленны сочетания со словом *трескучий: трескучий мороз, трескучая фраза* и некоторые другие. Слово *потупить* сочетается только со словами *глаза, взор, голова,* но слово *опустить* сочетается с другими словами гораздо свободнее: *опустил глаза, голову, руку, нос* и др. Можно сказать *сгорел со стыда,* но нельзя сказать *сгорел от восхищения;* говорят: *развесил уши,* но не говорят: *развесил нос* (ср. *повесил нос*) и т. д.

Таким образом, фразеологическими сочетаниями называются несвободные, замкнутые ряды сочетаний слов. Во фразеологических сочетаниях, хотя и несвободных, имеется стержневое слово и зависящие от него переменные части. Эти части могут допускать синонимическую замену; например, вместо *беспросыпно пьет* можно сказать *беспробудно пьет*. Во фразеологических сочетаниях фразеологически обусловленным является только одно слово — стержневое, другие слова имеют свободное употребление; ср.: *затронуть чувство, затронуть гордость, затронуть интересы, затронуть честь* и т. д.

Структура фразеологических сочетаний (так же, как сращений и единств) очень разнообразна по своему характеру: они образуются и из словосочетаний, и из целых предложений. Среди фразеологических сочетаний, представляющих собой словосочетания, наиболее употребительными являются следующие группы:

1) фразеологические сочетания из имени существительного и прилагательного, местоимения или причастия, например: *глухой угол, печальное зрелище, глубочайшее недоумение, потерянные люди, потрясающий вид, гнетущая тоска* и др.;

2) фразеологические сочетания из двух имен существительных, например: *дело случая, дело чести, гримасы жизни, храм науки, грехи молодости, плод вдохновения, мрак неизвестности;* из сочетаний двух имен существительных, из которых одно имеет определение, например: *человек большой души, начертания роковой судьбы, человек светлого ума* и др.;

3) фразеологические сочетания из имен существительных с предлогами, например: *не в бровь, а в глаз; в семье не без урода;*

4) фразеологические сочетания из глагола и имени существительного с предлогом и без предлога, например: *ломать голову, расквасить нос, насупить брови, снять с работы* и др.;

5) фразеологические сочетания из глагола и наречия, например: *покатиться кубарем, лететь стрелой, заливаться смехом* и др.

Серьезным вопросом является вопрос отнесения в ту или иную группу фразеологических единиц пословиц и пословичных речений и разграничение их между собой. Ученые по-разному подходят к решению этого вопроса. Акад. В. В. Виноградов пословицы и пословичные речения, а также и поговорки не включает ни в один из трех разрядов, хотя в качестве примеров фразеологических единств В. В. Виноградов приводит такие, как: *на вкус и цвет товарища нет, хлопот полон рот; Федот, да не тот* и др. Проф. А. И. Ефимов пословицы и поговорки безоговорочно относит к фразеологическим единицам. Мы полагаем, что пословицы и поговорки следует включить в раздел фразеологии, учитывая однако их особую лексико-семантическую природу.

Вопрос этот, следовательно, ждет своего решения. При анализе поговорок и пословиц надо учитывать их структуру, их больший или меньший метафорический характер. Что касается их возникновения, то много пословиц и поговорок употребляется как выражение народной мудрости, например: *Под лежачий камень и вода не течет; В пашне огрехи — в кармане прорехи; Глаза страшат, а руки делают; Правда глаза колет; Кривдой век не проживешь; Правда светлее солнца; Берись дружно, не будет грузно; Смелость города берет; Про доброе дело говори смело* и др.

Немало имеется и исторических поговорок и пословиц: *Веселие Руси есть пити; Погибоша, аки обри; Погиб, как швед под Полтавой; Кричать во всю Ивановскую; Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.*

Возникло много пословиц и поговорок в связи с Великой Октябрьской социалистической революцией, победой колхозного строя и Великой Отечественной войной, например: *Знали, кого били, оттого и победили; Раньше жили — слезы лили, а теперь живем — счастье куем; На печи лежать — трудодней не видать* и др.

В литературном языке осталось немало выражений библейского и евангельского происхождения, например: *Посыпать пеплом главу; Вавилонское столпотворение; Ноев ковчег; Ничтоже сумняшеся; Заблудшая овца; Беречь, как зеницу ока; Имеющий уши да слышит; Не добро человеку быть едину; Не мудрствуя лукаво; Несть числа; Имя им легион* и т. д.

Много употребляется афоризмов из художественных произведений античной и западной литературы; например, из античной: *авгиевы конюшни; перейти Рубикон; танталовы муки; прокрустово ложе; ахиллесова пята; узы Геменея; между Сциллой*

и Харибдой; дамоклов меч; гордиев узел; дойти до геркулесовых столбов и т. п.; из западной: *между молотом и наковальней; последний из могикан, бальзаковский возраст, быть или не быть* и т. д.

В общелитературный язык вошли такие разговорно-просторечные сочетания, которые родились в народной речи, например: *потерять голову, погреть руки* (нажиться нечестным путем), *отвести глаза, мелко плавать, водить за нос, выкинуть коленце, пороть дичь, держать ухо востро, кривить душой* и др.

Особую группу составляют фразеологические сочетания, которые образованы различными русскими писателями. Особенно велика здесь роль И. А. Крылова и А. С. Грибоедова.

Из басен Крылова повторяют целые стихи как целостные неразложимые сочетания, например: *Сильнее кошки зверя нет; А Васька слушает да ест; Как белка в колесе* и др. У Грибоедова их еще больше: *С чувством, с толком, с расстановкой; Дистанция огромного размера; Свежо предание, а верится с трудом; Числом поболее, ценою подешевле; Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой* и т. п.

Другие писатели тоже внесли свою лепту во фразеологию русского языка, так и их многие выражения стали образными, ходячими выражениями. Например, из пушкинских стихов, ставших такими крылатыми словами, можно назвать: *Блажен, кто смолоду был молод; Невольно к этим грустным берегам меня влечет неведомая сила; Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь; Но я другому отдана и буду век ему верна; Привычка свыше нам дана; Любви все возрасты покорны; Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни; Что день грядущий мне готовит; Тяжела ты, шапка Мономаха; Да здравствует солнце, да скроется тьма* и т. п.

Из произведений Гоголя как афоризмы употребляются: *Пошла писать губерния; Не по чину берешь; Унтер-офицерская вдова сама себя высекла* и др.

Из произведений Салтыкова-Щедрина в общее употребление вошли, например: *Сие от них не зависит; Помпадуры и помпадурши; Применительно к подлости* и т. д.

Широко известны и употребительны такие чеховские выражения: *Лошадиная фамилия; Человек в футляре; Двадцать два несчастья* и др.

М. Горькому обязаны своим существованием в языке такие выражения, как: *В карете прошлого далеко не уедешь; Человек выше сытости; Город Желтого Дьявола; Рожденный ползать — летать не может; Безумство храбрых — вот мудрость жизни; Если враг не сдается, его уничтожают* и др.

Включаются в пословицы и поговорочные выражения афоризмы выдающихся общественных деятелей.

Основоположникам марксизма-ленинизма принадлежат такие лаконичные и образные выражения, как: *Призрак бродит по*

Европе — призрак коммунизма (К. Маркс и Ф. Энгельс); *Религия — опиум для народа* (К. Маркс); *Всерьез и надолго; Лучше меньше, да лучше; Догнать и перегнать* (В. И. Ленин) и т. д.

VII. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

§ 37. Обновление лексики русского языка. Коренные изменения, которые произошли в общественно-политической, экономической и культурной жизни нашей родины после Великой Октябрьской социалистической революции, привели к серьезному обновлению лексической системы русского языка. Это обновление современной словарной системы нашло себе особенно яркое отражение 1) в появлении в активном словарном запасе новых слов и фразеологических оборотов, 2) в закреплении за целым рядом слов новых значений, 3) в уходе некоторых устаревших лексико-фразеологических фактов в пассивный запас, 4) в утрате отдельными словами некоторых старых значений и 5) в расширении состава общенародной и стилистически общеупотребительной лексики и фразеологии за счет отдельных, ранее ограниченных в своем употреблении групп слов и оборотов.

Самым заметным и в то же время важнейшим процессом, происходящим в словарном составе современного русского литературного языка, является процесс пополнения лексики и фразеологии новыми словами и фразеологическими оборотами, процесс возникновения и укрепления в общелитературном употреблении новых слов и выражений.

По своему происхождению и характерным особенностям они делятся на две большие группы. Первую группу составляют новообразования советской эпохи, возникшие в русском языке на базе уже существовавших в нем слов и фразеологических оборотов. Они образуют подавляющее количество лексико-фразеологического материала, вошедшего в русский язык в советскую эпоху. Среди них наблюдаются как слова, так и устойчивые выражения. Большая часть их представляет собой факт общелитературного употребления.

Весьма значительный пласт среди новообразований советской эпохи составляют советизмы, т. е. такие слова и фразеологические обороты, которые являются выражением и наименованием понятий, явлений и предметов, представляющих собой специфическую особенность нашей социалистической действительности, например: *колхоз, СССР, комсомол, плановость, перевыполнить, подшефный, по-советски, марксистско-ленинский, культурно-бытовой, учебно-производственный, секретарь райкома, депутат Верховного Совета, художественная самодеятельность, лампочка Ильича, новатор производства, поделиться опытом, подхватить инициативу* и т. п.

Вторую группу образуют лексические заимствования в советскую эпоху из других языков. В количественном отношении они немногочисленны. За вычетом единичных фразеологических ка́лек это слова́. В подавляющем большинстве они представляют собой научно-технические термины. Среди них совершенно нет слов, выражающих понятия и называющих явления и вещи, являющиеся специфической особенностью нашей советской жизни, и, напротив, есть такие, которые отражают чуждый нам капиталистический строй, например: *босс, вермахт, фашизм, реваншисты* и т. д.

§ 38. Основные типы новообразований. Важнейшие процессы в изменении лексики и фразеологии. В группе новообразований советской эпохи наблюдаются самые разнообразные по своему типу и структуре слова и фразеологические выражения. Среди новых слов, появившихся после Октября, подавляющее большинство составляют образованные при помощи таких морфологических способов словообразования, по таким моделям, которые были продуктивными и до революции. В качестве такого рода слов можно указать: *телевизионный, самокритично, эстрадник, орденоносец, новостройка, предпусковой, рельсоукладчик, экранизировать, нестандартный, снегование, краснознаменный, зарекомендовать, самообслуживание, бездефицитный, самоотвод, экскаваторщик, отличник, передовик, среднесуточная, спаянность, заготовитель, тепловоз, грузовик, месячник, домоуправление, высокотоварный, суворовец, высотник, левацкий, лифтерша, спецовка, боеприпасы, газоснабжение, шефствовать, сухофрукты, заочник, переподготовка, сработаться, электричка* и др. Особенно много новых слов, образованных при помощи продуктивных и раньше способов словопроизводства, появилось с суффиксами *-ние (-ение), -ость, -ик, -чик (-щик)* и сложными основами, т. е. отвлеченных имен и существительных со значением лица.

Однако есть в этой группе и такие слова, словообразовательный характер которых является новым, если и существовавшим как модель ранее, то лишь в качестве малопродуктивного.

Сюда относятся прежде всего:

1) Сложносокращенные существительные: *КПСС, горсовет, парторг, юннат, завхоз, агитпункт, компартия, технорук, техред, вуз, завком, кожимит, партбюро, автобаза, сельпо, стенгазета, метизы, жилфонд, детсад, стройматериалы, га, сельхозартель, авиапочта, автозавод, универмаг, телецентр, леспромхоз, профсоюз, Учпедгиз, МГУ, санбат, дот* и др.

2) Сложносоединенные прилагательные: *трамвайно-троллейбусный, идейно-теоретический, отчетно-выборное, хозяйственно-политическая, научно-исследовательский, инженерно-технический, жилищно-бытовая* и т. д.

3) Сложносоединенные существительные: *вагон-ресторан, мать-героиня, кресло-кровать, фабрика-кухня, завод-автомат, платье-костюм, токарь-скоростник, город-герой, пистолет-пулемет* и т. д.

4) Существительные, возникшие с помощью суффикса *-ка* на базе словосочетания из существительного и прилагательного: *зенитка* — зенитное орудие, *фугаска* — фугасная бомба, *пятилетка* — пятилетний план, *техничка* — техническая работница, *врубовка* — врубовая машина, *тушенка* — тушеное мясо, *десятилетка* — десятилетняя школа, *многотиражка* — многотиражная газета и т. д.

Помимо появления в советское время собственно новых лексических единиц в результате того или иного морфологического способа словопроизводства, в целом ряде старых, существовавших и ранее слов появились новые значения и эмоционально-стилистические оттенки.

Этот процесс развития в некоторых словах новой, до этого неизвестной им семантики приводил или к возникновению у слова более разветвленной и многообразной системы значений, или к возникновению из одного слова — двух слов-омонимов. Так, например, слово *кустарный* до революции было относительным прилагательным к слову *кустарь* и обозначало „производимый домашним, не фабричным способом“ (ср. *кустарная мастерская, кустарные изделия* и т. д.). В наше время слово *кустарный,* сохранив старое значение, приобрело новое — „примитивный, неискусный, бессистемный“, став в этом значении качественным прилагательным (ср. *кустарнее, чрезвычайно кустарные* и т. д.). Слово *пионер*, ранее обозначавшее солдата военно-инженерных войск и человека, прокладывающего новые пути в какой-либо области деятельности или знания, стало после революции названием члена детской коммунистической организации и т. д.

Для иллюстрации таких семантических новообразований советской эпохи можно отметить слова: *призывы* (в значении „лозунги“), *пол* (в значении „половина“ в выражениях: *полпятого, полпервого* и др.), *бригадир* (в значении „руководитель бригады как определенного коллектива“), *актив* (партийный актив, профсоюзный актив), *Октябрь* (в значении названия *Великая Октябрьская социалистическая революция*), *плитка* (в значении „электрическая плитка“), *вожатый* (в значении „руководитель в пионерском отряде“), *либеральный* (в значении „нетребовательный“), *нагрузить* (в значении „дать поручение“), *зарядка* (физкультурная зарядка), *шефствовать* (в значении „осуществлять шефство над кем-нибудь“), *самодеятельность* (вечер *самодеятельности*), *ясли* (детские *ясли*), *слет* (*слет* пионеров), *перекрыть* (в значении „перевыполнить“), *титан* (в значении „кипятильник“), *сигнал* (в значении „предупреждение“), *самотеком* (в значении „стихийно“) и т. д.

Эти слова в своих новых значениях нередко служат для образования новых слов при помощи морфологических способов словообразования. Так, от слова *кустарный* в значении „примитивный, неискусный, бессистемный“ в советскую эпоху было образовано слово *кустарно*; от слова *пионер* в значении „член детской коммунистической организации“ возникли слова *пионерский, пионерия, пионервожатый, пионерка*; от слова *актив* в новом значении были произведены слова *активизировать, активист* и т. п.

Немало после Октября вошло в русский язык и устойчивых выражений различной смысловой спаянности, семантики и стилистического употребления.

В качестве новых, советского времени фразеологических оборотов, структурно аналогичных, однако, возникшим ранее, можно отметить выражения: *зеленая улица, торговая сеть, трудовые успехи, подъемный кран, звездный пробег, шагающий экскаватор, почетная грамота, педагогическая практика, запасные части, самоходный комбайн, проводить беседу, проводить в жизнь, сдать в эксплуатацию, развязать войну, держать курс* (на что-нибудь), *снять с работы, режим экономии, председатель колхоза, чувство нового, поджигатели войны, проверка исполнения, на все сто, крупным планом, высшее учебное заведение, страны народной демократии, целиком и полностью* и т. д.

Как уже отмечалось, значительно меньше новых слов в русском языке советской эпохи появилось в результате заимствования. Основную их часть составляют слова ограниченного в стилистическом отношении употребления, именно разнообразные научные, технические и т. п. термины (обычно термины международного языкового фонда, не являющиеся специфической принадлежностью какого-либо одного языка). Вот несколько примеров: *конвейер, комбинат, агрессор, телевизор, конферанс, трактор, аккордеон, стрептоцид, комбайн, эскалатор, метро, техникум, штапель, элеватор, саботаж, эскимо, авитаминоз, аэродром, транспортер, матч, донор, капрон, радиолокация, фашизм* и т. д.

Значительно меньше, нежели процесс появления новых слов и фразеологических оборотов, повлиял на изменение словарного состава русского языка в советское время процесс противоположный, процесс ухода некоторых слов и выражений из активного употребления в пассивный словарный запас, процесс перехода их в разряд устаревшей лексики и фразеологии. Тем не менее и он наложил серьезный отпечаток на словарный состав современного русского литературного языка. В своей подавляющей массе это было превращение фактов активного словарного запаса в историзмы, т. е. выход из активного употребления того или иного слова или выражения в результате исчезновения из нашей советской действительности соответствующих предметов, вещей, явлений и т. п. (уничтожение старой бюрократической государственной машины, старых общественных отношений и т. д.). Сюда относятся: *царь, урядник, фрейлина, столоначальник, сиделец, трактир, гимназия, гувернер, институтка, бонна, будуар, земство, конка, казначейство, консистория, соха, кредитка, реальное училище, постоялый двор, питейное заведение, титулярный советник, классная дама, ваше благородие, милостивый государь* и т. п.

Несравненно меньше случаев вытеснения из активного словарного запаса одних слов и фразеологических оборотов другими, т. е. появления архаизмов. В качестве примеров можно привести слово *аэроплан*, вытесненное из активного употребления словом *самолет;* слово *авиатор*, на смену которому в активном словарном запасе пришло слово *летчик*; слово *манкировать*, оттесненное в пассивное употребление словом *пренебрегать;* слово *курортный*, которое заменилось словом *курортник;* слово *провинция*, ставшее очень мало употребительным после укрепления в активном словарном запасе слова *периферия;* слово *бомбовоз*, ставшее фактом пассивного словарного запаса благодаря появлению слова *бомбардировщик;* слово *чернорабочий*, на глазах уходящее из языка в силу укрепления в активном употреблении слова *разнорабочий*, и т. д.

Особый разряд лексических архаизмов возникает в сфере топонимии в связи с переименованием ряда областей, городов, деревень, улиц и т. д. В эту группу входят слова типа *Петроград* (ныне *Ленинград*), *Тверь* (ныне *Калинин*), *Козлов* (ныне *Мичуринск*), *Полторацк* (ныне *Ашхабад*), *Петергоф* (ныне *Петродворец*), *Триумфальная* площадь (ныне площадь *Маяковского*), *Тверская* улица (ныне улица *Горького*), *Гокча* (ныне *Севан*) и т. д.

Процессы появления новых слов и выражений, а также новых их значений, с одной стороны, и архаизации ряда слов и фразеологических оборотов, с другой, не являются единственными.

Очень важными процессами являются также и те изменения, которые касаются не самого состава лексико-фразеологического материала, а его стилистического распределения, употребительности в более или менее широкой сфере языкового общения.

Основным процессом в данном случае является резкое увеличение (по сравнению с тем, что было до революции) в общей системе словарного состава пласта общенародной лексики и фразеологии. В связи с ликвидацией неграмотности, с овладением широкими народными массами богатством русской литературной речи, с невиданным подъемом культуры русского народа в советское время в общенародную лексику и фразеологию вошли многие слова и выражения, являющиеся по происхождению общественно-политическими, научными и техническими терминами и ранее представлявшие факты стилистически ограниченные.

VIII. СВЕДЕНИЯ ПО РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

§ 39. Основные виды словарей. Наука, занимающаяся составлением словарей, называется лексикографией (от греческих слов *lexikos* — словарный и *graphō* — пишу).

Словари, включающие в себя словарный состав того или иного языка, делятся в первую очередь на две большие группы: словари энциклопедические и словари лингвистические.

В энциклопедических словарях объясняются, характеризуются сами предметы, явления и т. д., а в лингвистических словарях объясняются (толкуются) слова и их значения.

Лингвистические словари делятся на одноязычные, двуязычные и многоязычные; например, толковые словари — это одноязычные, так как в них слова объясняются посредством слов этого же языка, тогда как в двуязычных и многоязычных словарях слова объясняются посредством сопоставления слов родного языка со словами другого языка.

Лингвистические толковые словари по своему объему и характеру бывают также разные: 1) словари Thesaurus (Thesaurus — сокровище, хранилище; из греч. яз.), т. е. словари, вмещающие все слова, весь наличный языковый материал; 2) словари литературного языка; 3) словари областные; 4) словари языка отдельных писателей; 5) словари языка отдельных произведений.

К лингвистическим же словарям относятся: 1) словари иностранных слов; 2) словари исторические; 3) словари этимологические; 4) словари синонимические; 5) словари фразеологические; 6) словари орфографические и 7) словари орфоэпические.

В России начало составления словарей относится к очень раннему периоду. Первые словари, так называемые „азбуковники", поясняющие значение некоторых старославянских и греческих слов, появились еще в XIII веке.

В 1596 году как приложение к грамматике священника Лаврентия Зизания появился первый печатный словарь, который назывался „Лексис, сиречь речения, в кратце собраны и из словенского языка на просты Русский диялект истолкованы". Словарь этот содержал 1061 слово; слова были расположены в алфавитном порядке. Словарь Зизания послужил источником для ряда других печатных словарей, в том числе словаря Памвы Берынды „Лексикон славенороссий" (1627 г.).

В словаре Берынды уже наметилось разграничение старославянских элементов и элементов русских, из живого разговорного языка. Старославянским формам (*бразда, брию браду, бремя, влекуся, враг, врата, возглас, глава, глас* и др.) он противопоставляет русские формы, например: *борозда, голю бороду, беремя, волокуся, ворог, ворота, оголошение, голова* и т. д.

В 1704 году был издан большой „Лексикон треязычный" русских слов с толкованием их на латинском и греческом языках Федора Поликарпова. Славянское слово в нем переводилось на греческий и латинский языки. „Лексикон треязычный" имел большое теоретическое и практическое значение, служа пособием для переводчиков и показывая богатство лексики русского языка. Объем и обработка материала этого словаря свидетельствуют о том, что в самом начале XVIII века у нас уже существовала определенная научная лексикографическая традиция.

При Петре I был составлен и первый словарь иностранных терминов — „Лексикон вокабулам новым по алфавиту".

Работать над составлением первого нормативного словаря русского литературного языка начал еще М. В. Ломоносов вместе с Кондратовичем и Таубертом. Их материалы послужили основой для подготовки изданного значительно позже „Словаря Академии Российской“ (1789—1794), т. I—VI.

В „Словарь Академии Российской“ включались слова из современных книг, как светских, так и церковных, а также из древнерусской письменности. Особенно много бралось слов из сочинений М. В. Ломоносова.

Теоретическим фундаментом и критерием стилистического размежевания слов являлось учение Ломоносова о трех штилях. Стилистические пометы делались на основе установленных М. В. Ломоносовым признаков. Иностранных слов включено очень немного, из них больше всего греческих (342) и латинских (107). Слов из живых западноевропейских языков также мало: 92 слова из французского языка и 74 из немецкого.

Всего в этом словаре было 43 257 слов, расположенных гнездами, по алфавиту, в шести томах.

В 1806—1822 гг. вышло второе издание „Словаря Академии Российской“. Оно отличалось от первого в основном лишь расположением материала (по алфавиту); количественно словарь увеличился на 8131 слово (в известной мере за счет введения областных или просторечных слов).

В 1847 году вышел четырехтомный „Словарь церковнославянского и русского языка“, составленный вторым отделением Академии наук (тт. I—IV, СПБ, 1847), вмещавший 114 749 слов. Словарь 1847 года является самым совершенным из всех прежде выходивших словарей. Словарь этот интересен и тем, что в нем отражен язык пушкинского периода (как в словарном, так и в грамматическом отношении). В словаре 1847 года были использованы самые разнообразные материалы из более чем 200 книг различных авторов; вместо цитат из Ломоносова были использованы произведения Крылова, Грибоедова, Пушкина и др.

Составители словаря ставили целью охватить полностью все богатство русской лексики. Словарь включает церковнославянские, собственно русские, иноязычные слова, вошедшие в русский язык, областные, простонародные слова, специально-профессиональные и научные термины.

В словаре стройно и последовательно на основе учения А. Х. Востокова указывались грамматические формы слова, особенно в системе глагола.

Однако включение большого количества старославянских и древнерусских слов помешало со всей полнотой охватить современное словарю состояние русской лексики.

Определение слова давалось путем кратких логических определений с добавлением синонимов. Эта система определений собственно сохранилась и до настоящего времени. В словаре впервые были отмечены многие значения слов, хотя оттенки не отмечены.

Характер построения словарной статьи зависел от смыслового объема слова. Чем содержательнее и употребительнее было слово, тем больше значений в нем вскрывалось, хотя омонимы не разграничивались, как разные слова. Прием энциклопедического объяснения слова исключался совсем. Более точно и четко дифференцировались профессиональные слова по различным отраслям. Были обновлены стилистические пометы.

Своего значения словарь этот не утратил и до наших дней, хотя в нем немало недостатков.

§ 40. Словарь Даля. В. И. Даль поставил целью показать все богатство народного языка. Свою задачу он постарался выразить уже в названии словаря: „Толковый словарь живого великорусского языка“. Впервые этот словарь был напечатан в 1863—1866 гг., в четырех томах. Всего было включено около 200 000 слов. Словарь Даля выдержал до революции четыре издания. Второе вышло в 1880—1882 гг.; третье в 1903—1909 гг. и четвертое (1912—1914) издания вышли под редакцией проф. Бодуэна де Куртене, серьезно переработанные.

Словарь В. И. Даля — труд всей его жизни. Это своеобразное и оригинально-неповторимое явление русской культуры, отмеченное печатью высокой талантливости и любви к русскому языку и его носителю — русскому народу.

Политические взгляды Даля были сложны. Несмотря на то что некоторые идеи Даля носили регрессивный характер, все же его горячая, искренняя любовь к народной русской речи заставляла современников многое извинять ему, так как он был большим знатоком и ценителем меткости, ясности и богатства русской речи.

В. И. Даль расположил слова в своем словаре гнездами[1], чтобы не разрывать живой связи слов. Однако образование некоторых гнезд произведено Далем ошибочно: например, в гнездовую статью с заголовочным словом *баба* — „замужняя женщина у низших сословий“ — Даль включает слова *бабы* („созвездие Плеяды“), *бабка* („козлы для подмостков“), *бабурка* („горнушка“, „зольник“) и многие другие, ничего общего не имеющие с заголовочным словом *баба*. В одно гнездо он включал такие, например, слова: *простой* и *простор; оброк* и *обрекать* и др., тем самым нарушая принцип гнездового расположения, так как включал в одно гнездо образования, чуждые этимологически. В то же время родственные слова В. И. Даль иногда помещал в разные гнезда, например: *дичь — дикий, дух — душа, круг — кружить, горн — горшок* и т. п.

Таким образом, слабой стороной в словаре Даля является этимология слов. Но, несмотря на отдельные ошибки, словарь В. И. Даля трудно переоценить. Поразительное знание Далем

[1] Расположением „гнездами“ называется расположение слов в словаре не по алфавиту, а группами однокоренных слов.

материальной культуры русского народа позволяло ему давать слово во всех сферах его употребления.

Пояснение слова Даль проводит путем привлечения большого числа синонимов и посредством показа его в контексте.

При определении значения слова Даль сначала дает общее определение, а затем различные частные значения. Нередко расширение семантической характеристики слова и увеличение количества тождественных слов нарушает ясность и логичность в определении значения слова. Например, раскрывая значение слова *серьезный,* Даль приводит синонимы *сухой, пасмурный, сумрачный, мрачный, угрюмый.* Но ведь слово *серьезный* определяет человека по отношению к делу, к обязанностям, к людям, а слово *угрюмый* обозначает черты характера или временного настроения. Человек может быть *серьезен,* но не *мрачен* и не *угрюм,* и наоборот: может быть *мрачным,* но не *серьезным.* К слову *ссора* Даль неправильно приводил в качестве синонимов *вражда, перебранка* и др.

Толкование политических терминов дано с реакционной точки зрения „официальной народности".

Слабой стороной словаря Даля является также отсутствие грамматических помет: их совсем почти нет. Непонимание им подлинной грамматической природы слова совершенно очевидно. Так, например, наклонение В. И. Даль объясняет так: „Одно личное, другое безличное, третье приказывает".

Вместе с тем нельзя не указать на поразительное богатство и изобилие приводимых пословиц, поговорок, идиом, размещенных, правда, без какой-либо системы.

Словарь В. И. Даля незаменим по объему включенной в него лексики всех видов: устно-разговорной, литературно-письменной, научно-технической, профессиональной и др.

В связи с общим пониманием закона словопроизводства в „жизненной живой силе" русского языка В. И. Даль не стеснял себя какими-либо традициями словообразования. В ряде случаев он сам конструировал слова и определенные модели словообразования то по народным образцам, то по аналогии с литературным языком, то по „соответствию с русским духом" (например: *живуля, насылка, ловкосилие* и т. п.).

Первое издание словаря было подготовлено самим В. И. Далем. Для второго издания словаря он, учитывая критические замечания акад. Грота и др., расширил семантическую характеристику слов и снабдил слова пометами: *южн., запад., арх., сиб.* и др., указывая на место их распространения и употребления. Пополнил Даль свой труд и новыми словами, включив много свежего иллюстративного материала; однако издать словарь он уже не успел, и второе издание вышло после смерти автора.

Большой переработке подвергся словарь для третьего издания, редактором которого был Бодуэн де Куртене. И. А. Бодуэн де Куртене внес большие исправления в гнездование, упорядочив

состав гнезд. Было включено около 20 000 новых слов и систематизированы грамматические пометы.

Второе издание словаря В. И. Даля было воспроизведено фотомеханическим способом в 1935 году и переиздано в 1955 году.

§ 41. Словарь русского языка II отделения Академии наук. После выпуска „Словаря церковнославянского и русского языка" (в 1847 году) он был переиздан в 1867 году без изменений. Но работа II отделения Академии наук не прекращалась.

Уже в 50-х годах XIX века в Академии наук начали обсуждать программу нового словаря. Новый словарь, Словарь русского языка, должен был включать в себя общеупотребительные слова литературного и делового языка, областные слова, уже включенные в язык художественной литературы, старославянские и древнерусские слова, еще встречающиеся в сочинениях русских писателей.

Из научных, технических и профессиональных терминов в словарь должны были быть включены такие названия, „которые могут встречаться как во вседневном быту, так и в не слишком специальных сочинениях, а также термины собственно русского происхождения, хотя и мало известные, но могущие удачно заменять иностранный" (предисловие к словарю).

К работе были привлечены лучшие филологи. Редактором был назначен акад. Я. К. Грот.

Первый том этого словаря, работа над которым началась в 1891 году, вышел в 1895 году, он включал слова на буквы *А — Д.* Этот материал был отредактирован Я. К. Гротом.

Словарь 1891—1895 гг. был построен по алфавитному порядку. Грамматическая обработка была очень тщательной и продуманной. Эта система грамматических помет была принята всеми последующими словарями русского языка. Была выработана система указаний на приемы живого словопроизводства, указаний на происхождение слов. В словаре четко различались омонимы и синонимы.

В этом словаре давалось ясное и точное определение слова в соответствии с его современным пониманием. Была выработана новая система стилистических помет. Гротом различаются просторечные, народные или общерусские речения, народно-поэтические, старинные, устаревшие, областные, иронические, простонародно-иронические, шуточные, непристойные. Есть указания на сферы применения тех или иных слов, например: школьные, бурсацкие, бухгалтерские, дипломатические, деловые, купеческие, заводские, кондитерские, канцелярские, коннозаводские и др. (ясно, что в основу деления слов положены разные критерии).

В словаре довольно полно отражена лексика литературного языка с половины XVIII века. Для иллюстраций того или иного значения слова в словаре приведены примеры из сочинений лучших русских писателей XVIII и XIX веков: Карамзина, Пушкина, Гоголя, Некрасова, Гончарова, Л. Толстого и других.

Следует указать, что некоторые политические термины определены с реакционных позиций и иллюстрированы тенденциозными цитатами (например, слово *коммуна* и др.).

После смерти Грота (1893 г.) общее редактирование перешло к акад. А. А. Шахматову, который внес много нового в разработку толкового словаря. А. А. Шахматов редактировал словарь до 1920 года. После смерти акад. Шахматова в направлении словаря никаких изменений не было до 1929 года.

В словарь помещались все общественно-политические, научные, технические и профессиональные термины, слово давалось во всех его значениях, на каждое слово приводились примеры, иллюстрирующие его применение.

Увеличение объема словаря повлияло на его структуру. Меньше стали обращать внимание на разграничение смысловых и стилистических значений, вследствие чего оттенки значений ускользали; разграничение омонимов и переносных значений слова не всегда было правильным. В период редактирования словаря акад. А. А. Шахматовым грамматические пометы и приемы грамматической обработки слова делались в соответствии с его взглядами. А он, как известно, отрицал принцип научной нормализации языка, полагая, что „главный и единственный авторитет в языке — это обычай, употребление".

Введение огромного количества диалектных слов исключало возможность более углубленного семантического толкования и стилистического разграничения и квалификации языковых единиц в стилистическом плане. Кроме того, серьезные политические ошибки допускались в объяснении слов даже в послереволюционных выпусках. В иллюстративный материал включались цитаты из произведений реакционных писателей.

Появилась необходимость составления нового словаря.

В 1929 году по требованию общественности был пересмотрен план издания и поставлены иные задачи: дать толковый словарь современного русского языка в историческом развитии в пределах со второй половины XVIII века до наших дней, который был бы и нормативным словарем.

§ 42. Словари советской эпохи. Академия наук СССР с 1948 года вновь взялась за составление русского словаря, который должен состоять из 14 томов и включать слова русского литературного языка от Пушкина до Горького. Словарь, по замыслу составителей, должен носить характер толкового, нормативного словаря.

В словаре слова, образованные от одной основы и объединенные основным лексическим значением, давались гнездами. При таком способе казалось, что будет легче выяснить главное и второстепенное значения слов и ярче выяснится вся система значений слова, но практически гнездовой способ расположения слов оказался неудобен, так как нужное слово трудно было найти, поэтому с 4-го тома перешли к алфавитному способу.

В новом академическом 14-томном словаре принцип определения слова и его значения схож с принципами энциклопедических словарей.

Выделяется терминологическая лексика. В словаре указываются все основные и побочные значения. Кроме развернутого основного значения слова, дается и синонимическое объяснение с указанием и производных значений.

После выявления значений слова даются устойчивые фразеологические словосочетания, приводится богатый иллюстративный материал из произведений писателей и общественно-политических деятелей. В словаре дается тонкий стилистический анализ слова и синонимов, но некоторые стилистические пометы не применяются (например, в нем нет пометы: *разговорное*). Грамматические пометы даны очень подробно: отмечаются морфологические и синтаксические особенности слова, более ясны принципы отбора дублетных форм, четче даны орфоэпические и орфографические нормы языка.

В словаре осуществляется строгий принцип отбора слов. Очень редко употребляемые диалектные слова, грубая, вульгарная лексика, узкопрофессиональные слова не включаются. Составители вводят в словарь все наиболее ценное и жизненно важное из русского языка.

Но словарь имеет и ряд недостатков: многие слова живого русского языка не введены, слова старые, не употребляемые в живой речи, включены в слишком большом количестве.

В настоящее время самым употребительным словарем является „Толковый словарь русского языка", составленный советскими учеными: В. В. Виноградовым, Г. О. Винокуром, Б. А. Лариным, С. И. Ожеговым, Б. В. Томашевским и Д. Н. Ушаковым — и вышедший в 1935—1940 гг. под редакцией Д. Н. Ушакова. Мысль о словаре такого типа зародилась еще у В. И. Ленина в 1920 году. В. И. Ленин писал А. В. Луначарскому: „Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького"[1]. При жизни В. И. Ленина словарь создать не удалось. Только спустя десять лет была организована работа ученых по написанию и выпуску „Толкового словаря русского языка". Этот нормативный словарь (имел два издания) содержит в четырех томах 85 289 слов.

В „Толковом словаре русского языка" под редакцией Д. Н. Ушакова слова расположены в алфавитном порядке с иллюстрациями из художественной литературы, научных и публицистических трудов и из разговорного языка, но чаще всего даны примеры, придуманные самими составителями.

В словаре проведены более четкие принципы отбора слов. Основная масса слов — широкоупотребительные, жизненно необ-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 369.

ходимые слова, но все же в нем немало и устаревших слов, например: *гридь, домрачей, мамона, евхаристия* и др.

Словарь ставит своей задачей указать: 1) правильное употребление слов, 2) правильное образование форм, 3) правильное написание и произношение слов.

Интересна в словаре система стилистических помет. Так, например, указывается, к какому стилю относится слово в области устной речи: к разговорному, просторечному, фамильярному, вульгарному, школьному, жаргонному или областному; даются пометы: *книжно-письменное, техническое, специальное, газетное, публицистическое, официальное, канцелярское, поэтическое, народно-поэтическое* слово и указывается эмоциональная окраска слов с пометами: *бранное, неодобрительное, шутливое, презрительное, пренебрежительное, укорительное, торжественное, риторическое* и др. Однако на основании помет не всегда удается провести четкую грань между вульгарными словами и фамильярными, между канцеляризмами и словами официального языка. Даются пометы, устанавливающие классификацию слов в зависимости от их характера употребления и бытования, например: *старое, старинное* или *устарелое, новое* и т. д.

Этот толковый словарь является настольной книгой всякого работника культурного фронта: учителя, инженера, студента, журналиста, писателя. Он учит русскому литературному языку и предостерегает от ошибок как в устной, так и в письменной речи, прививает любовь к родному языку.

Недостатком словаря является то, что в нем нет многих новых слов, употреблявшихся уже до 1940 года, и вместе с тем много устаревших слов, которые можно было и не включать, например: *архипастырь, светопреставление* и др. Некоторые политические термины истолкованы не вполне правильно. Совершенно неуместно помещено в нем довольно большое количество областных слов и слов грубых, вульгарных, так как словарь является нормативным.

В 1949 году появился краткий, однотомный „Словарь русского языка“ С. И. Ожегова под редакцией акад. С. П. Обнорского. В 1952 году вышло второе, а затем (в 1953 г.) и третье издание словаря. Характер этого словаря, собственно, тот же, что и характер словаря под редакцией Д. Н. Ушакова. Он и создан на основе четырехтомного „Толкового словаря русского языка“ под редакцией Д. Н. Ушакова.

С. И. Ожегов ставил своей задачей дать наиболее употребительную, наиболее актуальную лексику нашего времени, используемую как в художественной, так и в научной, публицистической и в официально-деловой речи. Словарь включает 52 тысячи слов. Автор стремится пополнить словарь новыми словами, появившимися после выхода словаря под редакцией Д. Н. Ушакова, стремится уточнить определение значений, четче выявить омонимы, многозначность слова, более систематично вводить фразеологические единицы.

Ввиду того что словарь носит нормативный характер, в нем много уделено внимания произношению и правописанию.

Из недостатков словаря следует отметить ненужное включение ряда вульгарно-бранных или устаревших, малоупотребительных слов, например: *балбес, бузотер, лопать, архалук, жардиньерка, валютчик* и др. Очень кратки и недостаточны некоторые определения, например слово *мерка* определяется так: „*Мерка*, -и, ж. 1. Определенный размер“. Такое определение тавтологично по содержанию.

С. И. Ожегов нередко неверно трактует и значение омонимов, излишне расширяя это понятие, считая, например, метафорическое употребление основанием для выделения слова в качестве омонима. При таком подходе всякое новое употребление слова в контексте при метафоризации будет новым, отдельным словом, омонимом, и ни о какой многозначности слова говорить будет нельзя, так же как нельзя будет говорить и о развитии значения слова.

Служебные слова разработаны по сравнению со словарем под редакцией Д. Н. Ушакова более схематично, что объясняется размером словаря.

Несмотря на указанные недочеты, этот словарь очень полезен учителю, студенту, работникам культурного труда и всем людям, изучающим русский язык. Этот словарь служит удобным пособием в деле правильного употребления слов и образования грамматических форм. Однотомный словарь С. И. Ожегова дает четкие указания, как произносить слова, где ставить ударения и как надо писать, т. е. учит культуре речи.

§ 43. Словари областные, или диалектные. Кроме толковых словарей общенационального русского литературного языка, у нас имеются областные словари, посвященные лексике той или иной области, тому или иному территориальному диалекту.

О лексических различиях в говорах ученые стали упоминать довольно давно. В 1787 году уже появилась работа Фомина „Роспись слов и речений из остатков древнего российского языка в Двинской стране собранных и по нынешнему образованию изъясненных“. В 1819 году в „Трудах Московского общества любителей российской словесности“ (ч. XVI) была напечатана статья Мих. Макарова „Краткая записка о некоторых достопамятностях Рязанских и Пронских“, в которой были перечислены отдельные южновеликорусские диалектные слова, несвойственные литературному языку, например: *гунуть* (ударить), *оввакало* (подле, в окружности) и т. п.

Однако сведения о диалектной лексике до сих пор очень скудны. К настоящему времени у нас имеется ряд областных словарей, но их количество явно недостаточно, да и по качеству некоторые словари не отвечают требованиям науки.

В 1852 году вышел в свет „Опыт областного великорусского словаря“, затем — „Дополнение к Опыту областного великорусского словаря“ (изданы II отделением Академии наук). Позднее был

выпущен в свет Подвысоцким „Словарь областного Архангельского наречия“ (издан II отделением Академии наук в 1885 г.). В 1898 году вышел „Словарь областного Олонецкого наречия“ Куликовского, затем появились в 1907 году „Материалы для объяснительного словаря вятского говора“ Васнецова, в 1902 году — „Словарь ростовского говора“ В. Волоцкого, в 1901 году — „Кашинский словарь“ И. Т. Смирнова, в 1910 году — „Словарь уездного череповецкого говора“ М. К. Герасимова и др. В 1901 году В. Г. Богораз выпустил „Областной словарь колымского русского наречия“, затем в 1914 году вышел „Смоленский областной словарь“ В. Н. Добровольского.

В 1928 году вышел „Донской словарь“ А. В. Миртова.

В областных словарях помещались слова местного происхождения и давалось к ним объяснение, например: *алейка* — один из видов дикой утки (дальше шло описание такого рода утки), *арестега, оростига, оростяга* — длинная хворостина, которой погоняют ездовых оленей, и т. д.

В них немало представлено таких слов, которые употреблялись повсеместно, т. е. являлись общенародными словами и даже литературными, например: *почести* — в значении „почет“, *привада* — „приманка для диких зверей“ и т. д.

Все эти словари представляют собой своеобразные словари-справочники и ни в коем случае не могут дать полной картины местной, диалектной лексики русского языка.

§ 44. Фразеологические словари. Фразеологических словарей русского языка в полном смысле этого слова еще нет. Имеется пока лишь несколько сборников, описывающих те или иные, но всегда отдельные устойчивые обороты.

Сборник Максимова „Крылатые слова“, вышедший в 1891 году (переиздан в 1899 и 1955 г.), написанный увлекательно и интересно, не носит научного характера. Этимологии слов нередко фантастичны, а толкования основаны на субъективном мнении, не подкрепленном серьезными исследованиями. Толкования даны для 129 слов и выражений. Весь материал изложен в простой последовательности, без какой бы то ни было классификации. Здесь и устойчивые сочетания, и идиомы, и шуточные поговорки, и даже отдельные слова. Прекрасное знание автором фразеологии русского языка и этнографии до сих пор заставляет ценить эту книгу за богатый материал и некоторые интересные объяснения.

Более богатым по материалу и научным по его классификации является сборник М. И. Михельсона „Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник слов и иносказаний“ (I—II, СПБ, 1903—1904).

В сборнике М. И. Михельсона собраны образные слова, иносказания, крылатые слова, цитаты и меткие выражения из художественных произведений. В него вошли не только фразы и словосочетания из русского языка, но включены также фразы и сочетания из других языков.

Если в сборник включается фразеологизм из другого языка, то М. И. Михельсон приводит его источник и цитаты из того иностранного языка, откуда взято крылатое слово или устойчивое словосочетание. Ко второму тому приложен довольно полный список иностранных слов, вошедших в русский язык.

Необходимо отметить, что материал в сборнике не весь доброкачественный, так как М. Михельсон приводит цитаты из реакционных писателей.

В 1955 году вышел небесполезный по материалу сборник „Крылатые слова“ Н. С. и М. Г. Ашукиных. Но создание фразеологического словаря пока — дело будущего. Предстоит большая работа по разграничению и характеристике отдельных фразеологических единиц уже имеющегося материала. Огромная работа предстоит лингвистам также по выборке и изучению нового фразеологического материала.

§ 45. Синонимические словари. Синонимическими словарями называются такие словари, в которых дается определение слова посредством синонимов, могущих быть отнесенными к стержневому слову по близости значения.

Еще в последней четверти XVIII века были попытки установить и определить значение тех или других слов. Одной из первых работ по синонимике была работа Д. И. Фонвизина, опубликованная в „Собеседнике Российского слова“ за 1783 год. Фонвизин рассмотрел 32 синонимических гнезда, например: 1) *старый, давний, старинный, ветхий, древний, заматерелый;* 2) *чувство, чувствование, чувственность, чувствительность, ощущение;* 3) *робкий, трусливый;* 4) *основать, учредить, установить, устроить;* 5) *понятие, мысль, мнение* и т. п.

В 1812 году в „Трудах Общества любителей российской словесности“ (ч. II) было напечатано „Рассуждение о синонимах“ П. Р. Калайдовича. Калайдович дает такое определение синонимам: „Слова, которые, различествуя только своим выговором и наружным сложением, сходствуют... или сословят в понятии“, которое они выражают.

Калайдович собрал все синонимы, напечатанные по разным журналам, и издал в 1818 году отдельным сборником „Опыт словаря русских синонимов“. В нем всего было 77 синонимических групп слов. Книга вызвала в то время положительную оценку.

Изучение синонимов продолжалось. В 1821 году вышел „Опыт разбора русских синонимов“, в 1822 году вышла новая статья под тем же названием и т. д.

Статьи, выходившие после, научного интереса не представляют. Интерес к синонимике скоро ослаб, и о синонимах никто довольно долго ничего не писал.

Из словарей, посвященных специально синонимике русского языка, следует отметить „Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений“ Абрамова и „Учебный словарь синонимов русского литературного языка“ В. Д. Павлова-Шишкина и П. А. Стефа-

новского. И тот, и другой словари устарели по своим теоретическим установкам. Кроме того, в них включаются слова, имеющие очень отдаленное отношение к тем словам, которые помещены в синонимическую группу, допущены отдельные политические ошибки (например, в объяснении слов *труд*, *трудиться*) и т. д.

Необходимость создания нового словаря синонимов совершенно очевидна. Нужду в таком синонимическом словаре не удовлетворила и работа В. Н. Клюевой „Краткий словарь синонимов русского языка“ (1957), в общем нужная и полезная.

Составление синонимического словаря русского языка остается пока еще одной из задач нашей филологии. Более полные и правильно составленные синонимические словари покажут поразительное богатство русской лексики и высокую культуру языка, станут необходимыми справочниками для учащейся молодежи и преподавателей как средней, так и высшей школы.

§ 46. Этимологические словари. Этимологическим словарем называется словарь, в котором объясняется происхождение и образование слов. В нашей отечественной науке этот тип словарей представлен также не очень богато. Наиболее известным этимологическим словарем русского языка является словарь А. Преображенского. Словарь А. Преображенского, напечатанный прежде отдельными выпусками (от *А* до *Сулея*), был закончен в 1949 году в „Трудах Института русского языка“. Словарь Преображенского далеко не полон. Неясен принцип отбора слов; четкие принципы в подаче материала выявить трудно. Иногда анализируемое слово сравнивается лишь с соответствующими и родственными образованиями славянских языков, иногда приводятся тождественные слова из других индоевропейских языков. В некоторых словарных статьях сообщаются различные мнения ученых и их разные объяснения этимологии слова. Словарь А. Преображенского сейчас явно устарел и нуждается в замене. Работы по составлению этимологического словаря русского языка ведутся и в СССР, и за границей (так, на немецком языке вышел в Гейдельберге словарь М. Фасмера, 1950—1958).

§ 47. Исторические словари. Акад. Л. В. Щерба хорошо показал сущность исторического словаря: „Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного времени, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение“ [1]. Такого словаря пока еще нет.

Русское языкознание в настоящее время располагает лишь „Материалами для словаря древнерусского языка по письменным памятникам“ И. И. Срезневского (изданы Отделением русского языка и словесности Академии наук в трех томах и четвертом дополнительном).

[1] Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии, „Известия АН СССР, Отд. лит. и яз.“, 1940, № 3, стр. 117.

„Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам“ содержат большое количество слов, расположенных в алфавитном порядке, с богато привлеченной цитацией из памятников древней письменности (летописей, грамот, уставов, писаний, слов, сказаний, житий святых и т. д.). Однако в словаре к многим словам нет объяснений, в ряде случаев — четкого разграничения между исконно русской и старославянской лексикой.

История слова не раскрывается. Этимологических указаний иногда не дается. Иноязычные параллели приводятся только для пояснения значения слова, пояснения даются из греческого и латинского языков.

Обычно обработка слова в „Материалах“ дана таким образом: дается слово, его объяснение, параллель из греческого и латинского, иногда грамматическая помета, затем иллюстрация из памятника.

Несомненно, проблема создания исторического словаря русского языка этими „Материалами“ не снята. Однако они представляют огромную ценность и могут быть положены в основу будущего исторического словаря русского языка.

Нельзя не упомянуть также „Материалов для словаря древнерусского языка“ А. Дювернуа (М., 1894) и „Материалов и исследований в области славянской филологии и археологии“ А. И. Соболевского (СПБ, 1910), однако эти работы имеют еще более отдаленное отношение к историческому словарю.

В 1937 году под редакцией акад. Б. Д. Грекова вышли „Материалы для терминологического словаря древней Руси“. В конце словаря дается тематическая классификация терминов: 1) сельское хозяйство; 2) ремесло и промыслы; 3) строительное дело; 4) торговля и пр.

Термины даются в алфавитном порядке, значение их обычно поясняется и указывается, где встречается этот термин.

§ 48. Словари иностранных слов. Большое значение в деле изучения интернациональной лексики и понимания заимствованных русским языком иноязычных слов имеют словари иностранных слов. В словари иностранных слов большей частью отбираются технические, научные и социально-политические термины. Словари иностранных слов ставят своей целью служить пособием для читателей при чтении политической, научно-популярной и художественной литературы.

Словари иностранных слов появились у нас очень рано. Одним из лучших является словарь, составленный бригадой Государственного института „Советская энциклопедия“ под редакцией Ф. Н. Петрова. К словарю приложена интересная статья Н. Ф. Юшманова, в которой разъясняется, каким образом опознавать, из какого языка заимствовано слово, и дается грамматическая характеристика каждого слова.

В 1955 году пятым изданием вышел „Словарь иностранных слов“ под редакцией И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова.

Этот словарь предназначен для самых широких кругов советских читателей. В нем даются краткие объяснения слов и терминов иноязычного происхождения, наиболее часто встречающихся в публицистической, научной и художественной речи.

В словарь включены интернациональные термины, восходящие к древнегреческому и латинскому или к восточным и западноевропейским языкам.

Слова расположены в алфавитном порядке. Заглавное слово выделяется графически — более жирным шрифтом. Затем дается этимология слова (происхождение) и указывается первоначальный источник.

Значение слова выделяется цифрой со скобкой. Слова-омонимы разделяются нумерацией как отдельные слова, переносное значение слов указывается звездочкой. Объяснения слов четки и кратки.

* * *

Сейчас в стране ведется огромная лексикографическая работа. Наша эпоха требует еще более глубокого изучения лексики и фразеологии и еще более широкого развития лексикографических работ, главным образом выпуска различных словарей.

Речевая культура, точное понимание слов и правильное употребление их в речи, общая грамотность, умение хорошо владеть языком — основа, на которой строится культура человека в целом. Неумение ясно выразить свою мысль, бедность словарного запаса, неграмотное построение фраз затрудняют взаимопонимание людей, тормозят умственную деятельность, мешают духовному развитию. Изучение лексики и фразеологии обогащает словарный запас, помогает коротко, ясно, точно и вместе с тем ярко и красочно выражать свои мысли, дает возможность свободно пользоваться богатыми художественно-изобразительными средствами русского языка.

ФОНЕТИКА

ВВЕДЕНИЕ

§ 49. Предмет фонетики [1]. Фонетикой (от греческого слова *phōnē* — „звук“) называется наука о звуковой системе языка. Фонетика изучает звуки речи как элементы фонетической системы. Она имеет два аспекта исследования. Один аспект — физиолого-акустический: изучение образования звуков речи органами произношения и акустической природы звуков речи. Второй аспект — функциональный, фонологический, изучающий звуки речи в их различительной способности, изучающий систему фонем и их разновидностей, выступающих в определенных фонетических условиях. Эти два аспекта — собственно фонетический и фонологический — неразрывно связаны.

Специфика фонетики как особого отдела языкознания заключается в том, что объекты ее изучения, звуки речи, фонемы, не обладают значением и не связаны непосредственно со значением. Между звуками речи, фонемами и значением имеется связь, но эта связь не прямая, а опосредствованная. Фонемы различают звуковую оболочку слов и форм, различия же в звуковой оболочке лишь указывают на различия в значении, но не раскрывают характера этого различия. Например, слова *дом* и *дам, пол* и *пал, дол* и *дал* различаются как разные слова не гласными [о] и [а], а тем, что они принадлежат к разным грамматическим классам слов, обозначают разные понятия, отражающие разные явления действительности. Звуковая же оболочка этих слов различается действительно гласными [о] и [а]. В этом принципиальное различие между грамматикой и фонетикой: объекты грамматики (предложение, словосочетание, слово в своих формах, морфема) всегда представляют собой значимые единицы языка.

§ 50. Понятие фонемы. Для выяснения понятия фонемы необходимо определить характер качества звуков речи в зависимости от позиции звука в слове.

Звук речи есть кратчайшая звуковая единица при последовательном звуковом членении слова. Это единица, далее не

[1] В изложении основных положений фонетики автор следует за проф. Р. И. Аванесовым.

делимая по отношению к звуковым элементам данного языка. Так как звуки речи выступают в составе слов [1], т. е. в определенной фонетической позиции, то качество их обязательно включает стороны зависимые, обусловленные позицией, и стороны самостоятельные, не обусловленные позицией, что можно установить при выделении звуков в слове. Например, при звуковом членении слова *пять* [п'ät'] выделяются последовательно звуки [п'], [ä], [т'] и при определении качества звука [ä] обязательно указываются нижний подъем, отсутствие лабиализации (качества, не зависимые от позиции) и более переднее образование, чем, например, в слове *пат* [пат] (качество, зависимое от позиции).

Такой принцип является фонетическим, в отличие от фонологического, который строится на разграничении самостоятельных и зависимых сторон в качестве звуков речи.

Так, при фонологическом принципе выделения в указанном слове *пять* [п'ät'] мы выделим фонемы [п'], [а], [т'] и при характеристике фонемы [а] укажем лишь на нижний подъем и отсутствие лабиализации, так как только эти признаки характеризуют фонему [а], тогда как передвижка артикуляции при ее произношении в более передний ряд является признаком, зависимым от позиции и, следовательно, нефонематическим. Более переднее [а] — [ä] — это лишь разновидность фонемы [а].

Итак, обусловленность качества звука связана с тем, что любой звук речи употребляется не изолированно, а в слове, рядом с другими звуками речи, в результате чего экскурсия (начало) последующего звука оказывается тесно связанной с рекурсией (окончанием) предшествующего звука и возникает влияние одного звука на качество другого. Качество звука зависит и от положения его в слове, причем для гласных важно отношение их к ударенному слогу, а для согласных — нахождение их в конце слова. Например, в словах *зять, сядь* звук [а] под влиянием соседних мягких согласных изменяется в звук переднего ряда [ä]:[з'ät'], [с'ät']. В слове *сад* на конце происходит оглушение звука [д], изменение его в [т], это слово мы произносим так: [сат].

В слове *вода* изменяется качество предударного гласного [о] в [ʌ]:[вʌдá].

Но во всех приведенных примерах можно указать и на такие стороны качества звуков речи, которые не обусловлены позицией. Так, в слове *сад* нижний подъем и отсутствие лабиализации у гласного [а] не обусловлены позицией, независимы, самостоятельны, как и у звука [ä] в словах *зять, сядь*. У конечного звука [т] в слове *сад* независимым является переднеязычное взрывное образование. У звука [ʌ] такими независимыми сторонами являются неверхний подъем и отсутствие лабиализации.

[1] Звук речи может быть независимым от позиционных условий лишь в изолированном употреблении, которое реально в языке имеет место лишь в исключительных случаях, когда звук речи одновременно является морфемой, словом и предложением.

Соотношение самостоятельных и обусловленных позицией сторон в качестве звуков речи неодинаково для разных звуков в разных фонетических условиях.

Например, у начального звука [з'] в словах *зять* [з'ät'] и *здесь* [з'д'êс'] самостоятельными являются место образования и способ образования. Но у звука [з'] в слове *зять*, кроме того, независимыми являются наличие голоса и мягкость (ср. *сядь, назад*), а у звука [з'] в слове *здесь* [з'д'êс'] звонкость и мягкость обусловлены позицией: глухой перед звонким в русском языке озвончается, зубные перед мягкими зубными обязательно смягчаются.

В слове *пуля* [пý·л'ъ] под ударением находится гласный звук [у·], у которого не обусловлены позицией верхняя степень подъема и наличие лабиализации, место же образования обусловлено позицией после твердого перед мягким согласным. Но в слове *пулевóй* [пул'и^{е}вóй] звук [у] во втором предударном слоге в качестве независимой черты имеет лишь лабиализацию, так как степень подъема во втором предударном слоге практически не различается: если сравнить произношение [пул'и^{е}вóй], [пыл'и^{е}вóй] *(пылевой)* и [пъл'и^{е}вóй] *(полевой)*, то можно установить, что безударные [у] и [ы] становятся более опущенного образования, т. е. близкими к степени подъема [ъ].

Таким образом, звуки речи в одних фонетических условиях имеют больше самостоятельных сторон, в других — больше зависимых.

С наличием самостоятельных и несамостоятельных, позиционно зависимых, сторон, в качестве звуков речи связано различие двух понятий: понятия звука речи и понятия фонемы. Фонемы образуются теми сторонами звуков речи, которые не обусловлены позицией, употребляются в одном и том же положении и поэтому служат для различения звуковой оболочки слов в их формах. Звуки речи в своих обусловленных позицией сторонах не употребляются в тождественной позиции, не имеют непосредственно различительной функции и потому образуют не самостоятельные фонемы, а разновидности одной и той же фонемы. Таким образом, фонемой является звук речи, служащий для различения звуковой оболочки слов в их формах.

Если сравнить, например, слова [мал], [мол], [мул], то прежде всего можно установить, что звуки [а], [о], [у] употребляются в совершенно тождественной позиции: под ударением между одинаковыми твердыми согласными. Следовательно, звуковые оболочки этих слов различаются лишь по наличию в их составе звука [а], [о] или [у]. Какие же стороны этих звуков не обусловлены позицией в данных словах? Этими сторонами являются степень подъема и наличие или отсутствие лабиализации: так, [а] — гласный нижнего подъема нелабиализованный; [о] — гласный среднего подъема лабиализованный; [у] — гласный верхнего подъема лабиализованный. Но вместе с тем каждый из этих звуков можно

определить еще и третьим признаком — по ряду образования: [а] — средне-заднего ряда, [о] и [у] — заднего ряда. Однако эта сторона качества звуков уже обусловлена позицией: положением между твердыми согласными. Если звук [а] поставить в положение между иными по качеству согласными, то ряд его образования изменится, но независимые стороны останутся без изменения. Так, в словах [рат], [р'·ат], [ра·т'] звук [а] везде может быть определен как звук нижнего подъема нелабиализованный, но в каждом отдельном слове его место образования будет различным: в соседстве с мягкими согласными образование [а] будет передвигаться в передний ряд. Если сравнить между собой только что приведенные слова, то окажется, что [а], [·а] и [а·] употребляются не в тождественной, а в различной позиции. Они и не могут употребляться в тождественной позиции, так как их различия зависят от различия в качестве соседних звуков.

Поэтому [а], [о], [у] — это разные фонемы, а [а], [·а], [а·] — лишь разновидности одной фонемы [а].

§ 51. Сильные и слабые фонемы. Качество фонетической позиции и связанная с ним различительная способность фонемы зависят от характера позиционных чередований в языке.

Позиционным чередованием (или позиционной меной звуков) называется закономерная мена звуков в зависимости от изменения фонетических условий.

В современном русском литературном языке есть два типа позиционных чередований звуков. Один тип составляют позиционные чередования, образующие параллельные ряды. Например, звук [а] перед мягкими согласными становится более передним в конце своей длительности: [а·]; после мягких согласных он становится более передним в начале своей длительности [·а], а между мягкими согласными звук [а] продвигается вперед и несколько вверх на всем протяжении своей длительности: [ӓ]; ср. эти изменения звука [а] в словах [мат ‖ ма·т' ‖ м'·ат ‖ м'ӓт'] *(мат, мать, мят, мять)*.

И точно так же, параллельно, в этих же положениях будут изменяться звук [о] и звук [у]. Например, в словах [мот ‖ м'·от ‖ ‖мо́·т'ъ‖м'о̆д'ь] *(мот, мёд, Мотя, о мёде)*; [лук ‖ л'·ук ‖ лу·ч' ‖ ‖л'ӱд'и] *(лук, люк, луч, люди)*.

Таким образом, позиционные чередования гласных [а]‖[·а]‖ ‖[а·]‖[ӓ]; [о]‖[·о]‖[о·]‖[ӧ]; [у]‖[·у]‖[у·]‖[ӱ] образуют параллельные ряды.

Фонетическая система, покоящаяся на параллельных рядах позиционных чередований, характеризуется тем, что в любой данной позиции различается равное количество звуковых единиц. В приведенном примере на чередование гласных между твердыми согласными выступают три единицы: [а], [о], [у]; между мягкими согласными — тоже три единицы: [ӓ], [ӧ], [ӱ] и т. д.

Второй тип позиционных чередований составляют такие, которые образуют ряды, частично пересекающиеся друг с другом, т. е. имеющие один или несколько общих членов. Примером этого типа является позиционная мена гласных в зависимости от места по отношению к ударению: ударный звук [а] в первом предударном слоге после твердых согласных чередуется со звуком, который условно обозначается знаком [ʌ]: [вал ‖ вʌлы́] *(вал, валы́)*. Но с таким же звуком [ʌ] чередуется после твердых согласных и ударный звук [о], например: [вол] ‖ [вʌлы́] *(вол, волы́)*.

Парные глухие и звонкие согласные, различаясь перед гласными, сонорными, [в] и [j], совпадают в одном звучании на конце слова или перед шумными согласными, например: [рʌса́ ‖ рос, ро́зъ ‖ рос] *(роса, рос, роза, роз)*; [прʌс'й'т'], [р'е́зът'], но [про́·з'бъ], [р'и^{e}з'ба́] *(просить, резать, просьба, резьба)*.

При наличии в фонетической системе пересекающихся рядов чередования в разных позициях различается неодинаковое количество звуковых единиц; в одних позициях — большее число, в других — меньшее. Так, если под ударением между мягкими согласными различается пять гласных: [ӓ], [ӧ], [ӱ], [ê], (й), то в первом предударном слоге между мягкими согласными — только три: [и], [ӱ], [и^{e}], так как [а], [о] и [е] совпадают в одном звуке. Фонетическая система современного русского литературного языка образуется одновременно на основе обоих указанных типов позиционных чередований. Поэтому в ней в одних позициях различается максимальное количество звуковых единиц, в других — меньшее, а в третьих — минимальное число звуковых единиц. Этим и определяется то, что фонемы в разных фонетических позициях играют неодинаковую различительную роль.

В зависимости от количества взаимноразличающихся в одном положении звучаний можно говорить о сильном и слабом положении фонемы. Например, перед гласными в русском языке могут быть и глухие и звонкие согласные, а на конце слова — только глухие. Следовательно, позиция перед гласными будет сильной для глухих и звонких согласных, а позиция конца слова — слабой. Сильная позиция — это позиция, в которой различается наибольшее количество звучаний.

Слабая позиция может быть разных степеней. Например, позиция перед гласной фонемой [е] является слабой для всех согласных, парных по твердости-мягкости, так как перед [е] все парные твердые согласные в русском языке смягчаются. Позиция же перед зубными будет слабой лишь для зубных: зубные перед твердыми зубными в русском языке обязательно твердые, а перед мягкими — мягкие.

И в сильном и в слабом положении звуки речи одними сторонами образуют фонемы, а другими — разновидности. Но различительная роль фонемы в сильном и слабом положении различна. Звуки, выступающие в слабой позиции, обладают ослабленной

способностью различать звуковые оболочки слов и форм, т. е. фонематическая роль звуков (даже одних и тех же) в сильной и слабых позициях различна: она наибольшая в сильной позиции и меньшая в слабых. Эта разница в различительной способности фонем сильного и слабого положения лежит в основе их деления на сильные и слабые фонемы.

Их нельзя отождествлять, так как это качественно разные фонемы, фонемы с разной различительной способностью.

Например, в словах *сад* [сат] и *таз* [тас] есть один и тот же звук [т], но это разные фонемы [т]: в первом слове — фонема [т] в слабом для глухих-звонких согласных положении, во втором — в сильном, и, следовательно, в первом слове — слабая по признаку глухости-звонкости фонема [т], во втором — сильная. В словах [трʌва́], [блра́н] есть ударный звук [а] и безударный звук [ʌ], очень близкие по своему физиолого-акустическому качеству. Но это разные фонемы: под ударением сильная фонема [а], в предударном слоге — слабая.

Среди слабых фонем обязательно есть такие, которые являются эквивалентами, как бы заместителями двух или нескольких сильных фонем. Например, слабая по признаку глухости-звонкости согласная фонема [п] в слове *столп* [столп] является эквивалентом двух сильных согласных фонем [п] и [б], ср. [стʌлпа́] *(столпа)* и [стʌлба́] *(столба)*, слабая гласная фонема [ʌ] в слове [вʌлы́] — заместителем двух сильных гласных фонем: [о] и [а]: [вол] и [вал].

Следовательно, слабые фонемы занимают в фонетической системе подчиненное положение по отношению к сильным фонемам и не могут рассматриваться в одном ряду с сильными фонемами.

Установление состава фонем производится на основе учета сильных фонем.

§ 52. Фонетическая транскрипция. При изучении звуков речи необходимо передавать на письме устную речь со всеми ее звуковыми особенностями. Орфографическое письмо не обозначает точно звуков речи, так как при нем нет полного соответствия между звуками и буквами. Одна и та же буква может обозначать разные звуки, как в слове *водово́з* буква *о*. В этом слове первая буква *о* обозначает звук редуцированный [ъ], близкий по качеству к [ы], вторая — звук [ʌ] и третья — звук [о].

В других случаях один и тот же звук обозначается разными буквами. Так, в словах *кот* и *рог* буквы *к* и *г* обозначают один и тот же звук [к].

Поэтому при изучении устной речи прибегают к такой ее записи, которая построена на строгом соответствии между буквами письма и звуками речи. Такая запись называется фонетической транскрипцией.

В настоящей книге используется наиболее распространенная транскрипция.

Знаки, принятые в фонетической транскрипции

Знак	Обозначаемый им звук
[ ]	Каждый отдельный транскрибируемый звук заключается в прямые скобки (а также слово или его часть).
и̂ е̂	Напряженные, закрытые звуки [и], [е].
·а а· ä ·о о· ӧ ·у у· ӱ	Точка над буквой для гласного слева обозначает продвижение гласного вперед в начале своей длительности, точка справа — в конце длительности, две точки — на всем протяжении длительности.
э э·	Отодвинутый назад звук [е].
ʌ	Гласный в первом предударном слоге после твердых согласных и гласный в абсолютном начале слова в безударных слогах, близкий к [а].
и^{е}	Звук средний между [и] и [е] („опущенное“ *и*).
ь ъ	Знаки для редуцированных переднего и непереднего образования.
п’	Запятая справа у буквы для согласного обозначает его мягкость.
ш̄	Черта над буквой для согласного обозначает его долготу.
м̂	Знак ̂ под буквой для сонорного обозначает оглушенный сонорный звук.
і̯ (й)	Знак звука [и] неслогового.
ɣ	Знак для звонкого заднеязычного фрикативного согласного.
ʒ	Знак для аффрикаты [дз], появляющейся в результате озвончения [ц].
ǯ’	Знак для аффрикаты [д’ж’], появляющейся в результате озвончения [ч’].

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

КЛАССИФИКАЦИЯ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

§ 53. Принцип классификации. Главным и существенным признаком согласных являются разного рода шумы, образуемые в полости рта. Согласные звуки — это те шумы, которые производит выдыхаемый воздух, упираясь о преградивший ему полностью или отчасти выход из полости рта тот или иной орган речи (язык, губы). В шуме, характеризующем согласные, может присутствовать в разной степени и музыкальный тон. Акустические различия согласных звуков определяются различиями в их об-

разовании органами речи. Согласные различаются: 1) по участию шума и голоса; 2) по месту образования шума; 3) по способу образования шума; 4) по отсутствию или наличию палатализации.

§ 54. Участие голоса и шума. Среди согласных можно выделить такие, при произнесении которых, кроме шумов, принимает участие голос. При образовании таких согласных голосовая щель бывает сужена, голосовые связки напряжены и колеблются выдыхаемым воздухом.

С голосом образуются, например, согласные [б], [з], [д], [г], [р], [л].

Согласные, образуемые при помощи голоса и незначительного шума, слабо локализованного, называются сонорными.

Согласные, образуемые шумом при сопровождении голоса, называются шумными звонкими согласными.

Некоторые согласные образуются без участия голоса, при помощи одного только шума. Это — шумные глухие согласные. При их произнесении голосовая щель раскрыта, голосовые связки не напряжены и не колеблются.

Таким образом, по участию голоса и шума согласные делятся на сонорные и шумные. Шумные согласные в свою очередь делятся на звонкие и глухие.

§ 55. Место образования шума. Классификация согласных по месту образования строится в зависимости от того, какой активный орган (нижняя губа или язык) совершает основную работу. В соответствии с этим по месту образования согласные делятся на губные и язычные.

При более детальной классификации учитывается и пассивный орган, по отношению к которому артикулирует активный орган произношения.

Губные могут быть губно-губными и губно-зубными в зависимости от того, примыкает ли нижняя губа к верхней губе или к верхнему ряду зубов. Губно-губными являются, например, [п], [п'], [б], [б'], губно-зубными [ф], [ф'], [в], [в'].

Язычные различаются по тем областям нёба, по отношению к которым артикулирует язык, и по тем частям языка, которые активно артикулируют. Язычные согласные при классификации по активному органу делятся на переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные.

В зависимости от пассивного органа переднеязычные делятся на зубные и нёбно-зубные. При образовании зубных кончик языка вместе с передней частью артикулирует по отношению к верхним зубам; при образовании нёбно-зубных язык более загнут кверху и назад, образуя преграду в зубной части твердого нёба. К переднеязычным зубным относятся, например, [с], [т], [ц], [н], [л]; к переднеязычным нёбно-зубным — [ш], [ж], [р].

Среднеязычные согласные по пассивному органу являются средненёбными, например [j]. При их образовании средняя

часть спинки языка артикулирует к средней части нёба, к твердому нёбу.

Заднеязычные согласные по пассивному органу являются задненёбными. При их образовании задняя часть спинки языка артикулирует по отношению к мягкому нёбу. Это [к], [г], [х].

§ 56. Способы образования шума. Согласные знают несколько способов образования шума, в зависимости от которых делятся на группы: смычные, щелевые, аффрикаты, смычно-проходные, дрожащие.

При образовании смычных согласных органы произношения образуют полное смыкание, которое с силой разрывает выдыхаемый воздух. Шум получается в момент разрыва этого смыкания. Смычные согласные называются также затворными, взрывными, или эксплозивными, а также мгновенными. Так образуются, например, звуки [к], [г], [п], [д].

При образовании щелевых согласных активный орган лишь приближается к пассивному, образуя узкую щель. В этом случае шум образуется в результате трения выдыхаемого воздуха о стенки щели. Такие звуки называют также фрикативными, или длительными. Примером могут служить звуки [с], [ш], [х].

При образовании аффрикат активный орган образует с пассивным полный затвор, но размыкание в этом случае происходит не мгновенно — путем взрыва, а в результате перехода затвора в щель. Аффриката, следовательно, представляет собой сложную артикуляцию со смычным началом и щелевой второй частью, что образует своеобразный шум.

К смычно-проходным принадлежат согласные, при образовании которых есть полное смыкание и в то же время воздух имеет возможность проходить через нос или рот. В зависимости от того, где имеется проход, смычно-проходные делятся на носовые: [н], [н'], [м], [м'] и ртовые, или боковые, — [л], [л'].

При образовании дрожащих, иначе вибрантов, кончик языка, слегка загнутый и поднятый к альвеолам, благодаря прохождению воздушной струи вибрирует, дрожит, т. е. последовательно ритмически то смыкается, то размыкается с альвеолами. Такими звуками являются [р], [р'].

§ 57. Твердость и мягкость согласных (отсутствие или наличие палатализации). Мягкость и твердость согласных обусловлены наличием или отсутствием палатализации. Палатализация (лат. *palatum* — твердое нёбо) состоит в соединении основной артикуляции согласного с дополнительной, средненёбной артикуляцией.

Звуки, образуемые с такой дополнительной средненёбной артикуляцией языка, называются мягкими. Звуки, образуемые без нее, называются твердыми.

Среднеязычный звук [j] не может палатализоваться, так как средненёбная артикуляция является для него основной. Это — мягкий звук.

§ 58. Губно-губные согласные [п], [п'], [б], [б']. Смычные твердые губно-губные согласные образуются путем смыкания и быстрого размыкания затвора, образуемого движением нижней губы к верхней. В момент размыкания затвора и образуется характерный для данных звуков шум. При произношении глухого согласного [п] шум будет более сильным, он не сопровождается голосом, голосовая щель при этом раскрыта, а связки не напряжены. Шум при образовании звонкого [б] более слабый, к нему добавляется музыкальный тон, голос, так как в это время голосовые связки напряжены и колеблются под напором выдыхаемой воздушной струи.

Аналогично образуются мягкие губно-губные [п'] и [б'] но с дополнительной средненёбной, „йотовой" артикуляцией, что придает им „*и*-образную" окраску.

§ 59. Губно-зубные согласные [ф], [ф'], [в], [в']. Губно-зубные согласные в русском языке бывают только фрикативными. Характерный для них шум возникает при трении воздушной струи, проходящей через щель. Звук [ф] образуется только шумом, звук [в] — шумом при сопровождении голоса. При произнесении мягких [ф'], [в'] одновременно с соответственной губно-зубной артикуляцией средняя часть спинки языка поднимается к твердому нёбу.

§ 60. Переднеязычные зубные смычные [т], [т'], [д], [д']. Твердые [т] и [д] образуются при смыкании самой передней части спинки языка с альвеолами и верхними зубами; кончик языка лежит у нижних зубов. Шум возникает при быстром размыкании затвора воздушной струей. Голосовые связки при [т] находятся в спокойном состоянии, при [д] — напряжены и колеблются. Мягкие [т'] и [д'] характеризуются значительным дополнительным подъемом средней части языка к нёбу. Кроме того, при образовании мягких [т'] и [д'] размыкание затвора происходит не мгновенно, как при произношении твердых [т] и [д]. Это придает звукам [т'] и [д'] особый акустический оттенок, близкий к мягкому [ц'] или [д'͡з']. Эта степень приближения к [ц'] и [д'͡з'] в русском литературном языке незначительна.

§ 61. Переднеязычные зубные щелевые [с], [с'], [з], [з']. При образовании твердых [с] и [з] кончик языка упирается в нижние зубы, а края языка прижимаются к боковым зубам и к части твердого нёба. Между передней частью языка и твердым нёбом образуется узкая щель в форме желобка, проходя через которую воздушная струя производит резкий шум, напоминающий свист. Поэтому такие согласные называют с в и с т я щ и м и. Мягкие [с'], [з'] произносятся при дополнительной артикуляции, причем щель становится несколько шире, что несколько изменяет характер шума и может приводить к шепелявости.

Описанные шумы образуют и глухие и звонкие согласные, но при звонких [з] и [з'] шум сопровождается голосом.

§ 62. Переднеязычные нёбно-зубные [ш], [ж], [ш̄'], [ж̄']. Звуки [ш], [ж] отличаются от звуков [с] и [з] главным образом тем, что при их произношении образуются не одна, а две щели. Кончик языка приподнимается к альвеолам, где и возникает щель. Вторая щель образуется задней частью спинки языка, приподнимающейся к переднему краю мягкого нёба.

Воздушная струя, последовательно проходя через эти щели, и создает характерный для звуков [ш], [ж] „шипящий" шум.

Средняя часть спинки языка при образовании [ш], [ж] оказывается обязательно опущенной, поэтому эти согласные — твердые.

Звуки [ш], [ж] являются несколько лабиализованными, так как при их произношении губы слегка выпячиваются вперед.

Мягкими в русском литературном языке являются долгие шипящие: [ш̄'], [ж̄']. При их образовании средняя часть спинки языка слегка поднимается в направлении к твердому нёбу, кончик языка остается приподнятым, но не загнут кверху. Звуки [ш], [ш̄'] — глухие, [ж], [ж̄'] — звонкие.

§ 63. Заднеязычные согласные. Твердые [к], [г] образуются смыканием задней части спинки языка с задним краем твердого нёба и смежной с ним частью мягкого нёба. В момент быстрого разрыва затвора возникает образующий эти звуки шум. При произношении звонкого [г] этот шум сопровождается голосом. Мягкие [к'], [г'] произносятся со значительным дополнительным подъемом средней части спинки языка к твердому нёбу.

Твердый звук [х] произносится при сближении задней части спинки языка и мягкого нёба. Шум, образующий звук [х], возникает при трении проходящей через щель воздушной струи.

Мягкий [х'] имеет дополнительную средненёбную артикуляцию. Щелевой заднеязычный звонкий согласный [ɣ] встречается в русском литературном языке очень редко, в таких словах, как [ɣóспъд'и] (*господи*!), [бóɣъ] (*бога*), [бóɣу], [блɣáтъі] (*богатый*). Образуется он так же, как и звук [х], но с голосом. При его произношении голосовые связки напряжены, дрожат.

§ 64. Аффрикаты [ц] и [ч']. Звуки [ц] и [ч'] по положению голосовых связок — глухие. Зубная аффриката [ц] образуется путем смыкания самой передней части спинки языка с верхними зубами и альвеолами и последующего перехода этого смыкания в щель, после чего язык принимает исходное положение. При образовании нёбно-зубной аффрикаты [ч'] передняя часть спинки языка смыкается с альвеолами и примыкающей к ним зубной частью твердого нёба, а затем несколько отходит, образуя щель. Шум является результатом размыкания затвора, переходящего в щель. Мягкость аффрикаты [ч'] обусловлена поднятием средней части спинки языка.

Все рассмотренные выше звуки были неносовыми. При их образовании задний край мягкого нёба (нёбная занавеска) поднят и закрывает вход в полость носа.

§ 65. Губные носовые согласные [м], [м']. Сонорные согласные [м] и [м'] образуются так, как и шумные согласные [б] и [б']. Разница в артикуляции заключается лишь в положении мягкого нёба. При [м] и [м'] конец мягкого нёба („нёбная занавеска") опущен, воздушная струя проходит в полость носа и дает носовой резонанс.

Мягкий [м'] образуется при дополнительной артикуляции языка, с которой обычно связано и некоторое растяжение губ. Шум при образовании [м] и [м'] очень слабый, что объясняется не только суженной голосовой щелью, но и тем, что значительная часть воздуха проходит через нос, а препятствие между губами размыкает слабая воздушная струя. Смычно-проходные [м] и [м'] могут произноситься и без взрыва. Такое произношение [м] и [м'] известно на конце слова и перед [б] или [п].

Глухое произношение сонорных [м] и [м'] известно на конце слова после глухих согласных.

§ 66. Зубные носовые согласные [н], [н']. Носовые зубные [н] и [н'] образуются, как соответствующие зубные неносовые [д] и [д'], но с опущенной нёбной занавеской, вследствие чего и получается носовая окраска согласных. Звуки [н] и [н'] характеризуются очень слабым шумом. Они могут произноситься без голоса на конце слова после глухих согласных.

§ 67. Зубные боковые согласные [л], [л']. При образовании твердого звука [л] кончик языка примыкает к верхним зубам и к краю альвеол. Задняя часть спинки языка приподнята, а середина принимает ложкообразную форму. Края языка не прижаты к боковым зубам и оставляют свободный проход для воздушной струи. Воздушная струя, проходя по бокам языка, дает очень слабый шум от трения.

Мягкий согласный [л'] произносится также с боковой щелью, но язык занимает несколько другое положение: не только кончик, но и передняя часть языка прижаты к верхним зубам и альвеолам, средняя часть спинки языка приподнята к твердому нёбу, задняя часть спинки языка опущена. Шум создается от трения воздушной струи о бока языка. На конце слова звуки [л], [л'] произносятся с бо́льшим шумом, здесь после глухих шумных согласных возможны и оглушенные [л], [л'].

§ 68. Нёбно-зубные дрожащие звуки [р], [р']. При образовании сонорных дрожащих [р] и [р'] загнутый кончик языка, поднимаясь к альвеолам, вибрирует. Характерный шум возникает в результате последовательного, ритмичного смыкания и размыкания кончика языка с альвеолами. Шум при звуках [р], [р'] гораздо более сильный, чем при остальных сонорных. Мягкий звук [р'] имеет дополнительную средненёбную артикуляцию. Эта дополнительная артикуляция видоизменяет основную: кончик языка

теперь вибрирует у начала альвеол, а самая передняя часть спинки языка образует сужение по отношению к альвеолам и зубной части твердого нёба. На конце слова сонорные [р] и [р'] могут оглушаться.

Сонорные [л], [л'], [р], [р'] — неносовые, при их образовании нёбная занавеска поднята и закрывает проход в полость носа.

§ 69. Среднеязычные звуки [j] и [i̯] (*и* „неслоговое"). Среднеязычный согласный звук [j] (йот) и [i̯] (*и* „неслоговое") различаются степенью подъема средней части спинки языка: при [i̯]

Таблица согласных звуков современного русского литературного языка

Участие голоса и шума	Способ образования		Место образования	Губные: губно-губные тв.	Губные: губно-губные мяг.	Губные: губно-зубные тв.	Губные: губно-зубные мяг.	Язычные: зубные тв.	Язычные: зубные мяг.	Язычные: нёбно-зубные тв.	Язычные: нёбно-зубные мяг.	Язычные: средне-нёбные	Язычные: задне-нёбные тв.	Язычные: задне-нёбные мяг.
Шумные	Смычные		глухие	п	п'			т	т'				к	(к')
			звонкие	б	б'			д	д'				г	(г')
	Щелевые		глухие			ф	ф'	с	с'	ш	$\overline{ш}$'		х	(х')
			звонкие			в	в'	з	з'	ж	$\overline{ж}$'	j	(γ)	(γ')
	Аффрикаты		глухие					ц			ч'			
			звонкие					(д͡з)			(д'͡ж')			
Сонорные	Смычно-проходные	носовые	глухие	(м)	(м')			(н)	(н')					
			звонкие	м	м'			н	н'					
		боковые (ртовые)	глухие					(л)	(л')					
			звонкие					л	л'					
	Дрожащие (вибранты)		глухие							(р)	(р')			
			звонкие							р	р'			

Примечание. Звуки, заключенные в круглые скобки, являются не самостоятельными фонемами, а разновидностями соответствующих фонем.

подъем будет несколько ниже, чем при [j], в связи с чем щель между языком и твердым нёбом шире; поэтому трение при [i̯] слабее, шум почти не воспринимается на слух. Образуется [j̯] при следующем положении органов произношения: кончик языка упирается в нижние зубы, бока языка — в боковые зубы, средняя часть спинки языка высоко поднята к твердому нёбу, образуя посредине узкую щель. Воздушная струя, проходя через эту щель, образует шум, характерный для звука [j̯].

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

§ 70. Состав согласных фонем русского языка. Состав согласных фонем современного русского литературного языка определяется в положении максимальной дифференциации. Таким положением является положение перед гласными фонемами [а], [о], [у], [и]. Здесь различаются 34 согласные фонемы, каждая из которых по отношению к любой другой согласной в этом же положении может различать звуковую оболочку данного слова среди других слов. Например, перед гласной фонемой [а]: [па·с'т'] *(пасть)*, [п'ас'т'] *(пясть)*, [бас], [б'ас'] *(бязь)*, [ма·с] *(мазь)*, [м'·асъ] *(мясо)*, [факт], [т'уф'·ак] *(тюфяк)*, [ватъ] *(вата)*, [д'иᵉв'·аткъ] *(девятка)*, [та·нъ] *(Таня)*, [т'·анут] *(тянут)*, [дам], [да̄'д'ъ] *(дядя)*, [сат], [с'ат'] *(сядь)*, [зат], [з'ат'] *(зять)*, [цапът'] *(цапать)*, [ласкъ], [л'·аскът'] *(ляскать)*, [нас], [сн'ат'] *(снять)*, [шар], [жар], [дл̄ж̄'·а] *(дождя)*, [нътл̄ш̄'·ак] *(натощак)*, [ч'·аркъ] *(чарка)*, [рат], [нар'·ат] *(наряд)*, [j̯ат'] *(ять)*, [нлкал], [нлгар], [ʃнлхал].

По месту образования согласные фонемы могут быть представлены следующим образом: губные: [п], [п'], [б], [б'], [м], [м'], [ф], [ф'], [в], [в']; язычные: переднеязычные: [т], [т'], [д], [д'], [с], [с'], [з], [з'], [ц], [л], [л'], [н], [н'], [ш], [ж], [ш̄'], [ж̄'], [ч'], [р], [р']; среднеязычный [j̯]; заднеязычные: [к], [г], [х].

§ 71. Общие сведения о системе согласных фонем. Согласные фонемы в определенных позиционных условиях видоизменяются в своем качестве, образуя закономерные ряды сильных и слабых согласных фонем и их разновидностей. Важнейшей особенностью системы согласных фонем русского языка является параллельность изменений отдельных групп согласных в тождественных условиях, приводящая к наличию в ней соотносительных пар фонем.

Фонемы входят в пары благодаря тому, что признаки, по которым они объединяются, в одних позициях различаются, в других — не различаются.

Такими признаками являются: глухость-звонкость и твердость-мягкость. Ряды глухих-звонких согласных фонем и твердых-мягких называются соотносительными. Соотносительность заключается в том, что в одних фонетических условиях парные фонемы различаются, а в других фонетических условиях не разли-

чаются. Например, парные согласные фонемы [с] и [з], входящие в соотносительный ряд по глухости-звонкости, различаются перед всеми гласными; в этих фонетических условиях будут различаться и все остальные пары данного ряда: [в] и [ф], [ш] и [ж] и т. д., например: [з'има́], [с'има], [в'инт'и̯т'], [ф'ин'т'и̯т'], [шыт'], [жыт'].

На конце слова [с] и [з] не различаются, и в этом положении не будут различаться и [в] — [ф], [ш] — [ж] и другие парные по глухости-звонкости согласные фонемы, например: [рос] (при *ро́за*, *роса́*), [нош] (при *но́ша*, *ножа́*) и т. д.

Это относится и к соотносительному ряду твердых-мягких согласных фонем. Так, если перед гласной фонемой [о] различаются [м] и [м'], как в словах [мот] и [м'·от], то в этом положении будут различаться и [н'] — [н], [л'] — [л] и другие парные твердые-мягкие согласные фонемы; [н'·ос] (*нёс*) и [нос], [л'·от] (*лёд*) и [лот] и др. И, напротив, если перед гласной фонемой [е] не различаются [м] — [м'], то в этой позиции не различаются и [н] — [н'], [л] — [л'], здесь постоянно произносится соответствующий мягкий звук: [нъ-клн'е́]; [нъ-з'иᵉмл'е́] и др.

Могут быть такие фонетические позиции, которые являются слабыми для части парных по мягкости-твердости фонем. Например, в положении перед зубными не могут различаться твердые-мягкие зубные согласные фонемы: т. е. там, где не различаются [с] и [с'], не различаются и [з] — [з'], [т] — [т'], [д] — [д']; ср.: [стол], [здан'и̯ъ], [ко·с'т'], [з'д'ес']; в первых двух словах возможны лишь твердые [с] и [з], в последних — только мягкие [с'], [з'].

Одни согласные входят в пары как по глухости-звонкости, так и по твердости-мягкости, другие — только по глухости-звонкости, третьи — только по твердости-мягкости, и несколько фонем не входят ни в какие пары и в этом смысле являются одиночными.

Например, фонема [с] входит в оба ряда, есть пары [с] — [с'] и [с] — [з] ([сат], [с'ат'], [сат], [зат]), фонема [ж] входит только в пару по глухости-звонкости: [ж] — [ш] ([шок], [жок]), фонема [л] — в пару по твердости-мягкости: [л] — [л'] ([лот] — [л'·от]), фонема же [ц] твердая, глухая не входит ни в какие пары, является одиночной.

Для каждого из рядов соотносительных согласных имеются сильные позиции, в которых различаются все согласные данного ряда. В этих позициях выступают сильные фонемы данного ряда. В слабых для данного ряда позициях выступают соответствующие слабые фонемы. Некоторые позиции являются одновременно сильными как для глухих-звонких, так и для твердых-мягких согласных фонем. Таково положение перед гласными фонемами [а], [о], [у] и [и]. В этих позициях различаются все имеющиеся в русском языке согласные фонемы. Такое положение можно назвать абсолютно сильной позицией для этих фонем, а сами

фонемы в этих позициях — абсолютно сильными согласными фонемами.

Другие позиции являются сильными по глухости-звонкости, но слабыми по твердости-мягкости. Примером такой позиции является положение согласных перед гласной фонемой [е]. В таких позициях выступают сильные фонемы по признаку глухости-звонкости, но слабые по признаку твердости-мягкости.

Далее, следует различать позиции, сильные по признаку твердости-мягкости, но слабые по признаку глухости-звонкости. Типичной позицией, сильной по твердости-мягкости, но слабой по глухости-звонкости, является положение на конце слова.

И, наконец, выделяются абсолютно слабые позиции, т. е. слабые позиции как по твердости-мягкости, так и по глухости-звонкости. Например, перед [ц], кроме фонем [л]—[л'], не различается ни глухость-звонкость, ни твердость-мягкость согласных фонем. Таким образом, между соотносительными рядами согласных фонем существует взаимосвязь. Все это создает своеобразную и весьма сложную систему согласных фонем.

§ 72. Соотносительный ряд глухих и звонких согласных фонем. Соотносительный ряд глухих и звонких согласных фонем состоит из 11 пар, в каждую из которых входят фонемы, отличающиеся наличием или отсутствием голоса и сходные по другим признакам: [п] : [б] = [п'] : [б'] = [ф] : [в] = [ф'] : [в'] = [т] : [д] = [т'] : [д'] = [с] : [з] = [с'] : [з'] = [ш] : [ж] = [ш'] : [ж'] = [к] : [г].

Остальные фонемы: [л], [л'], [м], [м'], [н], [н'], [р], [р'], [j], [х], [ц], [ч'] — соотносительных пар не образуют, причем сонорные являются внепарными звонкими, а шумные [х], [ц], [ч'] внепарными глухими.

§ 73. Сильные по глухости-звонкости парные согласные фонемы. Сильной позицией для глухих и звонких согласных фонем является положение перед гласными фонемами, сонорными и перед [j], [в], [в']. В этих положениях выступают сильные по признаку глухости-звонкости согласные фонемы. Например: [куст] — [густ], [гот] — [кот], [шар] — [жар], [зуп] — [суп], [ва́тъ] — [флта́], [шэст] — [жэст], [ту́шъ] — [душа́], [Дон] — [тон], [там] — [дам], [п'ил] — [б'ил], [пыл] — [был], [Ф'·о́дър] — [в'о́д'ър] *(вёдер)*, [Т'и́нъ] — [Д'и́нъ], [ш'·от] *(счёт)* — [ж'·от] *(жжёт)*, [с'и́мъ] — [з'има́], [по·i̯] — [бо·i̯], [пух] — [бух], [крот] — [грот], [трлва́] — [дрлва́], [сло·i̯] — [зло·i̯], [пра́въi̯] — [бра́въi̯], [п'j·ý] — [б'j·ý]; [кро́мкъ] — [гро́мкъ], [пл'еск] — [бл'еск], [влс'м'и́] *(восьми)* — [влз'м'и́], [сво·j] — [звон], [т'в'ê р'] — [д'в'ê р'], [с'в'ê р'] — [з'в'ê р'].

§ 74. Слабые по глухости-звонкости парные согласные фонемы. Слабыми позициями для глухих-звонких согласных являются: 1) положение на конце слова, 2) положение перед шумными глухими согласными и 3) положение перед шумными звонкими согласными. В этих позициях парные глухие и звонкие согласные не различаются. В положении на конце слова и перед шумными глухими выступает глухой вариант слабой по глухости-

звонкости согласной фонемы, в положении перед звонкими — звонкий вариант слабой по глухости-звонкости согласной фонемы.

Наличие на конце слова глухих вариантов слабых по глухости-звонкости согласных фонем объясняется оглушением звонких шумных согласных в этом положении. Перед глухими или перед звонкими шумными согласными происходит в современном русском языке регрессивная ассимиляция — уподобление по отсутствию или наличию голоса предшествующего шумного согласного последующему шумному. Например, на конце слова: [сноп] ([снлпа́]), [хл'еп] ([хл'е́бъ]), [соф] ([слфа́]), [соф] ([слва́]), [р'ис] ([р'и́съ]), [ма·с'] ([ма́·з'и]). Перед глухими согласными: [ла́пкъ] ([ла́пъ]), ([шы́пкъ]) *(шибко)*, [Со́фкъ] ([Со́фъч'къ]) и [со́фкъ] ([со́въч'къ]), [д'ӑт'къ] ([д'ӑд'ьч'къ]) и [д'е́ткъ] ([д'е́тъч'къ]), [ска́скъ] ([ска́зъч'къ]) и [мо́·с'къ] ([мо·с'ьч'къ]).

Во всех примерах на конце слова или перед глухими выступают глухие варианты слабых по глухости-звонкости согласных фонем.

Перед звонкими согласными: [вбок], [в'б'и̯т'], [сва́·д'бъ], [про́·з'бъ], но [прлс'и̯т'], [клз'ба́] *(косьба)*, [гбыку́] (ср. [к стлу́]), [лджа́·т'] *(отжать)*, [влгза́л] *(вокзал)*, [мъллд'ба́], но [мъллт'и̯т'].

Во всех этих примерах перед шумными звонкими выступают звонкие варианты слабых по признаку глухости-звонкости согласных фонем. Из двух процессов — оглушения звонких и озвончения глухих — количественно преобладает первый. Случаи озвончения глухих согласных имеют место в сравнительно ограниченных категориях.

§ 75. Варианты внепарных глухих согласных фонем. Внепарные глухие согласные фонемы могут иметь свои разновидности, варианты. В положении перед звонкими парными согласными (кроме [в], [в']) эти фонемы озвончаются и выступают в своих звонких разновидностях: [γ], [ʒ], [ǯ'], например: [лт'е́ʒбы] *(отец бы)*, [злсо́γ бы] *(засох бы)*, [до́ǯ' бы] *(дочь бы)*. Определение звуков [ʒ] ([дз]) и [ǯ'] (д'ж') как разновидностей фонем [ц] и [ч'] объясняется их полной обусловленностью позицией — вне данной позиции эти звуки неизвестны. Звук [γ] следует считать разновидностью фонемы [х] в том случае, если определять произношение слов типа [бо́γъ], [блγа́тъй], [тлγда́], [γдо́му] как устарелое. Если же принимать подобное произношение как факт современного литературного языка, то тогда звук [γ] при озвончении [х] следует считать звонким вариантом слабой по признаку глухости-звонкости фонемы при наличии сильной по признаку глухости-звонкости фонемы [γ] в словах [бо́γъ], [бо́γу], [γо́спъд'и].

§ 76. О вариантах сонорных согласных фонем. На конце слова после глухих согласных сонорные оглушаются и выступают в своих глухих разновидностях: [п'·остр], [ры̊хл̊], [во́пл̊'], [дра́хм̊], [ко́пн] (ср.: [п'и^{e}стра́], [рыхла́], [во́пл'ъ], [дра́хмъ]).

Глухие сонорные появляются в результате прогрессивной ассимиляции — воздействия предшествующего глухого согласного.

Глухие сонорные могут появляться и в начале слова перед глухими: [рта], [л'с'т'ит'] *(льстить)*, [мха], [мч'ат'] *(мчать)*.

О непарной фонеме [j] и ее варианте см. ниже, § 81.

§ 77. Соотносительный ряд твердых и мягких согласных фонем. Соотносительный ряд твердых и мягких согласных фонем состоит из 12 пар, каждую из которых образуют фонемы, отличающиеся друг от друга отсутствием или наличием дополнительной средненёбной, так называемой „йотовой", артикуляции (т. е. твердостью или мягкостью), и сходные по другим признакам: [п] : [п'] = [б] : [б'] = [ф] : [ф'] = [в] : [в'] = [м] : [м'] = [т] : [т'] = [д] : [д'] = [с] : [с'] = [з] : [з'] = [л] : [л'] = [н] : [н'] = [р] : [р'].

Остальные 10 согласных фонем: [ш], [ж], [к], [г], [х], [ш'], [ж'], [ц], [ч'], [j] являются непарными, одни — по твердости, другие — по мягкости.

§ 78. Сильные по твердости-мягкости парные согласные фонемы. Сильной позицией для согласных, парных по мягкости-твердости, являются следующие положения: 1) на конце слова, 2) перед сильными гласными фонемами [а], [о], перед сильными и слабыми фонемами [у] и [и], перед слабой гласной фонемой неверхнего подъема [ɑ][1], 3) для переднеязычных — перед заднеязычными и твердыми губными, 4) для фонем [л] и [л'] перед всеми согласными фонемами.

В этих положениях твердость или мягкость согласного является качеством самостоятельным, позиционно не обусловленным, фонематическим. Следовательно, в этих положениях выступают сильные в отношении твердости и мягкости согласные фонемы.

Например: 1. На конце слова: [был] — [бы·л']; [кроф] — [кро·ф']; [жар] — [жа·р']; [кон] — [ко·н']; [грап] *(граб)* — [гра·п']; [нас] — [ма·с']; [брат] — [бра·т'].

2. Перед сильными гласными фонемами [а], [о]: [па·с'т'] — [п'ас'т'] *(пясть)*; [сат] — [с'ат'] *(сядь)*; [лак] — [л'·ак] *(ляг)*; [мат] — [м'·ат] *(мят)*; [мот] — [м'·от], [лот] — [л'·от] *(лёд)*, [нос] — [н'·ос]; [со·л'] — [с'·ол] *(сёл)*, [вол] — [в'·ол]; [дóмъ] — [д'·óмъ] *(Дёма)*; перед сильными и слабыми гласными фонемами [у] и [и]: [лук] — [л'·ук]; [тук] — [т'·ук], [крук] *(круг)* — [кр'·ук], [судá] — [с'·удá] *(сюда)*, [луд'ит'] *(лудить)* — [л'·удêi̯]; [пыл] — [п'ил], [ныл] — [н'ил] *(Нил)*, [клры] — [клр'й], [сытъ] — [с'йтъ], [грлфы] — [грлф'й], [п'илý] — [ф-пылý]; перед слабой гласной фонемой неверхнего подъема [ɑ]: [нɑсý] ([нлсý] = *в носу*) — [н'ɑсý] ([н'и^{e}сý] = *несу*), [тɑн'й] ([тлн'й] = *тони*) — [т'ɑн'й] ([т'и^{e}н'и] = *тяни*), [пɑтóк] ([плтóк]) = *поток*) — [п'ɑтóк] ([п'и^{e}тóк]) = *пятак*).

3. Положение переднеязычных перед заднеязычными и твердыми губными: [р'éткъ] — [р'éт'къ], [нóскъ] — [ó·с'къ], [гóркъ] — [гó·р'къ], [кóлбъ] — [плл'бá], [смо·i̯] — [п'ис'мó], [лтмы́л] — [т'ма].

[1] Разновидностями этой фонемы [ɑ] являются в первом предударном слоге звуки [ʌ], [и^{e}], во втором предударном слоге — звуки [ʌ], [ъ,] [ь], в заударных слогах — звуки [ъ] и [ь] с некоторыми ограничениями.

4. Положение для [л] — [л'] перед согласными: [вɅлнá] — [вɅл'нá]; [болт] — [во·л'т]; [пллз'й] — [пó·л'зъ] *(польза)*; [Бóлшъвъ] *(Большево)* — [бó·л'шъвъ] *(большего)*; [мá·л'ч'ик] — [млл'ч'й].

§ 79. Слабые по твердости-мягкости парные согласные фонемы. Слабой позицией для всех согласных фонем, парных по твердости-мягкости, является положение перед гласной фонемой [е]. В этом положении все твердые согласные смягчаются, поэтому твердость и мягкость согласных перед [е] не различается, само качество мягкости выступает как позиционно обусловленное. В положении перед гласной фонемой [е] выступают слабые по твердости-мягкости согласные фонемы, и в этом положении они звучат мягко, например: [п'ел], [б'ел], [м'ел], [в'éръ], [т'élъ], [д'élъ], [с'ел], [н'ébъ], [л'étъ], [р'ек].

Слабые позиции для твердых-мягких согласных перед согласными можно распределить по следующим категориям: 1) положение перед согласными, внепарными по твердости-мягкости, 2) перед парными твердыми и 3) перед парными мягкими.

1. Перед внепарными твердыми [ш], [ж], [ц] различаются лишь фонемы [л] — [л'], причем есть не обусловленное позицией сочетание [л'ц] при отсутствии [лц].

Все остальные парные согласные в этом положении не различаются, так как здесь возможны лишь твердые согласные, и поскольку качество твердости здесь обусловлено — это будут слабые по признаку твердости-мягкости фонемы, которые в данной позиции произносятся твердо, например: [лʌпшá], [зáмшъ], [стáршъ], [л'и^{e}фшá], [купцы́], [лʌфцá], [мълʌтцá], [п'и^{e}сцá].

Перед заднеязычными не различаются по твердости-мягкости губные согласные, в этой позиции выступают слабые по твердости-мягкости губные согласные в своем твердом варианте: [лáпкъ], [лбгóн], [рáмкъ], [с'·óмгъ].

Перед фонемой [j] произносятся только мягкие согласные, и, следовательно, это будут мягкие варианты слабых по твердости-мягкости фонем: [п'j·ан], [б'j·ý], [скʌм'j·á], [в'j·у], [с'jел], [л'j·у], [р'j·áнъ].

Таким образом, перед всеми согласными, внепарными по мягкости-твердости, отсутствует различение парных твердых и мягких согласных (кроме [л] — [л']). Обычно наблюдается твердость перед твердыми, мягкость перед мягкими, т. е. мягкость-твердость согласных носит несамостоятельный, ассимилятивный характер.

2. Перед твердыми зубными не различают качество твердости-мягкости зубные и губные согласные; они произносятся твердо: [пташкъ], [правдъ], [взор], [пса], [стон], [уздá], [бант], [узлá]. Перед фонемой [р] губные и зубные произносятся только твердо: [прок], [брак], [мрак], [срок], [зрлч'·óк].

Перед парными твердыми губными губные произносятся твердо: [лáмпъ], [бóмбъ], [р'йфмъ], [лбмáн], [вбок]. Следовательно, здесь выступают твердые варианты слабых по признаку твердости-мягкости согласных фонем.

3. Перед парными мягкими зубными согласными губные согласные произносятся твердо: [пт'йцъ], [н'ефт'], [вз'има́·т'], а зубные согласные — мягко: [з'д'ѐс'], [с'т'ѐп'] [з'л'йт'], [с'л'йвы], но возможно и произношение: [сл'йвы], [сн'ек] с твердым зубным перед мягкими звуками [л'], [н'].

Перед парными мягкими губными парные зубные произносятся различно: [в'ѐт'в'и] и [в'ѐтв'и], [з'в'ѐр'] и [зв'ѐр'], [с'ф'ѐръ] и [сф'ѐръ], [з'м'ѐi̯] и [зм'ѐi̯].

Рассмотрение произношения согласных перед согласными со стороны их твердости или мягкости позволяет сделать вывод о недифференцированности в значительной мере категории твердости-мягкости согласных в положении перед согласными. Во многих случаях намечается ассимилятивная зависимость твердости или мягкости данного согласного от твердости или мягкости последующего. Но в ряде положений ассимиляция проводится непоследовательно. Поэтому в современном русском языке следует отличать слабые позиции для мягких-твердых согласных фонем от таких позиций, где твердость-мягкость согласных не дифференцированы. Например, в словах [в'ек], [с'ѐм'], [д'ѐн'] начальные звуки [в'], [с'], [д'] являются мягкими вариантами слабых по твердости-мягкости фонем, а в словах [тра́·ф'к'и], [лб'j̆а́в'ит] при наличии вариантов [тра́фк'и], [лбj̆а́в'ит] звуки [ф] и [б] находятся в положении, где твердость-мягкость в современном русском литературном языке не дифференцированы.

§ 80. Разновидности внепарных по мягкости-твердости согласных фонем. Внепарные твердые согласные фонемы [ш], [ж], [ц] во всех положениях звучат твердо: [шак], [шум], [шэст], [шык], [наш], [шла], [жар], [жук], [жыр], [лы́жн'ик], [цырк], [куп'ѐц], [цна].

Внепарные мягкие согласные фонемы [ш'], [ж'], [ч'] звучат во всех положениях мягко: [ч'ӓс'т'], [ч'ӱт'], [ч'ист], [прлч'ла] (*прочла*), [до́·ч'къ], [до·ч'], [ш̄'·у́къ], [ш̄'·от], [ш̄'и], [ба́·н'ш̄'ик], [из'а́ш̄'нъй], [длж̄'·а́], [ж̄'·от], [jѐж̄'·у], [во́·ж̄'и], [длж̄'л'йвъй].

Это утверждение относится к фонеме [ж'] в той мере, в какой сохраняется ее мягкость.

Фонема [j] как палатальная (а не палатализованная), естественно, всегда выступает как мягкая.

Заднеязычные фонемы [к], [г], [х] в определенных позициях выступают в своих разновидностях, вариантах.

Во всех тех положениях, в которых парные твердые-мягкие согласные фонемы различаются, заднеязычные не различаются; при этом перед фонемами [а], [о], [у] и на конце слова выступают только твердые заднеязычные, перед [и] — мягкие. Например: [ка́шъ], [ком], [кум], [нок]; [гам], [го́мън], [гум]; [хам], [холм], [хурма́], [дух], но: [друг'йм], [но́·г'и], [г'йб'ъл'], [к'йслъй], [х'йлъй] (ср. [в'ил] — [выл], [п'ил] — [пыл], [т'йнъ] — [ты́нъ]). Перед фонемой [е] заднеязычные выступают в своих мягких разновидностях. Сочетания [к'е], [г'е], [х'е] встречаются на стыке конечной

согласной основы и флексии ([нлг'ѐ], [рук'ѐ], [слх'ѐ]), в местоимении [к'ем] и в большом количестве иноязычных слов.

§ 81. Фонема [j]. Фонема [j] выступает в двух своих разновидностях: в виде согласного среднеязычного [j] и неслогового гласного — [i̯]. Звуки [j] и [i̯] являются разновидностями одной и той же фонемы потому, что они не употребляются в одном и том же положении и поэтому по отношению друг к другу не могут служить для различения звуковых оболочек слов в их формах. Трудно решить вопрос о том, какой из этих звуков является основным видом фонемы. Но, учитывая, что данная фонема относится к системе согласных, а согласным является [j], будем считать [j] основным видом фонемы, а звук [i̯] ее разновидностью.

Фонема [j] в своем основном виде употребляется перед ударными гласными: [j·ат], [j·ук], [j·от], [jем], [твлj·у́], [стлj·а́л].

Перед безударными гласными выступает разновидность фонемы [i̯]: [i̯·ула́], [и^{е}да́], [зна́·i̯у], [ра́·i̯ъ], [в'ѐi̯у].

В положении после гласных перед согласными и на конце слова произносится [i̯]: [влi̯на́], [за́·i̯мъ], [плi̯му́], [п'ѐi̯], [мо·i̯].

Фонема [j] невозможна в начале слова перед согласными и в конце слова после согласных.

Характерной особенностью фонемы [j] является то, что в некоторых положениях употребление ее факультативно. Таково положение перед гласной фонемой [и] после гласных, особенно перед слабой гласной фонемой [и] в безударном положении: [млй], [твлй], [твлйх], [свлйх], но возможно и [млjй], [твлjй]. Произносят [их], [им], но по старой норме могут произносить и [jих], [jим]. Обычно без [j] произносят: [плко́и], [трлмва́и], [стро́ит'], [сто́ит] и другие.

§ 82. Долгие и двойные согласные. В системе согласных фонем русского языка есть две долгие согласные фонемы: это долгие мягкие шипящие [ш̄'] и [ж̄'], причем эти долгие шипящие не противопоставлены кратким, которые являются внепарными твердыми фонемами.

Остальные долгие согласные в русском языке не образуют особых „долгих“ фонем, противопоставленных „кратким“. Это объясняется тем, что в русских словах, исключая единичные случаи (как слово [со́ръ]), долгие согласные возникают лишь на стыках морфем и поэтому являются сочетанием фонем. Например, в слове [ръс̄лд'йл] долгий звук [с̄] в фонологическом отношении является сочетанием двух фонем [с]. Этот звук возник на стыке приставки *раз-* и корня с начальным глухим зубным согласным (ср. [пъслдйл], [ръзнлс'йл]). Отношения между [слд'йл] и [ръс̄лд'йл] будут такие же, как и между [нлс'йл] и [ръзнлс'йл].

Как сочетание фонем мы должны рассматривать и долгие согласные [т̄], [ф̄], [з̄], [д̄], [ш̄], [ж̄] в словах [път̄лкну́·т'], [ф̄а́нты] (*= в фанты*), [з̄а́·д'и] (*сзади*), [плд̄'ѐлъл] (*поддѐлал*), [ш̄ыл] (*сшил*), [ж̄ок] (*сжёг*) и другие.

Все эти звуки могут быть определены как долгие только с физиолого-акустической точки зрения. С точки же зрения фоно-

логической, при рассмотрении различительной способности звуков речи, все эти долгие согласные являются двойными, т. е. представляют собой сочетание фонем.

Долгие согласные не на стыке морфем встречаются в словах иноязычного происхождения: [ва̄нъ], [ка̄съ], [га̄мъ] и других. Такие долгие согласные являются фонемами; ср., например, [гам] и [га̄м] *(гамм)*. Но, учитывая, что эти фонемы известны лишь в очень узком кругу иноязычных слов и что такие слова обычно в живом русском произношении утрачивают долготу согласных (произносят [лтáкъ], [прлф'éсър], [кър'идóр]), мы не можем рассматривать их как единицы звуковой системы современного русского литературного языка.

§ 83. Позиционные и исторические чередования согласных фонем. Позиционные чередования необходимо отличать от исторических чередований, которые были связаны с фонетическими условиями при своем возникновении, но в дальнейшем утратили позиционную обусловленность и стали использоваться в русском языке в качестве грамматического средства при формообразовании и словообразовании. Исторические чередования, или, как их чаще называют, чередования, поэтому и рассматриваются в грамматике.

Чередованием называется закономерная мена звуков в пределах морфемы при словоизменении или словообразовании.

Позиционным чередованием, как было уже сформулировано выше, называется закономерная мена звуков в зависимости от изменения фонетических условий.

В системе согласных фонем необходимо разграничивать чередования (исторические) и позиционные чередования (позиционную мену) согласных в пределах ряда парных по твердости-мягкости согласных фонем.

Во многих случаях в современном русском языке мена твердых-мягких согласных звуков является чередованием (историческим). Например, при словообразовании [рван]—[рван'] *(рвань)* чередование [н]||[н'] является единственным грамматическим средством, различающим эти два слова.

В формах слова *вести*: *веду* ([в'и^{е}дý]), *ведём* ([в'и^{е}д'·óм]) чередование [д]||[д'] является историческим и используется как дополнительное грамматическое средство, сопровождающее флексию при формообразовании. В отличие от чередования позиционной меной (позиционным чередованием) будет мена твердой согласной на мягкую перед фонемой [е], например при склонении слова *стол*: *на столе* [нъ-стʌл'é], слова *окно*: *на окне* [нъ-лкн'é]. Позиционным будет чередование твердых и мягких согласных в словах: [гъллвá]|| [гълʌв'é]; [избá]||[из'б'é]; [уздá]||[уз'д'é].

§ 84. Понятие фонемного ряда. Выше были рассмотрены позиционные изменения согласных фонем:

а) внепарных по признаку глухости-звонкости,

б) внепарных по признаку твердости-мягкости,

в) внепарных сонорных согласных фонем,

г) внепарной фонемы [j], а также д) позиционные изменения согласных фонем, парных по звонкости-глухости и парных по твердости-мягкости.

С фонологической точки зрения не все рассмотренные позиционные чередования согласных фонем равнозначны.

Позиционные чередования внепарных согласных фонем составляют один тип: они образуют параллельные ряды позиционных чередований. Приведем эти ряды:

а) [ц]||[з]; [ч']||[ǯ]; [х]||[γ]

б) [к]||[к']; [г]||[г']; [х]||[х']

в) [р]||[р̂]; [р']||[р̂']; [л]||[л̂]; [л']||[л̂']; [м]||[м̂]; [н]||[н̂]

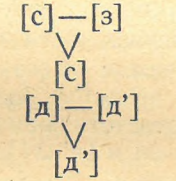
г) [j]||[i]

Каждая пара приведенных рядов позиционных чередований является одной и той же фонемой.

Один из членов пары (выступающий в позиции наименее обусловленной) является основным видом фонемы, второй член (выступающий в позиции обусловленной) является разновидностью, вариантом фонемы. Следовательно, звуки [ц], [ч'], [х], [к], [г], [х], [р], [р'], [л], [л'], [м], [н]; [j] являются основным видом фонем, а звуки [з], [ǯ], [γ], [к'], [г'], [х'], [р̂], [р̂'], [л̂], [л̂'], [м̂], [н̂], [i] разновидностями, вариантами соответствующих фонем.

Позиционные чередования парных звонких-глухих согласных и парных твердых-мягких согласных образуют второй тип: они образуют частично перекрещивающиеся ряды позиционных чередований, имеющие общий член.

Например,



и т. д.

и т. д.

Позиционные чередования, члены которых составляют перекрещивающиеся ряды, имеющие общий член, представляют собой чередования сильной фонемы со слабыми фонемами. Например, позиционное чередование согласных при склонении слова *вода*: *вода, воде, вод* — [вʌдá], [вʌд'é], [вот]—[д]||[д']||[т] является чередованием абсолютно сильной фонемы [д] со слабой по признаку твердости-мягкости фонемой [д] и со слабой по признаку глухости-звонкости фонемой [т].

В формах слова *конь, на коне* — [ко·н'], [нъ-клн'é] есть чередование сильной фонемы [н'] с мягким вариантом слабой по признаку твердости-мягкости фонемы. Таким образом, непараллельное чередование есть чередование сильной фонемы со слабыми, которые являются общим членом чередования данной сильной фонемы и еще одной или нескольких сильных фонем.

Так, слабая по признаку глухости-звонкости фонема [т] чередуется не только с сильной фонемой [д], но и с сильной фонемой [т], например: [влдá] || [вот] и [рóтъ] || [рот]. Чередование сильной фонемы с эквивалентными ей слабыми фонемами называется фонемным рядом.

Понятие и термин „фонемный ряд" введены проф. Р. И. Аванесовым. Фонемный ряд является весьма важным понятием. На фонемном ряде покоится тождество морфемы. Это значит, что одна и та же морфема всегда имеет звуковой состав, состоящий из фонем, входящих в состав одних и тех же фонемных рядов. Например, корневая морфема в слове *водовоз* и формах слова *вода*: [вóды], [влдá], [въдлвóс], [влд'é], [вот] — везде является одной и той же морфемой, несмотря на различия в звуковом виде, так как эти различия не выходят за рамки одних и тех же фонемных рядов, возглавляемых сильными фонемами [в], [о], [д]; фонема [о] возглавляет ряд: [о] || [ʌ] || [ъ], где [ʌ] — вариант слабой гласной фонемы [ɑ] после твердых согласных в первом предударном слоге, а [ъ] — вариант слабой гласной фонемы [ɑ] после твердых согласных во втором предударном слоге; фонема [д] возглавляет ряд: [д] || [т] || [д'], где [т] — фонема, слабая по признаку глухости-звонкости, а [д'] — слабая по признаку твердости-мягкости.

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 85. Ударение. Ударением слова называется выделение одного из слогов двусложного или многосложного слова теми или иными фонетическими средствами.

Русский язык характеризуется ударением силовым. В русском языке ударный гласный отличается прежде всего большей напряженностью артикуляции. Он всегда является более напряженным, более долгим и громким, чем соответствующий безударный (ср., например, звуки [и] в словах [п'и́лы] и [п'илу́]).

Очень важно отметить, что, поскольку ударные и безударные гласные в русском языке никогда не могут быть в одной и той же позиции, появляющаяся под ударением бóльшая длительность гласного в сравнении с длительностью этого же гласного без ударения не является фонологическим признаком гласного. Более долгие [и], [у], [а] под ударением и менее долгие [и], [у], [ʌ] без ударения не являются различными долгими и краткими гласными фонемами.

Как показывают экспериментальные исследования, ударный гласный может отличаться от безударных особым тембром. При меньшей длительности ударного гласного в сравнении с безударным (ср. [плл'и́]) роль тембра особенно заметна. Благодаря этому особому тембровому признаку и воспринимается ударение.

Ударный слог может отличаться от безударных и изменением тона, но это зависит главным образом от причин ритмико-интонационных и поэтому не имеет прямого отношения к характеристике словесного ударения.

Ударение является средством различения звуковых оболочек слов и форм, выходящим за пределы членения их на фонемы. Поэтому звуковые оболочки таких слов, как [му́ку] и [муку́], противопоставлены друг другу целиком, а в случаях типа [му́ку] и [ма́ку] они противопоставлены лишь гласными фонемами [у] и [а].

Роль ударения в фонетической системе русского языка, прежде всего в системе гласных, очень важна. Ударение в значительной мере определяет звуковой облик данного слова или формы слова в области вокализма.

КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

§ 86. Принципы классификации. В отличие от согласных все гласные характеризуются наличием голоса — музыкального тона, и этот музыкальный тон у гласных преобладает; при образовании гласных отсутствует шум, так как отсутствуют в полости рта препятствия, образующие шум.

Музыкальный тон, характеризующий гласные, образуется в гортани. В надгортанных полостях глотки и рта возникают характерные тона (обертона), которые, присоединяясь к основному музыкальному тону, придают каждому гласному особый тембр.

Акустические различия между гласными определяются объемом и формой резонирующих полостей, которые могут изменяться в результате движений языка и губ.

Классификация гласных звуков строится с учетом: 1) участия или неучастия губ в образовании гласных, 2) способа образования звука и 3) места образования звука.

1. По участию губ все гласные делятся на лабиализованные и нелабиализованные гласные звуки (от латинского слова labium — губа). При образовании лабиализованных гласных губы вытягиваются вперед и округляются. Степень лабиализации может быть различной: бóльшая у гласного [у], меньшая у гласного [о].

2. Способ образования звука зависит от степени подъема языка. Степень подъема языка связана с движением языка по вертикали. Ударные гласные русского языка различают три степени подъема: верхний, средний и нижний.

3. Место подъема языка зависит от движения языка по горизонтали. При образовании гласных переднего ряда всё тело языка продвигается вперед, кончик языка упирается в нижние зубы, средняя часть спинки языка в определенной степени приподнята. При образовании гласных заднего ряда тело языка отодвигается назад, кончик языка отходит от нижних зубов, наиболее приподнятой оказывается задняя часть спинки языка.

Гласные среднего ряда занимают промежуточное положение между гласными переднего и заднего рядов.

§ 87. Фонетическая характеристика гласных звуков. Гласный звук [а] образуется при широком растворе рта, губы не выпячиваются вперед и не округляются, это — гласный нелабиализованный. Кончик языка опущен и находится за нижними зубами. Тело языка находится почти в спокойном состоянии, поэтому звук [а] в отношении места подъема может рассматриваться как нелокализованный. Гласный [а] обычно относят к гласным заднего ряда, что является справедливым для безударного [ʌ]; при [а] ударяемом основание языка выдвигается немного вперед, и хотя спинка языка при этом не приподнимается, ударяемый гласный [а] можно определить как гласный среднего ряда.

Гласный звук [е] является неоднородным звуком. Он начинается с призвука [и] и оканчивается очень широким [е]. Раствор рта при образовании [е] меньше, чем при [а]. Язык продвинут вперед и поднят в своей средней части, губы пассивны. Гласный [е] нелабиализованный, переднего ряда, среднего подъема.

Гласный звук [и] является узким гласным, при его образовании нижняя челюсть приподнята больше, чем при других гласных. Язык продвинут вперед и высоко поднят в своей средней части, губы пассивны. Гласный [и] нелабиализованный, переднего ряда, верхнего подъема.

Гласный звук [ы] произносится при поднятой задней части спинки языка. Кончик языка приподнимается слегка и направляется вперед. После твердых шипящих [ш], [ж] этот гласный произносится несколько иначе: кончик языка больше приподнят и направлен вперед. Гласный [ы] нелабиализованный, среднего ряда верхнего подъема.

Гласный звук [у] является узким гласным. При его образовании нижняя челюсть значительно приподнята. Язык отодвинут назад и высоко поднят к мягкому нёбу в своей задней части. Губы при образовании [у] сильно вытянуты вперед и округлены. Гласный [у] лабиализованный, заднего ряда, верхнего подъема.

Гласный звук [о] образуется при среднем растворе рта. Язык отодвинут назад и поднят в своей задней части к мягкому нёбу, но степень подъема языка меньшая, чем у гласного [у]. Губы вытянуты вперед и округлены. Звук [о] лабиализованный, заднего ряда, среднего подъема.

Таблица гласных звуков современного русского литературного языка

Способ образования \ Место образования		Ряд: передний	средний	задний
Подъём	верхний	и	(ы)	у
	средний	е		о
	нижний		а	

§ 88. Сильные и слабые позиции для гласных звуков. В русском языке только под ударением гласные произносятся наиболее определенно и со всеми присущими им свойствами. В положении под ударением вне зависимости от качества соседних согласных различается всегда одно и то же количество гласных звуков, максимальное для русского языка. Позиция под ударением является позицией максимальной дифференциации для гласных звуков, сильной позицией.

В безударных положениях гласные звуки в русском языке подвергаются значительным изменениям. Они всегда здесь сокращаются количественно и могут изменяться в своем качестве. В безударных слогах различается, противопоставляется меньшее число гласных звуков, поэтому безударные слоги являются слабой позицией для гласных звуков. В русском языке следует различать слабую позицию первой степени — это положение в первом предударном слоге, и слабую позицию второй степени — остальные безударные слоги.

Сильные гласные фонемы не могут в русском языке противопоставляться слабым гласным фонемам; поэтому сильные и слабые гласные фонемы не могут по отношению друг к другу выступать в роли различителей звуковой оболочки слов в их формах. Слабые фонемы могут выступать в качестве заменителей (эквивалентов) сильных фонем.

Состав гласных фонем русского языка определяется составом сильных гласных фонем.

§ 89. Состав гласных фонем русского языка. В позиции максимального различения гласных звуков и их наименьшей позиционной обусловленности в современном русском литературном языке насчитывается пять следующих гласных фонем: [а], [о], [е], [и], [у]. Такой позицией является положение под ударением в начале слова перед твердой согласной, где гласные звуки по своему качеству наиболее близки к изолированному употреблению. Например: [ах], [áхът'], [áдъ], [ох], [óхът'], [óдъ], [ех], [éхъ], [étъ], [их], [йдъ], [ýхъ], [ýхът'], [ýткъ].

§ 90. Изменение гласных фонем в положении под ударением. Качество гласных звуков под ударением зависит от качества соседних согласных. В зависимости от положения ударного гласного в отношении к согласным различается шесть основных позиций:

I — в начале слова перед парным твердым согласным — *át*[1],
II — в начале слова перед парным мягким согласным — *át'*,

[1] Буквой *а* обозначен в этих формулах любой гласный, буквой *t* — любой согласный.

III — после парных твердых согласных на конце слова или между парными твердыми согласными — *tá*, *tát*,

IV — после парных твердых согласных перед парными мягкими — *tát'*,

V — после парного мягкого согласного перед парным твердым или на конце слова — *t'át*, *t'á*,

VI — между парными мягкими согласными — *t'át'*.

Рассмотрим, как изменяются гласные звуки в этих позициях. Качество гласных в первой позиции было описано при общей фонетической характеристике гласных звуков (см. § 88).

Во второй позиции гласные переднего ряда под влиянием последующего мягкого согласного в своей артикуляции продвигаются несколько вверх. Гласные переднего ряда продвигаются несколько вперед и вверх в своей рекурсии. Например: [á·л'ьн'къй] *(аленький)*, [ó·л'ъ] *(Оля)*, [и̯'р'ь] *(Ире)*, [у̯·л'ъ] *(Уля)*, [ê'л'ъ] *(Эля)*.

В третьей позиции гласный звук [е] невозможен (за исключением слов иноязычного происхождения), гласный звук [и] значительно изменяет свое качество, становясь гласным среднего ряда [ы], непередние гласные сохраняют свое основное качество. Например: [там], [сат], [рат]; [том], [то], [рот]; [тумбъ], [дум], [рук]; [тын], [ты], [дым], [рыт]; [нлра́], [нлры́] и другие.

В четвертой позиции могут быть только непередние гласные, но под влиянием последующего мягкого согласного они становятся более передними и верхними в своей рекурсии. Например: [ра·т'], [л-са́·д'ь] *(о саде)*, [ма·т'] [на́·д'ы] *(Надя)*, [са́·м'и], [л-со́·д'ь] *(о соде)*, [мо́·т'ъ] *(Мотя)*, [л-но́·т'ь] *(о ноте)*, [л-со́·м'ь] *(о соме)*, [ры·т'], [л-сы́·р'ь] *(о сыре)*, [мы·т'], [ф-плсу́·д'ь], [му·т'], [су·т'].

В пятой позиции передние гласные становятся более верхними в начале своей артикуляции (экскурсии звука), непередние гласные под влиянием предшествующего мягкого согласного становятся в своей экскурсии более передними и верхними. Например: [хвлл'й], [хвлл'·у̯́], [хвлл'·а́]; [плj́й], [плj·у̯́], [плj·а́] *(поя)*; [л'ик], [л'·ок], [л'·ук], [л'·ак], [л'ес]; [м'ил], [м'·от], [м'·ут], [м'·ат], [м'ел]; [н'ис], [н'·ос], [н'·у̯́ръ] *(Нюра)*, [н'ет].

В шестой позиции, между парными мягкими согласными, передние гласные продвигаются в своем образовании в более верхнее положение на всем протяжении образования звука, звуки становятся более узкими, напряженными. Непередние гласные под влиянием мягких согласных довольно значительно продвигаются вперед и вверх, причем это изменение охватывает артикуляцию звука и в ее начале и в конце, т. е. звук изменяется на всем своем протяжении.

Например: [м'ät'] *(мять)*, [т'ӧт'ъ] *(тётя)*, [м'êт'], [п'и̯̂т']; [с'ät'], [с'ӧ́м'ь] *(Сёме)*, [л'ӱ̯д'и], [л-с'и̯̂т'ь] *(о сите)*, [с'êт'].

Всё сказанное об изменениях гласных звуков можно изобразить в следующей схеме:

Позиции / Звуки	I *át*	II *át'*	III *tá — tát*	IV *tát'*	V *t'át — t'á*	VI *t'át'*
и	и	и̯̂	ы	ы·	и	и̯̂
е	е	ê	—	—	е	ê
а	а	а·	а	а·	·а	ä
о	о	о·	о	о·	·о	ӧ
у	у	у·	у	у·	·у	ӱ̯

§ 91. Изменение гласных фонем после шипящих. После твердых шипящих перед твердыми и мягкими согласными гласные фонемы [а], [о], [у], [и] изменяются так же, как в позициях III и IV (*tát, tát'*). Фонема [е] в данном положении изменяется по месту образования: она претерпевает передвижку назад и выступает в разновидности [э]. Перед мягкими согласными этот звук является более передним и верхним в своей рекурсии [э·].

Приведем примеры: [шык], [шак], [шок], [шу̯́пкъ], [шэст]; [жыр], [жо́ръ], [жа́ръ], [жэст], [жук] [шы́·л'и], [ша́·л'и], [шу̯́·р'ь], [шэ·с'т']; [жы́·л'и], [жа́·л'и], [жо́·р'ь], [жу̯́·л'ик], [жэ·с'т'].

§ 92. Основной вид и разновидности сильных гласных фонем. Основной вид фонемы всегда выступает в позиции наименьшей обусловленности, наименьшей зависимости качества звука от фонетических условий. Такой позицией среди рассмотренных выше является первая, которую мы условно обозначили формулой *át*.

Основным видом фонемы [и] будет звук [и], а разновидностями фонемы [и] являются звуки [ы], [ы·], [и̯̂]. Разновидностью фонемы [е] является [е], а после шипящих [ш], [ж] — звуки [э], [э·]; разновидностями фонем [а], [о], [у] — звуки [а], [о], [у] более переднего и верхнего образования: [·а], [а·], [ä], [·о], [о·], [ӧ], [·у], [у·], [ӱ̯].

При сопоставлении разновидностей сильных гласных фонем можно сделать вывод, что различия между ними зависят от места образования гласного. Следовательно, место образования гласного не является определяющим признаком фонемы, если брать фонему не только в ее основном виде, но в совокупности всех ее разновидностей.

Определяющим признаком сильной фонемы во всех ее разновидностях является степень подъема гласного и отсутствие или наличие лабиализации.

В то же время при характеристике гласной фонемы в ее основном виде, при характеристике той или иной разновидности гласной фонемы обязательно учитывается и место образования гласного.

Фонетическая характеристика основного вида и разновидностей сильных гласных фонем дана выше (см. §§ 87, 90).

§ 93. Слабые гласные фонемы первого предударного слога. Для гласных первого предударного слога следует различать шесть следующих фонетических положений:

I — в начале слова перед твердым согласным,
II — в начале слова перед мягким согласным,
III — между твердыми согласными,
IV — после твердого перед мягким согласным,
V — после мягкого согласного перед твердым,
VI — между мягкими согласными.

Но при выделении этих позиций надо учесть, что воздействие предшествующего твердого или мягкого согласного на гласные первого предударного слога оказывается значительно бóльшим, чем в ударном слоге. Влияние же последующего согласного гораздо менее заметно для предударного гласного. Это объясняется тем, что влияние последующего мягкого согласного придает гласному напряженность, а редукция ведет к утрате напряженности. Поэтому практически при определении фонетических позиций для предударных гласных можно не учитывать качество последующего согласного. Таким образом, намечаются следующие положения:

I — в начале слова, II — после парных твердых согласных, III — после мягких согласных, IV — после твердых шипящих.

В этих позициях слабые гласные фонемы изменяются следующим образом:

I — [ʌкна́], [угла́], [игла́]; [ʌпа́л], [упа́л]; [ид'и́], [уд'и́], [ʌд'ин];
II — [зʌмо́к], [дымо́к]; [сʌро́к], [суро́к], [сыро́к]; [стʌда́[, [стыда́], [туда́];
III — [л'и^{e}са́], [л'иса́]; [сл'и^{e}да́], [сл'·уда́]; [ч'и^{e}д'и́т]; [ч'·уд'и́т]; [с'и^{e}да́], [с'·уда́].
IV — [жʌра́], [шʌга́т'], [шумо́к], [жыры́].

Качество разновидностей слабых гласных фонем первого предударного слога можно представить в следующей таблице:

I	II	III	IV
ʌ у и	ʌ у ы	и^{e} ·у и	ʌ у ы

В первом предударном слоге независимыми, фонетически не обусловленными сторонами гласных являются различение двух

степеней подъема: верхнего и неверхнего, и для верхнего подъема — отсутствие или наличие лабиализации.

Ряд гласных зависит от фонетических условий: отсутствия начального согласного или качества предшествующего согласного.

Основными видами рассмотренных слабых гласных фонем следует считать: [ʌ], [у], [и], так как именно эти звуки выступают в позиции наименьшей обусловленности.

Позиционными разновидностями слабых гласных фонем являются: для [и] — звук [ы], для [ʌ] — звук [и^{e}], для [у] — звук [·у]. Значительное различие между [ʌ] и [и^{e}] объясняется сильным воздействием предшествующего мягкого согласного на качество безударного гласного.

Если систему слабых гласных фонем первого предударного слога сопоставить с системой сильных гласных фонем ударного слога, то окажется, что гласные верхнего подъема совпадают, а слабой гласной фонеме неверхнего подъема соответствуют сильные гласные фонемы среднего и нижнего подъема.

Таким образом, слабая гласная фонема неверхнего подъема эквивалентна сильным гласным фонемам среднего и нижнего подъема [е], [о], [а].

§ 94. Слабые гласные фонемы второго предударного слога. Положение во втором предударном слоге для гласных является слабой позицией второй степени: в этом положении появляются мало определенные, так называемые редуцированные звуки. Отдельные гласные фонемы очень слабо противопоставляются в этом положении.

Для рассмотрения качества разновидностей слабых гласных фонем во втором предударном слоге следует различать следующие три позиции: I — в начале слова, II — после парных твердых и твердых шипящих согласных и III — после мягких согласных. В начале слова фонематически различаются две степени подъема языка: верхняя и неверхняя, и для верхней — наличие или отсутствие лабиализации, например: [игрʌво́·і], [углʌво́·і], [лглушы́т']. После твердых согласных различаются [ы], [у] верхнего подъема, нелабиализованный и лабиализованный и редуцированный нелабиализованный неверхнего подъема — [ъ], например: [пыл'и^{e}во́·і], [пъл'и^{e}во́·і], [пул'и^{e}во́·і].

Нельзя не отметить слабость различительных признаков между редуцированным [ъ] и [ы] во втором предударном слоге: их отличает главным образом лишь более высокое образование [ы]. В беглой речи эти слабые различия по подъему могут утратиться.

Различия по степени подъема языка еще менее значительны после мягких согласных: лишь в очень отчетливой речи здесь противопоставляется верхний и неверхний подъем нелабиализованных гласных, т. е. звук [и] и редуцированный переднего ряда — [ь], например: [в'ьслво·і] и [в'инлва́т], но произносят и [в'ислво·і], [в'инлва́т]; [п'ьтлка́] и [п'ислн'йна], но и [п'итлка́], [п'ислн'йнъ] или [п'ьтлка́] и [п'ьслн'йна].

Верхний лабиализованный гласный в этом положении отчетливо противопоставлен нелабиализованным, хотя его лабиализация здесь и ослаблена, например: [кл'·уч'и^{e}во́·і̯], [пл'ьч'и^{e}во́і̯]: [л'·удлэ́т] и [л'ьдлр'ёс].

Качество рассмотренных разновидностей слабых гласных фонем второго предударного слога можно представить следующей схемой:

I	II	III
и	ы	и
у	у	·у
ʌ	ъ	ь

Из этих разновидностей выделяется основной вид этих фонем: [и], [у], [ʌ] и их разновидности: для [и] — звук [ы], для [у] — звук [·у], для [ʌ] — звуки [ъ] и [ь].

В описанном положении различительная роль гласных еще более слаба, чем в первом предударном слоге; эта роль по преимуществу выполняется согласными.

§ 95. Слабые гласные фонемы заударных слогов. Степень редукции гласных в заударных слогах неодинакова: бо́льшая — в неконечном слоге, меньшая — в конечном слоге; причем слабее всего редуцируются гласные в конечном открытом слоге.

При рассмотрении гласных заударных слогов следует различать позиции после твердых согласных и после мягких согласных. После твердых согласных в неконечном слоге различаются гласные [ы], [ъ], [у], например: [о́пытъ], [то́пътъ], [о́пусъ]; [вы́жыт], [вы́жът]; [вы́дъл], [вы́дул].

Слабо противопоставлены в этом положении звуки [ы] и [ъ]. В силу редукции звук [ы] может произноситься с опущенным подъемом языка и не отличаться от [ъ]. Такое совпадение [ы] и [ъ] постоянно происходит в беглой речи. В конечном закрытом слоге различаются те же звуки [ы], [ъ], [у], например: [о́пыт], [то́път], [о́пус]. В этом положении различие [ы] и [ъ] последовательно сохраняется.

Такая же система вокализма характеризует конечный открытый слог, например: [в'и́ды], [в'и́ду], [в'и́дъ].

Весьма сложна система заударных гласных в положении после мягких согласных. Здесь также различаются гласные верхнего и неверхнего подъема, а в верхнем подъеме — лабиализованный и нелабиализованный: [и], [ь], [у] и [ъ]. Сложность заударного вокализма после мягких согласных определяется очень большой широтой колебаний в произношении гласного в пределах одной и той же морфемы, неразграниченностью звуков [и] и переднего редуцированного [ь], слабой разграниченностью редуцированных

звуков [ь] и [ъ], например: [бу́·д'им] и [бу́·д'ьм] (от *будить* и *быть*), [о́·з'ьръ] и [о́·з'иръ], [jэ́д'им] и [jэ́д'ьм], [с-м'и^{e}дв'э́д'ъм], но и [с-м'и^{e}дв'э́д'ьм].

Разграничение редуцированных звуков [ь] и [ъ] более последовательно проводится в формах имен существительных и в 3-м лице множ. числа глагола, например: [по́·л'ъ] (*поле* — сущ. в им., вин. падежах ед. ч.) и [ф-по́·л'ь] (*в поле* — сущ., предложный падеж) и др.

Фонетически эта нерасчлененность вполне понятна, если учесть сильную редукцию гласных в заударных слогах, в результате которой гласный [и] произносится с более пониженной артикуляцией. Лабиализованная фонема верхнего подъема четко противопоставлена другим: [вы́·л'jим], [вы́·л'jьм] и [вы́·л'jут], [по́·р'ьм], [по́·р'им] и [по́·р'ут]; [пла́·ч'ьм], [пла́·ч'ъм] (от *плач* — сущ.), [пла́·ч'им], [пла́·ч'ут].

Учитывая общность функции слабой гласной фонемы неверхнего подъема, ее эквивалентность двум или трем сильным гласным фонемам после парных твердых и мягких согласных, обозначим ее одним знаком — [ɑ]. Эта слабая гласная фонема, как было показано выше, фонетически реализуется в звучаниях: [ʌ], [и^{e}], [ъ], [ь].

§ 96. Позиционные чередования гласных. Позиционные чередования гласных, образующие параллельные ряды, не имеющие общих членов, следующие: [а] ‖ [·а] ‖ [а·] ‖ [ӓ] параллельно чередованию [о] ‖ [·о] ‖ [о·] ‖ [ӧ], чередованию [у] ‖ [·у] ‖ [у·] ‖ [ӱ], чередованию [и] ‖ [ы] ‖ [ы·] ‖ [ы̂], чередованию [е] ‖ [ê].

Позиционные чередования гласных, образующие ряды, частично пересекающиеся друг с другом, составляют чередования ударных гласных с соответствующими безударными гласными.

Гласные фонемы [а] и [о] после твердого согласного, различаясь в ударном слоге, не различаются в безударных слогах, чередуясь с [ʌ] или редуцированным звуком [ъ], например: [вал], [вол], но [вʌлы́], [въллво́·і̯]; [дроф] и [траф], но [дрлва́], [трлва́], [дръв'и^{e}но́·і̯], [тръв'и^{e}но́·і̯]; [дом] и [дам], но [длма́], [длла́], [плот] и [пласт], но [плʌта́], [плʌста́] и др.

После мягких согласных [а], [о], [е] чередуются с [и^{e}] и [ь], например: [т'·а́нут], [н'·ос], [л'ес], но [т'и^{e}ну́], [н'и^{e}су́], [в-л'и^{e}су́]; [п'ат'], [м'·от], [с'ếм'], но [п'и^{e}т'и́], [в- м'и^{e}ду́], [с'и^{e}м'и́]; [п'ьтʌч'·о́к], [м'ьдлво́·і̯], [с'ьм'и^{e}рых].

§ 97. Фонемные ряды гласных. С фонологической точки зрения между двумя типами позиционных чередований гласных есть существенное различие. Члены параллельных рядов чередования тождественны по своей функции, так как в каждой позиции различается равное число звуковых единиц; напротив, члены непараллельных рядов чередования функционально не тождественны, так как это есть чередование сильной фонемы со слабыми фонемами, которые являются эквивалентами (заменителями) данной сильной фонемы и еще одной или нескольких сильных фонем.

Ряд непараллельного чередования является чередованием сильной гласной фонемы с эквивалентными ей слабыми гласными фонемами. Это чередование составляет фонемный ряд гласных. Как уже было сказано выше, в § 84, фонемный ряд является важным элементом в структуре языка, так как с ним связано тождество морфемы. Приведем для иллюстрации еще пример. Окончания творительного падежа ([с'и^{е}лóм] и [сáдъм], [ст'и^{е}нó·і̯] и [кʌрóвъі̯]) в зависимости от позиционных условий произносятся неодинаково. Однако *-ом* и *-ъм* — одна флексия, *-оі̯* и *-ъі̯* тоже одна флексия, так как [о] || [ъ] входят в один фонемный ряд.

Следует отметить, что не всегда слабая фонема чередуется в пределах той же самой морфемы с одной из соответствующих ей сильных фонем, не всегда в пределах одной морфемы представлен бывает весь фонемный ряд во главе с сильной гласной фонемой. Например, слабая гласная фонема [ɑ] в словах [бʌрáн], [стʌкáн] находится вне фонемного ряда.

Из всего изложенного следует, что в составе фонетической системы, основанной на звуковых чередованиях, как параллельных, так и не параллельных, фонема является элементом звуковой стороны слова в той или иной форме, а фонемный ряд — элементом звукового состава, который охватывает все звуковое многообразие морфемы в пределах, обусловленных позицией.

Следовательно, фонетическая система современного русского литературного языка имеет три основных единицы, которые и изучаются в фонетике. Это: звук речи, фонема и фонемный ряд.

СЛОГОРАЗДЕЛ И ТИПЫ СЛОГОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 98. Определение слога. В физиологическом отношении слог представляет собой звук или несколько звуков, произносимых одним выдыхательным толчком. Наличие таких толчков легко проверить, произнося слова перед пламенем свечи: пламя свечи дрогнет столько раз, сколько слогов содержит слово.

С акустической стороны деление на слоги связано с различной слышимостью (звучностью) звуков, причем для образования слога важна не абсолютная, а относительная звучность, т. е. слышимость данного звука сравнительно с предшествующим и последующим. В слоге один звук выделяется наибольшей звучностью в сравнении с соседними, и этот звук является слоговым, слогообразующим, вокруг него группируются неслоговые. Поскольку наиболее звучными являются гласные звуки, они обычно бывают слоговыми. Согласные обычно бывают неслоговыми, но наиболее звучные из согласных — сонорные звуки — могут образовать слог. Это мы наблюдаем в беглой речи при сильной редукции гласных в таких, например, словах: [д'éлълъ]=[д'éл̥лъ]; [Ивáнъвнъ]=[Ивáннъ] и др. Если составить шкалу звучности и обозначить цифрой 4 гласные, то группы звуков расположатся по уменьшающейся звучности следующим образом: гласные — 4, сонорные согласные — 3, шумные согласные — 1. Разница в звучности гласных и сонорных согласных меньшая, чем между сонорными и шумными согласными. В речевом потоке звуки более звучные чередуются с менее звучными.

Акустически слог представляет собой отрезок речи, ограниченный звуками с наименьшей звучностью, между которыми находится слоговой звук, являющийся в данном звуковом отрезке звуком с наибольшей звучностью.

Слог, оканчивающийся слогообразующим звуком, называется открытым, например: [стʌ | лá]; [гъ | лʌ | вá]; [стá | лъ] и др. Слог, оканчивающийся неслоговым звуком, называется закрытым, например: [стол], [как], [кра·і̯], [мо·і̯], [ʌр-бо·і̯].

§ 99. Слогораздел. Деление на слоги является чисто фонетическим членением речи. Но слогораздел связан и со структурой слова, морфологическим членением речи. Место слогораздела в некоторых случаях определяется наличием или отсутствием морфологического стыка, а при наличии такого стыка — его характером, приходится ли слогораздел на стык предлога и следующего слова, приставки и корня, корня и суффикса. Известное значение для слогораздела имеет стиль речи, в особенности отчетливое или беглое произношение.

Все это делает вопрос о слогоразделе весьма сложным. С фонетической стороны слогораздел всегда проходит в месте наибольшего спада звучности. Например:

пʌ | стрó· | і̯у;	ʌ | слá;	пý | дръ;	ʌм | бáр;	кáр | тъ
14 | 1134 | 34	4 | 134	14 | 134	43 | 143	143 | 14

Слогораздел в русском языке связан с некоторыми общими закономерностями, определяющими структуру слога.

Основным законом строения слога в русском языке является закон восходящей звучности. Этот закон состоит в том, что в пределах слога звуки располагаются от наименее звучного к наиболее звучному. Он находит свое полное осуществление в начале неначального слога. Начало неначального слога в современном русском языке строится по принципу нарастающей звучности. В связи с этим сочетания согласных между гласными в слове могут занимать различное положение в отношении слогораздела.

Рассмотрим характерные случаи:

1) Сочетание шумных согласных между гласными отходит при слогоразделе к неначальному слогу. Например:

пý | стъ;	дʌ | скá;	у | здá;	н'й | ткъ;	кнó | пкъ;	лá | фкъ;	рá | зв'ъ
14 | 114	14 | 114	4 | 114	34 | 114	134 | 114	34 | 114	34 | 114

2) Сочетание шумного согласного с сонорным между гласными отходит к последующему слогу. Например:

р'и^{е} | брó;	ʌ | кнá;	ʌ | гн'·á
34 | 134	4 | 134	4 | 134

3) Сочетание сонорного согласного с последующим шумным имеет слогораздел внутри данного сочетания. Например:

гóр | дъi; лр | бá; пáл | къ; сту | д'éн | ты
143 | 143 43 | 14 143 | 14 114 | 143 | 14.

4) Сочетание звука [j] (йот) или [i] с последующим шумным согласным между гласными имеет слогораздел посредине сочетания. Например:

плi | д'·óм; бó·i | къ
143 | 1 43 143 | 14

5) Сочетание двух сонорных согласных между гласными при слогоделении отходит к последующему слогу. Например:

у | пó | рнъ; кл | рмáн
4 | 14 | 334 14 | 3343

6) Сочетание звука [j] (йот) или [i] с последующим сонорным согласным между гласными имеет слогораздел посредине сочетания в связи с тем, что звуки [j], [i] оказываются более звучными, чем сонорный. Например:

пó·i | мъ; клi | мá
143 | 34 143 | 34

В силу описанных отношений сочетаний согласных к слогоразделу неконечные слоги преимущественно являются открытыми в русском языке. Закрытыми они могут быть лишь в том случае, когда в них оказывается сочетание сонорного или [j] с последующим шумным или сочетание [j] с сонорным. Таким образом, в конце закрытого неконечного слога могут быть лишь сонорные звуки и звуки [j] (йот), [i]. Исключение составляют слова с сочетанием [рж] (фонетически и [рш]). В силу родственности артикуляций звуков [р] и [ж] при слогоразделе они отходят к одному слогу.

Например: ис- | Тлрш | ká; глрш | ká и др. Следовательно, неначальный слог в русском языке может быть следующих типов:

1) шумный согласный + гласный: л'и | сá;
14

2) шумный согласный + шумный согласный + гласный: дл | скá;
114

3) сонорный + гласный: влi | нá;
34

4) сонорный + сонорный + гласный: кл | рмáн.
3343

Общим для всех этих типов слогов является то, что все они построены по принципу нарастающей звучности.

§ 100. Типы начальных слогов. Начальный слог в русском языке может, как и неначальный, строиться по принципу нарастающей звучности и тогда состоять из:

1) шумного согласного и гласного: зи | мá;
14

2) шумного согласного + шумный согласный + гласный: скл | м'j·á;
114

3) сонорного и гласного: нá | шъ.
34

Но наряду с этим только в начале слова может быть слог, состоящий из сонорного + шумный + гласный, типа:

ржá | въj; ртý | тнъj; лба; лгу и др.
314 | 143 314 | 1343 314 314

Такой начальный слог характеризуется нисходяще-восходящей звучностью. Наличие нисходяще-восходящей звучности создает условия для появления побочной слоговости: л̥ба, л̥гу и др.

Перед глухим согласным сонорный теряет полностью или частично голос: рта; мха.

§ 101. Типы конечных слогов. Конечные слоги по своему типу могут быть такие же, как начальные или срединные. Например: в'и^{е} | лá; з'и | мá. Но только конечными могут быть слоги, кончающиеся шумным согласным или сочетанием шумных согласных с последующим сонорным. Например:

ко·с'т'; мост;
1411 1411

или: мудр; рубл'; п'есн'; вопл'; м'и | н'йстр
1413 3413 1413 1413 14 | 3 4113

В последнем случае конечный слог характеризуется нисходяще-восходящей звучностью. В таких конечных слогах может развиваться побочная слоговость или происходить оглушение конечного сонорного после глухого согласного: [бобр̥], [рубл̥'], [вопл̥'], [драхм] и др.

§ 102. Слогоделение при сочетании знаменательных слов. При сочетании знаменательных слов слогоделение в каждом из них обычно сохраняется такое, какое свойственно каждому входящему в его состав слову в отдельности. Например: гл | д'·ýк | у | б'й́ | л'и = „гадюк убили“ и гл | д'·ý | ку | б'й́ | л'и = = „гадюку били“; пл | дрýк | у | в'и^{е} | л'й́ = „подруг увели“ и пл | дрý | гу | в'и^{е} | л'й́ = „подругу вели“ и др.

§ 103. Слогоделение на стыке морфем. Слогоделение на стыке морфем связано с некоторыми частными закономерностями структуры слога в русском языке. К их числу относятся: 1) невозможность произнесения более двух одинаковых согласных между гласными, а также двух одинаковых согласных перед третьим (другим) согласным, в пределах одного слога.

Следовательно, сочетания типа: [сст] + гласный или [сст] + [р] невозможны. Данное сочетание обычно упрощается, т. е. сочета-

ние [сст] + гласный > [ст] + гласный. Если же в определенных условиях это сочетание сохраняется, то слогораздел проходит следующим образом: с | ст + гласный. Упрощение согласных нередко имеет место на стыке корня и суффикса, сохраняется сочетание чаще на стыке приставки и корня, а также в книжном стиле речи.

Надо отметить, что чем ярче значение предлога или приставки, тем чаще сохраняется долгота, и слогоделение проходит между одинаковыми согласными; при неощутимом морфологическом членении в словах, часто употребляющихся, происходит упрощение, оставшаяся группа согласных отходит к последующему гласному, и предшествующий слог оказывается открытым.

Приведем примеры слогоделения на стыке морфем:

без спроса: б'и^{е} | спро́ | съ или б'и^{е}с | спро́ | съ
с стола: стл | ла́, поэтому чаще съ | стл | ла́ (*со стола*)
расстёгивать: рл | с'т'·о́ | гъ | вът'
бесстыдный: б'и^{е}с | сты́ | днъ̨ (книжное слово)
искусство: и | ску́ | ствъ
русский язык: ру́ | скъ̨ и^{е} | зы́к
Рузский (район): ру́с | скъ̨

Закрытые слоги произносятся на стыке предлога и слова, приставки и корня при наличии таких сочетаний:

[ззв]: б'и^{е}з | зво́ | нъ; [ззн]: б'и^{е}з | зна́ | къ; [ссв]: б'и^{е}с | св'е́ | тъ; [ссн]: ис | сн'е́ | гъ; [ссл]: ис | сл'е́ | дъ | вът'; [ссм]: ис | смл | лы́.

§ 104. Образец фонетической транскрипции

ТЕКСТ

На поляне около лесной опушки я увидел синие цветы, они жались друг к другу. Заросли их были похожи на маленькие озера с густой синей водой. Я нарвал большой букет этих цветов. Когда я встряхивал его, в цветах погромыхивали созревшие семена. Цветы были незнакомые, похожие на колокольчики. Но у колокольчиков чашечка всегда склоняется к земле, а у этих неизвестных цветов сухие чашечки стояли, вытянувшись вверх.

(К. Паустовский, Приточная трава)

Фонетическая транскрипция текста

Нъ-плл'а́н'ь о́кълъ л'и^{е}сно́·і лпу́шк'и j·а́ ув'и́д'ьл с'и́н'ии цв'и^{е}ты́, лн'и́ жа́·л'ис (жа́·л'ис') друк г-дру́гу. За́ръсл'и-их бы́л'и плхо́жы нл-ма́·л'ьн'к'ии лз'·о́ръ з-густо́·і с'и́н'ьі влдо́·і. J·а́ нлрва́л блл'шо́·і бук'е́т е́т'их цв'и^{е}то́ф. Клгда́-іъ (клуда́-іъ) фстр'а́х'ивъл (фстр'·а́хъвъл) і и^{е}во́, ф-цв'и^{е}та́х пъгрлмы́·х'ивъл'и (пъгрлмыхъвъл'и) слзр'е́фшыи с'ьм'и^{е}на́. Цв'и^{е}ты́ бы́л'и н'ьзнлко́мыи, плхо́жыи нъ-къллко́·л'ч'ик'и. Но у-къллко́·л'ч'икъф ч'·а́шъч'къ фс'и^{е}гда́ [фс'и^{е}уда́] склли'а̂ьцъ г-з'и^{е}мл'е́, л-у-е́т'их н'и^{е}изв'е́сных цв'и^{е}то́ф сух'и́и ч'·а́шъч'ки стлjа́л'и вы́т'ьнуфшыс (вы́т'ьнуфшыс') в'ерх.

Примечание: Окончание им. п. мн. ч. прилагательных может быть протранскрибировано и как [-ыи]. [-ыь].

ОРФОЭПИЯ

§ 105. Понятие об орфоэпии. Орфоэпия (от греческих слов — *orthos* — прямой, правильный и *epos* — речь) — это совокупность правил, устанавливающих единообразное произношение.

Произносительные нормы свойственны устной речи. Однако не все характерное для устной речи относится к произношению в собственном смысле. Интонация, важное выразительное средство, придающее речи эмоциональную окраску, а также дикция не относятся к произношению.

Ударение, хотя всецело относится к сфере устной речи, но, являясь в русском языке признаком либо данного слова, либо данной грамматической формы, относится непосредственно к лексике и грамматике, а не характеризует само по себе произношение.

Таким образом, орфоэпия в собственном смысле слова указывает, как должны произноситься те или иные звуки в определенных фонетических положениях, в определенных сочетаниях с другими звуками, а также в определенных грамматических формах и группах слов или даже отдельных словах, если эти формы и слова имеют свои произносительные особенности.

§ 106. Значение орфоэпии. Язык, являясь важнейшим средством человеческого общения, нуждается в единообразии письменного и устного своего оформления. Неправильное произношение (как и орфографические ошибки) отвлекает внимание на внешнюю сторону речи и поэтому является помехой при языковом общении. Орфоэпия наряду с орфографией, минуя особенности местных говоров, делает язык средством наиболее широкого общения. Являясь одной из сторон культуры речи, орфоэпия ставит своей задачей способствовать поднятию произносительной культуры русского языка в советском обществе.

Сознательное культивирование литературного произношения в театре, в кино, по радио, в школе имеет огромное значение в освоении многомиллионными массами русского литературного языка.

Особое место занимает здесь школа. Школа обязана заложить прочные основы литературного произношения у подрастающего поколения. Забота о повышении произносительной культуры у учащихся является важной обязанностью учителя русского языка.

§ 107. Историческая основа русского литературного произношения. Важнейшие языковые черты, которые определили русское литературное произношение, сложились еще в первой половине

XVII века в составе разговорного языка города Москвы, так называемого старомосковского просторечия. Разговорный язык Москвы, сложившийся к XVII веку на северновеликорусской диалектной основе под сильным воздействием южновеликорусских говоров, определил основные нормы литературного русского языка, в том числе и нормы произносительные. Установившиеся в Москве нормы передавались в другие культурные центры в качестве единого образца, постепенно усваиваясь там на почве своих местных диалектных особенностей.

Полной унификации литературного произношения нет. Возможны произносительные варианты, имеющие стилистическую окраску.

Кроме того, местное произношение всегда в определенной степени влияет на единое орфоэпическое произношение. Поэтому имеются местные отличия в произношении ряда крупных городов, таких, как Ленинград, Казань, Горький, Ростов-на-Дону, Рязань, Воронеж, Одесса и другие.

В советскую эпоху ранее выработавшаяся орфоэпическая система сохранилась во всех своих основных, решающих чертах. Из нее выпали лишь отдельные частные особенности, получившие просторечный или специфически местный, московский характер. В ряде случаев произношение сближалось с правописанием. Возникли некоторые новые произносительные варианты.

Однако, несмотря на возникшие колебания и произносительные варианты, произносительная система в целом представляет собой исторически сложившееся явление, которое, развиваясь и вырабатывая новые черты, в то же время сохраняет в большой степени и традиционные черты, отражающие пройденный исторический путь.

§ 108. Источники отклонений от литературного произношения. Основными источниками отклонений от литературного произношения являются письмо и родной говор. Отклонения от литературного произношения под влиянием письма объясняются тем, что не всегда имеется соответствие между буквенным и звуковым видом слова. Например, родительный падеж прилагательных мужского и среднего рода имеет в написании окончание с буквой *г*, а произносится в этой форме звук [в]: *большого* (произносят *большово*), слова *конечно*, *что* пишутся с буквой *ч*, а в произношении соответствует ей звук [ш]: *конешно*, *што* и многие другие.

В результате влияния правописания на произношение возникают произносительные варианты, допускаемые в литературном языке. Так возникли произносительные варианты формы именительного падежа прилагательных мужского рода с основой на заднеязычные: [кр'е́пкъ̯и] и [кр'е́пк'и̯], [г'и́пкъ̯и] и [г'и́пк'и̯], глаголов на *-гивать, -кивать, -хивать:* [фска́къвът'], [фска́·к'ивът'] и другие.

Более частым источником отступления от литературного произношения является родной диалект говорящего. Так, весьма

устойчивой диалектной чертой на севере является оканье. Даже при утрате окающего произношения при усвоении литературного языка бывшие „окальщики" произносят на месте безударного [о] звук, близкий к отодвинутому назад [э]: [вэда́], [дэмо́·и̯], [пэто́м], [взэшла́] и другие.

На юге устойчивой диалектной чертой является произношение [г] фрикативного образования — [γ]. Южане, усвоив литературное произношение во всех основных чертах, очень долго сохраняют произношение [γ] фрикативного. Особенно долго держится фрикативное образование в конце слов, где звук [γ] закономерно оглушается в [х], т. е. имеет место произношение: [сн'ех], [п'ирох], [д'е́н'ьх] и другие. При переходе от диалектного якающего произношения к литературному могут сохраняться более открытые оттенки безударных гласных. Такое сохранение влияния диалекта на речь говорящих, усвоивших литературное произношение во всех основных чертах, тоже создает произносительные варианты. Однако многие из этих вариантов, возникших под влиянием местного говора, в образцовой литературной речи недопустимы.

ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

§ 109. Произношение безударных гласных. Характерной особенностью русского литературного произношения является а к а н ь е. Аканье литературного языка отличается по своему характеру, по качеству безударных гласных от аканья южновеликорусских говоров. При произношении безударных гласных в литературном языке не допускается пропуск редуцированных звуков, появляющихся во 2-м предударном или заударном неконечном слоге, что наблюдается во многих русских говорах.

1. В первом предударном слоге после твердых согласных (кроме шипящих) произносится звук [ʌ]. Предударный звук [ʌ] произносится при несколько менее широком растворе рта, чем звук [а] ударного слога, но при всех колебаниях в качестве данного звука это должен быть звук типа [а], а не отодвинутого назад [э] или [ъ]. В отличие от ударного [а] предударный звук [а] обозначим буквой ʌ[1]. Примеры: в[ʌ]да́, др[ʌ]ва́, п[ʌ]ля́, д[ʌ]ска́, в[ʌ]йна́, др[ʌ]жу́, тр[ʌ]ва́, гл[ʌ]за́, ск[ʌ]жу́, д[ʌ]ю, ст[ʌ]ра́.

2. В остальных безударных слогах после твердых согласных произносится один и тот же звук — очень краткий нелабиализованный редуцированный гласный среднего ряда, среднего подъема — [ъ].

Если произносить звук [ы], но при этом шире раскрыть рот и несколько опустить спинку языка, то образуется звук [ъ]. Про-

[1] Интересующий в каждом случае звук дается в скобках и обозначается в транскрипции, остальная часть слова дается орфографически.

изнести звук [ъ] можно и исходя от звука [а]. Тогда, произнося звук [а], следует сделать раствор рта несколько у́же, а спинку языка поднять выше.

Примеры: г[ъ]лова́, п[ъ]пола́м, г[ъ]лубе́й, к[ъ]лоси́стый, г[ъ]лоси́стый, н[ъ]руби́ть, с[ъ]пога́, п[ъ]рово́з, тр[ъ]вяно́й;

на́п[ъ]л, о́к[ъ]н, во́р[ъ]т, до́р[ъ]г, на я́блок[ъ]х, на ла́вк[ъ]х;

упа́л[ъ], на́д[ъ], мо́жн[ъ], ва́жн[ъ], са́л[ъ], ла́вк[ъ], коро́в[ъ], берёз[ъ], соба́к[ъ];

по́в[ъ]да, до́в[ъ]да, са́м[ъ]го, бе́л[ъ]го, ла́вк[ъ]ми, коро́в[ъ]ми, берёз[ъ]ми, соба́к[ъ]ми.

3. В начале слова во всех предударных слогах произносится звук [ʌ]. Примеры: [ʌ]кно́, [ʌ]на́, [ʌ]ди́н, [ʌ]те́ц, [ʌ]пя́ть, [ʌ]пте́ка, [ʌ]рмя́к, [ʌ]рши́н;

[ʌ]дного́, [ʌ]гурцы́, [ʌ]твори́ть, [ʌ]дино́кий;

[ʌ]кружа́ть, [ʌ]горо́д, [ʌ]вантю́ра.

Если слово с начальным гласным оказывается после предлога на согласный, то на его месте согласно правилу, изложенному выше, произносится редуцированный звук [ъ]: [с-ъ]гурцо́м, [лт-ъ]дного́, [в-ъ]горо́де.

4. Произношение гласных в первом предударном слоге после шипящих допускает в современном литературном языке произносительные варианты. По старой московской норме произносят в данном положении звук, средний между [э] и [ы],—[ы^{э}] или даже [ы]. Этот звук произносят в соответствии с ударным звуком [а]; в соответствии с ударным [е] произносят звук [э^{ы}]. Примеры: ж[ы^{э}]ра́ или ж[ы]ра́, ж[ы^{э}]рко́е или ж[ы]рко́е, ж[ы^{э}]ро́вня или ж[ы]ро́вня, ш[ы^{э}]га́ть или ш[ы]га́ть, ш[ы^{э}]ли́ть или ш[ы]ли́ть, ш[ы^{э}]гу́ или ш[ы]гу́, ш[ы^{э}]лу́н или ш[ы]лу́н, ж[ы^{э}]ле́ть или ж[ы]ле́ть; ж[э^{ы}]на́, ж[э^{ы}]лте́ть, ш[э^{ы}]сто́й, пш[э^{ы}]но́, ш[э^{ы}]лка́, ш[э^{ы}]ре́нга [1].

Эта норма последовательно соблюдается в современном сценическом произношении, в произношении дикторов радио. Но эта норма не имеет уже широкого распространения. В настоящее время установилась вторая норма, по которой после шипящих, особенно перед твердыми согласными, в соответствии с ударным [а] произносят гласный [ʌ], а не [ы]. Примеры: ж[ʌ]ра́, ж[ʌ]ро́вня, ш[ʌ]га́ть, два ш[ʌ]га́, ж[ʌ]рко́е, ш[ʌ]лу́н, ш[ʌ]та́ться, вож[ʌ]ка́, куш[ʌ]ка́.

Однако в ряде отдельных слов орфоэпическим следует считать произношение с [ы^{э}], а не с [ʌ]. Это: ж[ы^{э}]ле́ть или ж[ы]ле́ть; к сож[ы^{э}]ле́нию, пож[ы^{э}]ле́й, ж[ы^{э}]ке́т, ж[ы^{э}]сми́н, лош[ы^{э}]де́й, лош[ы^{э}]дя́м, лош[ы^{э}]дя́ми, лош[ы^{э}]дя́х.

В остальных безударных слогах после шипящих произносится звук редуцированный [ъ]. Примеры: ш[ъ]луны́, ш[ъ]лаша, вы́ж[ъ]ть, ку́ш[ъ]ть, ж[ъ]лобо́к, ш[ъ]потко́м, ш[ъ]вели́ться, ж[ъ]ребёнок, ж[ъ]риха́.

[1] Во всех случаях возможен рядом с [э^{ы}] и вариант с [ы].

5. После звука [ц] в первом предударном слоге в соответствии с ударным [а] произносят [ʌ]: ц[ʌ]ри́зм, ц[ʌ]ря́, ц[ʌ]ра́пать.

В соответствии с ударным [е] в первом предударном слоге произносят звук, средний между [э] и [ы],—[э^{ы}]: ц[э^{ы}]на́, оц[э^{ы}]ни́ть, ц[э^{ы}]ла́, ц[э^{ы}]ди́ть, ц[э^{ы}]лу́ю, лиц[э^{ы}]во́й, кольц[э^{ы}]во́й.

В остальных безударных слогах произносят [ъ]: ц[ъ]лова́ть, ц[ъ]хово́й, ц[ъ]лико́м, два́дц[ъ]ть, ц[ъ]редво́рец.

Глаголы *танцевать, гарцевать* могут произноситься с гласным [ʌ] после [ц]: танц[ʌ]вать, гарц[ʌ]вать и с гласным [э^{ы}].

Глаголы *облицевать, лупцевать* и относящиеся к профессиональной лексике *кольцевать, вальцевать* и другие произносятся со звуком [э^{ы}] после [ц].

6. После мягких согласных в первом предударном слоге в соответствии с ударными [а], [о], [е] произносится несколько ослабленный гласный переднего ряда, по степени подъема средний между [и] и [е]—[и^{е}]. Примеры: в[з'и^{е}]ла́, [п'и^{е}]ти́, п[р'и^{е}]ди́, [з'и^{е}]тья́, [т'и^{е}]ни́, в с[н'и^{е}]гу́, ц[в'и^{е}]ты́, [л'и^{е}]сно́й, [с'и^{е}]до́й, [с'и^{е}]ло́, [в'и^{е}]сло́, [н'и^{е}]су́, [в'и^{е}]зу́, [н'и^{е}]си́, в[в'и^{е}]дре́, [ји^{е}]да́, [ји^{е}]зда́, [ч'и^{е}]сы́, [ч'и^{е}]дить, [ш'и^{е}]ди́ть, [ш'и^{е}]ве́ль.

Перед мягкими согласными звук [и^{е}] может отождествляться с [и]: [д'и]ля́нка, на[с'и]ле́. В беглой речи может произноситься [и] и перед твердыми согласными: [д'и]ла́, [с'и]ла́, [с'и]мья́, [в'и]сна́, [п'и]ту́х.

Икающее произношение в настоящее время встречается и в литературном языке. Но такое произношение не считается образцовым и является принадлежностью просторечного стиля, беглой речи.

В остальных предударных слогах после мягких согласных произносится звук, средний между [и] и [е], но более редуцированный, чем в первом предударном слоге,—[ь]. Примеры: [п'ьр'ьв'и^{е}ла́], [п'ьр'ьв'ьз'и^{е}на́], [с'ьм'и^{е}ры́х], [д'ьр'и^{е}в'а́ньі], [ч'ь]ловек, [ш'ь]тово́д.

7. Произношение гласных после мягких согласных в заударных слогах (на месте букв *я* и *е*) зависит не только от фонетического положения, но и от того, в какой морфеме оказывается произносимый звук. При рассмотрении произношения гласных в заударных слогах следует различать неконечные, конечные открытые и конечные закрытые слоги. В неконечных слогах, если они не образуют флексии, произносится редуцированный звук переднего ряда—[ь]: вы́[н'ь]су, вы́[с'ь]ку, копе́[јь]чка, ма́[л'ь]нькая, ме́[с'ь]ца, пе́[с'ь]нка, Ко́[л'ь]чка, ты́[с'ь]ча; в конечном слоге, если он не составляет окончания, также произносится [ь]: ве́[т'ь]р, за́[јь]ц, па́[л'ь]ц, па́[р'ь]нь, де́[н'ь]г, ду́[р'ь]нь, Па́[в'ь]л, ко́[р'ь]нь; в конечных слогах, закрытых и открытых, в одних окончаниях произносится редуцированный среднего ряда [ъ], в других окончаниях — редуцированный переднего ряда [ь].

Звук [ъ] произносится, например, в окончаниях:

а) в им. пад. ед. ч. жен. р. существительных: ка́п[л'ъ], ды́[н'ъ], бу́[р'ъ];

б) в род. пад. ед. ч. муж. и ср. р. существительных: кра́[i̯ъ], учи́те[л’ъ], о́ку[н’ъ], мо́[р’ъ], сча́сть[i̯ъ], по́[л’ъ];

в) в им. пад. множ. ч. существительных муж. и ср. р.: пе́[р’i̯ъ], коло́[с’i̯ъ], дере́[в’i̯ъ], ли[с’т’i̯ъ] и др.

Звук [ь] произносится, например, в окончаниях:

а) в род. пад. множ. ч. существительных (окончание *-ей*): сосе[д’ы̯], м’едве́[д’ы̯];

б) в твор. пад. ед. ч. существительных жен. р.: ту́[ч’ы̯] и ту́[ч’ы̯у]; ды́[н’ы̯] и ды́[н’ы̯у];

в) в им. пад. множ. ч. слов на *-’анин*: крестья́[н’ъ], киевля́[н’ъ], и др.

Есть окончания, которые допускают двоякое произношение. В этом случае возникают произносительные варианты в пределах литературного языка. К числу таких окончаний, например, относится окончание твор. пад. ед. ч. существительных муж. и ср. рода: пла́[чъм] и пла́[ч’ьм].

В заударных слогах после шипящих и [ц] обычно произносится звук [ъ]: вы́[шъ]л, но́[шъ]но, гру́[шъ]м, гру́[шъ]ми, ку́ри[цъ], ку́ри[цъ]й.

В некоторых окончаниях после шипящих и [ц] произносится звук [ы^{э}]: о сто́ро[жы^{э}], на ко́ж[ы^{э}], на у́ли[цы^{э}], к столи́[цы^{э}], ху́[жы^{э}], ста́р[шы^{э}].

8. Безударные сочетания гласных звуков произносятся в литературном языке без стяжения. Стяженное произношение является диалектным и в литературном языке недопустимо. Например, сочетания [ао] и [оо] 2-го и 1-го предударного слога произносятся как [лл]: н[л-л]дно́й, з[л-л]кно́м, п[лл]ткрыва́ли, в[лл]бще́; н[л-л]бластно́м.

§ 110. Глухие и звонкие согласные. 1. В русском литературном произношении все звонкие согласные на конце слова оглушаются, изменяясь в соответствующие глухие согласные. Например: хле[п] при хле́[б]а, са[т], но са́[д]а, во[с] — во́[з]а, ро[ш]—р[ж]и.

Такой же процесс оглушения звонких согласных наблюдается в положении перед глухими согласными. Произносят: хле́[п]ца (ср. *хле́ба*), поса́[т]ка (ср. *посади́ть*), во́[с]ка (ср. *вози́ть*), кни́[ш]ка (ср. *кни́жечка*). Все глухие согласные в положении перед звонкими — озвончаются. Надо произносить: про́[з’б]а (ср. *проси́ть*), ко[з’б]а́ (ср. *коси́ть*), моло[д’б]а́ (ср. *молоти́ть*).

2. Звуки [г] — [к]. Особого замечания требует произношение звонкого шумного согласного [г].

В положении перед гласными и сонорными согласными этот звук в русском литературном языке нужно произносить как звонкий согласный взрывного образования: [г]о́род, [г]олова́, [г]ла́вный, [г]ра́д, [г]во́здь. Соответственно с этим при оглушении на конце слова или в положении перед глухими согласными на месте [г] звонкого взрывного нужно произносить звук взрывной глухой [к]: пиро́[к], сапо́[к], но[к], разле́[к]ся, остри́[к]ся.

В нескольких словах церковного происхождения в литературном языке возможно произношение фрикативного звука [ɣ]; это разные формы слова *бог*: бо[ɣ]а, бо́[ɣ]у, слова́ [ɣ]оспо́дь, бла́[ɣ]о, бо[ɣ]а́тый, бо[ɣ]а́тство и производные от них; оглушаясь, этот звук в данных словах изменяется в [х]: бо́[х], бла́[х].

В настоящее время такое произношение [г] в отдельных словах лишь частично сохраняется в речи самого старшего поколения. В речи среднего поколения и в речи молодежи утвердилось произношение этих слов со звуком взрывным: бо[г]у, бо[г]а, бла[г]о, бла[г]одать и соответственно: бла[к]. Лишь в слове [ɣ]осподи! в междометном употреблении сохраняется произношение [ɣ] рядом с [г] и в слове бо[х] на конце прочно держится звук [х].

Звук [ɣ] может произноситься в наречиях на *-гда*: то[ɣ]да́, ко[ɣ]да́, все[ɣ]да, ино[ɣ]да́. Но в настоящее время эти наречия чаще произносят со звуком [г] взрывным: то[г]да, ко[г]да и т. д.

3. Звуки [в] — [ф]. Звук [в] в русском языке имеет губно-зубное образование. На месте [в] на конце слова и перед глухими согласными произносится [ф]: ро[ф] (ср. *рва*), дро[ф] [ср. *дрова́*], кро[ф], ло[ф], зали́[ф], здоро́[ф], ста́[ф’], любо́[ф’], тра́[ф]ка, була́[ф]ка, коро́[ф]ка.

§ 111. Твердые и мягкие согласные. При усвоении произношения твердых и мягких согласных необходимо обратить особое внимание на следующие правила.

1. Произношение конечных губных согласных. В литературном русском языке на конце многих слов в соответствии с написаниями *-мь, -вь, -бь, -пь, -фь* произносятся мягкие губные согласные. Надо произносить: кро[ф’], любо́[ф’], бро[ф’], го́лу[п’], це[п’], сте[п’], се[м’], во́се[м’], о́зи[м’] и т. д. С конечным мягким губным надо произносить формы повелительного наклонения: насы́[п’] — насы́[п’]те, ста[ф’] — ста́[ф’]те и др.

Мягкое [м’] у числительных се[м’], во́се[м’] сохраняется и в производных от них сложных числительных: се́[м’]десят, во́се[м’]-десят.

2. Мягкие губные перед гласными [а], [у], [о] следует произносить без выделения дополнительной артикуляции мягкости: [м·а́]со, [п’·а́]ть, [м’·о]л, [п’·о]к, [в’·о]л, [п’·у]ре́, [в’·а]з, [б’·а]зь и др.

3. В русском языке различаются звуки [р] и [р’]; эти звуки являются двумя самостоятельными фонемами. Поэтому могут быть слова с [р] и [р’]: [ра]д и [р’·а]д, [ро]в и [р’·о]в, уда́[р] и уда́[р’].

§ 112. Смягчение согласных перед мягкими согласными. В положении перед мягкими согласными твердые согласные могут смягчаться. Смягчение согласных зависит от ряда причин: качества соседних согласных, положения в слове. Смягченные согласные перед согласными по-разному представлены в стилях речи. В русском языке наиболее полно смягчение проводится внутри корня или на стыке корня и суффикса, менее полно — на стыке при-

ставки и корня, и менее всего оно развито на стыке предлога и следующего слова.

Смягчение проводится полнее в словах обиходно-бытовых, чем в словах книжных. В старом московском произношении смягчение согласных перед согласными было проведено последовательнее и полнее, чем в современном литературном произношении. Утратившись как норма, старое московское произношение в отношении смягчения согласных во многих случаях стало приметой простореречного стиля.

1. Зубные согласные перед мягкими зубными произносятся мягко внутри корня. На стыке приставки и корня и предлога со следующим словом разные сочетания произносятся неодинаково в отношении твердости и мягкости. Произносят:

[с'т']: [с'т']их, го[с'т'], ше[с'т'];
[з'д']: [з'д']есь, ве[з'д']е́, гво́[з'д']и;
[с'н']: [с'н']ег, [с'н']ать, ле[с'н']ик;
[з'н']: ка[з'н']а́, во[з'н']ица, боле́[з'н'];
[с'л']: [с'л']ед, я́[с'л']и, [с'л']ёзы;
[з'л']: [з'л']ить, ко́[з'л']ик.

Зубные в приставках *с-*, *раз-* [*роз-*], *из-*, *воз-*, *низ-*, *чрез-* перед мягкими зубными корня произносятся обычно мягко: [с'н']-ести́, [с'л']ить, ра[с'т']ира́ть, бе[з'д']е́льник, бе[с'с']ерде́чный, бе[з'з']еме́лье, ра[з'л']и́л, ра[з'н'·о́]с, ра[з'л']и́в.

Конечные [з] и [с] приставок перед [т'], [д'], [н'], [л'] могут произноситься мягко и твёрдо: во[з'д']ержа́лся и во[зд']ержа́лся, ра[с'т'и^{е}]ну́ть, и ра[ст'и^{е}]нуть, ра[з'л'·о́]гся и ра[зл'·о́]гся.

Предлоги *с, из, без, через* перед мягкими зубными следующего слова произносятся обычно мягко: [с'-т'·о́]ткой, [з'-д'·а́]дей, и[з'-з'и^{е}]мли́, и[с'-с'и^{е}]ла́, и[с'-т'е́]ста, бе[з'-д'е́]ла, чере[з'-л'е́]с. Но эти предлоги, кроме *с*, могут произноситься и с конечными твердыми зубными перед мягкими [т], [д], [л], [н]: бе[з-д'е́]ла, чере-[з-л'е́с].

Сочетания [дн] и [тн] образуют единую артикуляцию с одним затвором в начале и одним размыканием в конце. При мягкости [н'] это сочетание на стыке корня с суффиксом произносится мягко, на стыке приставки и корня возможно двоякое произношение, как мягкое: [д'н'] и [т'н'], так и неоднородное — [дн'], [тн']. Например: бра́[т'н']ий, за́[д'н']ий, прошлого́[д'н']ий, во́[д'н']ик, пу́[т'н']ик.

На стыке приставки и корня по старой московской норме: о[т'н'·о́]с, о[т'н'·а́]ть, по[д'н']и́мет и более позднее произношение: о[тн'·о́]с, о[тн'·а́]ть, по[дн']и́мет.

Особенно часто эти сочетания с твердым затвором произносятся на стыке предлога и слова: по[д-н'е́]бом, по[д-н'и́]зом, о[т-н'и^{е}]вёсты.

Сочетания [тл] и [дл] также образуют единую артикуляцию с одним затвором и одним размыканием. Это сочетание при наличии мягкого [л'] чаще произносится с твердым затвором: [дл'] и [тл']: бо[дл']и́вый, в се[дл']е́, о[тл']и́чно, по[дл']ежа́щее. Мягко произносится это сочетание в словах: [п'ёт'л'и], м'ё'д'л']енно.

Согласные [т] или [д] перед [ч'] смягчаются и, сливаясь с [ч'], образуют один звук [ч̄'] с долгим мягким затвором: лё[ч]ик, переплё[ч̄']ик, заво[ч̄']ик.

Согласный [н] перед мягкими [т'], [д'] и [н'] произносится мягко: ба́[н'т']ик, ви́[н'т']ик, ба[н'д']и́т, бло[н'д']и́н, в ва́[н'н']е, А[н'н']е; мягко произносится [н] перед [с'], [з']: пе́[н'с']ия, рома́[н'с']ик, во[н'з']ить, прете́[н'з']ия. В словах бала[нс']и́ровать, про[нз']и́ть возможен твердый [н].

2. Губные согласные перед мягкими губными по старой московской норме смягчались во многих корнях и на стыке приставки и корня: [ф'п']ерёд, [ф'п']иса́ть, [ф'-п']е́нии, в ри́[ф'м']е, в ла́[м'п']е, в бо́[м'б']е, на ту́[м'б']е.

В настоящее время широко развито твердое произношение губных в этом положении: [фп']ерёд, [фп']иса́ть, [фп']е́нии, в ри́[фм']е, в ла́[мп']е, в бо́[мб']е, на ту́[мб']е.

Сочетание [бв], [бм] на стыке приставки и корня произносится обычно с твердым [б]: о[б-в']и́ть, об[в'·а́]зан; о[бм']е́н, о[бм']е́рил, о[бм'·а́]к.

Приставка-предлог [в] перед мягкими губными произносится мягко: [в'в'·о]л, [в'в']ести́, [в'-м']е́ру, [в'-м']и́р'е, [в'-м']ину́ту.

3. Зубные согласные перед мягкими губными произносятся мягко. Например:

[т'в']: че́[т'в']еро, [Т'в']ерь;
[д'в']: [д'в']ерь, [д'в']и́нуть;
[д'м']: Лю[д'м']ила, [Д'м']итрий;
[з'в']: [з'в']ерь, [з'в']е́нья;
[з'б']: [з'б']ить, в и[з'б']е́;
[с'в']: [с'в']ет, [с'в'·о́]кла;
[с'п']: [с'п']ина́, [с'п']и́чка.

Это смягчение проводится более последовательно в тех случаях, когда зубной согласный при любом изменении слова оказывается перед мягким губным. В других случаях в настоящее время наряду с мягким произношением зубных известно и твердое: в бо[тв']е́, в Ли[тв']е́, [сп']ина́, [сп']ирт и др.

Всегда мягко нужно произносить зубные согласные в словах: [в'ёт'в']и, [ч'ёт'в']ерть, [л'ёз'в']ие.

Смягчения зубных согласных перед мягкими губными не происходит в словах иноязычного происхождения. Ср.: пор[тв']е́йн, пор[тф']е́ль и др.

4. Согласный [р] перед мягкими губными и зубными в значительном большинстве случаев в современном языке произносится без смягчения, реже со слабой степенью смягчения. Примеры: ко[рп']е́ть, оско[рб']и́ть, ко[рм']и́ть, со[рв']й, в то́[рф']е;

па́[рт']ия, го[рд']и́тся, ко[рс']ёт, ко[рз']и́на, ка[рн']и́з, ка́[рл']ик, то[рч']и́т.

Мягкость согласного [р'] в этом положении, свойственная старому московскому произношению, стала принадлежностью просторечного стиля.

Мягкость [р'] перед мягкими губными и зубными обязательна в некоторых обиходно-бытовых словах: [п'ёр'м'], [вё'р'ф'], [ч'ёр'в'и], [п'ёр'в']енец.

Некоторая степень смягчения согласного [р] нередко наблюдается в тех словах, в которых сочетание [р] с последующим мягким губным или мягким зубным находится между гласными переднего ряда: пе́[р·с']ик, ки[р·п']и́ч, оме[р·з']и́тельно, те[р·п']е́ть.

Сочетание [р$\overline{ш}$'] в современном русском литературном языке произносится двояко: [р'$\overline{ш}$'] по старой московской норме и [р$\overline{ш}$']: смо́[р'$\overline{ш}$']ился, сбо́[р'$\overline{ш}$']ик, набо́[р'$\overline{ш}$']ик и смо́[р$\overline{ш}$']ился, сбо́[р$\overline{ш}$']ик, набо́[р$\overline{ш}$']ик.

5. Губные перед мягкими задненёбными в современном русском литературном языке не смягчаются. Произносят: ла́[фк']и, ла́[пк']и, да́[мк']и, ло́[фк']и.

Старому московскому произношению было свойственно мягкое произношение губных в этом положении.

6. Перед звуком [j] все согласные, кроме шипящих [ш], [ж], произносятся мягко. Например: [в'j]у], [п'j]у], воро[б'j]я́, ли́[с'т'j]я́, ска[м'j]я́, коло́[с'j]я́, ко[н'j]я́к, су[д'j]я́.

На стыке приставки и корня перед [j] смягчаются приставки *с-, в-, из-*: [с'j]ел, [в'j]езд, и[з'j]я́ть.

Согласный [з] приставки *раз-* произносится мягко по старой московской норме: [ра[з'j]е́хались, так и твердо: ра[зj]е́хались.

Согласные [т], [д], [б] приставок *от-, под-, над-, перед-, об-* перед [j] в современном русском языке не смягчаются: о[тj]е́хал, по[дj]е́хал, о[бj]яви́л.

На стыке предлога и следующего слова перед [j] может произноситься мягкий согласный, но чаще произносится твердый: [с'-j]у́га, [с'-j]е́ли, [из'-j]я́мы и [из-j]я́мы, чере[з'-j]я́му и чере[з-j]я́му. Всегда: о[т-j·о́]лки, по[д-j·о́]лкой, на [д-jё́]лью.

§ 113. Сочетания согласных. Правила произношений некоторых групп согласных:

а) сочетание [сш] (орфографическое и [зш]) произносится как двойной твердый согласный [шш]: бе[$\overline{шу}$́]мный, ра[$\overline{шы}$́]рил, бе[$\overline{ш}$]а́пки *(без шапки)*, [$\overline{шу}$́]мом *(с шу́мом)*;

б) сочетание [сч] (в орфографии и [зч]) на стыке корня и суффикса *-чик* обычно произносится как долгий мягкий [$\overline{ш'}$]: изво́[$\overline{ш'}$]ик, разно́[$\overline{ш'}$]ик, ука́[$\overline{ш'}$]ик зака́[$\overline{ш'}$]ик.

Возможно и произношение данного звука как [ш'$\widehat{ч'}$]. Так же произносится сочетание [сч] на стыке приставки и корня, если приставка не выделяется достаточно отчетливо: [$\overline{ш'}$]астье, [$\overline{ш'}$·о]т, [$\overline{ш'}$и]та́ть. В этом положении вариант [ш'$\widehat{ч'}$] произносится чаще.

Всегда произносится [ш'$\widehat{ч'}$] на стыке корня с суффиксом *-чат-*: бру[ш'ч']а́тый, до[ш'ч']а́тый и на стыке предлога и следующего слова: и[ш'-ч']у́вства, бе[ш'-ч']е́сти, и[ш'-ч'·о́]рного.

Слова *сейчас, тысяча, мужчина, жёстче, хлёстче* надо произносить следующим образом: [ш'$\widehat{ч'}$]а́с и $\overline{ш'}$а́с, ты́[ш'$\widehat{ч'}$]а и ты́[$\overline{ш'}$]а, му[ш'$\widehat{ч'}$]и́на и му[$\overline{ш'}$]и́на, жё[$\overline{ш'}$е], хлё[$\overline{ш'}$е];

в) сочетание [зж] произносится на стыке приставки и корня как двойной твердый [жж]: и[$\overline{жа}$́]рил, и[$\overline{ж}$]о́га, ра[$\overline{ж}$]ыре́л, [$\overline{жо}$]г *(сжёг)*. Сочетания [зж] и [жж] внутри корня в соответствии со старыми московскими нормами произносятся как долгий мягкий [$\overline{ж'}$]: ви[$\overline{ж'}$·а́]ть, брю[$\overline{ж'}$·а́]ть, е́[$\overline{ж'}$у], по[$\overline{ж'}$е], бры́[$\overline{ж'}$]ет, во́[$\overline{ж'}$и], дро́[$\overline{ж'}$и], жу[$\overline{ж'}$и́]т, жу[$\overline{ж'}$·а́]ть.

Слово *дождь* и его производные по старой московской норме произносится: до[$\overline{ж'}$·а́], до́[$\overline{ж'}$]ик, до[$\overline{ж'}$]евой. Под влиянием письма здесь начинают всё чаще произносить [ж'$\widehat{д'}$]: до́[ж'$\widehat{д'}$и]к.

В настоящее время вместо долгого мягкого звонкого шипящего всё чаще произносят твердый долгий шипящий: во́[$\overline{ж}$]ы, дро́[$\overline{ж}$]ы, ви[$\overline{ж}$]а́ть, е́[$\overline{жу}$], по́[$\overline{ж}$]е;

г) сочетание [тс] (в орфографии и [дс]) не на стыке приставки и корня произносится как [ц] с долгим затвором — [$\overline{ц}$]: бой[$\overline{ц}$ъ], умыва́[$\overline{ц}$ъ].

Сочетание [тс], [дс] на стыке корня и суффикса в разговорной речи произносится как [ц]: бра́[цк]ий, горо[цк]о́й, де́[цт]во, сре́[цт]во;

д) произношение сочетания [чн] как [шн] было широко представлено в старом московском произношении. Эти нормы отразились в указаниях о произношении соответствующих слов в Толковом словаре под ред. проф. Д. Н. Ушакова.

Под влиянием правописания произношение [шн] постепенно стало вытесняться произношением [ч'н].

В современном литературном произношении [шн] обязательно в немногих словах, в ряде других оно допустимо рядом с [ч'н]. В словах нового происхождения, особенно в словах, появившихся в советскую эпоху, произносится только [ч'н], ср.: многостано́[ч'н]ый, пото́[ч'н]ый метод, съёмо[ч'н]ый.

В современном языке [шн] произносится в следующих словах: коне́[шн]о, ску́[шн]о, яи́[шн]ица, пустя́[шн]ый, скворе́[шн]ик, пра́че[шн]ая, пе́ре[шн]ица, в женских отчествах на *-ична:* Са́ввиш[н]а, Ильи́ни[шн]а, Фомини[шн]а.

В ряде слов произношение [шн] допускается наряду с [ч'н]: бу́ло[шн]ая и бу́ло[ч'н]ая, сли́во[шн]ое и сли́во[ч'н]ое, я́[шн]евая и я́[ч'н]евая, моло́[шн]ый и моло́[ч'н]ый, пшени́[шн]ый и пшени[ч'н]ый, ла́во[шн]ик и ла́во[ч'н]ик, горя́че[шн]ый и горя́че[ч'н]ый.

На основе колебаний в произношении сочетания [ч'н] возникает стилистическая дифференциация.

Произношение [шн], кроме слов, в которых [шн] обязательно или допускается наряду с [ч'н], становится признаком просторечн-

ного стиля: винто́во[шн]ый, убы́то[шн]ый и др. В других случаях наблюдается смысловая дифференциация: серде́[ч'н]ые болезни, но друг серде́[шн]ый;

е) сочетание [ч'т] в слове *что* и производных от него произносится как [шт]: [шт]о́, ни за [шт]о́, кое-[шт]о́, [шт]обы, [шт]о́-то. Слово *нечто* произносится с сочетанием [ч'т]. Слово *ничто* допускает двоякое произношение: ни[шт]о́ и ни[ч'т]о́.

Во всех других словах сочетание [ч'т] произносится без изменения: про[ч'т]у́, по́[ч'т]а и др.

§ 114. Произношение отдельных грамматических форм. 1. Именительный падеж единственного числа прилагательных мужского рода при безударном окончании произносится двояко. По старой московской норме безударное окончание *-ый, -ий* произносится как [-ъi], [-ьi]. Например: ста́р[ъi], но́в[ъi], кра́сн[ъi], си́н[ьi], ка́[р'ьi].

В настоящее время всё шире распространяется произносительный вариант этой формы, появившийся под влиянием письма с безударным окончанием: [-ыi], [-иi]. Например: ста́р[ыi], бе́л[ыi], кра́сн[ыi], си́н[иi] и др.

Окончание *-ий* прилагательных и причастий после твердых шипящих произносится как [-ъi]: хоро́[шъi], похо́[жъi], ры́[жъi], ви́дев[шъi].

Под влиянием правописания распространяется произношение данного окончания как [-ыi]: хоро́[шыi], похо́[жыi], ры́[жыi], ви́дев[шыi].

Окончание *-ий* после задненёбных [к,] [г,] [х] произносится по старой московской норме как [ъi]: кре́п[къi], ги́б[къi], стро́[гъi], упру́[гъi], ти́[хъi], ве́т[хъi].

Так же произносятся фамилии на *-ский:* Бели́нс[къi], Черныше́вс[къi], Марли́нс[къi].

Под влиянием правописания в обиходно-бытовой и общественной практике распространенным стало произношение (-к'иi), [-г'иi], [-х'иi]: высо́[к'иi], упру́[г'иi], ве́т[х'иi].

Поэтому для современной литературной речи считаются орфоэпическими оба варианта произношения.

2. Родительный падеж единственного числа прилагательных мужского и среднего рода на *-ого, -его* произносится со звуком [в] и соответствующей правилам русского литературного произношения редукцией гласных, например: ста́р[ъвъ], слеп[овъ], горя́[ч'ьвъ], фсе[во́].

3. Слова *сегодня, сегодняшний, итого* произносятся со звуком [в].

4. Окончания именительного падежа множественного числа прилагательных -ые, -ие произносятся как [-ыи], [-ии]: но́в[ыи] *дома́*, ста́р[ыи] *столы́*, си́[н'ии] *пла́тья*, горя́[ч'ии] *обе́ды;* но возможно здесь и произношение [-ыйь], [-ийь].

5. Окончания *-ое, -ая* прилагательных произносятся как [-jъ], [iъ]: пряма́[iъ], ста́[ръiъ], слепа́[iъ], слепо́[iъ].

6. Окончание *-ую* прилагательных должно произноситься без утраты лабиализованного гласного [у] перед [j].

7. Безударные окончания 3-го лица множественного числа глаголов II спряжения по старой московской норме произносились как [-ут], [-'ут], например: ды́[шут], ко́н[ч'ут], пла́[т'ут], то́[п'ут], ло́[в'ут] и др. Так же произносилось это окончание при наличии частицы *-ся* и в причастиях настоящего времени на *-ащий, -ящий:* ва́[р'у]тся, се́р[д'у]тся, слы́[шу]щий, гото́[в'у]щий и др.

Господствующим в настоящее время является произношение этих безударных окончаний со звуком [ъ] после твердых и мягких согласных, например: слы́[шъ]т, де́р[жъ]т, го́[н'ъ]т, ва́[р'ъ]т, ко́[съ]т, во́[з'ъ]т, хо́[д'ъ]т, гото́[в'ъ]т.

Звук [у] держится после шипящих, а также после [j]: слы́[шу]т, поло́[жу]т, та́[ш'у]т, стро́[iу]т.

8) Возвратные частицы *-сь, -ся*. Возвратная частица *-сь* в личных формах глагола и в формах прошедшего времени произносится двояко: по старой московской норме твердо: бою́[с], стара́ю[с], вожу́[с], под влиянием письма — мягко: бою́[с'], стара́ю[с'], вожу́[с'] и др.

Мягкий вариант произношения возвратной частицы *-сь* в настоящее время широко распространен, твердое произношение встречается редко.

Частица *-ся* в разных глагольных формах произносится различно в зависимости от качества предшествующей согласной. Сочетание *-тся, -ться* произносится как твердое [ц] с долгим затвором — [-ц̄]: собира́е[ц̄ъ], бере́[ц̄ъ], стремя́[ц̄ъ], бра́[ц̄ъ], учи́[ц̄ъ], и др.

В форме прошедшего времени мужского рода после *л* частица *-ся* произносится с твердым [с]: взя́[лсъ], бра́[лсъ], забы́[лсъ]. После остальных твердых согласных в различных формах *-сь* произносится чаще твердо, но возможно и мягкое произношение — [с'].

После мягких согласных и [j] согласный [с] произносится обычно мягко.

9. Глаголы на *-ивать* после задненёбных произносятся двояко. По старой московской норме они произносятся с твердым задненёбным и последующим звуком [ъ]: вздра́[гъ]вать, вска́[къ]вать, спи́[хъ]вать. Под влиянием написаний в настоящее время широко распространилось произношение этих глаголов с мягкими [к'], [г'], [х'] и последующим звуком [и]: посту́[ки']вать, вздра́[г'и]вать, спи́[х'и]вать, встря́[х'и]вать и др.

Первый вариант произношения сохраняет значение нормы лишь в сценической речи.

§ 115. Некоторые особенности произношения слов иноязычного происхождения. Произношение большинства заимствованных слов соответствует описанным правилам произношения.

Однако некоторое количество слов, относящихся к разным областям науки, техники, политики, культуры, и в особенности иностранные собственные имена сохраняют особое произношение.

Особенности произношения слов иноязычного происхождения заключаются:

во-первых, в произношении звука [о] в безударных слогах. Безударное [о] произносится, например, в следующих словах: б[о]а́, к[о]ктэ́йль, м[о]дэ́ль, м[о]дэ́рн, [о]а́зис, [о]тэ́ль, п[о]э́т, п[о]э́зия, п[о]э́ма, ф[о]рпо́ст; в иностранных собственных именах, например: Фл[о]бе́р, В[о]льтэ́р, Ш[о]пе́н. В отдельных словах возможно произношение [о] и в заударных слогах: ха́[о]с, кака́[о], ра́ди[о];

во-вторых, в произношении твердых согласных [т], [д], [с], [з], [м], [н], [р] перед гласным переднего ряда [е], например: анти[тэ́]за, с[тэ]нд, ин[тэ]рвью, [дэ́]льта, мо[дэ́]ль, э[нэ́]ргия, [нэ́]тто, бе[зэ́], к[рэ́]до, [рэ́]квием, [мэ]р и т. д.; в иностранных собственных именах: П[рэ]во́, Жо[рэ́]с, Воль[тэ́]р, С[тэ]рн и др.

Слова иноязычного происхождения, прочно вошедшие в общий литературный язык, знают мягкое произношение зубных и [р] перед [е], а также безударными [и^{е}], [ь], например: [т'е́]ма, [т'е́]нор, [т'е́]хника, ка́[т'ьт], пре[т'е́]нзия, ка[т'и^{е}]го́рия, ка́[т'ь]р, факуль[т'е́]т, [т'и^{е}]о́рия, квар[т'е́]т;

[д'и^{е}]ви́з, [д'и^{е}]кре́т, [д'е́]мон, [д'е́]спот, [д'ь]монстра́ция, [д'ь]кла́ция, [д'и^{е}]ка́н, [д'ь]лега́т, [д'ь]пута́т, прези[д'е́]нт;

[н'е́]рвы, пио[н'е́]р, фа[н'е́]ра, клар[н'е́]т;

ба[с'е́]йн, [с'е́]кция, [с'е́]кта, [с'е́]ссия, [с'е́]рия, му[з'е́]й, га[з'е́]та, [з'и^{е}]ни́т, [з'и^{е}]фи́р, комп[р'е́]сс, ко[ри^{е}]кту́ра, [р'и^{е}]ли́гия, [р'ь]зона́нс, [р'ь]зульта́т, [р'ь]золю́ция, [р'и^{е}]да́ктор, [р'и^{е}]кла́ма и др.

Особенно следует предостеречь от произношения твердых согласных перед [е] в таких словах, как *тема, техника, текст, картотека, Одесса, демон, музей, газета, пионер, кассета, бассейн, конкретный, корректный, берет, профессор, эффект, аффект.*

ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

ГРАФИКА

§ 116. Понятие о графике. Графика изучает начертания и звуковые значения букв.

Русское письмо является звуковым письмом. В нем звуки речи обозначаются условными письменными знаками — буквами. Современный русский алфавит состоит из 33 букв. Печатные и рукописные буквы могут быть прописными и строчными.

Русский алфавит и названия букв

Аа	**Бб**	**Вв**	**Гг**	**Дд**	**Ее**	**Ёё**	**Жж**	**Зз**	**Ии**	**Йй**
а	бэ	вэ	гэ	дэ	е	ё	жэ	зэ	и	и краткое
Кк	**Лл**	**Мм**	**Нн**	**Оо**	**Пп**	**Рр**	**Сс**	**Тт**	**Уу**	**Фф**
ка	эль	эм	эн	о	пэ	эр	эс	тэ	у	эф
Хх	**Цц**	**Чч**	**Шш**	**Щщ**	**ъ**	**Ыы**	**ь**	**Ээ**	**Юю**	**Яя**
ха	цэ	че	ша	ща	эр	еры	ерь	э	ю	я

§ 117. Соотношение между буквами русского алфавита и фонемами русского языка. Обозначение гласных фонем. С помощью сравнительно небольшого числа букв русское письмо имеет возможность передать все богатство живой русской речи.

Гласные фонемы русского языка обозначаются на письме десятью буквами: *а, я, у, ю, о, е, ё, э, ы, и.*

Буквы *а* и *я* обозначают гласную фонему [а], причем буква *а* передает на письме гласную фонему [а] после парных твердых согласных фонем, в начале слова и после внепарных твердых и мягких: *рука, ах, жар, шар, чары*; буква *я* — после парных мягких и звука [j] („йот"): *дятел, сяду, пяльцы, яма, ясно, стоял.*

Буква *у* обозначает гласную фонему [у] после парных твердых согласных, в начале слова, после внепарных твердых; буква *ю* обозначает гласную фонему [у] после парных мягких и [j] („йот"): *утро, мудрый, шум, жутко, тюль, любит, юбка, союз.*

Буква *о* обозначает фонему [о] в начале слова, после парных твердых согласных фонем: *ом, сом, ровно, том.*

Буква *е* обозначает гласную фонему [е] после парных мягких согласных и после звука [j] („йот"): *бе́лый, се́рый, ве́ник, ель, пое́л,* а также после внепарных по мягкости-твердости: *цех, жест, шесть, честь.* Фонема [е] может обозначаться в начале слога буквой *э: этот, экий, это,* чаще всего в словах иноязычных: *эра, поэт, Суэ́ц.* В немногих из заимствованных слов буква *э* пишется после согласных, обозначая при этом отодвинутый назад звук [е] после несмягченного согласного, например: *Тэн, мэр.*

Буква *ё* в русской графике является факультативной и служит главным образом для различения смысла слов. Она употребляется для обозначения гласной фонемы [о] после мягких согласных, [j] и иногда после шипящих: *всё, сёла, узнаём* (ср. *все, села, узнаем*), *чёрт, решётка* и т. д. Употребление этой буквы в русской графике постоянно колебалось. Вместо буквы *ё* в указанных положениях для обозначения гласной фонемы [о] обычно используется буква *е.*

Буквами *и* и *ы* обозначается на письме фонема [и]. После парных твердых согласных употребляется буква *ы: выл, тыл, пыль, сыр.* После парных мягких и в начале слога пишется буква *и: вил, тина, пили, синий, иглы, ил.*

Кроме того, буква *и* пишется после твердых шипящих *ш* и *ж*: *жир, шить,* и в этом случае она обозначает разновидность фонемы [и] звук [ы], и после мягкого [ч]: *чисто.* Написание *и* и *ы* после *ц* регулируется специальными правилами. В корнях слов и суффиксах чаще всего пишется *и.*

Для обозначения слабых гласных фонем в безударных слогах используются те же буквы, что и для обозначения сильных гласных фонем.

Слабые фонемы, входящие в определенный фонемный ряд, возглавляемый сильной фонемой, обозначаются, как правило, той же буквой, что и соответствующая сильная фонема, например: *во́ды, вода́, водово́з.*

Слабые гласные фонемы, образующие неполный фонемный ряд, без сильной гласной фонемы, обозначаются теми же буквами, что и остальные гласные фонемы, например: *бара́н, тата́ры, това́р* и др. При этом выбор той или иной буквы определяется традицией.

§ 118. Обозначение согласных звуков. 1. Мягкость согласных, парных по твердости-мягкости, обозначается на конце слова буквой *ь* („мягкий знак"): *пыль, высь, ширь, соть, грязь, тетрадь.* Мягкость согласного [л] на письме обозначается всегда *ь: сельдь, мальчик, пальба.* Мягкость остальных согласных перед согласными внутри слова не всегда обозначается на письме, например: *косьба* ([ко·з'ба́]), но: *две* ([д'в'е]). В этом положении мягкость согласного обозначается буквой *ь* тогда, когда следующий согласный в разных формах слова может быть то мягким, то твердым: ср. *письме — письма, возьму — возьми* и т. д. или является только твердым (ср. *меньше*).

Мягкость согласных перед гласными обозначается буквами для гласных: *я, ю, е (ё), и.*

В этом случае сочетание букв для согласного и гласного передает одновременно целый слог, состоящий из мягкого согласного и последующего гласного. Например, написание *пя* передает на письме мягкий звук [п'] и гласный звук [а], сочетание *тё* мягкий звук [т'] и гласный [о] и т. д.

2. Согласная фонема [j] („йот") обозначается особой буквой *й* в том случае, когда ею заканчивается слог (в этих случаях йоту предшествует гласная): *дай, дайте, пей, пейте, красный, ройте,* и в некоторых словах иноязычного происхождения, когда ею начинается слог: *йод, район, майор, майонез.*

Во всех других случаях согласная фонема „йот" вместе со следующими за нею гласными [а], [о], [е], [у] в начале слова и слога обозначается буквами *я, ё, е, ю: ясень, ёлка, ель, юла, моя, моё, мою.* После согласных фонем — двумя буквами: *ья, ье, ье, ью* или *ъя, ъе, ъё, ъю: свинья, белье, колье, пью, объявление, подъем, адъютант, отъезд.* Сочетание „йота" с гласной фонемой [и] обозначается на письме двумя буквами *ьи: чьи, соловьиный, Ильин, Марьин.*

3. Для обозначения долгих согласных, за исключением долгого мягкого ш — [ш'], в русском алфавите особых букв нет. Только глухая мягкая долгая шипящая фонема обозначается на письме особой буквой *щ: щи, щавель, щука, барщина.* Но она имеет и иные обозначения.

4. Для обозначения твердых согласных фонем, парных по звонкости и глухости, в русском алфавите существуют особые буквы для звонких и глухих сильных согласных фонем: *б — п, з — с, в — ф, г — к, д — т, ж — ш.*

ОРФОГРАФИЯ

§ 119. Понятие об орфографии. Орфография (от греческих слов *orthos* — прямой, правильный и *grāpho* — пишу) представляет собой систему правил о написании отдельных слов и их значимых частей, правил о слитных, полуслитных и раздельных написаниях, правил употребления прописных букв и переноса слов. К числу орфографических правил относятся и дифференцирующие написания.

§ 120. Основной принцип русского правописания. Русское правописание по своему характеру морфологическое. Основным, господствующим принципом русского письма является одинаковое написание морфемы вне зависимости от того, как она в силу тех или иных фонетических условий произносится[1].

[1] Поскольку тождество морфемы покоится на фонемном ряде, то, как правило (и это выше уже отмечалось), фонемы, входящие в один и тот же фонемный ряд, обозначаются на письме одной и той же буквой.

Исключения из этого правила немногочисленны и не колеблют морфологического принципа в целом [1].

Морфологический принцип находит в русской орфографии применение в правописании гласных и согласных.

Так, основное правило обозначения неударяемых гласных заключается в том, что в неударяемом положении должна писаться буква того гласного звука, который произносится в той же морфеме под ударением. Например, при произношении: [во́ды], [влда́], [во́д'ник], [влд'е́], [вот], [въдлво́с] корневая морфема [вод] всегда пишется с буквой [о], так как под ударением будет сильная гласная фонема [о] — [во́ды].

На базе этого основного правила сложились частные правила правописания неударяемых гласных в связи с тем, что безударный гласный может оказаться в чередовании не с одним, а с несколькими ударными гласными, например: *жена́*, но *жёны* и *же́нский, заря́*, но *зо́ри* и *за́рево*.

Отдельные правила определяют правописание гласных в некоторых глагольных корнях, в приставках, суффиксах. Наличие частных правил, определяющих иногда написание небольшой группы слов, объясняется как сложностью самой системы формообразования и словообразования в русском языке, так и тем, что наблюдается ряд неоправданных отступлений от морфологического принципа. Например, один из самых трудных разделов правописания составляют прилагательные со сложными неударяемыми суффиксами *-инск-* и *-енск-* (второй элемент этих суффиксов — *-ск*) из-за непоследовательности в самом словообразовании, а потому и непоследовательного применения морфологического принципа в написании. Мы пишем *грозненский* (от *Грозный*), но *глубо́кинский* (от *Глубокий*), *мытищинский* (от *Мыти́щи*), но *городищенский* (от *Городище*).

Последовательно проводится морфологический принцип при написаниях звонких и глухих согласных в корнях слов.

Звонкие и глухие звуки, независимо от фонетического положения, в котором они находятся, обозначаются теми же буквами, какими они обозначаются в соответствующих значащих частях слов перед гласными, перед сонорными согласными и перед *в* [2].

Тот же морфологический принцип лежит и в основе написания согласных букв в приставках, за исключением приставок на *-з*.

§ 121. Применение фонетических написаний. Написание приставок на *-з (из-, воз-, вз-, низ-, раз-, роз-, без-, чрез-, через-)* основано на фонетическом принципе. В этих приставках конечная буква *з* пишется перед звонкими согласными, сонорными, *в* и гласными, а перед глухими согласными пишется буква *с*.

Например: *безбедный*, но *беспредельный, избить*, но *испить, низвергнуть*, но *ниспадать, взлететь*, но *вспылить, возделать*, но *воспрепятствовать* и т. д.

Фонетический принцип применяется в правописании суффикса *-ын* и окончаний прилагательных и существительных после *ц*. Мы пишем: *сестриц-ын, лисиц-ын, зайцы, купцы, белолиц-ый* и др. В корнях этот принцип не выдержан. Мы пишем: *цыган, цыкать*, но *цирк, цифра*. Фонетическими являются написания приставок *роз-* и *раз-*, например: *ро́спись, ро́звальни*, но *распи́сывать, развали́ть*.

§ 122. Традиционные написания в русской орфографии. Традиционными или этимологическими называются такие написания, которые не подчиняются применяемым принципам орфографии, не определяются характером словообразования и формообразования в современном русском языке, а сохраняются до настоящего времени в том виде, в каком некогда были установлены.

Примерами традиционных написаний могут быть написания букв *о* и *а* в первом предударном слоге в таких словах, как: *соба́ка, забо́р, бара́н, стака́н, забо́та, сапо́г*, буквы *е* в слове *снето́к*, буквы *к* в слове *вокза́л* и др. К числу этимологических написаний относится употребление буквы *г* в окончании род. пад. ед. ч. прилагательных мужского и среднего рода: *ужасного, здорового*, употребление буквы *ч* в слове *что*, написание мягкого знака в конце формы 2 лица наст. времени глаголов *пишешь, слышишь* и ряд других подобных написаний.

§ 123. Слитные, полуслитные и раздельные написания. Раздельные, слитные и полуслитные написания являются отражением в орфографии тех изменений, которые происходят в лексической системе языка. В ряде случаев слова́ (два или несколько) утрачивают свою лексическую самостоятельность, превращаясь в одну лексическую единицу. Этот процесс многообразен, совершается постепенно и очень медленно, отдельные лексические единицы оказываются на разных ступенях объединения в новую лексическую единицу.

Всё это находит отражение на письме, хотя, конечно, никогда не бывает полного соответствия между фактами письма и явлениями живого языка.

Рассматриваемые правила содействуют тому, что в орфографии закрепляются в виде слитных написаний те сложные лексические образования, смысловая цельность которых находит отражение в их строении (слияние при помощи соединительной гласной, объединение общей для всего образования системой флексий, выделение данного образования из ряда смежных лексических единиц посредством собственного ударения). Посредством полуслитных написаний орфография отражает те случаи, когда две или не-

[1] Этот принцип точнее следует назвать морфофонематическим. Но мы не будем пользоваться этим термином, так как в разделе „Фонетика" нет достаточной характеристики фонемных рядов и не дана морфофонематическая транскрипция.

[2] Можно сказать, что слабые по признаку глухости-звонкости фонемы обозначаются теми же буквами, что и сильные фонемы, которые возглавляют соответствующий фонемный ряд.

сколько (что реже) словесных единиц, превращаясь в одну лексическую единицу, не стали ею полностью.

В тех случаях, когда мы имеем дело с явным словосочетанием, хотя бы и лексикализованным, т. е. обозначающим одно понятие, как, например, *красный уголок, железная дорога, почтовая бумага,* лексические единицы должны писаться раздельно.

Можно выделить общие правила слитных и полуслитных написаний, относящиеся ко всем частям речи:

Слитно пишутся:

1. Все сложносокращенные слова и производные от них: *колхоз, партком, местком, профбюро, партбюро, комсомол, нарсуд, обком, горисполком, главбух, управдом, бортмеханик, колхозный, обкомовский.*

2. Слова, содержащие приставки, куда относятся и слова с вновь входящими в язык приставками из наречий и предлогов, например: *послевоенный, ультрафиолетовый, архипримерный, межпланетный.*

3. Сложные слова, первой составной частью которых является количественное числительное, например: *пятилетка, трехметровый, трехпроцентный, двоюродный.*

Полуслитно (через дефис) пишутся:

1. Сложные слова, являющиеся удвоением (или утроением) какого-либо слова с целью усиления значения, например: *еле-еле, чуть-чуть, синий-синий, маленький-маленький.*

2. Сложные слова, образованные повторением какой-либо основы, но с разными приставками и суффиксами, например: *мало-помалу, большой-пребольшой, жить-поживать.* Сюда примыкают сложные слова, составленные из двух синонимических слов, например: *нежданно-негаданно, подобру-поздорову,* и словесные пары, образуемые из слов, близких по значению, например: *пить-есть, отец-мать, хлеб-соль.*

3. Некоторые слова иноязычного происхождения с иноязычными приставками, например: *экс-чемпион, обер-кондуктор, контр-адмирал* и др.

4. Сложные слова типа: *10-летний, 3-процентный* (такое написание характерно для специальной литературы).

5. Специальные термины и наименования, в состав которых входит отдельная буква алфавита или числительное, например: *γ-лучи, ЗИЛ-110, Т-2.*

Языковые явления, связанные с образованием новых лексических единиц, сложны и разнообразны. Поэтому, кроме общих, существует много отдельных правил, которые в своей совокупности отражают как основную закономерность в образовании сложных слов, так и противоречия, свойственные языку в его движении. Эти отдельные правила изложены в специальных справочниках по орфографии, в школьных и специальных книгах по русскому правописанию.

§ 124. Употребление прописных букв. Употребление прописных букв регламентируется рядом правил. Среди них есть стойкие правила, но есть и колебания в употреблении прописных букв.

Немногие правила определяют употребление прописных букв в связи с членением текста. С прописной буквы начинается текст и новое самостоятельное предложение, не находящееся в синтаксической связи с предшествующим предложением.

Независимо от строения текста прописные буквы пишутся в начале слов, когда эти слова являются именами собственными. К именам собственным, кроме имен, отчеств и фамилий, относятся также псевдонимы, индивидуальные прозвища, например: *Иегудил Хламида, Сучок, Вафля.* Собственные имена, став нарицательными, перестают писаться с прописной буквы, ср. *ловелас, меценат, форд, ом, ампер.*

С прописной буквы пишутся названия действующих лиц (и даже предметов) в баснях и других литературных произведениях, например: *Кукушка, Соловей, Снегурочка.* С прописной буквы пишутся притяжательные прилагательные на *-ов (-ев), -ин (-ын): Сашин стол, Васины книги.*

С прописной буквы пишется обширная категория слов — названий астрономических и географических объектов, исторических событий, эпох, документов, произведений искусства и т. п., например: *Венера, Юпитер, Крым, Волга, эпоха Возрождения.*

В составных именах собственных имеются колебания в употреблении прописной буквы для всех составляющих слов.

В одних случаях прописная буква обязательна лишь для начального слова, в других — для всех. Например: *Южный Урал, Большая Волга, Иван Четвертый, Петр Первый, Кривой Рог, Красная Поляна, Сталинградская битва, Онежское озеро, созвездие Большого Пса, Южный полюс, Первое мая.*

§ 125. Правила переноса слов. Установленные в русском правописании правила переноса предусматривают деление слов по слогам с учетом словообразовательного состава слова.

Слово переносится по слогам: *зи-ма, сто-ла, по-ка, пе-ре-ве-де-на.* Поэтому нельзя оставлять или переносить на другую строку часть слова, не составляющую слога: *вд-руг, просмо-тр* (надо *про-смотр*).

Если внутри слова есть стечение согласных, то перенос можно сделать разными способами, например: *се-стра, ко-стра* (по слогам); *сес-тра, кос-тра* (один из согласных оставляется с предшествующим слогом); *сест-ра, кост-ра* (два согласных оставляются с предшествующим слогом). При переносе по слогам в ряде случаев надо учитывать словообразовательный состав слова. Поэтому нельзя, например, разбивать при переносе односложную приставку, если далее идет согласный: *рас-таять* (а не *ра-стаять*).

Недопустимо оставлять или переносить одну гласную *а-кация* или *акаци-я* (надо *ака-ция*).

§126. Дифференцирующие написания. В русской орфографии известны некоторые приемы написаний, которые не характеризуют всю систему письма в целом, а являются частными правилами, дополняющими эту систему письма.

Такими частными правилами предусматриваются и дифференцирующие написания. Так, по-разному пишутся некоторые омонимы: *кампания* и *компания, бал* и *балл, копчик* и *кобчик*.

В русском языке таких двояких написаний, которые помогают графически различать омонимы, немного.

В отдельных случаях различаются написания в зависимости от грамматической формы. В этом случае различие в написании указывает на различия грамматического порядка. Например, мягкий знак имеют слова женского рода с основой на шипящий и не имеют мягкого знака слова мужского рода: *рожь, ночь, мышь,* но: *нож, мяч, сторож, луч*.

Ставится мягкий знак во втором лице повелительного наклонения и в неопределенном наклонении, например: *плачь* (ср. существительное *плач*), *сечь* (ср. род. п. множ. ч. существительного *сеч*) и др.

Дифференцирующими будут написания: *поджег* и *поджог, ожег* и *ожог,* так как здесь различие в написаниях указывает на глагол или имя существительное.

§ 127. Краткие сведения из истории русской графики и орфографии. Русское правописание имеет длительную историю. Правописание древнерусских памятников XI—XIII вв. сложилось на основе письма старославянского, на основе кириллической азбуки. Но древнерусские писцы не просто скопировали приемы старославянского письма. На протяжении XII—XIII вв. складываются определенные приемы русского письма, приблизившие письмо к живой речи. В это время русское письмо постепенно превращается в самостоятельную систему.

В то время не было ни грамматик, ни орфографических справочников. Азбука того времени соответствовала основному звуковому составу древнерусского языка, поэтому писец мог опираться на произношение.

Большую роль в сохранении единообразия написаний имела традиция письма. Графика и орфография более традиционны и устойчивы в сравнении с развитием живого языка, его звуковой и грамматической системы.

В связи с фонетическими и грамматическими изменениями в языке возникло несоответствие между графической и звуковой системой языка. Изменения в языке находили отражение на письме. Так, перестали употребляться ѫ и ѧ в связи с утратой носовых гласных, ъ и ь после утраты слабых редуцированных. Буквы ъ и ь получили новое значение: они стали разделительными знаками; ь, кроме того, в ряде случаев служит для обозначения мягкости согласного.

Аканье, появившись в живом языке, в дальнейшем нашло отражение и в написании ряда слов, например: *стакан, калач, карман, забота, сапог, крапива.* Но по большей части правописание сохранялось традиционным, изменения в фонетике и морфологии не находили в нем отражения.

Сравнительно стройное русское правописание в XIV веке стало более искусственным в результате южнославянского влияния на русскую графику.

Важной вехой в истории русского правописания было издание в 1708 году Петром I указа о введении русского гражданского алфавита. С этого времени, по сути дела, начинается история собственно русского правописания в отличие от русскоцерковнославянского, бывшего до сих пор.

Реформа Петра I свидетельствовала об упадке авторитета церковнославянского языка. Вопросы графики и орфографии в XVIII веке были тесно связаны с общими вопросами о путях развития русского литературного языка.

Вопрос о правописании становится вопросом общественным.

Тредиаковский в 1748 году в своем трактате „Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и всем, что принадлежит к сей материи“ защищает фонетический принцип орфографии и считает, что он должен стать основным, определяющим для русского правописания. Это предложение не могло иметь успеха, так как противоречило уже сложившейся и освященной традицией системе русского письма, в котором основным принципом был морфологический.

Выдающуюся роль в теоретическом обосновании правописания сыграл М. В. Ломоносов. Рассуждения о правописании и его основные правила М. В. Ломоносов включил в свою „Российскую грамматику“ 1755 года.

Вопросы правописания, особенно связанные с грамматикой, нашли здесь довольно полное отражение. Авторитет ученого заставлял пишущих считаться с этими правилами, но они не были санкционированы каким-либо высшим государственным учреждением.

Установлению норм правописания в дальнейшем способствовали труды Барсова, Российская грамматика Академии (1802 г., 1803 г., 1819 г.), Словарь Академии Российской 1769—1794 гг.

В начале XIX века многое сделал для совершенствования русского правописания Н. М. Карамзин. Авторитетом крупного писателя он влиял на современную ему орфографическую практику. Но на протяжении почти всего XIX века продолжается значительный разнобой в правописании.

Не уничтожили этого разнобоя и грамматики Востокова, Греча, Давыдова, Буслаева, хотя в них устанавливались орфографические правила.

В 1873 году вышел первым изданием капитальный труд академика Я. К. Грота „Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне“. Второе издание вышло в 1876 году,

третье — в 1885 году. В 1885 году для практических целей была выпущена книга „Русское правописание", также составленная акад. Я. К. Гротом. Правописание Грота было рекомендовано самим автором как академическое. Поэтому оно получило общеобязательную силу и сыграло серьезную роль в установлении орфографических норм.

Но правописание Грота, несмотря на его важное значение, не уничтожило всего разнобоя и, главное, не упростило русского правописания. От традиции Грот отступал в очень немногих случаях. Он сохранял *ѣ*, букву *ъ* в конце слов; написание букв *е, о* после шипящих в правилах Грота еще более запуталось.

В 1904 году при Академии наук для подготовки упрощения правописания была образована специальная орфографическая комиссия. Работала она с большими перерывами. В 1912 году были напечатаны „Постановления орфографической подкомиссии".

11 мая 1917 года избранная Академией наук подготовительная комиссия созвала совещание, на котором было принято постановление о реформе русского правописания.

Это постановление сводилось к следующему:

1. Исключить букву *ѣ*, заменив ее буквой *е*.
2. Исключить букву *ѳ* (фиту), заменив ее буквой *ф*.
3. Исключить букву *ъ* в конце слов и частей сложных слов, но сохранить ее в середине слова в качестве разделительного знака.
4. Исключить букву *і*, заменив ее буквой *и*.
5. Признать желательным употребление буквы *ё*.
6. Писать приставки на *-з* по фонетическому принципу.
7. Писать в родительном падеже прилагательных, причастий и местоимений *-ого, -его*.
8. Писать в именительном и винительном падежах множественного числа женского и среднего рода прилагательных, причастий и местоимений *-ые, -ие*.
9. Писать *они* вместо *онѣ*.
10. Писать *одни, одних, одним, одними* вместо *однѣ, однѣх, однѣм, однѣми*.
11. Писать *её* (или *ее*) вместо *ея* (в родительном падеже).

Излагались правила переноса слов и правила слитного и раздельного написания.

Новая орфография встретила нападки со стороны реакционной печати. Временное правительство медлило с утверждением нового правописания. Внедрение реформированной орфографии стало возможным лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

23 декабря 1917 года Народный комиссариат просвещения издал декрет о введении нового правописания. В декрете говорилось: „В целях облегчения широким народным массам усвоения русской грамоты, поднятия общего образования и освобождения школы от ненужной и непроизводительной траты времени и труда при изучении правил правописания, предлагается всем, без изъятия, государственным и правительственным учреждениям и школам в кратчайший срок осуществить переход к новому правописанию".

10 октября 1918 года Советом Народных Комиссаров был издан специальный декрет, подтвердивший декрет Народного комиссариата просвещения.

В новых правилах было опущено указание о желательности употребления *ё* и правила о слитном и раздельном написании.

Реформа русского правописания 1917 года имела большое значение. Она значительно упростила и облегчила наше письмо. Но осталось в русском языке много частных случаев с написанием одиночных слов, не укладывающихся в те или иные правила. Возникли двоякие написания. Написание таких слов требует не реформы, а регламентации. В целях регламентации большего количества лексического материала была создана в конце 20-х годов в Академии наук орфографическая комиссия, позднее закрепленная как правительственная орфографическая комиссия. В результате многолетних трудов были составлены „Правила русской орфографии и пунктуации". Эти „Правила" имели несколько редакций.

В начале 1956 года, после предварительно проведенных обсуждений в печати, „Правила русской орфографии и пунктуации" были утверждены Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР.

Основная цель этого свода — унифицирование нашего правописания, поэтому устраняются имевшие место на практике дублетные написания. Например, из вариантов *жолудь* и *желудь, шопот* и *шепот* и т. д. сохраняется лишь *желудь* (ср. *желудей*), *шепот* (ср. *шептать*). В некоторых случаях упрощены орфографические правила; например, новое правило о написании сложных прилагательных, обозначающих оттенки цветов, предлагает во всех таких случаях дефисные написания: *темно-красный, зеленовато-серый* (до этого слова первого типа писались слитно, а второго — через дефис). Уничтожены в ряде случаев имевшиеся исключения в правилах. Например, наречия *по-пустому, по-прежнему, по-видимому* предлагается писать с дефисом, как всю группу наречий на *-ому (-ему)* с приставкой *по-* (ср. *по-новому, по-нашему*). Уточнены написания отдельных слов, в которых были колебания, и т. д.

В Институте языкознания Академии наук СССР в соответствии с новым сводом правил подготовлен к печати и выпущен в свет большой орфографический словарь.

„Правила русской орфографии и пунктуации" являются важной вехой в развитии нашего правописания.

МОРФОЛОГИЯ

ВВЕДЕНИЕ В МОРФОЛОГИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 128. Морфология как грамматическое учение о слове. Морфология (от греческих слов *morphē* — „форма“ и *logos* — „учение“) как часть грамматики является грамматическим учением о слове и имеет в качестве своего объекта изучения отдельные слова.

Слова, как известно, подвергаются изучению и в лексикологии. Однако слова в лексикологии, с одной стороны, и в морфологии, с другой, изучаются совершенно по-разному и с разными целями.

Если лексикологией слова́ изучаются для познания словарного состава, лексической системы языка, то морфологией слова́ изучаются для познания грамматического строя, установления грамматических законов и правил, касающихся изменений слов.

Если лексикологию в слове интересует его лексическое значение, происхождение, стилистические свойства и употребляемость, то для морфологии важными оказываются лишь морфологический характер слова и его грамматические свойства.

Так, например, в слове *гвалт* для лексикологии будет важным тот факт, что это слово синонимично в определенной степени словам *шум* и *крик,* находится в антонимических отношениях со словами *тишина* и *молчание,* в стилистическом отношении является разговорно-фамильярным, по происхождению представляет собой заимствование из польского языка (в котором из немецкого — *Gewalt*), имеет в отличие от своих исконно русских синонимов и антонимов ограниченную способность связываться с другими словами и т. п.

Для морфологии же в этом слове будет важным то, что оно относится к разряду неодушевленных имен существительных, имеет грамматическую категорию падежа, является словом мужского рода, как и все абстрактные существительные в их основном значении не обладает формами обоих чисел, способно определяться прилагательным, которое в таком случае будет согласовываться с ним в роде, числе и падеже и т. д.

Изучая слова, морфология устанавливает морфологические законы языка, правила изменения слов и их строение, рассматривая все это в отвлечении от вещественных значений слов, их эмоционально-экспрессивной окраски, употребляемости и происхождения.

В слове морфологию интересуют прежде всего формы, являющиеся средством выражения общих (обычно чрезвычайно абстрактных), грамматических значений, тогда как лексикология изучает слова как названия того или иного предмета мысли или чувства.

Если мы возьмем такие слова, как *веялкой, чубатыми, тремя, мной, наблюдающим* и т. п., то с точки зрения лексического значения в них не будет наблюдаться ничего общего: *веялка* — „сельскохозяйственная машина, которой веют зерно“, *чубатый* — „с чубом“, *три* — обозначение количества „3“, *я* — обозначение говорящим самого себя, *наблюдающий* — „тот, кто наблюдает“.

Если те же слова мы будем рассматривать с морфологической точки зрения, то необходимо будет констатировать, что все они имеют нечто общее (что и изучается в морфологии): и *веялкой,* и *чубатыми,* и *тремя,* и *мной,* и *наблюдающим* выражается определенное грамматическое значение — творительный падеж. Творительный падеж выступает перед нами как абстрактное, чисто грамматическое значение, свойственное, как видим, самым разнообразным по лексическому значению словам, служащим названием самых различных явлений действительности. Если мы возьмем такие слова, как *коза, книга, действительность, формирование, одиночество, поэт* и т. п., то увидим, что несмотря на разницу в их лексических значениях, они все представляют собой существительные, т. е. называют определенные предметы действительности и обладают родом, числом, падежом, а также категорией одушевленности и неодушевленности.

Вот эти общие, грамматические значения, непосредственно не связанные с конкретной семантикой слов, а также и способы выражения этих абстрактных, грамматических значений и являются основным объектом изучения в морфологии.

Однако задачи морфологии не ограничиваются изучением одних только форм слов и выражаемых ими общих, грамматических значений. В морфологию включается также и учение о частях речи, т. е. о тех лексико-грамматических категориях слов, которые устанавливаются на основе анализа семантических и формальных особенностей различных словарных единиц. Более того, в русской лингвистической науке имеется прочная традиция относить к морфологии также и вопросы словообразования, прежде всего морфологического и морфолого-синтаксического.

Освещение в морфологии основных вопросов словообразования объясняется тем, что приемы формообразования и словообразования в русском языке являются довольно однотипными и в целом ряде случаев целиком совпадают как по модели, так и по материальным средствам, в частности очень часто как для образования форм слов, так и для производства новых слов используются одни и те же приемы и аффиксы.

Такое включение морфологического и морфолого-синтаксического способов словообразования в морфологии в известной степени оправдывается также и методическими причинами: специфи-

ческие для каждой лексико-грамматической группы слов способы словообразования правильнее и логичнее давать применительно к той или иной части речи. Это обычно и делается, когда после чисто морфологической характеристики того или иного лексико-грамматического разряда слов дается свойственная для него словообразовательная система.

В соответствии с этой длительной традицией описание морфологических и морфолого-синтаксических способов образования слов того или иного разряда также включается в морфологию, хотя словообразовательное строение слова и приемы образования новых слов, как и их изменение и обогащение, следовало бы изучать в особом разделе науки о языке.

В таком понимании морфология предстает перед нами как единое грамматическое учение о слове: о его морфологической структуре, его формах и выражаемых ими грамматических значениях, а также частях речи и свойственных им способах и приемах словообразования.

§ 129. Грамматические значения и грамматические формы. Каждое слово, как уже указывалось, представляет собой единство лексического и грамматического значений. Обладая как единицы языка тем или иным конкретным лексическим значением, слова имеют и общие, грамматические значения, выражающие те или иные отношения: отношение того или иного слова к другим словам в предложении, отношение говорящего к сообщаемому, отношение к лицу, отношение того, что сообщается, к действительности и времени и т. п.

Так, например, слово *напишем* не только обозначает определенное действие, но и указывает на то, что действие, о котором сообщается, еще не совершилось и не совершается, а только еще будет совершаться, что оно будет производиться не одним лицом, а многими, причем именно теми, которые об этом действии сообщают, что это действие будет законченным и действительно осуществится.

Эти общие значения, непосредственно не связанные с лексическим значением слова, ибо они будут наблюдаться и в других словах, обозначающих иные, чем слово *напишем,* действия (ср. *набросаем, сгруппируем, заставим, пробьемся, выучим* и т. д.), и называются грамматическими значениями. Таким образом, каждое слово в той или иной форме, помимо лексического значения, имеет несколько грамматических значений, выраженных определенными языковыми средствами. Употребляемые для выражения тех или иных грамматических значений языковые средства называются грамматическими формами. Они могут быть самыми разнообразными, но должны быть обязательно: вне грамматической формы не существует ни одного грамматического значения.

Следует иметь в виду, что грамматическое значение в слове может выражаться самыми различными средствами, причем не

только при помощи форм данного слова, т. е. его морфологических видоизменений, но и при помощи других слов, с которыми оно связывается в предложении. Существительное *фойе* не имеет в русском языке падежных форм, но оно может выступать в предложении как форма самых различных падежей, в зависимости от того, как и при помощи каких средств оно связывается с другими словами (ср. *Он вышел* ***в фойе*** и *Он любовался* ***новым фойе*** и т. д.).

Наиболее характерным для русской морфологии является выражение грамматических значений при помощи тех или иных форм слова. Формы слова, одинаковые по лексическому значению и отличающиеся друг от друга лишь грамматически, могут быть как синтетическими, так и аналитическими. Если мы возьмем образования *картину* и *будут писать,* то по отношению к словам *картина* и *писать* они являются не самостоятельными словами, а их формами. Но формами разными. В то время как в форме *картину* грамматические значения выражаются в самом слове, именно аффиксом *-у,* в форме *буду писать* грамматические значения получают свое выражение вне слова *писать,* именно в служебном слове *буду*. Первый способ выражения грамматических значений называется синтетическим, второй — аналитическим. Наблюдается в русском языке и гибридный способ образования формы слова, когда или одно грамматическое значение данного слова выражается служебным словом, а остальные — самим словом (например: *более приятный, полюбил бы* и т. д.), или одно и то же грамматическое значение данного слова выражается дважды — и вне, и внутри слова (ср. *ты забудешь, в лесу* и т. д.).

Грамматические значения синтетически могут быть выражены как аффиксацией, т. е. наличием, или, напротив, отсутствием в слове каких-либо аффиксов (*чайника, чайнику, чайник*; *правдива, правдиво, правдив*; *выну, вынешь, вынь* и т. д.), так и образованиями от разных корней (супплетивно) (ср. *иду — шел, человек — люди, плохо — хуже, брать — взять, я — мы* и т. п.). Супплетивизм встречается в русском языке очень редко. Аффиксация является наиболее продуктивным способом образования форм слов.

В качестве дополнительного средства в образовании форм слов при аффиксации могут выступать как отдельно, так и вместе чередования и ударение (ср. *рука — руки, день — дня, пеку — печешь, редка — редок, засыплю — засыпаю, собираю — соберу* и т. д.). Чередование и ударение в русском языке сравнительно редко самостоятельно различают грамматические значения (*отрезáть — отрéзать, вóды — воды́, собирать — собрать* и др.).

Как правило, формообразующий аффикс является в той или иной форме слова выразителем нескольких грамматических значений. В слове *возьмешь* окончание *-ешь* указывает и на число (единственное), и на лицо (второе), и на наклонение (изъявительное); в слове *лодку* окончание *-у* выражает и падеж (винительный),

и число (единственное) и т. д. Однако в немногих случаях формообразующий аффикс может иметь и одно единственное значение (ср. *возьмем-ка, возьмите* и т. п.).

От форм слов, служащих языковым выражением различных грамматических значений, следует четко отграничивать разные слова одного и того же корня. Формы слова отличаются между собой лишь категориальными, грамматическими значениями, лексическое значение у них одно и то же (ср. *окно, на окнах, окна, окнами* и т. д.). Родственные слова, образованные от одного и того же слова, могут в ряде случаев иметь те же самые грамматические значения (ср. *подоконник, на подоконниках, подоконника, подоконниками* и т. п.), но всегда являются различными по своим лексическим значениям. В подавляющем большинстве случаев факты формообразования и факты словообразования четко разграничиваются, однако определение некоторых образований вызывает известные затруднения. Это касается в первую очередь образований, являющихся формами субъективной оценки и видовых пар глагола. При решении вопроса о том, формы слова это или разные слова, необходимо учитывать характер лексических взаимоотношений анализируемых явлений: формами слова могут быть только такие образования, которые в лексическом отношении являются идентичными.

§ 130. Морфологическая структура слова в русском языке. С точки зрения морфологической структуры все имеющиеся в современном русском языке слова делятся на два больших разряда. Один разряд составляют слова, имеющие формы словоизменения; они состоят из основы и окончания, иногда „нулевого" (*стол, поговорка, писали, кристальный* и т. д.). Другой разряд образуют слова, форм словоизменения не имеющие; они всегда представляют собой чистую основу (*вчера, жаль, при, несомненно* и др.).

Подавляющее большинство знаменательных слов в русском языке относится к первому разряду и позволяет выделять основу и окончание. Последнее часто называют флексией. В дальнейшем будет употребляться и тот и другой термин.

Основой слова принято считать часть слова, выражающую его лексическое значение. Окончанием является такая служебная часть слова, которая указывает на отношение данного слова к другим словам, т. е. служит для выражения синтаксических свойств слова в предложении.

В зависимости от характера основы все слова делятся на две большие группы: слова с непроизводными основами и слова с основами производными.

Так, например, слова *город, земля, стакан, синий, голос, язык, спасу, мог, желтый, хороший, гордый, сто, здесь, суда* (им. пад. множ. числа), *куры* (им. пад. множ. числа), *нож* и др. являются словами с непроизводными основами, а слова *городской, земляной, подстаканник, синить, голосистый, язычок, спасительь, смочь, желтизна, хорошенький, гордость, сотня, здешний, судно, курица, ножик* и др. — словами с основой производной.

Эти две группы слов словообразовательным характером своих основ резко противопоставляются друг другу: в первой группе слов основа выступает перед нами как целое, которое далее с морфологической точки зрения членимо быть не может; во второй группе слов основа выступает перед нами в качестве единства, состоящего с морфологической точки зрения из отдельных значимых частей: *город-ск(ой), под-стакан-ник, голос-ист(ый), желт-изн(а), суд-н(о), кур-иц(а)* и т. п.

Значимые части слова называются морфемами.

§ 131. Производная и непроизводная основы. Разница между производной и непроизводной основами является, таким образом, прежде всего морфологической: первая делится на морфемы, представляя собой по структуре составное единство; вторая этой способностью не обладает и имеет характер единого по своему строению, далее не членимого целого. Однако этим существующее между ними различие не ограничивается. Одним из важных свойств, отличающих производную основу от непроизводной, является зависимость первой от соответствующей непроизводной. Любая производная основа необходимо предполагает наличие соответствующей непроизводной, с которой она соотносится с семантико-грамматической точки зрения; так, основы *вишнев(ый), тёрк(а), мяукать, облачк(о)* и т. п. являются производными основами потому, что рядом существуют соответствующие им непроизводные: *вишн(я), тёр, мяу, облак(о)* и т. д.

Если почему-либо из языка исчезает соответствующая непроизводная основа или перестает соотноситься с данной производной, последняя теряет свой производный, составной характер и переходит в разряд непроизводных основ.

Например, производные для древнерусского языка основы *важн(ый), ужас, белк(а), доблесть* и *хижин(а)* в процессе развития русского языка потеряли свою морфологическую членимость именно в связи с выходом из употребления соответствующих непроизводных основ *ваг(а)* — „вес", *жасити* — „страшить", „ужасать", *бьл(а), добл(ий)* и *хыж(а)*. С трудом осознается производный характер основы в слове *платок:* соответствующее корневое слово *плат* возникает в памяти как устаревшее и риторическое слово поэтического языка XIX века (ср. *Расстилали белый **плат**... (Жук.) Белый **плат** в крови мокрехонек (Некр.)* и т. д.). Производные ранее основы *крупн(ый) и наряд* не разлагаются сейчас и являются уже непроизводными в силу того, что основы *круп(а), ряд* перестали быть соотносительными непроизводными и т. д.

Следовательно, делимость производной основы на отдельные морфемы определяется наличием рядом с ней соответственной непроизводной основы. Например, основы *молодежь, полочк(а), козел, печальн(ый), членц(ть), шагом* (наречие) и т. д. выступают перед нами как производные в силу того, что рядом с ними

существуют аналогичные им непроизводные: *молод(ой), полк(а), коз(а), печаль, член, шаг* и т. п.

Непроизводные основы могут быть и такими, которые существуют самостоятельно, в выделенном, чистом виде (подобно только что перечисленным *молод(ой), полк(а), коз(а), печаль, член, шаг* и др., это свободные основы), и такими, которые как самостоятельное целое не наблюдаются, а встречаются лишь в сочетании или с какими-либо аффиксами, или с другой (производной или непроизводной) основой. Такие основы называются связанными основами: *скрипач — скрип-к(а); под-бав-и(ть) — прибав-и(ть)—до-бав-и(ть)—от-бав-и(ть) — у-бав-и(ть); роб-е(ть) — роб-к(ий) — роб-че; ул-иц(а) — пере-ул-ок — про-ул-ок; щен-ок — щен-ят(а); боч-онок — боч-к(а); кош-к(а) — кош-ач(ий); у-прек-а(ть) — по-прек-а(ть)* и т. п.

Следовательно, возможность членения основы того или иного слова на морфемы предполагает существование рядом по крайней мере хотя бы одного родственного слова, в котором (в свободном виде или в связанном) имеется соответственная по семантико-грамматическим свойствам непроизводная основа.

С другой стороны, из этого же следует, что основа того или иного слова безусловно является производной, если рядом с этим словом существует хотя бы одно, имеющее соответственную непроизводную. Причем вовсе не обязательно, чтобы выделяющийся по этому соотношению аффикс встречался в целом ряде других слов (ср. суффиксы *-н, -к, -он(я), -х, -овн(я), -шеств(о), -в, -м(о)* и т. д. в словах *тлен* (ср. *тлеть*), *черпак* (ср. *черпать*), *тихоня* (ср. *тихий*), *смех* (ср. *смеяться*), *болтовня* (ср. *болтать*), *новшество, пиршество* (ср. *новый, пир*), *сев* (ср. *сеять*), *письмо* (ср. *писать*) и пр. Он может встречаться в отдельных, изолированных словах и даже в одном слове. В таком случае это будет нерегулярная и непродуктивная морфема, или потерявшая способность образовывать слова и формы, или еще ее не получившая.

Разница между производной и непроизводной основами имеется также и в выражении лексического значения. Значение основы непроизводной как бы заложено в ней самой, значение же производной основы представляется в определенной степени складывающимся из значений составляющих ее отдельных морфем.

Наконец, для очень большой части производных основ в противовес непроизводным характерно такое обозначение предметов действительности, когда последние выражаются в слове через установление той или иной связи их с другими. Обозначение предметов действительности подобными основами представляется нам известным образом мотивированным.

В таких словах, как *лесок, белить, подводный, запеть* и т. д., где основа является производной, мы находим такое называние предметов действительности, которое является не чем-то абсолютно условным и необъяснимым (ср. слова *лес, белый, вода, пою* и т. д.), а до некоторой меры осмысленным, мотивированным.

Будучи не в состоянии ответить на вопрос, почему определенные факты действительности называются словами *лес, вода, петь, белый* и т. п., а не какими-либо иными, мы вполне можем объяснить причину функционирования для обозначения соответствующих фактов действительности слов *лесок, подводный, запеть, белить* и т. д. *Лесок* мы объясним как „небольшой лес“, *подводный* — как „находящийся под водой“, *запеть* — как „начать петь“, *белить* — как „делать что-либо или кого-либо белым“ и т. д.

Однако есть такие слова в современном языке, в производном характере основы которых сомневаться не приходится, но этой мотивированности в назывании все же нет.

Например, слово *ножик* имеет основу производную, разлагающуюся на морфологические части, так как рядом с этим словом существует слово *нож* и часть слова *нож* в слове *ножик* и в слове *нож* значит одно и то же. Но вместе с тем слово *ножик* является таким же абсолютно условным обозначением режущего инструмента, как и слово *нож*. Соотношение, существующее между словами типа *листик* и *лист* и т. п., в данном случае отсутствует, но основа слова *ножик* все же остается производной.

В слове *судно,* без сомнения, основа является производной, потому что это же слово во множественном числе имеет уже непроизводную основу *суда* и звуковой комплекс *суд* в *судно* и *суда* однозначен. И всё же обозначение в данном случае соответствующего предмета действительности разными формами этого слова (*суда — судно*) является абсолютно одинаковым — условным и совершенно не мотивированным.

Подобные факты наиболее часто наблюдаются в „связанных“ основах (ср. слова *пт-иц(а), с-вык-ну(ть)ся, зр-яч(ий), плот-иц(а)* и т. п., где непроизводная основа выделяется по соотношению их со словами *пт-енец, при-вык-ну(ть), зр-ениj(е), плот-в(а)* и др.).

Таким образом, производная и непроизводная основы определенно и четко противопоставлены друг другу. Для производной основы можно отметить:

1) ее членимость на отдельные морфемы;

2) ее зависимость как членимого целого от соответствующей непроизводной (как производная она существует постольку, поскольку существует ей соответственная непроизводная);

3) соответствие ее значения совокупности значений составляющих ее частей;

4) обозначение предмета действительности в целой серии слов опосредованно, через установление определенной связи его с другими.

Для непроизводной основы характерным является:

1) ее нечленимость с морфологической точки зрения;

2) ее всегда непосредственное, чисто условное и не мотивированное с точки зрения современных семантико-словообразовательных связей обозначение предметов действительности.

Слова, имеющие непроизводную основу, всегда являются простыми. Слова с производной основой могут быть как простыми (с одной непроизводной основой), так и сложными (с двумя или более непроизводными основами).

Среди сложных слов особо выделяются слова слитные (*головокружение, головотяп, косогор; зарплата, ликбез, зоосад* и т. д.) и составные (*платье-костюм, фабрика-кухня* и пр.).

Морфемы в составе простых слов имеют строго определенный порядок расположения и меняться местами не могут даже в исключительных случаях. Что касается сложных слов, образованных словосложением или сложносуффиксальным способом, то в них в очень редких случаях такая перестановка морфем как будто возможна (ср. *половодье — водополье, блюдолиз — лизоблюд, зубоскал — скалозуб;* ср. также *водовоз* — польск. *woziwoda* и т. п.).

Как в простых, так и в сложных словах образующие их морфемы составляют слитное целое, иногда настолько тесное, что выделить и четко определить составляющие его морфемы оказывается затруднительным (ср. формы *приду, разину,* где *и* и *з* являются одновременно принадлежностью и приставки, и корня; слова *пнуть, бизнесмен* и т. п.).

В отдельных словах непроизводная основа, как правило, выступающая фонетически четкой и с вполне ясным значением, может являться и семантически ослабленной, а в звуковом отношении недостаточно выразительной. Это наблюдается, например, в таких словах, как *ел* (ср. *еда*), *надеть* (ср. *раздеть*), *обуть* (ср. *разуть*), *гнуть* (ср. *сгибать*), *ушла* (ср. *уходить*), *сожжение, пройти* и т. д.

В случае семантического ослабления непроизводной основы смысловой центр тяжести перемещается на тот или иной аффикс.

К такой десемантизации (правда, будучи фонетически четкими) способны и аффиксы: семантически опустошенными в известной степени являются префиксы *о-(об-)* и *с-* в словах *охота, облик, спокойствие, смерть,* суффиксы *-ик* в слове *ножик*, *-к(а)* в слове *ветка* и т. д.

В отдельных случаях словообразовательные процессы могут привести к тому, что исходная непроизводная основа совершенно исчезает, заменяясь иной, образующейся на базе аффиксов. Таким образом возникают слова „без корня". Примерами могут быть слова *Шурик* и *вынуть:* слово *Шурик* образовалось из трех суффиксов (*Александр* > *Саша* > *Сашура* > *Шура* > *Шурик*), слово *вынуть* — из приставки *вы-* и двух суффиксов *-ну-* и *-ть* (древнерусское *вынять*, где *н* — вставочный согласный, а корень *-я-* — ср. *снять, отнять, обнять, занять, принять* и др. — изменилось под влиянием слов типа *двинуть, кинуть* и т. д. в *вынуть*).

§ 132. Производная и производящая основы. Понятия непроизводной и производной основы не следует смешивать с понятием производящей основы.

Производящая (или образующая) основа — это основа, от которой образуется та или иная производная. В качестве образующей, производящей основы может выступать и непроизводная основа, и производная. В одних словах непроизводная основа является вместе с тем и производящей (например, в словах *холод-н(ый), от-би(ть), жи-знь, волч-иц(а)* и т. п.). В других словах эта основа — лишь корень производной основы, выступающей как производящая. Например, для основы слова *землянка* производящей основой будет *землян-*, а непроизводной — *земл'-;* для основы слова *покраснеть* производящей основой будет *красне(ть),* а непроизводной — *красн-* и т. д.

При анализе морфологической структуры слова, его строения и образования прежде всего необходимо учитывать соотношения, которые существуют между производной и производящей основами и между данным словом и ему родственными. При этом особое внимание следует обращать на уяснение того, от какой основы образована данная, соотносительна ли она с точки зрения фактов современного русского языка в своих семантико-грамматических свойствах с предполагаемой производящей.

Нельзя начинать словообразовательный анализ слова с выделения в нем непроизводной основы (иначе говоря — корня). Это ведет к тому, что слово расчленяется на части механически, способ его образования определяется неправильно, в анализируемом слове выделяются иногда не существующие в действительности морфемы и т. д.

Разбирая слово с словообразовательной точки зрения, необходимо, таким образом, в первую очередь учитывать реально существующие в настоящее время соотношения между основами слов и между словами вообще.

Рассматривая то или иное слово с предположительно производной основой, нужно учитывать, что если его современное смысловое значение не вытекает из его этимологического состава, а следовательно, и не соотносится со значением предполагаемого производящего слова, оно является корневым словом, словом с непроизводной основой. Естественно, что слово является корневым и в том случае, если в современном языке соответствующее слово с непроизводной основой, которое служило когда-то базой для словообразования, не существует вовсе, вообще исчезло уже из употребления. Поэтому не только такие слова, как *отец, ящик, окорок, чан, овца, казнь, тезка, убогий* и т. п., где этимологически составной характер основы вскрывается с трудом, лишь с учетом истории языка[1], являются с точки зрения современных словообразовательных связей непроизводными. Непроизводными следует признать также и слова с довольно прозрачным составным с этимологической точки зрения характером основы,

[1] *Отец* — ср. древнерусское прилагательное *отьнии* — „отцов"; *ящик* — ср. древнерусское *яскъ; окорок* — ср. болгарское *крак* — „нога"; *чан* — ср. древнерусское *дъщанъ* от *дъска; овца* — ср. старославянское *ѡвьнъ* — „баран"; *казнь* — ср. глагол *каяться; тезка* — ср. *тьзъ* в древнерусском „тот же самый"; *убогий* — ср. *богатый* и т. д.

вроде *порошок, пшеница, мещане, пряник, спичка, плотник, клубника, защита, влиять, рубанок, страница, виноград, косынка* и т. п., ибо данные слова не являются соотносительными в своем реальном значении со словами *порох, пшено, место, пряный, спица, плот, клубень, щит, лить, рубить, страна, вино* и *град, косой* и т. п.

Таким образом, установление связи, существующей между производящей и производной основами, позволяет прежде всего отделить подлинную производную, делимую на морфемы основу от только кажущейся производной.

Однако учет взаимосвязи производящей и производной основ позволяет не только отделить живое от принадлежащего истории языка и рассматривать факты, реально существующие в области словопроизводства в настоящее время (не существовавшие в прошлые эпохи языкового развития). Благодаря этому учету можно избежать механического членения производной и сейчас основы, можно избежать такого чисто формального разбора слова, который ведет к выделению на самом деле не существующих в разбираемой основе частей.

Например, при сравнении слов *упорность, человечность, горячность, будущность* вначале может показаться, что в них мы имеем один и тот же суффикс *-ость*. Но, выделив во всех перечисленных без исключения словах один лишь словообразовательный элемент *-ость*, мы совершим ошибку.

Сопоставление с соответствующими производящими основами доказывает, что здесь различные суффиксы: в словах *упорность, человечность* действительно имеется суффикс *-ость*, так как им соответствуют производящие основы — *упорн(ый), человечн(ый)*; в словах же *горячность, будущность* выделяется уже суффикс *-ность*, так как им соответствуют производящие основы — *горяч(ий), будущ(ий)*.

Было бы неправильным одинаково характеризовать основы слов *розоватый* и *беловатый* как основы с суффиксом *-оват(ый)*: в то время как в основе *беловат-* выделяется действительно один суффикс *-оват-* (ср. *белый*), в основе *розоват-* присутствуют два самостоятельных суффикса: суффикс *-ат-* (*розоватый — розовый*), суффикс *-ов-* (*розовый — роза*).

По соотношению с непроизводными основами, от которых они образованы, основа *слесарнича(ть)* (от *слесарь*) выделяет суффикс *-нича-*, основа *жаднича(ть)* (от *жадн(ый)*) — суффикс *-ича-*, а основа *мошеннича(ть)* (от *мошенник*) — суффикс *-а-* и т. д.

Таким образом, учет соотносительности производной и производящей основ дает возможность правильно, без ошибок определить выделяющиеся части производной основы в каждом отдельном конкретном случае.

Он же позволяет иногда определить действительный способ словообразования, использованный для производства того или иного слова, и уяснить порядок присоединения одной морфемы к другой, т. е. дает возможность установить правильную, реально существующую картину взаимоотношения морфем между собой в производном слове. Механическое членение слов на части в случаях *пар-о-ход-ств(о), по-красн-е(ть), сен-о-кос-и-лк(а), при-горок, за-город-к(а)* и др. не дает нам ясного и верного представления о том, как образованы данные основы, как связаны в них между собой составляющие их морфологические части. Это мы сможем сделать лишь тогда, когда поставим перед собой вопрос о том, от каких основ они образованы, с какими производящими эти производные основы соотносительны.

Слово *пароходство* соотносительно со словом *пароход* и, следовательно, представляет собой не сложение двух основ *пар-* и *ходств(о)*, а суффиксальное образование при помощи суффикса *-ств(о)* от сложного слова *пароход*. Слово же *сенокосилка* является уже словом сложным по своему способу словообразования, ибо оно соотносится со словами *сено* и *косилка*.

Этот же учет связи производной и производящей основ позволяет нам определить слово *покраснеть* (сделаться красным) как префиксальное образование от суффиксального глагола *краснеть*, слово *суглинок* как префиксально-суффиксальное образование при помощи одновременного присоединения суффикса *-ок* и приставки *су-* к основе *глин(а)*, слово *загородка* как суффиксальное образование от префиксального глагола *загородить* и т. п. Отмеченные соотношения морфем в перечисленных выше словах можно выразить таким образом: [*пар-о-ход*]*-ство*, *по*[*красн-е(ть)*], *сен-о*-[*(кос-и)-лк(а)*], *су-глин-ок*, *(за-город)-к(а)*.

§ 133. Словообразовательные и формообразующие аффиксы русского языка. Производная основа всегда, помимо непроизводной основы (иначе — корня), имеет также и те или иные служебные морфемы, выражающие дополнительные лексические или грамматические значения. Такие значимые части слова называются аффиксами. Среди них выделяются: суффиксы, префиксы (или приставки) и соединительные гласные.

Суффиксами являются служебные морфемы, которые располагаются после образующей основы: *том-**ик**, бел-**е**(ть), значк-**ист**, туман-**н**(ый)* и т. п.

Префиксы (или приставки) представляют собой служебные морфемы, которые находятся перед образующим словом, т. е. перед словом, от которого данное образовано: ***под**-групп(а), **за**-всегда, **со**-автор, **про**-нес(ти), **пере**-ли(ть)* и др.

Соединительные гласные *о, е* выступают между образующими данное слово основами: *верт-о-лет, машин-о-пись, светл-о-голуб(ой)* и т. д.

Аффиксом является также не входящее в основу слова, а лежащее за ее пределами окончание (флексия). Соединительные гласные всегда являются словообразовательными морфемами и наблюдаются лишь в сложных словах. Окончание выступает обычно только как формообразующий аффикс.

Суффиксы и приставки могут выступать и в качестве словообразующих элементов, и в качестве формообразующих элементов, т. е. для создания как самостоятельных слов, так и форм слов.

Большинство аффиксов или образуют только новые слова (такими являются, например, суффикс *-ость*, суффикс *-чив(ый)* и т. п.), или образуют только формы слов (такими являются, например, суффикс *-ыва-(ива-)* в глаголах, приставка *пре-* в именах прилагательных и т. д.).

Однако некоторые аффиксы могут быть как словообразовательными, так и формообразующими. Различное значение таких аффиксов в каждом конкретном случае зависит от лексико-грамматических особенностей производящей основы.

Более того в отдельных случаях аффикс может выступать как синкретическая морфема, совмещающая в себе и функцию выражения словообразовательного значения, и функцию выражения значения формообразующего. Особенно часто это можно наблюдать у приставок, но встречается совмещение словообразовательных и формообразующих функций также в суффиксах и окончаниях.

Так, указывают на совершенный вид и в то же время на начало действий (т. е. являются синкретическими формо-словообразующими морфемами) приставка *по-* в словах *побежать, полететь, понестись,* приставка *за-* в словах *зашагать, заиграть* и т. д.

Выступают как синкретические формо-словообразующие аффиксы окончания в словах типа *безголовый, длинноногий, сизокрылый;* суффиксы в словах типа *капелька, лесок, узелок, листик, кустик, простенький.*

Суффиксы и приставки отличаются друг от друга не только и не столько местоположением по отношению к производящей основе. Различие между ними значительно более глубокое.

1. Приставки в большей мере, чем суффиксы, способны выступать в роли омонимичного (то словообразующего, то формообразующего) элемента. Их значения в большей степени, чем значения суффиксов, зависят от того слова, к которому они присоединяются.

2. Диапазон действия у префиксов значительно у́же, чем у суффиксов. В качестве продуктивной морфемы для создания нового слова или формы сло́ва приставки бытуют лишь в области глагола и отглагольных образований. Суффиксы же наблюдаются в качестве активно производящих морфем во всех продуктивных категориях слов.

3. Префиксы всегда являются аффиксами внутреннего по отношению к образующей части речи действия. Нет ни одной приставки в русском языке, прибавив которую мы образовали бы слово другой части речи, нежели образующее. От глагола при помощи приставки можно образовать только глагол (*ходить — сходить, входить, проходить* и т. д.), от существительного — лишь существительное (*история — предыстория, отдел — подотдел* и т. д.) от прилагательного — только прилагательное (*интересный — неинтересный, мощный — сверхмощный* и др.) и т. д.

Среди суффиксов как словообразующих элементов в отличие от приставок, напротив, немало аффиксов внешнего по отношению к части речи действия, которые от основы слова одной грамматической категории образуют основу другой. Такими, например, суффиксами являются суффиксы *-тель, -льщик, -л(о), -нк(а), -ниj-, -ениj-, -к(а), -льн(я), -ок* и т. п., которые превращают глагольную основу в основу имени существительного.

4. Суффиксы образуют новые слова и формы слова, присоединяясь к основе образующего слова, префиксы — присоединяясь к слову в целом. Причем при образовании слова с помощью суффикса от глагола инфинитивное *-ть* отбрасывается. Исключениями являются такие слова, как *блюститель, женитьба, растительный* (ср. украинское *боротьба*), в состав которых инфинитив вошел целиком: *(блюс-ти)-тель, (жен-и-ть)-ба, (рас-ти)-тельный.*

5. В отличие от приставок суффиксы непосредственно и чрезвычайно тесно связаны с морфемами словоизменения.

В некоторых случаях в словах нельзя выделить соответствующего суффикса без учета его связей с окончанием. Так, в словах *лисий, человечий* и т. п. невозможно выделить суффикс *-j-*, при помощи которого данные прилагательные образованы от существительных, если игнорировать спаянность суффикса с окончанием, в частности, показания косвенных падежей: *лисьего — лисьему, человечьего — человечьему* и др. (т. е. [л'и́с'j] его, [л'и́с'j]-ему и т. д.).

Особым пофлексийным, т. е. находящимся после окончания, суффиксом является *-ся (-сь)*. Этот аффикс наблюдается только в глагольных образованиях (личных формах, причастиях, деепричастиях). В большинстве случаев аффикс *-ся* выступает в виде частицы залогового значения, т. е. как формообразующая морфема (ср. *литься, рассердиться, броситься* и т. д.). Вместе с тем в ряде образований он приобретает значение и словообразующего элемента, выступая при словопроизводстве или одновременно с приставкой (ср. *расплакаться, присоседиться, разгуляться, вчитаться* и др.), или одновременно с суффиксом (*столоваться, гордиться, церемониться* и т. д.).

Все те новые лексико-грамматические значения слова, которые придают слову суффиксы и префиксы, образуются в слове благодаря их собственным значениям. Так, префикс *не-* имеет значение отрицания или противоположности, суффикс *-щик* имеет значение действующего лица и т. д.

Разбирая по составу то или иное слово, приходится констатировать, что членение его на морфологические части зависит в первую очередь от того, с каким словом как образующим соотносится по своей семантике анализируемое.

Так, слово *стяжательство* может членяться и на *(стяжа)-тельств(о)* и на *(стяжа-тель)-ств(о)* в зависимости от того, соотносится ли оно со словом *стяжать* или со словом *стяжатель*. Если на первый план в слове *стяжательство* выдвигается значение состояния, будет правильным его деление на *(стяжатель)-ств(о)*. Если на первый план в нем выдвигается значение действия, правильным будет его деление на *(стяжа)-тельств(о)*. Эту же омонимию словообразовательной формы будем наблюдать в словах *нескромность: не-(скромн-ость)* — от *скромность, (нескромн)-ость* — от *нескромный; пустяковина: (пустяк)-овин(а)* — от *пустяк, [(пуст-як)-ов]-ин(а)* — от *пустяковый* и т. п.

Так как морфологический анализ не ограничивается только правильным делением слова на морфологические части, его составляющие, а включает в себя в качестве не менее важного элемента и определение семантики и взаимоотношения этих морфологических частей, важно учитывать и омонимию в аффиксах. Подобного рода омонимия как следствие проявления внутренних законов языка, наблюдается как в приставках и суффиксах, так и в окончаниях. Достаточно указать, например, на такие омоморфемы, присоединяющиеся к образующей основе, как приставки *с-* (ср. *сделать работу* и *сбросить камень*), *за-* (ср. *заржаветь* и *запеть*), *о-* (ср. *обежать* и *овдоветь*), *по-* (ср. *похудеть* и *поплыть*), суффиксы *-ик* (ср. *старик* и *ластик*), *-е-* (ср. *синеть* и *видеть*), *-ну-* (ср. *прыгнуть* и *сохнуть*), *-к(а)* (ср. *ручка, резка, зачетка, рязанка, писака*), *-ок* (ср. *десяток, ездок, лесок, прыжок*), окончания *-а (вода, стола, пошла, острова, со ста рублями), -у (пилу, кваску, несу, в лесу), -ой (водой, лесной), -ем (несем, конем)* и т. д.

Конкретизация роли и семантики того или иного аффикса происходит в слове; только здесь аффикс полностью проявляет себя в качестве словообразующего или формообразующего элемента, окончательно уточняет свое значение.

§ 134. Морфематические связи и продуктивность словообразовательных и формообразующих аффиксов. Каждая морфема имеет вполне определенный круг слов или основ, с которыми она может сцепляться в процессе формообразования и словопроизводства, образуя те или иные слова или их формы. Каждый аффикс, иначе говоря, имеет вполне определенные морфематические (словообразовательные или формообразующие) связи.

Круг слов и основ, в пределах которых выступают формообразующие аффиксы, имеющие определенное лексико-грамматическое значение, как правило, является чрезвычайно широким, охватывая обычно многие слова того или иного грамматического класса. Так, окончания *-ый (-ий), -ая (-яя), -ое (-ее)* свойственны подавляющему большинству имен прилагательных, окончание 1-го лица единственного числа настоящего времени *-у (-ю)* не известно лишь единичным глаголам типа *дам, ем* и т. д.

Круг слов и основ, в сфере которых употребительны те или иные словообразовательные аффиксы, оказывается зависимым от характера слова или основы в значительно большей степени. Так, суффикс *-тель* образует имена существительные только от глагольных основ (главным образом от основ переходных глаголов, оканчивающихся на гласный звук).

В этом противопоставлении характера взаимосвязей, существующих между словом и основой и формообразующими, с одной стороны, и словообразующими аффиксами, с другой, ясно проявляется разница между грамматической абстракцией и абстракцией лексико-словообразовательной.

В процессе развития и совершенствования русского языка ряд словообразовательных и формообразующих элементов изменил (расширил или, наоборот, сузил) свои связи, а вместе с этим и свою продуктивность, т. е. свои производящие качества. Так было, например, с суффиксом *-ость*, продуктивность которого в древнерусском языке (вплоть до XVII в.) была небольшой и ограничивалась в своих словообразовательных связях по существу пределами непроизводных основ имен прилагательных.

Так было, например, с первоначально свойственным только словам среднего рода окончанием им. пад. мн. числа *-а*, которое с течением времени довольно широко распространилось и в существительных мужского рода.

Между разнообразием и определенностью морфематических связей того или иного аффикса и его продуктивностью, его производящими качествами существует постоянное взаимоотношение.

Чем шире и богаче связи данного аффикса со словами и основами, тем он продуктивнее, и наоборот. Рассматривая отдельные лексико-грамматические группы, мы сталкиваемся с тем, что рядом со структурно разнообразными группами слов и форм, количественно очень богатыми, существуют группы, имеющие однообразное строение и насчитывающие два-три десятка, а то и того меньше примеров. Причем если в первой группе встречаются слова и формы, возникшие недавно и интенсивно продолжающие появляться и сейчас, то во второй наблюдаются слова и формы, которые в русском языке были известны много лет назад (ср., например, слова на *-ость*, насчитывающие десятки сотен слов как давнего, так и совершенно нового происхождения, и слова с суффиксом *-изн(а)*, представляющие собой небольшую группу слов (*белизна, голубизна, желтизна, крутизна, левизна, новизна, прямизна, кривизна* и некоторые другие), в которой нет ни одного слова, появившегося в русском литературном языке позже первой половины XIX века; формы сравнительной степени на *-ее*, постоянно появляющиеся сейчас от новых качественных прилагательных (*революционнее, динамичнее, простодушнее, принципиальнее, эмоциональнее* и т. д.), со старыми, давно возникшими и не пополняющимися новыми образованиями формами на *-ше, -е* и *-ший* вроде *больше, моложе, горший* и т. п.).

Это объясняется различной продуктивностью морфем, образовавших или образующих соответствующие группы слов и форм.

Все аффиксы с точки зрения их действенности в образовании новых форм и слов делятся прежде всего на две группы: живые, выделяемые в слове совершенно свободно с точки зрения современного языкового сознания, и мертвые, выделяющиеся в слове только с этимологической точки зрения, после специальных разысканий. Естественно, что мертвые аффиксы являются тем самым и необразующими.

Словообразовательные и формообразующие элементы, выделяющиеся с точки зрения современных языковых соотношений, делятся на три вида:

1. Непродуктивные морфемы — морфемы, выделяющиеся в слове, но в настоящее время не производящие новые слова и формы.

2. Продуктивные морфемы — морфемы, не только выделяющиеся, но и активно производящие новые слова и формы, морфемы, наблюдаемые во многих словах нового происхождения, с разносторонними и богатыми связями.

3. Малопродуктивные морфемы — такие выделяющиеся морфемы, при помощи которых новые слова и формы образуются очень слабо.

Наиболее ясна, конечно, граница между продуктивными и непродуктивными аффиксами, наименее — между непродуктивными и малопродуктивными. Особенно это относится к словообразовательным элементам.

Мертвыми в русском языке в настоящее время являются такие элементы, как суффиксы *-р-* (*бодрый, острый, пир, курица, мокрый* и т. п.), *-к* (*звук, знак, злак, клык* и др.), *в* (*нрав, гнев*), окончания *-ом* (*поделом*) в дат. пад. мн. числа, *-ех* (из *-ьхъ*, ср. *во облацех*) в предл. пад. мн. числа и т. д.

Как непродуктивные аффиксы могут быть охарактеризованы, например, суффиксы *-ырь* (*пустырь*), *-нь* (*ругань, пристань*), *-авиц(а)* (*красавица*), *-ш(а)* (*крыша*), *-д(а)* (*вражда, кривда*), *-шеств(о)* (*пиршество, новшество*), приставки *пра-* (*правнук*), *пре-* (*пресечь, преувеличить*), *низ-* (*низводить, ниспадать*), *воз-* (*возлюбить, воспламенить*), тематический суффикс *-о-* в глаголе (*колоть, молоть, полоть*), окончание *-м* в 1-м лице ед. числа настоящего времени (*дам, ем*), окончания *-а, -у* в род. и дат. падежах ед. числа притяжательных прилагательных, окончание существительных *-ьми* в твор. пад. мн. числа (*лошадьми*) и др.

Эти элементы свободно выделяются и в словах, и в формах, но среди слов и форм, образованных при их помощи, обычно нет недавних образований.

Круг слов, в которых они выделяются как значимые части, очень небольшой; очень часто он ограничивается несколькими единичными образованиями. Так, в качестве слов с суффиксом *-чак* можно назвать только *весельчак* и *смельчак*, с суффиксом *-ис(а)*

в настоящее время (исключая устаревшие и уже не употребляющиеся типа *директриса*) употребляется только слово *актриса*; окончание *-а* для всех косвенных падежей встречается лишь в числительных *сто, сорок, девяносто*, форма на *-ян* характерна лишь для слов *семян* и *стремян* и т. д.

Среди малопродуктивных аффиксов, при помощи которых язык слабо пополняется новыми лексическими единицами и их формами, связи которых являются узкими и очень ограниченными, можно отметить словообразующие суффиксы *-ач, -ышк(о), -ат(ый), -ан(ый), -ян(ый)*, приставку *ультра-*, формообразующие суффиксы *-ушка, -енький*, окончание им. пад. мн. числа существительных *-е* и т. д.

Как продуктивные словообразовательные и формообразующие морфемы могут быть охарактеризованы суффиксы *-ств(о), -ниj-* (*-ениj-*), *-чик* (*-щик*), *-ыва-* (*-ива-*), *-нича-*, приставки *архи-, до-, раз-, вы-*, подавляющее большинство падежных окончаний существительных и прилагательных, личных окончаний глаголов и т. д.

Иногда действенность одного и того же аффикса является разной в образовании структурно и семантически различных слов и форм. Например, суффикс *-тель*, малопродуктивный в настоящее время как словообразовательный элемент для образования имен со значением действующего лица, в то же время является продуктивным суффиксом для образования слов — наименований действующего предмета (*выключатель, обогреватель, выпрямитель* и т. д.).

Суффикс *-лив(ый)*, являясь очень продуктивным для образования прилагательных от глаголов с выключением из основы последних классового показателя, представляет собой непродуктивную морфему для образования слов от глагольной основы, включая классовый показатель (ср. давние и единичные образования *горделивый, молчаливый, терпеливый*).

Окончание *-ов*, очень продуктивное у слов мужского рода 1-го склонения, является малопродуктивным и очень ограниченным в своих связях в словах 1-го склонения среднего рода, в которых оно встречается (исключая *облако*) лишь при суффиксальных основах, включающих суффиксы *-к(о), -ик(о), -ц(е), -j-* и т. д.

§ 135. Словообразовательные элементы иноязычного происхождения. В составе словопроизводственных морфем современного русского литературного языка, помимо исконно русских, иногда даже общеславянских, существуют словообразовательные элементы, заимствованные из других языков (*-изм, -аж, -ия, -ер* и т. п.). Удельный вес такого рода иноязычных фактов в русском языке очень небольшой, и они не играют существенной роли в его словообразовательной системе. Такое весьма скромное место в системе русского словообразования иноязычных суффиксов и приставок (а в русском языке имеются и те и другие) определяется не только их сравнительно небольшим количеством, но и их спе-

цифическими словообразовательными связями и образовательными, творческими возможностями.

Весьма характерно, что заимствованные словообразовательные морфемы почти всегда в своей массе наблюдаются в таких словах, которые, как правило, не входят в число общеупотребительных слов и являются словами иноязычного происхождения (ср. приставки *а-, экстра-, ре-, дис-, интер-*, суффиксы *-ит, -ат, -ант, -ионер* и др.).

Очень немного среди иноязычных словообразовательных элементов таких, которые легко сцепляются с исконно русскими основами, образуя целые словообразовательные ряды и тем самым ясно проявляя свою продуктивность в русском языке (ср. образования от русских по происхождению основ с приставкой *анти-: антинародный, антинаучный, антиобщественный, антисоветский, антихудожественный;* с суффиксом *-ист: баянист, значкист, очеркист, пушкинист, связист, хвостист, чекист;* ср. также образования с аффиксами *архи-* — типа *архинужный, -ирова(ть)* — типа *яровизировать*).

Обычно же они если и встречаются за пределами иноязычных по происхождению слов, то лишь в единичных словах (ср. такие слова, как *соломит, ухажер, славянофил, болтология, старостат, теплофикация, шагистика, верхотура, ультракороткий* и т. п.).

Для большинства имеющихся в русском языке иноязычных по происхождению морфем является не менее характерным также и тот факт, что они очень часто бытуют в связанных основах и в ряде случаев выделяются с большим трудом.

При словообразовательном анализе слова с иноязычными аффиксами, в котором и непроизводная морфема является по происхождению иноязычной, заимствованной, особенно важно, в силу изложенного выше, не выходить за пределы словообразовательной системы русского языка, не переносить в него тех отношений и связей, которые существуют между анализируемым словом и ему родственными в языке-источнике. Неправильно в словах *студент* и *доцент* выделять суффикс *-ент,* имеющийся в словах *оппонент, референт* и т. п., в словах *гараж* и *пассаж* — суффикс *-аж,* имеющийся в словах *массаж, тоннаж* и т. д.

Существование суффикса *-ент* в словах *оппонент, референт,* суффикса *-аж* в словах *тоннаж, массаж* подтверждается наличием в русском языке рядом с ними слов, содержащих ту же непроизводную основу (ср. слова *оппонировать, реферировать, тонна, массировать*). Рядом же со словами *студент* и *доцент, гараж* и *пассаж,* кроме производных от них слов (ср. *студенчество, доцентский, гаражный* и пр.), в русском языке никаких других слов не существует. Поэтому выделять в них суффиксы *-ент, -аж* нельзя, ибо в данных словах в русском языке этих суффиксов нет. Выделение в них суффиксов ведет за пределы словообразовательных соотношений, существующих в русском

языке, в область словопроизводственных связей языка-источника (*доцент* и латинское *docere* — „учить", *doctor* — „учитель", *doctus* — „ученый" и т. д.; *студент* и латинское *studere* — „ревностно заниматься, учиться", *studium* — „учебные занятия", „изучение"; *гараж* и французское *garer* — „ставить в гараж"; *пассаж* и французское *passer* — „проходить, проезжать" и т. п.).

§ 136. Изменения в морфологическом строении слова. Морфологическая структура слова является таким же историческим явлением, как и его звуковая оболочка, лексическое значение и грамматические свойства. Это означает, что то строение, которое характерно для того или иного слова в настоящее время, вовсе не обязательно должно быть свойственно ему раньше.

При установлении современных словообразовательных связей производной и производящей основ следует иметь в виду, что производная основа по отношению к производящей не всегда окажется действительно от нее образованной. Вопросы определения действительного образования слова от какого-либо другого и установления существующей в настоящее время словообразовательной соотнесенности данного слова с другими в ряде случаев оказываются разными вопросами. Например, слово *готовность* было образовано при помощи суффикса *-ость* от прилагательного *готовный* (ср. диалектные образования: *грубность* при *грубный, малность* при *малный, тверезность* при *тверезный* и т. д.), но в настоящее время осознается (в силу выпадения из литературного языка слова *готовный*) образованием от слова *готовый* с суффиксом *-ность:* слово *тропинка* образовалось при помощи суффикса *-к(а)* от имени существительного *тропина,* но ввиду того, что слово *тропина* исчезло из общенародного языка, для современного языкового сознания слово *тропинка* является существительным с суффиксом *-инк(а)* от слова *тропа*[1].

Аналогичное явление можно отметить для слова *дороговизна,* которое было образовано (как слово *укоризна* от *укор,* слово *головизна* от *голова* и т. д.) при помощи суффикса *-изн(а)* от существительного *дороговь:* из-за исчезновения слова *дороговь* в русском языке слово *дороговизна* в настоящее время выделяет уже суффикс *-овизн(а)* и соотносится непосредственно с прилагательным *дорогой.*

Все эти случаи говорят об изменении морфологической структуры слов в процессе их употребления в языке.

Основными факторами, приводящими к изменению словообразовательного характера основы того или иного слова, являются всякого рода нарушения прямого соотношения между производной и производящей основами.

Слово, образованное каким-либо способом словообразования от того или иного слова, по ряду причин перестает с ним (если по-

[1] Когда-то существовавшее слово *тропина,* которое послужило производящей основой для слова *тропинка,* сохранило следы своего свободного употребления в фамилии *Тропинин* (автор известного портрета А. С. Пушкина).

следнее не исчезает из языка вообще) соотноситься или начинает связываться не с целой его основой, а с ее частью.

В качестве причин, вызывающих изменение в морфологической структуре слова, прежде всего следует назвать следующие:

1) изменения в лексических значениях первоначально соотносительных производных и производящих основ;

2) изменения в фонетическом облике слов;

3) выпадение из языка некоторых устаревших слов, ранее служивших для образования новых слов, т. е. выпадение соответствующих данным словам производящих или же родственных слов;

4) воздействие на морфологическое строение одного слова морфологической структуры других слов, как правило, представляющее собой влияние морфологической структуры продуктивного типа слов на морфологическое строение слов, принадлежащих к непродуктивному типу или этимологически изолированных.

Эти процессы вызывают к жизни явления, называемые терминами „опро́щение“, „переразложение“ и „усложнение“.

Под о п р о́ щ е н и е м основы слова понимается такое изменение в его морфологическом строении, при котором основа, ранее делившаяся на морфемы, становится нечленимой, непроизводной. Факт опро́щения морфологической структуры слова наблюдается, например, в таких словах, как *тать, спасти, ежевика, позор, опять, живот, тучный, лобзать, посетить, прачка, скрупулезный, пасмурный, оплот, кануть, здесь, долото, русый* и т. д.

Все перечисленные слова в настоящее время являются словами с непроизводной основой; такими по морфологической структуре они стали в силу различных процессов. Так, опро́щение слов *тать, ежевика, живот, опять, оплот, позор, спасти* объясняется разрывом их смысловых значений в процессе употребления со смысловыми значениями слов, на базе которых они возникли (именно со значениями слов *таить, еж, жить, пята, плести — плетень-плот, зреть — зоркий — зрак, пасти*). Опро́щение слов *кануть, здесь, русый, долото* является результатом фонетических изменений: в слове *кануть* произошло в очень давнюю эпоху упрощение сочетания согласных *пн* в *н*, в слове *здесь* (из *сьдесь*) — с падением „редуцированных“ озвончение *с* перед *д*, в слове *долото* (из **dolbto*) и *русый* (из **rudso-*) — упрощение групп согласных еще в общеславянскую эпоху. Изменения в огласовке этих слов оторвали их от родственных им слов *капать, сей, долбить, рудый* и *румяный* и т. д. Опро́щение слов *тучный, лобзать, посетить, прачка, пасмурный, ретивый, скрупулезный* произошло в силу исчезновения из языка соответствующих производящих и родственных слов (именно слов *тукъ* — „жир“, *лобзъ* — „поцелуй“, *смурый* (ср. *хмурый*, повар *Смурый*), *реть* — „распря“, „спор“; *скрупул* — старая аптекарская единица веса, равная 1,24 грамма).

Нередко названные выше первые две причины выступают вместе. Так, например, тот факт, что слова *узы, союз, узел* пережили

процесс опрощения и являются сейчас в словообразовательном отношении несоотносительными, объясняется как расхождениями в значении этих слов, так и разрывом близости в звучании.

Процесс опрощения играет в русском языке очень большую роль, так как он дает языку возможность пополняться новыми словами с непроизводной основой, обогащать свой запас корневых слов.

Благодаря процессу опрощения, если он проявляется в целом ряде одноструктурных с морфологической точки зрения слов, производящие словообразовательные элементы переходят в непродуктивные, а подчас и исчезают вовсе. Например, не существует уже в современном русском языке суффикс *-р-*, этимологически выделяющийся в словах *пестрый, старый, добрый, хитрый, жир, дар, ядро,* существовавший в слове *брат* (**bratro-*) и т. д.

Не менее важным процессом, касающимся морфологического состава слова, является и переразложение. П е р е р а з л о ж е н и е — это такое перераспределение морфемного материала внутри слова, которое ведет к иному, чем это было раньше, членению слова[1]. В результате этого процесса слово, продолжая быть морфологически составным, членимым единством, начинает выделять в своем составе новые морфологические части. Именно этот процесс отмечался выше для слов *тропинка, готовность* и *дороговизна*.

При переразложении обычно наблюдается или своеобразный процесс поглощения одним словообразовательным элементом другого, представляющего часть образующей основы, или растворение словообразовательного элемента в корне. Например, в слове *жилище* суффикс *-ище* (слово *жилище* было образовано от существительного *жило*)[2] включил в себя суффикс *-л-*, в слове *распятие* суффикс *-ij-* (слово *распятие* является образованным от страдательного причастия *распят*) включил в себя суффикс *-т-* и т. д.

Процесс переразложения играет не менее значительную роль в словообразовательной системе языка, чем опрощение. В первую очередь именно благодаря ему русский язык обогащается новыми словообразовательными аффиксами, новыми моделями образования слов. Появляясь первоначально в отдельных словах, переживших процесс переразложения, получая проверку временем, подавляющее большинство из вновь образовавшихся таким образом словообразовательных элементов становится продуктивными, образующими.

Именно благодаря переразложению появились в русском языке такие словообразовательные элементы, как, например, суффикс

---

[1] Только тогда, когда „переразложение“ слова является следствием „опрощения“ образующей основы, при этом процессе (ср. *важ-ьн-ость* > *важн-ость*) происходит растворение словообразовательного элемента в корне.

[2] Слово *жило* употреблялось в русском литературном языке еще в XIX веке: *Почему думаешь ты, что жило недалече? А потому, что ветер оттоле потянул,— отвечал дорожный,— и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко. (П.)*

отглагольных имен действия *-ниj-, -ениj-*, суффикс отыменных глаголов *-нича-*, суффиксы уменьшительно-ласкательного значения *-инк-, -очк-, -ушк-*, своеобразный вариант суффикса *-ость* — суффикс *-ность* (ср. *будущность, непреходящность*[1], *всеобщность*) и т. д.

Чаще всего таким образом возникают новые суффиксы, но есть в современном русском языке и образовавшиеся путем переразложения основы слóва приставки. К ним относятся, например, префиксы *обез-* и *недо-*, возникшие путем слияния в один словообразующий элемент двух морфем *о-без-, не-до-* (ср. *обескровить, обезболить, обессилеть, обезвредить, недодумать, недоучет* и т. п.).

Изменение словообразовательного облика слова, как выше указывалось, может происходить и в результате воздействия на его морфологическую структуру морфологического строения слов, относящихся к продуктивным образованиям, т. е. в результате различных видов аналогии. Это явление заключается в том, что под влиянием продуктивных образований того или иного строения основы стоящее обособленно слово подводится под соответствующий разряд и начинает, если не превращается в слово с неделимой основой, члениться на морфемы вопреки этимологии. В ряде случаев эти изменения приводят к тем же самым явлениям, о которых только что говорилось, т. е. к опрощению и переразложению. Именно аналогия привела, например, к тому, что в слове *вожатай* (ср. *Но я молю тебя, поклонник верный твой, Будь мне* ***вожатаем*** *(П.); Уж ангел предо мной,* ***вожатай*** *оных мест (Батюшк.)* и т. д.) под влиянием прилагательных часть суффикса *-атай* превратилась в окончание *-ый*, а часть стала новым самостоятельным суффиксом, в результате чего это существительное стало склоняться, как прилагательное. Она же повлекла за собой перестройку структуры слов *зодчий, кормчий* и т. п., образованных при помощи суффикса *-чий* (первоначально *зодчия, кормчия*, ср. *казначей*), но сейчас, как и прилагательные, выделяющих флексию *-ий*. Влияние структуры продуктивных образований на строение особняком стоящего слова привело к процессу переразложения и в слове *опенок*, образованном от слова *пень*, но сейчас с ним несоотносительном. Под влиянием слов типа *теленок, поросенок* и т. д. *-ен-* в этом слове было отнесено с суффиксу *-ок*, в результате чего слово *опенок* получило и во множественном числе форму основы, характерную для слов типа *теленок, поросенок* и т. д.: *опята* (как *телята, поросята*).

Особый случай переразложения можно отметить относительно слова *отворить*, которое под влиянием глагола *творить* было осознано как образование не с приставкой *от-*, а с приставкой *о-*. В результате от возникшей таким образом новой основы *творить* появились (старый корень *вор* — наблюдается в словах *ворота, верея, вериги, заворина* и т. д.) глаголы *затворить, притворить, растворить* и т. д.

[1] Слово принадлежит к неологизмам В. Г. Белинского.

Иногда явление аналогии в словообразовании может приводить и к третьему процессу, к процессу „осложнения“ основы: слово, ранее имевшее непроизводный характер, начинает делиться, распадаться на части. Этот процесс не является существенным в русском языке, но все же вовсе не учитывать его нельзя.

Так, заимствованное слово *зонтик* по аналогии со словами *листик, носик, домик* и т. д. дало непроизводную основу *зонт-* и суффикс *-ик* (сложное в голландском языке слово *Zonnedeck* для русских первоначально было корневым, как это можно отметить сейчас для сложных по происхождению французских слов *гардероб, кашне, плацдарм* и т. п.). Этимологически не оправданное выделение суффикса *-ьн-* — по аналогии с именными (т. е. краткими) прилагательными *вѣрьнъ, грѣшьнъ, бѣдьнъ, вѣрьна, грѣшьна, бѣдьна* и т. п. в древнерусском языке наблюдается в непроизводных первоначально основах слов *теремьнъ* (передача греческого τερεμνον) и *ехидна* (ср. греч. ἐχιδνα), в результате чего появляются новые корни *терем* и *ехида*.

Таким образом, анализируя состав того или иного слова с морфологической точки зрения, следует всегда помнить, что многие слова за время своего существования в русском языке изменили свою морфологическую структуру.

Словообразовательный разбор слова устанавливает место данного слова со стороны его морфологической структуры среди других слов современного языка с точки зрения существующей системы русского словообразования. Так как эта система является весьма устойчивой, сохраняется в своей основе в течение очень длительного времени, то в подавляющем большинстве слов установление их словообразовательного характера в ряду других слов современного языка оказывается и определением их действительного образования от того или иного слова, их происхождения.

Что же касается слов, изменивших по той или иной причине свое морфологическое строение и, следовательно, по этой причине свое место среди других слов, то для них словообразовательный разбор не будет ответом на вопрос о их действительном образовании от какого-либо слова. На вопрос о том, как образовались такие слова, ответ дает уже этимологический анализ. Такой анализ слова при умелом его использовании поможет лучше познать существующий в настоящее время словообразовательный характер того или иного слова, разъяснить его смысловое значение, обосновать его современное написание и т. д.

Естественно, что этимологический анализ нельзя смешивать с делением слова на морфемы с точки зрения современных языковых связей и соотношений. В то время как словообразовательный анализ дает нам картину морфологического строения рассматриваемого слова в настоящем, этимологический анализ рисует его прошлое, иногда весьма отдаленное.

ЧАСТИ РЕЧИ

§ 137. Части речи в современном русском языке. Разнообразные по своим значениям и грамматическим признакам слова современного русского языка объединяются в лексико-грамматические разряды слов, называемые частями речи.

При отнесении того или иного слова к определенной части речи учитывается вся совокупность характерных для него как для единицы языка черт, в первую очередь его обобщенное значение, морфологические свойства и характер синтаксического употребления. Только такой целостный анализ семантики, системы морфологических форм и характера синтаксических функций в предложении гарантирует, с одной стороны, выделение действительно существующих структурно-семантических разрядов слов и, с другой стороны, правильное отнесение того или иного слова к определенной части речи. Так, для отнесения слов в категорию глагола недостаточно, чтобы они только обозначали действия или состояния. Необходимо, чтобы они выражали это действие или состояние в формах лица и числа, вида и времени и т. д. При учете одной семантики в разряд глагола пришлось бы включать и такие образования, как *сформирование, постройка, бег* и пр., и такие слова, как *брысь, тпру* и т. д., являющиеся на самом деле одни — существительными, другие — междометиями.

При учете одних только морфологических признаков и синтаксического употребления слова *этот, такой, мой, ваш, чей, который* и т. п. следовало бы отнести к прилагательным, тогда как они являются на самом деле (на что указывает их особая местоименная семантика) различными местоимениями.

Без учета специфических синтаксических функций окажутся в одном разряде слов такие слова, как *наголову* и *налицо* и др., из которых первое будет наречием (*разбить врага наголову*), а второе — словом категории состояния (*все оказались налицо*) и т. д.

Среди слов современного русского языка выделяются прежде всего два больших, количественно неоднородных разряда слов — слова самостоятельные и слова служебные.

Слова самостоятельные представляют собой слова, имеющие как лексические, так и грамматические значения. В предложении они всегда являются каким-либо (главным и второстепенным) членом предложения.

Словами служебными называются слова, имеющие только грамматические значения. Они либо выражают отношения между словами в предложении, либо придают им определенные оттенки значения.

Особо стоят, отделяясь как от самостоятельных, или полнозначных, так и от служебных слов, модальные слова и междометия.

В полнозначных словах, обладающих назывной функцией и, следовательно, обозначающих те или иные явления действительности, выделяются имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения, наречия, глаголы и слова категории состояния (иначе — предикативы).

Эти разряды и составляют собственно части речи — структурно-семантические группы слов, отражающие в себе разнообразные явления действительности (предметы, качества, действия и т. д.). Среди них имена, местоимения и глаголы обладают богатыми и разнообразными системами словоизменения; что же касается наречий и слов категории состояния, то они, напротив, характеризуются отсутствием форм словоизменения.

В сфере полнозначных слов ярко выделяются по своей семантике местоимения и числительные. Первые выступают собственно не как названия, а как их указательные заменители, в соответствии с этим лишь указывая на предмет, признак или отношения (ср. *я* и *студент, мое выступление* и *выступление артиста, этот подъезд* и *подъезд дома № 14* и т. д.). Вторые имеют особое числовое значение.

Разряд служебных слов (их иначе называют частицами речи) образуют слова, лишенные самостоятельной номинативной функции. Это предлоги, союзы и частицы. Предлоги являются средством выражения отношений между словами и, следовательно, между явлениями действительности, ими обозначаемыми. Союзы выступают как связочные слова, объединяющие слова и предложения. Частицы служат для выражения смысловых и эмоционально-экспрессивных оттенков слов, словосочетаний и предложений.

Все служебные слова совершенно лишены форм словоизменения и в своем собственном значении никогда не являются членом предложения.

Вне этой системы полнозначных и служебных слов находятся (несоотносительные и друг с другом) модальные слова и междометия. Модальные слова служат для обозначения или отношения говорящего к сообщаемому, или отношения сообщаемого к действительности. Междометия выражают различные чувства и волевые движения. С морфологической точки зрения модальные слова и междометия характеризуются неизменяемостью, в синтаксическом отношении для них характерным оказывается не только неспособность быть членами предложения, но и неспособность входить в „состав“ предложения.

Принадлежность того или иного слова к определенной части речи не является чем-то абсолютным. В языке в процессе совершенствования грамматического строя и обогащения словарного состава широко известны переходы слов из одного структурно-семантического разряда слов в другой. Так, в современном русском языке можно найти случаи перехода существительных в наречия (*осенью, вихрем, ощупью*), имен прилагательных — в существительные (*дежурный, горючее, горничная, пожарный* и т. п.); переход причастий в прилагательные (***выдающийся*** *человек,* ***прошедший*** *год,* ***волнующее*** *событие,* ***ошеломляющее*** *впечатле-*

ние, потрепанная книга и т. д.); переход существительных и наречий в предлоги (*около, мимо, путем, посредством* и т. д.) и пр.

Однако во всех таких случаях, собственно, наблюдается образование отдельных новых слов (с помощью морфолого-синтаксического способа словообразования), не затрагивающее ту или иную часть речи в целом.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 138. Имя существительное как часть речи. Имя существительное представляет собой разряд слов, имеющих значение предметности и обладающих грамматическими категориями рода, числа и падежа, а также одушевленности и неодушевленности.

С семантической точки зрения слова, являющиеся именами существительными, чрезвычайно разнообразны (ср. *ваза, озеро, Волга, Орел, медведь, слесарь, чтение, сон, желтизна, медлительность, будни* и т. д.), однако все имеют одинаковое общее — предметное — значение.

Среди имен существительных наблюдаются не только слова, обозначающие живые существа, конкретные предметы и явления объективной действительности (*сварщик, сестра, лягушка, пол, кровать, колхоз, весна, дождь* и т. п.), но и слова, обозначающие разнообразные отвлеченные понятия, в том числе качества и свойства, действия и состояния (*ужас, измена, пренебрежение, синева, бледность, прыжок, косьба, совершенствование* и др.).

Как известно, качества и свойства обозначаются также и, главное, чаще всего прилагательными, а действия и состояния — глаголами. Разница в выражении качеств и свойств именами существительными, с одной стороны, и прилагательными, с другой, заключается в том, что свойство или качество, обозначенное прилагательным, всегда выражается как обязательно принадлежащее какому-нибудь предмету или явлению, в то время как в существительном это свойство или качество выражено самостоятельно, в отвлечении от того предмета или явления, которым оно присуще, ср.: *прямой* (*прямой путь, прямая линия* и т. д.) и *прямизна, внимательный* (*внимательная студентка, внимательное отношение* и пр.) и *внимательность* и т. п.

Разница в выражении действий и состояний именами существительными, с одной стороны, и глаголами, с другой, состоит в том, что действие или состояние, выраженное глаголом, всегда является протекающим во времени и обычно связано с производителем, в то время как в существительном это действие или состояние выражено абстрактно, всегда в отвлечении от производителя и вне протекания во времени. Именно этим отличаются друг от друга слова *ходить* (*хожу, ходил бы, будешь ходить* и т. д.) и *ходьба, спать* (*спал, спите, спим* и т. д.) и *сон* и т. п.

Имена существительные как слова предметного значения с морфологической точки зрения характеризуются родом, числом и падежом, а также категорией одушевленности и неодушевленности. Любое существительное, за исключением употребляющихся только во множественном числе, обязательно относится к одному из трех родов, т. е. является или словом мужского (*сентябрь, крик, выход, писатель* и др.), или словом женского (*вода, вырезка, мышь, шея* и т. д.), или словом среднего рода (*окно, резюме, решение* и т. п.).

Каждое существительное представляет собой или форму единственного (ср. *товарищ, песня, детвора, чтение* и т. д.), или форму множественного числа (*товарищи, песни, щипцы, объедки, сутки* и т. п.).

Находясь в форме единственного числа, существительные или обозначают один предмет в ряду однородных (*зеркало, приказ, сомнение* и т. п.), или, если употребляются только в единственном числе, служат названием множества, являющегося в виде неразложимой совокупности однородных предметов (*листва, профессура, студенчество* и др.). Являясь в форме множественного числа, существительные или выражают неопределенное количество однородных предметов (*зеркала́, приказы, сомнения, сани, ножницы, ясли* и т. п.), или, если употребляются только во множественном числе, обозначают один предмет в ряду однородных (*сани, тиски, ножницы, ворота, брюки* и т. п.).

Особые значения, по происхождению вторичные и непосредственно с понятием числа не связанные, наблюдаются у отдельных разрядов форм единственного и множественного числа в вещественных, абстрактных и собственных именах.

Все существительные обязательно являются словами, употребляющимися в том или ином падеже (*наступает весна* — им. пад., *надел шляпу* — вин. пад., *вышел в фойе* — вин. пад., *нашел в кустах* — предл. пад. и т. п.).

Все существительные, наконец, являются в русском языке или словами, обозначающими одушевленные (*пионерка, отец, слон, овца* и т. д.), или словами, обозначающими неодушевленные (*коса, дуб, планетарий, ночь* и т. п.) предметы.

Синтаксически для имен существительных наиболее характерным является употребление в предложении прежде всего в качестве подлежащих или дополнений (хотя они могут выступать и как определения и обстоятельства). Яркой особенностью существительных с этой точки зрения является также неограниченная способность определяться именами прилагательными, которые в этом случае согласуются с ними в роде, числе, падеже.

В зависимости от того, в функции какого члена предложения существительные выступают, они употребляются в разных падежах, которые наряду с предлогами являются как бы показателями их синтаксических свойств. Если существительное является в предложении подлежащим, оно употребляется в форме именительного

падежа, если оно является именной частью составного сказуемого, оно стоит в форме или именительного падежа, или творительного; в функции остальных членов предложения существительное употребляется в одном из косвенных падежей.

Особыми специфическими чертами выделяется имя существительное как часть речи и с точки зрения словообразовательной. Как постоянно и весьма интенсивно пополняющийся новыми образованиями разряд слов имена существительные имеют, с одной стороны, характерную только для них систему способов словообразования, а с другой — только им присущую морфологическую структуру.

§ 139. Лексико-грамматические разряды имен существительных. Различное смысловое значение существительных и связанные с ним особенности в проявлении характерных для существительных грамматических категорий позволяют выделить в именах существительных ряд более частных лексико-грамматических групп, или разрядов, слов:

1) существительные нарицательные и собственные;
2) существительные одушевленные и неодушевленные;
3) существительные собирательные;
4) существительные вещественные;
5) существительные единичные;
6) существительные отвлеченные и конкретные.

Анализ перечисленных групп слов, входящих в имя существительное, будет одновременно рассмотрением вопроса о категории одушевленности и неодушевленности, с одной стороны, и о категориях отвлеченности, вещественности, собирательности и единичности, с другой.

§ 140. Существительные нарицательные и собственные. Среди имен существительных в зависимости от их смыслового значения выделяются две большие, но неодинаковые по объему группы слов: имена существительные нарицательные и имена существительные собственные.

Подавляющее большинство существительных принадлежит к нарицательным именам, являющимся обобщенными наименованиями однородных предметов (*дерево, стрельба, человек, синева, фамилия, болтовня* и т. д.). Значительно меньшую часть составляют имена собственные, представляющие собой названия единичных предметов, выделяемых из ряда однородных (*Святослав, Онегин, Волга, Сибирь, Китай, Вайгач, Крит* и т. п.). Однако различие между нарицательными и собственными существительными является не только семантическим. Они отличаются друг от друга до некоторой степени и в грамматическом отношении, именно в использовании форм числа.

В отличие от нарицательных существительных имена собственные, имеющие форму единственного числа, во множественном числе, как правило, не употребляются, хотя в некоторых случаях множественное число от них и возможно (ср. *имя — имена, город — города́, озеро — озёра* и т. д. и только *Волга, Ленинград, Байкал* и т. п.).

Употребленные во множественном числе (за исключением тех, которые существуют только в форме множественного: *Бронницы, Альпы, Озёра* и т. п.) имена собственные являются обозначениями или разных лиц и предметов, имеющих общую черту (*Хлестаковы, Маниловы, уолл-стриты* и т. п.), или разных лиц и предметов, одинаково называющихся (*Шуй в Европейской части СССР несколько, пять Борисов, Кузнецовых оказалось много* и т. п.), или, наконец, лиц, находящихся между собой в родственных отношениях (*Иван и Константин* ***Аксаковы, Ивановы*** *жили дружно* и т. д.).

Следует отметить, что граница, отделяющая эти два разряда имен существительных, является довольно подвижной: имена собственные при использовании их для обобщенного наименования однородных предметов очень легко становятся нарицательными (например: *хам, макинтош, ом, херес, табор, король, цинандали, август, ураган* и т. д.); имена нарицательные при использовании их в значении простого названия или личного имени не менее свободно превращаются в имена собственные (например: *Орел, Октябрь, Шарик, Городец* (раньше буквально „городок"), *Шахты, Шуя* (раньше буквально „левая") и т. п.).

В том случае, если нарицательное существительное, дав новое собственное существительное, а собственное, дав новое нарицательное, одновременно продолжают употребляться и в своих старых значениях, возникают слова-омофоны. Такими, например, являются: *Бостон* и *бостон, шарик* и *Шарик, Грозный* и *грозный, Запад* и *запад, Пески* и *пески, Ампер* и *ампер* и т. д.

На письме семантико-грамматическое различие между собственными существительными и существительными нарицательными подкреплено графически: имена собственные в отличие от имен нарицательных в русском языке всегда пишутся с прописной буквы.

§ 141. Существительные одушевленные и неодушевленные. Все имена существительные как нарицательные, так и собственные, в зависимости от того, обозначают ли они одушевленные предметы, или являются наименованиями неодушевленных предметов, делятся на существительные одушевленные и существительные неодушевленные. Существительные одушевленные представляют собой, как правило, наименования живых существ, т. е. людей и животных, как единичных особей; существительные неодушевленные — наименования всех остальных предметов и явлений объективной действительности.

Следует сразу же отметить отсутствие полного совпадения органического (живого) и неорганического (неживого) в естественных науках, с одной стороны, и одушевленных и неодушевлен-

ных существительных в языке, с другой. Так, например, названия деревьев и растений[1], обозначения совокупностей лиц (*народ, войско, полк*) относятся к неодушевленным существительным, и, напротив, такие слова, как *ферзь, покойник, кукла, мертвец* и т. п.,— к существительным одушевленным.

Подавляющее большинство одушевленных существительных является словами мужского и женского рода. Из слов среднего рода (это объясняется тем, что они обозначают людей и животных очень редко) к одушевленным существительным относятся лишь некоторые слова: единичные существительные, возникшие при помощи морфолого-синтаксического способа словообразования из прилагательных и причастий (*животное, млекопитающее, насекомое*), несколько слов с суффиксом *-ище* или его производными (*чуд-ище, чуд-овище, страш-и-лище*), слова *дитя, существо* (в значении „живой организм"), *лицо* (в значении „человек")[2] и некоторые другие.

Категория одушевленности и неодушевленности для существительных всех родов грамматически выражается в различии формы винительного падежа множественного числа: существительные одушевленные имеют форму винительного падежа, одинаковую с формой родительного падежа, у существительных неодушевленных эта форма совпадает с формой именительного падежа (ср. *учить девочек, студентов, слуг, нерях, купить гусей, коров; ловить насекомых, птиц; видеть чудовищ* и т. д. и *учить песни, уроки; купить книги, ковры; ловить бревна; видеть злоупотребления* и т. п.).

Категория одушевленности и неодушевленности для существительных мужского рода (исключая немногие имена на *-а*) грамматически выражается таким же образом и в единственном числе (ср. *люблю брата, несет котенка* и *люблю университет, несет стол* и т. д.).

Группа одушевленных существительных не ограничивается только словами, обозначающими живое существо в своем прямом значении. В качестве одушевленных существительных, помимо тех, которые прямо обозначают живых существ, выступают также и те, которые такими названиями являются лишь при употреблении в переносном значении, ср.: *Наконец он увидел* ***оригинал*** *этой замечательной картины* и *Видели вы такого* ***оригинала?*** *Он сел на* ***чурбан*** и *Послал мне господь* ***чурбана.*** *(Ч.)*

Как одушевленные существительные употребляются в русском языке также названия умерших людей (*мертвец, мертвый, покойник*) и мифических существ (*бог, чёрт, дьявол, русалка, леший, бес* и т. п.), ряд игорных (шахматных, карточных, бильярдных)

[1] Исключение составляют некоторые названия грибов, которые, правда, непоследовательно, могут употребляться и как существительные одушевленные (ср. *нашел рыжика, увидел подосиновика*).

[2] В русском литературном языке второй половины XIX века это существительное употреблялось еще как неодушевленное.

обозначений (сюда относятся слова *ферзь, валет, туз, козырь, шар: взять слоном ферзя, выкинуть туза, положить шара в лузу* и т. п.), а также общее и частные наименования кукол (*кукла, марионетка, петрушка*)[1].

Категория одушевленности в обозначениях живых существ проявляется очень последовательно.

Только относительно названий низших организмов (*микроб, амеба, бактерия, инфузория, бацилла* и т. п.) можно отметить непоследовательное употребление то формы винительного падежа, равной форме родительного, то формы винительного падежа, совпадающей с формой именительного. Например: *Некоторых* ***микробов*** (или: *некоторые* ***микробы***) *можно видеть только с помощью электронного микроскопа; Учитель показал ребятам даже* ***инфузорий*** (или: ***инфузории***) и т. п.

Отнесение этих слов к существительным одушевленным является для современного языка фактом более архаического словоупотребления, чем отнесение их к неодушевленным.

Употребляясь в переносном значении как названия неодушевленных предметов, существительные одушевленные чаще сохраняют категории одушевленности, но в целом ряде случаев приобретают морфологические признаки существительных неодушевленных.

Рядом с примерами *пускать змея, сварить болтуна, вылепить коня, купить „Москвича"* и т. п. наблюдаются также и случаи типа *сделать змей, взять „Крокодил"* и др.

Всегда выступают как неодушевленные существительные употребленные в переносном значении (для обозначения какого-либо кушанья) названия рыб: *есть кильки, шпроты* и т. п. (ср. также *есть омары, устрицы,* но *цыпленка, раков* и т. д.) Слова-омонимы, возникшие лексико-семантическим способом словообразования, т. е. в результате расщепления первоначально одного слова на два или более, относятся к одушевленным или неодушевленным в зависимости от их значения: обозначающие неодушевленные предметы — к неодушевленным существительным, обозначающие одушевленные предметы — к одушевленным существительным, ср.: *На стадионе для освещения поля установили мощные* ***юпитеры.*** ***Юпитер*** *можно видеть невооруженным глазом* и *Такой поступок разгневал* ***Юпитера;*** *В магазине купили новый газовый* ***счетчик*** и *Готовили* ***счетчиков*** *для переписи населения* и т. д.

§ 142. Собирательные существительные. Среди нарицательных имен, входящих в категорию неодушевленных существительных, как в смысловом, так и в грамматическом отношениях выделяется группа существительных собирательных.

[1] К одушевленным существительным до недавнего времени относились также математические термины на *-тель* типа *числитель, знаменатель, множитель, показатель.* Сейчас они включаются, как и другие слова неагентивного значения, в число существительных неодушевленных.

С точки зрения семантики собирательные существительные представляют собой слова, обозначающие совокупность однородных единиц как неопределенное количество в виде неделимого целого (например, *тряпье, листва, генералитет* и т. д.).

Общее значение собирательности в существительных, таким образом, заключается в выражении ими в форме единственного числа не одного лица или предмета, а многих. Именно этим объясняется тот факт, что собирательные существительные являются соотносительными с формами множественного числа слов, обозначающих единичные лица и предметы (*тряпье — тряпки, листва — листья, генералитет — генералы* и т. д.).

С грамматической стороны собирательные существительные характеризуются тем, что они являются словами, имеющими только форму единственного числа. Выражая, как и формы множественного числа соответствующих обозначений однородных единиц, множественность, собирательные существительные тем не менее отличаются от этих форм.

Формы множественного числа выражают множественность в виде дифференцированного количества, состоящего из отдельных и самостоятельных единиц, поддающихся счету. Собирательные существительные обозначают это же множество как одно неделимое целое, определить которое количественным числительным нельзя.

Количественными определителями собирательных существительных могут быть лишь отдельные неопределенно-количественные слова (см. ниже, главу „Имя числительное“, § 208) и в некоторых случаях дробные числительные. Ср. *беднота — много бедноты* и *бедняк — три бедняка, листва — мало листвы* и *лист — пять листьев, студенчество — четыре пятых студенчества* и *студент — сорок студентов* и т. д.

Множество в единстве, обозначаемое собирательными существительными, получает языковое выражение только потому, что рядом с ними обязательно имеются соответствующие по значению образования, называющие единичные предметы или лица, например: *мошкара — мошка — мошки; дробь — дробинка — дробинки; воронье — ворон — вороны; дворня — дворовый — дворовые* и т. п.

Вне такой соотнесенности категория собирательности не существует.

От собирательных существительных следует строго отграничивать слова вроде *куча, груда, созвездие, полк, труппа, комиссия, стая* и т. п.

Все эти слова нельзя отнести к собирательным существительным в силу того, что, в отличие от собирательных существительных, та или иная совокупность, обозначаемая подобными словами, не имеет в себе никакого выраженного в языковых формах оттенка множественности. Именно этим объясняется то, что все эти слова, во-первых, свободно образуют формы множественного числа (ср. *кучи, толпы, труппы, коллективы, ряды* и т. п.), а во-вторых, могут без ограничений определяться как неопределенно-количественными словами и дробными числительными, так и числительными количественными (ср. *два созвездия, три полка, десять куч, двадцать восемь трупп* и т. п.).

С точки зрения словообразовательной собирательные существительные распадаются на два разряда. Первую группу составляют слова, которые не имеют суффиксов и осознаются как образования, возникшие при помощи безаффиксного способа (*ветошь, дробь, заваль, нечисть, лом, знать* и т. д.).

Вторую группу образуют слова, образованные при помощи суффиксации (посредством суффиксов *-(е)ство, -ье, -ня, -ота, -ура, -щина, -ат* и некоторых других), например: *студенчество, купечество, учительство, потомство*[1]; *бабье, гнилье, кулачье, старье, тряпье, зверье, хамье; дворня, родня, солдатня; беднота, пехота; профессура, аппаратура; белогвардейщина, военщина; пролетариат, старостат,* а также *молодежь, листва, детвора, мошкара, молодняк, кустарник, голытьба, генералитет* и т. д.

Категория собирательных существительных является в настоящее время малопродуктивной и пополняется новыми словами очень слабо.

Кроме особых слов, собирательное значение могут иметь формы единственного числа (об этом ниже, см. в § 150).

§ 143. Существительные вещественные. Вещественные существительные, выделяемые среди нарицательных имен, представляют собой обозначения однородных по своему составу веществ. К ним принадлежат названия полезных ископаемых, металлов, минералов, химических элементов и соединений, сельскохозяйственных культур, овощей, ягод, тканей, пищевых продуктов, лекарств, растений, материалов и т. п., например: *глина, песок, нефть, сталь, бронза, золото, олово, железо, янтарь, азот, кислород, озон, рожь, горох, просо, картофель, капуста, репа, салат, лук, морковь, малина, крыжовник, бязь, шелк, бархат, вельвет, сукно, шерсть, сливки, сметана, творог, халва, консервы, чай, шоколад, сахар, соль, сыр, говядина, крупа, аспирин, кодеин, пирамидон, цемент, белила, известь, обои, солома, лебеда, чертополох, мох, крапива, лен* и т. п.

Все эти слова обозначают такие вещества, которые делятся на части, обладающие всеми свойствами целого, поэтому, хотя и не могут быть подвергнуты счету, способны в общих чертах измеряться.

Грамматически вещественные существительные характеризуются тем, что имеют, как правило, форму одного только какого-либо числа (большинство — форму единственного, меньшая часть —

[1] В начале XIX века такое же собирательное значение имело слово *соседство;* ср. в „Евгении Онегине“: *В свою деревню в ту же пору помещик новый прискакал и столь же строгому разбору в* ***соседстве*** *повод подавал* (т. е. среди соседей).

форму множественного) и не могут сочетаться с количественными числительными. Для некоторых вещественных существительных (именно для слов мужского рода) характерным грамматическим свойством является также наличие у них особой, имеющей количественное значение формы родительного падежа на *-у* (*кружка квасу, немного хрену, много винограду, два килограмма рису, литр керосину, чашка чаю, метр бархату, стакан меду, вязанка хворосту* и др.).

В словообразовательном отношении подавляющее большинство вещественных существительных представляет собой слова с непроизводными основами, лишь немногие являются суффиксальными или суффиксально-префиксальными образованиями и содержат в своем составе суффиксы и приставки. Из последних особо следует отметить слова на *-ина*, являющиеся обозначениями мяса или рыбы, например: *баранина, свинина, осетрина, лососина* и т. д., и суффиксально-префиксальные образования типа *сливки, очистки, опилки, обрезки* и т. п.

Лишь немногие из вещественных существительных (если это не слова, имеющие только форму множественного числа) могут иметь форму множественного числа. Употребляясь в форме множественного числа, такие существительные являются уже не простым обозначением однородного по составу вещества, а либо указывают его определенные виды и сорта (*животные жиры, смазочные масла, минеральные соли, сухие вина, высококачественные стали* и т. д.), либо обозначают сплошную массу вещества (*жиры, мозги, грязи* и т. п.), либо занимаемое им пространство (*овсы, пески* и т. д.).

§ 144. Существительные единичные (сингулятивы). Собирательные и вещественные существительные как в смысловом, так и в грамматическом отношении противопоставлены существительным конкретным, обозначающим тот или иной предмет или лицо, взятые в отдельности.

Конкретные существительные как слова, называющие явления, подлежащие счету, свободно сочетаются с количественными числительными и, если не употребляются только во множественном числе, имеют формы как единственного, так и множественного числа, например: *пруд — пруды — три пруда, брат — братья — пять братьев, минута — минуты — сорок минут, снежинка — снежинки — две снежинки* и т. д.

Среди этих существительных можно наметить две группы. Подавляющее большинство конкретных существительных не имеет соответствующих собирательных или вещественных, которые обозначали бы вещество или совокупность выражаемых конкретными существительными предметов или лиц как единое целое (*лес, дом, яблоня, лисица, тетрадь, окунь, машинист, доярка* и т. д.).

Небольшую часть конкретных существительных образуют такие, которые имеют соотносительные им собирательные или вещественные существительные (*учитель — учительство, солдат — солдатня, плотица — плотва, лист — листва, осетр — осетрина, соломина — солома, пушинка — пух* и т. д.). Входящие в эту группу слова обозначают не просто единичные предметы и лица, а единичные предметы и лица, выделенные из массы вещества или совокупности однородных предметов и лиц.

Именно их и можно назвать единичными существительными, или сингулятивами.

В единичных существительных, соотносительных с собирательными именами, их особое сингулятивное значение получает языковое выражение обычно лишь в соотнесенности этих слов с однокорневыми собирательными. Собирательные существительные в этом случае являются словами, образованными от единичных имен, например: *кулак — кулачество, буржуа — буржуазия, старик — старичье, купец — купечество, холостой — холостежь, чиновник — чиновничество* и т. д.

Такое выражение сингулятивности характерно и для отдельных единичных существительных, соотносительных с производными от них существительными вещественными, например: *белуга — белужина, баран — баранина* и т. п.

Однако обычно в единичных существительных, соотносительных с вещественными именами, их особое, сингулятивное значение находит себе выражение не только в соотнесенности этих слов с однокорневыми вещественными, но и в самой их словообразовательной структуре: в наличии специфического суффикса одиночного предмета *-ина* (*-инка*).

Вещественные существительные в этом случае являются, как правило, словами, от которых образуются при помощи суффикса *-ина* (*-инка*) единичные, например: *песок — песчинка, снег — снежинка, сор — соринка, солома — соломина, горох — горошина, лед — льдина, жемчуг — жемчужина* и т. д.

Родственный этому суффиксу суффикс одиночного лица *-ин* можно наблюдать и в отдельных сингулятивах, соотносительных с собирательными существительными, например: *крестьянство — крестьянин, дворянство — дворянин, мордва — мордвин* и др.

Слова с вариантом сингулятивного суффикса *-ина, -инка* не следует смешивать с уменьшительно-ласкательными образованиями при помощи суффикса *-ка* от единичных существительных на *-ина*. Так, в словах *горошина — **горошинка**, виноградина — **виноградинка**, изюмина — **изюминка*** имеется два суффикса — суффикс *-ин(а)* и суффикс *-к(а)*, а в словах *крупинка, кровинка, икринка* — один суффикс — *-инк(а)*.

§ 145. Отвлеченные существительные. Конкретным существительным и особенно входящему в них разряду единичных существительных противополагаются существительные отвлеченные, или абстрактные (*слава, смех, свобода, красота, прения, благо, плен, презрение, сущность, актуаль-*

ность, движение, переговоры, рыболовство, социализм, энтузиазм и т. д.).

Отвлеченные существительные семантически представляют собой слова, выражающие те или иные абстрактные понятия или называющие отвлеченные свойства, качества, действия и состояния.

С грамматической точки зрения отвлеченные существительные характеризуются тем, что они, употребляясь в своем основном значении, обычно неспособны к образованию форм числа и сочетанию с числительными.

Подавляющее большинство абстрактных существительных, употребляясь или только в единственном (таких не менее 99%), или только во множественном числе (таких очень немного), совершенно не может иметь при себе каких-либо количественных определителей. Лишь некоторые из них обладают свойством определяться с количественной стороны неопределенно-количественными словами, например: *мало радости, много шуму, капельку любви, бездна премудрости, немало терпения* и т. д.

Способность образовывать формы числа, а в ряде случаев и определяться числительными некоторые абстрактные существительные приобретают лишь при большей или меньшей конкретизации их основного, по характеру очень отвлеченного значения, например: *пять опытов, семь бед — один ответ, большие успехи, детские шалости, ужасы войны, наделал глупостей, немало трудностей, все подробности, последние новости, четыре высоты, две радости, настали холода, шумы в сердце, десять научных трудов, пять больших работ по аэродинамике, судьбы человечества* и т. д.

Среди абстрактных существительных более всего слов с основами производного характера, образованных от прилагательных и глаголов.

Эти слова составляют основную группу отвлеченных существительных, для которой особенно характерны отсутствие соотносительных форм единственного и множественного числа и неспособность сочетаться с числительными. В числе такого рода слов особо следует отметить образования с продуктивными суффиксами *-ость, -ние* (*-ение*), *-ка, -ство* и его производными, *-изм, -ация* и имена, возникшие путем сложения основ или слов.

Значительно меньшую часть составляют в разряде абстрактных существительных слова с непроизводной основой. Эти слова нередко рядом с основным абстрактным значением имеют и дополнительные, более или менее конкретные, поэтому чаще, чем какие-либо другие, употребляются как в единственном, так и во множественном числе; например, слова *боль, беда, обман, опыт, ум, нрав, вес, крик, победа, страх, му́ка, ужас, недуг, страсть* и т. п. имеют формы множественного числа, а слова *горе, иго, быт, уют, лень, сушь, грусть, блеск, тоска, месть* и др. форм множественного числа не имеют.

Категория рода имен существительных

§ 146. Значение и грамматическое выражение категории рода в именах существительных. Род представляет собой одну из наиболее характерных грамматических категорий имен существительных.

Все существительные, кроме употребляющихся только во множественном числе, всегда представляют собой слова определенного рода: или мужского (*сын, предмет, разбег, мусор, край, приятель, холод* и т. д.), или женского (*толпа, река, торжественность, мель, сосна, запись* и т. д.), или среднего (*животное, стремление, дупло, пари* и т. д.).

Ни одно из существительных в единственном числе в русском языке не может быть вне категории рода. Она внутренне присуща существительным и является синтаксически независимой. Этим категория рода у существительных отличается от категории рода прилагательных и глаголов (в прошедшем времени и условном наклонении), родовая принадлежность которых всегда определяется родом существительного, с которым они согласуются.

Категория рода у существительных выражается не только в синтаксических формах согласования.

Помимо этого, слова разных родов отличаются друг от друга также рядом падежных окончаний (и прежде всего окончанием именительного падежа), словообразовательной структурой, а в определенной степени и специфическими особенностями с точки зрения лексико-семантической.

Категория рода имеет различное выражение в существительных одушевленных, с одной стороны, и в существительных неодушевленных, с другой. Знаменательность, а не только формальность категории рода в неодушевленных существительных появляется только при образно-поэтическом олицетворении неодушевленных предметов. В этом случае называемые словами мужского рода предметы и явления рассматриваются как лица мужского пола, а называемые словами женского рода предметы и явления как лица женского пола (ср. в песне: *Рос на опушке рощи клен, в березку был тот клен влюблен; березка к клену на плечо порой склонялась горячо*).

Являясь для группы неодушевленных существительных чисто грамматической категорией, род в одушевленных существительных представляет собой уже лексико-грамматическую категорию. В этих именах категория рода не только формальна, но и знаменательна. С родовыми различиями в одушевленных существительных связано выражение не только морфологических и словообразовательных особенностей этих имен, но и их определенной семантики, прежде всего различения названий лиц и животных мужского и женского пола.

В самом деле, отнесенность того или иного неодушевленного существительного к какому-либо роду семантически никак не мотивирована: нельзя уяснить с точки зрения современного языкового

сознания, почему *вздор* является словом мужского рода, а *чепуха* — словом женского рода, на основе чего *город, село, деревня* — слова одного семантического круга — принадлежат к различным родам, почему *чело* — среднего, а *лоб* — мужского рода и т. д.

Что же касается распределения по родам одушевленных существительных, то оно, как правило, находит себе мотивировку в обозначении ими различий, связанных с естественным полом (ср. *отец, красавец, учитель, волк, гусь* — муж. р.; *мать, красавица, учительница, волчица, гусыня* — жен. р. и т. д.), однако не только в этом и не до конца последовательно. Так, отсутствуют указания на половые различия у многих названий животных, главным образом тех, у которых половые различия практического значения в хозяйстве не имеют: *коршун, змея, белка, носорог, мышь, щука* и др.; возможно употребление слов мужского рода типа *врач, товарищ, удалец, доцент* и т. п. для обозначения лиц женского пола, наблюдается существование в разряде слов, обозначающих лиц, имен общего рода (см. ниже, § 148).

Существительные одушевленные, за небольшим исключением, распределяются между словами мужского и женского рода (из слов среднего рода к ним относятся единичные слова типа *дитя, лицо, существо, животное, млекопитающее*); неодушевленные существительные принадлежат к словам всех трех родов, причем в настоящее время они довольно интенсивно пополняются словами как мужского и женского, так и среднего рода.

§ 147. Распределение существительных по родам. Принадлежность склоняемых существительных к тому или иному роду определяется в русском языке, как правило, морфологическими признаками; отнесение этих имен к одному из трех родов по значению наблюдается лишь в немногих наименованиях лиц.

К словам мужского рода относятся:

1) все существительные с основой на твердый согласный, кроме *ж, ш,* имеющие в им. пад. ед. числа нулевое окончание (*дом, верх, признак, тигр, солдат* и пр.);

2) все существительные с основой на *-j,* имеющие в им. пад. ед. числа нулевое окончание (*май, Дунай, случай, соловей* и т. п.);

3) все существительные с основой на *ж, ш* и мягкий согласный, имеющие в род. пад. ед. числа окончание *-а* (*-я*) (*нож, душ, писатель, ремень* и др.);

4) существительные с суффиксами *-ище, -ишко, -ишка,* образованные от имен мужского рода (*ножище, домишко, шалунишка* и т. п.);

5) слово *путь*;

6) немногие существительные с окончанием *-а* (*-я*) в им. пад. ед. числа, обозначающие лиц мужского пола (*дядя, юноша* и др.);

7) слово *подмастерье*.

К словам женского рода относятся:

1) все существительные, имеющие в им. пад. ед. числа окончание *-а* (*-я*), исключая немногие названия лиц мужского пола

типа *Петя, воевода* и т. д. (*вода, сабля, тишина, жена* и др.);

2) все существительные с основой на мягкий согласный (кроме слова *путь*) и на *ж, ш,* имеющие в род. пад. ед. числа окончание *-и* (*лошадь, ночь, рожь, тишь, таинственность* и др.).

К словам среднего рода относятся:

1) все существительные, имеющие в им. пад. ед. числа окончания *-о, -е* (*золото, пение, письмо* и т. д.), исключая а) слово *подмастерье*, б) некоторые образования с суффиксами *-ище, -ишко* от имен мужского рода (*домище, городишко*), в) некоторые собственные имена лиц и животных (*Василенко, Серко* и пр.);

2) немногочисленные разносклоняемые слова на *-мя* (*пламя, семя, вымя* и др.);

3) слово *дитя*.

Род в склоняемых именах существительных, возникших при помощи морфолого-синтаксического способа на базе имен прилагательных, определяется так же, как в прилагательных, по окончанию (*рулевой, мостовая, животное* и т. д.).

Принадлежность несклоняемых существительных к тому или иному роду определчется обычно в русском языке по их значению.

К словам мужского рода из несклоняемых существительных относятся:

1) слова, обозначающие лиц мужского пола (*Анри, ку́ли, рантье, маэстро* и др.);

2) слова, являющиеся наименованиями животных, кроме слова *цеце* (*фламинго, шимпанзе, зебу, какаду, гну, кенгуру, пони*);

3) слово *кофе*.

К словам женского рода из несклоняемых существительных относятся слова, обозначающие лиц женского пола (*мадам, мисс, леди, Бетси, Мари, Кармен,* госпожа *Шиллер,* балерина *Бовт* и т. д.), а также существительные *цеце* и *салами*.

К словам среднего рода из несклоняемых существительных относятся все слова, представляющие собой названия неодушевленных предметов, кроме слов *кофе* и *салами* (*пальто, депо, кашне, амплуа, клише, интервью* и т. д.).

Род несклоняемых собственных имен, представляющих собой географические названия, определяется родовой принадлежностью имени, которое они заменяют, например: *солнечный Сочи* (город) (следовательно, мужск. рода), *красивая Колорадо* (река) (следовательно, женск. рода) и т. д. Род несклоняемых сложносокращенных слов соответствует роду опорного слова тех словосочетаний, сокращением которых они являются. Поэтому слово *МТС* (*машинно-тракторная станция*) употребляется как слово женского рода, слово *сельпо* (*сельское потребительское общество*) — как слово среднего рода, *ЦК* (*Центральный Комитет*) — как слово мужского рода и т. п.

§ 148. Существительные „общего" рода. Среди имен существительных со значением лица, кроме слов мужского рода, с одной стороны, и женского рода, с другой (слова среднего рода такого значения единичны), выделяется группа имен „общего" рода.

Слова „общего" рода представляют собой слова, род которых определяется в зависимости от того, для обозначения лица какого пола они используются.

Если эти слова применяются для обозначения лиц мужского пола, они выступают как слова мужского рода, например: *Гляди, наш* ***соня*** *уже уснул; Только ты не умывался и* ***грязнулею*** *остался* и т. д.

Если же эти слова употребляются как названия лиц женского пола, то они выступают уже как слова женского рода, например: *Какая ты* ***соня****, Лена; С такой* ***грязнулей*** *я гулять не пойду* и т. д.

Родовая принадлежность слов „общего" рода, таким образом, целиком зависит от конкретного употребления их в речи.

Среди слов, принадлежащих к „общему" роду, выделяются три группы существительных.

Основную группу составляют склоняемые нарицательные имена на *-а* (*-я*), по значению являющиеся качественной характеристикой лица (чаще всего отрицательной), например: *егоза, неряха, растрепа, плакса, ломака, тихоня, бродяга, тупица, капризуля, рохля* и т. п.

В стилистическом отношении почти все эти существительные представляют собой принадлежность разговорной речи, слова с яркой экспрессивной окраской.

С точки зрения словообразования в этой группе слов „общего" рода выделяются прежде всего суффиксальные образования с помощью различных малопродуктивных суффиксов, вроде *-ка*[1], *-яга, -ка*[2], *-юка, -са, -оха, -оня, -уля* и т. п. (*ломака, кривляка, бедняга, выскочка, злюка, плакса, пройдоха, тихоня, капризуля, сластена, святоша, растеряха* и др.), и отглагольные слова, образованные при помощи безаффиксного способа образования (*заика, задира, подлиза, растрепа, зуда, рева* и т. п.).

К этому разряду слов „общего" рода примыкает небольшая группа ласкательно-личных имен, одинаково возможных как по отношению к женщине, так и по отношению к мужчине. Это ласкательно-личные имена от однокорневых мужских и женских паспортных имен: *Саша, Женя, Валя, Шура, Лера* и т. п. (ср. *милый Саша* или *милая Саша; курносая Женя Петрова* или *курносый Женя Петров* и т. д.).

Особую группу слов „общего" рода представляют несклоняемые фамилии иноязычного происхождения, оканчивающиеся на гласный звук (иноязычные фамилии на согласный, если они склоняются, — мужского рода, а если являются несклоняемыми — женского рода). Сюда относятся фамилии типа *Пуччини, Рабле, Дюма,*

Доницетти, Руставели, Россини, Гарсиа и т. д., ср.: *Луи Виардо* и *Полина Виардо, Ирен Жолио-Кюри* и *Фредерик Жолио-Кюри* и т. п.

От слов „общего" рода следует строго отграничивать напоминающие их по своей функции выступать то в качестве названий лиц мужского пола, то в качестве названий лиц женского пола существительные женского и мужского рода.

Такими являются: 1) имена женского рода с яркой отрицательной экспрессивной окраской, которые могут быть употреблены для обозначения лиц мужского пола (*змея, пила, свинья, лиса, шляпа* и т. д.), и 2) существительные мужского рода, обозначающие лицо по деятельности или качеству (*радист, парторг, монтер, знаток, врач, борец* и т. д.), которые могут использоваться для названия лиц женского пола.

Применение всех этих слов для обозначения лиц иного, нежели обычно, пола не делает их словами „общего" рода, так как слова типа *голова, пила* и др. во всех случаях остаются по морфолого-синтаксическим свойствам словами женского рода, а слова вроде *профессор, друг* и т. п., применяясь и к обозначению лиц женского пола, являются словами мужского рода.

Согласование по женскому роду у слов *директор, инженер, товарищ* и т. п. наблюдается иногда в ненормированной, разговорной речи, но лишь с формами глагола и ни в коем случае не с прилагательными и местоимениями, например: ***Управдом*** *быстро* ***вышла****,* ***Врач*** *ничего не* ***сказала*** и т. д.

Этой способностью сочетаться с глагольными формами женского рода в некоторой степени обладают и несклоняемые существительные мужского рода, обозначающие животных, в случае сознательного указания на женский пол, например: ***Пони кормила*** *своего детеныша.*

Слова типа *бестия, крошка, душка* и т. д. неспособны даже и к этому необычному согласованию с глаголами. Кстати, все эти слова как названия лиц имеют не свободное, а синтаксически обусловленное значение и употребляются в предложении обычно в функции сказуемого.

§ 149. Колебания в роде существительных. Колебания в современном русском литературном языке в отнесении существительных к тому или иному грамматическому роду очень немногочисленны. Они проявляются в том, что одно и то же слово в единичных случаях может употребляться и употребляется как в одном, так и в другом роде.

Сюда относятся параллельные родовые формы слов *глист* (и *глиста*), *клавиш* (и *клавиша*), *скирд* (и *скирда*), *ставень* (и *ставня*), а также и некоторые другие.

В русском литературном языке XIX века таких колебаний в роде существительных, особенно заимствованных, было значительно больше. Колебания в роде наблюдались в то время для таких, например, слов, как *зал* и *зала, испуг* и *испуга, рояль, -я* и

рояль, -и, тополь, -я, и *тополь, -и, вуаль, -и,* и *вуаль, -я, туфля* и *туфель, жираф* и *жирафа, занавес* и *занавесь,* — например: ***Занавесь*** *еще* ***не поднималась*** *и играли увертюру* (*Л. Т.*), *контральто* и *контральт, боа* и *боа* (средн. и мужской род), например: *Он счастлив, если ей накинет* ***боа пушистый*** *на плечо* (*П.*), *метод* и *метода, фарс* и *фарса, ширма* и *ширм, госпиталь, -я* и *госпиталь, -и* и т. п.

Относить, однако, такого рода факты к современному литературному словоупотреблению было бы неверно. Все эти примеры представляют собой для настоящего времени архаизмы, ставить которые в один ряд с колебаниями в роде слов типа *клавиш — клавиша* нельзя, так как современное словоупотребление для слов *перл, рояль, -я, просека, тополь, испуг, ковыль, ширма* и т. п. параллельных форм вне стилизованного использования не знает. Формы *перла, рояль, -и, просек, испуга, тополь, -и, ковыль, -и, ширм* и т. д. могут сейчас быть употреблены лишь в художественной литературе с определенными стилистическими целями как одно из средств для воссоздания характерных черт грамматики языка XIX века.

Колебания, наблюдавшиеся и отчасти наблюдающиеся в роде иноязычных слов, объясняются обычно различными приемами переоформления этих слов на русской почве.

Так, например, имевшиеся в первой половине XIX века колебания в отнесении к роду слова *шоссе* (оно могло тогда употребляться и в женском роде) объясняются женским родом этого слова в языке-источнике (ср. франц. *la chaussée*) и характерным для слов среднего рода видом основы в русском языке; наблюдавшиеся колебания в роде слова *терраса* (оно могло тогда употребляться и в мужском роде — *террас*) определяются женским родом этого слова в языке-источнике (ср. франц. *la terrasse*) и специфическим для слов мужского рода характером основы на твердый согласный в русском языке и т. д.

Следует отметить, что в первой половине XIX века значительно большее количество слов имело род, соответствующий роду языка-источника, позже большее значение приобрели формальные признаки (это было связано с окончательным усвоением этих слов русским языком).

Соответствующие колебания в роде исконно русских слов находят объяснения в применении параллельных словообразовательных моделей и проникновении в литературную речь просторечно-диалектных фактов.

Категория числа имен существительных

§ 150. Значение и грамматическое выражение категории числа в именах существительных. Одной из основных категорий, присущих именам существительным, является категория числа. В современном литературном русском языке она находит себе

выражение в довольно четком противопоставлении соотносительных форм единственного и множественного числа, которыми обладает большинство существительных.

В этом случае существительное в форме единственного числа обозначает один предмет в ряду однородных предметов (*предложение, дом, облако, зима* и т. д.), а в форме множественного числа выражает неопределенное количество этих однородных предметов, числом от двух до бесконечности (*предложения, дома́, облака́, зи́мы* и т. п.).

Выражение этой противоположности единичного предмета и их раздельного множества является основным содержанием категории числа, хотя во всех случаях последовательно не проводится и только этим не исчерпывается. Категория числа в русском языке в именах существительных, в отличие от имен прилагательных, представляет собой категорию лексико-грамматическую. Это сказывается не только в том, что форма единственного числа существительного может обозначать собирательную множественность однородных предметов (*В саду служанки на грядах сбирали* ***ягоду*** *в кустах*), а форма множественного числа, напротив, может быть равнозначной форме единственного числа (*Вверху синеют* ***небеса***), но и в том, что с формами числа могут быть связаны различные смысловые значения.

Однако среди существительных находятся не только слова с формами обоих чисел, а есть и такие, у которых имеется лишь одно какое-нибудь число — единственное или множественное.

В словах, не обладающих формами обоих чисел, формы числа не имеют уже того значения, которое характерно для существительных, имеющих как единственное, так и множественное число.

Так, в собирательных существительных типа *листва, студенчество* форма единственного числа, которую они имеют, обозначает не один предмет в ряду однородных (ср. *лист, студент*), а множество предметов, представленное как единое и неразложимое целое; в отвлеченных существительных вроде *выборы, нелады, заморозки, сумерки* и т. п. форма множественного числа выражает не раздельное множество однородных предметов (ср. *го́ры, сады, колоски* и т. д.), а отдельное абстрактное понятие с оттенком сложной совокупности; в конкретных существительных, обозначающих так называемые „парные“ и составные предметы, форма множественного числа может выражать как один предмет в ряду однородных, так и их раздельное множество, ср.: *Отведи сестру в* ***ясли*** и *Они осмотрели все* ***ясли*** *Свердловского района; Карл Иванович с* ***очками*** *на носу и книгой в руке сидел на своем обычном месте* (*Л. Т.*) и *Перед ним лежали самые разнообразные* ***очки*** и т. п.

Следовательно, существительные, имеющие форму одного какого-либо числа, или вообще не имеют значения числа (в этом случае это существительные, обозначающие предметы, которые не подвергаются счету: *творог, золото, брызги, сливки, белизна,*

дрязги и т. д.), или могут служить обозначением как одного предмета, так и их множества (это pluralia tantum конкретного значения: *тиски, грабли, весы, брюки* и т. д.). В последнем случае число предметов ни в морфологических свойствах слова, ни в формах согласования не выражается и устанавливается лишь из окружающего контекста или речевой ситуации, например: *Он на перекрестке взглянул на* ***часы****: было уже восемь часов вечера* и *Все* ***ворота*** *оказались закрытыми* и т. д.

Единственное и множественное число склоняемых существительных выражается как морфологически (особыми падежными окончаниями: *щетка — щетки, окна — окон, столом — столами* и т. д.), так и синтаксически (в формах согласования: *Последняя* ***туча*** *рассеянной бури, одна ты несешься по ясной лазури* (*П.*) и ***Тучи*** *над городом встали* и т. п.).

Единственное и множественное число несклоняемых существительных различается между собой только синтаксически (ср.: *Последнее* ***коммюнике*** *содержало много обнадеживающего* и *Эти* ***коммюнике*** *не содержали в себе ничего нового; Всё* ***купе*** *было занято* и *Все* ***купе*** *были заняты* и др.).

В некоторых разрядах существительных различие форм единственного и множественного числа может выражаться также и в различии словообразовательной структуры соотносительных основ. Например, в словах *брат — братья, брус — брусья, дерево — деревья* и т. п. основа во множественном числе содержит суффикс *-j-*, которого нет в основе ед. числа; в словах *датчанин, крестьянин, северянин* и др. основа во мн. числе не содержит суффикса единичности *-ин;* суффикс *-енок* имеется в основе ед. числа и суффикс *-ят-* в основе мн. числа у слов типа *жеребенок, теленок;* ср. еще наличие во мн. числе суффикса *-ов-* у слов *сын, кум* (*сыновья, кумовья*); суффикса *-ес-* у слов *небо, чудо* (*небеса, чудеса*).

У отдельных существительных единственное и множественное число образуют супплетивные формы, например: *человек — люди, ребенок — дети* и некоторые другие.

Существительные в зависимости от наличия у них форм числа делятся на три группы: 1) существительные, имеющие формы обоих чисел, 2) существительные, употребляемые только в единственном числе, 3) существительные, употребляемые только во множественном числе (в научной литературе они иногда называются pluralia tantum).

§ 151. Существительные, употребляемые в формах обоих чисел. Основную группу существительных, имеющих формы обоих чисел, составляют слова, обозначающие считаемые предметы. Все эти имена свободно сочетаются с количественными числительными, и их единственное и множественное числа в обычном употреблении являются соотносительными формами обозначения одного предмета в ряду однородных предметов и их раздельного множества.

В этом разряде слов, имеющих формы обоих чисел, категория числа проявляется наиболее полно.

Однако нельзя ограничивать группу слов, употребляемых как в единственном, так и во множественном числе, одними конкретными именами. Формы обоих чисел наблюдаются также и у отдельных отвлеченных, вещественных и собственных существительных, употребляемых не в прямом, а в переносных значениях. Именно в этих словах, в своем прямом смысле обозначающих предметы, которые нельзя подвергать счету, и неспособных сочетаться с количественными числительными, формы числа выступают и как средство грамматического различения значений слов.

Формы единственного и множественного числа, которые имеются у подобных слов, выступают обычно не только как грамматическое выражение того или иного количества, но и как грамматический способ дифференциации в многозначном слове его отдельных значений. Например, формы конкретных существительных *деревня — деревни, яблоко — яблоки, смазчик — смазчики* и т. д. отличаются между собой не лексическим значением, а грамматически: формы *деревни, яблоки, смазчики* — простые обозначения раздельного множества тех же предметов, которые называются формами *деревня, яблоко, смазчик.*

Иное наблюдается в словах абстрактного и вещественного значения. В парах *движение — движения, вырезка — вырезки, трудность — трудности* подобное приведенному выше соотношение отмечается лишь в пределах переносных значений этих слов (ср. *неловкое движение, вырезка из газеты, эта трудность была преодолена* и *неловкие движения, вырезки из газет, эти трудности были преодолены* и т. д.); в своих же основных значениях данные слова (*движение вперед, вырезка узоров, трудность задачи* и др.) формы множественного числа не имеют. Поэтому для этих многозначных слов категория числа оказывается наполненной уже и определенным лексическим значением.

Только как средство различия разных значений слов число выступает в таких парах, как *сбор* (*сбор урожая*) и *сборы* (*сборы были недолги*), *мозг* (*головной мозг*) и *мозги* (*телячьи мозги*), *мороз* (*двадцать градусов мороза*) и *морозы* (*Но вот уже трещат* ***морозы*** (*П.*) и т. п., так как эти слова соотносительных пар единственного и множественного числа в пределах одного значения не имеют: в одном значении они имеют только единственное число (*сбор, мозг, мороз* и др.), в другом они употребляются только во множественном числе (*сборы, мозги, морозы* и т. д.).

О значениях, которые разграничиваются в абстрактных и вещественных существительных формами единственного и множественного числа, см. в § 143—145.

§ 152. Существительные, употребляемые только в единственном числе. Среди существительных, обладающих формой

единственного числа, имеют только эту форму и не образуют формы множественного числа следующие разряды слов:

1) собирательные существительные, например: *гнилье, мошкара, учительство, родня, профессура* и т. п. (см. § 142);

2) отвлеченные существительные, выступающие в своей основной функции словесного выражения абстрактных понятий, например: *бледность, возникновение, синева, развитие, коллективизация, коммунизм* и т. п. (см. § 145);

3) собственные существительные, если они употребляются как наименования единичных предметов, например: *Ленинград, Нева, Урал, Пушкин* и т. п. (см. § 140);

4) вещественные существительные в своем основном значении, например: *молоко, сахар, клюква, бетон, маис* и т. д. (см. § 143).

§ 153. Существительные, употребляемые только во множественном числе. Среди существительных, обладающих формой множественного числа, употребляются только в этой форме и не имеют формы единственного числа две группы слов.

К первой группе относятся:

1) немногочисленные отвлеченные существительные, обозначающие сложные действия и состояния, явления природы, общественные события, бытовые обряды, отрезки времени, различные игры и т. д., например: *хлебозаготовки, проводы, выборы, хлопоты, доходы, смотрины, именины, происки, нелады, потемки, сумерки, горелки, жмурки, прятки, дрязги, заморозки* и т. д.;

2) немногие вещественные существительные, обозначающие или самое вещество, материал, массу и т. д., или получившиеся от какого-либо вещества в результате определенного действия отходы и остатки, например: *дрожжи, чернила, дрова, сливки, консервы, румяна, белила, отруби, очистки, подонки, выжимки, опилки, стружки* и т. д.

Ко второй группе относятся:

1) отдельные собственные существительные, являющиеся географическими или астрономическими названиями, например: *Вешняки, Бронницы, Холмогоры, Жигули, Альпы, Сухиничи; Близнецы, Рыбы* и т. д.;

2) некоторые конкретные существительные, обозначающие составные предметы (в том числе и так называемые „парные"), например: *сани, брюки, тиски, гусли, весы, шахматы, салазки, вилы, очки, перила, помочи, плавки, щипцы, ворота, часы, носилки, грабли, ножницы, качели* и т. д.

§ 154. Остатки форм двойственного числа. В древнерусском языке, как и в других славянских языках в прошлом, различались не две, а три формы числа: помимо единственного и множественного, было также двойственное число.

Существительные в двойственном числе обозначали или два предмета в ряду однородных (*два шага*), или так называемые

„парные" предметы, т. е. два предмета, мыслимые как одно целое (*глаза́*).

Грамматическое противопоставление двойственности предметов одному или их раздельному множеству русским языком, как и большинством родственных славянских языков, было утрачено.

От форм двойственного числа существительных сохранились лишь немногие следы в именах мужского и среднего рода, обозначающих парные предметы, и в единичных именах мужского рода в сочетании с количественным числительным *два*.

Старые формы им.-вин. пад. двойственного числа слов мужского и среднего рода со значением парности употребляются в настоящее время как формы множественного числа (*берега́, бока́, веки, глаза́, колени, очи, плечи, рога́, рукава́, уши* и др.).

Старые формы им.-вин. пад. двойственного числа слов мужского рода при числительном *два* аналогичны окончанию род. пад. ед. числа, но отличаются от него ударением (*два шага́, два часа́, два ряда́, два раза́*).

Остатки форм двойственного числа содержатся также в наречии *воочию* (из *въ очию* — предл. пад.) и числительном *двести* (из *дъвѣ сътѣ*).

Категория падежа имен существительных

§ 155. Система падежей в современном русском языке. Существительные в современном русском языке, выступая в речи в качестве какого-либо члена предложения, всегда употребляются в том или ином падеже.

Падеж является той грамматической категорией существительных, которая выражает отношение существительного к другим словам словосочетания и предложения.

Подавляющее большинство существительных для выражения своих синтаксических функций имеет особые падежные формы, например: ***Книга*** *лежала на столе; Он взял* ***книгу;*** *Не позабудь* ***о книге!*** И т. д.

Эти существительные представляют собой единство ряда соотносительных падежных форм, образующих их склонение.

Каждая из падежных форм таких существительных имеет свое синтаксическое значение, которое может выявляться или самостоятельно, или в сочетании с предлогами.

Подобные слова являются склоняемыми существительными. Небольшая группа слов (в основном иноязычного происхождения) в противоположность склоняемым не обладает для выражения своих синтаксических функций особыми падежными формами. Грамматическое значение падежа (как в единственном, так и во множественном числе) в этих словах получает выражение не внутри слова, а вне, т. е. синтаксически, при помощи предлогов и различных форм согласованных с этими существительными слов, например: *Шерстяное* ***кашне*** *сестры почему-то лежало на*

столе; Такого ***кашне*** *в магазине не было; Не забудь о своем* ***кашне*** и т. д.

Такие существительные всегда представляют собой одну и ту же форму, имеющую или одно, или другое падежное значение. Они называются несклоняемыми существительными.

В русском языке различается шесть падежей. Из них именительный падеж употребляется только беспредложно, предложный падеж, как говорит само название этого падежа, употребляется только с предлогами, остальные (родительный, дательный, винительный, творительный) известны как в сочетании с предлогами, так и без них.

Иногда в пределах родительного выделяется собственно родительный падеж (*продажа лука, белизна снега, производство сыра* и т. д.) и количественно-разделительный, или отделительный падеж (*килограмм луку, немного сыру, много снегу, кусок сахару* и т. д.), а в пределах предложного — изъяснительный (*о снеге, о лесе, о доме* и т. д.) и местный (*на снегу, в лесу, на дому, в степи, на печи* и т. д.) падежи.

Наблюдения над склонением существительных говорят, однако, что выделение в качестве падежей отделительного значения родительного падежа и местного значения предложного падежа является неоправданным, так как особыми падежными формами, имеющими количественно-разделительное, с одной стороны, и местное, с другой, значения обладают не все склоняемые существительные, а лишь их определенные (причем немногочисленные) группы.

В самом деле, специфическая падежная форма на *-у (-ю)* количественно-разделительного значения присуща только некоторым вещественным и абстрактным существительным мужского рода, а специфическая падежная форма местного значения на *-у (-ю)* для слов мужского рода и на ударное *-и́* для слов женского рода типа *степь* характерна лишь для односложных слов, например: *в лесу, на снегу, в шкафу, на посту, на печи́, в дали́* и т. д.

Для подавляющего большинства существительных в ед. числе и для всех существительных во мн. числе особые падежные формы этих значений не свойственны (ср.: *в университете, на столе, в городе, на окне, на воде, в вещи, в лесах, на шкафах, в печах* и т. д.).

§ 156. Основные значения падежей. Именительный падеж в предложении служит прежде всего средством выражения подлежащего, но употребляется также в функции именной части сказуемого, приложения и уточнения.

Вне связи с членами предложения именительный падеж используется в речи (как в древнерусском языке — особая звательная форма) для выражения обращения.

Вне предложения именительный падеж представляет собой падежную форму существительного, выступающую в чисто назывной функции, как словарное наименование того или иного предмета действительности.

Родительный падеж может употребляться при именах и глаголах, а также при наречиях.

В приглагольном употреблении родительный падеж может служить:

1) для выражения прямого объекта, на который действие глагола распространяется лишь отчасти (*взять соли, купить сахара, принести вина* и т. п.);

2) для выражения прямого объекта при глаголах с отрицательной частицей *не* (*не читали романа, не знаю этой улицы, не любила осени* и т. д.);

3) для обозначения объекта после глаголов достижения, желания, удаления и т. д. (*просить разрешения, хотеть покоя, ждать решения, требовать гонорара, лишиться товарища, опасаться нападения* и т. д.);

В приименном употреблении родительный падеж может выступать:

1) для выражения различного рода определительных отношений, в том числе и принадлежности (*слова Пушкина, музыка Прокофьева, очки деда, комната матери, человек дела, день отдыха, студент педвуза, следы ног, работник амбулатории, начальник поезда* и т. п.);

2) для обозначения субъекта, являющегося производителем действия или носителем определенного признака (*наступление противника, шум прибоя, песни соловья, работа студентов, помощь друга, приказ директора* и т. д.; *теплота тела, храбрость любимого, ясность неба, влажность воздуха, любознательность школьника* и т. п.);

3) для выражения прямого объекта, полностью охваченного действием, обозначенным отглагольными существительными, образованными от переходных глаголов (*формирование армии, обжиг кирпича, обмазка печей* и т. д.), ср.: *формировать армию, обжигать кирпич, обмазать печи* (винительный падеж);

4) для выражения количественных отношений, когда родительный падеж используется или как обозначение считаемых предметов, или как обозначение целого, из которого берется какая-либо часть (*полк солдат, стадо коров, стая волков, груда бревен; стакан молока, партия товара, тонна зерна, щепотка перцу, капля дегтю* и т. д.).

Употребляясь при простой сравнительной степени прилагательного, родительный падеж служит для обозначения предмета сравнения (*сильнее брата, больше горошины, чернее ночи* и др.).

Дательный падеж чаще всего употребляется при глаголах, но возможен и при существительных.

В приглагольном употреблении он используется: с личными формами глагола для выражения косвенного объекта, к которому направлено действие (*помогать брату, отдать товарищу, писать однополчанам* и т. д.); в безличных предложениях для

выражения субъекта состояния (***Брату** хочется играть; **Мальчику** не спится* и т. д.).

В приименном употреблении он может выступать:

1) в качестве косвенного объекта, к которому направлено действие, выраженное отглагольными существительными, соотносительными с глаголами, требующими дательного падежа (*помощь студентам, служение родине, ответ сестре, подарок учителю* и т. д.);

2) для выражения определительных отношений с оттенком назначения (*памятник Пушкину, цена деньгам, корм лошадям* и т. д.).

Винительный падеж употребляется только при глаголах. Он является обычно падежной формой для выражения прямого объекта, полностью охваченного направленным на него действием, которое обозначено переходным глаголом (*написать статью, любить жену, принять делегацию, отодвигать стол* и т. д.). Реже и лишь от лексически ограниченной группы существительных соответствующего значения он известен как падеж меры времени и пространства (*ждать месяц, ехать неделю, пройти километр, пробежать стометровку* и т. д.).

Творительный падеж известен чаще всего в приглагольном употреблении, но наблюдается и в приименном.

Употребляясь при глаголах, он выступает как падежная форма для выражения:

1) орудия действия (*писать авторучкой, смыло прибоем, измазать грязью, толкнуть ногой* и т. д.);

2) производителя действия, которым может быть как действующее лицо, так и действующий предмет (такое использование творительного падежа наблюдается только в страдательных конструкциях: *Модель построена **учеником;** Мяч пропущен **вратарем;** Двор усыпан **листьями;** Небо закрыто **тучами*** и т. д.);

3) объекта действия (*руководить аспирантом, командовать взводом, заведовать редакцией, наполнить водой, нагрузить картофелем* и т. д.);

4) для обозначения признака предмета в именной части сказуемого (*быть каменщиком, стал ученым, казаться неряхой* и т. д.);

5) для выражения временных и пространственных отношений (*шел поздним вечером, встретились преподавателями, проходить лесом, идти берегом, пробежать сторонкой* и т. д.);

6) способа действия и сравнения (*петь басом, вышить крестом, мяукал котенком* и др.).

В приименном употреблении творительный падеж обычно встречается при отглагольных существительных для выражения тех же значений (ср.: *руководство работой, вышивка крестом, щелканье зубами, наполнение водой, проезд берегом, прогулки вечерами, разбор студентами* и т. д.).

Творительный падеж при прилагательных выражает различные ограничительные отношения (*довольный успехом, огорченный игрой, высокий ростом, сильный духом* и т. д.).

Предложный падеж как изъяснительного, так и местного значения употребляется только с предлогами: *о* (*обо, об*), *в* (*во*), *при, по, на.*

От остальных падежных форм форма предложного падежа и отличается тем, что она является сложным образованием, состоящим из формы существительного и предлога.

Беспредложная форма существительного здесь (например: *городе, лесу, земле, степи* и т. д.) представляет собой не самостоятельную падежную форму, как в других случаях (*брат ушел, письмо брата, письмо брату, искал брата, сделано братом* и т. д.), а является всего лишь одним из ее элементов, отдельно не имеющим никакого грамматического значения.

Если для остальных падежных форм предлоги являются лишь средством уточнения и обогащения грамматических значений падежных форм, то в предложном падеже они выступают как основная часть самой падежной формы.

Предложный падеж известен как в приглагольном употреблении, так и в приименном.

Сочетаясь с глаголами, предложный падеж выражает прежде всего:

1) объект речи, мысли, чувства или состояния (*позаботиться о матери, говорить о диссертации, беспокоиться о сыне, думать о прошедшем, сомневаться в пользе, скучать по любимой* и т. д.);

2) место и время действия (*лежать в постели, курить в комнате, играть в саду, бродить в лесу, уехать в январе, любить в юности, при Пушкине, на лугу, на заводе, на рассвете, по исправлении* и т. д.);

3) орудие действия (*играть на гитаре, напечатать на машинке* и т. д.);

4) образ и способ действия (*отвернуться в смущении, передать на словах* и т. п.).

С этими же значениями предложный падеж прежде всего употребляется и в сочетании с существительными, чаще всего отглагольными (*объявление о состязании, слух о приезде, жизнь в деревне, встреча в лесу, купанье в реке, игра на баяне, передача на словах* и т. д.).

Кроме того, приименное употребление предложного падежа может служить для обозначения качества предмета по отношению к другому предмету (*шуба на меху, старик в очках, девушка в халате* и т. д.).

§ 157. Типы склонения имен существительных. В именах существительных на основе наблюдающихся в ед. числе различий в падежных окончаниях традиционно выделяются три основных типа склонения.

Первое склонение образуют существительные мужского рода, имеющие нулевое окончание (исключая слово *путь*), и существительные среднего и мужского рода, оканчивающиеся в им. пад. ед. числа на *-о, -е,* например: *трактор, слесарь, сарай, планетарий; бревно, средство, пристанище, платье, стремление; домишко, ножище* и т. п.

Второе склонение составляют существительные женского, мужского и „общего" рода, которые имеют в им. пад. окончание *-а (-я),* например: *гора, капля, свая, гостья, ликвидация; юноша, Петя, судья; забияка, задира, брюзга* и т. д.

Третье склонение включает в себя существительные женского рода с основой на мягкие согласные или шипящие, которые в им. пад. имеют нулевое окончание, например: *молодость, зыбь, зависть, сталь, тетрадь, ткань, тишь* и др.

Относящиеся к этому склонению слова *мать* и *дочь* во всех падежах, кроме им.-вин. ед. числа, имеют особую (с суффиксом *-ер-*) основу (см. § 159).

Вне этих трех основных типов склонения остаются разносклоняемые существительные (т. е. слова среднего рода на *-мя* типа *знамя* и слово *путь*), а также существительные, образованные морфолого-синтаксическим способом из прилагательных, которые сохранили склонение последних (*рабочий, мостовая, жаркое* и др.).

Легко заметить, что классификация существительных по типам склонения опирается в современном языке на категорию рода.

Для каждого из намеченных типов склонений в единственном числе характерны особые, специфические лишь для них падежные окончания.

Так, существительные 1-го склонения в ед. числе имеют следующие основные падежные окончания: И.— „нулевое" окончание (м. р.) или окончания *-о, -е* (ср. р.), Р.—*-а (-я),* Д.—*-у (-ю),* В.— „нулевое" окончание (для неодушевленных м. р.), *-о, -е,* (ср. р.) или *-а (-я)* (для одушевленных м. р.), Т.—*-ом, -ем,* П.—*-е* или (от слов с основой на *-ий-* типа *планетарий, пение*) *-и.*

Помимо основных окончаний, у отдельных существительных этого склонения имеется в род. и предл. пад. ед. числа и вариантное окончание *-у (-ю),* употребляющееся в строго определенных случаях.

Для существительных 2-го склонения в ед. числе свойственны следующие падежные окончания: И.—*-а (-я),* Р.—*-ы, -и,* Д. и П.—*-е* или (от слов с основой на *-ий-* типа *ликвидация*) *-и,* В.—*-у(-ю),* Т.—*-ой, -ей.*

Помимо основных окончаний *-ой, -ей,* в творительном падеже могут быть и вариантные окончания *-ою, -ею.*

У существительных 3-го склонения в ед. числе имеется лишь три окончания: „нулевое" окончание в именительном и винительном падежах, окончание *-и* в родительном, дательном и предложном, окончание *-ью* — в творительном.

Творительный пад. слов этого склонения может в отдельных случаях иметь окончание *-ию.*

Во множественном числе различие между 1, 2 и 3-м склонениями с такой четкостью не выявляется: в дат., твор. и предл. падежах для всех склонений характерны общие окончания: Д. пад.—*-ам,* (*-ям*), Т. пад.—*-ами* (*-ями*), П. пад.—*-ах* (*-ях*) (старое окончание *-ьми* в твор. пад. в свободном употреблении свойственно лишь словам *дочь, лошадь* и *дверь*); в им. и род. падежах наряду с различиями наблюдается и целый ряд общих черт.

В именительном падеже множественного числа слова 2 и 3-го склонений имеют окончания *-и, -ы.* В 1-м склонении эти же окончания известны: 1) у подавляющего большинства слов мужского рода (*падежи, красители, лектории, соловьи, столы, пробелы* и т. п.) и 2) у небольшой части слов среднего рода (именно у слов с основой на суффиксальное *-к* типа *перышки, блюдечки, стеклышки* и т. д. и обозначений частей тела: *плечи, уши, колени, очи*).

Однако, помимо названных окончаний, у существительных 1-го склонения широко наблюдается также и окончание *-а (-я),* которое имеют почти все слова среднего рода и многие слова мужского рода (*места́, гнёзда, пи́сьма, о́кна; дома́, луга́, вечера́, друзья́, сле́сари* и *слесаря́, го́ды* и *года́* и т. п.).

У слов мужского рода (исключая немногие существительные, имеющие во мн. числе иную основу, чем в ед. числе, — *клочья, братья* и т. д.) окончание *-а (-я)* является всегда ударным. Это ударное окончание присуще не всем существительным мужского рода, а лишь тем, которые имеют в ед. числе постоянное ударение на одном из слогов основы (кроме последнего): *берега́, сторожа́, вечера́, паруса́, тополя́, хутора́, кондуктора́, рога́, города́, края́* и т. д.

В ряде слов окончание *-а (-я)* является не единственным, а вариантным (ср. *возы* и *воза́, слесари* и *слесаря́, цехи* и *цеха́* и т. п.).

Немногочисленные существительные мужского рода с суффиксом *-анин (-янин),* теряющие во мн. числе суффикс единичности *-ин,* имеют в именительном падеже мн. числа окончание *-е* (*хуторяне, горожане, киевляне* и т. п.).

В родительном падеже подавляющее большинство слов 2-го склонения имеет нулевое окончание, однако для ряда существительных этого склонения (чаще всего с основой на мягкие сонорные или на шипящие) в род. пад. характерно и окончание *-ей* (*пригоршней, саклей, долей, клешней, ноздрей, вожжей, юношей, левшей* и т. д.).

Окончание *-ей* как единственное свойственно существительным 3-го склонения (помимо этого окончания, у слова *сажень* имеется и „нулевое", свойственное существительным 2-го склонения — *сажен*).

Что касается существительных 1-го склонения, то они в родительном падеже могут принимать флексии *-ов, -ев, -ей* и „нулевое" окончание.

Окончания *-ов, -ев* характерны для существительных мужского рода с основой на твердые согласные (кроме шипящих) и *-j-* (*километров, заводов, забоев* и т. п.), а также для некоторых существительных среднего рода. Сюда относятся: 1) существительные, имеющие или в обоих числах, или во мн. числе основу на *-j-*: *платьев, перьев* и пр.; 2) существительные с уменьшительно-ласкательными, иногда уже не выделяющимися суффиксами *-це, -ко, -ико: копытцев, очков, колесиков, плечиков, ушков;* 3) отдельные слова вроде *облаков, древков.*

Окончанием *-ей* обладают: 1) существительные мужского рода с основой на мягкие согласные, исключая звук *-j-* (*учителей, гвоздей* и т. д.); 2) некоторые слова на шипящие (*ножей, ежей* и т. д.) и 3) некоторые слова среднего рода: а) с основой на мягкие сонорные — *морей, полей*; б) являющиеся наименованиями парных частей человеческого тела: *ушей, очей, плечей, коленей.*

«Нулевое» окончание имеют в родительном падеже из существительных 1-го склонения следующие: 1) существительные среднего рода с основой на твердые согласные, шипящие и *-j-*: *окон, пожарищ, знаний* и т. п.; 2) некоторые разряды существительных мужского рода, а именно: а) слова с суффиксом *-анин, -янин* (*хуторян, горожан, киевлян* и т. д.); б) слова с суффиксом *-онок* (*-енок*) (*маслят, телят, волчат, утят* и др.); в) отдельные существительные, являющиеся обозначением парных предметов (*сапо́г, сапо́жек* (ср. *сапожок, сапожки*), *валенок, глаз, гла́зок, чулок* и др.), национальностей (*туркмен, цыган, башкир* и т. д.), воинских групп (*солдат, партизан, гусар* и т. п.), мер (*аршин, гран* и пр.), а также слова *во́лос* (род. пад. *воло́с*), *рожок* (род. пад. — *рожек*) и в сочетании с числительными и неопределенно-количественными словами — слово *человек.*

Во всех трех склонениях указанные выше падежные окончания являются в своем подавляющем большинстве одинаково характерными как для слов, имеющих основу на мягкий согласный, так и для слов с основой на твердый согласный. Различия касаются лишь отдельных флексий (например, в род. пад. мн. числа имеем окончание *-ов* у слов мужского рода с основой на твердые согласные, кроме шипящих, но окончание *-ей* — у слов мужского рода с основой на мягкие согласные и шипящие и т. д.). Поэтому говорить о мягком и твердом склонениях нет никаких оснований. Различия орфографического характера (*брата — учителя, весной — землей* и т. д.) ничего общего с морфологией не имеют.

Иными были отношения в разрядах слов, сейчас относящихся к 1-му и 2-му склонениям в древнерусском языке, в котором мягкая и твердая разновидности отличались друг от друга фонетико-морфологически (ср. вин. пад. мн. числа *столы,* но *конь; рыбы,* но *земль,* местн. пад. ед. числа *столѣ,* но *кони; рыбѣ,* но *земли* и т. д.).

Именительный падеж ед. числа и родительный падеж мн. числа определенных групп существительных могут отличаться от других падежей не только характерными для них окончаниями, но и составом гласных фонем в основе.

Так, в ряде слов мужского рода (а также в словах *рожь, ложь, любовь, церковь*) основа именительного падежа ед. числа отличается наличием „беглых" гласных *о* и *е*, отсутствующих в основе других падежей, например: *сон — сна, снами* и т. д.; *пень — пня, пнем, пни* и т. д.; *угол — угла, углу, углов* и т. д.; *ветер — ветра, ветре, ветрам* и т. д.; *воробей — воробья, воробьях* и др.; *ручеек — ручейка, ручейки* и т. д.; *дворец — дворцом, дворцам* и т. д. В ряде существительных среднего и женского рода наличием „беглых" гласных *о, е, и,* отсутствующих в основе других падежей, отличается основа родительного пад. мн. числа, которому свойственно нулевое окончание, например: *чисел — число, числа, числами* и т. д.; *окон — окно, окну, окнах* и т. д.; *ведер — ведро, ведром, ведра* и т. д.; *сердец — сердце, сердца, сердцу, сердцам* и т. д.; *петель — петля, петли, петлями* и т. д.; *пушек — пушка, пушки, пушках* и т. д.; *сплетен — сплетня, сплетню, сплетни* и т. д.; *сказок — сказка, сказки, сказкой, сказками* и т. д.; *ущелий — ущелье, ущелья, ущельями* и т. д.; *шалуний — шалунья, шалуньи, шалуньям* и т. д.

Однако такого рода существительных в целом немного, и состав их новыми словами почти не пополняется.

Исторически такое чередование гласных *о, е, и* с нулем звука находит себе объяснение в различном изменении (исчезновении или прояснении в гласные полного образования) старых редуцированных звуков *ъ, ь, ы, и* древнерусского языка в зависимости от фонетической позиции в слове.

§ 158. Варианты падежных окончаний и их значение. Как правило, существительное для каждого падежа имеет одно характерное окончание. Однако бывает и так, что один и тот же падеж слова получает свое выражение в разных падежных окончаниях (ср. *много снега* и *уйма снегу*, *тоской* и *тоскою* и т. д.). В этом случае, когда в пределах одного и того же падежа слова имеется два разных окончания, одно из них будет основным, другое — вариантным. Основным окончанием называется такое, которое имеют если не все, то подавляющее большинство слов того же склонения и рода; вариантным — такое, которое характерно наряду с основным лишь для отдельных разрядов или единичных слов.

В разных падежах и в различных группах слов отношения между основным окончанием и вариантным могут быть разными, но это будут всегда отношения друг к другу окончаний в формах одного и того же слова.

От таких падежных окончаний, присущих одному и тому же слову, следует четко отграничивать синонимические флексии падежей, характерные для одной какой-либо группы существитель-

ных определенного склонения в отличие от другой группы слов того же склонения; ср. окончания родительного падежа мн. числа существительных 1-го склонения: *-ов, -ей* и „нулевое" окончание у слов: *столов, чертей, сапог* (при отсутствии форм родительного падежа мн. числа: „стол", „чертев", „сапогей".).

Варианты падежных окончаний могут встречаться как в отдельных словах, так и в целых (в том или ином отношении однородных) разрядах, тем не менее их употребление всегда будет разграничено или лексико-грамматически, или стилистически.

Рассмотрим имеющиеся в склонении существительных варианты падежных окончаний.

Вариантное окончание *-у, (-ю)* в родительном падеже ед. числа наряду с основным окончанием *-а (-я)* характерно для ряда слов мужского рода, относящихся к 1-му склонению.

Оно наблюдается: 1) в большой, но ограниченной группе существительных с вещественным значением, 2) в некоторых отвлеченных существительных, 3) в отдельных предложных и отрицательных конструкциях с абстрактными и конкретными существительными.

Формы на *-у (-ю)* в вещественных существительных являются средством выражения количественно-разделительного значения (ср.: *килограмм винограду, луку, рису, сыру, творогу, шоколаду; литр керосину, купоросу, спирту уксусу; купить гороху, маку, ситцу, цементу, пуху* и т. д., но *сбор винограда, вкус творога, продажа керосина; он не рвал гороха, эта мадера крепче хереса* и т. п.).

Окончание *-у* имеет в аналогичных случаях и существительное *народ* (*много народу*, но *воля народа, просвещение народа* и т. д.).

Следует отметить, что, несмотря на продуктивность форм на *-у (-ю)* в вещественных существительных для обозначения целого, из которого берется определенная часть, они оказываются не всегда в этих случаях строго обязательными (вполне возможно: *много снега, нет дыма, немало мусора* и т. д.), а при определении падежной формы существительного прилагательным или причастием сейчас в нормированной речи почти не встречаются (ср. обычное употребление: *стакан чистого спирта, кусок швейцарского сыра, килограмм липового меда* и т. п.).

Возможное, но не обязательное употребление форм на *-у (-ю)* особенно характерно для принимающих это окончание немногочисленных существительных абстрактного значения.

Формы на *-у (-ю)* от этих слов (ср. *блеску, вздору, простору, разговору* и т. п.) в грамматическом отношении совершенно идентичны формам на *-а (-я)* (ср. *блеска, вздора, простора, разговора* и т. д.) и отличаются от последних лишь стилистически (своим разговорно-просторечным характером).

Такое же чисто стилистическое значение и факультативный характер употребления имеет окончание *-у (-ю)*, встречающееся

в отдельных абстрактных и конкретных существительных после предлогов *без, из, от, с* и отрицания (*без спросу, без разбору, из виду, со страху, из дому, с полу, от дыму, ни шагу, ни проходу, ни проезду* и т. д.).

В качестве единственно возможного окончания в отвлеченных и конкретных существительных окончание *-у (-ю)* встречается лишь в составе лексически и грамматически неразложимых фразеологических оборотов (*без году неделя, с глазу на глаз, конца краю нет, без роду и племени, нашего полку прибыло, комар носу не подточит, с кругу сбился, ни синь пороху* и т. д.).

Вариантное окончание *-у (-ю)* в предложном падеже единственного числа наряду с основным окончанием *-е* свойственно для некоторых существительных мужского рода 1-го склонения, по преимуществу односложных и имеющих в ед. числе постоянное ударение на основе.

Многие из слов, принимающих это окончание, имеют вариантную форму на *-у (-ю)* и в родительном падеже (*много льду, дыму, соку, снегу* и *на льду, в дыму, в соку, на снегу* и т. д.).

Обязательным условием появления в указанных существительных данного вариантного окончания является употребление их в сочетании с предлогами *в (во)* и *на* для обозначения места, времени или способа действия (*в бою, в саду, в году, в часу* и т. д.). Без этого условия (т. е. в сочетании с другими предлогами и в конструкциях с предлогами *в (во)* и *на*, не имеющими обстоятельственной семантики) флексия *-у (-ю)* не встречается, например: *Он знает толк в мёде; карьеру сделал на лесе; о меде, пухе* и т. д.

В ряде существительных окончание *-у (-ю)* в обстоятельственных конструкциях с предлогами *в (во)* и *на* является единственно возможным (например, для слов *берег, глаз, бред, дым, воз, лоб, мех, мост, снег, ряд, стог, угол, шкаф* и т. д.), в ряде слов оно употребляется в этих конструкциях параллельно с основным окончанием предложного падежа *-е* (ср. *на ветру — на ветре, на дубу — на дубе, в цеху — в цехе, в отпуску — в отпуске, в чаю — в чае* и др.). В последнем случае падежные формы на *-у (-ю)* по сравнению с формами на *-е* воспринимаются как разговорные.

Параллельное употребление одних и тех же слов то с окончанием *-у (-ю)*, то с окончанием *-е* может разграничивать свободное и фразеологическое употребление слов. Здесь могут наблюдаться два случая: 1) в свободном употреблении слово имеет окончание *-е*, во фразеологическом обороте — *-у (-ю)*: *на корню, на своем веку, работа на дому, на каждом шагу* и *в этом корне, в прошлом веке, в семиэтажном доме, в каждом его шаге* и т. д. 2) В свободном употреблении слово имеет окончание *-у (-ю)*, во фразеологическом обороте — *-е*: *лошадь в поту, яблони в цвету* и *в поте лица, погибнуть во цвете лет.*

Вариантные окончания творительного падежа ед. числа *-ою, -ею* наряду с основными окончаниями *-ой, ей* известны во многих существительных 2-го склонения. Разница между этими окончаниями является чисто стилистической: флексии *-ою, -ею* встречаются лишь в книжной, по преимуществу стихотворной речи как средство, которое позволяет при необходимости для ритма и рифмы варьировать форму одного и того же слова, например: *весной* и *весною, душой* и *душою, парнишкой* и *парнишкою, крышей* и *крышею* и т д.: *И чтоб знали, чем силен, скажем откровенно:* ***красотою*** *наделен не был он* ***отменной*** (*Твард.*).

Вариантное окончание творительного падежа ед. числа *-ию*, помимо основной флексии *-ью*, имеют некоторые абстрактные существительные 3-го склонения, например: *любовию, смертию, страстию, властию, жизнию* и т. д. В современном русском языке оно является морфологическим архаизмом и возможно лишь в книжной речи.

Вариантное окончание именительного падежа мн. числа *-а* (*-я*), наряду с основными окончаниями *-ы, -и*, свойственно некоторым существительным мужского рода 1-го склонения. Различие между этим вариантным окончанием и основными, как правило, заключается в разных сферах их употребления: окончание *-а* (*-я*) характерно обычно для разговорной речи и профессионально-технического просторечия (*инструкторы — инструктора́, лагери — лагеря́, редакторы — редактора́, секторы — сектора́, оводы —овода́, токари — токаря́* и т. д.).

В нормированной литературной речи в словах с двойными окончаниями *-а* (*-я*) и *-ы, -и* сейчас наблюдается тенденция предпочитать новой (в живой речи все более продуктивной) флексии *-а* (*-я*) старое окончание *-ы, -и*.

В немногих словах окончания *-а* (*-я*) и *-ы, -и* выступают как средство различения омонимов или разных значений слова: *поса́* (кожаные) и *поясы* (тарифные), *цвета́* (яркие) и *цветы* (полевые), *пропуска́* (документы) и *пропуски* (пробелы), *меха́* (ходить в мехах) и *мехи* (кузнечные), *хлеба́* (уродились) и *хлебы* (печеные) и т. д.

Окончание *-а* (*-я*) в именительном падеже мн. числа наблюдается также в некоторых существительных 1-го склонения, которые, помимо основы, равной основе ед. числа, могут иметь во мн. числе основу, осложненную суффиксом *-j-* или *-ов-j-*, например: *сыны — сыновья, листы — листья, мужи — мужья, зубы —зубья, клоки — клочья, други — друзья, лоскуты — лоскутья, суки — сучья, колени — коленья — колена* и др.

Такие формы именительного падежа мн. числа различают или омонимы (*зубы — зубья*), или разные оттенки значения слова (*сыны — сыновья*). В однозначных словах флексия *-а* (*-я*), присоединяемая к основе с суффиксом *-j-* (*лоскутья, сучья, клочья, друзья*), является более употребительной, чем флексии *-ы, -и*, формы с которыми осознаются, как правило, архаическими (*лоскуты, суки, клоки, други*).

Вариантное окончание творительного падежа множественного числа *-ьми* наряду с основным окончанием *-ями* имеют относящиеся к 3-му склонению слова *дверь, лошадь, дочь*, а в устойчивых сочетаниях также слова *кость, плеть* (ср.: *лечь костьми, бить плетьми*).

§ 159. Разносклоняемые существительные. К разносклоняемым существительным относятся такие слова, которые имеют падежные окончания, характерные для разных типов склонений.

Это 10 слов среднего рода на *-мя* (*бремя, время, вымя, знамя, имя, пламя, племя, семя, стремя* и *темя*) и существительное мужского рода *путь*.

Особое положение разносклоняемых существительных на *-мя*, помимо принадлежащих разным склонениям флексий, определяется также и разными основами, которые имеются в этих словах в им.-вин. падежах ед. числа, с одной стороны, и во всех остальных, с другой. Все падежи данных существительных, кроме им.-вин. падежей ед. числа, характеризуются суффиксом *-ен-* (с мягким *н* в ед. числе и с твердым *н* во мн. числе). В родительном падеже мн. числа слов *стремя, семя* на месте *-ен* наблюдается *-ян*.

Существительные на *-мя* и слово *путь* в родительном, дательном и предложном падежах ед. числа имеют окончания слов 3-го склонения (*пути, времени, знамени, племени* и т. д.), а в творительном падеже принимают окончания существительных 1-го склонения (*временем, путем, знаменем, племенем* и др.).

Во множественном числе (множественного числа не имеют лишь слова *вымя, пламя, темя*) существительные на *-мя* склоняются, как слова среднего рода на *-о*, а слово *путь* — как слова мужского рода 1-го склонения с мягкой основой, например: *времена, времен, временам, времена, временами, временах; пути, путей, путям, пути, путями, путях*.

Всем словам на *-мя* свойственно в ед. числе устойчивое ударение на основе, а во мн. числе — устойчивое ударение на окончании. Исключение в некоторой степени составляет слово *знамя*, в котором ударение падает на основу и во мн. числе (но уже на второй слог; ср.: *зна́мя, зна́мени, зна́менем* и *знамена, знамен, знаменам, знаменами, знаменах*).

Слово *путь* характеризуется постоянным ударением на окончании. В современной парадигме слов на *-мя* и существительного *путь* в определенной степени отражаются черты тех особых склонений (склонение слов среднего рода с основой на согласный звук и склонение слов мужского рода на *-ĭ*), к которым принадлежали эти слова в древнерусском языке.

К числу разносклоняемых существительных еще во второй половине XIX в. принадлежало также и слово *дитя*, склонявшееся в ед. числе аналогично именам на *-мя* и слову *путь* (исключая

твор. пад.). В творительном падеже это слово имело окончание слов 2-го склонения *-ей (-ею)*. Как и слова на *-мя*, оно имело в косвенных падежах ед. числа осложненную основу с суффиксом *-ят-*. В качестве форм мн. числа к слову *дитя* использовались формы существительного *дети*, имеющего окончания 3-го склонения.

В настоящее время слово *дитя* в косвенных падежах уже не употребляется. В качестве однозначных форм используются соответствующие падежные формы существительного *ребенок*.

Иногда к разносклоняемым существительным относятся, помимо названных выше, также и слова *дочь* и *мать*. Однако несмотря на разные основы, которые имеют эти слова в им.-вин. падежах ед. числа и во всех остальных (*мать, матери, матерью, матерей* и т. д.), относить их к разносклоняемым нет никаких оснований: все окончания, наблюдаемые в именах *мать* и *дочь*, являются флексиями, характеризующими 3-е склонение (ср. разные основы в ед. и мн. числе у слов *небо, чудо*, у имен типа *дерево, котенок, горожанин*, у существительных *судно, курица* и др.).

§ 160. Склонение имен существительных, употребляющихся только во множественном числе. Существительные pluralia tantum склоняются так же, как существительные 1, 2 и 3-го склонений, обладающие формами обоих чисел.

Имея одинаковые окончания *-ам (-ям), -ами (-ями), -ах (-ях)* в дательном, творительном и предложном падежах, различные разряды существительных pluralia tantum дифференцируются лишь по флексии им.-вин. и род. падежей.

В им.-вин. падежах у имен pluralia tantum могут быть окончания *-ы, -и* и *-а*.

Слова на *-а* в родительном падеже имеют обычно „нулевое“ окончание (*дрова — дров, чернила — чернил, румяна — румян, уста — уст* и т. д.). Исключение составляют лишь единичные существительные: *бегá — бегов, хлопья — хлопьев, леса* (строительные) — *лесов*.

Слова на *-ы, -и* могут иметь в родительном падеже как „нулевое“ окончание, так и окончания *-ов, -ев* и *-ей*.

Среди этих существительных окончание *-ей* имеют слова на *-и* с основой на шипящие *ж, ш* и мягкие согласные (исключая *j* и заднеязычные): *кудри — кудрей, сани — саней, щи — щей, сласти — сластей, вирши — виршей* и т. д.; окончание *-ев* — слова на *-и* с основой на *-j*: *обои — обоев, помои — помоев* и т. д.; окончания *-ов* — слова с ударными окончаниями *-ы* и *-и* (после заднеязычных *к, г, х*): *тиски — тисков, часы — часов, мозги — мозгов* и т. п. Что же касается остальных существительных (а это будут имена с основой на твердый согласный или мягкий заднеязычный, имеющие в им.-вин. падежах безударные окончания *-ы, -и*), то у одних из них будут наблюдаться флексии *-ов, -ев*, а у других — „нулевое“ окончание (ср. *консервы — консервов, происки — происков, сборы — сборов, подмостки — подмостков* и т. д. и *макароны — макарон, брюки — брюк, вилы — вил, дрожки — дрожек, латы — лат, сливки — сливок* и т. д.).

Формы родительного падежа таких имен, употребляющихся только во мн. числе, с современной точки зрения объясняются лишь в тех случаях, когда или рядом с ними употребляются исходные формы ед. числа, или в этих словах имеются определяющие тип склонения словообразовательные показатели. Например, „нулевое“ окончание род. падежа в слове *ножницы* определяется наличием в нем суффикса *-ниц-*, присущего только словам женского рода; „нулевое“ окончание родительного падежа в слове *стружки* может быть объяснено через собирательное существительное *стружка*.

§ 161. Несклоняемые существительные. Помимо разобранных выше склоняемых существительных, в современном русском языке имеется сравнительно небольшая группа существительных несклоняемых, у которых особые формы числа и падежа отсутствуют, а грамматические значения числа и падежа выражаются лишь синтаксически — посредством предлогов и падежных форм согласованных с этими именами слов.

К несклоняемым существительным в основном относятся слова иноязычного происхождения. Среди них можно выделить следующие группы:

1. Нарицательные и собственные имена, оканчивающиеся на *е, и, о, у* и ударное *а: ателье, кашне, шоссе, купе, алоэ, желе, шимпанзе, рантье, атташе, пари, жюри, колибри, кули, леди, денди, депо, кино, пальто, соло, трико, рагу, интервью, кенгуру, буржуá, амплуá, бра; Гейне, Фурье, Рабле, Нексе, Кале, Паганини, Ганди, Поти, Капри, Гори, Сухуми, Чили, Джорджоне, Брно, Токио, Дидро, Неру, Амаду, Шоу, Фучжоу, Золя, Дюма, Труа, Тибо* и т. д.

2. Собственные и нарицательные обозначения лиц женского пола, оканчивающиеся на твердый согласный. Сюда относятся слова *мисс, мадам, миссис* и женские имена и фамилии: *Кармен, Элен; стихи Маргариты Алигер, письма Клары Цеткин, выступление Эжени Коттон* и т. д. (ср.: *роман Теодора Драйзера, письма Ромена Роллана* и т. д.).

3. К этим разрядам несклоняемых иноязычных слов примыкают украинские фамилии на *-енко* и *-ко: Шевченко, Василенко, Базыленко, Березко, Ляшко, Франко* и т. д.

Из слов исконно русского происхождения в разряд несклоняемых существительных входят:

1. Русские фамилии на *-ово, -аго, -ых, -их*, по происхождению представляющие собой застывшую форму родительного падежа единственного или множественного числа прилагательных: *Дурново, Бураго, Черных, Теплых, Чутких* и т. д.

2. Русские фамилии с безаффиксной основой, обозначающие лиц женского пола: *статья Ирины Волк, бригада Татьяны Хмель* и т. п.

3. Сложносокращенные слова инициального образования, кроме имен с основой на согласный, образованных сложением начальных звуков: *МГПИ, МГУ, КПСС, ООН, ЦДРИ* (Центральный дом работников искусств) и т. п., но *вуз, вуза, вузу* и т. д.

§ 162. Основные типы ударения при склонении имен существительных. При склонении ударение в одних существительных оказывается неподвижным, т. е. падает во всех падежах на один и тот же слог (*подоко́нник, подоко́нника, подоко́нником, подоко́нники, подоко́нникам* и т. д.), в других — подвижным (*гость, го́стя, го́сти, гостей́, гостя́ми; игра́, игры́, и́гры, и́грах* и т. п.).

Имена существительные, имеющие неподвижное ударение, делятся на две группы: для одних характерно неподвижное ударение на основе, для других — на окончании.

Неподвижное ударение на основе характерно для слов всех трех склонений (*звук, заработок, житель, билет, средство, понятие, болото; муха, неделя, полемика, розочка; требовательность, жизнь, глупость, мораль, нефть* и т. п.), причем во всех склонениях оно представляет собой наиболее продуктивный тип.

Неподвижное ударение на окончании (естественно, что в именительном падеже единственного числа слов мужского рода оно будет на основе) распространено значительно меньше. Продуктивным типом оно является лишь в существительных 1-го склонения (*бык, жених, слон, сентябрь, ферзь, шест, муравей, руль, старик, молодняк, кладовщик, москвич, пустырь, плетень; тепло́, пшено, большинство, пальтецо, словцо, вранье, литье* и т. д.).

Во 2-м склонении таким ударением характеризуется хотя и довольно большая, но замкнутая группа существительных, или имеющих непроизводную основу, или образованных при помощи непродуктивных суффиксов вроде *-ба, -изна, -ва, -ня, -ца* и т. п. (*езда, башка, халва, тоска, юла, кутерьма; стрельба, кривизна, листва, мазня, пыльца* и т. д.).

В словах 3-го склонения неподвижного ударения на окончании нет совершенно.

Имена существительные с подвижным ударением представляют значительно большее разнообразие. Здесь может быть:

1) подвижное ударение, переходящее с основы на окончание,

2) подвижное ударение, переходящее с окончания на основу,

3) подвижное ударение, переходящее с существительного на предлог.

Подвижное ударение, переходящее с основы на окончание, наблюдается в 1-м и 2-м склонениях. Сюда относятся:

1) Существительные мужского и среднего рода 1-го склонения, имеющие в ед. числе ударение на основе, а во мн. числе на окончании (*адрес, паспорт, погреб, колокол, холод, мастер, якорь,*

место, право, стадо, облако, зеркало и т. д., например: *а́дрес, а́дреса, а́дресом* и т. д. и *адреса́, адресо́в, адреса́ми* и т. п.).

2) Существительные мужского рода 1-го склонения, имеющие в ед. числе (кроме предл. пад. местного значения с предлогами *в (во)* и *на*) ударение на основе, а во мн. числе — на окончании (*шкаф, долг, суп, чай, шаг, дуб, мед, строй* и т. д., например: *шкаф, шка́фа, шка́фом* и т. д., но *в шкафу́, шкафо́в, шкафа́ми* и т. д.).

3) Существительные мужского рода 1-го склонения и женского рода 3-го склонения, имеющие в ед. числе и в форме им. пад. мн. числа ударение на основе, а в косвенных падежах мн. числа — на окончании (*гусь, гром, камень, локоть, чёрт, обруч, уголь, весть, плеть; мелочь, ночь, соль, страсть, площадь, пристань* и т. д., например: *гусь, гу́ся, гу́сем, гу́си* и т. д., но *гусе́й, гуся́м, гуся́ми* и т. п.; *ме́лочь, ме́лочи, ме́лочью* и др., но *мелочей́, мелоча́ми, о мелоча́х* и т. д.).

4) Существительные женского рода 3-го склонения, имеющие в ед. числе (кроме предл. пад. местного значения с предлогами *в (во)* и *на*) и в форме им. пад. мн. числа ударение на основе, а в косвенных падежах мн. числа — ударение на окончании (*дверь, печь, грязь, горсть, кость, ось, пыль* и т. п., например: *дверь, две́ри, две́рью* и т. д., но *на две́ри́, две́рей́, дверя́ми* и т. д.).

Некоторые из такого рода слов могут иметь ударные окончания также и в родительном и в дательном падежах ед. числа (ср.: *из груди́, по степи́, по Руси́, по цепи́*).

Подвижное ударение, переходящее с окончания на основу, характеризует в основном лишь существительные женского рода 2-го склонения и среднего рода 1-го склонения, встречаясь только в четырех словах мужского рода 1-го склонения.

Сюда относятся:

1) Существительные женского рода 2-го склонения и среднего рода 1-го склонения, имеющие в ед. числе постоянное ударение на окончании, а во мн. числе — на основе (*гроза, весна, змея, коса, метла, сестра, струна, труба, сирота, стрекоза, вино, зерно, письмо, стекло, ядро, яйцо* и т. д., например: *гроза́, грозы́, грозо́й* и т. п., но *гро́зы, гро́зам, гро́зами* и т. д.).

2) Немногочисленные существительные женского рода 2-го склонения и четыре слова мужского рода 1-го склонения, в которых ударение с окончания на основу переносится лишь в им.-вин. пад. мн. числа (*гвоздь, конь, груздь, червь; копна, губа, нога, слеза, тропа, полоса, скорлупа* и др.; ср. *копна́, копны́, копну́, копно́й, копна́м, копна́ми* и т. д., но *ко́пны*).

3) Немногочисленные существительные женского рода 2-го склонения, в которых постоянное ударение на окончании переходит на основу в вин. пад. ед. числа и им.-вин. пад. мн. числа (*рука, вода, спина, стена, щека, борода, сторона, голова, нога* и некоторые другие; ср. *рука́, руки́, руко́й, рука́ми, рука́х* и т. д., но вин. пад. ед. числа *ру́ку*, им. пад. мн. числа *ру́ки*).

Подвижное ударение, переходящее с падежной формы существительного на предлог, встречается в предложных сочетаниях с существительными всех трех склонений. Везде оно представляет собой явление непродуктивное, касающееся немногочисленных случаев связанного употребления и полунаречного характера (ср. *за́ город, по́д вечер, по́ двору, за́ сердце, и́з лесу, на́ пол, по́ столу, за́ угол, по́ уши, за́ голову, на́ зиму, на́ стену, за́ ногу, до́ крови, на́ ночь* и некоторые другие).

Сравнение с языковой практикой первой половины XIX века показывает, что случаев переноса ударения с существительного на предлог становится всё меньше и меньше. Ср. возможные в то время случаи: *Со сна садится в ванну со́ льдом (П.); Так вместе на́ вечер поедем мы с тобой (Гр.); И по́ брюхо всегда в овсе (Дмитриев); Шапку на́ брови надвинул — и навек затих (Л.); Молчалин на́ лошадь садился (Гр.)* и т. д.

Образование существительных

§ 163. Способы словообразования имен существительных. Имена существительные в современном русском языке не только составляют самый обширный разряд слов, но и активно (интенсивнее, чем какая-либо другая лексико-грамматическая категория) пополняются новыми словами.

Образование существительных происходит при помощи всех известных сейчас способов словообразования. Среди этой категории мы находим как слова, возникшие благодаря тому или иному способу словопроизводства (т. е. морфологическому способу), так и слова, появившиеся в результате словоупотребления, при помощи лексико-семантического (*гражданин* — первоначально „горожанин“, *влиять* — первоначально „вливать“, *положение* и т. д.), лексико-синтаксического (*итог* — из *и того, времяпровождение* и пр.) и морфолого-синтаксического (*столовая, верховой, первое, запятая, кахетинское* и др.) способов словообразования (о них см. § 21).

Однако более всего слов в категории существительных создано и создается морфологическим способом словообразования. В образовании существительных оказываются действенными все имеющиеся в русском языке разновидности морфологического словообразования, причем некоторые из них (безаффиксный способ словообразования, сложение сокращенных основ) известны только в пределах этой части речи.

Самыми продуктивными способами образования новых существительных являются суффиксация и сложение. С помощью их новые существительные образуются от самых разнообразных категорий слов самой различной семантики и морфологического строения.

Значительно менее продуктивными оказываются другие морфологические способы словообразования: префиксальный, суффиксально-префиксальный и безаффиксный. При их помощи существительные появляются на базе лишь той или иной замкнутой категории слов и имеют однообразную структуру и значение.

Суффиксальный способ словообразования в категории существительных является основным способом их производства. С точки зрения семантики существительные, образованные суффиксацией, распадаются на следующие группы:

1) существительные абстрактного значения;
2) существительные со значением лица;
3) существительные, являющиеся названиями животных;
4) существительные, обозначающие предметы и орудия действия;
5) существительные со значением места.

Особо следует выделить существительные с уменьшительными и увеличительными суффиксами субъективной оценки.

§ 164. Суффиксальный способ словообразования абстрактных существительных. Существительные абстрактного значения образуются от самых разнообразных разрядов слов. Однако в качестве продуктивных суффиксов для их производства в настоящее время выступают лишь суффиксы: *-ость (-есть), -ние (-ение), -ка, -(е)ство, -изм*. Остальные (*-ота, -изна, -ина, -ие (-ье), -тие (-тье), -еж, -ба, -аж, -ня, -тельство, -ация, -ура, -щина, -знь, -ежка, -ность, -мость* и др.) или являются малопродуктивными, или непродуктивны совершенно.

Суффикс *-ость (-есть)* образует существительные со значением отвлеченного качества (*грандиозность, ковкость, многолюдность, осмысленность, упадочность, яйценоскость* и т. д.). При его помощи слова образуются почти ото всех качественных и качественно-относительных прилагательных, а также от многих относительных прилагательных и страдательных причастий. С морфологической точки зрения прилагательные, образующие с этим суффиксом существительные, могут быть самыми различными: как непроизводными, так и производными (ср. *грубость, резвость, редкость, клейкость, манерность, парусность, семейность, ходульность, этажность, сложность, торжественность, низменность, принудительность, акробатичность, ультимативность, эмоциональность, домашность, червивость, тусклость, сыпучесть, стекловатость, косолапость, краткосрочность* и т. д.).

Не образуют слов на *-ость* лишь прилагательные с непроизводной основой на *-щ, -ш* и с суффиксом *-ск-* и его производными (исключение составляют слова *детскость, светскость, зверскость*).

Среди образований на *-ость* от причастных основ (или омонимичных им основ прилагательных) есть слова и от страдательных причастий прошедшего времени, и от страдательных причастий настоящего времени (*утомленность, обитаемость* и т. п.). Единичны слова на *-ость* от других разрядов слов (ср. *самость, трусость*).

Вариант *-есть* вместо *-ость* имеет чисто орфографическое значение и появляется только после шипящих *ч* и *ж* (*горючесть,*

пахучесть, всхожесть, свежесть и т. д.). Вариантом *-ость* по существу является непродуктивный сейчас суффикс *-ность*, возникший как словообразующий элемент в конце XVIII — начале XIX в. (*будущность, всеобщность, преходящность, присущность*, ср. также *бытность, горячность, живность*). На основе суффикса *-ость* возникли производные суффиксы *-мость* (*-емость, -имость*) (*сопротивляемость, ходимость, горимость* и т. п.) и *-нность* (*-енность*) (*слетанность* и пр.), образующие слова непосредственно от глагольных основ.

Кроме существительных на *-ость*, абстрактные существительные от качественных основ имеются и с другими суффиксами (*-изна, -ота, -ина, -ие(-ье), -ство*), однако все они являются непродуктивными. Слова, образованные при их помощи, в подавляющем большинстве (исключая слова на *-изна*, в массе появившиеся в XVIII в.) были известны уже в древнерусском языке.

Суффиксы *-ота, -ина, -изна, -ие (-ье), -ство, -ыня* присоединяются только к прилагательным простой морфологической структуры, имеющим с современной точки зрения непроизводную основу или основу с суффиксами *-н-* и *-к-* (*густота, быстрота, краснота, нагота, теснота, темнота, нищета; глубина, тишина, ширина, толщина; белизна, голубизна, кривизна, крутизна, редизна; веселье, здоровье, усердие; лукавство, богатство, убожество, одиночество; гордыня, святыня, твердыня* и т. п.).

Очень продуктивен также суффикс *-ние (-ение)*, образующий существительные со значением действия. Суффикс *-ние (-ение)* в разговорной речи имеет стилистический вариант *-нье (-енье)*. Суффикс *-ние (-ение)* образует существительные почти ото всех глагольных основ: если основа инфинитива оканчивается на согласный звук и гласный *и*, присоединяется *-ение*, если — на звуки *а, е*, присоединяется *-ние* (например: *цвести — цветение, ходить — хождение*, но *формировать — формирование, гореть — горение* и т. д.). Слова на *-ние (-ение)*, как правило, не образуются от корневых бессуффиксальных глаголов (типа *взять, открыть, развить, жить, шить* и т. п.) и глаголов на *-нуть:* образования вроде *биение, гниение* (от *бить, гнить*), *возникновение, проникновение, дуновение* (от *возникнуть, проникнуть, дунуть*) являются единичными.

Не образуются существительные на *-ние (-ение)* обычно и от глаголов совершенного вида с приставками яркого реального значения.

Отглагольные имена на *-ние (-ение)* имеют не только глагольное происхождение, но и глагольную семантику.

В ряде случаев (если перед нами слова соответствующей структуры) в них сохраняются отдельные оттенки категории вида. Такие значения особенно ярко проявляются тогда, когда существуют соотносительные пары слов (ср.: *решение* и *решание, взыскание* и *взыскивание, писание* и *написание, формирование* и *сформирование, конвоирование* и *проконвоирование, печатание* и *напечатание, владение* и *овладение* и т. д.).

Менее активным, чем суффикс *-ние (-ение)*, но все же продуктивным является в области имен действия суффикс *-ка*, образующий слова от глаголов, но без классового показателя (ср.: *стирка, читка, бомбардировка, трактовка* и т. п.). Его словообразовательные связи значительно уже: помимо корневых глаголов и глаголов с суффиксом *-ну-*, слова с этим суффиксом не образуются от глаголов на *-ывать (-ивать), -ствовать, -ничать*. Более продуктивным суффикс *-ка* оказывается лишь в сфере глаголов на *-ировать* (*лакировка, планировка* и т. д.). Значение действия прочно сохраняется в словах на *-ка* лишь в большинстве образований от глаголов несовершенного вида. В словах этого словообразовательного типа от глаголов совершенного вида легко возникают значения орудия действия или его результата (последние часто становятся единственными значениями: *записка, выписка, замазка, закваска, сноска* и др.).

Более конкретный по сравнению со словами на *-ние (-ение)* характер образований на *-ка* сказывается и в том, что нередко такое переосмысление наблюдается и в словах, производных от глаголов несовершенного вида: *терка, штукатурка, сечка* и т. п.

Все прочие суффиксы, выделяющиеся в именах действия, сейчас или непродуктивны, или малопродуктивны и имеют узкие словообразовательные связи.

Суффикс *-тие (-тье)* встречается в словах от глаголов с односложным корнем (*распятие, вздутие, вскрытие, забытье, бритье, прорытие* и т. п.).

Суффиксы *-ба, -еж, -ня* наблюдаются в словах от бесприставочных глаголов несовершенного вида (*борьба, молотьба, стрельба, косьба; галдеж, грабеж, кутеж, дележ; стряпня, грызня, суетня* и др.).

Суффикс *-аж*, как правило, содержится только в словах от иноязычных основ (*шпионаж, массаж, инструктаж, пилотаж* и др.), суффикс *-тельство* — в немногих словах от глаголов с приставками (*вмешательство, посягательство, надругательство, запирательство* и т. п.), суффикс *-овство* — в единичных словах от бесприставочных глаголов именного происхождения (*мотовство, сватовство, шутовство*).

Суффикс *-знь* выделяется в единичных словах давнего происхождения от непродуктивных глаголов типа *жить, болеть, бояться* (*жизнь, болезнь, боязнь*), суффикс *-ота* — в единичных образованиях от бесприставочных глаголов (*дремота, зевота, рвота* и др.), суффикс *-ежка* — в отдельных существительных от основ отыменных глаголов (*бомбежка, зубрежка, кормежка* и т. д.).

Малопродуктивным в сфере отглагольных образований является и суффикс *-ство (-ество)* (ср. *плотничество, мошенничество, бродяжничество* и пр.). Более продуктивным суффикс *-ство (-ество)* бывает при образовании слов с отвлеченным значением от имен существительных: *иждивенчество, дилетантство, пособничество, творчество* и т. д.

Продуктивным в образовании существительных абстрактного значения от иноязычных основ является суффикс *-изм*. Он образует, как правило, слова, соотносительные с наименованиями лиц (*коммунизм — коммунист, туризм — турист, пуризм — пурист, мистицизм — мистик, либерализм — либерал* и т. д.). Существительные на *-изм* обозначают состояния, качества и главным образом научные и общественно-политические течения и направления (*фанатизм, педантизм, парашютизм, утопизм, футуризм, альпинизм, идеализм, трагизм, католицизм, агностицизм* и т. д.).

Отдельные существительные на *-изм* были образованы и от исконно русских слов: *ленинизм, русизм, очеркизм* и др.

Среди слов на *-изм*, помимо существительных абстрактного значения, наблюдаются и образования с предметной семантикой (ср. *архаизм, организм, диалектизм* и т. п.).

В известной мере производительным является другой иноязычный суффикс *-ация*, образующий слова от глаголов на *-ировать*. Существительные с этим суффиксом обозначают отвлеченное действие: *вулканизация, конкретизация, военизация, кинофикация, электрификация* и т. п.

То же можно отметить и относительно суффикса *-щина*. Этот суффикс образует существительные, которые обозначают общественные явления отрицательного характера. В качестве образующих основ таких слов нередко выступают собственные имена. Сюда относятся: *кампанейщина, иностранщина, кустарщина, уголовщина, обыденщина, аракчеевщина, обломовщина* и т. п.

Остальные суффиксы, наблюдающиеся в отвлеченных существительных, совершенно непродуктивны и очень часто встречаются в единичных, очень немногочисленных по количеству словах. К таким суффиксам можно отнести *-ица* (*путаница, нелепица*), *-овизна* (*дороговизна*), *-енство* (*первенство*), *-шество* (*пиршество, новшество*), *-ура* (*литература, архитектура*), *-оба* (*злоба, учеба*), *-от* (*грохот, топот*), *-овня* (*болтовня*), *-ева* (*синева*), *-отня* (*беготня, толкотня, трескотня* и пр.), *-тва* (*жатва, молитва*), *-ика* (*грамматика, архаика, гимнастика, фонетика*), *-ива* (*инициатива*), *-истика* (*характеристика*), *-ада* (*блокада*) и т. п.

Многие слова, возникнув как абстрактные существительные, позже приобретают конкретное значение лица, предмета, орудия действия, его результата, места действия и т. д., например: *сирота, знаменитость, седина, туманность, крепость, внутренности, крепление, печенье, заведение, занавеска, чертеж* и т. д.

§ 165. Суффиксальный способ словообразования существительных со значением лица. Не менее разнообразна и обширна группа существительных со значением лица. Нигде нет такого обилия различных словообразовательных моделей, как в этом разряде имен. Однако и здесь четко выделяется небольшая группа продуктивных суффиксов, которой противостоит множество малопродуктивных или совершенно непродуктивных.

В качестве продуктивных суффиксов выступают только такие, слова с которыми являются стилистически нейтральными названиями лица; суффиксы, вносящие в образуемое слово ту или иную экспрессивно-стилистическую окраску, в современном русском языке непродуктивны.

Среди продуктивных суффиксов со значением лица следует отметить суффиксы *-ец* (от основ имен существительных), *-овец* (*-евец*), *-ик, -щик* (*-чик*), *-льщик* и *-ист, -ант*, образующие существительные мужского рода. Как суффиксы, производящие соотносительные слова женского рода, им соответствуют *-ка, -овка* (*-евка*), *-ица, -ница, -щица* (*-чица*) и *-льщица*, например: *комсомолец — комсомолка, вузовец — вузовка, заочник — заочница, летчик — летчица, шлифовальщик — шлифовальщица, журналист — журналистка, дипломант — дипломантка* и т. п.

Суффикс *-ец* свободно образует новые наименования лиц лишь от основ существительных (*партиец, ленинградец, примиренец* и т. д.). В сфере глагольных основ и основ имен прилагательных (*продавец, борец, гребец; ленивец, глупец* и т. д.) он является сейчас уже непродуктивным. Таким же по производительности и словообразовательным связям является и производный от *-ец* суффикс *-овец* (*райкомовец, метростроевец, орловец* и пр.).

Суффикс *-ик* выступает как продуктивная словообразовательная морфема в производстве существительных от прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-* (*очник, ремонтник, портовик, фронтовик* и пр.). Другие типы образований с этим суффиксом (например, *избранник — избранный, сплетник — сплетня* и т. п.) непродуктивны.

Производный от *-ик* суффикс *-щик* (*-чик*) является действенным и производным в образовании наименований лиц как от существительных, так и от глаголов (*атомщик, бетонщик, литейщик, грузчик, минометчик, полировщик, разносчик* и т. п.). Морфема *-чик* как фонетический вариант суффикса *-щик* появляется в том случае, если образующая основа оканчивается на *з, с, к, г* и одиночные *д* и *т* (если перед *д* и *т*, что бывает очень редко, стоят сонорные или j, используется суффикс *-щик: брильянтщик, алиментщик* и др.).

Суффикс *-льщик* связан словообразовательными связями с бесприставочными глаголами несовершенного вида (*бурильщик, точильщик, верстальщик* и т. д.).

Суффикс *-ист*, как правило, образует слова от основ существительных, чаще иноязычных, реже исконно русских (*металлист, баянист, куплетист, машинист, контрабандист, альтруист, гитарист, авантюрист, журналист, связист, пушкинист, футболист, материалист, социалист* и т. п.). Слова на *-ист*, обозначающие лицо по принадлежности его к определенному общественному направлению или течению, обычно имеют параллельные абстрактные имена на *-изм* (ср. *материалист — материализм, социалист — социализм* и т. д.).

Наконец, продуктивным в сфере иноязычных именных и глагольных основ является и другой интернациональный суффикс — суффикс *-ант (-янт)*: *курсант* (курс), *музыкант* (музыка), *оккупант* (оккупировать), *спекулянт* (спекулировать) и т. п.

Остальные суффиксы со значением лица, если они не относятся к непроизводящим, образуют новые слова в сравнении с названными выше очень слабо. Малопродуктивными являются суффиксы *-тель, -ор, -ёр, -ач, -чанин, -ун, -(а)нец(-инец), -ик* и *-атор*.

Суффикс *-тель* образует существительные со значением лица обычно от префиксальных глаголов исконно русского происхождения (*распространитель, оформитель, соглашатель* и т. п.), суффикс *-ун* — от бесприставочных глаголов также исконно русского происхождения (*летун, врун*), суффикс *-ор* и *-ёр*, как правило,— от глагольных и именных основ иноязычного происхождения (*агитатор, инструктор, инспектор, ревизор; дирижер, монтер, призер, боксер* и т. п.).

Суффиксы *-ач, -чанин, (-а)нец (-инец), -ик* и *-атор* соотносительны с именными основами: суффикс *-ач* — с непроизводными именами существительными как исконно русского, так и иноязычного происхождения (*рифмач, циркач, трюкач, трубач* и т. д.), суффиксы *-чанин* и *-(а)нец (-инец)* — с собственными географическими именами (*харьковчанин, ростовчанин; гоанец* (от *Гоа*), *американец, кубинец* и т. д.).

Иноязычные суффиксы *-ик* и *-атор* соотносительны с основами существительных иноязычного происхождения (*историк, комик, академик, малярик; экспериментатор, реформатор* и т. п.).

Непродуктивны в настоящее время суффиксы *-ак, -ан, -овщик, (-ёвщик), -арь, -тяй, -яй, -ович, -ич, -ей, -ыш, -як, -чак*, соотносительные с основами имен существительных или прилагательных, например: *чудо — чудак, рыба — рыбак; горло — горлан, пузо — пузан; старье — старьевщик, гроб — гробовщик; коса — косарь, врата — вратарь; слюни — слюнтяй; кислый — кисляй; малый — малыш, крепкий — крепыш; Москва — москвич, Кузьма — Кузьмич, Максим—Максимович; грамота—грамотей, богатый—богатей; толстый — толстяк, бедный — бедняк; веселый — весельчак, смелый — смельчак* и т. д.

Непродуктивны суффиксы *-лец, -ок, -(а)рь, -ль, -ч, -тай*, соотносительные с глагольными основами, например: *страдать — страдалец, кормить — кормилец; сидеть — седок, ездить — ездок; пахать — пахарь, печь — пекарь; врать — враль; рвать — рвач, толкать — толкач; глашатай, оратай* — от *глашати, орати* и т. д.

Непродуктивны также иноязычные суффиксы *-онер* (*революция — революционер, селекция — селекционер*), *-ент* (*реферировать — референт, оппонировать — оппонент*), *-ан* (*критика — критикан, интрига — интриган*), *-ир* (*касса — кассир, бригада — бригадир*) и некоторые другие.

Как правило, названные выше словообразовательные типы слов выступают лишь для обозначения лиц мужского пола. Для обозначения лиц женского пола используются особые слова, соотносительные или образованные от параллельных имен мужского рода. Такие слова, обозначающие лиц женского пола, образуются обычно в современном русском языке при помощи суффиксов *-ка, -ица, -ша, -овка (-евка), -ница, -щица (-чица)* и *-льщица*, являющихся продуктивными (ср. *спортсменка, активистка, фронтовичка, чемпионка, москвичка; дипломница, отпускница, полярница, общественница, колхозница; лифтерша, контролерша, кондукторша, библиотекарша, регистраторша; вузовка, метростроевка; работница, спутница; наборщица, разносчица; писательница, мечтательница; купальщица, штопальщица* и т. д.). В целом ряде случаев, однако, в качестве суффиксов, образующих соотносительные с именами мужского рода названия лиц женского пола, выступают и другие, в настоящее время непродуктивные: *-енка, -есса, -иса, -ья, -ыня(-иня)* и т. п. (*француженка, поэтесса, актриса, болтунья, рабыня, графиня* и пр.).

Следует отметить, что все такого рода суффиксы (как продуктивные, так и непродуктивные) могут образовывать иногда и существительные женского рода иного характера, несоотносительные с именами лиц мужского пола. К таким словам относятся, например, *маникюрша, старостиха, попадья* и т. п., которые относятся к словам *маникюр, староста, поп* и пр. совсем не так, как существительные *кондукторша, трусиха* и пр.— к именам *кондуктор, трус* и т. д.

Если слова *кондукторша, трусиха* являются простыми обозначениями кондуктора, труса (только не мужского, а женского пола), то *старостиха, попадья* — названия жен старосты, попа, *маникюрша*—обозначение женщины по ее профессии и т. д.

Параллельные наименования лиц, отличающихся между собой только полом, образуют по большей части регулярные соответствия суффиксальных типов: словам на *-ист* соответствуют образованные от них слова на *-ка* (*баскетболист — баскетболистка* и пр.), словам на *-тель* — образованные от них слова на *-ница* (*спаситель — спасительница* и др.) и т. д. Однако это наблюдается не всегда, например: *портной — портниха, продавец — продавщица, старик — старуха, толстяк — толстуха, ткач — ткачиха, господин — госпожа* и др., но *певец — певица, озорник — озорница, пошляк — пошлячка, скрипач — скрипачка, крестьянин — крестьянка* и т. д.

В том случае, если существительные мужского рода выступают как названия лица вообще, безотносительно к полу, параллельных образований женского рода не наблюдается (ср. *педагог, врач, секретарь, профорг, товарищ, человек* и т. д.). Такие существительные одинаково свободно применяются как для обозначения лиц мужского пола, так и для обозначения лиц женского пола. Параллельных образований не наблюдается также и тогда, когда

лицо характеризуется по деятельности или качествам, свойственным лишь одному какому-либо полу (ср. *бородач, коваль, футболист, доярка, прачка, маникюрша* и т. п.). Только в мужском роде оформляются при помощи малопродуктивных суффиксов *-енок, -чонок* и *-еныш* слова, представляющие собой названия детенышей и детей (*бесенок, чертенок, цыпленок, котенок, волчонок, китайчонок, татарчонок, октябренок, гусеныш, утеныш* и т. п.).

Так как категория слов „общего" рода со значением лица в современном русском языке в целом непродуктивна и образует относительно небольшую и слабо пополняющуюся группу существительных, непродуктивными или малопродуктивными оказываются и те суффиксы, при помощи которых эти слова образуются. Существительные общего рода образованы при помощи суффиксов *-ена, -ица, -ка, -ла, -оня, -ха, -оша, -са, -уша, -уля, -уга, -юка, -ыга, -яга* и некоторых других (*гулёна, тупица, гуляка, тараторка, запевала, тихоня, растеряха, святоша, плакса, дорогуша, капризуля, хапуга, злюка, торопыга, работяга* и т. п.).

§ 166. Суффиксальное словообразование существительных, обозначающих животных. Полную противоположность существительным со значением лица представляют в словообразовательном отношении имена, обозначающие животных. Здесь нет продуктивных моделей, специфических суффиксов, характерных только для этого разряда слов; не наблюдается регулярных и четко отграниченных друг от друга соответствий между названиями животных и определенными типами слов, от которых они образуются. Более или менее однотипно лишь образование слов для обозначения самок животных, в этом случае обычно используются суффиксы *-ица* и *-иха*, например: *тигр — тигрица, заяц — зайчиха, медведь — медведица, слон — слониха* и т. п. Однако и здесь немало нерегулярных образований типа *кот — кошка, коза — козел, павлин — пава, гусь — гусыня* и разнокорневых слов (ср. *баран — овца, петух — курица, бык — корова*).

Что касается слов, являющихся общим наименованием животных, то среди них не наблюдается каких-либо общих словообразовательных моделей. Они образованы (если не представляют собой слова с непроизводной основой) при помощи самых разнообразных суффиксов: *кукушка, глухарь, червяк, грызун, петух, утка, клюква* и т. д. Это объясняется прежде всего тем, что большинство такого рода слов, если они не заимствованы, возникло очень давно и пережило немало изменений.

§ 167. Суффиксальное словообразование существительных со значением предмета. Существительные со значением предмета представляют собой образования от самых разнообразных разрядов слов, однако больше всех среди них производных от глаголов и прилагательных. Именно с основами последних связаны немногие продуктивные суффиксы в сфере слов этого значения. Наиболее интенсивно пополняющейся группой среди слов предметного значения являются отглагольные существительные со значением о р у д и я

д е й с т в и я, образуемые при помощи суффиксов *-тель, -льник, -лка* и *-ник*.

Все названные суффиксы первоначально образовывали только имена лиц (*читатель, целовальник, гадалка, шутник* и пр.) и лишь с развитием машинной техники стали продуктивными словообразовательными элементами в производстве существительных со значением орудия действия. Использование этих суффиксов в сфере обозначений орудий действия ведет к утрате ими продуктивности в образовании имен лиц. В современном русском языке, как выше уже указывалось, суффиксы *-тель, -ник* участвуют в образовании новых названий действующих лиц очень слабо, а *-лка* и *-льник* — совершенно непродуктивны.

Суффиксы *-тель, -льник* и *-лка* (а также малопродуктивный суффикс *-ло*: *грузило, поддувало* и др.) образуют слова от переходных глаголов на *-а, -и, -е*, как префиксальных, так и бесприставочных, причем при образовании эти суффиксы присоединяются к тематическому гласному инфинитивной основы, например: *двигатель, зажигатель, углубитель, выпрямитель, копнитель, глушитель; умывальник, кипятильник, холодильник; сеялка, зажигалка, грелка* и т. д. Суффикс *-ник* соотносителен с глагольно-именными основами и присоединяется в процессе словопроизводства к конечной согласной основы: *окучник, приемник, запальник* и др. Остальные суффиксы (*-щик, -ор, -ун*) встречаются лишь в единичных словах (ср. *тральщик, культиватор, колун* и т. п.) и не являются продуктивными.

Среди суффиксов, образующих общие наименования предметов, продуктивен только суффикс *-ка*. При помощи этого суффикса новые слова образуются на базе основ прилагательных как параллель словосочетанию (*зенитка, многотиражка, пятилетка, вечерка* и т. п., см. выше, § 38). Остальные (самые различные по своим конкретным значениям и словообразовательным связям) в настоящее время непродуктивны и за редким исключением новых слов уже не образуют. Это суффиксы *-ак* (*-як*), *-арь, -во* (*-ево*), *-ель, -ец, -ик, -ина, -ник, -няк, -овина, -овище, -ок, -ыш, -ятина* и некоторые другие, например: *пятак, словарь, месиво, курево, капель, сырец, грузовик, утренник, баранина, известняк, градусник, пуповина, кнутовище, отросток, желток, вкладыш, мякиш, дохлятина* и т. д.

§ 168. Суффиксальное словообразование существительных со значением места. Еще менее продуктивны и количественно немногочисленны суффиксальные существительные со значением места. Только два суффикса здесь могут быть охарактеризованы для современного русского языка как производительные. Это суффиксы *-лка* и *-льня*. Все остальные (*-ище, -ица, -лище, -ник, -ня, -овье*) являются непродуктивными и новых слов со значением места не образуют.

В настоящее время более продуктивными, нежели суффиксальные способы, в образовании слов этой семантики оказываются

суффиксально-префиксальный и морфолого-синтаксический. Суффикс *-льня* образовывал и в определенной степени образует существительные от инфинитивной основы глагола, например: *раздевальня, парильня, купальня, читальня, ожидальня, красильня, опочивальня* и т. п. Таковы же словообразовательные связи суффикса *-лка*, выступающего нередко в качестве просторечного варианта суффикса *-льня* при тех же самых глаголах (*раздевалка, читалка, ожидалка, умывалка* и т. п.).

Среди непродуктивных суффиксов суффикс *-лище* соотносителен с глагольными основами (*вместилище, училище, жилище, чистилище* и т. д.), суффикс *-ица* — с основами имен прилагательных (*больница, темница, теплица* и др.), суффиксы *-ище, -ник* и *-овье* — с основами имен существительных (*пепелище, стрельбище, гульбище, пожарище, городище* — от *пепел, стрельба, гульба, пожар, город; рудник, пчельник, коровник; верховье, низовье* и т. д.). Суффикс *-ня* соотносителен как с именами существительными, так и с глаголами (*колокольня, пекарня; пашня, бойня* и т. п.).

§ 169. Суффиксы собирательного и единичного значения. Особо следует отметить суффиксы собирательного и единичного значения. Собирательные суффиксы (*-няк, -ник, -ва, -j(е), -ство, -ат, -ура* и др.) от имен, обозначающих единичные предметы, образуют собирательные существительные (типа *ивняк, малинник, листва, тряпье, учительство, старостат, профессура*). Сингулятивные суффиксы *-ина* и *-инка* от вещественных и собирательных существительных образуют названия единичных предметов (*горошина, хворостина; чаинка, росинка* и т. д.).

§ 170. Суффиксы субъективной оценки и реального уменьшения и увеличения. Совершенно отдельно от всех остальных суффиксальных образований в существительных необходимо рассматривать слова с так называемыми суффиксами субъективной оценки. Образования с этими суффиксами, по сравнению с теми словами, от которых они образованы, представляют собой в подавляющем большинстве не новые слова, а их формы, нередко отличающиеся от тех слов, на базе которых они возникли, только особой эмоционально-экспрессивной окраской, например: *голос — голосище, место — местечко, год — годик, ночь — ночка, земля — землица, дед — дедушка, закат — закатище, вино — винцо*, и т. п.

Подобные образования могут отличаться от своих производящих и лексическим значением, но это наблюдается только тогда, когда последние являются наименованиями конкретных предметов, могущих быть различными по размеру. Слова с реальной уменьшительностью и увеличительностью, как и чистые формы субъективной оценки (см. примеры выше), являются всегда образованиями того же рода, к которому принадлежат слова, на основе которых они образованы (*дом — домик — домина, борода — бородка — бородища, зеркало — зеркальце — зеркалище* и т. п.).

Из продуктивных суффиксов, в которых тот или иной оттенок субъективной оценки (презрения, уничижения и др.) может сочетаться со значением реальной увеличительности, следует отметить лишь суффиксы *-ище* (для муж. и ср. родов), *-ища* (для жен. рода) и *-ина* (дла муж. и жен. родов), например: *носище, домище, дымище, кулачище; винище, копытище; силища, духотища, пылища, ручища, домина, хвостина, лапина* и т. п.

Среди суффиксов, в которых тот или иной оттенок субъективной оценки (ласкательности, сочувствия, пренебрежения, иронии и т. д.) может сочетаться со значением реальной уменьшительности, наблюдается разнообразия значительно больше. В образованиях мужского рода выделяются продуктивные суффиксы *-ик, -чик* и малопродуктивные *-ок* (*-ек*), *-ец* и *-ышек* (*халатик, тазик, аргументик, чемоданчик, моторчик, костюмчик, листок, материалец, колышек* и т. п.). В образованиях женского рода необходимо прежде всего указать продуктивные суффиксы *-ка, -очка, -енька* и малопродуктивные или непродуктивные вовсе суффиксы *-ешка, -ица* (*-ца*), *-енка* (*-онка*), *-ишка, -ушка* и *-урка* (*идейка, комнатка; формочка, кисточка, ленточка; дороженька, Наденька, ноченька; рыбешка, водица, пыльца, ручонка, коровенка, страстишка, избушка, дочурка* и т. д.).

В образованиях среднего рода наблюдаются продуктивные суффиксы *-це* (*-цо*), *-ецо, -ице* и непродуктивные *-ышко, -ишко, -ко* и *-ико* (*дельце, словцо, пальтецо, мненьице; пятнышко, колечко, личико* и др.).

От образований с уменьшительно-ласкательными суффиксами в ряде случаев могут быть образованы вторичные формы субъективной оценки с помощью суффиксов *-ек* и *-ка*, например: *дружок — дружочек, узелок — узелочек, ремешок — ремешочек; книжка — книжечка, водица — водичка* и т. д.

В ряде образований с суффиксами субъективной оценки в результате семантических изменений суффиксы, входящие в их состав, или потеряли свое первоначальное значение (*ножик, печка* и т. п.), или не выделяются в настоящее время вовсе (*крыльцо, мешок, чашка, блюдце, корка, молоток* и пр.).

Таковы основные разряды суффиксальных существительных, которые составляют определенные словообразовательные модели, различные по своей продуктивности и семантике. Естественно, что, кроме названных и в той или иной степени охарактеризованных суффиксов, в отдельных словах могут выделяться и другие, как словообразовательные элементы себя или уже не проявляющие, или еще не проявившие. Такие при обзоре не указывались. В качестве примеров такого рода суффиксов можно назвать суффиксы *-азм* (*энтузиазм*, ср. *энтузиаст*), *-илия* (*флотилия*, ср. *флот*), *-айка* (*лужайка*, ср. *луг*), *-ад* (*маринад*, ср. *мариновать*), *-юзга* (*мелюзга*, ср. *мелкий*), *-ея* (*толчея*, ср. *толкаться*), *-н(тлен*, ср. *тлеть*), *-ал* (*театрал*, ср. *театр*), *-ив* (*реактив*, ср. *реакция*), *-ариум* (*розариум*, ср. *роза*) и т. д.

§ 171. Образование сложных существительных. Не менее продуктивен в сфере имен существительных, хотя и более ограничен в своих словообразовательных и семантических возможностях, способ сложения основ и слов. Следует различать чистое сложение и сложение слов с одновременной суффиксацией. При чистом сложении слово образуется в результате соединения в одно целое двух основ или слов без каких-либо дополнительных словообразовательных процессов, например: *лен, комбайн — льнокомбайн; плащ, палатка — плащ-палатка; газ, снабжение — газоснабжение; Калинин, град — Калининград; тепло, воз(ить) — тепловоз* и т. д.

При сложении с одновременной суффиксацией (этот способ имеет аналогию в суффиксально-префиксальном способе словообразования) слово возникает как результат объединения двух основ с одновременной суффиксацией опорной основы. Такой способ словообразования можно назвать сложносуффиксальным, например: *редкий, лес — редколесье; восемь, гран — восьмигранник; босая, нога — босоножка* и т. п.

Среди сложных существительных выделяются самые разнообразные типы как по степени и характеру объединения двух слов в одно слово, так и по словообразовательному строению и лексико-грамматической принадлежности объединяемых основ или слов.

По степени объединения двух слов в одно сложные существительные делятся на две неравные группы. Небольшую, но активно пополняющуюся в настоящее время составляют составные сложные существительные, состоящие из двух склоняемых существительных: *завод-автомат, фабрика-кухня, язык-основа, вагон-ресторан, мать-героиня, пистолет-пулемет, платье-костюм, кафе-закусочная, токарь-скоростник, самолет-разведчик, кресло-кровать, изба-читальня, хата-лаборатория, пила-рыба* и т. д.

Подавляющее же большинство сложных существительных представляет собой слитные слова, одно словесное целое. Слитные сложные существительные с точки зрения характера соединения в них слов или основ распадаются на слова с соединительной гласной (*о* и *е*) и слова без соединительной гласной. Сложение без соединительной гласной в современном русском языке является продуктивным лишь в образовании сложносокращенных слов (о них см. ниже). Производство собственно сложных слов, когда объединяются в словесное единство целые слова или основы, осуществляется главным образом при помощи соединительной гласной. Из сложных существительных без соединительной гласной образованы лишь немногие слова типа 1) *держиморда, сорвиголова,* 2) *полубог, полушелк,* 3) *киловатт-час, Сталинград* и др.

Основная масса сложных существительных образована сложением при помощи соединительного гласного *о*, если первая основа

сложения оканчивается на парный твердый согласный, и при помощи соединительного согласного *е*, если первая основа сложения оканчивается на мягкий согласный, шипящий или *ц*. Исключений (типа *кровообращение, плотоядный* и пр.) очень немного.

Наиболее продуктивными типами сложений при помощи соединительного гласного являются в настоящее время два:

1. Сложение двух имен существительных, объединяющихся между собой как по способу подчинения, так и по способу сочинения. Среди этих слов наблюдаются слова всех трех грамматических родов. Семантически они чрезвычайно разнообразны и разнородны. Сюда относятся: *теплотехник, силосорезка, судоверфь, торфобрикет, рельсоукладчик, бетономешалка, стекловолокно, снегозадержание, зернохранилище, железобетон, лесопункт, лесонасаждение, металлолом, лесостепь, маслозавод, жиропот, овцебык, весновспашка, мясорубка, носорог, светотень, буревестник* и т. п.

2. Сложение основы имени существительного с бессуффиксальной основой глагола, построенное по принципу подчинения имени глаголу. Род таких существительных — мужской. Семантически они сравнительно единообразны и в подавляющем большинстве являются обозначениями действующих лиц или машин, орудий действий и т. п. Например: *пылесос, мусоропровод, бензовоз, ледокол, миномет, сталевар, рыболов, бракодел, водопровод, винторез, птицелов, лесоруб* и т. д.

Остальные типы сложений или значительно менее продуктивны, или являются непроизводительными совершенно. Сюда можно отнести сложные слова:

1) из основ существительного и глагола, параллельных предикативным словосочетаниям, например: *солнцепек (солнце печет) водопад, снегопад, листопад* и некоторые другие;

2) из основ прилагательного и существительного, например: *молодожен, остролист, чернозем, частокол, краснотал, суходол, белошвейка* и т. п.;

3) из основ местоимения и существительного, например: *самоцвет, самоотвод, самокритика, самоопределение, самооборона, самоанализ, самообразование* и т. п.;

4) из основ прилагательного или наречия и глагола, например: *теплоход, скороход, тяжелодум, вездеход, сухостой, пустобрех, чистоплюй* и т. п.;

5) из основ глагола и существительного: *лизоблюд, трясогузка, щелкопер* и некоторые другие.

Среди сложносуффиксальных слов, т. е. слов, образованных сложением основ с одновременной суффиксацией опорной основы, более всего сложений основы существительного с основой глагола и основы прилагательного или числительного с основой существительного. В качестве суффикса в таких случаях чаще всего применяется суффикс *-ие* (*-ье*) (хотя возможны и другие), например: *плодородие, земледелие, сухожилие, легкомыслие,*

просторечие, долголетие, пятидесятилетие, четверостишие; черноморец, шестистволька и др.

В целом ряде слов со значением лица или действующего предмета, содержащих не одну, а две основы, опорные основы выступают в чрезвычайно абстрактном значении, близком к словообразовательной семантике суффикса. Опорные основы таких слов потеряли свое конкретное лексическое значение и могут использоваться и используются как своеобразные словообразовательные элементы, аналогичные суффиксам. В качестве таких элементов в настоящее время функционируют исконно русские морфемы *-вед, -вод, -носец, воз, ход* и некоторые другие (ср.: *языковед, театровед, садовод, пчеловод, орденоносец, знаменосец, атомоход, мотовоз* и т. д.). Этимологически подобными указанным выше морфемам являются иноязычные *-лог, -граф, -ман* в суффиксах *-олог, -ограф, -оман* (*текстолог, диалектолог, лексикограф, фотограф, балетоман, галломан* и др.).

К такого рода словам примыкают также и образования на *-смен*, в которых этимологически в качестве соединительного элемента выступает согласный *с*, например: *спортсмен, конгрессмен, кроссмен, рекордсмен* и т. п.

От сложных существительных и существительных, образованных сложносуффиксальным способом, следует строго отграничивать слова, образованные суффиксальным способом от сложных; например, слово *железнодорожник* образовано от слова *железнодорожный* при помощи суффикса *-ик; пчеловодство* — от слова *пчеловод, пароходство* от слова *пароход* при помощи суффикса *-ство* и т. д. Особой группой слов являются также существительные, представляющие собой суффиксацию словосочетания, например: *себе стоить — себестоимость, себя любить — себялюбие* и др.

§ 172. Сложносокращенные слова. Своеобразным разрядом слов, образованных сложением, являются не встречающиеся ни в какой другой части речи сложносокращенные слова, или аббревиатуры. Сложносокращенные слова — это сложные образования, в которых наблюдаются не полные основы, а сокращенные.

Сложносокращенные слова в полном смысле этого термина представляют собой слова четырех типов: слогового, звукового, буквенного и смешанного.

Слоговой тип составляют слова, образованные путем соединения частей основ: *колхоз, госхоз, партком, леспромхоз, линкор, юннат, техред, вузком, райком, прораб* (производитель работ), *ликбез* (ликвидация безграмотности), *комсомол, Кузбасс, исполком, кожимит* (имитация кожи), *командарм, завхоз, универмаг* и т. п.

В звуковой тип сложносокращенных слов входят существительные, образованные путем сложения начальных звуков слов: *вуз, ГУМ, ЗИЛ, дот, гост, США* и др.

Буквенные аббревиатуры представляют собой слова, образованные из начальных букв слов: *КПСС, СССР, МГУ, ОТК, МТС* и т. п.

Сложносокращенные слова смешанного типа являются существительными, которые образованы тем или иным сочетанием приемов, характерных для различных типов, именно слогового и звукового (*облоно, сельпо, завуч* и др.), буквенного и звукового (*ЦДРИ, ЦДСА*) и т. д.

Особую группу слов, обычно также относимую к сложносокращенным словам, составляют образования, представляющие собой соединение сокращенной основы слова с полным словом. Такого рода слова, занимающие промежуточное положение между сложными и сложносокращенными словами, возникают на базе словосочетаний из прилагательного (очень редко причастия) и существительного, например: *зоосад, партбюро, врубмашинист, профсоюз, партсобрание, стенгазета, сельхозартель, управдом, промтовары, автоколонна, прозодежда, спортплощадка, земснаряд* и т. п.

Сложносокращенные слова начинают появляться в русском языке (в его общественно-политических и деловых стилях) с конца XIX века (ср. дореволюционные аббревиатуры типа *ЦО, ЦК, эсер, эсдек, кадек,* изменившееся потом в *кадет; Лензолото, Главковерх* и т. п.). Однако продуктивным способом образования существительных они стали лишь в советскую эпоху. Особенно много их было в лексике нашей речи первых лет советской власти.

Наиболее жизнеспособными из сложносокращенных слов оказались слова, образованные слоговым способом, а также слова, представляющие сложение сокращенной основы и целого слова.

В настоящее время самой продуктивной словообразовательной моделью такого рода слов могут считаться образования из части основы и целого слова.

Как правило, сложение усеченных основ происходит без каких-либо соединительных гласных, однако есть и исключения (ср. *технорук — технический руководитель,* но — *политрук*).

Особую группу слов (в количественном отношении очень небольшую) среди существительных составляют слова, образованные путем чистого сокращения. Сюда относятся: *спец* (специалист), *зам* (заместитель), *зав* (заведующий), *баки* (бакенбарды), *псих* (психопат), *га* (гектар), *кино* (кинематограф), *неуд* (неудовлетворительно) и т. п. Все они выступают как вариантные и стилистически ограниченные образования от полных слов.

§ 173. Безаффиксный способ образования существительных. Довольно продуктивным (правда, словообразовательно и семантически ограниченным) является среди имен существительных также и безаффиксный способ словообразования. Этим способом в современном русском языке существительные образуются лишь от глаголов и только со значением действия. Имеющиеся у этих

слов иные значения (значение орудия действия, его результата и т. д.) появляются в этих словах как вторичные, в результате первоначального употребления их в качестве обозначений отвлеченного действия.

Как правило, существительные безаффиксного способа словообразования образуются от невозвратных глаголов несовершенного вида, имеющих префиксальную основу. К таким словам относятся: *взрыв, выход, разбег, запас, осмотр, откорм, призыв, отзыв, прорыв, раскол, присед, припев, наплыв, надой* и т. д.

Образование подобных слов происходит сейчас без изменения фонемного состава образующей основы глагола. Изменяется обычно лишь место ударения, переходя на один слог ближе к началу слова. Производство слов таким способом с перегласовкой (т. е. внутренней флексией) производящей основы глагола в настоящее время не наблюдается. Все отглагольные слова безаффиксного способа словообразования с перегласовкой основы (типа *бой, вой, разбор, запор, поджог* и др.) встречаются уже в древнерусском языке.

В своем подавляющем большинстве такими же древними по времени своего появления являются и немногочисленные слова, образованные безаффиксным способом образования от прилагательных (*хворь, синь, горечь, голь, новь, зелень, прель, удаль* и пр.). Новых слов такого рода (ср. номинативно-стилистические неологизмы, вроде *рьянь, нищь*, в произведениях В. Маяковского) в общем употреблении современного русского языка не появляется.

Отглагольные существительные безаффиксного способа словообразования обычно — слова мужского рода (*испуг, налет, прогул, разлив, пробег* и др.); безаффиксное образование имен женского рода встречается реже (ср. *прорезь, прорубь, запись, накипь* и т. п.) и сейчас является малопродуктивным.

§ 174. Суффиксально-префиксальный способ образования существительных. Суффиксально-префиксальный способ словообразования в производстве имен существительных является малопродуктивным. Небольшая продуктивность этого способа словообразования в пополнении словами категории существительных сказывается как в его слабой производительности, так и в узкой сфере его применения: при помощи этого способа слова образуются только от существительных с непроизводной основой. В качестве префикса при производстве слов этим способом очень часто выступает та или иная приставка пространственного значения, хотя возможны приставки и другой семантики. В качестве присоединяющегося одновременно с приставкой суффикса выступают обычно суффиксы *-ник, -ок, j(е)* и *-ица*.

В своем большинстве суффиксально-префиксальные существительные выступают как обозначения предмета или места, но многие из них могут иметь и иную семантику (выражать абстрактные понятия, называть действующее лицо и т. д.). Сюда относятся: *подсвечник, подоконник, пригорок, перелесок, Подмосковье,*

подножие, распутие, подмастерье, расщелина, охвостье, запястье, пасынок, безработица, бессмыслица, бесприданница, раздолье, бесстрашие, бессилие, бессмертие, бесправие, предплечье, приморье, бескозырка, бездорожье, суглинок, созвучие, созвездие, проулок, переулок, преддверие, предместье (*место — город*; полонизм), *парубок* и т. п.

§ 175. Префиксальный способ образования существительных. Префиксальный способ словообразования в сфере имен существительных является малопродуктивным. При помощи префиксации существительные в настоящее время (как, между прочим, и раньше) образуются чрезвычайно слабо и только некоторыми, очень немногочисленными приставками (со значением степени, отрицания, совместности, частичности, подчиненности и т. д.). В той или иной степени образующими новые существительные являются сейчас приставки *анти-* (*антициклон, антифашист, антиобщественник, антитезис* и др.), *не-* (*незачет, неволя, невыход, неурожай, недосуг, незнание, недруг, немощь, неплательщик, несчастье* и т. п.), *под-* (*подоснова, подпочва, подотдел, подпол, подполковник, подзаголовок, подсознание, подстанция* и т. д.), *со-* (*сотоварищ, сородич, собрат, соучастие, сосуществование, соавтор* и пр.). Сюда же относятся образования с приставками: *пред-* (*предыстория, предвестник, предосторожность*), *про-* (*просеминар, проректор*), *при-* (*приплод, пригород*), *раз-* (*раскрасавица, разум*) и некоторые другие.

Непродуктивными, во многих словах уже не выделяющимися словообразовательными элементами являются также чисто именные приставки *пра-* (*правнук, прадед, праформа, праязык* и т. д.), *па-* (*паклен, пагуба* и др.) и *су-* (*сумрак, супесь* и т. п.).

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 176. Имя прилагательное как часть речи. Имя прилагательное представляет собой разряд слов, обозначающих признак предмета и согласуемых с существительными в формах рода, числа и падежа.

Как указывалось, свойства и качества нередко выражаются и существительными (*торопливость, краснота, упрямство* и т. п.), но обозначаемые ими признаки мыслятся предметно, в отвлечении от тех предметов или явлений, которым они принадлежат.

Что же касается прилагательных, то ими обозначаются признаки не самостоятельно мыслимые, а непременно принадлежащие какому-либо предмету или явлению объективной действительности (*торопливая походка, красное знамя, упрямый характер* и др.). Именно поэтому в качестве наименований признака предметов и явлений прилагательные выступают всегда как слова, определяющие существительные, и обычно согласуются с ними в роде, числе и падеже.

Обозначаемый прилагательным признак предмета может указывать на качество или свойство предмета (*голубое небо, прекрасное начало, ненастная погода, торжественный момент,* и т. д.); на принадлежность предмета тому или иному лицу или животному (*отцова шапка, Танины слова, кошкин дом* и т. д.) и, наконец, на отношение предмета к другому предмету, обстоятельству, действию или числу (*железная крыша, теперешнее положение, питательный пункт, седьмой класс* и др.).

Лишь в немногих прилагательных, обычно очень давних, признак предмета выражается непосредственно лексическим значением их основы. Подавляющее большинство слов этого грамматического класса выражает качество или свойство предмета опосредованно и в связи с этим имеет производную основу с характерной только для прилагательных словообразовательной структурой.

В грамматическом отношении прилагательные характеризуются прежде всего тем, что они имеют формы рода, числа и падежа. Эти формы известны и существительным. Однако их значение в прилагательных является иным: если в существительных род, число и падеж — самостоятельные грамматические категории, то в прилагательных они целиком зависят от рода, числа и падежа определяемых существительных; если в существительных род, число и падеж являются средством выражения их определенных лексико-грамматических свойств, то в прилагательных они выполняют лишь функции грамматических форм согласования с существительным.

Чисто синтаксический характер рода, числа и падежа в имени прилагательном объясняет единообразие и прозрачность флексий, присущих словам этой части речи в отличие от имени существительного.

Указанные семантико-грамматические свойства прилагательных тесно связаны с их синтаксическими функциями и употреблением в речи.

В предложении они являются или определением, или именной частью сказуемого, например: *А, кстати: Ларина* ***проста*** (сказуемое), *но очень* ***милая*** (определение) *старушка. (П.)* ***Священная*** (определение) *годов минувших память да будет в новом* (определение) *подвиге* ***жива*** (сказуемое). *(Твард.)*

§ 177. Лексико-грамматические разряды имен прилагательных. В зависимости от того, каким образом и какой именно признак предмета обозначается теми или иными прилагательными, а также какими грамматическими свойствами они обладают, прилагательные можно разделить на пять больших разрядов:

а) качественные прилагательные,

б) относительные прилагательные,

в) притяжательные прилагательные,

г) качественно-относительные прилагательные,

д) относительно-притяжательные прилагательные.

Первые три разряда являются основными, два последних — промежуточными, один — между качественными и относительными прилагательными, другой — между относительными и притяжательными.

Качественные прилагательные являются прямыми наименованиями признаков предмета (*синий, близкий, горячий, старый, жидкий, хороший* и т. д.). Они образуют две группы слов: 1) прилагательные качественно-оценочного значения, обозначающие качественную оценку предмета говорящим: *чистый, плохой, медленный, яркий* и т. д. (их можно назвать качественно-оценочными), и 2) прилагательные чисто качественной семантики, называющие признаки предмета, являющиеся реальными фактами объективной действительности,— *живой, пустой, немой, черный, идентичный* и т. п. (их можно назвать качественно-номинативными).

Качественные прилагательные могут быть как полными, так и краткими (например: *чистый — чист, плохая — плоха, живое — живо, хорошие — хороши* и др.).

Относительные прилагательные представляют собой наименования признаков предмета, которые являются постоянно ему присущими и не могут быть разной степени, причем они выражают тот или иной признак предмета путем установления отношения предмета к другому предмету, обстоятельству, действию или числу (*шелковый платок — платок из шелка; летний вечер — вечер, характерный для лета; давний друг — друг с давних пор; купальный костюм — костюм, в котором купаются; тридцатый вагон — вагон номер тридцать* и др.). Относительные прилагательные всегда являются полными прилагательными.

Качественно-относительными прилагательными называются прилагательные, совмещающие в себе относительные и качественные значения (ср. *кустарная промышленность* и *кустарные методы, детские игрушки* и *детское рассуждение* и т. д.).

Что касается притяжательных прилагательных, то, как видно из самого их названия, они служат для выражения не качества в собственном смысле слова, а принадлежности предмета конкретному лицу или животному (*отцов, нянин, кукушкин, дедов* и др.).

Притяжательные прилагательные являются прилагательными, выступающими в одних падежах в краткой форме, в других — в полной.

Промежуточное положение между относительными и притяжательными занимают относительно-притяжательные прилагательные, которые могут выступать и в относительном, и в притяжательном значении (ср. *лисья нора* и *лисья шуба, куриный глаз* и *куриный бульон, отцовское пальто* и *отцовские чувства* и др.).

§ 178. Качественные прилагательные. Качественные прилагательные как прямые наименования определенных признаков включают в свой состав прежде всего обозначения различных физических и духовных качеств человека (*лысый, полный, хилый, молодой, суровый, гордый, вспыльчивый, веселый, коварный, назойливый* и т. д.), слова, обозначающие свойства и качества предметов и явлений (*глубокий, густой, острый, прочный, тяжелый, интересный, тонкий, патетичный, шаблонный, вместительный, доходчивый, узловатый, ядовитый* и др.), названия цветов (*красный, лиловый, черный, оранжевый* и т. п.).

Независимо от того, являются ли они непроизводными по своей морфологической структуре или их основа оказывается производной, прилагательные называют эти качества и свойства как непосредственно воспринимаемый признак того или иного предмета.

От притяжательных и относительных прилагательных качественные отличаются не только своим значением, но и грамматически.

В подавляющем большинстве качественные прилагательные характеризуются следующими специфическими только для них грамматическими и лексико-словообразовательными свойствами:

1. Качественные прилагательные, как правило, имеют как полную форму (*серый, -ая, -ое, -ые; логичный, -ая, -ое, -ые; долговечный, -ая, -ое, -ые* и т. д.), так и краткую (*сер, -а, -о, -ы; логичен, логична, логично, логичны; долговечен, долговечна, долговечно, долговечны* и т. д.).

2. В своей большей части они обладают способностью изменяться по степеням сравнения (*удобный, удобнее, более удобный, самый удобный, удобнейший; ленивый, ленивее, более ленивый, самый ленивый, ленивейший* и др.).

3. Основная масса качественных прилагательных имеет соотносительные наречия на *-о, -е* или *-и*: *активный — активно, беспомощный — беспомощно, виртуозный — виртуозно, отчетливый — отчетливо, зверский — зверски, скромный — скромно* и др.

4. Качественные прилагательные обычно обладают способностью сочетаться с наречиями степени (типа *вполне, очень, совсем, чрезвычайно, необыкновенно* и др.): *очень нерасчетливый, вполне корректный, совсем унылый, чрезвычайно щедрый, необыкновенно симпатичный* и т. д.

5. От целого ряда качественных прилагательных, имеющих качественно-оценочное значение, существуют или возможны формы субъективной оценки и уменьшительные или увеличительные образования, обозначающие большую или меньшую степень качества и свойства.

Сюда относятся как слова суффиксального и префиксального образования, так и формы, образованные „повтором“ или удвоением, например: *бледный — бледноватый — бледненький; глупый — глуповатый — глупенький; кислый — кисленький; плешивый — плешивенький; злой — злющий; здоровый — здоровенный;*

высокий — высоченный; модный — сверхмодный; веселый — развеселый; высший — наивысший; синий-синий; глупый-преглупый; тихий-тихий; жидкий-прежидкий и т. п.

6. Почти ото всех качественных прилагательных имеются или могут быть абстрактные имена существительные, образованные при помощи продуктивного суффикса *-ость (-есть)* или непродуктивных в настоящее время суффиксов *-ота, -изна, -ина, -ство*[1]. От тех качественных прилагательных, которые не имеют соответствующих слов на *-ость (-есть)*, названия качества могут быть образованы и безаффиксным способом образования. Например: *аккуратность, вредность, гуманность, верность, задумчивость, интимность, колоссальность, ловкость, молодость, обширность, певучесть, слащавость, трусливость, ядовитость* и т. п. и *густота, краснота, быстрота, чистота, глубина, ширина, толщина, крутизна, желтизна, голубизна, богатство, лукавство, одиночество, синь, тишь, удаль* и т. д.

7. Качественные прилагательные могут быть не только словами с производными основами (*беззаботный, общительный, разумный* и т. п.), но и словами с непроизводными основами (*бодрый, веселый, прочный, важный, ровный, богатый* и др.). Что касается относительных и притяжательных прилагательных, то они являются словами, основа которых всегда является производной.

8. Качественные прилагательные способны к образованию антонимических пар, т. е. в семантическом отношении противоположных, но вместе с тем соотносительных слов-антонимов, например: *бедный — богатый, мягкий — черствый, гладкий — неровный, молодой — старый, грамотный — неграмотный, скупой — щедрый, узкий — широкий, ясный — мутный, прибыльный — убыточный* и т. п.

Все указанные грамматические и лексико-словообразовательные свойства присущи только качественным прилагательным и являются их отличительными особенностями. Однако не следует думать, что абсолютно всем качественным прилагательным они свойственны в равной степени.

Многие качественные прилагательные, обладая одними из названных признаков, других не имеют. Так, например, слово *трагический* не имеет краткой формы и не образует форм субъективной оценки и отвлеченного существительного с суффиксом *-ость*; слово *мертвый* не образует степеней сравнения и не сочетается с наречиями степени и т. д.

Однако прилагательному *трагический* свойственна способность к образованию степеней сравнения (*более трагический, самый трагический*), оно имеет соотносительное с ним наречие *трагически*, может сочетаться с наречиями степени, рядом с ним существует антонимическое прилагательное *комический*. Прилагательное *мертвый* имеет краткую форму (*мертв, -а, -о*), соотносительное с ним наречие *мертво*, антонимическое прилагательное *живой* и т. д.

---

[1] Непродуктивен лишь в сфере прилагательных основ.

Эти признаки, совершенно несвойственные относительным прилагательным, характеризуют прилагательные *трагический* и *мертвый* как прилагательные качественные.

Особенно много среди качественных прилагательных таких, которые, обладая всеми остальными из указанных грамматических свойств, не имеют и не способны иметь форм субъективной оценки и уменьшительно-увеличительных слов. Последнее объясняется стилистически ограниченным характером такого рода образований.

Встречающееся в некоторых работах и учебных пособиях утверждение о том, что наличие всех или большинства названных признаков свойственно главным образом давним качественным прилагательным, имеющим простое морфологическое строение, не является верным.

Как показывают наблюдения, напротив, подавляющее большинство качественных прилагательных (независимо от сложности в своей морфологической структуре и времени появления) обладает большей частью отмеченных выше свойств. В качестве примеров можно привести прилагательные: *грандиозный, -ая, -ое* (*грандиозен, грандиозна, грандиозно*; *грандиознее, самый грандиозный*; *грандиозно; необыкновенно грандиозный*; *грандиозность*; антоним — *мизерный*); *добропорядочный* (*добропорядочен, добропорядочна, добропорядочно*; *добропорядочнее, самый добропорядочный*; *добропорядочно*; *очень добропорядочный*; *добропорядочность*; антоним — *беспутный*); *сценичный* (*сценичен, сценична, сценично*; *сценичнее, самый сценичный; сценично; необыкновенно сценичный; сценичность;* антоним — *несценичный*); *стабильный, сентиментальный, предусмотрительный, нерасчетливый, динамичный, изобретательный, конструктивный, уединенный* и т. д. Все эти прилагательные сравнительно недавно укрепились в языке (в XVIII — XX вв.) и структурно весьма сложны.

Отсутствие и наличие характерных грамматических признаков в качественных прилагательных зависит не столько от простоты их строения, от времени бытования в языке, сколько от их значения, стилистического употребления и морфологической структуры. Например, непроизводные качественные прилагательные, обозначающие абсолютные признаки лица и предмета, не имеют степеней сравнения (ср.: *больной, голый, живой, немой, готовый, хромой* и др.), качественные прилагательные с суффиксами *-ск* и *-ов* не обладают краткой формой (ср. *трагический, страдальческий, передовой, деловой* и т. п.), книжные прилагательные неспособны к образованию форм субъективной оценки на *-енький* и т. д.

§ 179. Относительные прилагательные. Относительные прилагательные обозначают признак предмета не прямо, а опосредованно. Они всегда являются словами, в которых тот или иной признак предмета указывает на отношение предмета к другому предмету (*морской, казахский, глиняный, орденский* и т. п.), к обстоятельству (*вчерашний, здешний* и др.), к действию (*точильный, отрывной* и т. д.) или к числу (*семнадцатый, двойной* и пр.).

Общим значением относительных прилагательных является, таким образом, выражение отношения, значение „свойственный предмету“ или „относящийся к предмету“.

По своим грамматическим свойствам они резко противопоставляются качественным прилагательным тем, что не имеют ни одного признака, характерного для последних: они не обладают краткими формами, не образуют степеней сравнения и форм субъективной оценки, не сочетаются с наречиями степени и не образуют обычно соотносительных наречий на *-о, -е* и *-и,* не имеют как правило антонимов и образований на *-ость* и т. д.

В словообразовательном отношении все относительные прилагательные являются словами, имеющими производную основу, в которой аффиксы служат средством выражения отношения (*набивной, безглазый, зауральский, заводской* и т. д.). Выделяются относительные прилагательные в ряде случаев также и специфическими для них аффиксами и приемами сцепления с образующей основой (ср. суффиксы *-ский, -овый (-евый), -аный (-яный),* суффиксально-префиксальные образования типа *безусый* и др.).

Выражая признак предмета через отношение, относительное прилагательное всегда имеет синонимичные ему конструкции со словом (существительным, глаголом, наречием), от которого оно образовано (ср. *безрогий баран — баран без рогов, мясной суп — суп из мяса, стиральная машина — машина, которая стирает, заречная слобода — слобода за рекой* и т. п.).

§ 180. Качественно-относительные прилагательные. Целый ряд многозначных прилагательных совмещает в своей семантике относительное значение с качественным. Относительное значение в этом случае обычно выступает как основное, номинативное значение этих слов, а качественное—как переносное. Обратных случаев, когда вторичным значением является относительное, а качественное значение представляет собой основное, номинативное значение, очень немного. Такие факты наблюдаются лишь при терминологическом использовании общеупотребительных прилагательных.

Употребляясь в относительном значении, эти прилагательные имеют характерные черты относительных прилагательных; выступая в качественном значении, они приобретают свойства качественных прилагательных.

Такие прилагательные, представляющие собой слова синкретического характера, можно назвать качественно-относительными прилагательными. Вот несколько примеров такого типа слов. Прилагательное *сердечный* в относительном значении (ср. *сердечные мышцы — мышцы сердца, сердечные болезни — болезни сердца* и т. д.) выступает как относительное прилагательное, в силу чего не имеет краткой формы, не образует степеней сравнения, не имеет соотносительного наречия на *-о* и т. д.

Оно же, употребляясь с качественным значением (*сердечный человек, сердечный привет* и т. д.), ведет себя уже, как качественные прилагательные, и имеет присущие им грамматические

свойства: обладает краткой формой (*сердечен, сердечна, сердечно*), образует степени сравнения (*сердечнее, самый сердечный*), образует наречие (*сердечно*) и отвлеченное существительное на *-ость* (*сердечность*), сочетается с наречиями степени (*очень сердечный*) и т. д.

То же самое можно отметить и относительно слова *религиозный:* в качественном значении (*религиозный человек*) оно предстает перед нами как обычное качественное прилагательное (*религиозен, религиозна, религиозно; религиознее, религиознейший; религиозно; религиозность, чрезвычайно религиозный* и т. д.), в относительном значении (*религиозные обряды*) как обычное относительное прилагательное оно не имеет ни одного свойственного качественным прилагательным признака.

Качественно-относительными прилагательными будут также слова *картинный, жизненный, мирный, наблюдательный, музыкальный* и т. п. Ср.: *картинная галерея* (относит.: *галерея для картин*) и *картинная поза* (качеств.: *самая картинная, картинна, картинно, картинность* и т. д.); *жизненный опыт* (относит.: *опыт жизни*) и *жизненное предложение* (качеств.: *жизненна, жизненно, жизненность, особенно жизненный* и т. д.); *мирный труд* (относит.: *труд в обстановке мира*) и *мирный характер* (качеств.: *мирен, мирно, очень мирный, мирность* и др.); *наблюдательный пункт* (относит.: *пункт для наблюдения*) и *наблюдательный человек* (качеств.: *наблюдателен, наблюдательнее, самый наблюдательный, наблюдательность* и пр.); *музыкальная школа* (относит.: *школа музыки*) и *музыкальный ребенок* (качеств.: *музыкален, музыкальна, музыкальнее, самый музыкальный, музыкальность* и др.) и т. п.

Некоторые из такого рода прилагательных, теряя первичные относительные значения, совершенно переходят со временем в разряд качественных; некоторые же, не удерживая новых, качественных значений, возвращаются обратно в разряд относительных. Подробнее об этом см. в § 183.

§ 181. Притяжательные прилагательные. К относительным прилагательным примыкает группа притяжательных прилагательных, обозначающих принадлежность предмета какому-либо определенному лицу или животному (*Олегов, Анютин, соседкин, братов, белкин* и т. п.). Среди них следует выделить две группы.

1. К первой принадлежат образования с суффиксами *-ин (-нин* и *-ов (-ев)*.

От относительных прилагательных они отличаются не столько значением (значение принадлежности в них иногда уступает место относительному значению: *соседкина семья, Олегова жена* и др.), сколько грамматическими свойствами, морфологической структурой и сферой употребления.

В именительном падеже эти прилагательные известны только в краткой форме. Склоняясь, они принимают то окончания имен

существительных, то окончания полных прилагательных, в то время как склонение относительных прилагательных целиком аналогично склонению качественных. С точки зрения морфологической структуры они чрезвычайно однообразны и представляют собой соединение основы существительного, обозначающего лицо или животное, и суффикса *-ин (-нин)* или *-ов (-ев)*.

Это словообразовательное строение является характерным лишь для такого типа прилагательных.

Отличаются они от других разрядов прилагательных также непродуктивностью и очень ограниченной сферой употребления.

В свободном употреблении вне фразеологических оборотов притяжательные прилагательные встречаются только в живой речи и ее отслоениях в стилях художественной литературы и публицистики. В остальных стилях литературного языка они являются лишь как элементы фразеологических оборотов (*анютины глазки, адамово яблоко, ахиллесова пята, чёртов мост, соломоново решение* и т. д.).

Употребление притяжательных прилагательных все более и более сокращается, особенно это относится к образованиям на *-ов (-ев)*. Очень часто как в литературном языке, так и в живой разговорной речи они заменяются в настоящее время или родительным принадлежности, или однокорневыми относительно-притяжательными прилагательными (вместо *отцов кабинет — кабинет отца, отцовский кабинет* и т. п.).

В древнерусском языке они были более употребительными и продуктивными, в частности образовывались не только от существительных со значением лица и животного, но и от слов, обозначающих неодушевленные предметы, причем, кроме отмеченных суффиксов, для их образования выступал также суффикс *-j-*. О таком ранее существовавшем способе образования притяжательных прилагательных свидетельствуют существительные, произошедшие из притяжательных прилагательных (фамилии: *Щепкин, Свешников, Пушкин, Горохов* и т. д., названия населенных пунктов: *Ярославль, Михайлов, Царицыно, Владимир* и т. д., фамилия *Владиславлев* с двумя суффиксами — *-j* и *-ев* и т. п.).

2. Вторую группу составляют притяжательные прилагательные, образованные с помощью суффиксов *-ский* и его производными исключительно от фамилий.

Суффикс *-ский* присоединяется в том случае, если основа фамилии уже содержит суффикс притяжательности (*пушкин-ский, некрасов-ский* и т. д.).

В тех случаях, когда в основе фамилии суффикса притяжательности нет, то притяжательные прилагательные образуются при помощи суффиксов *-овский (-евский)* и *-инский (мигунковский, зозулинский* и т. д.).

Если фамилии в своей основе имеют суффикс *-ский* или его производные (ср. *Островский, Белинский, Павский* и др.), то они притяжательных от себя не образуют.

Сфера распространения этих прилагательных та же, что и собственно притяжательных на *-ин (-нин)* и *-ов (-ев)*: живая разговорная речь и ее отражение в художественной литературе и публицистике.

§ 182. Относительно-притяжательные прилагательные. Относительно-притяжательные прилагательные — прилагательные, имеющие как относительное, так и притяжательное значение.

Они включают в себя две группы слов: 1) слова, образованные при помощи суффикса *-j- (волчий, волчья, волчье* и т. д.), и 2) слова, образованные с суффиксом *-иный (гусиный, гусиная, гусиное* и т. д.).

Основная функция отмеченных прилагательных — обозначение характерного для лица или животного свойства (ср. *рачьи глаза, заячьи повадки, утиный нос*) или указание на материал, из которого что-либо приготовлено (*беличий воротник, куриный суп, лебяжий пух* и др.).

Однако наряду с этими относительными значениями прилагательные на *-ий, -ья, -ье* и *-иный* имеют и притяжательное значение, приобретая оттенок конкретно-единичной принадлежности лишь в определенном контексте (ср.: *Красивые* ***коровьи*** *глаза тоскливо глядели на него. Коровьи глаза* здесь — глаза, принадлежащие одной, вполне конкретной корове; *Он вошел во двор и, увидев* ***собачью*** *конуру, остановился. Кот потянулся и открыл глаза: тогда исчез и* ***мышиный*** *хвостик* и т. д.).

Общей чертой, объединяющей эти прилагательные с притяжательными, является их образование при помощи суффиксов *-j-* и *-иный* только от нарицательных обозначений лиц и животных: суффикс *-j- (-ий, -ья- -ье)* образует прилагательные как от слов, обозначающих лиц, так и от слов, обозначающих животных (*старушечий, пастуший, верблюжий, бараний* и т. д.); суффикс *-иный* — лишь от слов, являющихся названиями животных (*муравьиный, змеиный, лосиный* и т. д.).

Прилагательные типа *бараний, девичий, щучий* выделяются среди других прилагательных, кроме совмещения относительного и притяжательного значений, также системой склонения: в им. и вин. пад. ед. числа эти прилагательные выступают в кратких формах (ср. *девичий, девичья, девичье, девичью, девичьи* и т. п.), в остальных — в полных (ср. *девичьею, девичьей, девичьем, девичьих, девичьими* и т. д.).

Относительно-притяжательным является в настоящее время также и прилагательное *отцовский* (ср. *отцовский портсигар* и *отцовские чувства*).

§ 183. Переход относительных прилагательных в качественные. Границы намеченных выше разрядов, как показывают уже промежуточные группы качественно-относительных и относительно-притяжательных прилагательных, не являются постоянными: они подвижны и часто меняются. Переход прилагательных из одного

разряда в другой — такое же обычное явление, как и развитие новых значений в слове вообще.

Особенно часто наблюдается переход относительных прилагательных в качественные. Однако он не является прямым и непосредственным.

Вначале относительные прилагательные, обогащая круг своих значений новой, качественной семантикой, переходят в разряд качественно-относительных.

И лишь потом, в процессе употребления, они могут, утрачивая свои старые, относительные значения, превратиться в качественные. Так перешли с течением времени в качественные относительные прилагательные с суффиксом *-тельный: привлекательный, разоблачительный, взыскательный, внимательный, возмутительный* и т. д.

Еще в первой половине XIX века эти прилагательные были качественно-относительными и имели, помимо современных качественных значений, ныне утраченные относительные значения, бывшие ранее основными и первичными. Например, слово *внимательный* имело значение „слушающий“, „внемлющий“ (*Посол, погибели предтеча, замолк. Но звук последних слов еще гремел, как шум оков, в сердцах* ***внимательного*** *веча (Од.)*; слово *возмутительный* — значение „характерный, свойственный для возмутителя“ (*Я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все* ***возмутительные*** *рукописи ходили под моим именем* (Пушкин, Письмо к П. А. Вяземскому, 10/11 — 1826 г.).

Первоначально относительными были и такие прилагательные, как *плавный, щепетильный, бурный, дельный, вздорный, коварный, приятный, обыденный, голубой, вороной, коричневый* и т. п.

Еще у Грибоедова в „Элегии“ мы встречаем слово *бурный* в значении „сопровождаемый бурями“ (*Эол во мгле шумит. И* ***бурный*** *вал кипит и плещет)*; прилагательное *дельный* в XIX веке употреблялось и в значении „предназначенный для работы“; прилагательное *щепетильный* в „Евгении Онегине“ Пушкина наблюдается со значением „галантерейный“ (*Всё, чем для прихоти обильной торгует Лондон* ***щепетильный***) и т. д.

Однако не следует думать, что все качественно-относительные прилагательные обязательно переходят в разряд качественных.

Многие из них сохраняют в течение очень длительного времени и качественное, и относительное значения, образуя стойкую группу слов качественно-относительного характера.

§ 184. Семантика, морфологические свойства и синтаксические функции кратких форм прилагательных. Многие прилагательные качественного значения (как качественные, так и качественно-относительные), кроме полных форм, имеют также и краткие формы (ср. *весел, сладок, глупа, больна, умно, интересно, кратки, счастливы* и т. д.).

Непременным условием способности того или иного прилагательного образовывать краткую форму является обозначение им

такого качества, которое может быть как постоянным признаком предмета, так и его временным свойством. Прилагательные, называющие вневременные, неизменные признаки предмета, которые указывают его специфические свойства и существуют в нем постоянно, краткими формами не обладают (например, *славный* в значении „симпатичный“, *бедный* в значении „несчастный“, *вороной, голубой* и т. д.).

В имеющих обе формы прилагательных краткие формы в современном русском языке осознаются как производные образования от соответствующих полных, являющихся основными. Такими действительно вторичными краткие формы и являются во многих употребляющихся сейчас прилагательных, однако отнюдь не во всех.

В целом ряде их краткие формы только осознаются производными от полных, генетически же отношение между ними прямо противоположное: первоначально они существовали в краткой форме и лишь потом приобрели полную.

В самом деле, если в прилагательных *талантливый, дисциплинированный, музыкальный* и т. д. краткие формы действительно образованы от полных, появившихся ранее, то в прилагательных *белый, узкий, вечный* и т. п. первоначальными были краткие формы (бѣлъ, оузькъ, вѣчьнъ и др.) и лишь потом от них были образованы полные.

Если же вообще говорить о времени появления краткой и полной форм как особых категорий прилагательных, то, как свидетельствует история русского языка, краткая (вернее, именная) форма значительно древнее полной (местоименной).

Краткие формы имеют окончания существительных: в ед. числе — „нулевое“ окончание для мужского рода, *-а(-я)* — для женского и *-о, -е* — для среднего; во множественном числе *-ы, -и* для всех трех родов (*до́рог, дорога́, до́рого, до́роги; сыт, сыта, сыто, сыты* и т. д.).

Образуя прилагательные, соотносительные в своих значениях, грамматических свойствах и сфере употребления с полными формами, краткие формы выступают как разряд слов, стремящийся к обособлению в особый грамматический класс, промежуточный между полными прилагательными и категорией состояния.

Краткие формы не обладают важнейшими морфологическими и семантическими свойствами имени прилагательного. Имея формы рода и числа, они тем не менее лишены системы падежных форм и не склоняются. Им совершенно несвойственна основная синтаксическая функция прилагательного, именно — выражение определения.

В предложении они всегда выступают в роли сказуемого. Следы свободного употребления во всех косвенных падежах кратких форм для выражения определения, что было свойственно им в древнерусском языке, наблюдаются сейчас в литературной речи лишь в отдельных фразеологических оборотах и устойчивых выражениях, например: *средь бела дня, на босу ногу, от мала до велика, темна вода во облацех* и т. д.

В отличие от прилагательных в полной форме прилагательные в краткой форме, выступая в качестве сказуемого, сочетаются не с местоимениями *какой, такой*, а с однокорневыми местоименными наречиями *так, как: Она была такая красивая!* и *Она была так красива! Какая интересная книга!* и *Как интересна книга!* и др.

Нет полного совпадения между краткой и полной формами и в семантическом отношении. Тонкое, но ясное семантическое различие между ними наблюдается даже тогда, когда они обе выступают в роли сказуемого. Полной формой прилагательного выражается постоянный признак предмета (*Он у меня веселый*), краткая же форма обозначает качественное состояние, характерное для предмета лишь в определенный момент (*Он весел и доволен*).

У отдельных прилагательных наблюдаются в ряде случаев и более серьезные семантические расхождения, когда нет не только полного совпадения значений одноосновных кратких и полных форм, но и не наблюдается даже соотносительности.

Краткие формы получают нередко такие смысловые оттенки, которые совершенно несвойственны полным формам. Это наблюдается, например, в таких прилагательных, как *узок, широк, молод, стар, велик, мал* и т. д., которые приобретают по сравнению с полными формами дополнительное значение чрезмерности обладания тем или иным качеством, например: *узкий проход* и *получившийся проход оказался узок, платье с коротким рукавом* и *рукава коротки* и т. д. Слова *узкий, короткий* указывают ширину и размер без какой-либо оценки; прилагательные *узок, короток* не только обозначают названные ширину и размер, но и характеризуют их как чрезмерные (*короткий рукав* не всегда короток, *узкий проход* может быть и не узок).

Не менее сильный смысловой разрыв кратких и полных форм мы наблюдаем во многих других прилагательных, вроде *нужен, хорош, виден, согласен, болен, плох, способен, мил, готов* и т. д. (ср.: *Нужный человек* и *Этот человек вам будет нужен; Способная студентка* и *Эта студентка способна была заниматься до самозабвения; Милый друг* и *Друг брата был очень мил* и др.).

§ 185. Образование и употребление кратких форм прилагательных. Краткие формы образуются от полных путем прибавления к основе соответствующих родовых окончаний, являющихся общими с окончаниями им. пад. ед. числа имен существительных: „нулевое“ окончание; *-а(-я); -о, -е; -ы, -и.*

При этом основа полного прилагательного, оканчивающаяся на согласный, перед которым стоит гласный, всегда остается без изменения (*счастливый — счастлив, зеленоватый — зеленоват, белобрысый — белобрыс* и т. д.).

Основа же полных прилагательных, имеющая на конце согласный, перед которым стоит другой согласный, оставаясь без изменения при образовании кратких форм женского и среднего рода,

обычно изменяется при образовании кратких форм мужского рода. Как правило, между последним согласным основы и согласным, который ему предшествует, появляется „беглый“ гласный звук (*о* или *е*, в слове *достойный -и: достоин*): *активен, почетен, безграничен, нескромен, сознателен, пустынен, стоек, резок, неловок, хлесток* и т. д.

Такой „беглый“ гласный обязателен в краткой форме мужского рода, образованной от прилагательного, имеющего на конце основы *н* или *к*, которым предшествует какой-либо согласный звук.

Такого „беглого“ гласного обычно не бывает в этой форме, если в группе согласных конечным согласным основы является какой-либо другой звук, например *т, л, р* и т. д. (*пестр, кругл, быстр, толст, чужд* и т. д.).

Исключением являются прилагательные *кисел, тепел, светел, остер, хитер, долог*, в которых содержатся „беглые“ *о* или *е*.

В прилагательных, имеющих основу, оканчивающуюся на группу согласных с конечными *н* и *к*, в краткой форме мужского рода появляются „беглые“ *о* и *е*. Если конечным согласным основы является звук *к* после твердого согласного, кроме шипящих, это *о* (*прыткий — прыток, четкий — четок, цепкий — цепок, громоздкий — громоздок, звонкий — звонок, меткий — меток* и др.). Если конечным согласным основы является звук *к* после шипящих и мягких согласных или звук *н*, это *е* (*клейкий — клеек, горький — горек, судоходный — судоходен, типичный — типичен, честный — честен, экономичный — экономичен, язвительный — язвителен* и т. д.).

Исключение составляют образования от слова *полный* и тех прилагательных, в которых ударение в краткой форме мужского рода падает на „беглый“ звук (*умный — умён, сильный — силён, смешной — смешóн, чудной — чудён, полный — пóлон*): в них наблюдается не *е*, а „беглый“ звук *о*.

При образовании краткой формы мужского рода от отдельных полных прилагательных наблюдается и другая особенность: используется иногда не вся основа, а основа без конечного суффиксального *н*. Такой способ образования краткой формы мужского рода используется в том случае, если полные прилагательные являются: 1) прилагательными, образовавшимися из страдательных причастий на *-нный* (*одаренный — одарен, уравновешенный — уравновешен, сдержанный — сдержан, униженный — унижен* и т. д.); 2) прилагательными, образованными при помощи суффикса *-енный* (*маневренный — маневрен, мужественный — мужествен, существенный — существен, таинственный — таинствен, болезненный — болезнен* и др.).

Правда, следует отметить, что такое образование кратких форм мужского рода в настоящее время является малопродуктивным. От указанных прилагательных все чаще и свободнее возникают образования по общему правилу, от целой основы, включая второе *н*. Естественно, что между двумя *н* в таком случае появляется „беглый“ гласный *е*: *свойственный — свойствен* и *свойственен, естественный — естествен* и *естественен, определенный — определен* и *определенен* и т. д.

Укрепление такого способа образования кратких форм мужского рода от прилагательных с суффиксом на *-енный* (как образованных от существительных, так и возникших из страдательных причастий) — свидетельство стремления к унификации их производства по общей модели.

Именно поэтому отдельные формы типа *свойственен, естественен, определенен* могут расцениваться сейчас как нормы наряду с освященными традицией литературного языка XIX века формами *свойствен, естествен, определен* и т. п.

Однако рассматривать все такого рода новые образования как правильные и литературные еще нельзя (ср. формы вроде *медленен, неслыханен, дисциплинированен* и т. д.).

Образование кратких форм, как уже отмечалось, ограничено такими прилагательными, которые обозначают качество, способное выступать и как постоянный признак предмета, и как его временное свойство.

Поэтому не образуют кратких форм не только относительные прилагательные, но и многие качественно-относительные и даже качественные прилагательные. Среди них следует прежде всего отметить следующие разряды:

1) прилагательные на *-ский* (*братский, дружеский, вражеский, нищенский, издевательский* и т. д.);

2) прилагательные с суффиксом *-ов(ый)* (*передовой, деловой, боевой, плановый* и др.);

3) прилагательные с суффиксом *-л(ый)*, присоединяющимся к основе инфинитива, включая тематическую гласную, или классовый показатель (*отсталый, обветшалый, запоздалый, устарелый, горелый, закоснелый* и т. п.);

4) прилагательные типа *дохлый, прошлый, обрюзглый* и т. д., возникшие из старых причастий на *-л-*;

5) прилагательные с суффиксами и приставками, привносящими значение большей степени качества (*здоровенный, худющий, пренеприятный, разудалый* и т. д.);

6) прилагательные *большой, старший, младший, меньший*, употребляемые сейчас как прилагательные положительной степени, хотя генетически они являются формами сравнительной степени.

Не имеют кратких форм также многие прилагательные, обозначающие масти животных и называющие цвета (*гнедой, чалый, саврасый, сиреневый, шоколадный, розовый* и т. д.).

Отсутствие во всех такого рода прилагательных кратких форм нельзя объяснить их недавним происхождением или стремлением избежать омонимии и трудностей в произношении. Оно определяется другими причинами, именно смысловыми и структурными

особенностями таких прилагательных. В самом деле, прилагательные *дряхлый, смелый, партийный* образуют краткую форму, несмотря на то, что у второго она (*смел, смела, смело*) совпадает с формой прошедшего времени глагола, у первого содержит трудно произносимое сочетание звуков, а третье появилось в русском языке и стало качественно-относительным совсем недавно.

Естественно, что не имеют краткой формы прилагательные, выступающие лишь в определенных фразеологических оборотах: *белый гриб, прогрессивный паралич, глухая тетеря* и т. п.

Ограничения в образовании краткой формы существуют и для тех прилагательных, от которых она в принципе возможна. Ограничения проявляются как в том, что краткая форма образуется от подобных прилагательных только в их некоторых значениях, так и в том, что от некоторых из прилагательных образуются формы не для всех родов и не для обоих чисел.

Так, например, прилагательное *случайный* в значении „появившийся, возникший непреднамеренно, непредвиденно" имеет краткую форму (*случаен, случайна, случайно*), в значении же „происходящий от случая к случаю, непостоянный" употребляется только в полной форме. Прилагательные *древний, хворый* не имеют кратких форм для женского рода. У прилагательного *разный* отсутствуют краткие формы единственного числа и т. д. Следует отметить, однако, что, несмотря на невозможность образования краткой формы от довольно большого количества прилагательных качественного значения, эту категорию нельзя характеризовать как малопродуктивную: основная часть новых качественно-относительных прилагательных с качественной семантикой краткие формы образует регулярно и последовательно.

При общей характеристике кратких прилагательных необходимо учитывать различную их употребляемость и распространенность в разных стилях речи.

Если их употребление в разговорном языке является чрезвычайно ограниченным и все время суживается за счет все более широкого употребления полных форм, то в литературно-книжной речи краткие формы используются совершенно свободно. Поэтому малопродуктивной категорией краткие прилагательные можно назвать лишь имея в виду разговорный язык. Что же касается книжно-литературной речи, то в ней они являются категорией продуктивной и живой, постоянно пополняющейся новыми образованиями.

Продуктивность кратких форм в этих стилях речи подчеркивается также и тем фактом, что в индивидуальном словоупотреблении их производство наблюдается в ряде случаев даже от тех прилагательных, от которых они в качестве нормативных не образуются.

Как правило, следовательно, употребление кратких форм в функции сказуемого в большей степени характерно для литературно-книжных стилей, тогда как использование в этой функции

полных прилагательных свойственно обычно разговорному языку (ср. *Этот раздел очень труден* и *Этот раздел очень трудный* и т. д.).

Однако есть случаи, когда краткие формы являются единственно возможной формой выражения сказуемого прилагательным, безразлично, книжно-литературная ли это речь или разговорная.

К таким случаям относится:

1) употребление в качестве сказуемого прилагательных *жив, прав, готов, виноват* (*Она права,* но нельзя сказать: *Она правая* и т. п.);

2) употребление в качестве сказуемого прилагательных в составе форм вежливости (*Будьте любезны; Как вы смешны; Вы прекрасны; Будьте настолько добры,* но нельзя сказать: *Будьте любезные* и т. д.);

3) употребление в качестве сказуемого прилагательных с сохранением свойственного им управления (*Она была согласна написать сейчас же; Ты похож на свою сестру; Озеро богато рыбой; Я был близок к истине* и т. д., но нельзя сказать: *Она была согласная написать сейчас же*).

Следует отметить, наконец, что имеются и такие прилагательные, которые известны только в краткой форме. Сюда относятся прилагательные *рад, должен, надобен, горазд*. Естественно, что они также будут одинаково характерны как для книжной речи, так и для разговорной.

§ 186. Усеченные прилагательные. От кратких прилагательных, употребляющихся только в качестве сказуемого, следует строго отграничивать встречающиеся в стихотворной речи XVIII — XIX вв. прилагательные усеченные, которые в предложении выступают как определения.

Эти прилагательные образовывались от соответствующих форм полных путем отсечения от окончания конечного гласного и предшествующего звука *-j-*. Они производились от полных прилагательных не только в форме именительного падежа, но и в форме винительного падежа, причем как от качественных, так и от относительных.

От кратких форм эти прилагательные отличались также и тем, что абсолютно во всех случаях сохраняли ударение соответствующих им полных.

Употреблялись эти прилагательные в поэтическом языке в чисто версификационных целях (в соответствии с требованиями ритма и рифмы) на правах отступлений от общенародных норм, разрешенных теорией поэтических вольностей.

Преодоление Пушкиным и Лермонтовым традиций стихотворной речи XVIII века повлекло за собой исчезновение и усеченных прилагательных, встречающихся с 40-х годов XIX века очень редко.

Вот несколько примеров усеченных прилагательных из ранних стихотворений Пушкина: *Взяв Анюты* ***нежну*** *руку, изъяснять*

любовну муку, говорить: она моя („К Наталье“); *Бессмертны* (краткое прилагат.) *вы вовек, о* ***росски*** (усеченное прилагат.) *исполины, в боях воспитаны средь бранных непогод* („Воспоминания в Царском Селе“); *Пред ними* ***мрачна*** *степь лежит во сне глубоком* (Там же); *Ты знаешь сам: в* ***минувши*** *годы я на брегу парнасских вод любил марать поэмы, оды* („Дельвигу“); *За ними ряд холмов и нивы* ***полосаты****, вдали рассыпанные хаты* („Деревня“) и т. д.

§ 187. Степени сравнения имен прилагательных и способы их образования. Многие прилагательные качественного значения, чем они и отличаются от других разрядов прилагательных, известны не только в положительной степени, но также в сравнительной и превосходной.

Среди качественных и качественно-относительных прилагательных положительной степени, имеющих качественную семантику, не образуют степеней сравнения только такие, которые или обозначают абсолютный признак, неспособный проявляться в большей или меньшей степени (*слепой мальчик, мертвый заяц, мухортая лошадь, сиреневое платье, пурпурная мантия* и т. д.), или имеют элятивное значение наивысшей степени качества [1] (*вернейшее средство, сверхнизкие температуры, презабавнейший случай, наилучшие пожелания, развеселое житье* и т. п.).

Все остальные, помимо положительной, могут выступать также в сравнительной и превосходной степени.

Разница в значении положительной степени прилагательного, с одной стороны, и сравнительной и превосходной, с другой, заключается в том, что прилагательное положительной степени обозначает определенное качество предмета совершенно безотносительно, тогда как прилагательные сравнительной и превосходной степени выражают это качество путем установления соотношения между качествами предметов. В силу этого в прилагательных сравнительной и превосходной степени обозначаемое ими качество носит уже относительное значение (ср. *Мальчик он был* ***послушный*** и *Он был* ***послушнее*** *Валерика, Он был* ***самый послушный*** *из ребят* и т. д.).

Таким образом, положительная степень указывает на качество предмета безотносительно к тому, в какой степени это же качество проявляется в других имеющих его предметах или в какой мере оно данному предмету было или будет свойственно (*молодая девушка, сообразительный мальчик, сложная задача, красивая женщина, плохая дорога* и т. д.).

Сравнительная степень указывает: 1) на то, что называемое прилагательным качество предмета проявляется в этом предмете в большей мере, чем в другом или в других (*Она была* ***моложе*** *его на пять лет; Дмитрий оказался* ***сообразительнее*** *своих друзей; Следующая задача оказалась* ***более сложной***, *чем первая* и т. д.); 2) на то, что качество предмета, называемое прилагательным, свойственно ему в большей степени, чем это было раньше или будет впоследствии (*Она стала еще* ***прекраснее;*** *Раньше дороги здесь были* ***хуже*** и т. д.).

Превосходная степень указывает на то, что качество, называемое прилагательным, свойственно данному предмету или предметам в ряду однородных предметов в наивысшей степени, т. е. более чем всем остальным таким же предметам (*Из студенток первого курса она была* ***самая молодая;*** ***Самым сообразительным*** *из друзей оказался Дмитрий; Эта задача оказалась* ***наиболее сложной;*** *Она была* ***прекрасней всех***).

Как видим, сравнительная и превосходная степени отличаются друг от друга не только тем, что ими выражаются разные степени качества.

Сравнительная степень может служить средством сравнения по качеству как однородных предметов, так и разнородных, если последние могут обладать одинаковыми свойствами (*Этот стол* ***больше*** *того* и *Сын* ***выше*** *отца* и т. д.).

Более того, она может выступать средством сравнения качества, проявляющегося в одном и том же предмете. (*Дорога стала* ***прямее;*** *Ничего, будет* ***умнее***).

Что же касается превосходной степени, то она является средством сравнения по свойственному для них качеству только однородных предметов (*Она надела* ***самое лучшее*** *платье;* ***Наиболее серьезным*** *оказался доклад Петрова* и др.).

Образуются степени сравнения, как правило, от соответствующего прилагательного положительной степени с помощью аффиксов или служебных слов. Примеры супплетивного образования степеней сравнения единичны, например: *хороший — лучше, лучший; плохой — хуже, худший; маленький — меньше.*

Образование степеней сравнения может быть двояким, поэтому различаются два типа форм степеней сравнения: простые и составные.

Простые формы образуются синтетически, прибавлением к основе положительной степени соответствующего формообразующего суффикса (*сильн-ее, выш-е, сильн-ейший, высоч-айший*).

Составные формы образуются аналитически, прибавлением к прилагательному положительной степени служебных слов (*более сильный, более краткий, самый сильный, наиболее краткий*).

Простая форма сравнительной степени прилагательных омонимична с формой сравнительной степени наречий, но четко от нее отделяется своими синтаксическими связями в предложении.

§ 188. Формы сравнительной степени. Наиболее продуктивной категорией в сравнительной степени являются составные формы, образуемые присоединением к прилагательному положительной степени слова *более*, например: *более интересный, более серьезный, более продолжительный, более разговорчивый* и т. п.

[1] Об этих формах см. ниже, § 190.

Эти составные формы возможны ото всех прилагательных качественного значения, которыми обозначается подвижный в степени проявления признак. Они сохраняют способность склоняться и свободно выступать в роли определения.

Кроме них, наблюдаются также и простые формы сравнительной степени, представляющие собой суффиксальные образования. Как формообразующая модель они значительно древнее составных форм, и отдельные их разряды „грамматичны" в значительно меньшей мере. Так, например, среди них имеются и супплетивные формы, и такие, которые воспринимаются как особые, с точки зрения современного языкового сознания не вполне правильные образования (*редкий — реже, глубокий — глубже, сладкий — слаще* и т. д.).

Круг прилагательных, от которых они возможны, несколько у́же того, от которого можно образовать составные формы. В частности, простые формы не образуются от прилагательных с суффиксами *-ский, -лый* и т. д. (ср. отсутствие простой формы сравнительной степени при наличии составной у слов *товарищеский, массовый, юркий, дерзкий, усталый, запустелый, ветхий, гордый* и др.).

В отличие от составной формы простые формы сравнительной степени, исключая единичные слова вроде *горший, больший, меньший,* не имеют присущих для прилагательных категорий рода, числа и падежа.

Продуктивным суффиксом, при помощи которого в настоящее время образуются простые степени сравнения, является только суффикс *-ее (ей) (изобретательнее, интенсивнее, полезнее, смазливее, старательнее* и т. д.).

Между равноправными суффиксальными вариантами *-ее* и *-ей* различие существует только в сфере употребления: формы на *-ей* встречаются лишь в разговорной речи и — с версификационными целями — в стихотворном языке.

Формы, имеющие непродуктивные суффиксы *-е* и *-ше,* представляют собой замкнутую категорию, возникшую давно и давно уже не пополняющуюся.

Суффикс *-е* имеют прилагательные с основой на заднеязычные и *д, т, ст,* по словообразовательному строению являющиеся словами с непроизводной основой или с основой, включающей суффикс *-к(ий).* Для конечных согласных основы или корня (когда суффикс *-к(ий)* при образовании отбрасывался) характерны следующие чередования: *к — ч, г — ж, х — ш, д — ж, т — ч, з — ж, ст — щ (резкий — резче, жаркий — жарче, сухой — суше, дорогой — дороже, твердый — тверже, крутой — круче, близкий — ближе, узкий — у́же, чистый — чище* и т. д.).

Этот же суффикс находим в простых формах сравнительной степени от слов *высокий (выше), глубокий (глубже), дешевый (дешевле), сладкий (слаще), широкий (шире),* у которых суффиксу *-е* предшествуют специфические основы: *выш-, глубж-* и т. д.

Суффикс *-ше* выделяется лишь в единичных формах: *больше, дальше, дольше, меньше, раньше, тоньше* (от *большой, далекий, долгий, маленький, ранний, тонкий*).

Все простые формы сравнительной степени с суффиксами *-ее, -е* и *-ше* могут осложняться приставкой *по-*.

В соединении с этой приставкой они образуют особую, „смягченную" сравнительную степень, указывающую на несколько ослабленную степень преобладания качества по сравнению с той, которая обозначается обычной, беспрефиксальной; ср. *Лишь была б она* [пища] *с наваром, да была бы с пылу, с жару — **подобрей, погорячей*** (*Твард.*).

Пять прилагательных: *большой, горький* (в значении „несчастный"), *маленький, плохой, хороший* — имеют устаревшую простую форму сравнительной степени на *-ший: больший, горший, меньший, худший, лучший.*

Для этой формы сравнительной степени свойственны все признаки прилагательного в положительной степени: она склоняется, имеет категорию рода и числа.

Исключая слово *горший,* все эти образования являются вариантными формами, которыми перечисленные прилагательные обладают наряду с другими, более употребительными (ср. *больший* и *больше; лучший* и *лучше* и т. д.).

Слова *худший* и *лучший* могут использоваться не только как формы сравнительной степени, но и как формы превосходной степени (ср. ***Лучшего** исполнения он от нее и не ожидал* и *Она исполняла **лучшие** вещи своего репертуара* и т. п.).

Слова *высший, низший, младший* и *старший,* когда-то также имевшие значение сравнительной степени, в настоящее время его уже не имеют.

Архаическим и совершенно неупотребительным стало еще встречающееся в литературном языке XIX века использование в качестве сравнительной степени форм на *-ейший, -айший,* например: *Ко мне нельзя, — вскричала она еще в **сильнейшем** испуге* (*Дост.*). *Образ Пушкина является в новом и еще **лучезарнейшем** свете* (*Бел.*) и т. д. Употребление такого рода образований, как простых форм сравнительной степени, возможно сейчас лишь в определенных стилистических целях в художественных произведениях для воссоздания языковых черт прошлого.

Отдельные прилагательные имеют не одну простую форму сравнительной степени, а две, например: от прилагательного *поздний* существуют формы *позднее* и *позже.*

Простые формы сравнительной степени, если они существуют рядом с составными, имеют более разговорный оттенок, вариантные или составные формы — более книжный.

Как правило, формы сравнительной степени употребляются в своем прямом значении. Однако в определенных условиях формы сравнительной степени могут использоваться и для выражения значения превосходной степени. Таким условием является исполь-

зование их в отрицательных оборотах обобщенного характера и в сочетании с родительным падежом местоимения *весь — всего* и *всех*; в последнем случае употребляется местоимение *всех*, если обозначается качество лица, и местоимение *всего*, если носителем признака выступает неодушевленный предмет (*Однако его морские рассказы талантливее* ***всего****, что им было написано; Этот человек оказался счастливее* ***всех****; В саду* ***нет ничего прелестнее*** *этого уголка* и т. п.).

§ 189. Формы превосходной степени. Формы превосходной степени могут, как и формы сравнительной, быть простыми и составными.

Составные формы являются продуктивной категорией, простые — малопродуктивной: если первые имеются или возможны от каждого прилагательного, обозначающего признак, проявляющийся в предмете то в большей, то в меньшей степени, то вторые численно ограничены и от многих таких прилагательных не образуются.

Составные формы превосходной степени образуются от прилагательных положительной степени при помощи слов *самый* и *наиболее* (*самый бесхарактерный, самый существенный, наиболее выгодный, наиболее лиричный, самый молчаливый, самый расточительный, наиболее эффективный, самый миролюбивый* и т. д.).

Формы со словом *самый* являются общеупотребительными и одинаково часты как в книжной, так и в разговорной речи.

Формы со словом *наиболее* встречаются обычно в различных стилях письменного языка и несут на себе яркий отпечаток книжности.

Простые формы превосходной степени являются суффиксальными образованиями от прилагательных положительной степени. Образуются они присоединением к основе прилагательного формообразующего суффикса *-ейший*, например: *чудесный — чудеснейший, идеальный — идеальнейший, бережливый — бережливейший, исправный — исправнейший, справедливый — справедливейший, ценный — ценнейший, человечный — человечнейший, оперативный — оперативнейший* и т. д.

Как отмечалось, однако, простые формы превосходной степени известны или могут быть образованы не ото всех прилагательных качественного значения; их не имеют не только те прилагательные, которые не обладают простыми формами сравнительной степени (см. § 188), но и подавляющее большинство прилагательных с суффиксом *-чивый, -оватый, -астый, -истый* и *-учий*. Например, отсутствуют простые формы превосходной степени (при наличии сравнительной степени) у прилагательных *восприимчивый, напористый, линючий, плутоватый* и т. п.

В отдельных, в целом немногочисленных и давних по времени появления прилагательных простые формы превосходной степени имеют непродуктивный вариант суффикса *-ейший — -айший*. Это

наблюдается лишь тогда, когда основа прилагательного оканчивается на заднеязычные согласные *к, г, х*. Последние в таких случаях чередуются с шипящими, например: *тонкий — тончайший, строгий — строжайший, тихий — тишайший* и т. д. Аффикс *-айший* встречается также и у двух прилагательных, в которых превосходная степень была образована от непроизводной основы, без суффикса *-к-*: *ближайший, нижайший*. Здесь с шипящим *ж* чередуется звук *з*.

Простая форма превосходной степени *кратчайший* (от прилагательного *краткий*) используется не только применительно к слову *краткий*, но и к слову *короткий*.

Выступать как простые формы превосходной степени могут и единичные прилагательные с суффиксом *-ший: высший, низший, худший, лучший*.

Однако значение превосходной степени является в таких образованиях и неосновным и в очень большой степени стертым. Именно это позволяет свободно употреблять их в сочетании со словом *самый*, т. е. быть компонентом составной формы превосходной степени.

В отдельных случаях (их наблюдалось значительно больше в русском литературном языке XIX в.) в сочетании со словом *самый* встречаются и некоторые образования на *-ейший, -айший*.

Такого рода факты — лишнее свидетельство неограниченной производительности составных форм превосходной степени и малопродуктивности и слабой выразительности простых. Последнее подчеркивается также стилистическим характером и сферой употребления простых форм превосходной степени: они являются принадлежностью литературно обработанной речи и имеют ясно ощущаемый оттенок книжности.

§ 190. Формы субъективной оценки качества. От степеней сравнения, в которых качество выражается относительно, путем сопоставления его в разных предметах, следует четко отграничивать формы субъективной оценки качества.

В этих формах признак обозначается так же, как в основных прилагательных положительной степени: обладающий признаком предмет по этому признаку с другими не сравнивается, и признак выступает в нем как качество, взятое само по себе.

Однако в отличие от основных прилагательных положительной степени формы субъективной оценки качества сочетают в себе обозначение признака с выражением оценки его говорящим.

Такого рода образования могут быть как чисто эмоциональной оценкой обозначаемого признака, так и одновременно указывать на реальную бóльшую или меньшую его степень.

Безотносительную степень качества, наряду с его субъективной оценкой, а иногда и лишь простое отношение говорящего к качеству, могут выражать следующие разряды форм:

1. Формы имен прилагательных, образованные при помощи суффиксов *-енький(-онький), -ехонек(-охонек), -ешенек(-ошенек),*

-юсенький, например: *черненький, хитренький, веселенький, сухонький, белехонек, тяжелешенек, малюсенький* и т. п.

2. Формы имен прилагательных, образованные с помощью суффиксов *-ущий* и *-енный*, например: *злющий, большущий, широченный, здоровенный* и др.

3. Формы имен прилагательных, образованные посредством префиксов *наи-, архи-, пре-, раз-, сверх-, ультра-*, например: *наикратчайший, наихудший, архинелепый, архиглупый, прехитрый, пренеприятный, развеселый, разлюбезный, сверхмощный, сверхмодный, ультрареакционный, ультралевый* и т. д.

4. Формы имен прилагательных, образованные способом чистого или префиксированного повтора, например: *черный-черный, добрый-добрый, теплый-теплый, глубокий-преглубокий, чистый-пречистый* и пр.

5. Омонимичные с превосходной степенью формы имен прилагательных на *-ейший, -айший*, имеющие элятивное значение, т. е. обозначающие безотносительно предельную степень качества предмета (*широчайшие массы, в кратчайший срок, малейший проступок, при ближайшем знакомстве* и т. п.).

Формы субъективной оценки качества, образованные при помощи суффиксов *-енький(-онький), -ехонек(-охонек), -ешенек(-ошенек)*, если они не являются чистым выражением отношения говорящего к качеству предмета, могут иметь как оттенок смягчения степени качества, так и оттенок усиления степени качества.

Остальные образования являются эмоционально-экспрессивными словами для выражения безотносительно высшей степени качества.

Все отмеченные формы субъективной оценки качества являются стилистически ограниченными категориями слов: одни из них характеризуют разговорно-просторечное употребление (таких больше), другие составляют специфическую особенность литературно-книжной речи (это прилагательные с приставками *архи-, наи-, сверх-, ультра-* и элятив на *-ейший, -айший*).

Приставка *наи-* присоединяется не к основному слову, а к элятивной форме на *-ейший, -айший* и *-ший* (*наистрожайший приказ, наивысший результат, наилучший способ, наикратчайший путь* и т. д.).

В отдельных случаях к такому образованию оказываются способны и некоторые другие приставки (*презабавнейший случай, разлюбезнейший человек* и т. п.).

Приставки в таких случаях лишь закрепляют и еще более усиливают элятивное значение, имеющееся в производящих словах (*строжайший, высший, кратчайший, забавнейший, любезнейший* и др.).

Их роль здесь, таким образом, иная, нежели в формах *развеселый, предобрый, архинелепый* и т. п., в которых приставки являются основным элементом значения предельной степени качества.

Приставка *пре-* может образовывать формы субъективной оценки качества также и от прилагательных с суффиксами *-енький (-онький)*: *прехорошенький, премиленький* и пр.

Все указанные типы форм субъективной оценки качества являются малопродуктивными и немногочисленными категориями слов, ограниченными как в словообразовательном отношении, так и сферой своего употребления.

Особенно незначительными по количеству и стилистически ограниченными являются „народно-поэтические“ слова с суффиксами *-ехонек (-охонек), -ешенек (-ошенек)* и научно-технические и общественно-политические образования с приставками *сверх-* и *ультра-*.

Кроме лексического значения и яркой экспрессивной окраски, формы субъективной оценки качества отличаются от основных прилагательных положительной степени также и своей неспособностью к образованию степеней сравнения.

Включаемые нередко в формы субъективной оценки качества прилагательные на *-оватый (-еватый)* таковыми на самом деле не являются. Этим прилагательным присуще обозначение объективной, реальной неполноты признака, заключенного в непроизводной основе, без какой-либо его оценки говорящим (ср. *беловатый, кисловатый* и т. п. и *беленький, кислый-прекислый* и пр.).

§ 191. Склонение имен прилагательных. В отличие от склонения существительных, представленного несколькими четко отграниченными типами, склонение прилагательных очень унифицировано. По существу в современном русском языке имеются только два типа склонения прилагательных: к одному склонению относятся прилагательные полной формы, имеющие в именительном падеже единственного числа мужского рода окончания *-ый, -ий* и *-ой*, ко второму — прилагательные с суффиксами *-ов, -ин, -j-*, имеющие в именительном падеже единственного числа окончания имен существительных.

Первый тип склонения является живым и продуктивным, объединяющим подавляющее большинство склоняемых прилагательных различной семантики; второй представляется непродуктивным и пережиточным и включает в себя лишь замкнутую группу притяжательных и относительно-притяжательных прилагательных.

Различными окончаниями прилагательные разного рода обладают только в единственном числе, во множественном числе для всех родов окончания одинаковые.

Прилагательные мужского и среднего рода в большой степени объединены между собой и в единственном числе: разные окончания они имеют лишь в именительном и винительном падежах (*-ый — -ое, -ой — -ое, -ий — -ее*).

Основной тип склонения делится на две разновидности: твердую и мягкую. Первую образуют прилагательные с основой на твердый согласный, вторую — прилагательные с основой на мягкий согласный.

При склонении во всех падежах ударение в прилагательных остается постоянным.

В прилагательных с твердой основой ударение может падать как на окончание (тогда им. пад. ед. числа мужского рода оканчивается на *-ой*), так и на основу (тогда им. пад. ед. числа мужского рода оканчивается на *-ый*).

В прилагательных с мягкой основой ударение всегда падает на основу.

Различия между твердой и мягкой разновидностями очень незначительны и являются целиком зависящими от фонетических качеств конечного согласного основы. Единственное число: И. — *-ый, -ая, -ое* или *-ой, -ая, -ое, -ий, -яя, -ее;* Р. — *-ого, -ой* — *-его, -ей;* Д. — *-ому, -ой* — *-ему, -ей;* В. — *-ый* или *-ого, -ую, -ое* — *-ий* или *-его, -юю, -ее;* Т. — *-ым, -ой (-ою)* — *-им, -ей (-ею);* П. — *-ом, -ой* — *-ем, -ей.* Множественное число: И. — *-ые* — *-ие;* Р. — *-ых* — *-их;* Д. — *-ым* — *-им;* В. — как И. или Р.; Т. — *-ыми* — *-ими;* П. — *-ых* — *-их.*

При отнесении прилагательного к той или иной разновидности следует строго разграничивать фонетические явления от фактов орфографии.

Так, прилагательные с основой на *ш, ж, ц (свежий, хороший, куцый* и т. д.) относятся к твердой разновидности, хотя их окончания на письме совпадают иногда с окончаниями прилагательных мягкой разновидности (ср. формы *свежий* и *синий, чужим* и *синим, куцем* и *синем, хорошие* и *синие* и т. д., которые, графически не различаясь, произносятся по-разному: све́[жъи] — си́[н'ии], чу[жы́м] — си́[н'им], ку́[цъм] — си́[н'ьм], хоро́[шъи] — си́[н'ии] и т. п.). Вариантных окончаний в парадигме прилагательных, за исключением формы творительного падежа ед. числа женского рода, нет.

В творительном падеже ед. числа женского рода, кроме основных окончаний *-ой, -ей,* в книжной речи, обычно в стихотворном языке, могут употребляться также и *-ою, -ею.* Их употребление, как правило, вызывается версификационными условиями, т. е. ритмом и рифмой, ср.: *Полем шел, лесною кромкой, избегая лишних глаз, подходил к селу в потемках, и служил ему котомкой боевой противогаз (Твард.). — Пишу я наркому письмо заказное, прошу на границу послать. Хочу на границе я ночью глухою с винтовкою друга стоять (В. Г.).*

В поэтическом языке XVIII — первой трети XIX века вариантные окончания при склонении прилагательных женского рода встречаются и в родительном падеже ед. числа. Наряду с основным (и сейчас единственным) окончанием *-ой, -ей* в стихотворных произведениях того времени употреблялось изредка на правах одной из поэтических вольностей старославянское по своему происхождению окончание *-ыя, -ия.*

В одних произведениях оно было обусловлено версификационными причинами, например: *Подруги тайные моей весны златыя (П.); Вдруг видит Эсхина — и вмиг узнает сопутника юныя жизни (Жук.);* в других — вводились как одно из средств создания определенного стиля речи, например: *И жало мудрыя змеи (П.); Когда под скипетром великия жены венчалась славою счастливая Россия (П.).*

Прилагательные с основой на *к, г, х* составляют своеобразную группу, склоняющуюся по твердой разновидности, но имеющую отдельные окончания прилагательных мягкой разновидности. Окончания, свойственные прилагательным с мягкой основой, эти слова имеют в творительном падеже ед. числа мужского и среднего рода (ср. *новым,* но *широким* и *древним*) и во всех падежах множественного числа. Имея это в виду, иногда их справедливо выделяют в особую, смешанную, разновидность склонения.

От основного типа склонения прилагательных отличается склонение прилагательных с суффиксами *-ов(-ев), -ин(-ын)* и *-j-* типа *отцов, мамин, рыбий,* имеющие (при большинстве окончаний, целиком совпадающих с окончаниями полных прилагательных основного склонения) в отдельных падежах особые окончания, совпадающие с флексиями существительных.

В прилагательных с мягкой основой, образованных при помощи суффикса *-j-*, окончания кратких форм прилагательных наблюдаются только в именительном и винительном падежах: „нулевое" окончание в прилагательных мужского рода, окончание *-а* (для им. пад.) и *-у* (для вин. пад.) в прилагательных женского рода и окончание *-е* в прилагательных среднего рода; во мн. числе окончание *-и* в им. пад. всех трех родов (ср. *рыбий, рыбья, рыбье, рыбьи* и т. п.).

В прилагательных с твердой основой, образованных при помощи суффиксов *-ов(-ев), -ин(-ын),* окончания кратких форм, кроме именительного и винительного падежей обоих чисел (*сестрин, сестрина, сестрино, сестрины; приятелев, приятелева, приятелево, приятелевы* и т. д.), имеют также родительный и дательный падежи ед. числа мужского и среднего рода (ср. род. пад. *приятелева, сестрина,* дат. пад. *приятелеву, сестрину*).

Эти окончания являются единственно возможными только в прилагательных на *-ов(-ев)* (ср. *отцову шапку, адамова яблока, глауберову соль, приятелева портфеля* и т. д.).

В прилагательных на *-ин(-ын)* они — не основные, а вариантные и в настоящее время почти не употребляются, заменяясь окончаниями полных прилагательных *-ого, -ому.*

Тем самым прилагательные на *-ин(-ын)* по склонению начинают соотноситься с прилагательными типа *рыбачий* с суффиксом *-j-*, как твердая основа с мягкой.

Характеризуя склонение прилагательных на *-j-*, следует особо предостеречь от неверной трактовки сочетания *-ий* в *лисий, охотничий* и т. п. прилагательных как окончания, такого же аффикса, как в *синий, вчерашний* и т. д.

Сочетание *-ий* в формах им.-вин. пад. мужского рода прилагательных *лисий* и т. п. является фонетическим видоизменением суффикса *-j-*, наблюдающимся и в других разрядах слов, и представляет по отношению к окончанию *-ий* омоморфему.

Соотношения *лисий — лисьи — лисьего — лисью* и т. д., где наблюдается то основа [л'и́с'*j*-], то основа [л'и́с'ij-], целиком соответствуют соотношениям, наблюдающимся в существительных *воробей — воробья — воробьи — воробью, ущелий — ущелью — ущельем* и т. д., имеющим суффикс *-j-* также то в виде *-j-*, то в виде *-ий*, и, следовательно, два видоизменения основы: [върлб'j-] и [върлб'е́й], [уш'е́л'j-] и [уш'е́л'ий].

Как прилагательные, обычно склоняются и существительные, по происхождению являющиеся субстантивированными прилагательными (*часовой, мороженое* и пр.).

Исключение представляют лишь наименования городов и фамилий, возникшие на базе притяжательных прилагательных.

Фамилии-существительные на *-ов(-ев), -ин(-ын)*, склоняясь в целом как притяжательные прилагательные, имеют особые формы в предложном падеже ед. числа мужского рода (*о Иванове, о Рощине* и т. д.). Наименования населенных пунктов на *-ов (-ев), -ово(-ево), -ин (-ын), -ино(-ыно) — Львов, Киев, Крюково, Марьино* и т. п. — склоняются полностью, как существительные 1-го склонения (например, твор. пад.: под *Львовом, Киевом, Крюковом, Марьином*).

Как прилагательные, склоняются сейчас также и существительные типа *зодчий, певчий* и пр. и слово *вожатый* (из *вожатай*).

§ 192. Переход прилагательных в существительные. В процессе словоупотребления некоторые прилагательные утрачивают свою качественную семантику и приобретают предметное значение, т. е. субстантивируются, переходят в разряд существительных. Субстантивация слов, первоначально выражавших признак предмета, приводит к тому, что вместе с лексическим значением существительных они получают и многие характерные для существительных грамматические свойства: в них становятся самостоятельными грамматическими категориями род, число и падеж, появляется категория одушевленности и неодушевленности, они приобретают способность определяться, начинают выступать во всех свойственных существительным синтаксических функциях и т. д.

Единственным, что отличает такие слова (если это полные формы) от основной массы существительных, являются окончания. Становясь существительными, такие прилагательные все же сохраняют без изменения свое прежнее склонение.

Субстантивация прилагательных возникает на основе опущения определяемых прилагательными существительных. В результате такого эллипсиса функция обозначения предмета переходит на обозначавшее его признак прилагательное, которое с течением времени и становится постоянным наименованием предмета (ср.:

горничная девушка > горничная; столовая комната > столовая; выходной день > выходной; грядущее время > грядущее и т. д.).

В ряде случаев мы имеем, однако, дело не с субстантивацией прилагательных, а с созданием новых слов по образцу уже имеющихся субстантивированных прилагательных. Такими являются, например, слова *вселенная, насекомое, числительное*, скалькированные с греческих и латинских слов, слова *корректорская* и *диспетчерская*, образованные по образцу *столовая, учительская* и т. п.

Субстантивация прилагательного может быть полной и неполной.

При полной субстантивации прилагательное теряет возможность выступать как прилагательное, например: *гостиная, портной, приданое, прачечная, пирожное, леший* и др.

При неполной субстантивации прилагательное, наряду с обозначением предмета, продолжает употребляться и как наименование признака, например: *столовая, первое, часовой, накладная, постовой, колыбельная, прямая, святой, прошлое* и т. д.

Субстантивированные прилагательные не изменяются по родам и являются словами одного какого-либо из трех родов. Это характерно не только для случаев полной субстантивации. Не изменяются по родам, когда они выступают как существительные, и субстантивированные прилагательные, способные употребляться в своей исконной функции.

С изменением по родам не следует путать наличие у некоторых слов коррелятивных, т. е. соотносительных, форм мужского и женского рода в обозначениях лиц типа *звеньевой* и *звеньевая, знакомый* и *знакомая*, аналогичных парам *колхозник — колхозница, писатель — писательница* и т. п. Аффиксы *-ый — -ая* здесь выражают то же самое, что и суффиксы *-ник — -ница, -тель — -тельница*, и вовсе не то, что ими выражается, например, в словах *высокопроизводительный — высокопроизводительная*.

Наиболее разнообразны в семантическом отношении субстантивированные прилагательные женского рода, могущие обозначать как одушевленные предметы, так и неодушевленные. Среди них наблюдается больше всего слов со значением места действия (*булочная, мостовая, пивная, столовая, набережная, детская, прихожая* и т. д.) и обозначений лиц женского пола (*больная, дежурная, любимая, прохожая* и др.).

Однако имеются также (правда, не образующие продуктивных моделей) слова, которые обладают и другими значениями (ср. *борзая, гончая, накладная, подорожная, касательная, запятая* и пр.).

Субстантивированные прилагательные среднего рода (за исключением родовых обозначений животных: *животное, земноводное, млекопитающее, парнокопытное* и др.) являются обозначениями конкретных предметов и отвлеченных понятий. Среди названий конкретных предметов находим обозначения различных вин, кушаний и лекарств: *шампанское, цимлянское, мороженое, пирож-*

ное, заливное, первое, слабительное, рвотное и т. д.; ср. также *горючее*. Среди субстантивированных прилагательных с отвлеченным значением выделяются слова, являющиеся научными терминами и формами выражения общих абстрактных понятий, например: *общее, частное, прекрасное, будущее, прошлое, былое, содержимое* и т. д.

Что же касается субстантивированных прилагательных мужского рода, то почти все они являются именами лиц (при наличии вариантного образования женского рода — обозначениями только лиц мужского пола: *посыльный — посыльная, подсудимый — подсудимая, нищий — нищенка, портной — портниха*), например: *ученый, малый, пожарный, раненый, управляющий, заведующий, новенький, штатский, больной, смертный, рядовой* и т. п.

Имеется также определенная группа субстантивированных прилагательных, употребляющихся только во множественном числе. Семантически она не менее разнообразна, чем разряд субстантивированных прилагательных женского рода, но в количественном отношении значительно меньше. Сюда относятся, например: *легкие, данные, суточные, командировочные, близкие, молодые, чаевые* и т. п.

Субстантивированными прилагательными являются по происхождению также многие топонимические названия и большинство фамильных наименований (ср. *Смоленск, Ярославль, Грозный, Медное, Узловая, Долгопрудная; Дубровский, Петров, Фокина, Кондрашкин, Бураго, Теплых* и т. д.).

От субстантивированных прилагательных следует отличать слова типа *вожатый* и *зодчий*, которые иногда также включаются в существительные, образованные при помощи морфолого-синтаксического способа словообразования. В этих словах наблюдается нечто обратное: существительные типа *вожатай* (ср. *завсегдатай* и пр.) и *зодчий* (ср. *казначей*) под влиянием прилагательных вроде *богатый, плотничий* и т. п. приобрели несвойственное им ранее склонение и словообразовательную структуру. Суффиксальные элементы стали в них осознаваться как окончания *-ый, -ий*, и они начали склоняться как прилагательные (раньше — *вожатай, вожатая, вожатаю; зодчий, зодчия, зодчию* и т. д.).

Образование прилагательных

§ 193. Способы словообразования имен прилагательных. Категория имени прилагательного является такой же продуктивной, как и категория имени существительного. Она постоянно и интенсивно пополняется новыми образованиями самого разнообразного морфологического характера и значения (ср. *квадратно-гнездовой, краснознаменный, досрочный, колхозный, антифашистский* и т. д.). И так как обратный процессу пополнения процесс утраты касается лишь отдельных прилагательных (ср. не употребляющиеся уже слова *смурый* — „хмурый“, от которого образовано

пасмурный, десный — „правый“, *лепый* — „красивый“, *готовный, дерзый*, на основе которого возникло слово *дерзость*, и т. д.) и происходит очень медленно, то обогащение категории прилагательных новыми словами представляется одним из наиболее характерных явлений в современном русском словообразовании.

Пополнение прилагательных новыми образованиями осуществляется в основном при помощи различных способов словопроизводства. Заимствований среди прилагательных (их следует отличать от исконно русских образований типа *ворсистый, массовый, бетонный* и др., возникших в русском языке на базе иноязычных слов) в общем немного.

Следует к тому же отметить, что в отличие от имен существительных, могущих заимствоваться без словообразовательной обработки (ср. *билет, лейтмотив, комбайн, терраса, такси* и др.), заимствование имен прилагательных всегда сопровождается процессами того или иного словообразовательного переоформления, которое дает иноязычному слову возможность получить характерные для прилагательных окончания (ср. фр. *orange — оранжевый*, лат. *specialis — специальный*, фр. *curieuse — курьезный* и т. д.). Исключение составляют лишь заимствования из близкородственных славянских языков (например, из польского: *строгий, мизерный, деликатный, справедливый* и пр.).

Это, в частности, объясняет до известной степени тот характерный факт, что в прилагательных расширение круга слов с непроизводными основами идет значительно медленнее, нежели в существительных, которые чаще всего заимствуются без словообразовательной обработки. Правда, указанный факт обусловлен в первую очередь тем, что прилагательными с непроизводными основами могут быть только качественные прилагательные. Что же касается большинства прилагательных, то они являются ведь не качественными, а относительными или качественно-относительными.

Действительно, лишь в качественных прилагательных, могущих выражать признак предмета непосредственно, самим лексическим значением основы, наблюдается, наряду со словами производной основы, определенный процент слов, содержащих в себе непроизводную основу (ср. *белый, ветхий, горький, тесный, хороший* и т. д.).

Остальные разряды прилагательных содержат только такие слова, которые признак предмета обозначают опосредованно, через отношение к предмету, действию, обстоятельству и т. д. и имеют, в соответствии с этим, производную основу (*квартирный, точильный, нынешний, Верин, голубиный, заречный, волчий* и др.).

С первого взгляда прилагательными с непроизводной основой могут показаться слова вроде *лисий, щучий, соболий* и т. д. Однако непроизводность их основы мнима: *-ий* в них такой же суффикс *-j-*, как и в словах *веселье, здоровье, судья* и др. (ср. *лисьего, щучьему, собольим* и пр.; см. об этом § 191).

В качественных прилагательных разряд прилагательных с непроизводной основой пополняется, естественно, за счет прилагательных, теряющих производный характер своих основ, т. е. в результате процесса опрощения. Новые прилагательные корневого характера сразу не возникают. Самые простые по своему строению и явно в настоящее время непроизводные по характеру основы по происхождению являются производными. Например, прилагательное *общий* образовано от предлога *об* (от него же образовано *оптом*); прилагательное *твердый* образовано с суффиксом *-д-* от глагола *творить;* прилагательное *синий* возникло при помощи суффикса *-н-* от того же корня, что и глагол *сиять (си-);* прилагательное *пестрый* является производным от глагола *писать* (в его старом варианте — *пьсати*) и т. д.

Пополнение прилагательных в основном происходит благодаря морфологическому способу словообразования. Хотя в этой категории и встречаются слова, возникшие при помощи других способов (лексико-семантического, например: *представительный мужчина* и *представительный образ правления, глухая старуха* и *глухие и звонкие звуки* и т. д.; лексико-синтаксического, например: *вышеизложенный, близлежащий, умалишенный, сумасшедший* и пр.; морфолого-синтаксического, например: *смущенный вид, начинающий писатель, соленый, горючий, снятой* и т. п.), только морфологический может быть охарактеризован как продуктивный и активно производящий: подавляющее большинство существующих в современном русском языке прилагательных возникли с его помощью, прилагательные иного образования составляют небольшие и изолированные группы.

Среди частных разновидностей морфологического способа словообразования недейственным совершенно оказывается в категории прилагательных лишь безаффиксный способ словообразования. Посредством всех остальных прилагательные образовываться могут совершенно свободно, однако степень продуктивности их в производстве новых слов рассматриваемой части речи неодинакова.

Наиболее продуктивными оказываются способы суффиксации и словосложения, наименее продуктивным — префиксальный. Как продуктивный, но ограниченный в своих возможностях предстает суффиксально-префиксальный способ словообразования. Так как притяжательные и относительно-притяжательные прилагательные являются непродуктивными разрядами и по способам словообразования простыми и однотипными (они все суффиксальные и образуются при помощи суффиксов *-ин, -ов, -ин(ый), -ов(ый)* только от основ существительных, обозначающих людей и животных, см. § 181—182), а качественно-относительные как переходные своих особых словообразовательных моделей не имеют, то кратко, не перечисляя всего словообразовательного инвентаря, остановимся лишь на словообразовании качественных и относительных прилагательных.

§ 194. Суффиксальный способ образования имен прилагательных. Суффиксация в категории прилагательных представляет собой, как и словосложение, чрезвычайно продуктивный и многообразный способ словопроизводства. Рядом с продуктивными суффиксами здесь наблюдаются как малопродуктивные, так и непродуктивные вовсе, рядом с суффиксами, в одинаковой степени свойственными как качественным, так и относительным прилагательным, здесь немало и таких, которые способны образовывать или только относительные прилагательные, или только качественные. Поэтому при анализе существующего ныне суффиксального словопроизводства прилагательных особенно важно выделить продуктивные типы с учетом их словообразовательных возможностей среди разных разрядов прилагательных.

Среди продуктивных суффиксов, образующих одни только относительные прилагательные, можно отметить лишь суффикс *-ов- (-ев-)*. Остальные специфические только для относительных прилагательных суффиксы *(-ян- (-ан-), -н'-, -шн'-)*, хотя и встречаются в целом ряде образований, в настоящее время являются непродуктивными. Суффикс *-ов-(-ев-)* активно образует в настоящее время прилагательные от основ неодушевленных имен существительных (*бензиновый, бежевый, жанровый, кадровый, содовый, пластмассовый, брезентовый, напалмовый, классовый, фетровый* и т. д.); имеются образования с ним также от основ одушевленных существительных (*бобровый, китовый, енотовый* и пр.) и от отдельных непроизводных качественных прилагательных (*беловой, легковой, черновой*).

При помощи суффиксов *-ян-(-ан-), -н'-* новых образований регулярно в настоящее время уже не образуется: почти все прилагательные, содержащие эти суффиксы, являются давними и по своему строению довольно однотипными. Суффикс *-ян-(-ан-)* выделяется в небольшой группе прилагательных, образованных от вещественных существительных и обозначающих (если они не выражают отношение к предмету вообще) „сделанный из того или иного материала": *дрова — дровяной* (склад), *кровь — кровяные* (шарики), *рожь — ржаной, серебро — серебряный, жесть — жестяной, кожа — кожаный, просо — просяной* и т. д. Вариант *-ан-* наблюдается лишь после шипящих и возник как результат их отвердения.

Этот же суффикс находим в словах *оловянный, деревянный, стеклянный,* в которых наблюдается написание с двумя *н; -янн-* представляет собой не оправданный ни этимологией, ни логикой орфографический двойник суффикса *-ян-*.

Суффикс *-н'-* находится в немногочисленных прилагательных, образованных лишь от слов с местным или временным значением, например: *осень — осенний, рано — ранний; вечер — вечерний, ближе — ближний, даль — дальний* и др.

Производный от *-н'-* суффикс *-шн'-* вычленяется исключительно в единичных прилагательных, образованных от наречий времени и

места, например: *вчерашний, буднишний, давешний* (от областного *дáве*), *тогдашний, домашний, внешний, теперешний* (от древнерусского *тепере* (из *то пьрво — теперь*) и т. д.

Как образования на *-н'-*, так и слова на *-шн'-* выражают отношение к месту и времени.

Среди продуктивных суффиксов, образующих только качественные прилагательные, следует назвать суффиксы *-ист-*, *-к-*, *-лив-* и *-чив-*.

Прилагательные при помощи суффикса *-ист-* образуются либо от основ существительных или прилагательных (в таком случае они обозначают „обладание чем-либо, обычно в большом количестве“: *пористый, сахаристый, породистый, рысистый, волокнистый, костистый, жилистый, цветистый, хлористый, йодистый, кровянистый, сернистый, маслянистый* и др.), либо от глагольных основ (в таком случае они выражают склонность к какому-либо действию: *задиристый, раскатистый, размашистый, порывистый, отрывистый* и др.).

Прилагательные, выделяющие суффикс *-к-*, обозначают склонность к действию, выражаемому производящей основой глагольного или глагольно-именного характера: *едкий, ковкий, липкий, маркий, мылкий, ноский, тонкий, ходкий* и т. д.

Этот производящий суффикс нельзя смешивать с вторичным суффиксом прилагательности (из *-ъкъ-*), присоединявшимся когда-то к основам прилагательных для более яркого выражения признака, например: *жесткий, мелкий, редкий, тонкий, узкий, близкий, дерзкий, краткий, низкий, сладкий* и др.

Суффикс *-лив-* образует прилагательные как от основ глагольного и отглагольного происхождения со значением действия и действующего лица, так и от именных основ предметного значения. Прилагательные, образованные от основ со значением действия и действующего лица, выражают склонность к какому-либо действию: *блудливый, выносливый, говорливый, заботливый, кокетливый, конфузливый, крикливый, надоедливый, податливый, пытливый, шутливый, приветливый, сонливый, сметливый* и т. д. Прилагательные, образованные от именных основ предметного значения, помимо отмеченного, могут иметь значение обладания чем-либо в большой степени: *тоскливый, слезливый, дождливый, талантливый, жалостливый* и др.

Особое присоединение суффикса *-лив-* к целой инфинитивной основе, включая классовый показатель глагола, имеется лишь в старых образованиях *терпеливый, молчаливый* и *горделивый*, в остальных случаях он присоединяется к конечному согласному основы.

Прилагательные с суффиксом *-чив-* в отличие от суффикса *-лив-* образуются только от глагольных и отглагольных основ со значением действия и обозначают склонность к этому действию: *обидчивый, обманчивый, отходчивый, разговорчивый, доверчивый, доходчивый, задумчивый, заносчивый, настойчивый, устойчивый* и др.

Все остальные, характерные только для качественных прилагательных суффиксы или малопродуктивны, или непродуктивны вовсе. Это суффиксы: *-ав-(-яв-), -ляв-, -ат-, -аст-, -чат-, -ит-, -овит-* и *-ив-*. Словообразовательные связи их очень узкие, а группы слов, содержащие их, в количественном отношении немногочисленны. Подавляющее большинство слов, образованных с этими суффиксами, очень давнего происхождения.

Совершенно непродуктивным является в настоящее время суффикс *-ав-(-яв-)*: ни одного новообразования от него нет. Выделяется он в прилагательных, образованных как от существительных, так и от прилагательных, например: *величавый, кудрявый, гнусавый, ржавый, кровавый; моложавый, чернявый* и т. д.

Таким же непродуктивным является суффикс *-ляв-*, возникший на базе суффикса *-яв-*. Слова, с ним образованные, содержат в качестве производящих основ основы имен существительных, например: *писклявый, костлявый, трухлявый*. Исключение составляет слово *вертлявый*, образованное от глагола.

Суффикс *-ат-* встречается в немногочисленных словах, образованных от названий частей тела человека и животных (исключение составляют слова *полосатый* и *женатый*), например: *лохматый, волосатый, чубатый, хвостатый, бородатый, носатый, пузатый, горбатый, рогатый* и др. Прилагательные с этим суффиксом обозначают обладание (чаще всего в чрезмерной степени) тем, что обозначено производящей основой. Только значение обладания каким-либо свойством в чрезмерной степени имеют экспрессивно-эмоциональные образования с суффиксом *-аст-*, которому свойственны те же самые словообразовательные связи, например: *волосастый, чубастый, горластый, зубастый, скуластый* и т. п. (изолированно стоит лишь *цветастый*).

Малопродуктивный неударный суффикс *-ат-* наблюдается в словах, образованных от существительных на *-к(а)* со значением предмета; например: *бородавчатый, клеенчатый, решетчатый, веснушчатый, сетчатый, дымчатый* и др.

Суффикс *-оват-(-еват-)* (производный от *-ат-*), учитывая характер и количество образований, его содержащих, следует также охарактеризовать как словообразовательный элемент, создающий новые слова в общем слабо.

В словах, образованных от прилагательных, он имеет значение „несколько“, „слегка“, например: *кисловатый, рыжеватый, красноватый, кругловатый, дороговатый, синеватый, грязноватый, крупноватый, седоватый* и т. д. Такое же значение свойственно и суффиксу *-ат-*, если он присоединяется к основам прилагательных, имеющих в себе суффикс *-ов-(-ев-)*, например: *розоватый, кремоватый* и др.

Суффикс *-оват-*, присоединяемый к основам существительных, образует прилагательные со значением „отчасти напоминающий кого-либо“ или „имеющий некоторые свойства чего-либо“, например: *жуликоватый, плутоватый, стекловатый, фатоватый,*

щеголеватый, клочковатый, суковатый, узловатый и пр. Образование прилагательных на *-оват-* от прилагательных замкнуто в сфере непроизводных основ и суффиксальных основ с суффиксами *-л-, -к-* и *-н-*: суффиксальные прилагательные с двузвучными суффиксами (не говоря о более сложных) слов на *-оват-* не образуют. Отдельно в семантическом отношении следует выделить слово *виноватый*.

Малопродуктивный суффикс *-чат-* (являющийся также производным от *-ат-*) образует слова от существительных (*бревенчатый, половинчатый, узорчатый, таблитчатый* и некоторые другие) и глаголов (*расплывчатый, обрывчатый, рассыпчатый, взрывчатый, переливчатый* и некоторые другие).

В первом случае прилагательное обозначает обладание в большой степени тем, что обозначено производящей основой, во втором — склонность к выраженному глаголом действию.

Совершенно непродуктивным в настоящее время является суффикс *-ив-* (ср. его однозначные производные — продуктивные *-чив-* и *-лив-*). При его помощи прилагательные были образованы от основ существительных, например: *красивый, лживый, миролюбивый, ленивый, фальшивый, спесивый, красноречивый, паршивый, червивый* и др.

Абсолютно непродуктивен сейчас также и суффикс *-ит-* (например: *сердитый, именитый*), давший производный словообразовательный аффикс *-овит-(-евит-)*. Однако и этот суффикс, образующий прилагательные со значением обладания в большой мере тем, что обозначено основой, малопродуктивен и ограничен в своих словообразовательных связях одними непроизводными основами имен существительных, например: *даровитый, глянцевитый, мозговитый, башковитый, плодовитый, ядовитый* и некоторые другие.

Остальная масса суффиксов свойственна как качественным прилагательным, так и относительным. Среди них (да и среди всех суффиксов прилагательных вообще) наиболее продуктивными, активно и регулярно образующими новые слова являются суффиксы *-н-* и *-(е)ск-*. И тот и другой суффиксы имеют чрезвычайно широкие словообразовательные связи, свободно образуют прилагательные как от исконно русских, так и от иноязычных основ и явились базой для разветвленной системы производных суффиксов (от *-н-* — *-льн-, -альн-, -уальн-, -ональн-, -ивн-, -ичн-*$_1$, *-озн-, -онн-, -тельн-, -енн-, -ичн-*$_2$, *-ебн-, -есн-*; от *-(е)ск-* — *-овск-, -инск-(-енск-), -анск-, -истск-, -ийск-* и пр.).

Как суффикс *-н-*, так и суффикс *-ск-* образуют прилагательные, могущие быть как качественными, так и относительными. Однако в подавляющей массе возникающие при их помощи прилагательные включаются в язык как относительные и лишь потом, в процессе словоупотребления, приобретают качественные значения. Причем качественные значения в прилагательных на *-н-* развиваются значительно свободнее и ведут к более серьезной морфологической перестройке слова, нежели в прилагательных на *-ск-*.

Разграниченными оказываются эти суффиксы и с точки зрения своих словообразовательных связей. Суффикс *-н-* свободнее всего образует прилагательные от неодушевленных существительных, сравнительно редко соединяется с основами наименований лиц и животных, не сцепляется обычно с основами существительных, оканчивающихся на две или более согласные (исключая *ст*) (*бритва, множество, тряпье, риск, митинг, ковш, рубль, комизм* и др.), совершенно неспособен к образованию прилагательных от существительных с суффиксами субъективной оценки и т. д.

Суффикс *-ск-(-еск-)* образует прилагательные как от неодушевленных имен существительных, так и от имен лиц: *-еск-* выступает после шипящих и *ц*, *-ск-* во всех остальных случаях. Особо тесное слияние суффикса с производящей основой наблюдается тогда, когда прилагательное образуется при помощи *-ск-* от существительных на *-ец, -ак(-як), -ач*, например: *молодецкий, бедняцкий, ткацкий*. Как правило, он не образует прилагательных от тех основ, от которых возможно образование прилагательных при помощи суффикса *-н-*. Значительно теснее, нежели суффикс *-н-*, он связан с существительными определенной словообразовательной структуры (например, с именами на *-ист, -ник, -тель, -ец, -ение* и др.).

Примеры. С суффиксом *-н-*: *атомный, бурный, влажный, грамотный, желчный, загадочный, зеркальный, конечный, кучный, манерный, мощный, опытный, пагубный, праздничный, семейный, слесарный, конный, злостный, эфирный, чудовищный* и т. д. С суффиксом *-ск-(-еск-)*: *ангельский, авторский, вредительский, писательский, марксистский, докторский, дружеский, товарищеский, шахтерский, партизанский, крымский, майский, городской, советский, факультетский, двинский* и т. д.

Среди указанных производных от *-н-* и *-ск-* суффиксов продуктивными являются суффиксы *-льн-, -альн-, -ивн-, -ичн-*$_1$, *-онн-* и *-овск-, -инск-(-енск-), -ическ-*. Суффикс *-льн-* образует прилагательные (со значением „служащий для производства какого-нибудь действия“) от основы инфинитива, например: *купальный, брошюровальный, сушильный, копировальный, гравировальный* и пр. Суффиксы *-альн-, -ивн- ,-ичн-*$_1$, *-онн-* служат для производства прилагательных с качественной или относительной семантикой только от основ имен существительных иноязычного происхождения, например: *документальный, парадоксальный, театральный, центральный, префиксальный, диалектальный; иллюстративный, индуктивный, предикативный, прогрессивный, репрессивный, ультимативный, эффективный; акробатичный, каноничный, патриотичный, сценичный, эгоистичный, типичный, ароматичный; позиционный, реакционный, сенсационный, традиционный, фракционный* и т. п.

Суффикс *-овск-(-евск-)* образует прилагательные от основ неодушевленных существительных и имен, обозначающих лиц мужского пола, например: *мартовский, вузовский, жактовский,*

кремлевский, апрелевский, стариковский, отцовский, пушкинский и т. п.

Суффикс *-инск-(-енск-)* продуктивен лишь в образовании географических названий, например: *керченский, пензенский, пресненский, бакинский, кубинский, сочинский, ялтинский* и т. д., хотя и встречается в единичных прилагательных от названий лиц, например: *ольгинский, сатанинский.* Имея в виду указанный словообразовательный элемент, следует говорить о суффиксе *-инск,* получающем на письме графическое обозначение то в виде *-инск-,* то в виде *-енск-.*

Суффикс *-ическ-* служит для образования прилагательных от иноязычных имен существительных, например: *педагогический, лингвистический, сценический, артистический, климатический, фотографический* и т. п.

Остальные суффиксы представляют собой или малопродуктивные элементы, или такие, которые, свободно выделяясь в слове, не образуют в настоящее время слов совершенно.

К малопродуктивным следует отнести суффиксы *-тельн-, -енн-, -озн-, -(и)анск-, -ьянск-, -ческ-;* к непродуктивным *-ичн-*$_2$, *-ебн-, -есн-, -уальн-, -ональн-, -арн-, -истск-, -ийск-.* Суффикс *-тельн-,* хотя и наблюдается в сравнительно большой группе прилагательных, в настоящее время самостоятельно новые слова образует слабо, чаще выступая в словосложениях. Эта словообразовательная морфема встречается в отглагольных прилагательных, чаще всего по своей семантике почти равных действительным причастиям настоящего времени. Могут иметь такие прилагательные иногда и значение, аналогичное образованиям с суффиксом *-льн(ый)* и *-м(ый).* Например: *вместительный, выразительный, губительный, длительный, желательный, занимательный, заразительный, изобретательный, наблюдательный, очаровательный, расточительный, соотносительный, томительный, требовательный, язвительный* и т. д.

Суффикс *-енн-* наблюдается обычно в прилагательных, образованных от существительных, основа которых оканчивается на сочетание согласных (прежде всего на суффиксы *-ств-, -ствj-, -тв-, -знь-),* например: *вещественный, восторженный, жизненный, качественный, маневренный, мужественный, общественный, сочувственный, тождественный, хозяйственный, лиственный, огненный, болезненный, ремесленный* и т. п. Однако выделяется он и в некоторых прилагательных, образованных от других основ (ср. *мертвенный — мертвый, медленный — медлить, обеденный — обед, соломенный — солома, особенный — особый).*

Суффикс *-озн- (пастозный, венозный, нервозный, помпёзный, религиозный, тенденциозный* и др.) характерен лишь для прилагательных от иноязычных основ, особенно в профессиональном диалекте медиков.

Суффикс *-(и)анск, -ьянск-* выделяется у ряда прилагательных, образованных от имен собственных иноязычного происхождения, например: *американский, спартанский, перуанский, мексиканский, кантианский, гегельянский, итальянский* и пр.

Суффикс *-ческ-* встречается в отдельных прилагательных, возникших от существительных с морфемами *-вед-* и *-вод-* и некоторых других, например: *полеводческий, животноводческий, предельческий, искусствоведческий, языковедческий* и т. д.

Остальные суффиксы непродуктивны вовсе.

Суффиксы *-ичн-*$_2$, *-есн-, -ебн-* выделяются в немногих словах, образованных соответственно от порядковых прилагательных (например: *первичный, вторичный, десятичный* и некоторых других), от существительных типа *небо* (например: *словесный, древесный, чудесный, небесный)* и существительных на *-ба,* сейчас уже не употребляющихся (например: *врачебный, лечебный, хвалебный, целебный).*

Суффиксы *-уальн-, -ональн-, -арн-, -истск-, -ийск-* выделяются (но пока не являются еще образующими) в отдельных прилагательных, возникших на базе иноязычных слов, например: *контекстуальный, профессиональный, фрагментарный, альпийский* и др.

Помимо перечисленных выше суффиксов имен прилагательных, встречаются и такие, которые наблюдаются лишь в одном-двух словах, например, суффиксы: *-ощав-* — в *сухощавый, худощавый* и диалектном *лихощавый; -ельн-* — в слове *смертельный; -нат-* — в словах *мохнатый* и *пернатый; -менн-* — в слове *низменный; -енн(ий)* — в слове *внутренний; -орн-* — в слове *иллюзорный* и т. д. Такого рода факты являются результатами процесса переразложения основы, не ставшими еще регулярной моделью для словопроизводства.

Необходимо, наконец, иметь в виду, что в целом ряде прилагательных суффиксы (свободно вычленяемые в других словах, а иногда и активно производящие их) вследствие опрощения основы уже не выделяются. Это, например, наблюдается в прилагательных *чреватый, ретивый, вежливый, маститый, лукавый, громкий, солидарный, волшебный, именительный* и т. п.

Целый ряд прилагательных содержит в своем составе суффиксы причастного характера: или *-л-* (например: *вялый, тухлый, мерзлый, горелый, зрелый, переспелый, бывалый, лежалый* и др.), или *-уч-(-юч-), -ач-(-яч-), -ущ-(-ющ-), -ащ-(-ящ-), -(е)н-, -(е)нн-, -вш-(-ш-), -им-, -ем-, -ом-* (например: *кипучий, пахучий, сыпучий, рваный, мороженый, ученый, вареный, блестящий, подходящий, потрясающий, сдержанный, умеренный, бывший, минувший, падший, допустимый, ископаемый, осязаемый, искомый* и т. п.).

Среди этих слов, несомненно, есть отдельные суффиксальные образования, но большую часть все же составляют прилагательные, возникшие морфолого-синтаксическим способом образования из причастий. Все перечисленные суффиксы не являются продуктивными в образовании новых прилагательных, представляя собой

морфемы или совершенно непроизводящие, или активные лишь в сфере причастий.

§ 195. Префиксальный способ образования прилагательных. В отличие от суффиксального способа словообразования, при помощи которого новые прилагательные образуются очень интенсивно и свободно, префиксация как способ образования новых слов является в сфере прилагательных малопродуктивной. Малопродуктивность этого способа словообразования проявляется не только в узком круге образующих приставок, не только в их ограниченных словообразовательных связях, но и в очень небольшой производительности. Продуктивными здесь оказываются лишь приставки-отрицания (*не-, без-*) и иноязычные, греческие по происхождению *а-* и *анти-*, например: *неграмотный, недогадливый, некомпетентный, некультурный, неопрятный, неплатежеспособный, непокорный, нетребовательный, неточный, неясный, неблагодарный, негодный; безграмотный, безмятежный, безнравственный, безопасный, безызвестный; алогичный, аморальный, аритмичный; антинародный, антихудожественный, антифашистский, антиморальный, антимарксистский, антирелигиозный* и т. п.

Остальные приставки или вовсе непродуктивны, или образуют новые прилагательные очень слабо. Это — иноязычные приставки *интер-* (например, *интернациональный*) и *про-* (например: *проамериканский, проанглийский, профашистский*) и исконно русские приставки *со-* (например: *сопредельный, сопричастный*) и *небез-* (*небезопасный, небезызвестный*).

От префиксального образования новых прилагательных следует отличать префиксальное производство образований с приставками степени, являющихся не самостоятельными словами, а формами субъективной оценки, например: *архинелепый, наивысший, презабавный, развеселый, сверхнизкий, ультраправый* и т. п.

§ 196. Суффиксально-префиксальный способ образования прилагательных. Очень продуктивным в настоящее время, хотя и более ограниченным в своих возможностях, чем суффиксация, является в сфере прилагательных суффиксально-префиксальный способ образования.

Суффиксально-префиксальным способом в прилагательных следует назвать образование нового прилагательного при помощи суффикса не от одного слова, а от сочетания полнозначного и служебного слова. В сущности, здесь наблюдается такая же суффиксация, как и при производстве слов типа *комсомольский, транзитный, утешительный* и т. п., только суффикс присоединяется не к основе слова, а к сочетанию знаменательного и служебного слов, становящемуся в акте словопроизводства основой, например: *за океаном — заокеан-ский, за рекой — заречный, не истребить — неистреби-мый* и т. д.

Наиболее продуктивным здесь является образование прилагательных на базе сочетания существительного с предлогом, но возможно их производство суффиксально-префиксальным способом и на основе сочетания глагола с отрицательной частицей *не*.

Суффиксально-префиксальные прилагательные, учитывая их строение и способ образования, можно разделить на три группы. Наиболее многочисленную группу составляют слова, образованные посредством суффиксов *-н-* и *-ск-* (реже *-енн-, -ов-* и т. п.) от предложных сочетаний существительных. В качестве предлогов, переходящих в слове в приставку, могут выступать: *без, вне, внутри, до, за, между (меж), на, над, от, по, после, под, при, пред, сверх* и некоторые другие, например: *безошибочный, безрезультатный; внеклассный, внеплановый; внутрипартийный, внутрисоюзный; довоенный, досрочный; зарубежный, закавказский; междугородный, междуведомственный, межсоюзный, межрайонный; нательный, настольный; надгробный, надстрочный; отглагольный, отнаречный; почасовой, пооктябрьский; послереволюционный, послевоенный; подмосковный, подводный; пришкольный, приморский; предрассветный, предвоенный; сверхштатный, сверхсрочный* и т. п.

Замкнутую группу префиксально-суффиксальных прилагательных, возникших на базе сочетания существительного с предлогом *без*, образуют слова, в которых в роли суффиксального словообразовательного элемента выступает окончание *-ый (-ий)*. Эти слова в основе обычно заключают то или иное название части тела, например: *бескрылый, безликий, безбровый, безбокий, безволосый, безглазый, беззубый, безрукий, безрогий* и др.

Немногочисленны также прилагательные, образованные при помощи суффикса *-е(м)-* на основе глагола с отрицанием *не*, например: *невознаградимый, непромокаемый, неистощимый, невыносимый* и т. п.

Из первой группы в качестве особого разряда можно выделить прилагательные, возникшие на базе сочетаний существительных с отрицанием *не* и предлогом *без*, например: *небезвыгодный, небезгрешный, небездарный, небеспричинный* и т. д. Их не следует смешивать с префиксальными прилагательными, образованными при помощи приставки *небез-* (см. § 195).

Близка к суффиксально-префиксальному способу образования встречающаяся изредка суффиксация словосочетаний типа *сногсшибательный — с ног сшибать, потусторонний — по ту сторону, никчемный — ни к чему* и т. п.

§ 197. Сложные имена прилагательные. Еще более продуктивным (приближаясь по активности и разнообразию к суффиксальному) оказывается в пределах прилагательных словосложение.

Как и в категории существительных, оно может быть чистым и осложненным суффиксацией. Возникая на базе различных типов словосочетаний (как сочинительного характера, так и подчинительного), сложные прилагательные всегда выступают как цельнооформленные слова. Среди прилагательных, образованных сложе-

нием, с точки зрения морфологической структуры их основ выделяются (при учете того, что генетически, т. е. по характеру исходного словосочетания, они могут быть разными) следующие основные группы слов:

1. Прилагательные, в которых слагаемые основы оформлены как основы прилагательных, например: *научно-исследовательский, инженерно-технический; профессорско-преподавательский, сине-бело-красный; темно-желтый, пепельно-серый, бледно-розовый, серо-буро-малиновый, каменноугольный, сельскохозяйственный, железнодорожный* и т. п.

2. Прилагательные, в которых слагаемые основы оформлены как основы существительного и прилагательного, например: *работоспособный, зимостойкий, жизнерадостный, паровозоремонтный, душещипательный, сноповязальный; товаро-пассажирский, мясо-молочный* и др.

3. Прилагательные, в которых слагаемые основы представляют собой основы прилагательного и существительного (последняя основа является обычно обозначением какой-либо части тела), например: *чернобровый* (ср. *белобрысый* от *бры* — „бровь"), *седобородый, толстопузый, тупоносый, сизокрылый, широкополый, узкоплечий* и т. д.

4. Прилагательные, в которых слагаемые основы являются основами существительного и причастия, например: *свободомыслящий, хлеботоргующий, металлорежущий, болеутоляющий* и др.

5. Прилагательные, в которых слагаемые основы оформлены как основы наречия и прилагательного или причастия, например: *труднопроходимый, многообещающий, малопитательный, дикорастущий* и т. п.

6. Прилагательные, в которых слагаемые основы оформлены как основы числительного (род. или им. пад.) и прилагательного, например: *пятиминутный, четырехсложный, стометровый* и т. д.

В первых четырех группах основы соединяются через соединительную гласную (*о* или *е*).

Остальные типы сложения (ср. *всесторонний, самодовольный, каждодневный, ежеминутный, своевременный* и т. д.) являются малопродуктивными.

Следует иметь в виду, что перечисленные группы прилагательных, близкие по морфологической структуре, могут включать в себя семантически и генетически различные разряды. Например, среди прилагательных, в которых основы оформлены как основы прилагательных, можно найти и слова, возникшие на основе сочинительных сочетаний (*культурно-просветительная, русско-французский*), и слова, образованные на базе подчинительных сочетаний (*железнодорожный — железная дорога, крупноблочный — крупные блоки*).

От прилагательных, образованных сложением, необходимо отличать слова аффиксального образования от сложных слов, например: *коневодческий* — от *коневод* при помощи суффикса *-ческ-*; *неработоспособный* — от *работоспособный* при помощи префикса *не-* и т. д., и слова, возникшие путем сращения в одно слово словосочетания, т. е. при помощи лексико-синтаксического способа образования, вроде *вышеуказанный, нижестоящий* и т. п.

К сложным прилагательным примыкают слова с близкими по значению к суффиксам опорными основами *-видный, -образный, -подобный, -носный, -творный* и т. п. Например: *шаровидный, миловидный, порошкообразный, волнообразный, обезьяноподобный, победоносный, животворный* и др.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 198. Имя числительное как часть речи. Имя числительное представляет собой разряд слов, обозначающих числа и выраженное ими количество однородных предметов или какую-либо часть целого.

Выражение числительными счетно-числовых понятий целиком определяет характерное для них абстрактно-количественное значение, несвойственное другим разрядам слов. Именно это абстрактно-количественное значение и отличает прежде всего числительные от других имен.

Взятые отдельно, числительные являются чистыми наименованиями количества. Например, числительные *три, сто пятнадцать, пять шестых* вне сочетания с именами существительными являются простыми названиями чисел, которые графически могут быть выражены также и цифрами *3, 115,* $\frac{5}{6}$. Именно поэтому они могут определять с количественной стороны любые существительные, которые обозначают предметы, могущие подвергаться счету в целых или дробных единицах (*три года, бревна, предложения, друга* и т. д.; *сто пятнадцать тонн, лет, бревен, бойцов* и др.; *пять шестых комнаты, мешка, яблока, тонны* и т. п.).

Тем самым числительные, начиная с *двух*, выступают в качестве своеобразного средства точного определения того недифференцированного понятия множественности, которое свойственно во множественном числе именам существительным (ср. *стояли столы — стояло пять, десять, сто, тысяча столов; шли ученики — шло семь, сорок, триста учеников* и т. д.). Этим и объясняется употребление числительных (если они не используются отдельно) в соединении лишь с именами существительными; последние указывают в данном случае на те однородные предметы, количество которых обозначается соответствующими числительными.

Таким образом, абстрактно-количественная семантика числительных, выражающаяся в том, что они являются чистыми количественными определителями существительных, предполагает в то же время точное и конкретное указание того или иного количества

в определенных счетных единицах. Именно этим числительные резко отличаются от неопределенно-количественных слов, выражающих недифференцированное большое или малое количество (*много, немного; капельку, бездна* и т. п.). Числительные — это слова, выражающие определенное числовое количество.

Специфическое абстрактно-количественное значение числительных является основным, но не единственным признаком, отграничивающим их от имен существительных и прилагательных.

Числительные обладают также и целым рядом морфологических и синтаксических свойств, совершенно нехарактерных для других имен. Как названия счетных понятий почти все они не имеют категории числа. Подавляющему большинству их несвойственна категория рода. Многие из них обладают рядом особенностей в склонении.

В синтаксическом отношении числительные характеризуются прежде всего свойством выступать (в качестве количественного определителя) только в сочетании с существительными. Они совершенно неспособны иметь определения качественного характера. Сочетания числительных с существительными (*пять тетрадей, тысяча рублей, сорок дней* и т. д.) имеют синтаксически неразложимый характер и функционируют в речи как один член предложения. Своеобразную группу среди имен числительные представляют и с точки зрения своего словообразовательного строения.

Не всем числительным в одинаковой степени свойственны признаки, характерные для них в целом. Некоторые из них отдельными особенностями не обладают. Так, числительные *два, две* в именительном-винительном падежах обладают родовыми различиями (*два стола, две стены*); числительное *сто* может выступать и в форме множественного числа (например: *сот пять книг, с двумястами книгами* и др.); числительные *тысяча, миллион, миллиард* имеют почти все грамматические признаки имен существительных.

И тем не менее все эти слова как наименования абстрактно-количественного значения являются числительными (см. § 201).

Неодинаковые в ряде случаев грамматические свойства, характеризующие отдельные числительные, объясняются тем, что имя числительное как особая лексико-грамматическая категория слов складывалась постепенно и на базе различных имен существительных и прилагательных.

§ 199. Разряды имен числительных. Принимая во внимание особенности в значении, различные структурно-грамматические свойства и характер употребления, числительные можно разделить на следующие группы:

1) количественные числительные;
2) собирательные числительные;
3) дробные числительные.

Все они одинаково являются обозначением абстрактного количества, но применительно к различным по своей семантике именам существительным.

Некоторыми исследователями, кроме названных разрядов числительных, выделяются еще порядковые и неопределенно-количественные числительные. Об этом см. ниже, в § 207—208.

§ 200. Количественные числительные. Их состав и структура. Количественные числительные по своему употреблению являются наиболее универсальными. Они выступают в качестве количественного определителя почти всех существительных, обозначающих предметы, которые можно подвергнуть счету в целых единицах (*шесть вагонов, семьдесят студентов, тысяча километров* и т. д.).

Учитывая различное строение и характер образования количественных числительных, их можно разделить на три группы: 1) простые, 2) производные и 3) составные.

К простым относятся однословные числительные с непроизводной основой, равной корню (*два, три, шесть, десять, сорок, сто, тысяча* и т. п.).

Производными являются однословные числительные, состоящие или из простого числительного и суффикса, или из двух простых (*одиннадцать, пятнадцать, шестьсот, восемьдесят, четыреста* и др.).

Составные представляют собой числительные-словосочетания, образованные или образуемые из нескольких отдельных числительных (*сто сорок пять, шестьсот восемьдесят, триста пятьдесят, тысяча пятьсот двадцать, четыреста семьдесят два* и т. д.).

Среди всех этих групп постоянно увеличивающейся в количестве является только третья. Простые и производные числительные в своем составе в настоящее время не меняются.

Небольшой фонд простых числительных, представляющих словообразовательную базу для всех остальных, в своем подавляющем большинстве очень давнего происхождения и унаследован русским языком из общеславянского языка. Таковы числительные первого десятка (*один — десять*), *сто* и *тысяча*. Исключение составляют числительное *сорок*, являющееся восточнославянским новообразованием (из существительного — *сорок* — „мешок, куда помещалось 40 шкурок соболей"), и недавние заимствования из французского языка: *миллион* (с XVII в.), *миллиард* (с XVIII в.)[1].

Немногочисленными по количеству являются также производные числительные, появившиеся на основе указанных выше простых. Это — возникшие в результате сращения словосочетания в одно слово, т. е. в результате лексико-синтаксического способа словообразования количественные числительные типа *тринадцать, пятьдесят* и *двести*.

[1] Этимологически производный характер иноязычных слов *миллион* и *миллиард* (от *mille* — тысяча) общеславянского по происхождению *один* (ср. *ин-ок, ин-о-рог* и др.) в настоящее время не ощущается; они осознаются такими же простыми, как и *сто, четыре* и т. п.

1) Производные количественные числительные, которые представляют собой небольшую группу слов, появившихся на базе названий первого десятка, нельзя считать сложными. Это образования, являющиеся результатом слияния в одно слово нескольких слов. Числительное *одиннадцать* возникло в результате сращения (с последующими фонетическими изменениями) словосочетания *один на десяте* (т. е. „один сверх десяти"). Аналогичны по своему образованию числительные *двенадцать — девятнадцать*. Числительные *двадцать* и *тридцать* образовались из сочетаний *два десяти, три десяти*.

Все эти числительные осознаются сейчас как суффиксальные (с суффиксами *-надцать* и *-дцать*).

2) Иными по структуре являются обозначения остальных десятков и сотен. Числительные *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* появились в результате сращения соответствующих простых числительных (*пять, шесть, семь, восемь*) с родительным падежом множественного числа числительного *десять*, который оно когда-то имело (как сейчас его имеют слова *тысяча, миллион, миллиард*).

Числительное *девяносто* произошло, по всей вероятности, из словосочетания *девять до ста*.

3) Числительные *двести, триста, четыреста, полтораста* являются результатом слияния в одно слово сочетаний *две сътъ* (им. пад. двойств. числа), *три ста, четыре ста, полтора ста* (им. пад. множ. числа).

Числительные *пятьсот, шестьсот, семьсот, восемьсот, девятьсот* получились из сочетаний простых числительных *5—9* и родительного падежа множественного числа числительного *сто*. От других производных они отличаются тем, что, обозначая не точное, а приблизительное количество, могут употребляться как два отдельных слова (т. е. как составные) (ср. *сот пять лошадей, сот девять пудов* и т. д.). Этим они по структуре и характеру сближаются с составными числительными типа *пять тысяч, семь миллионов* и т. д. (ср. *тысяч пять лошадей, миллионов семь пудов* и др.).

Названными выше словами по существу и ограничивается круг однословных количественных числительных, т. е. лексический состав счетно-количественных корней.

Остальные количественные числительные представляют собой составные имена, образованные и образуемые на основе однословных, например: *сто двадцать восемь, тысяча триста сорок девять, сто девятнадцать миллиардов восемьсот тридцать миллионов пять тысяч семь* и т. д. Порядок следования одних элементов составных числительных за другими четкий и закрепленный, менять который нельзя. Обозначения единиц являются в них конечными словами, которым предшествуют обозначения десятков, сотен, тысяч и т. д. Названия десятков в свою очередь стоят после обозначений сотен, обозначения сотен после наименований тысяч и т. п. Совершенно недопустимы в составных числительных какие-либо вставки. Фонетически составные числительные характеризуются особой интонационной целостностью.

§ 201. Морфологические свойства количественных числительных. Почти все количественные числительные характеризуются с морфологической стороны тем, что не имеют числа и рода.

Особое положение среди них в этом отношении занимают лишь названия единицы и двух, с одной стороны, и наименования больших узловых чисел (*тысяча, миллион, миллиард*), с другой.

Числительное *два* в двух падежах — именительном и винительном — обладает родовыми различиями (ср. *два клена, две березы*). Числительные *один, тысяча, миллион, миллиард* имеют как род, так и число. Имея последнее в виду и делая почему-то исключение для слова *один*, числительные *тысяча, миллион, миллиард* нередко относят к существительным.

Между тем в такой же, если не в большей степени имеются все основания с этой точки зрения отнести числительное *один* к категории прилагательных.

Как у слов *тысяча, миллион, миллиард* имеются все формальные признаки существительных в виде форм рода, числа и склонения, так и у слова *один* есть все формальные признаки прилагательных. Более того, при ярком количественном значении, конкретизирующем неопределенную множественность у первых трех, для слова *один* можно отметить ослабленную счетно-числовую семантику, ибо единичность передается уже самим единственным числом существительного (ср. *девушки — тысяча девушек* и *девушка — одна девушка*).

Тем самым числительное *один* выступает как тавтологическое обозначение того, что выражено уже единственным числом существительного. Однако несмотря на целый ряд общих (с прилагательными у слова *один*, с существительными у слов *тысяча, миллион, миллиард*) формальных признаков, все они в противоположность целому ряду слов количественного значения являются настоящими числительными, относить которые к другим разрядам слов было бы совершенно неверно. В частности, их необходимо строго отграничивать от счетных существительных, с одной стороны, и от местоименно-количественного слова *оба (обе)*, обычно всегда без оговорок включаемого в состав числительных, с другой.

1. *Тысяча, миллион, миллиард, один* входят как равноправные с другими числительными члены в составные числительные, без них система обозначения количества предметов и счетно-числовых понятий была бы невозможна, например: *семь **миллиардов** сто двадцать **миллионов** триста девять **тысяч** тридцать **один** рубль* и т. п. Что касается счетных существительных типа *сотня, дюжина, десяток* и т. п. и слова *оба (обе)*, то они составными элементами числительных не являются и быть ими не могут.

2. Числительные *один, тысяча, миллион, миллиард* являются единственными обозначениями соответствующего количества. Счетные же существительные и слово *оба (обе)* выступают в качестве параллельных и неосновных обозначений количества при однозначных числительных (*сотня — сто, дюжина — двенадцать, десяток — десять, пара — две, два, оба (обе) — два, две* и т. п.). Причем количественное значение в слове *оба (обе)* не является основным и непосредственным его значением. Оно выводится из его ведущего, превалирующего местоименного значения „и тот, и этот", „и то, и это", „и та, и эта".

Именно в силу этого слово *оба (обе)*, хотя и указывает на то же количество, не является синонимическим числительному *два, две* (ср. *Оба сына учились в школе* и *Два сына учились в школе* и т. п.), в то время как счетные существительные синонимичны соответствующим числительным (ср. *сотня человек* и *сто человек, дюжина ложек* и *двенадцать ложек, пара лошадей* и *две лошади* и т. д.).

3. *Один, тысяча, миллион, миллиард* как числительные, употребленные вне сочетания с существительными, обозначают только абстрактное счетно-числовое понятие.

У счетных же существительных (в том числе и омонимичных однокорневым числительным существительных *тысяча, миллион, миллиард*), употребляемых вне сочетания с названиями считаемых предметов, на первый план выступает уже не числовое, а чисто предметное значение, например: *Не нагнать тебе бешеной* ***тройки.*** *(Н.) Дай* ***сотню*** *до завтра; Ему пошел уже седьмой* ***десяток*** и т. д.

4. *Тысяча, миллион, миллиард,* не говоря уже о числительном *один,* не могут определяться, если они употребляются как числительные, качественными прилагательными; счетные существительные в противоположность им могут соединяться с качественными прилагательными (ср. ***Четверка дружная*** *ребят идет по мостовой*).

5. *Один, тысяча, миллион, миллиард* графически равнозначны цифрам, передающим то же количество, и могут в письменной речи ими заменяться: *один человек — 1 человек, тысяча человек — 1000 человек, миллион человек — 1 000 000 человек, миллиард — человек — 1 000 000 000 человек.* Сочетания *оба яблока, весь десяток яиц, целую дюжину ложек* и пр. графически цифрами передать нельзя.

6. *Один, тысяча, миллион, миллиард* по своему употреблению являются универсальными и могут служить количественным определителем любых существительных, обозначающих единичные предметы. Счетные существительные количественно характеризуют обычно лишь ограниченные группы существительных (ср. *десяток яиц, дюжина вилок, пяток яблок, пара сапог, тройка коней* и т. п. при невозможности „тройка килограмм", „дюжина заданий", „пяток вилок", „десяток подушек" и пр.).

7. Слова *один, тысяча, миллион, миллиард* в отличие от счетных существительных и слова *оба (обе)* имеют при себе соответствующие порядковые прилагательные *первый, тысячный, миллионный, миллиардный.*

8. При числительных *тысяча, миллион, миллиард,* употребленных в сочетании с существительным, сказуемое-глагол может быть во множественном числе (***Тысяча*** *новых специалистов* ***выпускаются*** *в этом году нашим институтом;* ***Миллион*** *рублей* ***отпускаются*** *горисполкомом на жилищное строительство* и пр.), сочетания со счетными существительными этого не допускают.

9. Наконец, в противоположность давно непроизводным числительным *тысяча, миллион, миллиард* подавляющее большинство счетных существительных является и осознается вторичными образованиями от соответствующих числительных (*десяток* — от *десять, сотня* — от *сто* и т. д.).

От количественных числительных *тысяча, миллион, миллиард* следует отличать омонимичные существительные предметно-количественного значения. Эти слова имеют все грамматические свойства существительных (ср. *Истрачена последняя тысяча; Приваловские миллионы* и т. д.).

От числительного *один* следует отличать местоименное прилагательное *один (Мы оба работали тогда в одном* [= том же самом] *институте),* неопределенное местоимение *(Сдавал экзамены в зимнюю сессию один* [= некий, какой-то] *студент)* и ограничительную частицу, по значению равнозначную *только, лишь (Одна Максимова не написала в срок курсовую работу).*

Говоря о категории числа у числительного *один,* прежде всего следует отметить особое, нежели у прилагательных, использование формы множественного числа. Числительное *одни* является по отношению к словам *один, одна, одно* простым вариантом, употребляющимся при существительных, обозначающих парные предметы (ср. *одни носки* и *пять пар чулок* и др.), и словах pluralia tantum, т. е. имеющих форму лишь множественного числа (*одни сани, одни ворота*). При словах, имеющих как единственное число, так и множественное (исключая обозначения парных предметов), слово *одни* (*одни столы, одни студенты, одни цветы* и т. д.) числительным не выступает, употребляясь чаще всего или как ограничительная частица, или как неопределенное местоимение. Такое же употребление слова *одни* может быть и при существительных, обозначающих парные предметы (*В шкафу нашлись* ***одни*** *носки* (т. е. только носки), *не было ни пары чулок*). Что касается форм множественного числа слов *тысяча, миллион, миллиард,* то они ничем принципиально не отличаются от аналогичных форм числительного *сто* (ср. *несколько сот человек* и *несколько тысяч человек, с несколькими стами рублями* и *с несколькими миллионами рублей* и т. п.).

§ 202. Склонение количественных числительных. Представляя собой чрезвычайно пеструю группу с точки зрения структуры и происхождения, количественные числительные серьезно различаются между собой и по своему склонению.

Числительное *один, одна, одно* склоняется, как местоимение *этот, эта, это*.

Окончания, подобные присущим этому числительному, имеют в род., дат. и предл. падежах и числительные *два, две, три, четыре* (ср. *одних, одними, двух, двум, двух; трех, трем, трех; четырех, четырем, четырех*). Однако окончания, которые они имеют в им. и твор. падежах, являются совершенно своеобразными (твор. пад.: *двумя, тремя, четырьмя*). Кроме того, их словоизменение ярко выделяется особым характером конечной гласной основы (на *-у* и *-е, -ё*). Винительный падеж всех этих числительных (от *одного* до *четырех*) или совпадает с именительным (при неодушевленных существительных): *два, две, три, четыре*, или с родительным (при одушевленных существительных): *двух, трех, четырех*.

Числительные от *пяти* до *двадцати*, а также *тридцать* склоняются, как имена существительные женского рода 3-го склонения (*тетрадь*). Отличия от склонения существительных, которые здесь наблюдаются, касаются лишь числительных *пять, десять, двадцать, тридцать* и носят чисто акцентологический характер: ударение в них обычно падает не на основу, а на окончание: *пяти́, пятью́*; старое ударение на основе сохраняется только в оборотах типа *пя́тью шесть, се́мью восемь* и т. п.

Числительное *восемь* в творительном падеже имеет две формы, различающиеся по основе: *восемью* и *восьмью*. Обычной является первая, вторая встречается в настоящее время все реже и реже. Числительные *сорок, девяносто, сто* имеют только две падежные формы: в им.-вин. падежах — *сорок, девяносто, сто*, в остальных — *сорока, девяноста, ста*.

В древнерусском языке они склонялись, как существительные (*сорок*, как *творог; сто, девяносто*, как *окно*).

Сохранение старого склонения числительного *сто* во множественном числе до сих пор наблюдается в производных числительных *двести, пятьсот* и т. п. След прежнего склонения числительного *сорок* (*сороку, сорокам* и т. п.) сохраняется сейчас лишь в выражении *сорок сороков*.

В производных числительных *пятьдеся́т, шестьдеся́т* и *се́мьдесят, во́семьдесят* склоняются обе части, при этом основное ударение падает в косвенных падежах на окончание первой части. В косвенных падежах вторая часть этих числительных имеет формы числительного *десять* (И., В. — *пятьдесят*, Р., Д., П. — *пятидесяти*, Т. — *пятьюдесятью* и т. п.). Рядом с формами *пятьюдесятью, семьюдесятью* и т. п. встречаются также (в живом разговорном языке) формы *пятидесятью, семидесятью* и др., которые, однако, нормативными не являются.

Обе части при склонении изменяются также и в производных числительных, обозначающих сотни. Причем в числительных *двести, триста, четыреста* при склонении и первая и вторая части имеют флексии множественного числа: И. — *двести*, Р. — *двухсот*, Д. — *двумстам*, В. — *двести* или *двухсот*, Т. — *двумястами*, П. — *двухстах*. Что же касается числительных *пятьсот — девятьсот*, то для них флексии множественного числа косвенных падежей характерны лишь для второй части, первая же имеет в этих случаях флексии единственного: И. — *пятьсот*, Р. — *пятисот*, Д. — *пятистам*, В. — *пятьсот*, Т. — *пятьюстами*, П. — *пятистах*. Ударение во всех косвенных падежах числительных, обозначающих сотни, падает или на окончание, или, если окончания нет, на конечный слог опорной основы.

В им.-вин. падежах числительные *двести, триста, четыреста* имеют ударение на первой части, а числительные *пятьсот — девятьсот* — на второй.

Несколько особняком стоит производное числительное *полтораста*, имеющее (как *сорок, девяносто, сто*) только две формы: одну — *полтораста* — для им.-вин. пад. и другую — *полутораста* — для остальных.

Числительное *тысяча* склоняется так же, как существительные женского рода 2-го склонения (*добыча*). Однако в творительном падеже, кроме основной формы *тысячей*, оно имеет и вариантную форму *тысячью*. В этих вариантах форм творительного падежа отражается скорее всего древняя двойственность словообразовательно-морфологических типов — *тысяча* и *тысячь*.

Числительные *миллион, миллиард* склоняются подобно существительным мужского рода 1-го склонения *медальон, бильярд*.

При склонении составных числительных, как правило, изменяется каждый компонент соответствующего числительного, например: *тысяча сто пятьдесят два, тысячи ста пятидесяти двух, к тысяче ста пятидесяти двум* и т. п. Однако в живой разговорной речи все чаще и чаще в настоящее время начинают наблюдаться факты склонения в таких случаях лишь последнего компонента составного числительного, стоящего непосредственно перед существительным или его определениями, например: *с тысяча сто пятьдесят двумя советскими спортсменами, о двести тридцать семи днях дрейфа* и т. д. Такое склонение составных числительных нормативным не является.

§ 203. Синтаксические особенности количественных числительных. Являясь различными с морфологической точки зрения, количественные числительные не представляют единой группы и по своим синтаксическим свойствам. В характере сочетания их с существительными наблюдается целый ряд особенностей, причем разных для отдельных групп. Числительное *один, одна, одно* соединяется с существительными по способу согласования; образуемое таким образом словосочетание выступает синтаксически всегда

(как в им.-вин. пад., так и в остальных) как двучленное (*один студент, одна тетрадь, одно письмо, одни ножницы, одного года, одной недели* и т. д.).

С числительными *два, три, четыре* существительные соединяются в им.-вин. пад. по способу управления, а в остальных — по способу согласования. Причем при этих числительных в им.-вин. пад. существительные стоят в форме родительного падежа единственного числа (*два ученика, три стены, четыре окна* и т. п.), а в остальных падежах — в соответствующем существительному падеже множественного числа (*двумя учениками, трем стенам, четырех окон* и др.). Исключение составляют существительные, возникшие при помощи морфолого-синтаксического способа образования из прилагательных: субстантивированные прилагательные мужского и среднего рода сочетаются с числительными *два, три, четыре* в им.-вин. падежах в форме родительного падежа множественного числа (*два часовых, четыре сказуемых* и т. п.), субстантивированные прилагательные женского рода — или в форме родительного падежа, или в форме им.-вин. пад. множественного числа (*две столовых* и *две столовые, четыре горничные* и *четыре горничных* и т. д.).

По своему происхождению родительный падеж единственного числа существительных, наблюдающийся при числительных *два, три, четыре,* представляет собой им.-вин. падеж двойственного числа, который после утраты русским языком категории двойственного числа был осмыслен как родительный падеж единственного числа. В сочетаниях *три города, четыре коня* и т. п. родительный падеж появился под влиянием сочетаний *два города, два стола* и пр. Ранее числительные *три, четыре* соединялись с существительными по способу согласования и при них в этом случае были существительные в форме именительного или винительного падежа множественного числа: *три городи, четыре конѣ* и пр.

У немногих слов мужского рода переосмысленные формы именительного падежа двойственного числа целиком с родительным падежом ед. числа не совпадают, например: *три часá,* но *нет еще чáса; четыре шагá,* но *ровного шáга; в два рядá,* но *около шестого рядá* и т. п.

Числительные, начиная с *пяти* и далее, в им.-вин. пад. соединяются с существительными по способу управления, в остальных — по способу согласования. Характерной чертой способа соединения их с существительными в отличие от числительных *два, три, четыре* является то, что в им.-вин. пад. при них существительные ставятся в родительном падеже не единственного числа, а множественного (*пять человек, сорок метров, сто дней, пятьсот рублей* и т. п.).

Числительные *миллион, миллиард* всегда образуют с существительным неразложимое количественно-именное сочетание; при них в родительном падеже множественного числа существительные стоят во всех падежах, а не только в им.-вин.

Числительное *тысяча* обычно сочетается с существительными так же, как и *миллион, миллиард*. Однако в косвенных падежах оно может соединяться с существительным иногда и по способу согласования, как это всегда наблюдается относительно числительных с *пяти* до *тысячи,* например: *к тысяче рублям, тысячью голосами* и т. п. Такое употребление, однако, нормой не является.

Прилагательные, определяющие в количественно-именных сочетаниях существительные, которые обозначают считаемые предметы, стоят почти всегда в том же падеже, что и существительные (*одну теплую комнату, двух красивых девушек, пятью светлыми окнами, ста полярных дней, миллионом маленьких ребят* и т. п.). Исключение составляют сочетания с числительными *два, три, четыре* в им.-вин. пад.

При них в им.-вин. пад. прилагательные, определяющие следующие далее существительные, ставятся или в форме родительного падежа мн. числа, или в форме именительного падежа мн. числа. Как правило, в таких случаях прилагательные ставятся в родительном падеже мн. числа, если они определяют существительные мужского или среднего рода (*два высоких клена, три больших окна, четыре толстых бревна*), и в именительном падеже мн. числа, если они относятся к существительным женского рода (*три белые березки, две толстые книжки, четыре красивые складки*).

Числительные *один, тысяча, миллион, миллиард* могут стоять лишь перед существительными (*один день, тысяча глаз, миллион километров, миллиард лет* и т. п.). Остальные числительные могут употребляться как препозитивно, так и постпозитивно, однако употребление этих числительных после существительных ведет к изменению значения количественно-именного сочетания: оно начинает обозначать не точное количество, а приблизительное (ср. *три человека* и *человека три, полтораста шагов* и *шагов полтораста, пятьсот тонн* и *тонн пятьсот* и т. п.).

§ 204. Собирательные числительные. Собирательные числительные представляют собой небольшую группу слов, образованных от соответствующих количественных числительных.

С точки зрения своей морфологической структуры они являются производными числительными суффиксального характера: *двое, трое* образованы от числительных *два, три* при помощи суффикса *-j(e)*; *четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро* — от числительных *четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять* посредством суффикса *-ер(о)*.

В грамматическом отношении они очень близки основной массе количественных числительных.

Собирательные числительные не имеют рода и числа.

В их склонении наблюдается то же самое противопоставление им.-вин. пад. остальным падежам, какое характерно для склонения числительных количественных. Их сочетания с именем существительным в им.-вин. пад. образуют также неразложимые сочетания, используемые как единый член предложения.

От количественных собирательные числительные отличаются прежде всего своей немногочисленностью в составе и непродуктивностью в образовании. В общем употреблении их всего девять, и новых образований не возникает. Однако более серьезным является отличие собирательных числительных от количественных с точки зрения их употребления.

В качестве счетно-числового определителя собирательные числительные могут употребляться с несравненно более узким кругом имен существительных, чем числительные количественные, при этом здесь можно наметить два случая.

1 В одном случае собирательные числительные выступают с существительными как вариантная, параллельная форма сочетаниям с количественными числительными, например: *двое студентов — два студента, четверо человек — четыре человека* и т. д.

2 В другом случае они являются единственным количественным определителем, могущим быть при соответствующих существительных, например: *трое суток, двое детей* и т. д. Существительные *дети* и *сутки* сочетаться с числительным *три, два* и пр. не могут.

В качестве вариантной количественным числительным формы собирательные числительные употребляются:

1) с именами существительными, обозначающими лиц мужского пола (*пятеро учеников, трое прохожих, двое бродяг* и т. п.);

2) с именами существительными, обозначающими детенышей животных (*семеро щенят — семь щенков, двое козлят — два козленка, четверо медвежат — четыре медвежонка* и др.).

3 В качестве вариантной количественным числительным формы собирательные числительные (исключая *двое, трое, четверо*) употребляются также с обозначениями единичных предметов, являющихся именами существительными, имеющими только множественное число, например: *пятеро носилок* (ср. *пять носилок*), *шестеро суток* (ср. *шесть суток*), *семеро саней* (ср. *семь саней*) и т. д.

Все собирательные числительные сочетаются и с именами существительными, обозначающими предметы, которые обычно считаются парами. В таком случае собирательные числительные обозначают количество не единичных предметов, а составляющих их пар (ср. *трое носков, пятеро чулок, четверо перчаток* и т. п. и *три носка, пять чулок, четыре перчатки*). Поэтому вариантность таких сочетаний соответствующим сочетаниям с количественными числительными здесь является мнимой, чисто формальной, а не семантической (*трое чулок* — не три чулка, а шесть чулок).

В качестве единственно возможного количественного определителя собирательные числительные употребляются:

1) при личных местоимениях: *Нас было* ***семеро;*** *Не нашли только их* ***троих;*** ***Двоих*** *вас мы лишь не видали* и т. д.;

2) при слове *дети*: ***двое, пятеро, семеро*** и т. д. ***детей.***

В качестве количественного определителя собирательные числительные *двое, трое, четверо* употребляются также при существительных pluralia tantum, обозначающих единичные предметы (*двое суток, трое ворот, четверо щипцов* и т. п.).

Со всеми остальными разрядами имен существительных, обозначающих считаемые предметы, собирательные числительные не употребляются. Случаи сочетания собирательных числительных с другими существительными, кроме названных выше (например, *трое подруг, семеро студенток, четверо зубков* и т. п.), хотя и существуют, литературной нормой не являются.

Следует отметить условность названия „собирательные числительные“: никакого иного семантического оттенка числительное *двое* и т. д. по сравнению с *два* и другими не имеют (ср. *двое ножниц* и *два ножа, двое студентов* и *две студентки* и т. п.).

Сочетаются собирательные числительные с существительными по способу управления в им.-вин. пад. и по способу согласования в остальных, причем в им.-вин. пад. при собирательных числительных существительные всегда стоят в род. пад. мн. числа, например: *двое ворчунов, трое волчат* и т. д., но *двоих ворчунов, двоими ворчунами, о троих волчатах, троим волчатам* и др.

Склоняются собирательные числительные по образцу имен прилагательных во множественном числе: *двое, трое* — по образцу прилагательных с мягкой основой, *четверо* и т. д. — по образцу прилагательных с твердой основой. Ударение в косвенных падежах всегда находится на окончании.

Следует отметить, что в современном русском литературном языке косвенные падежи собирательных числительных при существительных pluralia tantum встречаются очень редко. Вместо них обычно употребляются косвенные падежи количественных числительных. Особенно следует отметить это относительно форм косвенных падежей для числительных, начиная с *пятеро*.

Несколько более продуктивными и употребительными являются косвенные падежи собирательных числительных при других разрядах существительных, с которыми эти числительные сочетаются. Однако и здесь чаще наблюдается употребление форм количественных числительных (рядом с формами *двоими учениками, троих котят* и т. д. чаще наблюдаются формы *двумя учениками, трех котят* и т. п.).

Употребление собирательных числительных при именах существительных является всегда препозитивным, после имен существительных собирательные числительные не встречаются.

Помимо употребления в сочетании с существительными, собирательные числительные могут употребляться вне связи с ними, являясь в этом случае обозначениями лиц как мужского, так и женского пола.

Иногда к собирательным числительным относится местоименно-количественное слово *оба* (*обе*). Выше (§ 201) уже указывались доводы, в силу которых это слово нельзя относить к числитель-

ным количественным. Отметим еще несколько фактов, которые не позволяют считать *оба* (*обе*) собирательным числительным.

Помимо яркого местоименного значения „и тот, и этот", от собирательных числительных слово *оба* (*обе*) отличает: 1) наличие рода, 2) сочетание его с существительными как мужского, так и женского рода, 3) невозможность сочетания с существительными, имеющими только множественное число, 4) сочетание с ним существительных в родительном падеже ед. числа, 5) отсутствие соответствующего параллельного количественного числительного (ср. *два студента* или *двое студентов*, но *оба студента*).

§ 205. Дробные числительные. Дробные числительные представляют собой слова, обозначающие количество в отличие от количественных и собирательных не в целых единицах, а в дробных, например: *три и две пятых, семь и двадцать сотых* и др. В функции количественных определителей они выступают не только при существительных, обозначающих единичные предметы, но и, чем также отличаются от собирательных и количественных, при существительных собирательных и вещественных, например: *четыре пятых стола, одна седьмая сахара, пять шестых воды, две трети профессуры* и т. д.

Сочетаются с именами существительными дробные числительные всегда по способу управления: имя существительное при дробном числительном любого падежа стоит в родительном падеже, причем как единственного, так и множественного числа.

Всегда в родительном падеже единственного числа с дробными сочетаются собирательные и вещественные существительные, употребляющиеся только в единственном числе (*восемь десятых всего сырья, три седьмых добытого таким образом меда, две трети масла* и др.).

Всегда в родительном падеже множественного числа употребляются с дробными числительными вещественно-собирательные существительные pluralia tantum (*девять десятых консервов, щипцов, брюк, всходов, белил, саней* и др.).

Следует учитывать неопределенность значения образующихся при этом сочетаний (*четыре пятых саней* — это и четыре пятых одних саней, и четыре пятых нескольких саней: ***Четыре пятых саней*** *занимала огромная туша медведя* и ***Четыре пятых саней*** *совхоза было отправлено на станцию встречать новоселов*).

В родительном падеже как единственного, так и множественного числа с дробными числительными сочетаются такие существительные, которые обозначают единичные предметы, существующие и как целое, и как какая-либо его часть. В единственном числе они ставятся при дробных числительных в том случае, если последними указывается определенная часть целого предмета (*две пятых комнаты, семь десятых города, тридцать сотых озера* и др.), во множественном числе они сочетаются с дробными числительными в том случае, если числительными

указывается определенная часть совокупности однородных предметов (*две пятых сёл, семь десятых карандашей, сорок сотых огурцов* и др.).

Только в родительном падеже множественного числа возможно сочетание с дробными числительными существительных, обозначающих единичные предметы, существующие лишь как целые. Сочетание таких существительных с дробными числительными указывает на ту или иную часть совокупности однородных предметов (*восемь десятых пионеров этой школы, три четвертых выпускников* и др.).

По своей структуре дробные числительные являются составными. Они представляют собой сочетание именительного падежа количественного числительного с родительным падежом множественного числа или именительным падежом единственного числа субстантивированного порядкового прилагательного женского рода.

Если в роли количественного числительного выступает (самостоятельно или в качестве последнего компонента составного числительного) слово *одна*, то субстантивированное порядковое прилагательное стоит в именительном падеже единственного числа (*одна шестая, двадцать одна сотая, сорок одна тысячная* и т. д.).

В остальных случаях дробные числительные образуются соединением количественного числительного с субстантивированным порядковым прилагательным по способу управления: субстантивированное порядковое прилагательное ставится в родительном падеже множественного числа (*две восьмых, пять десятых, сто восемь сотых* и др.).

Количественные числительные обозначают в дробных числительных число дробных единиц, субстантивированные порядковые прилагательные — степень дробности этих единиц.

Следует особо отметить специфический характер значения субстантивированных порядковых прилагательных в составе дробных числительных: *третья, сотых, пятых, десятая* и т. д. в составе: *одна третья, две сотых, три пятых, одна десятая* и др. не имеют в своем значении никакого оттенка порядковости: они обозначают соответственно лишь третью, сотую, пятую, десятую и т. д. часть какого-либо целого (ср. чисто порядковое значение прилагательных в сочетаниях: *третья дверь, сотый паровоз, пятое окно, на десятый день* и т. д.).

При склонении дробных числительных изменяются все составляющие их слова: И.— *двадцать две сотых*, Р.— *двадцати двух сотых*, Д.— *двадцати двум сотым*, В.— *двадцать две сотых*, Т.— *двадцатью двумя сотыми*, П.— *(о) двадцати двух сотых*.

§ 206. Количественно-дробное числительное *полтора, полторы.* Совершенно особняком среди остальных числительных стоит числительное *полтора, полторы*. Со стороны значения (оно обозначает количество, состоящее из целого и его половины) его можно охарактеризовать как количественно-дробное.

Все остальные обозначения с подобной семантикой представляют собой свободное соединение количественных числительных с дробными при помощи слова *и* или *целых: семь и восемь десятых минуты, пять и три четвертых ведра* или *семь целых восемь десятых минуты, пять целых три четвертых ведра* и др.

Числительное *полтора, полторы* в роли количественного определителя может выступать лишь при существительных, являющихся наименованием единичных предметов, которые можно подвергать счету одновременно как в целых, так и в дробных единицах. Это правило является нарушенным только в каламбурном фразеологическом обороте *полтора человека* (т. е. очень мало людей, почти нет никого).

Числительное *полтора, полторы*, как *два, две* в им.-вин. пад. имеет категорию рода: *полтора* употребляется при существительных мужского и среднего рода (*полтора часа, полтора окна*), *полторы* — при существительных женского рода (*полторы дыни, полторы секунды*). Существительные с этим числительным сочетаются точно так же, как с числительными *два, две, три, четыре*. Исключением является родительный падеж множественного числа в сочетании *по́лтора суток*, где это числительное имеет и необычное ударение (ср. *полтора́ яблока, полторы́ меры овса*). Числительное *полтора, полторы* имеет, как и *полтораста*, только две падежные формы: *полтора, полторы* — для им.-вин. пад., *полутора* — для всех остальных.

По своему происхождению числительное *полтора, полторы* представляет собой слово, возникшее из словосочетаний *полъ вътора, полъ въторы* (т. е. „половина второго", „половина второй"), однако его производность в настоящее время уже не осознается.

§ 207. Вопрос о порядковых числительных. Многими исследователями, последовательно и неизменно школьной грамматикой в категорию числительных включалась и включается до сих пор под именем порядковых числительных также и группа порядковых прилагательных, обозначающих порядок предметов по счету (*первый, седьмой, десятый, сороковой, тысячный* и т. п.).

Разряд порядковых числительных можно найти даже в самых последних научных работах и учебных пособиях по русскому языку (например, в „Грамматике русского языка", изд. АН СССР, т. 1, 1952; в книге „Современный русский язык. Морфология", изд. МГУ, 1952, и др.).

Между тем давно уже неоднократно высказывалось мнение о необоснованности безоговорочного отнесения этих слов к числительным (К. С. Аксаковым, проф. И. А. Бодуэном де Куртене, проф. А. М. Пешковским и др.). Новые доказательства прилагательности слов *восьмой, пятнадцатый, сотый* и т. п. были представлены в книге „Русский язык" (М., 1947, стр. 233—236) акад. В. В. Виноградовым.

Относя слова *второй, четвертый, миллионный* и пр. к категории числительных, грамматисты опираются по существу лишь на лексические факты связи и соотносительности этих слов с количественными числительными. Однако только на этом основании считать *второй, четвертый, миллионный* и другие порядковые прилагательные числительными — значит делать ту же серьезную и явную ошибку, какую мы сделали бы, отнеся к глаголам существительные *чтение, сортировка, окучивание* и т. п., отнеся к наречиям прилагательные *буднишный, вчерашний, всегдашний* и т. д., отнеся к прилагательным существительные *белизна, восторженность, глубина* и т. п.

Одна тесная словообразовательная и семантическая связь каких-либо разрядов слов ни в коей мере не является доказательством принадлежности их к одному грамматическому классу, особенно если один из этих разрядов является производным от другого (как порядковые прилагательные — от количественных числительных).

Уже рассматривая слова *первый, сотый, тысячный* и др. с точки зрения значения, можно видеть их полное сходство с прилагательными, именно относительными прилагательными: они так же обозначают признак предмета, в частности так же выражают отношение к числу, как прилагательные *березовый, ржаной, стеклянный, клюквенный, зубной* и т. п. отношение к предмету.

В еще большей степени неправомерность отнесения порядковых слов в разряд числительных и отрыва их от категории прилагательных становится ясной тогда, когда мы знакомимся с их грамматическими свойствами:

1) Эти слова имеют ту же систему склонения, которая характерна для всех остальных относительных прилагательных (слово *третий* склоняется, как прилагательное с основой на *-j-*, остальные — как прилагательные с твердой основой). 2) Они так же, как все остальные прилагательные, имеют категорию рода и числа, а в предложении, выступая в качестве определения, согласуются с определяемыми существительными в роде, числе и падеже.

Прилагательность порядковых слов проявляется, наконец, и в их образовании и морфологической структуре, которые идентичны образованию и словообразовательному строению остальных прилагательных.

Ряд их (соотносительных с непроизводными количественными числительными) имеет непроизводную основу, аналогичную той, которая характерна для прилагательных типа *золотой, злой* и т. п., например: *четвертый, пятый, седьмой, сотый* и т. д.

Некоторые (также соотносительные с непроизводными количественными числительными) характеризуются типичной для прилагательных суффиксальной основой (с суффиксами — *-j-, -ов-, -н-*, например: *третий, сороковой, тысячный, миллионный, миллиардный*; ср. *лисий, луговой, тракторный* и т. д.).

Что же касается остальных (соотносительных уже́ с производными и составными количественными числительными), то они в словообразовательном отношении совершенно подобны образованиям различных типов сложных прилагательных и прилагательных суффиксального характера от целых словосочетаний. Структура слов *шестидесятый, двухсотый, пятитысячный* и т. п. целиком соответствует словообразовательному строению прилагательных типа *шестикрылый, двухтонный, пятиэтажный* и др.

Структура образований *сто сорок пятый, тысяча тридцать восьмой* и т. п. находит себе аналогию в прилагательных *потусторонний, сногсшибательный* и пр.: как в тех, так и в других только последний элемент словосочетания оформляется в соответствии с нормами, свойственными для прилагательного, все остальное остается без изменений.

Разница между ними более всего графическая: порядковое прилагательное этого типа пишется в несколько слов, а прилагательные *потусторонний, сногсшибательный* и т. п.— в одно слово.

Таким образом, нет никаких оснований, как это иногда делается, относить слова *первый, второй, третий* к категории числительных. Это самые обычные относительные прилагательные, указывающие признак предмета относительно места его при счете в ряду других, как другие относительные прилагательные указывают этот признак относительно другого предмета (*оперный артист*), обстоятельства (*вчерашний вечер*) или действия (*танцевальная площадка*).

Как и другие относительные прилагательные, некоторые порядковые слова (соотносительные с количественными от 1 до 10) могут в процессе словоупотребления приобретать и чисто качественные значения, правда всегда фразеологически обусловленные (ср. *второй сорт, первый ученик, на втором плане, девятый вал, через десятые руки, третьей руки, третье сословие, первая скрипка, пятая колонна, первый опыт* и т. п.).

§ 208. Неопределенно-количественные слова. По своему значению к числительным, как к словам определенно-количественного значения, примыкает небольшая группа слов, выражающих неопределенное (обычно — большое или малое) количество. Это — неопределенно-количественные слова, являющиеся или наречиями, или местоимениями, или существительными (*много садов, несколько гектаров, капелька соли, уйма народу* и т. д.).

Некоторые из этих слов (именно — соотносительные с местоимениями и наречиями) нередко рассматриваются в научной и учебной литературе среди числительных как разряд неопределенно-количественных числительных. Вряд ли, однако, правомерно слова *много, немного, мало, немало, сколько, столько* и *несколько* включать в категорию числительных. Несмотря на некоторые черты, общие у этих слов с числительными, все они имеют в своей семантике и грамматических свойствах специфические

особенности, резко отграничивающие их от рассматриваемой категории.

Категорию числительных, как указывалось, составляют слова, выражающие счетно-числовые понятия и обозначаемое ими количество однородных предметов или какую-либо часть целого. Числительные всегда являются точным количественным определителем существительного. Этой характерной для числительных определенной счетно-числовой семантикой неопределенно-количественные слова не обладают. В них понятие большого или малого количества не дифференцируется и представлено в очень общих чертах. Уже эта неопределенность в обозначении количества не позволяет данные слова рассматривать в качестве одного из разрядов числительных и служит для выделения их в особую группу слов. Однако отделяет неопределенно-количественные слова типа *много, несколько* и др. от числительных не только их значение. Не менее характерным для них является также их специфическое употребление и наличие особых, не типичных для числительных форм. Так, неопределенно-количественные слова *много, мало, немного* и т. п. могут (что не характерно для числительных) выступать в одном и том же значении количественного определителя как при существительном, так и при глаголе, например: *много книг — много читал, мало денег — мало спал, немного вишен — немного поиграл, немало песен — немало пел* и т. п. Многие из них способны определяться наречиями степени, например: *очень много книг, крайне мало времени, вполне достаточно оснований, совсем немного работы, слишком много вещей, чересчур мало людей* и т. д.

Для некоторых из них возможны формы сравнительной степени (*больше книг, меньше разговоров*) и субъективной оценки (*немножко цветов*). Сочетаясь с существительными, эти слова могут выступать в отличие от числительных, даже при отвлеченных существительных (*немного терпенья, мало радости* и т. п.) и субстантивированных прилагательных абстрактного значения (*много хорошего, немало интересного* и др.).

У них, наконец, нет тех специфических форм, которые характерны для категории числительных. Все они не склоняются. Формы *многих, многим, немногих, немногим* и т. п. (не говоря уже о формах *малых, малым, достаточных, достаточным* и т. д.) являются формами косвенных падежей однокорневых прилагательных, а не слов *много, немного* и т. д.

Все это говорит о том, что эти слова не только в качестве обстоятельства при глаголе, но и в качестве количественного определителя при существительном представляют собой один из разрядов наречных слов.

Что касается неопределенно-количественных слов *несколько, столько, сколько*, то эти слова представляют собой соответственно неопределенное, указательное и вопросительно-относительное местоимения. Они ближе к числительным, чем какие-либо другие

слова среди количественно-неопределенных слов. Их сближают с числительными и одинаковые с количественными числительными (начиная с *пяти*) способы сочетания их с существительными, обозначающими единичные предметы (ср. *пять книг — несколько книг, пяти книг — нескольких книг, пятью книгами — несколькими книгами* и т. д.), и однородное словоизменению собирательных числительных склонение (склоняются они, как имена прилагательные во множественном числе).

И тем не менее яркая обобщенно-местоименная семантика (именно указание на число, а не его выражение) и характерное для местоимений употребление дают все основания рассматривать их как местоимения, подобные местоимениям *кто-то, некоторый, тот, этот, кто, что, который, какой* и т. д.

Неопределенно-количественные местоимения *столько, сколько,* так же как неопределенно-количественные наречия *много, мало, немного* и т. д. могут сочетаться не только с теми разрядами существительных, с которыми сочетаются числительные, но и с существительными отвлеченными (*сколько радости, внимания* и т. п., *столько труда, терпения* и т. д.). От них же возможны формы субъективной оценки (*столечко, сколечко*).

Местоимение *несколько* этими свойствами не обладает.

Более тесная, чем в русском языке, связь неопределенно-количественного слова *несколько* с числительными наблюдается в украинском, где неопределенно-количественное слово аналогичного значения содержит в своем составе даже характерные для числительных морфемы: *кільканадцать, кількадесят.*

В разряд неопределенно-количественных слов, помимо разобранных, входит также и еще один разряд слов. Это немногие неопределенно-количественные существительные типа *уйма, крошечка, часть* и т. п.

Неопределенно-количественные существительные обозначают или неопределенно большое количество (*бездна мух, масса людей, пропасть воды, уйма яблок, тьма народу* и т. п.), или неопределенно малое количество (*капелька варенья, ни крошечки смысла* и пр.), или, наконец, какую-либо часть целого (*меньшинство студентов, большинство снимков, ряд машин, часть грибов, часть гороха* и др.).

Отдельно следует отметить существительные *множество* (книжное) и *малость* (просторечное), образованные от *много* и *мало*, которые сохраняют значение производящих основ (*множество вещей, малость чайку* и т. д.).

Некоторые из этих неопределенно-количественных слов могут быть количественным определителем самых разнообразных существительных (*пропасть любви, малины, людей* и т. д.), некоторые же в своем употреблении крайне ограничены.

Так, слова *капелька, крошечка* употребляются лишь при вещественных и отвлеченных существительных и не могут быть при существительных, обозначающих единичные предметы; противоположны им в своем употреблении слова *большинство, меньшинство* и *ряд*, которые могут количественно определять только существительные, обозначающие единичные предметы, и т. д.

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 209. Местоимение как часть речи. Разряды местоимений по значению. Местоимение представляет собой разряд слов, которые в отличие от слов знаменательных не называют предметов, их признаков и количества, а лишь указывают на них. Поэтому местоимения иногда называют указательными словами. Например, в предложении ***Сколько*** *разных чувств проходит во мне,* ***сколько*** *мыслей туманом проносится...* (*Пр.*) местоимение *сколько* не называет точного числа (как называют его числительные), а лишь обобщенно указывает на какое-то количество. Или: *Меня очень обрадовало известие, что брат скоро вернется.* ***Он*** *приезжает через неделю.* В первом предложении имя существительное *брат* называет предмет (в данном случае лицо), мы узнаем, что возвратится *брат*, а не *отец, дядя, друг* и т. д. Во втором предложении местоимение *он* лишь указывает на лицо, и мы можем определить, на какой предмет или лицо указывает местоимение *он* только из контекста, в данном случае из предшествующего предложения.

В зависимости от своего значения местоимения делятся на следующие разряды:

1. Личные: *я, ты, мы, вы*; и личноуказательные местоимения: *он, она, оно, они.*

Личные местоимения указывают на лицо, они не могут замещать имена существительные.

Личное местоимение *я* отождествляется с лицом говорящим, например: *О, верьте мне! — сказал* ***я*** *с увлечением, протягивая к ней руки.—* ***Я*** *не лакей,* ***я*** *такой же свободный, как и вы.* (*Ч.*) Местоимение второго лица *ты* отождествляется с лицом, к которому обращена речь, например: — *Куда* ***ты*** *ведешь нас?.. Не видно ни зги!— Сусанину с сердцем вскричали враги.* (*Р.*)

Местоимение *мы* указывает на группу лиц, в которую входят первое и второе лицо, т. е. *мы* — это *я* и другое лицо или лица, например: *Когда* ***мы*** *немного погодя вышли из дому, на улице было темно и безлюдно.* (*Ч.*) ***Мы*** *втроем ужинали.* (*Ч.*)

Местоимение *вы* обозначает двух и более (многих) лиц, к которым обращаются с речью, например: Лопахин. *Простите, таких легкомысленных людей, как* ***вы****, господа, таких неделовых, странных, я еще не встречал.* (*Ч.*)

Местоимение *вы* употребляется и при обращении к одному лицу, в этом случае оно является формой вежливости, например: ***Вы*** *куда же теперь, Варвара Михайловна?* (*Ч.*)

Лично-указательные местоимения могут указывать и на лицо, и на предмет, они могут замещать имена существительные, на-

пример: — *Посмотрите на* ***него****: не правда ли,* ***в нем*** *что-то есть?*— *говорила* ***она*** *своим друзьям, кивая на мужа...* (*Ч.*) Осип: *Да на что мне* ***она?*** *Не знаю я разве, что такое* ***кровать?*** (*Г.*)

Важнейшей чертой, объединяющей личные и лично-указательные местоимения в одну группу, является их участие в образовании глагольных форм. Формы прошедшего времени и сослагательного наклонения русского глагола различаются по лицам в зависимости от сочетающихся с ними местоимений, например: *Я пришел, ты пришла, он* (*она, оно*) *пришел* (*а, о*); *я бы пришла, ты бы пришла, она бы пришла* и т. п. В этом случае местоимение имеет лишь грамматическое значение лица.

Своеобразие парадигмы лично-указательных местоимений определяется историей их развития. Они сложились путем объединения в одной парадигме формы именительного падежа указательного местоимения онъ, она, оно и форм косвенных падежей указательного местоимения н(же), ѣ(же), ѥ(же).

2. Возвратное местоимение *себя* указывает на отношение каждого из трех лиц к самому себе. Это местоимение всегда относится к субъекту действия, например: *Как мыслю своей, я владею* ***собой.*** (*В. Г.*) *Мы землю и радость оставим* ***себе.*** (*В. Г.*) *Представьте* ***себе****, любезные читатели, человека полного, высокого.* (*Т.*)

Форма дательного падежа *себе* может выполнять роль частицы, если не является дополнением при глаголе, например: *А он* ***себе*** *ест.*

3. Притяжательные местоимения. Они делятся на личные и возвратные. Личные притяжательные *мой, наш* указывают на принадлежность первому лицу, а *твой, ваш* — на принадлежность второму лицу, например: *Не успели* ***мы*** *доесть* ***нашей*** *закуски, как уже телега застучала перед крыльцом. Сердце* ***ваше*** *томится ожиданием.* (*Т.*) — *А вот это* ***моя*** *контора,— сказал мне вдруг г-н Полутыкин.* (*Т.*)

Для указания на принадлежность третьему лицу служит форма родительного падежа местоимения третьего лица с притяжательным значением. В этом случае местоимение ставится перед существительным, например: *его книга, ее платье, их планы.*

Возвратное притяжательное местоимение *свой* относится ко всем лицам и числам, например: *Вот тихо под свирель запели* ***они*** *про жизнь* ***своих*** *дедов.* (*Кольц.*) *Теперь я... оброк* ***свой*** *знаю.* (*Т.*) *У* ***него*** *есть* ***свои*** *слова, видимо, они ему дешево стоят.* (*М. Г.*)

4. Указательные местоимения. К ним относятся: *этот, тот, такой, таков.* Все эти местоимения объединяются общим значением указания на предметы или их качества.

Различие между местоимениями *этот* и *тот* состоит в том, что местоимение *этот* указывает на предмет, находящийся в непосредственной близости или только что упомянутый, например: *Подай мне вот* ***эту*** *книгу. Я не буду описывать дачный поселок:* ***это*** *место вам хорошо известно.*

Местоимение *тот* указывает на предмет отдаленный или упоминавшийся ранее, например: *На* ***той*** *даче было гораздо лучше, чем на этой. В* ***ту*** *ночь мороз был нестерпим.* (*Н.*)

Местоимение *такой* указывает на качество, подобное данному, уже названному, или тому, которое еще будет названо; например: ***Такой*** *человек был не опасен Александру.* (*Гонч.*). Оно может указывать в сочетании с прилагательным на бóльшую степень качества, например: *Когда вы стоите на моем пути,* ***такая*** *живая,* ***такая*** *красивая, но* ***такая*** *измученная, говорите все о печальном...* (*А. Б.*). В последнем случае местоимение *такой* приближается к усилительным частицам.

К указательным местоимениям относится *столько*, употребляемое в сочетании с существительными в значении неопределенного количественного слова, например: *Он прочитал* ***столько*** *книг!* (ср. § 208). С этим местоимением омонимично наречие *столько* (*Он* ***столько*** *пережил!*).

В разговорной речи употребляются еще указательные местоимения *экий* (*экой*), *этакий* — *эдакий* (*эдакой*). *Ведь* ***экая*** *шалунья ты, девчонка!* (*Гр.*). *Да, счастье, у кого есть* ***эдакий*** *сынок.* (*Гр.*) ***Экие*** *страсти господни!* (*Н.*). В таком употреблении местоимение ***экий*** имеет усилительное значение и приближается к частицам.

Архаические местоимения *сей, оный* употребляются еще в литературном языке XIX века, в современном литературном языке известны лишь в устойчивых сочетаниях, например: *до сих пор, сию минуту, во время óно, ни с того ни с сего, от сих до сих* и некоторые другие. Местоимение *сякой* известно теперь лишь во фразеологическом обороте *такой-сякой.*

5. Определительные местоимения. К ним относятся местоимения *весь, каждый, иной, всякий, сам, самый.* Эти местоимения указывают на обобщенное качество предмета. В предложениях: ***Весь*** *гусак был в крови.* (*Пр.*) *День* ***каждый, каждую*** *годину привык я думой провождать.* (*П.*) *Вопрос этот требует* ***иного*** *разрешения.* (*Т. С.*) *Не* ***всякий*** *человек способен жить в одиночестве* — местоимение *весь, каждый, иной, всякий* определяют существительные, но при этом не называют каких-либо признаков, как определение-прилагательное. Различие между определительным местоимением с его обобщенным значением и определением-прилагательным хорошо видно при сопоставлении словосочетаний: *весь гусак — белый гусак; каждый день — солнечный день; иное разрешение — положительное разрешение; всякий человек — добрый человек.*

Среди определительных местоимений своеобразны местоимения *сам* и *самый.* В сочетании с существительным местоимение *сам* подчеркивает, выделяет это существительное, например: *Судя по выражению морды и усов, кот* ***сам*** *был недоволен, что погорячился и вступил в драку.* (*Ч.*)

Местоимение *самый* подчеркивает тождество названных предметов, например: *На нем была тогда легкая крылатка и ши-*

рокополая соломенная шляпа, та ***самая,*** *которая вместе с ботфортами валяется теперь в пыли под кроватью. (Ч.)*

Сочетаясь с именами прилагательными, местоимение *самый* образует аналитическую форму превосходной степени, например: *самый красивый, самый интересный* (см. § 189).

6. Вопросительно-относительные местоимения. Разряд вопросительно-относительных местоимений составляют следующие: *кто, что, какой, каков, который, чей, сколько.* Употребляясь в предложении в своем исходном, основном значении, они содержат вопрос о лице или предмете, его признаке или принадлежности, о количестве предметов и называются вопросительными, например: ***Кто*** *при звездах и при луне так поздно едет на коне? (П.)* ***Какова-то*** *будет эта жизнь? (Ч.) —* ***Сколько*** *их? — сказал я. Музыкант опять сказал: — Миллион. (Пр.)*

Эти же местоимения могут присоединять придаточное предложение к главному и в таком употреблении называются относительными, например: *Сегодня я такой,* ***каким*** *и вчера был. (Ч.) Лес везут сильные мужики, у* ***кого*** *лошадь хорошая и может выдержать эту большую работу. (Пр.)*

7. Отрицательные местоимения. Отрицательные местоимения *никто́, ничто́, не́кого, не́чего, никако́й, ничей* образованы от соответствующих вопросительных местоимений прибавлением приставок *ни-, не-*, имеющих значение отрицания.

Отрицательные местоимения указывают на отсутствие предмета или его признака, например: ***Никто*** *ему на это* ***ничего*** *не сказал. (Пр.) Долго не находил я* ***никакой*** *дичи. (Т.) Мне* ***не на кого*** *пенять: сам виноват. (Т.)*

8. Неопределенные местоимения. К этой группе местоимений принадлежат следующие: *некто, нечто, некоторый, некий, кто-то, что-то, какой-то, кто-либо, кто-нибудь, кое-кто, что-либо, что-нибудь, кое-что, несколько.* Они образуются от вопросительных местоимений присоединением приставки *не-* или частиц *-то, -либо, -нибудь, кое-*.

Значение неопределенных местоимений в контексте полностью не выявляется: они указывают на неизвестные, неопределенные лица и предметы, их признаки, например: *Тетка* [Каштанка] *почувствовала, что после этого крика чемодан ударился о* ***что-то*** *твердое и перестал качаться. Послышался громкий густой рев: по* ***ком-то*** *хлопали, а этот* ***кто-то...*** *ревел и хохотал так громко, что задрожали замочки у чемодана. (Ч.)* Это свойство неопределенных местоимений используется в поэтическом стиле, например:

Кто-то шепчет и смеется
Сквозь лазоревый туман.
Только мне в тиши взгрустнется —
Снова смех из милых стран!

Снова шепот — и в шептаньи
Чья-то ласка, как во сне,
В чьем-то женственном дыханьи,
Видно, вечно радость мне! (*А. Б.*)

§ 210. Грамматические особенности местоимений. Местоимения, являясь особым разрядом слов, соотносительны с другими частями речи: существительными, прилагательными, числительными.

Обобщенно-предметные местоимения соотносятся с существительными, обобщенно-качественные — с прилагательными и обобщенно-количественные — с числительными.

Группу обобщенно-предметных местоимений составляют: личные, лично-указательные, возвратные, вопросительно-относительные *кто, что,* отрицательные *никто, ничто, не́кого, не́чего,* неопределенные; группу обобщенно-качественных — указательные, притяжательные, определительные, вопросительно-относительные *какой, который* и подобные; к обобщенно-количественным относятся *сколько, столько.*

Соотносясь с другими частями речи, местоимения разделяют с ними общие грамматические признаки.

Так, обобщенно-предметные местоимения склоняются, и при этом формы падежей у этих местоимений, как и у существительных, являются независимыми, например: *Я* ***Вам*** *пишу. Ко* ***мне*** *пришло письмо.* ***Ей*** *рано нравились романы. Грозди винограда нависли надо* ***мной.*** *Кто-то постучал ко* ***мне*** *в окно.* ***Кого*** *ты ждешь?*

Именительный падеж обобщенно-предметных местоимений служит подлежащим в предложении, например: *Завтра* ***я*** *начну другую пьесу.* ***Кто*** *же посвятил вас в историю семейного разлада, мать? (Леон.),* косвенные падежи служат дополнениями.

Обобщенно-качественные местоимения, как и прилагательные, имеют согласуемые формы рода, числа и падежа, например: ***Эта*** *песня прилетела со степи. Она не услышала* ***этой*** *песни. Ты пел* ***эту*** *песню? Песня* ***моя!*** *Громко звеня, лейся ты в небо прекрасное! Солнце! Ты песню* ***мою*** *златом лучей облеки... (М. Г.)*

Обобщенно-количественные местоимения, как и имена числительные, не различают рода и числа и, изменяясь по падежам, имеют независимые формы именительного и винительного падежа; остальные падежные формы — согласуемые, например: *Я знал* ***столько*** *страданий!* ***Сколько*** *книг вы купили? Во* ***скольких*** *местах он побывал?*

Имея в виду эту соотносительность и общность грамматических признаков, местоимения иногда делят на местоименные существительные, местоименные прилагательные, местоименные числительные.

Но, соотносясь с другими частями речи и разделяя с ними общие грамматические признаки, все местоимения имеют только

им свойственные грамматические признаки, которые объединяют все местоимения в один класс слов.

Обобщенно-предметные местоимения обладают известными грамматическими признаками, которые отличают их от имен существительных. Так, своеобразно отражается в строе обобщенно-предметных местоимений категория грамматического рода.

Личные местоимения *я, ты, мы, вы,* не имея родовых форм, могут иметь значение любого рода. Их род зависит от реальной принадлежности говорящего или его собеседника к тому или иному полу или определяется родом того имени существительного, на которое они указывают, например: *Мне стыдно. Я не чувствую горя, утраты ... я так странно, стыдно спокойна! (М. Г.) Я спокоен. Я знаю мощь свою, с меня довольно сего сознанья (П.) А что же это* ***вы,*** *Софья Ивановна, замуж не выходите? (М. Г.)*

Родовые значения получают своеобразное выражение в парных местоимениях: *кто — что, некто — нечто, никто — ничто, кто-нибудь — что-нибудь, кто-то — что-то, кто-либо — что-либо.* У этих местоимений значение мужского и среднего рода сливается с различиями категорий лица или живого существа и предмета вещи.

Таким образом, обобщенно-предметным местоимениям чужды те принципы родовой классификации слов, которые составляют типическую особенность имен существительных.

Своеобразно выражение категории лица у этих местоимений. Местоимения, указывающие на лицо, и местоимения, указывающие на предмет, не соответствуют вполне той грамматической категории одушевленности и неодушевленности, которая характеризует имена существительные; в местоимениях это деление проводит резкое различие между лицами и нелицами; лица — это говорящий, его собеседник и все им подобные; к нелицам относятся и животные, и предметы, и явления. Поэтому, заметив животное, мы не спросим: *это кто?,* а скорее: *это что?*

Обобщенно-предметные местоимения своеобразно выражают и категорию числа. Местоимения *я, ты* и местоимения *мы, вы* противостоят друг другу как формы единственного и множественного числа. Однако соотношение между ними иное, чем между формами единственного и множественного числа у существительных: местоимение *я* указывает на лицо говорящее, а местоимение *мы* указывает не на многих или нескольких говорящих, а на говорящего вместе с другим лицом (или лицами).

Местоимения *кто, никто, некто, кто-нибудь, кто-либо, кто-то* имеют форму только единственного числа, но они могут обозначать и нескольких лиц. В таком случае при них возможно множественное число глагола и имени.

Характерной чертой обобщенно-предметных местоимений является наличие у них различных основ в формах словоизменения (см. § 211).

Отличия местоимений от имен существительных обусловлены в современном русском языке не только морфологическими, но и синтаксическими особенностями местоимений.

Обобщенно-предметные местоимения (кроме неопределенных и некоторых отрицательных) не могут определяться прилагательными. Эти местоимения могут сочетаться с прилагательными только в том случае, если прилагательное является обособленным членом предложения, например: *А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой. (Л.) Ты мне явился, темнокудрый, ты просиял мне и потух. (А. Б.) Я люблю вас, но живого, а не мумию. (Маяк.)*

Препозитивные прилагательные сочетаются с обобщенно-предметными местоимениями только в языке художественной литературы. С препозитивной постановкой определений связан оттенок субстантивации у местоимения, например у Блока: *Могу ли я хранить мечты и верить в здешние виденья, когда* ***единственная*** *ты не веришь смертным песнопеньям.*

Местоимения *некто, кто-нибудь, кто-либо, нечто, что-то, что-нибудь* имеют обычно постпозитивное определение, но без интонации обособления, например: *Ему казалось, как будто сей же час* ***кто-то другой*** *станет ходить позади его... (Г.)*

Одним из основных синтаксических признаков класса местоимений следует считать также и невозможность при них определения в форме родительного падежа существительного.

Обобщенно-качественные местоимения не имеют отличий от имен прилагательных в отношении формообразования, как не имеют отличий и обобщенно-количественные местоимения от числительных. Но эти местоимения разделяют вместе с обобщенно-предметными местоимениями одно весьма существенное качество, которое и объединяет их в один класс слов.

Таким важнейшим свойством местоимений является их отвлеченность и обобщенность. Значение местоимений конкретизируется лишь в контексте. Указанное качество местоимений хорошо прослеживается на следующем примере:

— Это я понимаю, Алеша! Это действительно существует... (Здесь местоимение *это* имеет широкое, отвлеченное значение, поэтому собеседнику неясна мысль, неясно, что „это“.) *Сухой ехидный Сомов, прищурив зеленоватые глаза и поджимая губы, спрашивал:*

— Что — существует?

— Это самое влечение к соединению человеков — это есть! (М. Г.)

Вне контекста из следующего предложения неясно, между кем возникали споры: *Меж ними все рождало споры и к размышлению влекло: племен минувших договоры, плоды наук, добро и зло. (П.)* Лишь из общего контекста мы знаем, что споры возникали между Онегиным и Ленским. Это обобщенное значение характеризует все разряды местоимений.

§ 211. Склонение местоимений. 1. Падежные формы личных местоимений характеризуются различными основами. Единственное число: И. — *я, ты;* Р. — *меня, тебя;* Д. — *мне, тебе;* В. = Р.; Т. — *мной(-ою), тобой(-ою);* П. — *обо мне, о тебе.* Множественное число: И. — *мы, вы;* Р. — *нас, вас;* Д. — *нам, вам;* В. = Р.; Т. — *нами, вами;* П. — *о нас, о вас.* Типичным окончанием в творительном падеже является *-ой.* Окончание *-ою* наряду с *-ой* свойственно по преимуществу стихотворной речи и связано с требованиями ритма, рифмы.

2. Возвратное местоимение *себя* склоняется по образцу местоимения *ты* в единственном числе, но не имеет именительного падежа: И.—; Р. — *себя;* Д. — *себе;* В. = Р.; Т. — *собой(-ою);* П. — *о себе.* Отсутствие именительного падежа объясняется тем, что местоимение *себя* не самостоятельно, а лишь указывает на отношение каждого из трех лиц к самому себе (см. § 209).

3. Лично-указательные местоимения также имеют супплетивные падежные формы.

Единственное число: И. — *он, оно, она;* Р. — *его* (м. и ср. р.), *ее* (ж. р.); Д. — *ему* (м. и ср. р.), *ей* (ж. р.); В. = Р.; Т. — *им* (м. и ср. р.), *ею, ей;* П. — *о нем* (м. и ср. р.), *о ней.*

Множественное число: И. — *они;* Р. — *их;* Д. — *им;* В. = Р., Т. — *ими;* П. — *о них.*

Формы косвенных падежей лично-указательных местоимений противопоставляются в зависимости от наличия предлогов. При наличии предлогов местоимение употребляется в форме с начальным звуком *н*, без предлога этот начальный звук *н* отсутствует, например: *я вижу его,* но: *я был у него, я любуюсь им,* но: *я ходила с ним, я говорила о нем* и т. д. Появление звука *н* в начале местоимений после предлогов объясняется исторически. В древнейшую эпоху в славянских языках были предлоги къ, съ, въ (современные *к, с, в*). В результате процесса переразложения конечное *н* предлога отошло к началу следующего за предлогом указательного местоимения (н, ѡ, ѥ), в дальнейшем этот звук *н* стал употребляться в начале местоимений и после других предлогов.

После предлогов позднейшего образования: *благодаря, согласно, вопреки, навстречу* — местоимение *он (она, оно, они)* в косвенных падежах употребляется без начального *н*, например: *благодаря ей, вопреки ему, согласно ей, навстречу ему.*

После сравнительной степени прилагательных в современном литературном языке местоимения употребляются без начального *н*, например: *старше ее, моложе ее, ближе их.*

В творительном падеже наряду с формой *ей* употребляется форма *ею* с тем, чтобы избежать омонимии с дательным падежом. После предлога возможны формы *нею* и *ней.* Форма *ней* больше свойственна разговорной речи, книжной и особенно поэтической речи — форма *нею.*

В родительном падеже после предлогов *от* и *у* наряду с формой *нее* употребляется форма *ней.* Последняя имеет разговорный оттенок.

4. Склонение местоимений *весь* и *сам:*

	Единственное число				Множественное число	
И.	*весь, всё*	*вся*	*сам, само́*	*сама́*	*все*	*са́ми*
Р.	*всего*	*всей*	*самого́*	*само́й*	*всех*	*сами́х*
Д.	*всему*	*всей*	*самому́*	*само́й*	*всем*	*сами́м*
В.	как И. или Р.	*всю*	как И. или Р.	*самоё*	как И. или Р.	
Т.	*всем*	*всей*	*сами́м*	*само́й*	*всеми*	*сами́ми*
П.	*(обо) всём*	*всей*	*само́м*	*само́й*	*всех*	*сами́х*

В винительном падеже местоимение *сама* в разговорном языке употребляется и в форме *саму.*

5. Склонение местоимения *не́кий.*

	Единственное число		Множественное число
И.	*не́кий, не́кое*	*не́кая*	*не́кие*
Р.	*не́коего*	*не́коей* (и *не́кой*)	*не́коих* (и *не́ких*)
Д.	*не́коему*	*не́коей* (и *не́кой*)	*некóим* (и *не́ким*)
В.	как И. или Р.	*не́кую*	как И. или Р.
Т.	*не́коим* (и *не́ким*)	*не́коей* (и *не́кой*)	*не́коими* (и *не́кими*)
П.	*(о) не́коем*	*не́коей* (и *не́кой*)	*не́коих* (и *не́ких*)

6. Местоимения *кто, что* имеют разные основы в падежных формах. Они не имеют множественного числа.

И. — *кто, что;* Р. — *кого, чего;* Д. — *кому, чему;* В. — *кого, что;* Т. — *кем, чем;* П. — *о ком, о чем.*

7. Местоимения *не́кто, не́что* не склоняются. Местоимение *никто* склоняется по типу *кто, что.* Местоимения *не́кого, не́чего* не имеют именительного падежа, косвенные падежи образуются так же, как у местоимений *кто, что.* При наличии предлога он ставится между приставкой *не-, ни-* и местоимением: *не у кого; ни у кого.* Местоимение *чей* склоняется, как прилагательное типа *волчий.*

8. Притяжательные местоимения с основой на *-j-* склоняются, как прилагательные типа *волчий,* а с основой на шипящий — по типу прилагательного *хороший.*

И. — *мой, наш;* Р. — *моего, нашего;* Д. — *моему, нашему;* В. = И. (для неодушевленных) или Р. (для одушевленных); Т. — *моим, нашим;* П. — *о моем, о нашем* и т. д.

9. Указательные местоимения *тот, этот, такой* склоняются по типу прилагательных с твердой основой: *тот — того..., этот — этого..., такой — такого...* Местоимение *сколько* склоняется так: И. — *сколько,* Р. — *скольких,* Д. — *скольким,*

В. — как И. или Р., Т. — *сколькими*, П. — *о скольких*. Так же склоняется *столько*. Местоимение *таков* не склоняется.

10. Местоимения *каждый, са́мый, иной* склоняются, как прилагательные с твердой основой, местоимение *всякий* — как прилагательные с основой на заднеязычный. Необходимо отметить, что в отличие от местоимения *сам*, имеющего в косвенных падежах ударение на окончании (*самого́* и т. д.), местоимение *самый* сохраняет ударение на основе (И. — *са́мый*, Р. — *са́мого*, Д. — *са́мому* и т. д.).

11. Вопросительно-относительные местоимения (кроме уже указанных выше и несклоняемого *каков*) склоняются, как прилагательные с основой на парный твердый согласный или заднеязычный.

§ 212. Переход слов из различных частей речи в местоимения. Класс местоимений пополняется в процессе прономинализации других частей речи. Имена существительные, прилагательные и числительные, утрачивая свое реальное лексическое значение, приобретают отвлеченное и начинают выполнять указательную функцию, приближаясь к местоимениям. Полностью переходят в местоимения лишь немногие знаменательные слова.

Утрата лексического значения свойственна немногочисленной группе существительных. К ней относятся слова *вещь, дело, существо, штука, факт, человек* и некоторые другие, например: *Остроумие — великолепная* ***вещь.*** *(Дост.) Воспитание — важная* ***вещь,*** *очень важная* ***вещь.*** *(Т.) А* ***дело*** *уже идет к рассвету. (Гр.) Вдруг говорят мне:* ***человек*** *вас спрашивает. (Т.)*

В приведенных примерах существительные *вещь, дело, человек* приближаются к местоимениям.

В значении местоимений могут употребляться прилагательные *данный, известный, определенный, следующий, целый;* числительное *один* (в значении „какой-то"), например: *Вас спрашивает* ***один*** *человек; в данную минуту, при известных условиях, на определенном этапе* и т. п.

ГЛАГОЛ

§ 213. Глагол как часть речи. Значение и формы глагола. Глагол — это разряд слов, которые обозначают действие и выражают его в формах лица, наклонения, времени, вида и залога.

Большинство форм глагола (кроме инфинитива и безличных форм) обозначает действие в его отношении к лицу или предмету как субъекту действия, например: *девочка рисует, утка плавает, трамвай едет.*

Род и число не характеризуют систему глагола в целом, а присущи лишь отдельным глагольным формам.

Глаголы могут представлять в виде действия другие процессы — состояние, проявление признака, изменение признака и т. п., например: *мальчик спит, волосы седеют, лес чернеется, трава зеленеет, листья желтеют, человек любит.*

Глагол имеет сложную систему форм, которые делятся на спрягаемые и неспрягаемые. Формы лица, числа, времени и наклонения глагола являются его спрягаемыми формами.

Спрягаемые формы глагола называются предикативными, потому что в предложении они служат для выражения сказуемого.

Неопределенная форма (инфинитив), формы причастия и деепричастия относятся к неспрягаемым формам глагола. В формах причастия и деепричастия глагол выступает главным образом в качестве второстепенного члена предложения — определения или обстоятельства. Поэтому причастие и деепричастие называют атрибутивными формами глагола. Все формы лица, числа, времени и наклонения глагола являются формами одного и того же слова, например: *делаю, делаешь, делает, делаем, делаете, делают, делал, делала, делало, делали, буду делать..., делай, делайте, делал бы, делала бы.*

Грамматическими формами одного и того же глагола являются и соотносительные видовые пары типа *делать — сделать, переписать — переписывать.*

Неопределенная форма (инфинитив), причастия и деепричастия, сохраняющие свои глагольные свойства, также входят в систему грамматических форм одного глагола, т. е. формы *делать, сделать, делающий, делавший, сделавший, делая, сделав* входят в систему форм одного слова вместе с соответствующими спрягаемыми формами. Формами одного и того же глагола следует считать и соотносительные формы залога типа *мыть — мыться, купать — купаться.*

§ 214. Неопределенная форма глагола. Неопределенная форма глагола является названием действия или состояния как процесса. Как и имя существительное, инфинитив обозначает действие вне его отношения к лицу или предмету. Но между именем существительным со значением действия и инфинитивом есть существенное различие. Имена существительные со значением действия имеют, как и все остальные имена существительные, значение предметности, например, имена существительные *рисование, плавание, езда* выражают действие как предмет, а неопределенная форма глаголов *рисовать, плавать, ездить* выражает действие как процесс.

Неопределенная форма глагола имеет суффиксы *-ть*[*-т'*], *-сти — -сть* [*с'т'*], *-ти, -чь* [*ч'*].

Наиболее распространенным является суффикс *-ть*(=[*-т'*]): с ним образуется инфинитив от большинства русских глаголов: *работа-ть, седе-ть, кольну-ть, сини-ть, агитирова-ть* и др.

Суффикс *-сти — -сть* употребляется при образовании инфинитива у небольшой группы глаголов, основа настоящего времени которых оканчивается на согласные *т, д, б,* например: *мету — мести, веду — вести, гребу — грести.*

Вариант суффикса *-сть* имеют немногие глаголы с неподвижным ударением на основе в прошедшем времени, например: *класть — кла́ла, кла́ли, сесть — се́ла, се́ли.*

Суффикс *-сти* исторически сложился на основе суффикса *-ти* в результате фонетического процесса упрощения групп согласных *dt*, *tt* в *st* в общеславянском языке-основе и более позднего морфологического процесса переразложения, когда часть основы, именно звук *с*, отошла к суффиксу инфинитива *-ти*, т. е. *met-ti* > *mes-ti* > *me-sti*.

После образования в результате переразложения суффикса *-сти* он распространился и на глаголы с основой на согласный *-б*, у которых первоначально сохранился суффикс *-ти*, а группа согласных *bt* упрощалась в *t*. Глагол *greb-ti* > *gre-ti*, в форме грети он был известен древнерусскому языку; позже распространилась форма *грести* с суффиксом *-сти*. По аналогии с глаголами на *-сти* появился суффикс *-сти* и в глаголе *клясть* (ср. древнерусский клати).

Суффикс *-ти́* (всегда с ударением) известен у глагола *идти* и у немногих глаголов с основой настоящего времени на согласные *з*, *с*, ср. *несу — нести*, *везу — везти*. Суффикс *-ти* сохраняет наиболее древний вид суффикса инфинитива. Широко распространенный в современном русском языке суффикс *-ть* возник в результате фонетического изменения суффикса *-ти*, а именно: в результате редукции конечного *и* при отсутствии ударения.

Суффикс *-чь* имеют немногие глаголы с основой настоящего времени на заднеязычные согласные *к*, *г*, например: *пеку — печь*, *стерегу — стеречь*.

Этот суффикс восходит к древнерусскому суффиксу *-чи* (конечное *и* редуцировалось). Суффикс же *-чи* развился в древнейшую эпоху у глаголов с суффиксом *-ти* в результате фонетического изменения групп согласных *kt* и *gt* перед гласным переднего ряда *-i* в аффрикату *č*, в языке восточных славян, т. е. *rek-ti* > *reč'i*.

В предложении инфинитив выполняет ряд синтаксических функций, в частности он может выступать в качестве подлежащего: *Большое это удовольствие — **жить** на земле (М. Г.)*, дополнения: *Они уговорились **встретиться** назавтра (Павл.)*, может быть частью составного глагольного сказуемого: *Он начал **читать** лекцию*, употребляться как простое сказуемое: ***Сидеть** смирно!* и др.

Категория вида

§ 215. Общее понятие о виде. Категория вида является характерной чертой русского глагола. Все глаголы современного русского языка так или иначе подводятся под категорию вида.

Основой общего понятия о виде является признак предела действия, обозначенного глаголом.

При обозначении действия глаголом может устраняться представление о длительности, о течении действия и все внимание сосредоточивается на одном из моментов этого действия как его пределе. Например, в предложении *Я написал письмо* глагол *написал* не выражает, как протекало само действие, не характеризует его, он обозначает это действие по одному из его моментов, по его концу, и этот момент является тем пределом, по отношению к которому данный глагол обозначает действие. В предложении *В окне мелькнул огонек* глагол *мелькнул* обозначает действие также по одному из моментов, в данном случае этот момент исчерпывает все действие.

В предложениях: *Колумб открыл Америку*, *Скалы нависли над морем* глаголы *открыл*, *нависли* также не обозначают действия в его течении, здесь устранено представление о длительности действия, действие обозначено по одному из его моментов, по его результату. В этих примерах результат является тем пределом, в отношении к которому глаголы обозначают действие.

Таким образом, значения законченности, мгновенности, результата являются частными случаями предела действия.

Основным признаком глаголов совершенного вида является выражение внутреннего предела действия. Обозначение действия в его течении, вне отношения к пределу действия является общим значением глаголов несовершенного вида. При обозначении действия глаголами несовершенного вида внимание сосредоточивается на самом протекании процесса, ср. глаголы *читать*, *писать*, *рассказывать*, *рассматривать*, *подписывать* и т. д.

Категория вида выражает отношение действия, обозначенного глаголом, к его внутреннему пределу.

Большинство глаголов русского языка образует соотносительные формы совершенного и несовершенного вида, например: *обедать — пообедать*, *рассказать — рассказывать*, *бросить — бросать*, *толкать — толкнуть*. При этом следует иметь в виду, что соотносительные формы совершенного и несовершенного вида могут относиться к одному глагольному классу (например, *писать — написать*), но могут принадлежать к разным классам глаголов (*подписать — подписывать*). Этот факт, очевидно, связан с тем, что исторически класс глаголов — гораздо более древняя грамматическая категория, чем видовая корреляция в пределах совершенного и несовершенного вида. Есть группа глаголов, которые являются двувидовыми, т. е. в одной форме совмещают значения совершенного и несовершенного вида, например *женить*, *казнить*. И, наконец, есть одновидовые глаголы совершенного вида и одновидовые глаголы несовершенного вида, не имеющие соотносительных видовых пар, например: *отгреметь*, *отрегулировать*, *загрохотать*, *тосковать*, *горевать*, *плотничать*, *завыть* и многие другие.

Наличие двувидовых и одновидовых русских глаголов подчеркивает существование видовой корреляции в русском языке.

Типы видовой корреляции в русском языке

§ 216. Продуктивные типы образования соотносительных видовых пар глагола. 1. В современном русском языке живым и продуктивным типом видовой корреляции является соотношение

приставочных глаголов совершенного вида и соответствующих приставочных глаголов несовершенного вида с суффиксом *-ива- (-ыва-)*. Характерной чертой этого типа является ударение на слоге, предшествующем суффиксу *-ива- (-ыва-)*, например: *разыска́ть — разы́скивать, переписа́ть — перепи́сывать, записа́ть — запи́сывать, прочита́ть — прочи́тывать, вы́красить — выкра́шивать, пригото́вить — приготавливать, обусло́вить — обусло́вливать, вы́платить — выпла́чивать, запроси́ть — запра́шивать* и др. При образовании форм глагола с суффиксом *-ива- (-ыва-)*, может иметь место чередование фонем, а именно: при образовании несовершенного вида при помощи суффикса *-ива- (-ыва-)* от приставочных глаголов возможно чередование гласных фонем *о* || *а* в глагольных основах, например: *зарабо́тать — зараба́тывать, откры́ть — откры́вать, присво́ить — присва́ивать, удво́ить — удва́ивать, втолкну́ть — вта́лкивать* и др.

Для группы этих глаголов (для тех, которые в приставочной форме совершенного вида имеют ударение на корневой фонеме *о*) чередование фонем *о, а* не является устойчивым, в результате чего возникают параллельные формы с суффиксом *-ива(ть)*, например: *откры́вать* и *откры́ть, присва́ивать* и *присво́ивать, упра́чивать* и *упро́чивать, уса́живать* и *усво́ивать, успока́ивать* и *успоко́ивать*, которые могут иметь стилистические различия.

Если же соответствующие глаголы совершенного вида имеют ударение не на корневом гласном, то чередование *о* || *а* сохраняется, например: *вы́волочить — выволо́кивать, вы́ровнять — выра́внивать, вы́ходить — выха́живать, обточи́ть — обта́чивать, сколоти́ть — скола́чивать, спои́ть — спа́ивать* и др. В живом языке его устраняет аканье.

У некоторых глаголов образуются двойные формы несовершенного вида: с суффиксом *-ива- (-ыва-)* и с суффиксом *-а(ть)*. Во многих случаях эти параллельные формы свойственны разным стилям современного русского языка, причем формы на *-а(ть), -'а(ть)* (орфографически *-ять*) являются более книжными, например: *накоплять — накапливать, отряхать — отряхивать, приготовлять — приготавливать, простужаться — простуживаться, засорять — засаривать, перерезать — перерезывать* и т. д., ср.: *Казалось, избыток счастья утомлял и как бы* ***надломлял*** *ее слегка, вот как распустившийся цветок иногда* ***надламывает*** *свой стебель. (Т.)* Продуктивность этого типа поддерживается тем, что образование новых глаголов от глагольной основы в современном русском языке осуществляется шире всего присоединением приставок (см. **§ 250**), а приставочные глаголы образуют видовые пары указанным способом.

2. Продуктивным способом видовой корреляции является соотношение бесприставочных глаголов несовершенного вида и соответствующих бесприставочных глаголов совершенного вида, осложненных суффиксом *-ну(ть)*.

Глаголам совершенного вида с суффиксом *-ну(ть)* в большинстве случаев свойственно добавочное значение моментальности или однократности действия. Это значение является частным проявлением общего значения совершенного вида — выражения внутреннего предела действия.

Продуктивный суффикс *-ну(ть)* со значением совершенного вида нельзя смешивать с омонимичным суффиксом *-ну(ть)* в группе непродуктивных глаголов несовершенного вида (ср. *вянуть*).

Указанная видовая корреляция представлена, например, глаголами *аукаться — аукнуться, бодать — боднуть, брызгать — брызнуть, глотать — глотнуть, двигать — двинуть, зевать — зевнуть, капать — капнуть, кивать — кивнуть, колоть — кольнуть, мелькать — мелькнуть, нырять — нырнуть, сверкать — сверкнуть, толкать — толкнуть, шагать — шагнуть* и др.

На базе суффикса *-ну(ть)* в просторечном стиле возник суффикс *-ану(ть)*. Ср. *дава́нуть, рыда́нуть, щипа́нуть, чеса́нуть, трепа́нуть* и др., например: *Не спеша положил Алешка Бровкин шапку, принял со стола барабан... и* ***чеса́нул*** *плясовую — ух, ты! (А. Н. Т.); Больно* ***щипа́нуло*** *сердце. (А. К.)*

3. К числу продуктивных типов видовой корреляции следует отнести и соотношение бесприставочных и приставочных глаголов с приставками грамматического значения.

Приставочное видообразование следует отграничивать от приставочного глагольного словопроизводства. Словообразование и формообразование с помощью различных глагольных префиксов очень связано, существуют трудно разграничиваемые явления. Но в то же время во многих случаях можно и следует провести четкую грань между разными глагольными словами, образованными при помощи приставок и разными формами одного и того же слова, также образованными путем префиксации.

При словообразовании приставка всегда сохраняет свое реальное лексическое значение; новый глагол, образованный посредством такой приставки, входит в один из типов видовой корреляции. Например, *писать, подписать* — разные глаголы, потому что *подписать* обозначает не только завершенность действия, но и имеет особое значение: „поставить подпись“ (ср.: *подписать — подписывать*); такие же отношения у глаголов *делать — переделать* (ср. *переделать — переделывать*), *строить — выстроить* (ср. *выстроить — выстраивать*) и многих других.

Приставки, участвующие в формообразовании, утратили свое реальное лексическое значение и имеют лишь грамматическое значение совершенного вида, например: *писать — написать, строить — построить, стареть — постареть, обедать — пообедать* и т. д.

В этом случае приставки являются видовыми префиксами и служат грамматическим средством образования форм совершенного вида. В качестве таких формообразующих префиксов чаще всего выступают приставки *о-, по-, с-*; реже приставки *за-, на-, вз-* и *у-*;

очень редко *из-, при-*. Например, приставка *о-*: *слабеть — ослабеть, пьянеть — опьянеть, печалить — опечалить, слепнуть — ослепнуть* и др.; чаще всего приставка *о-* формального значения соединяется с именными основами. Приставка *по-*: *бледнеть — побледнеть, любить — полюбить, обедать — пообедать, строить — построить, целовать — поцеловать, седеть — поседеть, стареть — постареть* и др.; чаще всего приставка *по-* получает видовое значение в соединении с именными основами. Приставка *с-*: *делать — сделать, варить — сварить, петь — спеть, прятать — спрятать, стариться — состариться.* Приставка *за-*: *вербовать — завербовать, гримировать — загримировать, хмелеть — захмелеть.* Приставка *у-*: *топить — утопить, красть — украсть, морить — уморить.* Приставка *из-*: *печь — испечь, пугать — испугать, портить — испортить.* Приставка *на-*: *писать — написать, печатать — напечатать, точить — наточить, хмуриться — нахмуриться.* Приставка *вз-*: *волноваться — взволноваться, мужать — возмужать.* Приставка *при-*: *готовить — приготовить, сниться — присниться, грезиться — пригрезиться.*

§ 217. Малопродуктивные и непродуктивные типы видовой корреляции. В кругу бесприставочных глаголов можно выделить малопродуктивные или даже совсем непродуктивные типы образования соотносительных видовых пар.

1. Видовое соотношение образуется противопоставлением суффиксов *-и(ть) — -а(ть), -я(ть),* которое может сопровождаться чередованием согласных основы. Среди бесприставочных это небольшая группа глаголов: *бросить — бросать, встретить — встречать, кончить — кончать, лишить — лишать, ответить — отвечать, ощутить — ощущать, пленить — пленять, получить — получать, посетить — посещать, простить — прощать, пустить — пускать, решить — решать, уличить — уличать* и др.

Некоторые производные глаголы от вышеперечисленных сохраняют видовое соотношение, например: *разрешить — разрешать, переступить — переступать, напустить — напускать* и др.

Группа приставочных глаголов, у которых видовая корреляция выражается противопоставлением суффиксов *-и(ть) — -а(ть),* более многочисленна (у многих из этих глаголов приставка уже не выделяется), например: *поразить — поражать, освободить — освобождать, завершить — завершать, украсить — украшать, направить — направлять, заметить — замечать, предложить — предлагать* и многие другие.

Данный тип видовой корреляции обнаруживает продуктивность в кругу отыменных глаголов, образованных от именных основ суффиксально-префиксальным способом, например: *заземлить — заземлять, затемнить — затемнять, наводнить — наводнять, заострить — заострять* и др.

2. Видовая корреляция образуется противопоставлением бессуффиксных глаголов с основой на согласный и глаголов с суффиксом *-а(ть),* например: *совлечь — совлекать, пренебречь — пренебрегать, влезть — влезать, выпрячь — выпрягать, присесть — приседать, высечь — высекать* и др.

3. Видовая корреляция создается соотношением приставочных глаголов на *-ну(ть)* и *-а(ть),* например: *избегнуть — избегать, повиснуть — повисать, привыкнуть — привыкать, увязнуть — увязать, погибнуть — погибать* и др.

4. Выделяются небольшие группы глаголов, у которых характерным признаком видовой корреляции также является суффикс *-а(ть)* для форм несовершенного вида, но с резкими различиями между основами совершенного и несовершенного вида.

К числу таких глаголов относятся:

а) *начать (начну) — начинать, пожать (пожму) — пожимать, распять (распну) — распинать, умереть (умру) — умирать, оборвать (оборву) — обрывать, собрать (соберу) — собирать* и др.;

б) *заснуть — засыпать, вздохнуть — вздыхать, засохнуть — засыхать.*

5. Соотношение приставочных глаголов несовершенного вида с суффиксом *-ва(ть)* и соответствующих глаголов совершенного вида без этого суффикса, например: *нажить — наживать, задуть — задувать, обуть — обувать, разуть — разувать, забить — забивать, покрыть — покрывать, согреть — согревать, созреть — созревать, дать — давать.*

6. В некоторых случаях видовая корреляция форм одного глагола выражается чисто лексически, при помощи супплетивных форм, например: *лечь — ложиться, говорить — сказать, ловить — поймать, приходить — прийти, усомниться — сомневаться, брать — взять.*

§ 218. Двувидовые глаголы. В современном русском языке есть глаголы, которые совмещают значения совершенного и несовершенного вида. Сюда принадлежат главным образом глаголы с суффиксами *-ова(ть), -ева(ть), -ирова(ть),* например: *воздействовать, использовать, исследовать, арестовать, атаковать, гарантировать, конфисковать, организовать, стабилизировать, телеграфировать, молнировать, яровизировать* и др., а также некоторые глаголы с суффиксом *-а(ть): венчать, обещать,* с суффиксом *-и(ть): женить, казнить, молвить, ранить* и глагол *велеть,* например: *Пушки с пристани палят, кораблю пристать* ***велят.*** *(П.)* (несовершенный вид); *Не прикажете ли, я* ***велю*** *подать коврик. (Г.)* (совершенный вид); *Томский произведен в ротмистры и* ***женится*** *на княжне Полине. (П.)* (несовершенный вид);

Поверь мне, что он ***женится*** *на Чебоксаровой и увезет ее в Чебоксары. (Остр.)* (совершенный вид). В современном просторечии система двувидовых глаголов может разрушаться образованием видовой пары от этих глаголов с помощью суффикса *-ива;* например, *арестовать — арестовывать, организовать — организовывать.* Эта тенденция свидетельствует как о продуктивности образования видовой корреляции с помощью суффикса *-ива,* так

и о стремлении русских глаголов выстраиваться в видовые соотносительные пары.

§ 219. Одновидовые приставочные глаголы совершенного вида. Одновидовые приставочные глаголы совершенного вида могут обозначать: 1) начало процесса, 2) завершение процесса и 3) ограничение процесса какими-либо временны́ми пределами.

Глаголы, обозначающие начало процесса, имеют приставки: *за-, воз-, по-, вз-,* из которых наиболее распространенной является приставка *за-*. В следующих примерах: *Сонька* ***закричала****, смазала Ваську ложкой по щеке, тот* ***заплакал*** *и дважды ударил девчонку кулаком в нос. Девчонка* ***замотала*** *головой и тоже* ***заплакала.*** *(Шишк.) Саша в середине июня стал вдруг скучать и* ***засобирался*** *в Москву. (Ч.) И они* ***зашагали*** *к скверу. (Пан.) У Даши от обиды* ***задрожали*** *губы. (А. Н. Т.)* — глаголы с приставкой *за- (закричать, заплакать, замотать* (головой), *задрожать, засобираться)* указывают на начало процесса и не имеют видовой пары.

Продуктивна в этом значении и приставка *по-*, например: *По всей площади* ***пошел*** *крик,* ***полетели*** *шапки. (А. Н. Т.) Слезы* ***потекли*** *из ее глаз. (Г. Н.)*

В соединении с небольшим числом глаголов употребляется с начинательным значением приставка *вз-*, например: *Минут через двадцать снова* ***взвыли*** *сирены. (Пиляр.)* Глаголы с приставкой *воз-* в начинательном значении являются книжными: *вознегодовать, воспылать, воссиять.*

Со значением завершенности действия продуктивны глаголы с приставкой *от-: отужинать, отлежать, отгрузить, отбе́гать,* и др., например: *Только самовара два* ***отопьют****, уж третий ставь. (Л. Т.)* ***Отгремела*** *война. (Пан.)* В современном русском языке продуктивны глаголы с приставкой *пере-*, обозначающие постепенное, поочередное распространение действия на ряд предметов и окончание действия вследствие исчерпанности этого ряда, например: *переболеть* (всеми болезнями), *перебывать* (у всех, у многих), *перезнакомиться* (кому-нибудь со всеми), *перевозить, перекатать, переносить* (всех), ср.: *Перепортили, перемерзи́ли, перескверни́ли, перепакостили! Пропал сад! (Ч.)*

Значение интенсивности действия имеют глаголы с приставкой *из-*, например: *исхудать, измокнуть, иззябнуть, иссохнуть* и др., обозначающие физические и физиологические процессы.

Одновидовые глаголы совершенного вида с приставкой *по-* могут иметь значение ограничения действия во времени, например: *походить* (какое-то время), *попрыгать, побегать, поплавать, поползать, полетать, потоптаться, пошуметь* и др.

К числу одновидовых глаголов относятся и глаголы совершенного вида с несколькими приставками. К приставочным глаголам присоединяются еще приставки *по-, под-, на-, при-: понаехать, повыходить, порассказать; подзаработать; навыдергивать, наисправлять; призадуматься, приналечь.* Отличаясь значительной

экспрессивностью, такие глаголы употребляются преимущественно в разговорном стиле, ср.: *Еще не подъезжая к хате Цимбала, она* ***попридержала*** *коня, онемев от поразившей ее картины. (Павл.)* ***Понаплакавшись,*** *вдовушка да замуж пошла. (Даль.)*

§ 220. Одновидовые приставочные глаголы несовершенного вида. В русском языке есть несколько продуктивных типов глаголов несовершенного вида, образованных при помощи приставок и суффикса *-ива-(-ыва-),* не соотносительных с формами совершенного вида. Можно выделить следующие разряды таких глаголов:

1) глаголы, обозначающие действие, сопровождающее другое действие; они имеют приставки *при-* и *под-*, суффикс *-ива- (-ыва-),* например: *приплясывать, притоптывать, приговаривать, подплясывать;*

2) глаголы, обозначающие действие, направленное в разные стороны или неопределенно распространяющееся в разных направлениях. Эти глаголы имеют приставку *раз-* и суффиксы *-ива-, -ва(ть),* например: *разгуливать, расхаживать, разговаривать, распевать;*

3) глаголы, выражающие длительное действие, происходящее между несколькими участниками, имеют приставку *пере-* и частицу *-ся* (иначе — пофлексийный суффикс, см. § 133), например: *перестреливаться, перебраниваться, перегуливаться;*

4) глаголы, имеющие значение краткого действия, прерывистого в своем проявлении. Они образуются посредством суффикса *-ива-(-ыва-)* и приставки *по-*, например: *посиживать, побаливать, покашливать.*

§ 221. Непродуктивный ряд соотношений глаголов с суффиксом *-ива-(-ыва-).* В русском языке, кроме продуктивного типа видовой корреляции, когда глаголы несовершенного вида от приставочных глаголов совершенного вида образуются при помощи суффикса *-ива-(-ыва-),* в виде следов старых отношений сохраняется соотношение бесприставочных форм несовершенного вида и форм с так называемым „многократным“ значением, например: *жил — живал, говорил — говаривал, сидел — сиживал, брал — бирал, знал — знавал, пил — пивал, бил — бивал, пел — певал, бросал — брасывал, пускал — пускивал, видел — видывал* и др.

Бесприставочные глаголы „многократного“ значения с суффиксом *-ива-(-ыва-)* в современном русском языке непродуктивны, они находятся за пределами системы видовых соотношений.

Эти глаголы были широко распространены в литературном языке XVIII века; позже, в XIX веке, их употребление в литературном языке резко уменьшается, хотя они и встречаются у классиков, например: *Бывало,* ***писывала*** *кровью она в альбомы нежных дев. (П.) Там, батюшка, я* ***куривал*** *сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка. (Г.) У меня дядя был псовый охотник. Я с ним* ***езживала*** *весной. (Т.)*

Эти „многократные“ глаголы в русском языке XIX века и в настоящее время употребляются исключительно в форме прошедшего времени с оттенком давности действия. На протяжении истории

русского языка бóльшая часть форм „многократного“ вида была преобразована в формы несовершенного вида, т. е. эти глаголы вошли в тот или иной тип видовой корреляции или стали одновидовыми глаголами несовершенного вида.

§ 222. Видовые различия в глаголах движения. Глаголы, обозначающие перемещение в пространстве, движение, имеют особенности в выражении категории вида. Эту группу составляют глаголы:

бежать — бегать	*ехать — ездить*
брести — бродить	*идти — ходить*
везти — возить	*катить — катать*
вести — водить	*лезть — лазить*
гнать — гонять	*лететь — летать*
нести — носить	*ползти — ползать*
плыть — плавать	*тащить — таскать*

С точки зрения отношения действия к своему внутреннему пределу все эти глаголы — глаголы несовершенного вида, все они обозначают действие в его течении, без отношения к какому-либо моменту действия как пределу. Однако между глаголами первого и второго приведенного ряда существуют видовые различия иного рода, не связанные с системой совершенного и несовершенного вида. Эти видовые различия определяются тем, как осуществляется движение в пространстве. Одни глаголы (левый столбец) обозначают движение единичное, совершающееся в одном определенном направлении. Эти глаголы называются глаголами линейного движения, или некратными глаголами. Другие глаголы (правый столбец) обозначают движение или непрерывное, но разнонаправленное, или однонаправленное, но прерывистое. Эти глаголы называются моторно-кратными (или кратными) глаголами.

Различие в значениях этих глаголов можно проследить на таких примерах: *Вот* ***едут, едут,*** *наконец. (П.) В Петрополь* ***едет*** *он теперь с запасом фраков и жилетов... (П.)* Глагол *едет* выражает действие единичное и цельнонаправленное. *Софья Львовна все* ***ездила*** *на извозчике и просила мужа, чтобы он покатал ее на тройке. (Ч.)* Глагол *ездила* обозначает действие прерывистое. *Вокруг нас... все торопилось жить,* ***летало,*** *пело, суетилось. (М. Г.)* Глагол *летало* выражает действие разнонаправленное. *Пчела* ***летит*** *к цветку.* Глагол *летит* обозначает действие однонаправленное.

Образование кратных глаголов от некратных идет путем изменения суффикса (*лет-е-ть — лет-а-ть*), причем это может сопровождаться чередованием гласных и согласных (*вез-ти — воз-и-ть, ве-сти — вод-и-ть, беж-ать — бег-ать*). Кратные и некратные глаголы могут быть образованы и от разных корней: *идти — ходить, ехать — ездить.*

От глаголов несовершенного вида, кратных и некратных, могут быть образованы глаголы совершенного вида. Некратные глаголы

образуют глаголы совершенного вида путем присоединения приставок разнообразного значения, в том числе и пространственного. Например: *лететь — улететь, влететь, прилететь, залететь; идти — уйти, прийти, зайти, подойти; везти — увезти, привезти, подвезти; тащить — утащить, подтащить, притащить* и т. д. Нужно заметить, что все эти приставочные глаголы, образованные от бесприставочных некратных глаголов, являются отдельными, самостоятельными глаголами, а не видовыми соотносительными формами одного и того же глагола.

Глаголы кратные образуют глаголы совершенного вида при помощи приставок, выражающих различные оттенки времени или имеющих значение результата, например: *Летчик* ***налетал*** *много часов. Больной* ***заходил*** *по комнате. Я* ***заносила*** *свое платье.*

Глаголы совершенного вида, образованные от кратных глаголов, не являются видовыми формами кратных глаголов и входят в группу одновидовых глаголов совершенного вида; они не являются видовыми парами в пределах современной категории совершенного и несовершенного вида и глагольного типа *улететь — улетать, прилететь — прилетать.* Видовые различия между ними определяются прежде всего как различия однократных и многократных глаголов.

Категория залога

§ 223. Переходные и непереходные глаголы и их отношение к залогу. Отношение между субъектом и объектом действия, обозначенного глаголом, может быть выражено в русском языке морфологически (т. е. формой самого глагола) и синтаксически (падежным управлением). Так, в предложении *Мальчик моется* глагол *моется* своей формой показывает, что действие обращено на субъект, на самого действователя: мальчик моет самого себя. В данном случае объект действия в то же время является и его субъектом. В предложении *Дети обнимаются* глагол *обнимаются* своей формой показывает, что действие взаимно: дети обнимают друг друга. В предложении *Дом строится рабочими* глагол *строится* показывает, что объект, обозначенный именительным падежом имени, подвергается действию со стороны субъекта, выраженного творительным падежом имени. Иначе выражено отношение действия к своему объекту в следующих примерах: *Он копает яму в саду. Ему моют руки и ноги, сменяют рубашку. (Пан.) Иногда мама целовала карточку и Сереже давала целовать. (Пан.)* Здесь глаголы *копает, моют, сменяют, целовала* выражают отношение к объекту действия синтаксически; они сочетаются с винительным падежом прямого дополнения: *копает яму, моют руки, сменяют рубашку, целовала карточку.*

Способность глагола выражать отношения между субъектом и объектом действия в самой глагольной форме образует особую грамматическую категорию глагола — категорию залога.

В зависимости же от способности глагола сочетаться с винительным падежом прямого дополнения все глаголы русского языка делятся на две группы: переходные и непереходные глаголы.

К переходным глаголам относятся те, которые могут сочетаться с прямым дополнением в винительном падеже. Группу непереходных образуют глаголы, которые не могут иметь при себе прямого дополнения в винительном падеже, например: *человек спит, он идет, девочка плачет, мать горюет, она вздыхает, человек стареет, трава зеленеет* и др. При непереходных глаголах может стоять винительный падеж со значением пространства или времени, например: *она плакала всю дорогу, мать горевала все лето.* Кроме прямых переходных глаголов, выделяются глаголы с косвенной переходностью. Косвенно-переходными называются глаголы, смысл которых остается не вполне раскрытым без объектных пояснений при помощи имени в родительном, дательном и творительном падежах, например: *ждать поезда, верить другу, завидовать брату, вредить* (кому-нибудь), *помогать подруге, соответствовать* (оригиналу).

Из сказанного следует, что категория залога и деление глаголов на переходные и непереходные связаны между собой, но в то же время не покрывают друг друга. Понятие переходности и непереходности шире категории залога. Деление глаголов на переходные и непереходные в сильной степени связано с лексическими значениями глаголов, с их словообразовательными типами.

Так, отыменные глаголы с суффиксами *-нича(ть) (слесарничать), -е(ть) (темнеть), -ствова(ть) (безумствовать),* глаголы, образованные от междометий, пополняют класс непереходных глаголов, а отыменные глаголы с суффиксом *-и(ть) (темнить, золотить)* пополняют число переходных глаголов. Большинство глаголов непродуктивных классов относится к непереходным.

В зависимости от лексического значения один и тот же глагол может быть переходным или непереходным, например: *Мальчик косит глазами* и *Он косит глаза на угол стола.*

Под категорией залога мы понимаем способность глагола выражать отношения между субъектом и объектом действия. Систему залоговых отношений в русском языке образуют переходные глаголы и образованные от них и соотносительные с ними глаголы с частицей *-ся.* В этой системе можно выделить три основных залога: действительный, средне-возвратный и страдательный.

§ 224. Образование залогов. Единственным средством образования соотносительных залоговых форм в современном русском языке является присоединение к глаголу частицы *-ся,* например: *разбить — разбиться, мыть — мыться, умывать — умываться, направить — направиться, строить — строиться, делать — делаться* и т. п. Это средство живое и продуктивное. Форма с частицей *-ся,* образованная от переходного глагола, теряет значение

переходности; у таких глаголов непереходность выражена формально частицей *-ся.* Частица *ся* устраняет прямую переходность, но лишь ограничивает, а не полностью исключает косвенную переходность; например, в словосочетаниях *испугаться собаки, лишиться друзей* глаголы с частицей *-ся* являются косвенно переходными.

Частица *-ся* по своему происхождению является краткой формой винительного падежа возвратного местоимения. В древнерусском языке эта форма была отдельным словом по отношению к глаголу и не сливалась с ним: она могла стоять перед глаголом и после него, могла быть отделена от глагола другими словами, могла относиться одновременно к нескольким глаголам. Эта форма была самостоятельной и в русском языке XVII века. В современном русском языке частица *-ся* всегда стоит в конце глагольной формы, после личных окончаний. Частица *-ся* может иметь редуцированную форму *-с(ь)* в том случае, когда форма без *-ся* оканчивается на гласный звук, например: *браться — берись, несется — несись* и др.

§ 225. Основные залоги глагола. 1. Действительный залог. Значение действительного залога имеют переходные глаголы; они обозначают действие, направленное на объект. Не имея морфологического показателя, эти глаголы характеризуются определенным падежным управлением: сочетаемостью с винительным падежом без предлога.

2. Средне-возвратный залог. Глаголы средне-возвратного залога являются формой соответствующих глаголов действительного залога. Таким образом, формы действительного и средне-возвратного залогов глагола соотносительны.

Глаголы в форме средне-возвратного залога показывают, что действие, обозначенное глаголом, обращено к его субъекту или сосредоточивается в субъекте, например: *мыть* (что-нибудь, кого-нибудь) — *мыться* (самому), *купать — купаться, торопить — торопиться, вливать — вливаться, обрадовать — обрадоваться, отправлять — отправляться, остановить — остановиться, веселить — веселиться, беспокоить — беспокоиться, удивлять — удивляться, тревожить — тревожиться* и др. В зависимости от более частных значений при выражении отношения к субъекту действия, глаголы средне-возвратного залога можно разделить на ряд групп. Эти значения глаголов с частицей *-ся* следующие:

а) собственно-возвратное. Эти глаголы указывают, что субъект действия является одновременно и объектом действия, например: *Все они* ***нарядились*** *— и он, и мама, и Коростелев — и пошли. (Пан.) Мама и Коростелев тоже тем временем* ***оделись.*** *(Пан.) „А вот что,— заговорил дед, подумав,— пояски-то свяжем, я тебя за ногу прикручу, ты и лезь,* ***купайся...“*** *(М. Г.);*

б) безобъектно-возвратное. Возвратные формы глагола обозначают действие, замкнутое в субъекте и являющееся его

постоянным свойством, например: *кошка царапается, крапива жжется, корова бодается;*

в) общ е-возвратное значение. Глаголы выражают внутреннее состояние субъекта, изменение в этом состоянии: *сердиться, радоваться, восхищаться, удовлетворяться* и т. п.;

г) косвенно-возвратное. В этом случае возвратная форма выражает действие, совершаемое субъектом для себя, в своих интересах: *построиться, запастись, прибраться, уложиться* и др., например: *Три бурсака своротили с большой дороги в сторону с тем, чтобы в первом попавшемся хуторе* ***запастись*** *провиантом. (Г.);*

д) взаимно-возвратное значение. Эти глаголы указывают, что производители действия (субъекты) одновременно являются и объектами этого действия, например: *обниматься, сражаться, целоваться, объединиться* и т. п., например: *Они* ***переглядываются*** *и потом смотрят в сторону. (Пан.) И новые друзья ну* ***обниматься,*** *ну* ***целоваться.*** *(Кр.) Гость и хозяин* ***встретились*** *взорами. (Г.)*

3. Страдательный залог. Глаголы страдательного залога и соотносительные с ними соответствующие переходные глаголы (т. е. глаголы действительного залога) являются формами одного и того же глагола. При выражении отношения между субъектом и объектом действия формой страдательного залога объект действия выражается грамматически формой именительного падежа имени, а субъект действия — формой творительного падежа, т. е. в предложении объект действия является подлежащим, а субъект действия — дополнением, например: *Брёвна распиливаются рабочими; Картина рисуется художником; Рыба ловится рыбаками; Уголь добывается шахтерами; Пол подметается уборщицей.*

Значение страдательного залога ярко ощущается при наличии творительного действующего лица. При отсутствии творительного действующего лица значение страдательного залога может ослабляться, и страдательный залог в этом случае сближается со средне-возвратным. Такое сближение наблюдается в том случае, когда подлежащим является название лица, например: *Дети собираются в школу; Друзья переписываются* (ср. *Грибы собираются детьми; Конспекты переписываются студентами*).

§ 226. Глаголы с частицей *-ся*, не входящие в систему залогов. Формы переходных глаголов и производные от них формы глаголов с частицей *-ся* являются соотносительными формами.

Соотносительными формами являются глаголы действительного залога и образованные от них средне-возвратные, а также глаголы действительного залога и образованные от них глаголы страдательного залога, например: *мыть — мыться, веселить — веселиться, умывать — умываться, купать — купаться, строить — строиться.* Но эти грамматические отношения возвратности

и невозвратности у большинства глаголов осложняются разнообразными лексическими значениями частицы *-ся*. Грамматические соотношения форм глаголов без *-ся* и с частицей *-ся* могут быть значительно видоизменены и осложнены лексическими различиями этих форм. Грамматические связи могут быть и полностью разрушены. Так, многие возвратные формы, развив самостоятельные значения, утратили значение залога, обособились от соответствующих невозвратных форм и стали отдельными словами, например: *давить* и *давиться; драть лыко, драть за уши* и *драться; раздать книги* и *раздаться* (= располнеть), *притворить* и *притвориться, достать* и *достаться, принять* и *приняться* и др.

Глаголы с частицей *-ся* могут образовываться и от непереходных глаголов.

При образовании глаголов от непереходных частица *-ся* имеет не формообразующее, а словообразующее значение. Подавляющее большинство непереходных глаголов не соединяются с частицей *-ся* без префиксации. Обычно здесь имеет место суффиксально-префиксальный способ словообразования глагола, например: *смотреть — всмотреться, жить — вжиться; шалить — дошалиться, бегать — добегаться; мечтать — замечтаться, спать — заспаться; сидеть — насидеться, гулять — нагуляться, бежать — разбежаться, бушевать — разбушеваться* и др. Лишь немногие непереходные глаголы допускают образование глаголов на *-ся* при помощи одной этой частицы, например: *чернеть — чернеться, белеть — белеться, стучать — стучаться, плакать — плакаться.*

Есть небольшая группа глаголов, которые без *-ся* не употребляются, например: *бояться, гордиться, карабкаться, каяться, очнуться, смеяться, стараться.*

Все эти глаголы не входят в систему залогов русского глагола.

Примечание. Можно назвать немногие глаголы с частицей *-ся*, которые не имеют соотносительной формы без *-ся* и в то же время обладают значением залога; например, *бороться, сговориться.* Очевидно, такие глаголы можно назвать однозалоговыми, не имеющими соотносительных залоговых форм. Единичность таких глаголов не позволяет изменить изложенное выше общее представление о системе залоговых форм современного русского литературного языка.

Классы глаголов

§ 227. Основы глаголов. Для образования спрягаемых и неспрягаемых форм большинство глаголов имеет две основы, различающиеся суффиксами или фонемным составом. Одна основа — основа инфинитива: *зва-ть, сказа-ть, виде-ть.* Эту основу называют и основой прошедшего времени. Она выделяется в форме прошедшего времени при отделении суффикса *-л*, например: *зва-л, сказа-л, виде-л, писа-л, дела-л.*

В некоторых случаях основа инфинитива и основа прошедшего времени не совпадают, ср. *гре-сти — греб, пе-чь* [*-ч'*] *— пек* (см. **§ 241**).

Вторая основа — основа настоящего времени, выделяемая из формы 3-го лица множественного числа настоящего или простого будущего времени, например: *зов-ут, вид-ят* ([вид']-ат), *пиш-ут, делают* ([дéлај]-ут) и т. д.

От основы инфинитива образуются формы прошедшего времени, причастия прошедшего времени, деепричастия у глаголов совершенного вида; например, от основы *зва-(ть)*: *звал, звала, звавший;* от основы *сказа-(ть)*: *сказал, сказавший, сказав.*

От основы настоящего времени образуются все личные формы настоящего времени (или простого будущего времени), повелительное наклонение, причастия настоящего времени, деепричастия у глаголов несовершенного вида; например, от основы *пиш-*: *пишу, пишешь, пишет, пишем, пишете, пишут; пиши, пишите; пишущий;* от основы *знај-*: *знаю, знаешь, знает; знающий; зная; знай;* от основы *скаж-*: *скажу, скажешь; скажи* и т. д.

При образовании форм глагола в самой основе может иметь место чередование, например: *пек-у* || *печ-ешь; стерег-у* || *стереж-ешь; куплю* || *купишь* и т. д.

§ 228. Общее понятие о классах глаголов. В процессе формообразования проявляется различное соотношение между основой инфинитива (прошедшего времени) и основой настоящего времени у глаголов. В зависимости от этого глаголы современного русского языка делятся на классы. Каждый класс объединяет глаголы, характеризующиеся одинаковым соотношением основ при формообразовании. Например, глаголы *работать, толкать, болтать* объединяются в одном классе, потому что у них одинаковое соотношение основ: основа настоящего времени равна основе инфинитива плюс *-j-*, например: *работа(ть) = работа + j-* (ср. *работа-л, работа-вш-ий, работај-у, работај-ущ-ий, работај* и т. д.); *толка(ть) — толка + j-: толка-л, толка-вш-ий, толкај-у, толкај-ущ-ий, толкај* и т. д.; *болта(ть) — болта + j-: болта-л, болта-вш-ий, болтај-у, болтај-ущ-ий, болтај* и т. д.

Таким образом, класс глаголов есть грамматическое понятие, объединяющее глаголы с одинаковым соотношением основ при формообразовании.

Одни из этих классов являются продуктивными, другие — непродуктивными.

Продуктивные классы имеют такое соотношение между глагольными основами, с которым глаголы вновь образуются посредством продуктивных словообразовательных аффиксов.

Продуктивные способы глагольного словопроизводства (см. § 247 и след.) в современном русском языке определяют в значительной мере продуктивные морфологические классы глаголов.

Непродуктивные классы характеризуются таким соотношением основ инфинитива и настоящего времени, с которым глаголы вновь не образуются. Непродуктивные классы могут объединять единичные глаголы, но могут включать и сотни глаголов. Однако и малочисленные, и многочисленные непродуктивные классы

новыми глаголами не пополняются. Изучение непродуктивных классов как бы выходит за пределы морфологии современного русского языка, изучающей морфологическую систему и является предметом морфологии отдельных ограниченных лексических групп или даже морфологии отдельного слова.

§ 229. Продуктивные классы глаголов. На основе взаимодействия продуктивных суффиксов с окончаниями спряжения определяется система из пяти продуктивных глагольных классов.

1. Первый продуктивный класс объединяет глаголы с основой инфинитива на *-а(ть)* и с основой настоящего времени на *-ај-*.

Сюда принадлежат: а) глаголы с суффиксами: *-а(ть), -ва(ть), -ива(-ыва)(ть)*, например: *срезать — срезаю, увядать — увядаю, пропадать — пропадаю, заземлять — заземляю, овладевать — овладеваю, согревать — согреваю, поджаривать — поджариваю, разрисовывать — разрисовываю, поддакивать — поддакиваю* и др.;

б) все отыменные глаголы с суффиксами *-нича(ть), -ича(ть) -а(ть)*, например: *либеральничать — либеральничаю, сентиментальничать — сентиментальничаю, завтракать — завтракаю, обедать — обедаю* и т. д.;

в) глаголы на *-а(ть) — -ка(ть)* от междометий, звукоподражательных слов и местоимений, например: *нукать — нукаю, ахать — ахаю, ухать — ухаю, чихать — чихаю, я́кать — я́каю* и др.

Все глаголы первого класса имеют неподвижное ударение во всех формах, кроме форм причастий страдательного залога на *-нный*, например: *потеря́ю, потеря́ет, потеря́вший, потеря́й, потеря́ть*, но *поте́рянный.*

2. Второй продуктивный класс объединяет глаголы с основой инфинитива на *-е(ть)* и основой настоящего времени на *-еј-*. В этот класс входят отыменные глаголы с суффиксом *-е(ть)*, например: *беле́ть — белею, сине́ть — синею, толсте́ть — толстею.* Сюда принадлежит несколько непроизводных глаголов на *-е(ть)*: *владеть — владею, греть — грею, жалеть — жалею, говеть — говею, зреть — зрею, иметь — имею, млеть — млею, преть — преет, рдеть — рдеет, сметь — смею, спеть — спеет, тлеть — тлеет, уметь — умею.* Ударение в глаголах второго класса постоянное, падает на суффикс *-е(ть)*.

Ударение не падает на *-е(ть)* в глаголах, образованных от имен прилагательных с суффиксами *-ав-, -ив-, -ат-, -ов-* (*шерша́веть, черви́веть, мохна́теть, махро́веть*) и в глаголах, образованных суффиксально-префиксальным способом при помощи суффикса *-е(ть)* и приставки *обез-*, например: *обезлошадеть, обезуметь* и т. д.

3. Третий продуктивный класс включает глаголы с основой инфинитива на *-ова́(-ева́)(ть) -ова(ть)* при основе настоящего времени на *-уј-*.

Этот класс пополняется глаголами, образуемыми от иноязычных основ при помощи суффиксов *-изирова(ть), -ирова(ть), -изова(ть),*

-ова(ть), -ова́(-ева́-)(ть), например: *электрифи́цировать—электрифицируем, игнорировать — игнорируем, индустриализировать — индустриализируем; диктовать, симпатизировать* и др.

В этот класс входят отыменные глаголы с суффиксами *-ова(ть), -ова́(-ева́-)(ть), -ствова(ть),* например: *бедствовать — бедствую, странствовать — странствую, пьянствовать — пьянствую, торгую — торгова́ть* и др.

В этот класс входит семь глаголов, в которых сочетание *-ова(ть)* или *-ева(ть)* не составляет суффикса. В этих глаголах оно возникло в результате соединения *-а(ть)* с последними звуками основы *-ов: ковать, блевать, плевать, жевать, клевать, сновать, совать.*

Часть глаголов третьего продуктивного класса имеет ударение на конечном слоге и в инфинитиве, и во всех формах настоящего времени, например: *кова́ть — кую́, куёшь; снова́ть — сную́, снуёшь* и т. д.

Среди остальных глаголов третьего продуктивного класса намечается два типа (в зависимости от места ударения). Первый — книжный, к которому относятся слова на *-изирова(ть), -ирова(ть), -ствова(ть)* и около 25 основ на *-ова(ть)* с ударением на основе, например: *ликвиди́ровать — ликвиди́рую, военизи́ровать — военизи́рую, бе́дствовать — бе́дствую, бесе́довать — бесе́дую, про́бовать — про́бую* и др.

Второй — объединяют глаголы с ударением на суффиксе *-ова(ть),* например: *торгова́ть — торгу́ю, рискова́ть — риску́ю* и др.

4. Четвертый продуктивный класс образуют глаголы, основа инфинитива которых содержит суффикс *-ну(ть),* основа настоящего времени *-н,* например: *толкнуть — толкну, толкнешь; махнуть — махну, махнешь; крикнуть—крикну, крикнешь* и др.

Большинство этих глаголов имеет неподвижное ударение на конечном слоге.

В этот класс входят несколько глаголов, у которых суффикс *-ну-* уже не выделяется, например глагол *минуть.* Сюда же входят некоторые глаголы на *-ну(ть)* с подвижным ударением: *тяну́ть — тяну́ — тя́нешь; взгляну́ть — взгляну́ — взгля́нешь; обману́ть — обману́ — обма́нешь* и др.

5. Пятый продуктивный класс объединяет глаголы с инфинитивом на *-и(ть)* при третьем лице множественного числа настоящего времени на *-ат, -ят.* Глаголы этого класса характеризуются чередованиями согласных в конце основы настоящего времени: *т || ч', д || ж, с || ш, з || ж, ст || ш', зд || ж', п || пл', б || бл', ф || фл', в || вл', м || мл',* например: *колочу — колотишь, вожу — водишь, прошу — просишь, вожу — возишь, пущу — пустишь, езжу — ездишь, топлю — топишь, люблю — любишь, графлю — графишь, ловлю — ловишь, ломлю — ломишь* и т. д.

Этот класс расширяется отыменными новообразованиями на *-и(ть),* например: *мастери́ть, утюжить* и др. Новообразования

имеют постоянное ударение на основе или на суффиксе *-ить.*

§ 230. Непродуктивные классы глаголов. Глаголы непродуктивных классов характеризуются таким соотношением основ инфинитива и настоящего времени, которое несвойственно вновь образуемым глаголам. Эти соотношения основ весьма разнообразны. Так, например, непродуктивный класс образуют глаголы с непроизводной основой на согласный в настоящем времени и производной основой на гласный *-а* в инфинитиве: *вязать — вяжу, сосать — сосу, пахать — пашу, пла́кать — пла́чу.*

Этот класс имеет две разновидности: одна не имеет чередования согласных в конце основы, вторая характеризуется чередованием согласных: *скака́ть — скачу́, маха́ть — машу́, пря́тать — пря́чу, глода́ть — гложу́, писа́ть — пишу́, ре́зать — ре́жу, дрема́ть — дремлю́, сы́пать — сы́плю, полоска́ть — полощу, стлать — стелю́, посла́ть — пошлю́.* В корне некоторых глаголов этого непродуктивного класса наблюдается чередование гласных *о, е* с нулем звука: *брать — беру, звать — зову.*

В непродуктивный класс объединяются глаголы с полногласным сочетанием в основе инфинитива и отсутствием его в основе настоящего времени, например: *тереть — тру, умереть — умру, (за)переть — (за)пру, простереть — простру, полоть — полю, молоть — мелю, колоть — колю, бороться — борюсь.*

Непродуктивный класс составляют глаголы, характеризующиеся корневой фонемой *а* в конце основы инфинитива и корневым твердым носовым согласным в конце основы настоящего времени, например: *жать — жну, жать — жму, начать — начну, мять — мну, взять — возьму, понять — пойму, распять — распну.*

Непродуктивный класс образуют глаголы с суффиксом *-ну(ть)* в основе инфинитива, но в отличие от рассмотренного выше (§ 229) четвертого продуктивного класса эти глаголы сохраняют суффиксальное *-н-* при образовании форм настоящего времени и не имеют его в формах прошедшего времени, например: *мёрзнуть — мёрзну, мёрз; вя́нуть — вя́ну, вял; мо́кнуть — мо́кну, мок; со́хнуть — со́хну, сох* и др. Все глаголы этого класса имеют постоянное неконечное ударение. Они обозначают, что действие, начавшись, стремится к своему завершению.

Кроме указанных непродуктивных классов, имеются и другие, число которых довольно значительно, однако изучение всех их является скорее объектом исторической фонетики и морфологии.

Следует отметить, что, помимо глаголов, входящих в непродуктивные классы, в русском языке имеется несколько изолированных глаголов, каждый из которых характеризуется особым соотношением основ инфинитива и настоящего времени. Это следующие глаголы: *реве́ть — реву́, ревёшь, реву́т; чтить — чту, чтишь,*

чтят; бежа́ть — бегу́, бежи́шь, бегу́т; хоте́ть — хочу́, хо́чешь, хо́чет, хоти́м, хотя́т; е́хать — е́ду, е́дешь, е́дем, е́дут; идти́ — иду́, идёшь, идём, иду́т — шёл, ше́дший; быть имеет редко употребляющиеся формы настоящего времени *есть* и *суть;* будущее время к нему образуется от другого корня: *буду, будешь, будет, будем, будете, будут.*

Категория лица

§ 231. Общее понятие. Категория лица относится (наряду с формами времени и наклонения) к числу основных категорий глагола. Категория лица является организующим центром сказуемости. Значительная часть современных синтаксических теорий самое понятие предложения ставит в зависимость от наличия verbum finitum, т. е. глагольных форм, имеющих значения лица, времени и наклонения.

Категория лица выражает отношения действия и его субъекта к говорящему лицу. Субъектом действия может быть сам говорящий, его собеседник или же предмет или лицо, не участвующее в речи. Эти различия в отношениях выражаются личными формами глагола, а также личными местоимениями.

В русском языке различается три лица глагола: первое, второе и третье. Форма первого лица обозначает, что субъектом действия является сам говорящий, второе лицо показывает, что таким субъектом действия оказался собеседник говорящего, третье лицо обозначает в качестве субъекта действия предмет или лицо, не участвующее в речи.

Форма 2-го лица единственного числа может употребляться в обобщенном значении, например: *А то* ***велишь*** *заложить дрожки... (Т.) Прошлого не* ***воротишь.*** *(Посл.) Век* ***живи,*** *век* ***учись.*** *(Посл.)*

В случае, когда субъектом действия является не одно лицо, а несколько лиц или предметов, употребляются формы первого, второго и третьего лица множественного числа.

В повелительном наклонении имеется особая личная форма, которая образуется прибавлением аффикса *-те* к форме первого лица множественного числа, например: *пойдемте, сделаемте.* Эта форма указывает, что субъектами действия являются собеседник (или собеседники) и сам говорящий, и выражает побуждение к действию.

§ 232. Спряжение глагола. Спряжение глагола в русском языке основано на противопоставлении форм настоящего, простого будущего времени и повелительного наклонения формам прошедшего времени. Это противопоставление отражается во всей системе глагольного формообразования в русском языке.

В настоящем и простом будущем времени и в повелительном наклонении категория лица выражается окончаниями. Эти окончания поэтому и называются личными.

По характеру образования форм настоящего и простого будущего времени глаголы делятся на два типа спряжения: первое спряжение и второе спряжение. Особенность каждого спряжения обнаруживается в личных формах настоящего и простого будущего времени, за исключением формы первого лица единственного числа, одинаковой для обоих спряжений.

Личные формы первого и второго спряжения имеют следующие окончания:

Первое спряжение. Единственное число: 1-е л.— *-у* (после твердой и мягкой основы); 2-е л.— *-ешь;* 3-е л.— *-ет.* Множественное число: 1-е л.— *-ем;* 2-е л.— *-ете;* 3-е л.— *-ут* (после твердой и мягкой основы).

Следует помнить, что *-ешь, -ет, -ем, -ете* является орфографическим обозначением соответствующих окончаний живого русского языка: *-ош, -от, -ом, -от'е* (после мягких согласных).

Второе спряжение. Единственное число: 1-е л.— *-у* (после твердой и мягкой основы); 2-е л.— *-ишь;* 3-е л.— *-ит.* Множественное число: 1-е л.— *-им,* 2-е л.— *-ите;* 3-е л.— *-ат, -ят* (соответственно после твердой и мягкой основы).

Окончания *-ат* и *-ят* различаются лишь орфографически, морфема здесь одна *-ат,* которая может следовать после твердой и мягкой основы.

Особые личные окончания характерны для глаголов *дам, ем:*

Лица	Единственное число	Множественное число
1-е	*да-м, е-м*	*дад-им, ед-им*
2-е	*да-шь, е-шь*	*дад-ите, ед-ите*
3-е	*да-ст, е-ст*	*дад-ут, ед-ят*

Вспомогательный глагол *быть* в настоящем времени имеет лишь формы 3-го лица: *есть, суть,* где окончанием является *-ть.* Мягкое окончание в этих формах является архаизмом. Такое архаическое окончание сохранилось потому, что вспомогательный глагол *быть* выпал из общей глагольной системы русского языка.

Личные формы настоящего и простого будущего времени могут употребляться и в сочетании с личными местоимениями, например: *пиш-у* и *я пиш-у, пиш-ешь* и *ты пиш-ешь, читает* и *он читает* и т. д.

Лицо в повелительном наклонении также выражается личными окончаниями, хотя и с ограничениями. Личные окончания здесь имеют лишь формы 2-го лица.

Формы 2-го лица единственного числа повелительного наклонения имеют окончание *-и* после согласных, например: *бер-и,*

берег-и, лов-и, стерег-и, пойм-и и др., но они могут представлять собой и чистую основу, образованную от основы настоящего времени чередованием конечных согласных: *сядь, сдвинь* ([с'ät'], [здв'йн']) и др.

Во множественном числе окончанием 2-го лица повелительного наклонения является *-ите* (*берег-ите, лов-ите, пойм-ите, бер-ите*), если форма единственного числа имеет окончание *-и*, или окончание *-те*, если форма единственного числа представляет собой чистую основу (*сядь-те, будь-те, встань-те*).

Прошедшее время и сослагательное наклонение не имеет личных окончаний при изменении по родам и числам.

Лицо в прошедшем времени и в сослагательном наклонении выражается аналитически присоединением личных местоимений 1-го и 2-го лица, например: *я писал (бы), я писала (бы), ты писал (бы), ты писала, мы писали, вы писали.*

В 3-м лице субъект действия может быть выражен лично-указательным местоимением *он, она, оно,* а также именем существительным, например: *он писал (бы), она писала (бы), мальчик писал (бы), девочка писала (бы).*

Возможное отсутствие местоимений в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения имеет эллиптический характер и связано с условиями контекста.

§ 233. Безличные глаголы. В русском языке есть глаголы, которые обозначают действие или состояние вне отношения к субъекту действия. Эти глаголы не изменяются по лицам и по существу категорией лица не обладают. Они называются безличными. Такие глаголы могут употребляться в настоящем, прошедшем и будущем времени изъявительного наклонения (*смеркается, смеркалось, будет смеркаться*), в сослагательном наклонении (*смеркалось бы*) и инфинитиве (*смеркаться*). В настоящем и будущем времени их форма сходна с формой 3-го лица единственного числа (*светает, вечереет*), а в прошедшем времени и в сослагательном наклонении — с формой среднего рода — *светало (бы), вечерело (бы).*

Безличные глаголы в современном русском языке образуют несколько основных лексических групп:

1. Глаголы, обозначающие явления природы, например: *светает, вечереет, смеркается, морозит, дождит, холодает* и др.

2. Глаголы, обозначающие физическое и душевное состояние человека, например: *рвет, тошнит, пучит, саднит, нездоровится, стерпится — слюбится, ему не поздоровится, верится — не верится.*

3. Глаголы, связанные с представлением о судьбе, роке, например: *Вам везёт в жизни.*

Образование безличных глаголов от личных очень часто происходит прибавлением частицы *-ся*; ср.: *я читаю — мне читается, говорит — говорится; работается, лежится, чихается; И верится, и плачется.* (*Л.*) и многие другие.

Данный процесс представлен в языке широко.

Между безличными глаголами и личными глаголами в форме 3-го лица существуют формы с разной степенью безличности.

Так, форма 3-го лица может указывать на мыслимый, но неизвестный субъект действия, например: *За занавесом, как мыши, таинственно и незаконно* ***шуршало и шевелилось.*** *(Л. Т.)*

В русском языке возможны и глагольные формы со скрытым или устраненным лицом. Такие формы продуктивны, например: ***Догадало*** *меня попросить Тимофея сходить в книжную лавку. (Усп.) Он ли вез, или его* ***гнало,*** *он не знал. (Л. Т.)*

Категория наклонения

§ 234. Общее понятие. Наклонением называется грамматическая категория, выражающая устанавливаемое говорящим отношение действия, обозначенного глаголом, к действительности.

Значения, связанные с категорией наклонения, называются также модальными. Но модальность шире наклонения: модальность — категория, определяющая отношение высказывания к действительности, может выражаться не только формами наклонения, но и другими языковыми средствами.

В русском языке различаются три наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное. Только эти три наклонения имеют свое морфологическое выражение при помощи синтетических, аналитических форм и агглютинации. Инфинитив, являясь названием действия, не указывает на отношение к действительности и поэтому особой формой наклонения не является, но инфинитив, как увидим дальше (см. § 239), может употребляться в функции всех основных наклонений глагола.

§ 235. Изъявительное наклонение. Изъявительное наклонение является нулевой грамматической категорией; оно не имеет никаких особых морфологических показателей. От остальных наклонений изъявительное наклонение отличается тем, что имеет формы времени.

Изъявительное наклонение служит для выражения со стороны говорящего утверждения или отрицания действия в настоящем, прошедшем и будущем.

Различные модальные оттенки высказывания изъявительное наклонение может выражать только в сочетании с модальными словами и частицами. Например, употребляясь с частицами *будто, будто бы, якобы,* формы изъявительного наклонения приближаются по значению к сослагательному наклонению, а в соединении с побудительными частицами *дай* (*дайте*) и *давай* (*давайте*) форма 1-го лица единственного числа и форма 1-го лица множественного числа будущего времени совершенного вида выражают побуждение, приглашение, совет, т. е. приближаются к повелительному наклонению.

§ 236. Повелительное наклонение, его образование. Повелительное наклонение выражает просьбу, приказание говорящего или побуждение к совершению действия. Формы повелительного наклонения характеризуются в речи особой повелительной интонацией с оттенком приказания, увещевания, просьбы, побуждения в зависимости от конкретной цели речи. Основной формой повелительного наклонения является форма 2-го лица единственного или множественного числа. Она образуется от основы настоящего времени по следующим основным правилам:

1) Если основа настоящего времени оканчивается на *-j-* (*читаj-у, стоj-у*), то эта основа и образует форму 2-го лица повелительного наклонения, например: *читай, стой, жуй.*

2) В глаголах на *-ить* повелительное наклонение оканчивается на *-и*, если ударение падает на флексию (*присуди́, помести́*) или совпадает с глагольной основой, если ударение на основе (*крой, нашёй, поста́вь, затра́ть*).

Когда ударяемая основа настоящего времени оканчивается на два согласных (но не на *ст* и первый согласный не *р*), то форма повелительного наклонения обычно оканчивается на *-и*, например: *продолжи, помедли, не езди.*

3) При наличии глагольной приставки *вы-* наблюдается колебание в образовании форм повелительного наклонения. Это проявляется в том, что формы, имеющие при отсутствии приставки ударение на окончании, сохраняют конечное *-и* и при переносе ударения на приставку *вы-*, например: *вези — вы́вези, греби — вы́греби, потроши — вы́потроши*, но: *кинь — вы́кинь, ставь — вы́ставь.*

4) Глаголы *пить, лить, вить, бить, шить* образуют повелительное наклонение так: *пей, лей, вей, бей, шей.*

5) Глаголы, имеющие в основе инфинитива суффикс *-ва-*, отсутствующий в основе настоящего времени, сохраняют этот суффикс в повелительном наклонении, например: *даю — давать — давай, перестаю — переставать — переставай* и др.

6) Изолированные формы повелительного наклонения: *есть — ешь, ехать — поезжай, дашь — дай, лечь — ляг.*

Форма 2-го лица множественного числа повелительного наклонения образуется от 2-го лица единственного числа посредством присоединения к последней окончания *-те*, например: *неси — несите, знай — знайте, пеки — пеките, беги — бегите, пойди — пойдите, поезжай — поезжайте* (ср. § 232). Ударение сохраняет то же место, какое оно занимало в единственном числе. Множественное число при обращении к одному лицу является формой вежливости, например: *Маша, принесите мне, пожалуйста, книгу.*

Повелительное наклонение имеет формы, выражающие действия, относимые к 3-му лицу. Для этого используется сочетание частиц *пусть, пускай* с формой настоящего или простого будущего времени, например: *пусть он читает, пусть сделает* и т. п.

Повеление в 3-м лице может быть обращено и к неодушевленным предметам, например: *Пусть сильнее грянет буря! (М. Г.)*

В классической поэзии XIX века при выражении повеления в 3-м лице использовалась частица *да*, заимствованная из старославянского языка, например: *Да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу. (П.) Да здравствует солнце, да скроется тьма! (П.)* В этих случаях форма повелительного наклонения имеет значение оптатива (желательного наклонения).

Повелительное наклонение может употребляться также в форме 1-го лица множественного числа настоящего или будущего времени. Этой формой выражается побуждение к действию, в котором примет участие и сам говорящий, например: *Ну, **пойдем**, — сказал я, — пойдем, старик. (Т.)*

К этой форме может присоединяться аффикс *-те*, и тогда оно обозначает обращение ко многим лицам, побуждение их к действию, в котором примет участие и говорящий: *пойдемте, едемте, сядемте, поговоримте* и др., например: *Ну, теперь **пойдёмте** в гостиную, — ласково проговорил Радилов... (Т.)*

§ 237. Значение и употребление повелительного наклонения. Повелительное наклонение отличается экспрессивностью своих значений. Присоединение местоимений или частиц, контекст могут легко видоизменять значение форм повелительного наклонения. Повелительное наклонение чаще всего употребляется без личного местоимения. Наличие личного местоимения перед повелительной формой усиливает категоричность приказания, совета, побуждения, а употребление местоимения после повелительной формы смягчает тон приказания, например: ***Ты** у меня пикни только! (Остр.) **Не сокрушай ты** меня, старуху. (Т.) Голубчик! **Дай ты мне** эти деньги! (М. Г.)* В сочетании с формой *смотри* повелительное наклонение глагола несовершенного вида обозначает усиление приказания (например: *Смотри, учись лучше*), а при глаголах совершенного вида выражает усиленное предостережение (например: *Смотри, не проговорись.*

Ослабленное приказание или побуждение может быть выражено сочетанием повелительного наклонения с частицей *-ка*, примыкающей в повелительной форме, например: ***Скажи-ка**, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французу отдана. (Л.)*

Отрицание *не* с повелительной формой несовершенного вида означает запрет, например: *Не ходи туда!* Отрицание *не* при форме совершенного вида придает повелительному наклонению оттенок предостережения, например: *не упади, не простудись* и т. п.

Форма 2-го лица повелительного наклонения может приобретать значение 3-го лица и тогда употребляется в неопределенно-личном значении. Такое употребление формы 2-го лица было шире в литературном языке XIX века, например: ***Спи**, кто может, я спать не могу. (Н.) Ах, тот **скажи** любви конец, кто на три года вдаль уедет. (Гр.)*

В русском языке основная форма повелительного наклонения, но без повелительной интонации, в некоторых синтаксических

условиях употребляется со значением, близким к значению сослагательного наклонения.

Так, форма повелительного наклонения служит средством выражения подчинительной связи преимущественно в условных и уступительных конструкциях, придавая особый оттенок высказыванию, например: *Да отсюда, хоть три года* ***скачи,*** *ни до какого государства не доедешь. (Г.) Ну,* ***ударь*** *теперь мороз — озими все пропадут. (Л. Т.)*

§ 238. Сослагательное наклонение. Сослагательное наклонение обозначает действие, которое говорящий мыслит желаемым или возможным.

Сослагательное наклонение имеет аналитическую форму. Оно состоит из сочетания глагола в прошедшем времени и частицы *бы,* которая может занимать различное положение в предложении.

Глагол в сослагательном наклонении не имеет форм времени, но он обладает формами вида, например: *писал бы — написал бы, делал бы — сделал бы.* В современном русском языке глагол в сослагательном наклонении не имеет и специальных форм лица, однако лицо может быть выражено аналитически, присоединением местоимений (см. § 232). В древнерусском языке сослагательное наклонение также не имело форм времени, но имело особые формы лица. Формы лица имел вспомогательный глагол *быть* в аористе (*бых, бы, бы, быхомъ, бысте, быша*), с которым сочетались родовые формы несклоняемого причастия с суффиксом *-л* (*быхъ писалъ, писала, бы писалъ, писала* и т. д.).

Частица *бы* в составе сослагательного наклонения в современном русском языке исторически восходит к форме аориста 2-го и 3-го лица единственного числа вспомогательного глагола.

Формы сослагательного наклонения употребляются при выражении желания, например: *Да, пожалуй, я* ***поел бы*** *и утки. (Ч.)* ***Провалился бы*** *ты с своим почтением. (Г.)*

В придаточных предложениях формы сослагательного наклонения употребляются для выражения предполагаемого или обусловленного действия, например: *Мы бы пошли в парк, если* ***бы не пошел*** *дождь.*

§ 239. Модальные значения инфинитива. Инфинитив называет действие, но не выражает отношения действия к действительности с точки зрения говорящего и поэтому наклонением не является. Но возможны модальные употребления инфинитива в функции всех основных наклонений глагола. Так, инфинитив может выражать категорическое приказание, например: *Это вас не касается —* ***молчать!*** *— крикнул офицер, вставая. (М. Г.) А вы* ***стоять*** *на крыльце и ни с места! (Г.)*

При помощи формы инфинитива может быть выражена неизбежность действия, например: ***Быть*** *грозе великой! (П.)*

Инфинитив может выступать в значении сослагательного наклонения, выражая условие, чаще пожелание, например: ***Открыть бы*** *окно — сразу прохладней станет.* ***Покурить бы*** *теперь. (М. Г.)*

Инфинитив может употребляться и без модальных значений в функции изъявительного наклонения, например: *Дрозд горевать, дрозд тосковать.*

Категория времени

§ 240. Общие понятия. Категория времени показывает отношение действия, выраженного глаголом, к моменту речи. В русском языке представлены формы трех времен — настоящего, прошедшего и будущего.

Формы настоящего времени в своем основном грамматическом значении показывают, что действие, выраженное глаголом, протекает в момент речи, например: *Не мешай мне — я* ***пишу*** *письмо.* Глагол *пишу* в этом предложении передает, что лицо совершает действие в то же самое время, когда говорит об этом.

Формы прошедшего времени при всех различиях в их конкретных значениях обозначают действие, которое имело место до момента речи, например: *Я* ***писала*** *сочинение.* Здесь глагол *писала* передает действие, совершаемое говорящим лицом до того, как об этом зашла речь.

Формы будущего времени передают действие, совершающееся после момента речи, например: *Я* ***буду писать*** *письмо* или *Я* ***напишу*** *письмо,* где форма времени: *буду писать* и *напишу* выражает действие, которое последует после момента речи.

Категория времени тесно связана с категорией вида; в зависимости от вида глагола располагает формами или настоящего, прошедшего и будущего времени, или только формами прошедшего и будущего времени, например: *подпеваю, подпевал, буду подпевать,* но: *запел, запою.*

Следует отметить, что глаголы, составляющие соотносительные видовые пары, образуют систему временны́х форм всех трех времен, например: *подписываю, подписывал, подписал, буду подписывать, подпишу.* Различия в значениях этих форм, различия между формами прошедшего времени (*подписывал и подписал*) или формами будущего времени (*подпишу и буду подписывать*) связаны прежде всего с различиями видовыми. Эти различия видовременны́е. Одновидовые глаголы соответственно образуют систему из двух форм времени, если это глаголы совершенного вида (*побежал, побегу*), и из трех временны́х форм, если это глаголы несовершенного вида (*разгуливаю, разгуливал, буду разгуливать*).

Как отмечалось, категория времени свойственна лишь глаголам изъявительного наклонения.

§ 241. Образование форм времени. Формы настоящего и простого будущего времени являются синтетическими,

они не имеют специальных грамматических показателей, а определяются системой личных окончаний глагола.

В настоящем времени различаются формы трех лиц единственного и множественного числа. Различия в образовании форм настоящего времени связаны с типом спряжения глагола (ср. *я беру, ты берешь* и т. д. и *я стучу, ты стучишь* и т. д.).

Форма будущего времени несовершенного вида является аналитической. Она состоит из личных форм глагола *быть* и инфинитива основного глагола, например: *буду брать, будешь брать* и т. д.

Сочетание личных форм вспомогательного глагола *быть* с инфинитивом основного глагола представляет собой не свободное словосочетание, а единую аналитическую форму времени на том основании, что эта форма противопоставлена в пределах одной системы временны́х форм формам настоящего и прошедшего времени, например: *пишу — писал — буду писать*. Форма типа *буду писать* входит только в такую систему отношений, невозможны отношения *буду писать — был писать*. Глагол *быть* в соединении с инфинитивом утратил лексические значения и имеет лишь грамматическое значение времени. Для выражения будущего времени с глаголами несовершенного вида могут сочетаться и другие вспомогательные глаголы: *стану, начну* (например: *стану петь, начну читать*), но сочетания этого типа не являются аналитическими формами времени и представляют собой свободные словосочетания, в пределах которых глаголы *стать, начать* сохраняют свое реальное значение; эти сочетания не входят в систему временны́х форм, не связаны грамматически с другими временны́ми формами этих же глаголов, а образуют свою систему форм, например: *стану читать — стал читать, начну писать — начал писать*.

Формы будущего времени совершенного вида (так называемое простое будущее) ничем не отличаются по окончаниям от форм настоящего времени, например: *я заберу, ты заберешь, он заберет, мы заберем, вы заберете, они заберут*.

Прошедшее время глаголов образуется от основы инфинитива прибавлением суффикса *-л* и родовых окончаний: *-а* — для женского рода, *-о* — для среднего рода; форма мужского рода единственного числа имеет нулевое окончание. Во множественном числе имеется общее для всех родов окончание *-и*, например: *говори-ть — говорил, говорила, говорило, говорили; работа-ть — работал, работала, работало, работали; коло-ть — колол, колола, кололо, кололи* и др.

Лицо в прошедшем времени выражается присоединением личных и лично-указательных местоимений, например: *я читал, ты работал, они гуляли* (см. § 232).

Глаголы на *-сти — -сть* с основой настоящего времени на *д, т* не имеют этих согласных в формах прошедшего времени. Ср.: *прясть, пряду — прял, пряла, пряли; сесть, сяду — сел, села, село, сели; вести, веду — вел, вела, вело, вели; плести, плету — плел, плела, плело, плели* и т. п. Эта особенность объясняется исторически: в причастиях с суффиксом *-л*, к которым восходят эти формы, в древнейшую эпоху было сочетание *dl* или *tl*, которое в языке южных и восточных славян упростилось в *l*: $dl > l$, $tl > l$.

Глагол *идти* имеет супплетивные формы прошедшего времени: *шел, шла, шло*.

Некоторые глаголы на *-нуть* имеют формы прошедшего времени без суффикса *-ну-* и без согласного *д*, выступающего в некоторых других формах этих глаголов, ср.: *увянуть — увял, увяла, увяло*, но *увядший*.

Ряд непродуктивных глаголов не имеет суффикса *-л* в формах прошедшего времени мужского рода. К таким глаголам относятся: а) глаголы с основами на *з* и *с* в инфинитиве и настоящем времени, например: *везти, везу — вез, везла; нести, несу — нес, несла; ползти, ползу — полз*; б) глаголы, имеющие в настоящем времени *к* и *г*, а в инфинитиве *-чь*, например: *беречь, берегу — берег, берегла; жечь, жгу — жег, жгла; стричь, стригу — стриг, стригла;* в) глаголы, имеющие в инфинитиве сочетание *-ере-*, а в настоящем времени его не имеющие, например: *тереть — тру, тер; переть — пру, пер* (основа прошедшего времени этих глаголов отличается и от основы инфинитива, и от основы настоящего времени); г) глаголы *скрести, грести*, имеющие особую форму прошедшего времени *скреб, греб*, совпадающую с основой настоящего времени (*скребу-гребу*); д) глаголы *ушибить(ся), ошибить(ся)*, ср.: *ушиб(ся), ошибся*; е) глагол *расти*, имеющий особую форму прошедшего времени — *рос*.

Глаголы, обозначающие состояние и имеющие после заднеязычных согласных, а также после *з, с, б, п* суффикс *-ну-*, обычно в литературном языке образуют прошедшее время без этого суффикса, например: *продрогнуть — продрог, сохнуть — сох, мокнуть — мок, исчезнуть — исчез, повиснуть — повис, погибнуть — погиб, ослепнуть — ослеп*. В разговорной речи и в поэтическом стиле встречаются у этих глаголов и формы с суффиксом *-ну-*, например: *Кистями красными* ***повиснула*** *рябина. (Греков.)*

§ 242. Абсолютные и относительные формы времени. Видовременная система русского глагола характеризуется отчетливым противопоставлением форм прошедшего времени формам настоящего и будущего времени. Как уже было показано, это противопоставление оформляется морфологическими средствами: личные окончания в формах настоящего, будущего времени и их отсутствие в формах прошедшего, отсутствие специальных грамматических показателей у настоящего, будущего времени и особый суффикс *-л* как показатель прошедшего времени. Указанное противопоставление осуществляется и в области значений и употребления форм времени. Формы прошедшего времени с трудом и редко используются для передачи значений настоящего или будущего

времени. Прошедшее время несовершенного вида вне очень сложного контекста не может передавать значений настоящего или будущего времени.

При описании значений временны́х форм следует разграничивать абсолютные и относительные формы времени. Абсолютные формы времени выражают отношение действия, обозначенного глаголом, непосредственно к моменту речи. Относительные формы времени выражают отношение действия, обозначенного одним глаголом, ко времени осуществления другого действия, выраженного другим глаголом. Относительные формы времени употребляются преимущественно в придаточных предложениях.

243. Значения и употребление форм настоящего времени. Формы настоящего времени имеют два основных значения: 1) выражают действие, совпадающее с моментом речи, например: *Бушуют волны, ветер свищет, и мачта гнется и скрипит.* (*Л.*) *Сколько разных чувств проходит во мне, сколько мыслей туманом проносится!..* (*Пр.*); 2) означают действие, постоянно совершающееся в любое время, например: *И днем, и ночью кот ученый всё ходит по цепи кругом; идет направо — песнь заводит, налево — сказку говорит.* (*П.*)

Формы настоящего времени могут иметь переносные значения. Форма настоящего времени может выражать ближайшее будущее, например: *Мне Москва снится каждую ночь, я совсем как помешанная... Мы* ***переезжаем*** *туда в июне, а до июня осталось еще...* (*Ч.*) *Да, это верно, она* ***бежит*** *с ним, но что мне делать? — думала Соня.* (*Л. Т.*) *Прощай, любимый город,* ***уходим*** *завтра в море.* (*Чуркин.*)

Форма настоящего времени несовершенного вида может употребляться при изображении прошлого (настоящее историческое). Настоящее историческое является важным стилистическим средством: при его помощи придается яркость, живость рассказу о прошлых событиях, например: *И грянул бой, Полтавский бой!.. Тяжкой тучей отряды конницы летучей, браздами, саблями звуча, сшибаясь, рубятся с плеча. Бросая груды тел на груду, шары чугунные повсюду меж ними* ***прыгают, разят,*** *прах* ***роют*** *и в крови* ***шипят.*** *Швед, русский — колет, рубит, режет... Но близок, близок миг победы. Ура! Мы* ***ломим; гнутся*** *шведы. О славный час! О славный вид! Еще напор — и враг* ***бежит.*** *И следом конница пустилась, убийством* ***тупятся*** *мечи, и падшими вся степь покрылась, как роем черной саранчи.* (*П.*)

§ 244. Значения и употребление форм будущего времени. Помимо основного значения, глагол в форме простого будущего может обозначать время безотносительно к моменту речи. В этом случае временна́я форма имеет значение непрерывной повторяемости, например: *... и бубен свой берет невеста молодая, и вот она, одной рукой кружа его над головой, то вдруг* ***помчится*** *легче птицы, то* ***остановится*** *— глядит, и влажный взор ее*

блестит из-под завистливой ресницы; то черной бровью ***поведет,*** *то вдруг* ***наклонится*** *немножко, и по ковру скользит, плывет ее божественная ножка; и улыбается она, веселья детского полна.* (*Л.*)

Форма будущего времени может выражать значения прошедшего действия и в этом случае иметь следующие значения:

а) повествование ведется в настоящем времени, выражающем прошедшее, и для передачи действия повторяющегося, но мгновенного, законченного используется в таком контексте форма простого будущего, например: *И вдруг прыжок, и вдруг летит, летит как пух от уст Эола! То стан* ***совьет,*** *то* ***разовьет,*** *и быстрой ножкой ножку бьет.* (*П.*);

б) значение обычности действия в прошлом, например: *Он то войдет, то выйдет;*

в) будущее простое может выражать значение внезапного, стремительного наступления в прошлом какого-нибудь быстрого действия, например: *Я подошел... Как она вдруг* ***раскроет*** *глаза и* ***уставится*** *на меня.* (*Т.*) *Я было струсил, а Матрена-то как* ***ударит*** *вожжами, да как* ***помчится*** *прямо на возок.* (*Т.*)

§ 245. Значения и употребление форм прошедшего времени. Значение формы прошедшего времени несовершенного вида полностью отделено от значений форм настоящего времени. Действие в форме прошедшего несовершенного вида выражено в его течении, поэтому эти формы используются при описании. Обозначая ряд длившихся в прошлом действий, данные формы не устанавливают временно́й последовательности их осуществления, например: ***Видал*** *он дальние страны, по суше, по морю* ***носился,*** *во дни былые, дни войны, на западе, на юге* ***бился,*** *деля добычу и труды с суровым племенем Одена.* (*П.*) *При жизни мать рассказала Евсею несколько сказок.* ***Рассказывала*** *она их зимними ночами, когда метель...* ***бегала*** *по крыше и всё* ***ощупывала,*** *как будто искала чего-то,* ***залезала*** *в трубу и плачевно* ***выла*** *там на разные голоса.* (*М. Г.*)

Прошедшее время несовершенного вида может обозначать действия как факты прошлого, не указывая на их длительность, например: *Я ему* ***писал,*** *но ответа не получил. Он некогда был кучером у старой бездетной барыни,* ***бежал*** *со вверенной ему тройкой лошадей.* (*Т.*)

Прошедшее время совершенного вида имеет несколько значений:

а) обозначает действие, имевшее место в определенный момент прошлого. Глаголы в форме прошедшего совершенного могут обозначать действия, последовательно сменявшие друг друга в прошлом, например: *Мария* ***вздрогнула.*** *Лицо* ***покрыла*** *бледность гробовая. И, охладев, как неживая* ***упала*** *дева на крыльцо.* (*П.*) *Тут он в точку* ***уменьшился.*** *Комаром* ***оборотился, полетел*** *и* ***запищал,*** *судно на море* ***догнал,*** *потихоньку* ***опустился*** *на корабль — и в щель* ***забился.*** (*П.*);

б) второе значение форм прошедшего совершенного вида — значение действия, совершившегося в прошлом, результат которого представлен в настоящем. Это — значение древнего перфекта, например: *Журча бежит за мельницу ручей, но пруд уже* ***застыл*** *...* (*П.*) *Ничто, ничто не мило ей: Зарему* ***разлюбил*** *Гирей.* (*П.*) ***Настала*** *ночь; покрылись тенью Тавриды сладостной поля.* (*П.*)

Формы прошедшего времени очень редко переносятся в план будущего или настоящего времени. В отдельных, экспрессивно окрашенных контекстах возможно употребление формы прошедшего времени совершенного вида в значении будущего, например: *Отнимите у меня перо — и я* ***помер.*** (*Ч.*) *Одно мне жаль, барин:* ***пропала*** *моя троечка, — и братьям-то она не достанется.* (*Т.*)

§ 246. Особые случаи выражения категории времени. 1. Давнопрошедшее время. Форму прошедшего времени глаголов несовершенного вида с многократным значением (типа *сживал, певал, говаривал*) можно назвать давнопрошедшим временем. Давнопрошедшее время употребляется в том случае, когда говорят о повторяющемся действии, происходившем давно в течение неопределенного времени. В современном литературном языке эта форма непродуктивна, чаще она употреблялась в литературном языке XIX века, например: *Я* ***делывал*** *с ними грибные набеги...* (*Н.*) *И Наташа тем быстрым бегом, которым она* ***бегивала*** *в горелки, побежала по зале в переднюю.* (*Л. Т.*)

При наличии отрицания эта форма передает категоричность отрицания действия в прошлом: *Такой маленькой лошадки Гаврик еще никогда в жизни* ***не видывал.*** (*Катаев.*)

Эти формы не входят в современную видо-временную систему русского языка. Они известны лишь в форме прошедшего времени с суффиксом *-л,* нет соотносительных форм настоящего времени типа *сживаю* или будущего времени типа *буду сживать;* не имеют они и формы инфинитива.

2. Отглагольные формы, обозначающие мгновенное действие в прошлом. В разговорном русском языке употребляются формы: *глядь, хвать, прыг, щелк, стук, бряк, звяк, бух, шлеп, скок, миг, шмыг, бац, плюх, пих* и др. Акад. А. А. Шахматов называл их „мгновенным видом". В отличие от междометий указанные формы выполняют определенную синтаксическую функцию, являются сказуемыми. Они, помимо мгновенности, выражают временно́е значение, указывая мгновенное действие в прошлом, например: *Прямо яблочко летит... Пес как прыгнет, завизжит. Но царевна в обе руки —* ***хвать*** *— поймала.* (*П.*) *Легче тени Татьяна* ***прыг*** *в другие сени.* (*П.*) *Тихохонько медведя* ***толк*** *ногой.* (*Кр.*) *Что силы есть,* ***хвать*** *друга камнем в лоб!* (*Кр.*) *А ну, это хорошо — да и* ***верть*** *назад.* (*Т.*)

При известных синтаксических условиях междометные формы глагола могут синонимически замещать глагольные формы настоящего и будущего времени, например: *А слезы* ***кап-кап*** *— так и брызжут.* (*Леск.*) *На цыпочках пройдет он в спальню, бесшумно разденется —* ***бултых*** *в постель.* (*Ч.*)

Близка к рассмотренным выше формам другая форма прошедшего времени, обозначающая мгновенное прошедшее действие с оттенком внезапности. Эта форма омонимична форме повелительного наклонения единственного числа глаголов совершенного вида, но отличается от нее особой интонацией неожиданности, например: *Я пришел к нему записаться на курс, а он, вдруг,* ***возьми да пригласи*** *меня к себе на вечер.* (*Т.*) *Только вдруг она как* ***поскользнись,*** *да навзничь, да и* ***переломи*** *себе ногу.* (*Т.*) *А тут к беде еще беда:* ***случись*** *тогда несчастье.* (*Кр.*)

Подобные формы прошедшего времени образуются и от тех глаголов, от которых не образуется повелительное наклонение. Это прошедшее время может употребляться и безлично, например: *А ведь* ***покажись*** *мне сдуру-то, что ты хмельной приехал.* (*Остр.*)

Оба ряда прошедших форм: 1) типа *хвать, толк* и 2) типа *возьми, случись, переломи* и др. — акад. А. А. Шахматов возводит к разновидностям древнерусского аориста; эти формы, по мнению акад. А. А. Шахматова, до некоторой степени и восприняли функции аориста. Но многое в истории этих форм еще неясно.

3. Употребление форм времени с частицами *бывало* и *было.* Временны́е формы глагола, употребляясь с частицей *бывало,* выражают действие, обычное для отдаленного прошлого, например: *Бывало, писывала кровью она в альбомы нежных дев...* (*П.*) *Придет бывало и говорит: какая ваша жизнь, извозчики.* (*М. Г.*) *Так, бывало, и закричу в темноте.* (*Дост.*) *Бывало пройдет дождь, тогда сколько грибов появится в лесу.*

Форма прошедшего времени, употребляясь с частицей *было,* обозначает действие, которое могло совершиться, но не совершилось, или действие начавшееся, но прерванное другим действием, например: *Он хотел было пройти мимо... Она остановила его резким движением руки.* (*Т.*) *Я хотел было остаться дома, но не вытерпел.* (*Т.*)

Образование глаголов

§ 247. Типы глагольного словопроизводства. По характеру производящей основы глагольное словопроизводство делится на два типа: отыменное (от основ имени существительного, прилагательного и числительного) и внутриглагольное (от глагольных основ). Небольшую группу составляют глаголы, производные от междометий, местоимений и звукоподражательных слов.

В современном русском языке имеется три морфологических способа образования глаголов: префиксальный, суффиксальный и

суффиксально-префиксальный. Эти способы в различной мере продуктивны при отыменном и при внутриглагольном словообразовании.

§ 248. Образование глаголов от основ имен существительных и прилагательных. Основным способом образования глаголов от именных основ является суффиксация.

От основ имен существительных глаголы образуются при помощи следующих суффиксов:

1) *-а(ть)*. Этот суффикс присоединяется к непроизводным и производным основам на твердый и мягкий согласный, например: *обед — обедать, ужин — ужинать, козырь — козырять, завтрак — завтракать, свист — свистать, плотник — плотничать, сапожник — сапожничать, безобразник — безобразничать, модник — модничать* и др. Многие отыменные глаголы перестали осознаваться как производные от имен. К их числу относятся такие, как *делать, работать*. Суффикс *-а(ть)* продуктивен;

2) *-нича(ть)*, например: *слесарь — слесарничать, столяр — столярничать, лентяй — лентяйничать;* сюда же принадлежат глаголы *либеральничать, подхалимничать, попрошайничать, миндальничать* и др.

Хотя суффикс *-нича(ть)* по происхождению связан с именным суффиксом *-ник*, он в дальнейшем оторвался от него и характеризует специально глагольное образование. Суффикс *-нича(ть)* продуктивен;

3) *-ствова(ть)*, например: *усердие — усердствовать, здравие — здравствовать*. Суффикс непродуктивен;

4) суффикс *-ова(ть)* со своими вариантами *-ирова(ть), -изирова(ть), -изова(ть)*. При помощи суффикса *-ова- (-ева-)* производятся глаголы от бессуффиксных существительных и имен с суффиксом *-ство, -ствие*, например: *горе — горевать, риск — рисковать, воровать, плутовать, пировать, беседовать, бичевать, бороновать, кольцевать, пластовать, блаженство — блаженствовать, пьянство — пьянствовать, бедствие — бедствовать* и др. Суффикс *-ова(ть)* является продуктивным при образовании глаголов от основ, заимствованных из других языков, например: *митинговать — митинг, стартовать — старт, шаховать — шах, коксовать, кантовать, комплектовать, формовать, конфликтовать* и многие другие глаголы.

Суффикс *-ирова(ть)* восходит по своему происхождению к немецкому суффиксу *-ieren*. Отдельные глаголы с этим суффиксом вошли в русский язык еще в XVIII веке, но живым стал этот суффикс лишь к середине XIX века.

В некоторых случаях эти глаголы не соотносятся с существительными (ср. *парировать, превалировать*), но чаще они соотносятся с именами существительными, как бессуффиксными, так и с различными суффиксами.

От иноязычных слов производятся глаголы этого словообразовательного типа, относящиеся к различным сферам деятельности, например: *пилотировать — пилот, моделировать — модель, режиссировать, галопировать, финишировать, радировать, телеграфировать, фотографировать* и др.

Глаголы с суффиксом *-ирова(ть)* могут быть несоотносительны с непроизводными основами, но соотносятся с именами существительными, включающими различные суффиксы: *-ация, -енция, -ция, -ер, -ант(-янт), -ент, -ист, -атор*, например: *администрировать — администрация, корреспондировать — корреспонденция, боксировать — боксер, демонстрировать — демонстрант, спекулировать — спекулянт, реферировать — референт, стенографировать — стенографистка, аккомпанировать — аккомпаниатор*.

Глаголы с суффиксом *-изирова(ть)* составляют сравнительно небольшую группу. По своему происхождению этот суффикс восходит к немецкому *-izieren*. Большинство глаголов с суффиксом *-изирова(ть)* соотносится с производными именами с суффиксами *-изация*. Сюда относятся глаголы: *иронизировать — ирония, этимологизировать — этимологизация, солидаризироваться — солидаризация, автоматизировать, витаминизировать* и др.;

5) суффикс *-и(ть)*. Он образует глаголы от основ имен существительных, особенно бессуффиксных, например: *пыль — пылить, мыло — мылить, рыбачить, судить, хвалить* и т. д.;

6) суффикс *-е(ть)*. Он образует глаголы от основ существительных, например: *зверь — звереть, камень — каменеть, советь, дуреть, балдеть* и др.

При помощи суффиксов *-и(ть)* и *-е(ть)* образуются глаголы и от основ имен прилагательных. Это образование продуктивно. Глаголы на *-и(ть)* от основ имен прилагательных имеют значение: „делать таким, как обозначает основа имени прилагательного“, например: *белить, темнить, зеленить, светлить, слепить, глушить, серебрить, золотить, синить, чернить* и др. Все эти глаголы переходные.

Глаголы с суффиксом *-е(ть)* имеют значение „становиться таким, каким обозначает основа имени прилагательного“, например: *хорошеть, бледнеть, желтеть, зеленеть, богатеть, свирепеть, краснеть, белеть* и др. Эти глаголы непереходные.

В современном русском языке имеет место суффиксально-префиксальное образование глаголов от именных основ. Такой комбинированный способ глагольного словопроизводства известен с суффиксами *-и(ть)* и *-е(ть)* и префиксами, например: *разбазарить, заземлить*. Часто таким префиксом является *обез-: обезлошадить, обессилить, обеспамятеть, обезлюдеть, обесцветить, обесплодить, обесценить, обезболить, обескровить, обезвредить* и т. д.

§ 249. Образование глаголов от других частей речи. От других частей речи, кроме существительных и прилагательных, производство глаголов распространено значительно меньше. Так, имеются глаголы, которые образованы от наречий, например: *иначе — переиначить, так — стакнуться*.

Глаголы образуются от основ собирательных числительных, например: *удвоить, утроить, учетверить, удесятерить* (от числительных — *двое, трое, четверо, десятеро*).

От местоимений, междометий и звукоподражательных слов глаголы образуются с суффиксами *-а(ть), -ка(ть)*, например: *я-кать, ты-кать, ах-ать, ох-ать, ух-ать, бах-ать, хихи-кать* и др.

§ 250. Внутриглагольное словообразование. Внутриглагольное словообразование тесно связано с глагольным формообразованием. Во многих случаях бывает трудно отличить глагольное словообразование от глагольного формообразования. Но выделяются и несомненные примеры глагольного словопроизводства.

1. Префиксация. Продуктивным способом внутриглагольного словопроизводства является префиксация. Префиксы, присоединяемые к глагольной основе при словообразовании, обязательно придают новому глаголу дополнительное лексическое значение. Например, от глагола *писать* можно образовать глаголы *переписать, списать, подписать, надписать, дописать, расписать, недописать, приписать, прописать;* от глагола *строить — перестроить, достроить, состроить, подстроить, надстроить, недостроить, пристроить;* от глагола *делать — переделать, доделать, подделать, недоделать, приделать, проделать* и др.

Префиксальный способ является очень продуктивным при глагольном словопроизводстве. От каждого бесприставочного глагола можно образовать ряд новых глаголов с приставками.

2. Суффиксально-префиксальный способ. Суффиксально-префиксальный способ внутриглагольного словопроизводства менее продуктивен, чем префиксальный. При глагольном словообразовании используется суффикс *-ыва- (-ива-)* в сочетании с приставками: *при-, по-, под-* и другими, например: *прыгать — подпрыгивать, лежать — полеживать, стучать — постукивать, плясать — приплясывать.*

Примыкает к этому способу образование глаголов при помощи префикса и частицы *-ся*, например: *будить — добудиться, кричать — докричаться, звонить — дозвониться, лгать — изолгаться, кричать — накричаться, сидеть — насидеться, кликнуть — откликнуться, молвить — перемолвиться.*

ПРИЧАСТИЕ

§ 251. Общее понятие о причастии. Причастие является такой формой глагола, которая сочетает признаки глагола и признаки имени прилагательного.

Причастие входит в систему форм глагола, образуя неспрягаемые формы глагола, поэтому оно не имеет категории наклонения и лица.

Как и спрягаемые формы глагола, причастие обладает категориями залога, вида и времени.

Категория залога у причастий представлена формами действительного, страдательного и средне-возвратного залога. Залоговые различия связаны с различными суффиксами причастий, причастия средне-возвратного залога имеют частицу *-ся*, например: *пишущий ученик, написанная книга, любующийся морем человек; мальчик, разбивший стакан, разбитый стакан, разбившийся стакан.*

В отличие от спрягаемых форм глагола причастия действительного залога образуются как от переходных глаголов (*читать книгу — читающий книгу*), так и от непереходных (*мальчик бежит — бегущий мальчик*).

Различаются причастия совершенного и несовершенного вида, причем причастие сохраняет вид того глагола, от которого оно образовано, например: *делать — делающий* (несов. вид); *сделать — сделавший* (сов. вид); *переписать — переписавший* (сов. вид); *переписывать — переписывающий* (несов. вид).

Причастие имеет два времени: настоящее и прошедшее. Формы настоящего и прошедшего времени имеет причастие несовершенного вида, причастие совершенного вида имеет лишь формы прошедшего времени, например: *пишущий* и *писавший ученик*, но *ученик, написавший сочинение.*

Кроме этих основных грамматических категорий, которые делают причастие формой глагола, причастие имеет категории, общие с именами прилагательными. Как и имя прилагательное, причастие характеризуется категориями рода, числа и падежа, которые и у причастий являются формами согласования причастий с существительными, например: *читающий ученик, читающая ученица, читающие ученики, читающим учеником, читающих учеников* и т. д.

Подобно именам прилагательным качественного значения, страдательные причастия образуют полные и краткие формы. Краткие формы страдательных причастий в предложении являются только сказуемыми, поэтому они изменяются лишь по родам и числам и не изменяются по падежам, например: *деревья окопаны, рожь сжата, картофель убран, сено скошено* и др.

§ 252. Образование причастий настоящего времени. Причастия настоящего времени действительного и страдательного залога образуются от основы настоящего времени глагола.

Причастия действительного залога, а также причастия средне-возвратного залога образуются при помощи суффиксов *-ущ- (-ющ-), -ащ- (-ящ-)*. Суффикс *-ущ- (-ющ-)* присоединяется к основе глагола I спряжения на твердый, мягкий согласный или *-j*, суффикс *-ащ- (-ящ-)* присоединяется к основе глагола II спряжения на твердый, мягкий согласный или *-j*, например: *делаj-ущ-ий (делающий), жи-в-ущ-ий (живущий), кол'-ущ-ий (колющий), лежащ-ий (лежащий), дав'-ащ-ий (давящий), строj-ащ-ий (строящий).*

Причастия средне-возвратного залога образуются от средне-возвратных глаголов, например: *томиться — томящийся, радоваться —*

радующийся. Они отличаются от соответствующих причастий действительного залога наличием частицы *-ся: строящий — строящийся*.

Суффиксы *-ущ- (-ющ-)* и *-ащ-(-ящ-)* в русском языке по происхождению являются старославянскими.

Причастия страдательного залога образуются при помощи суффиксов *-ом-, -ем-* от глаголов I спряжения и при помощи суффикса *-им-* от глаголов II спряжения, например: *нес-ом-ый (несомый), читаj-ем-ый (читаемый), люб-им-ый (любимый)*. Причастия с суффиксом *-ом*, которому предшествует твердый согласный, в современном языке малочисленны и свойственны книжной речи.

Страдательные причастия настоящего времени в современном русском языке образуются лишь от переходных глаголов следующих групп: 1) от глаголов несовершенного вида на *-а(ть), -ва(ть)*, например: *читать — читаемый, насаждать — насаждаемый, выполнять — выполняемый, давать — даваемый* и др.; 2) от глаголов на *-ыва(ть) — -ива(ть)*, например: *подписывать — подписываемый, разыскивать — разыскиваемый, усиливать — усиливаемый* и др.; 3) от бесприставочных глаголов несовершенного вида III класса, например: *организовать — организуемый, рекомендовать — рекомендуемый* и др.; 4) от небольшой группы глаголов движения, главным образом приставочных, например: *привозить — привозимый, приносить — приносимый*.

Изолированно стоит причастие *движимый*, образованное от устарелых форм *движу, движешь* (по типу причастий от глаголов II спряжения).

От непереходных глаголов страдательные причастия, как правило, не образуются. Однако в литературном языке имеются единичные страдательные причастия, образованные или от непереходных глаголов, ранее бывших переходными, или от косвенно-переходных глаголов, например: *угрожаемый, командуемый, предшествуемый* и некоторые другие.

Краткие формы страдательных причастий настоящего времени, являясь по происхождению книжными, не употребительны в устной речи; в письменно-литературной речи они изредка встречаются, например: *Нами ты была* ***любима*** *и для милого* ***хранима.*** *(П.) Все это не ново и было* ***высказываемо*** *много раз нами и не нами, но в общее сознание не перешло. (Герц.)*

§ 253. Образование причастий прошедшего времени. Причастия прошедшего времени действительного и страдательного залога образуются от основы инфинитива глагола.

Причастия действительного залога от глаголов с основой на гласный образуются при помощи суффикса *-вш-*, от глаголов с основой на согласный — при помощи суффикса *-ш-*, например: *дела(ть) — дела-вш-ий (делавший), нес(ти) — нес-ш-ий (несший)*.

Формы причастия ряда глаголов образуются от древнейшей основы (до эпохи изменения групп согласных). Эту основу можно определить при сопоставлении основы инфинитива и основы настоящего времени. Сюда относятся глаголы: 1) с основой настоящего времени на зубные: *цвету — цвести — цвет-ш-ий; веду — вести — вед-ш-ий*; 2) с основой настоящего времени на заднеязычные: *берегу — беречь — берег-ш-ий, пеку — печь — пек-ш-ий*; 3) с основой настоящего времени на губной *-б: гребу — грести — греб-ш-ий*.

Глаголы непродуктивного класса с суффиксом *-ну-* утрачивают этот суффикс при образовании причастий: *мокнуть — мок-ш-ий, увянуть — увяд-ш-ий*.

Причастия страдательного залога прошедшего времени образуются при помощи суффиксов *-н(н)-, -ен(н-), -т-*. Суффикс *-н(н-)* участвует в образовании причастий от многих глаголов продуктивных и непродуктивных классов с основой на гласные, например: *прочита(ть) — прочита-нн-ый, увиде(ть) — увиде-нн-ый, позва(ть) — позва-нн-ый*.

Суффикс *-ен(н-)* образует причастия от глаголов ряда непродуктивных классов, например: *мочи(ть) — моч-енн-ый, куп(ить) — купл-енн-ый, испек — испеч-енн-ый, принес — принес-енн-ый*.

При помощи суффикса *-т-* образуются причастия от глаголов большинства непродуктивных классов с основой на гласный, например: *двину(ть) — двину-т-ый, моло(ть) — моло-т-ый, ду(ть) — ду-т-ый, кры(ть) — кры-т-ый, мы(ть) — мы-т-ый* и др.

Причастия на *-н-(-нн-, -енн-)* различают суффиксы кратких и полных форм. В полных формах суффикс имеет двойное *н (нн)*, а в кратких — одно *н*.

§ 254. Категория времени у причастий. Как уже было сказано, причастия сохраняют вид производящего глагола. Причастия имеют формы настоящего и прошедшего времени, у них нет форм будущего времени. Характеристика времени у причастий связана с их синтаксической функцией и различается у полных и кратких причастий.

Полные причастия употребляются по преимуществу в функции определения и имеют относительную форму времени, т. е. их время определяет действие по отношению к глагольному сказуемому.

Причастие настоящего времени выражает одновременность действий, обозначенных причастием и глаголом, например: ***Подрезаемая*** *с сочным звуком и пряно* ***пахнущая*** *трава* ***ложилась*** *высокими рядами;* или: ***Подрезаемая*** *с сочным звуком и пряно* ***пахнущая*** *трава* ***ложится*** *высокими рядами. Сергей* ***любовался*** *конским табуном,* ***идущим*** *к водопою. Сергей* ***любуется*** *конским табуном,* ***идущим*** *к водопою.* Здесь причастия настоящего времени ясно имеют относительные формы времени.

Причастие прошедшего времени совершенного вида обозначает действие, предшествующее действию, выраженному глаголом. Еще чаще такое причастие обозначает действие, результат которого относится ко времени, выраженному глаголом, например: ***Порыжел,*** ***пожух*** *папоротник,* ***затоптанный*** *и* ***смятый*** *мужиками,*

сели они на нем тесной кучей. (М. Г.) Когда они проехали лес, все внимание его ***поглотилось*** *видом парового поля на бугре, где желтеющего травой, где* ***сбитого*** *и* ***изрезанного*** *клетками, где* ***увяленного*** *кучами, а где и* ***вспаханного.*** *(Л. Т.)*

Причастие прошедшего времени несовершенного вида также может выражать действие, предшествовавшее действию, выраженному глаголом, например: ***Говорит*** *человек,* ***выступавший*** *вчера на собрании.* Но в сочетании с прошедшим временем глагола это причастие может выражать и действие, одновременное с действием, обозначенным глаголом, например: ***Бегавший*** *мальчик* ***скрылся*** *за поворотом.*

Однако причастие может иметь и абсолютную форму времени, например: *Уже вечерело, солнце скрылось за небольшую осиновую рощу,* ***лежавшую*** *в полверсте от сада ... (Т.)* Причастие *лежавшую* имеет абсолютную форму времени.

Краткие формы известны от страдательных причастий. Широко распространенной, живой формой является лишь краткая форма от страдательного причастия прошедшего времени. Основная функция этих причастий — быть сказуемым в предложении. Как сказуемые они сочетаются со связкой в прошедшем и будущем времени *был* и *буду*; показателем настоящего времени является нулевая связка.

Страдательное причастие прошедшего времени в сочетании с нулевой связкой выражает отнесенный к настоящему времени результат действия, совершенного в прошлом, например: *письмо написано, дом построен, яма выкопана* и др.

Сочетание же страдательного причастия прошедшего времени со связкой в прошедшем времени указывает на действие, полностью отнесенное к прошлому, например: *письмо было написано, дом был построен, яма была выкопана* и др.

§ 255. Переход причастий в прилагательные. Причастия могут терять грамматические глагольные признаки: вид, время, залог. Утрачивая видовые, временны́е и залоговые значения, причастия переходят в прилагательные; становясь прилагательными, причастия утрачивают и способность глагольного управления.

Не все причастия одинаково способны к процессу окачествления.

1) Причастия средне-возвратного залога с частицей *-ся,* а также причастия действительного залога на *-вший* редко переходят в прилагательные.

2) Качественные значения чаще всего развиваются у причастий прошедшего времени действительного залога на *-ший,* образованных от основ непереходных глаголов совершенного вида, например: *обрюзгший, иссохший, опухший, раскисший* и др.

Легко переходят в прилагательные причастия настоящего времени действительного залога, например: *блестящие способности, волнующий голос, умоляющий вид, угрожающее положение, ласкающий голос, раздражающий тон* и др.

Гораздо шире имеет место процесс окачествления страдательных причастий, причем причастия на *-нный* и *-тый* легче переходят в прилагательные, чем причастия на *-мый.*

Страдательные причастия на *-нный* и *-тый* от основ совершенного вида в современном русском языке широко входят в грамматическую систему имен прилагательных. Многие из них совсем утрачивают связь с глаголом.

Можно привести многие факты полного перехода страдательных причастий в прилагательные, потери ими глагольных признаков, например: *сдержанный характер, изысканный вкус, сплюснутый нос, потрепанная внешность, натянутые отношения, начитанный студент, заслуженный артист, надтреснутый голос* и многие другие.

Во многих случаях разрыв между качественным и глагольным значением формы причастия настолько велик, что приходится говорить о двух разных словах, об омонимах, например: *избитый кем-то человек* и *избитая истина; сложенное в скирд сено* и *хорошо сложенный человек* и др.

Средством различения омонимов в литературном языке XIX века служило ударение, например: *уни́женный* (причастие) — *унижённый* (прилагательное); *прибли́женный* (причастие) — *приближённый* (прилагательное); *пре́зренный* (причастие) — *презре́нный* (прилагательное). Такую роль выполняет иногда сейчас наличие фонемы [е] или ['о] под ударением; например: *совершённый вид* и *проступок, совершенный кем-либо.*

Окачествленное причастие может в отдельных случаях переходить в имя существительное: ***Учащиеся*** *всех классов выдержали экзамены.* ***Трудящиеся*** *всех стран борются за мир.*

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

§ 256. Общее понятие о деепричастии. Деепричастие — неизменяемая форма глагола, объединяющая свойства глагола и наречия. Деепричастие входит в систему форм глагола потому, что имеет грамматические категории вида и залога, а в предложении сохраняет глагольное управление, например: *брать книгу* и *беря книгу, взять книгу* и *взяв книгу; подойти к столу* и *подойдя к столу* и т. п.

Различаются деепричастия несовершенного и совершенного вида. Различие в залоге имеют деепричастия, образованные от переходных глаголов. Эти деепричастия могут быть действительного или средне-возвратного залога, причем форма последнего отличается наличием возвратной частицы *-ся (-сь),* например: *взявши — взявшись, беря — берясь, делая — делаясь, сделавши — сделавшись* и т. д.

Деепричастие объединяется с наречием отсутствием форм словоизменения и тем, что в предложении оно, как и наречие, примыкает к глаголу.

Деепричастия в предложении выражают:

1) обстоятельство образа действия: *Она сидела* ***сгорбившись****. Он шел, сильно* ***наклонившись*** *вперед;*

2) побочное действие, сопутствующее основному действию; в этом случае деепричастие является второстепенным сказуемым: *Он улегся рядом со спящим,* ***любуясь*** *звездным небом. Ярко улыбалось безоблачное небо,* ***изливая*** *жгучий зной, спокойно* ***слушая*** *мятежный шум мутных волн. (М. Г.)*

При утрате глагольных признаков вида и залога деепричастие может перейти в наречие.

§ 257. Деепричастие несовершенного вида. Деепричастия несовершенного вида образуются от основы настоящего времени глагола (в форме 3-го лица множественного числа) при помощи суффикса *-а (-я)*, например: *кричат — крича, гремят — гремя, играют — играя, стучат — стуча, везут — везя* и др.

Деепричастия от глаголов *знавать, давать, создавать* и образованных от них приставочных глаголов, а также от глаголов со связанной основой *-ставать* образуются посредством суффикса *-я* от основы инфинитива, например: *создавать — создавая, признавать — признавая, заставать — заставая* и др.

Деепричастия несовершенного вида могут образовываться не от всех глаголов несовершенного вида. Так, глаголы с односложной основой на *-а* в инфинитиве (*брать — беру, знать — зову* и др.), глаголы с односложной основой инфинитива на *-а*, чередующейся с носовыми согласными в форме настоящего времени (*мять — мну, жать — жну* и др.), с односложной основой на *-и* (*бить, вить* и т. п.), с основами на *-к, -г* (*мочь, печь* и т. п.), все глаголы на *-нуть* непродуктивного класса (*вянуть* и т. д.) и некоторые другие глаголы деепричастий не образуют.

Деепричастия на *-а (-я)* от основ несовершенного вида не имеют форм времени, т. е. морфологически не выражают временных оттенков, они выражают только видовые и залоговые значения. В предложении вневременность деепричастия понимается как одновременность с действием, обозначенным глаголом-сказуемым, например: *В постели* ***лежа****, Вальтер Скотта глазами пробегает он. (П.) Трава пошла мягче, и Левин,* ***слушая****, но не* ***отвечая*** *и* ***стараясь*** *косить как можно лучше, шел за Титом. (Л. Т.)*

Второстепенное сказуемое, выраженное деепричастием несовершенного вида, может обозначать и действие, предшествующее основному: ***Вставая*** *на рассвете, она спускалась в кухню и вместе с кухаркой готовила закуску к чаю. (М. Г.)*

Деепричастия несовершенного вида могут иметь суффикс *-учи (-ючи)*, но эти деепричастия, за исключением *будучи*, не имеют распространения в современном русском языке. Они воспринимаются как архаизмы или как средство стилизации под народную речь, например: *Ждет-пождет с утра до ночи, смотрит в поле, инда очи разболелись* ***глядючи****, с белой зори до ночи. (П.)*

В произведениях писателей XIX века встречаются деепричастия несовершенного вида с суффиксами *-ши, -в* и *-вши*, совсем неупотребительные в современном живом языке. Такие деепричастия были возможны лишь при глаголе-сказуемом в прошедшем времени (по преимуществу с отрицанием), например: *Но Ленский,* ***не имев****, конечно, охоты узы брака несть, с Онегиным желал сердечно знакомство покороче свесть. (П.)* ***Не быв*** *никогда человеком очень большого света, он всегда водился с людьми этого круга... (Л. Т.)*

§ 258. Деепричастия совершенного вида. От основ инфинитива или прошедшего времени глаголов совершенного вида образуются три формы деепричастий: 1) с суффиксом *-в, -вши* — от основ на гласный, например: *купить — купив, купивши; упасть — упав, упавши; дать — дав, давши;* 2) с суффиксом *-ши* — от основ на согласные (*г, к, з, с* и *р*), например: *испечь — испекши, изнемочь — изнемогши, запереться — запершись* и др.; 3) с суффиксом *-я* и чередованием согласных (t || t') в конце основы — от основ на согласный, кроме заднеязычных; например: *обрести — обретя, отвезти — отвезя, пройти — пройдя, пронести — пронеся, увести — уведя.*

В русском литературном языке XIX века деепричастия совершенного вида с суффиксом *-я* были более употребительны. Могли быть параллельные формы деепричастий совершенного вида: с суффиксом *-я* и суффиксом *-в, -вши*, например: *прочтя* и *прочитав, понуря* и *понурив, потупя* и *потупив, заметя* и *заметив, наскуча* и *наскучив* и т. д.

Многие из этих деепричастий совершенного вида на *-я* перестали быть живыми формами и сохранились лишь в устойчивых фразеологических оборотах, например: *работать спустя рукава, бежать сломя голову, согласиться скрепя сердце, слушать разиня рот* и т. п.

Наблюдаются колебания при образовании деепричастий от глаголов непродуктивного класса на *-нуть* (*высохнуть, оглохнуть* и др.). Деепричастия от этих глаголов могут быть произведены от основы с сохранением суффикса *-ну-* при помощи *-в, -вши*, например: *высохнув, высохнувши, оглохнув, оглохнувши, намокнув, намокнувши* и др., и при помощи суффикса *-ши* от основы без *-ну-*, например: *высохши, намокши* и др.

Деепричастия совершенного вида в предложении выражают побочное действие, предшествующее действию, обозначенному глаголом-сказуемым, например: *Цыганы же, свои шатры* ***разбив*** *близ наших у горы, две ночи вместе ночевали. (П.)* ***Проснувшись*** *на ранней заре, Левин попробовал будить товарищей. (Л. Т.)*

Деепричастия совершенного вида могут обозначать иногда и одновременное или непосредственно следующее за главным действие, например: ***Скрестивши*** *могучие руки, главу* ***опустивши*** *на грудь, идет и к рулю он садится и быстро пускается в путь. (Л.)* ***Облокотясь****, Татьяна пишет. (П.) Он зажег серную спичку,* ***осветив*** *синим огнем свое лицо... (М. Г.)*

§ 259. Адвербиализация деепричастий. Деепричастия, теряя глагольные признаки, переходят в класс наречий. Процесс адвербиализации деепричастий более активно протекает среди форм несовершенного вида.

Адвербиализованные наречия, утратив значение вида и залога, перестают обозначать сопутствующее действие и выступают как определительные слова к сказуемому-глаголу, например: *читать лежа, сидеть молча, разговаривать нехотя, делать что-нибудь походя.*

НАРЕЧИЕ

§ 260. Наречие как часть речи. Разряды наречий. Наречие представляет собой разряд неизменяемых слов, выражающих признак действия, состояния или степени качества, а также различные обстоятельства, при которых совершается действие.

Не обладая формами склонения или спряжения, наречия могут лишь примыкать к другим частям речи: к глаголу, прилагательному, имени существительному, категории состояния, наречию.

В словообразовательном отношении для наречия характерна его богатая соотносительность с другими частями речи.

По своему значению наречия неоднородны. Они делятся на две основные группы: определительные и обстоятельственные.

К первой группе относятся наречия, обозначающие качественные и количественные оттенки действия, его образ и способ, например: *Сырую кость он грыз и* ***весело*** *визжал, то взор кровавый устремлял, мотая* ***ласково*** *хвостом. (Л.)* Определительные наречия делятся на: 1) наречия качества, 2) количества и меры, 3) образа и способа действия.

Ко второй группе относятся наречия, обозначающие обстоятельства времени и места, при которых совершается действие, и обстоятельства, выражающие причину и цель действия, например: *Уж не бывать той ночи* ***вновь,*** *когда спокойное сиянье твоих таинственных лучей сквозь темный ясень проницало. (П.)* Эта группа наречий делится на наречия времени, места, цели и причины.

§ 261. Определительные наречия. 1. Определительные качественные наречия характеризуют действие или состояние с качественной стороны и отвечают на вопрос как?, например: *весело, сладко, грустно, четко, ярко, тускло* и др. *Соня повторяла ее слова, но в устах девочки они звучали по-новому,—* ***молодо, задорно, убежденно.*** *(Гл.)* ***Синевато*** *мерцали запорошенные снегом окна. (Гл.) Князь* ***тихо*** *на череп коня наступил. (П.)*

2. Определительные количественые наречия определяют меру и количество действия, степень его интенсивности, а также меру качества, заключенного в предметах. Они отвечают на вопросы сколько? как много? до какой степени? Количественные наречия могут выступать: а) с оттенком усиления, например: *весьма, страшно, удивительно, исключительно, слишком, чересчур, крайне* и др. *Дорога раскисла, машина забуксовала и потом* ***совсем*** *застряла. (Федоров.) Первые дни войны* ***были особенно*** *напряженными.* (Он же.) *Всегда было* ***удивительно*** *интересно слушать его речи. (М. Г.);* б) с оттенком ослабления, например: *едва-едва, чуть-чуть, почти, капельку, несколько, крошечку* и др. *Он рассказал все это, как всегда — торопливо, но* ***несколько*** *смущенно. (М. Г.) Алеша и Мишка лежали около* ***чуть*** *теплой печки. (А. Н. Т.) В замерзшем окошке* ***чуть-чуть*** *дребезжало стеклышко. (А. Н. Т.)*

Наречия, обозначающие степень интенсивности действия или его предел, близки по значению к наречиям качества: *дотла, досыта, вволю, вдоволь, крепко-накрепко* и др.; например: *Старый сюртук,* ***туго-натуго*** *подпоясанный кушаком. (Л. Т.) Быков спал недолго. Вдруг качнулось из забытия что-то* ***донельзя*** *знакомое и родное. (Саян.)*

Наречия меры определяют процесс как с качественной стороны, так и с количественной, например: ***Далеко*** *в лесу раздалась та песнь.* ***Глубоко*** *в душе красной девицы отозвалась она. (Кольц.)*

3. Определительные наречия образа и способа действия характеризуют то, как совершается действие; они и отвечают на вопросы как? каким образом? каким способом?, например: *вдребезги, взапуски, вполголоса, втихомолку, плашмя, наизнанку, наизусть, назубок* и др. *Столяр посмотрел на Миронова, усмехнулся и* ***вполголоса*** *заговорил. (М. Г.) Мое сердце . . . кому какая нужда знать о том, что в нем происходило. Выставлять это* ***напоказ*** *мне всегда казалось святотатством. (Т.)*

Обозначают способ действия также и наречия сравнительно-уподобительные, которые обычно образуются или от имен прилагательных с предлогом *по* (*по-большевистски, по-людски, по-хорошему, по-волчьи, по-кошачьи* и др.), или от имен существительных в творительном падеже (*торчком, стрелой, горой, столбом*), например: *Солнце грело* ***по-летнему.*** *(Ч.) Зашептала она* ***скороговоркой.*** *(Ч.) Снежная пыль* ***столбом*** *стоит в воздухе. (Горб.)*

К этой же группе наречий образа и способа действия относятся и наречия, обозначающие совместность действия или действие в одиночку, например: *вдвоем, впятером, рядами, повзводно, поодиночке, надвое, натрое, вдвое, втрое* и др. *Солдаты стали перебегать* ***подвое*** *и* ***поодиночке*** *до следующей канавы. (А. Н. Т.)*

§ 262. Обстоятельственные наречия. 1. Наречия времени обозначают время, в которое совершается действие, и отвечают на вопросы когда? с каких пор? до каких пор?, например: *теперь, вчера, ночью, утром, зимой, весной, скоро, сейчас, сегодня, тотчас; исстари, издавна, искони, смолоду, вперед* и др.

В колонии ***вечером*** *была утомительная тишина. (Мак.) Мой конь и* ***доныне*** *носил бы меня. (П.)*

2. Наречия места обозначают место, где совершается действие, или указывают направление движения предметов. Наречия места при глаголах, обозначающих пребывание и нахождение, отвечают на вопрос где? при глаголах движения — на вопросы: куда? откуда? докуда?, например: *около, далеко, назади, спереди, дома, внизу, издалека, там, тут, везде, всюду; домой, вниз, вверх, взад, влево, вправо, вдаль, дотуда, досюда* и др. *Бомбежка, очевидно, была впустую: даже воронки* ***нигде*** *не оказалось. (Гл.) Сабуров двинулся вслед за ним. Они не спустились в блиндаж, а сели на корточки рядом, у выступа стены,* ***где*** *была дежурка. (Сим.) Но если выехать из ваших ворот, это будет* ***направо*** *или* ***налево?*** *(Г.)*

Часто наречия времени и места выражаются одними и теми же словами, например: ***Тут*** *она заплакала и ушла от меня. (П.) А* ***там****, со временем, я уверен, мы умолим отца моего. (П.) А* ***впереди*** *ждут тебя поцелуи да ласки. (М. Г.)*

Наречия *тут, там, впереди* являются наречиями места, но у Пушкина и Горького употреблены в значении временно́м.

3. Наречия причины обозначают причину, в силу которой протекает или совершается действие, и отвечают на вопросы почему? отчего?, например: *спьяна, сдуру, спроста, сгоряча, сослепу, даром, поневоле* и др. *Московский Пушкарь дорожил „Государственным ядром“ —* ***зря, попусту*** *не хотел тратить снаряды. (Кост.)*

4. Наречия цели обозначают цель, для которой совершается действие, и отвечают на вопросы для чего? зачем? для какой цели? Они представляют собой как слова местоименного происхождения, так и именного (от прилагательных и существительных), например: *затем, зачем; нарочно, нарочито, невзначай, назло* и не́которые другие. *Подумаешь, что издательница „Звездочки“ и „Луча“* ***нарочито*** *печатает подобные стихи. (Добр.) А он его будто* ***невзначай*** *пнул ногой в грязь. (М. Г.)*

§ 263. Морфологические признаки наречия. Первым и главным признаком наречия является его неизменяемость (лишь качественные наречия изменяются по степеням сравнения). Вторым признаком наречия являются особые, присущие только наречию суффиксы.

Образованные от качественных прилагательных наречия имеют суффикс *-о, -е,* например: *молчалив-о, неуклюж-е, певуч-е, вызывающ-е;* от прилагательных на *-ский, -цкий* — суффикс *-и,* например: *дружеск-и, пролетарск-и* (с приставкой *по-* или без нее, например: *братски — по-братски*), от относительно-притяжательных прилагательных на *-ий, -ья, -ье* — суффикс *-j-* и приставку *по-,* например: *по-человечьи, по-медвежьи;* от местоимений и прилагательных — приставку *по-* и суффикс *-ому (ему): по-моему, по-новому, по-прежнему* и т. д.

Третьим признаком наречия является словообразовательная соотносительность со всеми основными классами изменяемых слов. Эта соотносительность проливает свет на происхождение и образование наречий (см. § 266 и след.).

§ 264. Синтаксические функции наречий. Главная функция наречий — выражать обстоятельство: времени, места, цели, причины. В традиционной школьной грамматике как обстоятельственные трактуются также наречия образа и способа действия. Однако наречия образа и способа действия лучше относить к определительным наречиям, так как они определяют характер самого действия, а не его обстоятельств.

Наречие может выполнять и другие синтаксические функции: быть подлежащим, дополнением, сказуемым и определением, например: *Твое* ***завтра*** *начинает меня раздражать* (подлежащее), *Новое пальто* ***впору*** (сказуемое); *Он снова услышал его обычное* ***„зря“*** (дополнение); *Подали кофе* ***по-турецки*** (определение). Подлежащим и дополнением наречие может быть только при субстантивации.

Синтаксические связи наречия с другими частями речи очень разнообразны и многосторонни.

Наречие как обстоятельственное слово относится чаще всего к сказуемому. Поскольку в качестве сказуемого обычно выступает глагол, то наречие часто сочетается с глаголами в личной форме, например: *Возвращение Корчагина в мастерские Цветаев встретил* ***настороженно.*** *(Н. О.)* Наречия могут сочетаться и с неличными (неспрягаемыми) формами глагола, например с причастием: *С* ***сильно*** *бьющимся сердцем Никита вбежал в дом. (Ю. Б.),* с деепричастием: ***Весело*** *переговариваясь, они пошли между кактусами. (А. Н. Т.),* с инфинитивом: *Небось надоело спать* ***по-походному.*** *(Баб.)*

Однако в зависимости от своего значения наречие может относиться и к другим частям речи, а именно: к прилагательным: *И в эти* ***морозно*** *жгучие дни и ночи завод строил новые цехи. (Гл.) Все это соединилось с выражением его глаз, которые сделались* ***очень*** *похожими на глаза убитого теленка. (Писем.);* к наречиям: *Десять лет прошло таким образом, бесцветно, бесплодно и быстро,* ***страшно*** *быстро. (Т). Пахло* ***пьяняще*** *приятно. (Гл.);* к категории состояния: *Было уже* ***совсем*** *темно. (Ю. Б.)*

Изредка наречие относится к имени существительному. Такое сочетание возможно, например, тогда, когда существительным обозначается какое-либо качество: *На словах он* ***очень*** *не дурак... (Писем.),* действие (состояние): *Лучший кусок сукна был назначен наградою победителю за бег* ***взапуски.*** *(П.)*

§ 265. Степени сравнения наречий. 1. Наречия на *-о* и на *е,* образованные от качественных имен прилагательных, образуют формы степеней сравнения, совпадающие по образованию с формами степеней сравнения у имен прилагательных. Эти степени

сравнения образуются посредством суффиксов *-ее (-ей), -ше, -е* (см. § 188). Только разные синтаксические функции различают эти грамматические омонимичные категории сравнительной степени прилагательного и сравнительной степени наречия: сравнительная степень наречия относится к глаголу и определяет его, а сравнительная степень прилагательного относится к существительному, например: *Мой платок* ***белее*** *твоего* (сравн. степень прилагательного); *Она выкрасила ставни дома* ***белее,*** *чем ты* (сравнительная степень наречия).

Наречия в сравнительной степени, образованные посредством суффикса *-е* (например: *боле, мене, дале*), устарели и заменяются формами сравнительной степени с суффиксом *-ее,* т. е. *более, менее, далее.* Но у Пушкина и Лермонтова довольно часто встречаются и старые формы на *-е*, например: *Нет, отдохни* ***подоле*** *здесь. (Л.) Обедать ждет меня сестра, а то б осталась с вами* ***доле.*** *(Л.)*

Кроме синтетической формы сравнительной степени наречий, имеется и аналитическая форма, представляющая собой сочетание наречия на *-о, -е* и наречия сравнительной степени *более: более внимательно, более трудно,* например: *Голос ее звучал все* ***более оживленно.***

2. Формы наречий превосходной степени, образованные от прилагательных превосходной степени на *-ейш(ий), -айш(ий),* малопродуктивны, они образуются посредством суффикса *-е,* например: *покорнейше, подробнейше, малейше, нижайше, почтеннейше* и др. В современном языке эти формы неупотребительны, кроме случаев использования в особых стилистических целях, например: ***Наипочтительнейше*** *стаскивал с плеч своего племянника драповое пальто. (А. К.)* Значение же превосходной степени в наречии в настоящее время выражается аналитически, например: *Он пишет* ***лучше всех.***

3. Некоторые наречия имеют двоякие формы образования от степеней сравнения, как соответствующие прилагательные, например: *слабее* и *слабже, звончее* и *звонче, менее* и *меньше, более* и *больше, далее* и *дальше, ловчее* и *ловче, позднее и позже* и др. Эта двойственность форм образования степеней сравнения сопровождается и разницей этих форм в значении или в употреблении в различных стилях; в книжной речи (в высоком стиле) более употребительны формы на *-ее*; в разговорной речи — на *-е*: *меньше, больше, звонче, раньше, тверже, дальше.* Некоторые двоякие формы образования сравнительной степени являются простыми синонимами, например: *позднее* и *позже.*

Образование наречий

§ 266. Способы образования наречий. Наречие как часть речи появилось позже имени существительного. Оно образовалось из других частей речи для характеристики обстоятельств действия и

для определения процесса действия, а также для определения меры и степени количества, выражаемого прилагательным. Образование наречий происходит разными способами:

во-первых, образование наречий происходит при помощи морфолого-синтаксического способа словообразования, путем окаменения падежной формы прилагательных и существительных и переосмысления деепричастий. В силу новой синтаксической функции существительные или прилагательные, становясь выражением обстоятельства и относясь к глаголу, теряют способность изменяться, и падежное окончание у них превращается в суффикс, например: *молчком, украдкой* (из существительных); *хорошо, лишне, певуче, взволнованно, молодецки* (из прилагательных). Что же касается деепричастий, то они теряют при этом присущие им глагольные свойства (*шутя, лежа, молча, шипя, нехотя* и др.). Такой способ образования очень продуктивен;

во-вторых, образование наречий происходит при помощи лексико-синтаксического способа словообразования, путем слияния с предлогом разных частей речи, например: *вправо, направо, справа, сбоку, набок, втайне, издалека, впустую;*

в-третьих, наречия могут образовываться при помощи морфологического способа словопроизводства (т. е. суффиксации, префиксации и суффиксально-префиксального способа словообразования), например: *удивительно, навсегда, по-ударному* и т. п.

При помощи этих способов наречия образованы и производятся от разных частей речи.

§ 267. Наречия, образованные от имен прилагательных. Особенно богата группа наречий, образованных от имени прилагательного. Соотносительность с именем прилагательным выражается одинаковым лексическим значением, заключенным в корне слова, одинаковыми суффиксами и префиксами с тем же значением, как и у имени прилагательного. Особенно богата и продуктивна группа наречий, образованных из качественных прилагательных на *-о, -е* и причастий, например: *аккуратно, бойко, воинственно, грозно, давно, едко, живо, задорно, изящно, красиво, ловко, мрачно, нежно, пышно, резко, осуждающе, убийственно, неумышленно, певуче, искренне* и др.

Особые экспрессивные формы наречий образуются посредством прибавления суффиксов *-енько, -онько, -ешенько, -енечко, -охонько,* например: *частенько, маленько, малехонько, белешенько, хорошенечко.* Однако наречия подобного типа малопродуктивны и употребляются в песенных жанрах, например: *Сняли шапочки,* ***низенько*** *поклонились. (Н.) А* ***частенько*** *она приходила с тех пор. (Н.)*

Однако не все группы качественных прилагательных образуют наречия. Так, от прилагательных — названий лошадиных мастей (*гнедой, вороной, буланый, каурый, сивый, пегий, карий, саврасый, мухортый, соловый, чубарый*) наречий не образуется. Не образуются наречия на *-о* от некоторых прилагательных, обозначающих цвет, например: *голубой, коричневый, розовый;* однако с оттенком

уменьшительности наречные формы от этих прилагательных уже образуются, например: *голубовато, коричневато, розовато*[1].

Не образуется наречий на *-о* от прилагательных относительных, например: *березовый, железный, медный, золотой, бобровый, рыбный* и др., хотя за последние годы в индивидуальном языке писателей появляются наречия на *-о,* образованные от относительных прилагательных, но с качественным оттенком: *каменно, сахарно, маршево, разнобумажно, оловянно, воздушно* и др., например: *Подошел Кожух, **железно** сжимая челюсти. (Серафим.)*

Не образуют наречий некоторые группы прилагательных с суффиксами на *-ов*, образованных от существительных, например: *передовой, курсовой, даровой.*

Не образуются наречия от имен прилагательных, обозначающих признаки человека по-семейному положению, например от прилагательных *холостой, женатый, вдовый* и др.

Следует отметить, что, кроме наречий на *-о,* образованных от качественных имен прилагательных, очень продуктивной группой являются наречия с суффиксом *-и* от прилагательных на *-ский, -цкий: богатырски, дружески, мастерски, братски, отечески, пролетарски* и др., например: *Распростились царь Иван и Владимир Андреевич **дружески.** (Кост.)*

§ 268. Наречия, образованные от прилагательных с предлогом. Наречия образуются от прилагательных полной и краткой формы при помощи лексико-синтаксического способа, путем изоляции падежных форм и их слияния с предлогами.

Так образуются следующие группы наречий:

1. Наречия от прилагательных краткой формы среднего рода в винительном падеже с предлогами *на, за, в,* например: а) *настрого, насухо, наглухо, натуго, намертво, налево, направо* и т. д.; б) *затепло, заживо, задолго, замертво, заново* и др. Наречие *задолго* обычно употребляется в связи со следующим за ним предлогом *до* или *перед* и вместе с ними выражает также временно́е значение, например: *задолго до ночи, задолго перед рассветом;* в) *влево, вправо.*

2. Наречия от прилагательных полной формы женского рода в винительном падеже с предлогами *на* и *в,* например: *напропалую, начистую, наудалую* и др.; *вкрутую, вплотную, вглухую, вчистую, впустую, втемную, вслепую, вручную, врукопашную, вхолостую* и т. п. Ударение в некоторых наречиях перетягивается на суффикс *-ую,* хотя в соответствующих прилагательных ударение на основе, например: *в пло́тную — вплотну́ю, в чи́стую — вчисту́ю.*

Из наречий того же образования с предлогом *за* есть одно слово — *зачастую.*

3. Наречия от прилагательных мужского и среднего рода краткой формы в родительном падеже с предлогами *до, из, с,* например: а) *добела, докрасна, досиня, дочерна, досуха, дочиста, дотемна, досветла, досыта;* б) *избела, иссиня, издавна, изредка;* в) *сдуру, смаху, смолоду, снова, сперва, справа.* Сюда же примыкают наречия *сызнова, сызмала.*

4. Наречия от прилагательного краткой формы в дательном падеже с предлогом *по,* например: *попусту, понапрасну, подешеву, помалу, помногу, понемногу, подолгу, неподалеку* и др.

Некоторые из таких наречий могут иметь уменьшительные и ласкательные суффиксы: *-оньку, -еньку, -охоньку, -енечку,* например: *полегоньку, помаленьку, помаленечку, потихоньку, потихонечку.* Подобные наречия употребляются в разговорной речи, а в художественных произведениях встречаются в диалоге действующих лиц, например: *Торгуем **помаленьку** маслишком да дегтишком. (Т.) Видишь, народ идет, и мы с ним **потихоньку.** (Ю. Б.)*

5. Наречия, образованные от имен прилагательных в дательном падеже с предлогом *по,* например: *по-звериному, по-вчерашнему, по-иноземному, по-хорошему, по-старому, по-черному.* Таким же способом образованы наречия от местоимений, соотносительных с прилагательными: *по-моему, по-иному, по-другому, по-твоему* и пр.

Следует иметь в виду, что многие из наречий указанного типа образованы не слиянием предлога с падежной формой, а по установившейся словообразовательной модели при помощи суффиксально-префиксального способа: префикса *по-* и суффиксов *-ому, -ему.*

Такими же суффиксально-префиксальными образованиями являются и наречия от прилагательных с суффиксами *-(ов)ский, -кий, -j-,* образованные с помощью префикса *по-* и суффиксов *-и, -(ц)ки,* например: *по-отцовски, по-дружески, по-комсомольски, по-детски, по-немецки, по-волчьи, по-человечьи* и т. п.

6. Наречия, образованные от прилагательных краткой формы в предложном падеже с предлогами *в* и *на,* например: *вкратце, вскоре, невдалеке* и др., *налегке, наготове, навеселе, наравне* и др.

§ 269. Наречия, образованные от имен существительных. Образование наречий от существительных происходит при помощи лексико-синтаксического, морфолого-синтаксического и морфологического способов.

Наиболее продуктивным является образование наречий посредством лексико-синтаксического способа, т. е. слияния косвенных падежей имен существительных с предлогами. Переход падежных форм с предлогом в наречие происходит путем изоляции падежной формы от всей парадигмы склонения и ее слияния с предлогом в одно слово, например: *вдрызг, воочию, наспех* и др.

Процесс образования наречий таким способом является постепенным, а поэтому часто бывает трудно определить, совершился ли переход сочетания существительного с предлогом в наречие или нет.

Важным показателем того, что перед нами настоящее наречие, является полная утрата способности формы существительного иметь при себе определение.

[1] В индивидуальном употреблении крайне редко встречается: *голубо, розово* и т. п.

Лексико-синтаксическим способом образованы следующие группы наречий:

1. Наречия от существительных в винительном падеже с предлогами *на, в, за, по, о* и др.: *набок, набекрень, навзрыд, наголову, навытяжку, назубок, навылет, навынос; впрямь, внутрь, втихомолку, вновь, замуж, зараз; поодаль; обок, окрест, оземь* и др.

2. Наречия от существительных в дательном падеже с предлогами *к* и *по: книзу, кверху, кстати; понизу, поверху, поблизости, посредине, поутру, поначалу, пополам, поделом, поровну* и др.

3. Наречия от существительных в творительном падеже с предлогами. Таких наречий очень немного: *слишком, замужем* и некоторые другие.

4. Наречия от существительных в предложном падеже с предлогами *в, на: вверху, внизу, впереди, вбоку, вблизи, вдали, внутри, втайне, взаперти;* множественного числа: *впотьмах, впопыхах, впросонках* и др.

Наречия, образованные при помощи морфолого-синтаксического способа, т. е. путем изоляции падежной формы без предлога, могут быть различными.

Единичны наречия, образованные из существительных именительного или винительного падежей.

Имеющиеся несколько наречий, представляющих собой по происхождению именительный падеж имени, появились сравнительно недавно. Например, у Пушкина встречается: *Я **ужас** как ревнив,* или у Гоголя: *Иван Иванович уходился **страх** и прилег отдохнуть.* Имена существительные *страсть, ужас, смерть,* выступая в несвойственной роли определения действия, теряют свое прежнее „предметное" значение и переходят в наречия.

Очень немногочисленна также группа старых наречий, являющихся этимологически винительным падежом имени; сюда относятся наречия *вечор* (вчера вечером), например: *Вечор, ты помнишь, вьюга злилась (П.),* наречия *капельку, крошечку, чуточку* и некоторые другие.

Наречия *до́ма, вчера* восходят к формам родительного падежа соответствующих имен существительных (домъ, вчерѣ). Наречия *домой, долой* восходят к формам дательного падежа соответствующих имен существительных (домъ, долъ).

Наречие *долу* в разговорно-бытовой речи не употребляется, встречаясь лишь в поэтическом языке, например: *Она задумалась и **долу** поникла дивной головой. (П.)*

Очень продуктивной группой наречий являются наречия, образованные морфолого-синтаксическим способом от формы творительного падежа существительных мужского и женского рода. Это объясняется тем, что творительный падеж часто имеет обстоятельственные значения времени, места, способа и образа действия. Поэтому наречия, образованные из творительного падежа, тоже имеют различные значения — места: *доро́гой, кругом, верхом, низом,*

местами; времени: *утром, днем, вечером, ночью, весной, зимой, летом, осенью, порой, временами;* образа и способа действия: *вихрем, волчком, голышом, гурьбой, даром, задом, кубарем, молчком, оптом, ощупью, торчком, украдкой, целиком, чохом, шагом* и др.

Наречия, генетически являющиеся формой творительного падежа, не однородны по своей адвербиальности. Одни из них совершенно перешли в наречия, другие хранят живую связь с существительным, от которого они образовались, и имеют с ними омонимичные формы, например: *Шли ночью* и *Любовались темной ночью. Гуляли вечером* и *Наслаждались тихим вечером.*

Во вторых предложениях слова *ночью, вечером* являются именами существительными, так как служат объектом и определяются прилагательным. В первых предложениях слова *ночью* и *вечером* являются наречиями и служат в предложении обстоятельствами времени.

Наречия от существительных могут быть образованы также морфологическим способом, именно суффиксально-префиксальным, при помощи префикса *по-* и суффикса *-о,* например: *помесячно, поминутно, поротно, поквартально.*

Такой способ образования является в настоящее время очень продуктивным.

§ 270. Образование наречий от числительных. Наречия, происшедшие из числительных, не столь многочисленны и не так продуктивны по образованию, так как и сама группа числительных малопродуктивна и лексически очень ограниченна. Наречия образуются от числительных так же, как и от существительных, причем как от собирательных числительных, так и от количественных.

Наиболее продуктивной является группа наречий, образованных от собирательных числительных в винительном падеже с предлогом *в, на, по:*

а) с предлогом *в: вдвое, втрое, вчетверо, впятеро, вшестеро... вдесятеро.* Однако дальше числительного *десять* наречий в такой форме не образуется;

б) с предлогом *на: надвое, натрое, начетверо, напятеро, нашестеро* (редко употребительные) и др. (до числительного *десять*);

в) с предлогом *по: по двое, по трое, по четверо* и др. (орфография — раздельное написание — в известной мере затрудняет их восприятие как наречий).

Немногочисленны наречия, образованные от собирательных числительных с предлогом *в,* например: *вдвоем, втроем, вчетвером, впятером* (до десяти).

От количественных числительных существуют лишь единичные наречия. Это наречие *наедине* (от количественного числительного *един* с предлогом *на*) и наречия *дважды, трижды, четырежды,* образованные от числительных *два, три, четыре* суффиксальным путем, при помощи суффикса *-жды* (шьды).

§ 271. Наречия, образованные от местоимений. Наречия, образованные от местоимений, составляют следующие группы:

1. Наречия, образованные от местоимений *сь (этот,* ср. *сей), тъ (тот), къ (кой), весь, иной* морфологическим путем (при помощи сложения корней и суффиксации), например: *здесь, сюда, там, туда, тогда, как, тут* и др.; *когда, коли, куда, где (<къде), как; везде, всегда, всюду; иногда, иначе* и др.

Все эти наречия соотносятся с образующими местоимениями только по смыслу.

2. Наречия, образованные от местоимений, при помощи лексико-синтаксического способа, т. е. путем слияния местоимения с предлогом или какими-либо другими словами: *намедни* (из *ономь дьни), отчего* (из *от чего), оттого* (из *от того*), *почему* (из *по чему*), *потому* (из *по тому*), *зачем* (из *за чем*), *затем* (из *за тем*), *сейчас (сей час), тотчас (тот час), теперь* (из *то перво*) и т. д.

Такие наречия соотносятся с образующими словами в своем большинстве не только по смыслу, но и грамматически.

§ 272. Отглагольные наречия. Среди отглагольных наречий самую многочисленную группу составляют наречия, образованные от деепричастий. Эти наречия делятся на два разряда: с суффиксом *-а(-я)* и с суффиксом *-учи (-ючи).*

1. Наречия с суффиксом *-а (-я)* образовались из деепричастий, восходящих исторически к кратким формам причастий мужского — среднего рода.

Формальным признаком совершившегося перехода деепричастия в наречие является иногда перенос ударения: *мо́лча — молча́, си́дя — сидя́, сто́я — стоя́, хотя́ — не́хотя, лёжа — лежа́, по́ходя, за́годя* и т. д.

Не могут переходить в наречия такие деепричастия, у которых суффикс присоединен к глагольной основе на *-а (-я), -у (-ов).* В таких деепричастиях еще очень ярко значение действия, например: *играя, читая, рисуя, негодуя, падая* и т. д.

2. Наречия с суффиксом *-учи (-ючи)* образовались из деепричастий, восходящих исторически к кратким формам причастия женского рода. Они единичны и в современном русском языке совершенно непродуктивны, например: *припеваючи, умеючи, крадучись* и некоторые другие.

Группа отглагольных наречий с суффиксом *-мя* неясна по образованию. Эти наречия употребляются лишь в особом усилительном значении в сочетании с глаголом той же основы, например: *ливмя льет, стоймя стоит, ревмя ревет, гормя горит, кишмя кишит* и др., например: ***Горит гормя*** *все лицо белое. (Кольц.)* ***Кишмя кишели*** *Гусельники. (Панф.) Стала и реву. Так* ***ревмя и реву.*** *(Леск.)*

На основе личной формы глагола и инфинитива образовались наречия *почти* и *чуть; почти* представляет форму, соотносительную с повелительным наклонением, *чуть* — форму инфинитива.

Оба слова в современном русском языке выполняют не только функцию наречия, но и частиц.

§ 273. Наречия, образованные от наречий. Помимо наречий, образованных от других частей речи, в современном русском языке существуют также и наречия, образованные от наречий.

Такого рода наречия образуются с помощью морфологического способа словопроизводства, именно путем префиксации и сложения.

При помощи префиксов образованы от местоименных наречий такие наречия, как, например: *незачем, никогда, нигде, некуда, повсюду, навсегда, оттуда, позавчера, отсюда, нигде, задаром* и т. п.

При помощи чистого и префиксированного сложения от наречий, соотносительных с прилагательными, образуются наречия типа *глубоко-глубоко, далеко-далеко, тихо-тихо, давно-давно* и *сухо-насухо, строго-настрого, туго-натуго* и т. д.

Префиксальные наречия выражают новый признак, наречия, образованные сложением, выражают тот же самый признак, что и образующее слово, но в большей степени.

КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ

§ 274. Общее понятие о категории состояния. Категорией состояния называются несклоняемые слова со значением состояния, выступающие в предложении в функции сказуемого безличного предложения, например: *Становилось* ***жарко.*** *(Н. Ник.) На улице было* ***бело,*** *необыкновенно* ***тихо*** *и* ***весело.*** *(Подъячев.) Что же? — спросил Пугачев.—* ***Страшно*** *тебе? (П.)*

Надо отметить, что вопрос о категории состояния не вполне решен в лингвистической науке. Одни ученые отрицают ее наличие (например, проф. М. Н. Петерсон, проф. А. Б. Шапиро, проф. П. С. Кузнецов, акад. Ф. Р. Травничек), другие считают, что эта категория свойственна современному русскому языку (акад. Л. В. Щерба, акад. В. В. Виноградов, проф. А. В. Исаченко, проф. Н. С. Поспелов и др.). Последняя точка зрения представляется более правильной. Основания для этого будут рассмотрены ниже.

§ 275. Важнейшие признаки категории состояния. Отличительным свойством слов данной группы, как отмечалось, является их семантическая общность — выражение состояния.

Грамматическими признаками этих слов являются: 1) специфическая синтаксическая функция — входить в состав сказуемого безличного предложения, например: *Мне грустно. Холодно и сыро. Летом жарко*; 2) входя в состав сказуемого, слова категории состояния могут сочетаться только со связкой (наличествующей или „нулевой") отвлеченного характера: *было, будет,* и полуотвлеченной: *стало, станет, становится, делается,* например: *было грустно, стало холодно*; 3) форма связи — примыкание; 4) невозможность соотноситься с подлежащим.

Слова категории состояния при помощи связки получают значение времени, например: *Вам весело* (наст. вр.). *Вам было весело* (прош. вр.). *Вам будет весело* (буд. вр.).

При сказуемом, выраженном категорией состояния, употребляется дательный падеж имени и местоимения (например: *тебе стыдно, нам весело, ребятам покойно и удобно*) или обстоятельственные слова (например: *грустно без причины, летом жарко, на улице холодно*).

Важным грамматическо-семантическим признаком этой категории слов является выключение их из системы тех слов, с которыми они соотносились, например: *стыдно* не соотносится со словом *стыдный; совестно* — с *совестный, боязно* — с *боязный*. Однако этот признак имеют не все слова категории состояния.

§ 276. Состав слов категории состояния по значению. Соотносительность ее с другими частями речи. В зависимости от значения слова категории состояния образуют несколько групп:

1. Слова, обозначающие состояние природы: *ветрено, морозно, жарко, солнечно* и др., например: *Уж* ***темно,*** *в санки он садится. (П.) На улице* ***лунно*** *и* ***морозно.*** *(М. Г.) Было* ***тихо*** *в эту утреннюю пору. (Семушк.)*

2. Слова, выражающие субъективную оценку какого-либо состояния, положения со стороны эстетической, объема, протяженности во времени и пространстве и т. п.: *красиво, безобразно, изящно, легко, трудно, хорошо, рано, поздно, далеко, близко, глубоко, мелко, широко, узко, высоко* и др., например: *До станции было* ***далеко.*** *(Н. О.) До чего было* ***хорошо*** *вокруг! (Жариков.) Ох, до чего у нас в комнате* ***некрасиво!*** *(Пан.)*

3. Слова, выражающие физическое или психическое состояние живых существ и человека: *больно, противно, тошно, приятно, душно, гадко, боязно, весело, грустно, досадно, жалко, смешно* и др., например: *Рученьки мои, рученьки* ***больно...*** *(М. Г.) У нее рвалось сердце, в груди было* ***тесно,*** *в горле* ***сухо*** *и* ***горячо.*** *(М. Г.) Ей было очень* ***грустно.*** *(А. Н. Т.)*

Категория состояния постоянно пополняется путем перехода в нее других частей речи.

Наиболее активно переходят в категорию состояния краткие имена прилагательные и наречия на *-о*. В результате в современном русском языке возникает омонимия грамматических форм слов из категории состояния и форм имени прилагательного среднего рода или наречия.

От кратких форм имени прилагательного категория состояния отличается отсутствием форм изменения, значит, отсутствием согласования и управления, ср.: *В поле было* ***знойно*** *и* ***безветренно*** (выделенные слова — слова категории состояния, они ни с чем не согласованы, употребляются в сказуемом безличного предложения); *Утро было* ***знойно*** *и* ***безветренно.*** *Ночь была* ***знойна*** *и* ***безветренна.*** *Дни были* ***знойны*** *и* ***безветренны*** (выделенные

слова — краткие прилагательные, которые согласованы в числе и роде с существительным-подлежащим).

Отличаются слова категории состояния и от наречия. Наречие определяет глагол, например: ***Тоскливо*** *стонет больной ребенок.* Слова категории состояния не определяют, а выражают состояние, присущее какому-то субъекту, например: *Мне* ***тоскливо*** или *На душе* ***тоскливо*** *и* ***грустно.*** Отличаются слова категории состояния от наречия и тем, что они могут иметь только сравнительную форму: *было тепло — стало теплее,* но не образуют форм превосходной степени.

В категорию состояния включаются также и имена существительные, выражающие оценку состояния с морально-этической стороны (*позор, грех, стыд, срам* и др.), а также обозначающие состояние кого-либо, употребляемые чаще в сочетании с инфинитивом (*лень, страх, охота, жуть, мука* и др.); например: *Над старостью смеяться* ***грех.*** *(Даль.) Чтоб долго мне примеров не искать, хоть много их, я в том уверен, да рыться* ***лень.*** *(Кр.) „И* ***охота*** *было не слушаться", — говорил он сердито. (П.) Просто* ***мука*** *глядеть на нее. (Остр.)*

К категории состояния относятся также имена существительные, выражающие долженствование во времени: *пора спать, время вставать, недосуг разговаривать.*

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

§ 277. Общее понятие о модальных словах. Модальность в грамматике — это категория, выражающая различными языковыми средствами отношение сообщаемого высказывания к объективной действительности с точки зрения реальности, возможности, долженствования или необходимости. Модальность может быть выражена формой наклонения, интонацией, а также лексически, особыми модальными частицами и словами.

Модальными словами называется разряд таких слов, при помощи которых выражается то, как говорящий относится к содержанию всего высказывания в целом или к отдельным его компонентам. Так, с помощью модальных слов *вероятно* и *безусловно* оттеняется отношение говорящего к содержанию всего высказывания в целом в таких предложениях, как ***Вероятно,*** *завтра будет хорошая погода* и ***Безусловно,*** *я куплю эту книгу* (отношение предполагаемой возможности в первом случае и полной реальности во втором); в предложении *Он человек умный и,* ***конечно,*** *дельный* при помощи модального слова выражается отношение говорящего к одному из компонентов высказывания. Необходимо отметить, что в рассмотренных случаях модальные слова часто переходят в частицы, и грань между ними и частицами провести трудно, например: Протасов. *Дело в том, что вы...* ***будто бы*** *бьете вашу жену? (М. Г.)* ***Действительно*** *ли вы любите его?*

Соотносясь с различными частями речи (об этом см. след. параграф), модальные слова представляют собой особый лексико-грамматический разряд, хотя пределы его еще полностью не выяснены[1]. Класс модальных слов постоянно и сильно растет в русском языке в связи с тем, что всё богаче и разностороннее становятся модально-смысловые оттенки высказывания.

§ 278. Семантические группы и синтаксическая роль модальных слов. Модальные слова по своему значению делятся на две большие группы:

1. Модальные слова, дающие рассудочную, логическую оценку сообщаемого и утверждающие его реальность: *конечно, верно, несомненно, действительно, безусловно, подлинно, разумеется, правда, факт* и т. д.

К этой группе примыкают и некоторые фразеологические сочетания, например: *само собой разумеется, в самом деле.*

2. Модальные слова, выражающие значение возможности сообщаемого: уверенности или неуверенности, предположения: *возможно, по-видимому, вероятно, наверное, кажется, видимо* и т. д. Сюда же относятся такие фразеологические сочетания, как *по всей вероятности, должно быть, может быть* и др.

Модальные слова не являются членами предложения, и для них характерны следующие синтаксические функции:

1) употребление в качестве слова-предложения, например: *Насильно мил не будешь? **Конечно.** (Ч.)* (Это чаще всего бывает в диалогической речи);

2) употребление в качестве вводного слова, например: *Брат, **вероятно**, будет профессором. (Ч.)* (Это наиболее обычная функция);

3) употребление в качестве утвердительных слов (являющихся вводными, но не выделяемых интонационно, как другие вводные слова), например: *Он **действительно** был в Японии; Он **несомненно** всерьез заболел.* В таком употреблении модальные слова иногда трудно отграничить от модальных частиц и наречий.

Эти синтаксические особенности модальных слов резко отличают их от слов, имеющих модальное значение, но тем не менее не относящихся к разряду модальных слов. Например, в предложениях: *Он **должен** работать; Наш **долг** — помочь товарищу; **Следовало** пойти на работу* — слова *должен, долг, следовало* выражают модальное значение (значение долженствования и необходимости), но являются членами предложения, т. е. выступают в функции, модальным словом несвойственной, а поэтому и не могут быть включены в разряд последних.

Не следует относить к модальным словам вводные слова, образованные от дательного падежа имени существительного с предлогом *к*, выражающие эмоциональное отношение к фактам действительности: *к сожалению, к счастью, к удивлению* и т. п.

[1] Модальные слова как особый лексико-грамматический разряд в русской лингвистической литературе впервые отметил и описал акад. В. В. Виноградов, хотя о модальных оттенках в речи говорили уже Востоков, Потебня, Шахматов, Пешковский и другие ученые.

Нельзя считать модальными словами и такие слова (а также примыкающие сюда словосочетания), которые являются словами ограничительными, уточнительными, пояснительными, например: *признаюсь, видишь, извините, в конце концов, таким образом, стало быть, следовательно, в частности, одним словом, короче говоря, так сказать, собственно говоря.* Многие из таких слов близки по значению к союзам.

Представляя собой особый лексико-грамматический разряд слов, модальные слова соотносительны с рядом частей речи, от которых они образовались и отграничились, например:

1) с существительными: *факт, правда;*

2) с именем прилагательным краткой формы и наречием: *несомненно, бесспорно, подлинно, очевидно, верно, конечно, возможно, действительно* и др.;

3) с категорией состояния: *видно, слышно;*

4) с различными формами глагола: *предположим, знать, кажется, может быть, разумеется, видимо.*

Надо подчеркнуть, что переход в разряд модальных сильно изменяет лексическое значение слова и его синтаксические функции. Ср.: ***Правда** светлее солнца (Посл.)*, где существительное *правда* (значит „истина“) в предложении является подлежащим, и *Он, **правда**, очень красив,* где омонимичное слово *правда* — модальное слово, по значению равное „действительно“,— не является членом предложения.

ПРЕДЛОГИ

§ 279. Общее понятие о предлогах. Предлогами называются служебные слова, выражающие различные отношения между формами имени и другими словами в предложении.

Выражая вместе с падежными формами имени существительного (а также субстантивированного прилагательного, местоимения или числительного) пространственные, временные, условные, причинные и другие отношения, сами предлоги членами предложения не являются.

Значение предлога проявляется лишь в сочетании с падежной формой, но эта возможность употребления предлога с тем или иным падежом в большинстве случаев является следствием того, что предлог имеет значение и сам по себе. В русском языке предлоги в своем большинстве еще полностью не утратили лексического значения. Степень сохранения собственного лексического значения, степень отвлеченности, формальности у разных предлогов различна. Так, например, предлог *к* носит ясный отпечаток определенной направленности движения, обозначая вместе с именем предел этого движения, например: *Пароход подошел **к пристани**; Ребенок подбежал **к матери*** и т. п.; в предлоге *из-за*

четко выражено лексическое значение действия из чего-нибудь, причем с обратной, противоположной стороны, например: *Звуки воздушного боя едва слышались* ***из-за*** *леса. (Б. П.)* В предложениях: ***Из*** *леса* ***на*** *поляну вышел высокий, сутулый человек... (М. Г.) Левин оглянулся* ***вокруг*** *себя и не узнал места (Л. Т.)* предлоги *из, на, вокруг* не только выражают отношения между словами предложения, но и имеют собственное лексическое значение. Напротив, в сочетаниях *горевать, тосковать, плакать, соскучиться, страдать, говорить* с предлогами *по* и *о* с предложным или дательным падежом имени существительного эти предлоги являются выражением чисто грамматического отношения падежной формы к глаголу: они лишены всякого лексического значения: *скучать по отце, тосковать по ребенке, говорить о брате.*

Отношения, выражаемые предлогами в сочетании с падежной формой имени существительного, очень разнообразны. Так, пространственные отношения выражают предлоги *до, вокруг, между, из, от, за, к, над, у* и др., например: *доехать до города, обойти вокруг дома, расти между кустов, уйти из дома, отъехать от станции, побывать за городом, приближаться к станции, лететь над морем, сидеть у камина.*

Временны́е отношения выражают предлоги *с, до, к, в, через, за* и др., например: *работать с двух до девяти часов, выполнить задание к сроку, прийти в час дня, уезжать через два часа, устать за день.*

Комитативные отношения, т. е. отношения сопровождения, выражают предлоги *с, при,* например: *идти с другом, разговаривать при матери.*

Отношения сопоставления, сравнения выражают предлоги *с, в, наподобие* и др.; например: *величиной с дом, шириной в пять метров, купол наподобие шара.*

Отношения цели выражают предлоги *на, за, для* и др., например: *дать деньги на дорогу, пойти за грибами, сделать для удовольствия.*

Причинные отношения выражают предлоги *от, вследствие, благодаря, ввиду* и др., например: *заплакать от радости, заболеть вследствие переутомления, вылечиться благодаря внимательному уходу, не пойти в театр ввиду отсутствия времени* и т. д. Как видно из примеров, многие предлоги могут выступать в разных значениях, выражать различные отношения.

§ 280. Морфологическая классификация предлогов. Различаются следующие типы предлогов в зависимости от их морфологического строения и от соотношения со знаменательными частями речи: 1) непроизводные, так называемые „первообразные" предлоги, 2) наречные предлоги, 3) отыменные предлоги, 4) отглагольные предлоги и 5) составные предлоги.

1. Группу простых, „первообразных" предлогов составляют те предлоги, которые генетически нельзя связать с какой-либо

частью речи. Большинство этих предлогов односложны, двусложность объясняется наличием полногласия или чередованием нуля звука со звуками *о* или *е*. К этой группе относятся: *без, в, до, для, за, из, к, на, над, о, об, от, но, под, пред — перед, при, про, с, у, чрез — через, сквозь, между — меж,* а также *ради.*

Некоторые из них соединяются в парные предлоги, например: *из-под, из-за.*

2. Среди наречных предлогов есть предлоги, омонимичные наречиям. Так, в предложении: *Вырезки из газет были наклеены* ***вдоль****, во всю длину столбцами. (Кав.)* — слово *вдоль* — наречие, а в предложении: *Бойцы расположились на отдых* ***вдоль*** *дороги (Некр.)* — *вдоль* является предлогом.

Слова *вместе, вопреки, кроме, среди, близ* в современном русском языке уже не употребляются в качестве наречий.

Среди наречных предлогов прежде всего могут быть выделены предлоги: 1) связанные с обстоятельственными наречиями, например: *близ, вдоль, вне, внутри, внутрь, возле, вокруг, впереди, кругом, мимо, напротив, около, поверх, позади, подле, впереди, после, посреди, прежде, против, поперек, сзади, сквозь, среди* и др. Большинство их сочетается с родительным падежом; исключением являются *вопреки, вслед, навстречу, наперекор,* сочетающиеся с дательным; 2) вторую группу составляют предлоги, связанные с качественными наречиями. Из них предлоги *относительно, касательно* сочетаются с родительным падежом, а предлоги *подобно, сообразно, соразмерно, согласно, соответственно* и другие — с дательным падежом.

3. Отыменные предлоги. Имена существительные могут переходить в состав предлогов непосредственно и через посредство наречий. Лишь отдельные отыменные предлоги образовались непосредственно из формы творительного падежа существительного: *путем, посредством.* Большинство же отыменных предлогов восходит к сочетанию падежной формы существительного с простым предлогом, например: *ввиду, в течение, в продолжение, в отношении, во избежание, в силу, в целях, в смысле, в меру, в порядке, за исключением, по случаю, по части, по причине, вследствие* и др. В таких случаях существительное теряет свое конкретное лексическое значение и выполняет функцию служебного слова вместе с простым предлогом. Такие предложные сочетания надо отличать от омонимичных сочетаний с полновесным существительным, например: ***В силу*** *сложившихся обстоятельств он вынужден был оставить работу* (*в силу* — предлог, равный по значению *вследствие, из-за*), но: *Зрители верили* ***в силу*** *молодого борца* (*в силу* — существительное с предлогом).

4. Отглагольные предлоги. В предлоги переходят формы деепричастий. Таких предлогов очень немного, например: *благодаря* (с дательным падежом), *включая, исключая, спустя* (с винительным падежом), *не считая* (с винительным или родительным), *начиная, кончая* (с творительным) и др.

5. Составные предлоги образованы по большей части из формы косвенного падежа существительного с предлогом, из наречия с предлогом или из деепричастия с предлогом. К числу таких составных предлогов можно отнести, например: *в зависимости от, в ответ на, в отличие от, в отношении к, в связи с, в соответствии с, по отношению к, по пути к, вплоть до, впредь до, наравне с, наряду с, независимо от, одновременно с, применительно к, глядя по, исходя из, не говоря о, невзирая на, судя по* и др.

СОЮЗЫ

§ 281. Общее понятие о союзах. Союзами называются служебные слова, соединяющие члены предложения или части сложного предложения.

В отличие от предлогов, которые выражают смысловые отношения между неоднородными членами предложения, союзы выражают отношения между грамматически однородными или лексически и логически сопоставимыми членами предложения, а также различные отношения между частями сложного предложения.

§ 282. Морфологическая характеристика союзов. По своему строению союзы делятся на простые и составные.

Простые союзы в свою очередь можно разделить на непроизводные и производные.

Простыми непроизводными являются, например, союзы: *и, а, но, да, ли.* Простыми производными, например, являются: *чтобы, что, если, когда, хотя.*

Группа составных союзов объединяет такие, как: *тем не менее, даром что, потому что, подобно тому как, затем чтобы, с тех пор как, между тем как, несмотря на то что, вследствие того что, в силу того что, так чтобы* и др.

Простые союзы, морфологически неделимые и не имеющие собственных лексических значений, в то же время выражают очень широкий круг значений. Группа этих союзов не пополняется.

Составные союзы по большей части еще не достигли той степени абстрактного значения, которая отделяла бы их резко от системы знаменательных частей речи. Очевидна генетическая связь многих из этих союзов с именами существительными, местоимениями и особенно с наречиями, ср.: *в силу того что, до тех пор пока, с тех пор как, в то время как, по мере того как, даром что, затем что, пока что, покамест что, прежде чем* и др.

Многие из этих союзов являются фразеологическими единствами, в которых еще ощутимы отдельные компоненты. Группа составных союзов пополняется новыми образованиями.

§ 283. Сочинительные и подчинительные союзы. Употребление союзов. В грамматической традиции укрепилось деление союзов на сочинительные и подчинительные. Однако с морфологической точки зрения грань между сочинительными и подчинительными союзами подвижна и неопределенна. Употребление многих союзов характеризуется колебаниями в способе выражаемой связи. Особенно часты эти колебания у союзов уступительных, временных и сравнительных. Так, союз *хотя* может выражать подчинительную связь и может быть сочинительным союзом. В приведенных ниже предложениях в первом слово *хотя* — подчинительный союз, во втором — сочинительный: *Иван Кузьмич, **хоть** и очень уважал свою супругу, но ни за что на свете не открыл бы ей тайны, вверенной ему по службе. (П.) Неодолимая, **хотя** тихая сила увлекла меня. (Т.)*

По своему употреблению союзы делятся на одиночные, повторные и парные (двойные). Одиночные союзы: *и, а, но, да, или.* Повторные союзы: *и — и, ни — ни, то — то, то ли — то ли, не то — не то, или — или.* Эти союзы дополнительно могут выражать усилительное значение. Парные союзы: *не только — но и, как — так и, хотя — однако, если — то* и др.

§ 284. Сочинительные союзы. По своему значению сочинительные союзы делятся на соединительные, присоединительные, противительные и разделительные.

1. Соединительные союзы: *и, да; и — и, ни — ни; не только — но и, как — так и.* Части двойных союзов относятся к разным соединяемым частям. Союз *и* выражает различные значения: объединения, соединения, перечисления, например: *Летний вечер тих и ясен. (Фед.) Все то же, что томило нас: и парк, и дождь, и пруд, и сосны острохвойные, — наш отдых стерегут. (Бр.) Мы любим сестру, и жену, и отца, но в муках мы мать вспоминаем! (Н.)* Повторный союз *ни — ни,* употребляясь лишь в отрицательных предложениях, усиливает отрицание, например: *Город наш существует уже двести лет, в нем сто тысяч жителей, и ни одного, который не был бы похож на других, ни одного подвижника ни в прошлом, ни в настоящем, ни одного ученого, ни одного художника, ни мало-мальски заметного человека, который возбуждал бы зависть или страстное желание подражать ему. (Ч.)*

Союз *да* имеет различные оттенки соединительного значения, например: *А ночью слышать буду я... не шум глухой дубров — а крик товарищей моих, да брань смотрителей ночных, да визг, да звон оков. (П.)*

Соединительные двойные союзы: *Трава лежала не только на подоконниках, но и на глиняном полу, на столе, на лавке. (Баб.) Как аукнется, так и откликнется. (Посл.)* и др.

2. Присоединительный союз: *да, и,* например: *Дамам еще более приятен Невский проспект, да и кому же он не приятен. (Г.)*

3. Противительные союзы: *а, но, да, однако, же, зато.* Эти союзы соединяют члены предложения или части сложного предложения, которые необходимо разграничить или противопоставить, например: *Оденется колос нежным цветеньем, пышно заколышется под ветром, и зародятся в нем новые, вначале*

молочно-жидкие, а потом, все более твердые, отмеченные восковой зрелостью дети-зерна. (Закруткин.) Они немножечко дерут, зато уж в рот хмельного не берут. (Кр.) Однако ж что ни говори, а как-то даже делается страшно, как хорошенько подумаешь об этом. (Г.) К этой группе близки по значению союзы *хоть, хотя бы, хотя — но, хотя — да,* например: *Кто что ни говори, хотя животные, а все-таки цари. (Гр.)*

4. Разделительные союзы: *или (иль), или — или, либо, либо — либо, то — то, не то — не то, то ли — то ли.* Эти союзы указывают на чередование явлений или на реальность лишь одного из перечисляемых фактов, например: *...О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный, иль юности моей товарищ отдаленный, иль отрок, музами таинственно храним, иль пола кроткого стыдливый херувим, — благодарю тебя душою умиленной. (П.) Темно-красные языки лизали черную ночь, фукали фейерверком бриллиантовых огней, то бледнели, принимая золотистый отблеск, то снова обращались в ярко-красный поток... (Скиталец.) Почуяв запах дождя, умолкли птицы — все живое в степи забилось либо в норы, либо в густую траву. (Баб.)*

§ 285. Подчинительные союзы. Подчинительные союзы связывают неравноправные части сложного предложения: зависимую часть (придаточное предложение) и независимую часть (главное предложение). Подчинительный союз находится в зависимой части (в придаточном предложении). Некоторые сложные подчинительные союзы распадаются на две части: одна из них находится в главном предложении, другая — в придаточном.

Подчинительные союзы делятся на союзы причинные, цели, следствия, условные, уступительные, сравнительные, временны́е, изъяснительные.

1. Союзы причинные: *так как, потому что, оттого что, ввиду того что, благодаря тому что, вследствие того что, в связи с тем что, в силу того что, ибо,* например: *Павлу не пришлось увидеться со своими, так как городок Шепетовка опять был занят. (Н. О.) Он не мог и признать того, что он тогда ошибался, потому что дорожил тогдашним душевным настроением. (Л. Т.)*

2. Союзы цели: *чтобы (чтоб), для того чтобы, с тем чтобы, затем чтобы,* с оттенком книжности употребляется союз *дабы,* например: *...Долли с детьми переехала в деревню, чтоб уменьшить сколько возможно расходы. (Л. Т.) А за сим, дабы не утомить благосклонного читателя, позвольте поставить точку. (Ч.)*

3. Условные союзы: *если, если бы (б), раз, коли, когда,* например: *Если б воротился, по-иному пошла бы жизнь. (Сераф.) Коль выгонят в окно, то я влезу в другое. (Кр.)*

4. Уступительные союзы: *хотя (хоть), хотя бы (хоть бы), несмотря на то что, между тем как, пусть, пускай, только бы (б), лишь только бы (б), разве только, а то, даром что,* например: *Ах, если мученик любви страдает страстью безнадежно, хоть грустно жить, друзья мои, однако жить еще возможно. (П.) Пускай ты умер, но в песнях смелых и сильных духом всегда ты будешь примером добрым, призывом бодрым к свободе, свету... (М. Г.)*

5. Союзы сравнительные: *как, как бы, будто, будто бы, как будто, как будто бы, словно, словно как, подобно тому как, точно,* книжный союз *равно как,* просторечный *ровно,* например: *Он замечает, что край неба чуть подгорел, как корочка хлеба. (Гор.) Самые высокие, писклявые ноты, которые дрожали и обрывались, казалось, неутешно, плакали, точно свирель была больна и испугана... (Ч.)*

6. Временны́е союзы: *едва, едва — как, едва только, как только, как, когда, лишь только, между тем как, после того как, с тех пор как, пока, покамест, покуда, прежде нежели, прежде чем, раньше чем, только что, чуть только* и некоторые другие, например: *Солнце уже спускалось к деревьям, когда они, побрякивая брусницами, вышли в лесной овражек Машкина Верха. (Л. Т.) Едва он вошел, все замолчали.*

7. Союзы изъяснительные: *что, чтобы, будто бы, как,* например: *Он дышал и видел, как клубится пар, это его дыхание, это жизнь! (Горб.) Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. (П.) И снится чудный сон Татьяне, ей снится, будто бы она идет по снеговой поляне, печальной мглой окружена. (П.)*

§ 286. Союзные (относительные) слова. Союзны́ми (относительными) словами называются местоимения и местоименные наречия, которые, выражая синтаксические отношения между главным и придаточным предложениями, являются членами придаточного предложения. К числу союзных слов относятся местоимения и наречия: *который, что, какой, чей, кто, где, куда, откуда, когда,* например: *Саша стояла сзади него и из-за плеча спокойно разглядывала маленького старичка, голова которого была ниже подбородка Фомы. (М. Г.) Там, где с необыкновенным грохотом день и ночь работал исполинский завод, была необычная жуткая тишина. (Купр.)*

ЧАСТИЦЫ

§ 287. Общее понятие о частицах. Частицами называются лишенные предметного значения слова, которые служат для выражения особых дополнительных оттенков целых предложений или словосочетаний и отдельных слов. В качестве таких дополнительных оттенков выступают смысловые, модальные, модально-волевые и эмоционально-экспрессивные оттенки.

Как по своим дополнительным оттенкам, которые они выражают, так и по образованию частицы весьма разнообразны, однако все имеют ряд свойств, объединяющих их в один лексико-грамматический разряд слов.

Частицы отличаются от знаменательных частей речи тем, что они сами по себе не выполняют номинативной функции и, следовательно, предметного значения не имеют, хотя и совпадают иногда по своему звучанию с полнозначными знаменательными словами, например с глаголами *давай, почитай, почти, пускай, дай,* с наречиями *просто, прямо* и т. д. Этим свойством частиц объясняется тот факт, что они не являются членами предложения.

Частицы отличаются от служебных слов тем, что не выражают отношений между предметами и явлениями объективного мира, как, например, союзы и предлоги.

От модальных слов частицы, выражающие модальные оттенки, отличаются тем, что они менее самостоятельны и выступают обычно как средство внесения дополнительных оттенков в соответствующее значение какого-либо слова, словосочетания или предложения, в то время как модальные слова сами служат для выражения модальных значений. Как уже отмечалось (см. § 277), четкая грань между модальными словами и модальными частицами не всегда может быть проведена.

Частицы по своему образованию — более поздний разряд слов. Они образовались из других частей речи, с которыми и до сих пор нередко соотносительны.

По месту в предложении частицы бывают двух типов: одни занимают в нем всегда одно и то же, постоянное место, другие имеют то одно, то другое (в зависимости от смысла высказывания). Частицы, имеющие в предложении закрепленное место, бывают:

1) препозитивными, т. е. всегда стоящими впереди того слова, к которому они относятся (*да, ну, вот, что за, неужели, как*), например: *Да здравствует солнце, да здравствует разум! (П.) Ну бежал! Вот история! Что за беспорядок? Неужели пойдешь? Как хорошо!* и

2) постпозитивными, т. е. всегда стоящими после того слова, к которому они относятся (*же, то, ли* и т. д.), например: *Сходи же. Я же не знаю. Знаешь ли? Он-то был* и т. д.

Большинство частиц, вносящих дополнительные оттенки значения в целое предложение, не имеют в нем постоянного места. Таковы частицы *ведь, уже, еще, всё* и др., например: *Ведь ты его уважаешь? (Ч.) А на фронт вы с ним поедете? — Конечно.— Егор Павлович, поедете ведь? (Фед.) Уж будьте покойны, товарищ капитан. (Сим.) Сходи ты уж к ней.*

§ 288. Группы частиц по значению. По своему значению частицы делятся на следующие основные группы:

I. Частицы, выражающие особые дополнительные смысловые оттенки, именно: указательные, определительно-уточняющие, выделительно-ограничительные.

II. Частицы, выражающие модально-волевые и модальные оттенки (оттенки уверенности и неуверенности, утверждения и отрицания, возможности и невозможности и т. д.).

III. Частицы, выражающие эмоционально-экспрессивные оттенки значения.

Особое место занимают частицы, участвующие в словообразовании и формообразовании и этим приближающиеся по значению к морфемам. Иногда они омонимичны с частицами указанных выше разрядов (например, *пусть, да* и др.).

I. К частицам, выражающим особые дополнительные смысловые оттенки, относятся:

1. Указательные частицы *вот* и *вон*. Частица *вон* употребляется при указании на что-нибудь вдали, *вот* — при указании на нечто находящееся вблизи, например: ***Вон** даль голубая видна. (Майк.)* ***Вот** парадный подъезд. (Н.)*

Кроме этого, частица *вот* употребляется в начале речи как приступ к повествованию, например: ***Вот** пошел он к синему морю, видит: море слегка разыгралось. (П.)*, или имеет значение уточнения указательных и относительных местоимений и наречий, например: ***Вот** кто выпустил. **Вот** это мне и нужно. **Вот** здесь, вдали от любопытных глаз, береза шелестела молодая. (Исак.)*

Указательная частица *вот* в сочетании с *и* теряет свой указательный смысл и приобретает значение подытоживания с эмоциональной окраской, например: ***Вот и** осень пришла. Убран хлеб золотой. (Ник.)*

2. Определительно-уточняющие частицы. Определительно-уточняющие частицы служат для большего уточнения смысла слова в предложении, к которому относится частица. К ним принадлежат: *именно, ровно, точно, как раз, почти, приблизительно* и др., например: *Смотритель спал под тулупом: мой приезд разбудил его; он привстал... Это был **точно** Самсон Вырин. (П.) Дай **именно** эту книгу. (Т. С.)*

3. Выделительно-ограничительные частицы. К ним принадлежат: *только, только лишь, лишь разве, единственно, хоть, исключительно* и др. Они относятся к тому слову, которое они или логически выделяют, или ограничивают, например: *Первые минуты обеда посвящены были **единственно** на внимание к произведениям старинной нашей кухни. (П.) **Только** один Саша пил чай. (Ч.)*

II. К частицам, выражающим модально-волевые и модальные оттенки, относятся:

1. Модально-волевые частицы. К ним принадлежат: *пусть, пускай, да, ну, дай, давай* и др.

Побудительная частица *пусть (пускай)*, присоединяясь к сказуемому-глаголу, придает ему оттенок побуждения, согласия, желания, например: ***Пусть** бы люди слушали меня с доверием,— уж я бы поискал, как жить лучше. (М. Г.)*

Частица *да* при глаголах, употребляясь с неопределенными местоимениями и наречиями, выражает оттенки уверенности, вероятности, например: *Тут что-нибудь **да** есть такое. (С.-Щ.)*

Когда-нибудь ***да*** *кончится это ненастье.* (Об употреблении частицы *да* при выражении приказания см. § 236.)

Частица *ну* может придавать высказыванию различные оттенки: побуждение, разрешение, поощрение, например: ***Ну*** *погуляй, браток, напоследок. (Кетлинская.)* ***Ну*** *тебя совсем! (Гонч.)*

В сочетании с неопределенной формой глагола несовершенного вида частица *ну* означает энергичное начало действия, например: *Увидевши слона,* ***ну*** *на него метаться... (Кр.)*

Частицы *дай, дай-ка, давай, давай-ка, давайте, давайте-ка* выражают побуждение к тому действию, которое обозначено в глаголе, или обозначают просьбу, например: ***Давай*** *пойдем на стадион!* ***Дай-ка*** *я погляжу, несговорный какой! (Н.)* ***Дайте*** *добраться! Да* ***дайте*** *же выбраться! (Тренев.)*

2. Модальные частицы. По своему значению эти частицы очень разнообразны. К ним относятся:

а) Утвердительные частицы. К утвердительным частицам в русском литературном языке принадлежат *да, так, точно. Да* употребляется при ответе, подтверждающем правильность мысли, наличие факта или явления, согласие на какое-либо действие или подтверждение прежде сказанного, например: ***Да,*** *нужно стрелять. (Ю. Б.)* При настойчивом утверждении частица *да* повторяется, например: *Тут застучали в дверь, и Рагозин крикнул:* ***„Да, да,*** *заходите". (Фед.)* ***„Да-да,*** *это хорошо",— сказала Ксения. (Ю. Б.)*

В разговорной речи при утверждении употребляется частица *так,* например: *Так договорились? —* ***Так,—*** *сказал Сабуров. (Сим.)*

Утвердительная частица *точно* употребляется в речи при ответе и имеет дополнительный оттенок „действительно", например: ***Точно,*** *я хорошо обставлен, и дела мои не дурны. (Гонч.)*

б) Отрицательные частицы. Одним из способов выражения отрицания является употребление отрицательных частиц *нет, не* и *ни.*

Частица *нет* соотносительна с частицей *да* и, будучи ее антонимом, подчеркивает отрицательный смысл предложения, например: ***Нет,*** *нынче свет уж не таков. (Гр.); нет* ставится перед предложением.

Частица *не,* являясь прямым отрицанием, может стоять при любом члене предложения, например: *Татьяна в темноте* ***не*** *спит. (П.)* ***Не*** *смерть страшна, страшна твоя немилость. (П.)*

Частица *ни* в значении отрицания обычно употребляется в предложениях с частицей *не,* например: *Напустыре не было* ***ни*** *души. (Горб.)* Здесь *ни* одновременно выполняет и функцию усиления. В предложениях побудительных частица *ни* может и без связи с частицей *не* иметь отрицательное значение, например: ***Ни*** *шагу назад!*

Две отрицательные частицы *не* перед глаголом в личной форме и перед инфинитивом создают положительный смысл, например: ***Не*** *могу* ***не*** *сказать = скажу;* ***не*** *могу* ***не*** *молчать = молчу.*

в) Вопросительные частицы. К вопросительным частицам относятся: *ли (ль), разве, неужели,* устаревшее *ужели (ужель).* В функции вопросительных частиц с вопросительной интонацией могут употребляться также и другие частицы, например *а?* и *да?: Вам немножко жалко меня?* ***а?*** *(М. Г.) А у вас в цехе работать вредно?* ***Да?*** *(И. Ирошникова.)* И т. п.

Наиболее употребительной является частица *ли (ль).* Частица *ли (ль)* обычно ставится после того слова, на которое падает логическое ударение и основная сила вопроса: *Не засмеяться* ***ль*** *им, пока не обагрилась их рука, не разойтиться* ***ль*** *полюбовно? (П.)*

Когда частица *ли (ль)* в вопросительном предложении следует после слова с отрицанием *не,* то с ее помощью выражается большею частью риторический вопрос, например: ***Не*** *стыдно* ***ли*** *тебе так долго мучить меня пустым, жестоким ожиданьем? (П.)*

В устойчивых выражениях частица *ли (ль)* теряет вопросительное значение и начинает выражать вместе с другими словами словосочетания различные модальные значения: *видишь ли, веришь ли, знаешь ли, понимаешь ли, поверишь ли; шутка ли, то ли дело, что ли, вряд ли, едва ли, мало ли* и др., например: *Вот в Риме, например, я видел огурец: ах, мой творец! И по сию не вспомнюсь пору.* ***Поверишь ли?*** *Ну, право, был он с гору. (Кр.)*

Часто употребительными и широко распространенными являются и частицы *разве* и *неужели.* Как правило, этими частицами выражается сомнение: *А тебе* ***разве*** *не страшно? (Ч.)* ***Неужели*** *ты своего сына не любила? (Т.)*

Частица *ужели (ужель)* заключает вопрос, окрашенный каким-либо чувством, например: ***Ужель*** *мне скоро тридцать лет? (П.)* В современном русском языке она воспринимается как архаическая.

г) Модальные частицы, выражающие недостоверность или преднамеренность явлений действительности: *пожалуй, небось, чай, авось* (они соотносительны с модальными словами) и др., например: ***Чай,*** *заждался?* ***Небось,*** *бранил дядю за то, что не едет? (Т.) Прощай, ваше благородие!* ***Авось*** *увидимся когда-нибудь. (П.)*

С такой же функцией употребляются и устойчивые словосочетания типа *едва ли* и *вряд ли,* например: *И на Одере* ***едва ли*** *вспомнят даже старики, как полгода с бою брали населенный пункт Борки. (Твард.) Нам с тобой* ***вряд ли*** *нужны деликатно-сентиментальные недомолвки и всякие неискренние словеса. (В. Аж.)*

д) Сравнительные частицы. К модальным частицам, выражающим не достоверный признак чего-либо, а лишь схожий с ним, относятся сравнительные частицы *как бы, будто, словно, ровно* и др., например: *По тебе от ветру* ***словно*** *в синем море волны так и ходят, ходят на просторе. (Кольц.) Люблю грозу в начале мая, когда весенний первый гром,* ***как бы*** *резвяся и играя, грохочет в небе голубом. (Тютч.)*

е) Частицы, обозначающие субъективную передачу чужой речи.

К частицам, обозначающим субъективную передачу чужой речи, относятся *мол, де, дескать, будто* и др., например: *Скажи ему поучтивее: вы,* ***дескать,*** *сударь, с ума сошли. (Кр.) Да скажи, Даша, что принесите,* ***мол,*** *каких-нибудь книжечек почитать;* ***дескать,*** *барышня просит. (Остр.)* Эти частицы характерны для разговорного языка и в литературно-книжном языке употребляются лишь как одно из средств организации диалога.

III. Эмоционально-экспрессивные частицы. Эмоционально-экспрессивные частицы усиливают и оттеняют эмоциональную сторону речи, придавая ей большую яркость и выразительность. К группе эмоционально-экспрессивных частиц относятся прежде всего такие, которые служат для выражения различных эмоциональных оценок, сопровождающих то или иное высказывание: *эк, и, ишь, как, что за, куда, то-то* и др., например: ***Эк*** *он горло-то распустил. (Фонв.)* ***Как*** *он печален, запущен и хил! (Н.)* ***Куда*** *тут чай распивать! (Ч.)*

К эмоционально-экспрессивным частицам принадлежат и такие частицы, которые усиливают выразительность эмоциональных, волевых и смысловых значений: *даже, же, ну, уже (уж), всё, все-таки, ведь* и др., например: *Время к полудню, а Саши* ***всё*** *нет. (Н.)* *„Хорошо! Ох и хорошо же“,— подхватил Андрей. (Логунова.)* ***Уж*** *сколько раз твердили миру... (Кр.)* *Вы* ***даже*** *защищать себя не умеете. (М. Г.)*

В такой же функции могут выступать не одиночные частицы, а сочетания частиц. Основное значение в таком случае выражается с еще большей экспрессией. В качестве таких сочетаний частиц употребляются: *вот ведь, вот уже, ишь ведь, так вот, то-то вот, только бы, лишь бы, где там, где уж, куда как, что там* и др., например: *„Москва!* ***Так вот*** *ты какая“,— думал Сергей, не отрывая взгляда. (Баб.)* ***Куда как*** *чуден создан свет! (Гр.)* И т. п.

§ 289. Словообразующие и формообразующие частицы. Словообразующие (и формообразующие) частицы, потеряв признаки отдельного слова, выполняют в речи двойную функцию. С одной стороны, они выражают тот или иной семантический оттенок в речи, а с другой — служат для образования нового слова (или какой-либо грамматической формы).

К словообразовательным частицам относятся частицы *кое-, -то, -либо, -нибудь, не-, ни-.*

Частицы *кое-, -то, -либо, -нибудь* служат для образования неопределенных местоимений и наречий, например: *кое-кто, кое-где, что-то, где-то, какой-либо, где-либо, что-нибудь, куда-нибудь* и др.

Для образования отрицательных местоимений и наречий используется частица *ни,* например: *никто, ничто, никуда, нигде* и т. п.

Словообразовательные связи частицы *не* очень широки, по существу она может сочетаться с любой частью речи, исключая числительное, например: *недруг, некрасивый, некто, нехорошо, невидимый, нехотя* и т. п.

Богато представлены в русском языке формообразующие частицы *-ся, бы, было, бывало, да, пусть (пускай).*

При помощи *-ся* образуются возвратные глаголы.

Частица *бы* служит для образования сослагательного наклонения, частицы: *да, пусть (пускай)* — для выражения повеления, приказания.

Частицы *бывало, было* употребляются для образования особых форм прошедшего времени. Значение форм с такими частицами рассматривалось выше, в разделе „Глагол“, § 246.

МЕЖДОМЕТИЕ

§ 290. Понятие о междометии. Каждый язык наряду с системой выражения форм мышления, отражающих содержание объективной действительности, имеет средства выражения эмоций и волевых импульсов. Одним из средств выражения эмоций и волевых импульсов являются слова, называемые междометиями. Междометия — это разряд слов, служащих для кратчайшего выражения чувств и волевых импульсов без наименования этих чувств.

Междометия, являясь выражением душевных переживаний отдельного человека, в то же время социально осознаны как общепринятое выражение эмоций и волевых проявлений в данном языке. Не имея обычного лексического значения, как другие части речи, многие междометия вместе с интонацией выражают совершенно определенные эмоции или волеизъявления. Например, нельзя междометие *фи!* употребить при выражении радости, удивления или страха, а можно лишь при выражении отвращения. Нельзя междометие *о!* употребить для запрещения шума или междометие *увы!* для изъявления радости. Но вместе с тем многие междометия многозначны и многофункциональны (например, междометие *ах* может служить или для выражения радости, или испуга, или порицания и др.).

Междометия отличны от остальных частей речи фонетическим оформлением, морфологической целостностью, особой экспрессивной окрашенностью. Междометие резко отличается от других частей речи отсутствием грамматических значений: рода, числа, падежа, времени, лица, наклонения и т. д.

По своей синтаксической функции междометия тоже резко отличаются от знаменательных частей речи, так как не могут быть членом предложения, образуя, как правило, своеобразные целостные высказывания, т. е. особого типа предложения. Следует различать слова-междометия, непосредственно выражающие какое-либо чувство (например, *Ого! Какой удар!*), от слов, идентичных с междометием, но выполняющих функцию оценки; например: *А*

жена-то у него — ого! Баба эта — ой-ой-ой! Такие звукосочетания выступают в функции предиката.

§ 291. Способы образования междометий. Междометия различны по образованию. Одни из них — первообразные, другие — производные, т. е. образованные от других частей речи.

Первообразные междометия имеют только фонетическую характеристику; они могут состоять:

1) из одного гласного звука *А! О! У! Э! И!;*

2) из гласного с последующим неслоговым *й: Ай! Ой! Уй! Эй!;*

3) из гласного и согласного звука: *Ах! Ох! Ух! Эх! Их! Уф!;*

4) из согласного и гласного: *Ба! Хо! Хе! Но! Ну! Ша! Фи! Фу!* и т. д.

Эти междометия могут употребляться в удвоенной или в утроенной форме, например: *А-а! Ай-ай! Ба-ба-ба! Хе-хе-хе!* и т. п.

Нередко междометия образованы из двух гласных и согласного между ними: *Ага! Угу! Ого! Эге! Увы!* — с ударением на втором гласном.

Некоторые первообразные междометия могут присоединять окончания 2-го лица множественного числа глаголов, например: *Ну-те!,* или сочетаться с частицами, например: *Ну же! Ну-ка! Ну-те-ка! Айда! Айдате! Ой-ли!* и др.

Вторичные, или производные, междометия образуются из полнозначных слов. Полнозначные слова, произносимые с сильной эмоциональной окраской или экспрессией, теряют основное лексическое значение и становятся междометиями. Так вошли в разряд междометий: 1) различные формы имен существительных, например: *Матушки! Господи! Батюшки! Дудки! Беда! Ужас! Крышка!* и т. п., нередко в соединении с различными частицами: *Вот беда! Вот так штука!*; 2) некоторые формы глаголов, например: *Поди! Смотри! Скажи! Помилуй! Здравствуйте!* и др., иногда также с сопровождающими частицами: *Вот поди ты! Скажи-ка на милость!;* 3) отдельные местоимения и наречия, например: *То-то! Да что ты! Полно!*

Очень много междометных выражений образуется из фразеологических сочетаний, например: *Вон оно что! Вот так-так! Еще что! Вот те раз! Вот так история! Вот так клюква! Чёрт возьми! Батюшки мои!* и др.

Небольшая группа междометий образовалась из иноязычных слов, например: *Алло! Стоп! Каюк! Баста! Браво! Бис! Караул! Айда! Шабаш! Амба!*

Звукоподражательные слова обычно также включали в междометия. Однако природа звукоподражаний совсем иная. Познавательные элементы в них совершенно отсутствуют. Поэтому звукоподражательные слова мы выделяем в особую группу слов, только по своему звуковому облику примыкающих к междометиям, например: *мяу-мяу-мяу, ку-ку, кукареку, гав-гав, му-у* и др.

§ 292. Классификация междометий по значению. Междометия по своему значению делятся на две группы: 1) междометия, выражающие эмоции, чувства, и 2) междометия повелительно-побудительные, т. е. выражающие волю человека.

Из числа эмоциональных междометий одни выражают чувства, переживаемые говорящим, другие выражают эмоциональную оценку поступков и речей других лиц, состояние среды, природы и т. д. Кроме того, эмоциональные междометия по своему значению могут быть разбиты на чисто эмоциональные междометия, выражающие страх, ужас, гнев, возмущение, восхищение и т. п., и междометия, выражающие интеллектуально-эмоциональные переживания, например: раздумье, сомнение, недоверие, неожиданность, удивление, догадку, иронию, презрение, пренебрежение, сетование, жалобу, упрек, похвалу, поощрение.

Междометия, выражающие волю человека, употребляются как средство воздействия на живое существо, в целях побуждения, приглашения, призыва, оклика, успокоения, предупреждения, предостережения, протеста, запрещения, приказа, угрозы и др.

§ 293. Междометия, выражающие эмоции. Для выражения разнообразных чувств употребляются различные междометия, первообразные и производные. Так, например: *А! О! Э! Эй! Ай! Чёрт возьми! Матушки! Боже ты мой!* — могут выражать различные чувства и их оттенки. При этом решающее значение имеет не столько звуковой состав междометий, сколько интонация, с которой они произносятся. Так, разные в звуковом отношении междометия могут выражать одно и то же чувство при одинаковой интонации, а нередко одно и то же междометие выражает совершенно различные эмоции (при этом интонация, с которой оно произносится, будет различна).

Междометия, выражающие чувства, могут быть разбиты на несколько групп.

1. Междометия, выражающие радостные чувства и положительную оценку фактов действительности.

В эту группу входят междометия, выражающие радость, бодрое, веселое состояние духа, а также эмоциональную оценку фактов, событий и явлений действительности с положительной стороны (удовлетворения, восхищения, восторга и т. п.): *Ай-ай-ай! Ой! Ай да... Ага! Ба-ба-ба! О! Батюшки! Матушки! Браво! Вот это да! Ишь ты!* и т. п., например: *Девочки, **ох!** Если бы вы только знали, как там хорошо. (Пан.) **Э-э-э!** — радостно произнес хозяин. (Усп.) **Ага!** Хорошо! Чёрт побери — хорошо! (Т.) **У!** Как свежо и хорошо! (Г.) **Ба-ба-ба!** Какая повязка! Вся в каменьях дорогих! (П.)*

2. Междометия, выражающие тяжелые психологические состояния или выражающие отрицательное отношение к фактам действительности.

Те же самые междометия, которые выражают радость, восхищение, восторг и т. п., могут выражать противоположные чувства (горе, печаль, тревогу, ужас, досаду, ненависть), но при другой интонации, например: ***А!*** *Это ты злодей! (Л.)* ***У!*** *Бесстыжая! (Усп.)* ***Ах, боже!*** *Как это все неприятно! (М. Г.)* ***„Ух!*** *Как я ненавижу вашу скрипку!“ — сердито вскрикнула она. (Фед.)*

Следует, однако, отметить, что, кроме междометий, значение которых определяется интонацией и содержанием текста, имеются и междометия с устойчивым значением. Так, некоторые междометия всегда выражают чувство печали, горести; презрение, отвращение, брезгливость и т. п. Например, чувство печали и горести выражается междометиями: *Увы! Беда! Горюшко!* и др., чувство отрицательного отношения — междометиями: *Фу! Пфу! Фа! Фуй! Тьфу! К чёрту! Провались ты!* и др., например: *А что такое хозяин?* ***Ф-фе!*** *(М.Г.)* ***Фуй!*** *Как это неловко... (Новиков.)* ***Тьфу*** *тебе! (М. Г.)*

3. Междометия, утверждающие плохой итог, конец, крах действий, явлений и т. д.

К группе междометий эмоциональной оценки можно отнести и такие, которые утверждают плохой итог, конец каких-либо явлений, действий, событий и т. п.: *Ау! Крышка! Капут! Каюк! Амба! Шабаш!* и др., например: *Я и теперь люблю тебя, только что не по-прежнему. Уж* ***ау,*** *брат! Прежнего не воротить. (Остр.) Только высунься из этой лощины — и* ***каюк!*** *(Буб.)* В отличие от других групп эти междометия нередко выступают в значении сказуемого.

Особо следует выделить междометия, служащие для выражения эмоционально-интеллектуальных переживаний. По звуковому составу они сходны с рассмотренными, но интонационно отличаются, выражая догадку, удивление, неожиданность, сомнение, недоверие, иронию и т. п.: *Вот тебе раз! Вот те на! Ну! Ба! Ба-ба-ба! Да что ты! Да батюшки! Скажите!* и др., например: ***Ба,*** *Ниловна, и ты бунтовать пошла! (М. Г.)* ***„С*** *девятого?* ***Ого!*** *— удивился Беридзе. (В. Аж.)*

§ 294. Повелительно-побудительные междометия. В эту группу междометий, выражающих проявления человеческой воли, входят следующие:

1. Междометия зова, оклика, обращения. К ним относятся междометия, выражающие зов, оклик, обращения без называния имени: *Эй! О-го-го! Ау! Алло! Агу! Агунюшки!* (при обращении к детям), например: ***Эй,*** *жители! (М. Г.)* ***Агу!*** *Не плачь, не плачь; вот бука тебя возьмет!* ***Агу! Агу!..*** *Не плачь! (П.)* ***Ау,..*** *где ты? (Ч.)*

Особую группу среди них составляют междометия, при помощи которых подзывают домашних животных: *кис-кис, цып-цып, ти-ти, уть-уть, гуль-гуль, тега-тега, куть-куть,* например: *—* ***Цып-цып, ти-ти-ти! Гуль-гуль-гуль!*** *— ласковым голосом приглашала девушка птиц к завтраку. (Гонч.)*

2. Повелительные междометия. Они выражают прямой приказ или условный сигнал к началу или к прекращению действия. Например, междометия, приказывающие молчать: *Ц-сс! Цыц! Чш! Тс! Тсс! Сс!* и др., например: ***Ш-шш! Нишкни!*** *Отец услышит — те задаст банк. (М. Г.)* ***Цыц!*** *Не смей этим шутить! (Леск.)* Близки к ним по значению междометия, употребляющиеся как сигнал ко вниманию: *Чу! Тсс!* и др., например: ***Чу!*** *Близкий топот слышится. (Л.)*

Профессиональные выкрики, обозначающие приказы начать, кончить, продолжать действие, приказы военные, различные сигналы к действию, выражаются междометиями *Стоп! Марш! Фьюить! Пли!* (из *пали*) *Ура! Вон! Айда! Баста! На! Нате! Ну!* и др., например: *В атаку,* ***марш-марш!*** *(Шол.)* ***Стоп,*** *машина! (Станюк.) Ну, брат,* ***айда!*** *(Л. Т.)*

3. Междометные слова, выражающие приветствие, прощание, благодарность. В эту группу входят слова: *Здравствуйте! Здорово! Прощайте! Прости! До свидания! Спасибо! Доброй ночи! Спокойной ночи! Мое почтение* и т. п.; они не совсем еще потеряли лексическое значение, но, употребляясь как условное выражение, эти слова теряют связь с глаголами *здравствовать, прощать* и т. п. (так же как слово *спасибо,* образовавшееся из *спаси бог,* вовсе не выражает мольбы к богу). Все эти выражения, несомненно, переходят в междометия, например: ***Здравствуй,*** *родная! (Н.)* ***Здорово,*** *мать!* ***Здорово!*** *И я опять тяну к глазам платок. (Есенин.)* ***Доброго здоровья,*** *Егор Васильевич! (М. Г.)* ***До свиданья,*** *города и хаты. (Песня.)*

§ 295. Звукоподражательные слова. Как уже отмечалось, к междометиям примыкают, не входя, однако, в их разряд, близкие к ним по звуковому облику звукоподражательные слова. Эти звукоподражательные слова не выражают эмоций или побуждений, а представляют собой условное воспроизведение разного рода звучаний: криков животных, птиц, шумов, взрывов, грома, свиста и др., сопровождающих какие-либо явления природы, действия и т. п. Особенно часто такие слова употребляются в художественной литературе в целях большей выразительности и воздействия на читателей, например: ***Уу-рлы, урлу, урлы, урлурлы,*** *— стонет по всему лесу невидимый хор проснувшихся журавлей. (Купр.)* ***Квох, квох!*** *— ответила петуху курица. (Пр.)* ***Гав!*** *— брехнул с отвращением пудель. (Купр.)* ***Трах-тах-тах!*** *Взвился к небу снежный прах. (А. Б.) Колокольчик* ***дин-дин-дин.*** *(П.)*

Близкие к междометиям по своей экспрессивной окраске и имеющие некоторое с ними структурное сходство неспрягаемые глаголы мгновенного вида (типа *шмыг, скок, хвать* и т. п.) были рассмотрены в разделе „Глагол“, § 246.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

А. Б.— А. Блок
А. К.— А. Караваева
Акс.— С. Т. Аксаков
А. Н. Т.— А. Н. Толстой
Баб.— С. Бабаевский
Бар.— Е. А. Баратынский
Батюшк.— К. Н. Батюшков
Б. П.— Б. Полевой
Бр.— В. Я. Брюсов
Буб.— М. Бубеннов
В. Аж.— В. Ажаев
В. Г.— В. Гусев
Вяз.— П. А. Вяземский
Г.— Н. В. Гоголь
Герц.— А. И. Герцен
Гл.— Ф. Гладков
Г. Н.— Г. Николаева
Гонч.— И. А. Гончаров
Горб.— Б. Горбатов
Гр.— А. С. Грибоедов
Добр.— Н. А. Добролюбов
Дост.— Ф. М. Достоевский
Жук.— В. А. Жуковский
Исак.— М. Исаковский
Кав.— В. Каверин
Кольц.— А. В. Кольцов
Кост.— В. Костылев
Кр.— И. А. Крылов
Купр.— А. И. Куприн
Л.— М. Ю. Лермонтов
Леон.— Л. Леонов
Леск.— Н. С. Лесков
Л. Т.— Л. Н. Толстой
Майк.— А. Г. Майков
Мак.— А. С. Макаренко
Марш.— С. Маршак
Маяк.— В. Маяковский
М. Г.— А. М. Горький
Н.— Н. А. Некрасов
Некр.— В. Некрасов
Ник.— И. С. Никитин
Н. Ник.— Н. Никитин
Н. О.— Н. Островский
Од.— А. И. Одоевский
Остр.— А. Н. Островский
П.— А. С. Пушкин
Павл.— П. Павленко
Пан.— В. Панова
Панф.— Ф. Панферов
Пауст.— К. Паустовский
Писем.— А. Ф. Писемский
Пог.— Поговорка
Посл.— Пословица
Пр.— М. Пришвин
Р.— К. Ф. Рылеев
Саян.— В. Саянов
Семушк.— Т. Семушкин
Сераф.— А. С. Серафимович
Сим.— К. Симонов
Станюк.— К. М. Станюкович
С.-Щ.— М. Е. Салтыков-Щедрин
Т.— И. С. Тургенев
Твард.— А. Твардовский
Т. С.— Толковый словарь
Тютч.— Ф. И. Тютчев
Усп.— Г. И. Успенский
Фад.— А. Фадеев
Фед.— К. Федин
Фонв. — Д. И. Фонвизин
Ч.— А. П. Чехов
Шишк.— В. Шишков
Шол.— М. Шолохов
Э. Каз.— Э. Казакевич
Ю. Б.— Ю. Бессонов

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

I. ОБЩИЕ ПОСОБИЯ

Абакумов С. И., Современный русский литературный язык, изд. „Советская наука“, 1942.
Аванесов Р. И. и Сидоров В. Н., Очерк грамматики русского языка, М., 1945.
Богородицкий В. А., Общий курс русской грамматики, изд. 5, М.—Л., 1935.
Булаховский Л. А., Курс русского литературного языка, изд. 5, Киев, 1952.
Виноградов В. В., Русский язык, Учпедгиз, М., 1947.
Виноградов В. В., Современный русский язык, вып. 1, М., 1938.
Галкина-Федорук Е. М., Современный русский язык. Лексика, изд. МГУ, 1953.
Гвоздев А. Н., Современный русский язык, ч. I, Учпедгиз, 1958.
„Грамматика русского языка“, т. 1, изд. АН СССР, М., 1952.

Земский А. М., Крючков С. Е., Светлаев М. В., Русский язык, ч. 1, изд. 4, Учпедгиз, 1954.
„Современный русский язык“, Морфология, изд. МГУ, М., 1952.
Финкель А. М. и Баженов Н. М., Современный русский литературный язык, Киев, 1951.
Шахматов А. А., Очерк современного русского литературного языка, М., 1941.

II. СТАТЬИ И РАБОТЫ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ

А. Лексика и фразеология

Булаховский Л. А., Из жизни омонимов, „Русская речь“, вып. III, 1928.
Виноградов В. В., Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины, „Труды юбилейной сессии ЛГУ“, Л., 1946.
Виноградов В. В., Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, сб. „Шахматов“, изд. АН СССР, 1946.
Виноградов В. В., Основные типы лексических значений слов, „Вопросы языкознания“, 1953, № 3.
Винокур Г. О., О славянизмах в современном русском литературном языке, „Русский язык в школе“, 1947, № 4.
Галкина-Федорук Е. М., Слово и понятие, Учпедгиз, 1956.
Ефимов А. И., О языке художественных произведений, Учпедгиз, 1954.
Киреев А. А., Об антонимах, „Русский язык в школе“, 1954, № 3.
Клюева В. Н., Синонимы в русском языке, „Русский язык в школе“, 1954, № 3.
Ожегов С. И., К вопросу об изменении словарного состава русского языка в советскую эпоху, „Вопросы языкознания“, 1953, № 2.
Фаворин В. К., Синонимы, Свердловск, 1953.
Шанский Н. М., Лексические и фразеологические кальки в русском языке, „Русский язык в школе“, 1955, № 3.
Шанский Н. М., Устаревшие слова в лексике современного русского литературного языка, „Русский язык в школе“, 1954, № 3.
Шанский Н. М., Лексика и фразеология современного русского языка, Учпедгиз, 1957.

Б. Фонетика и орфоэпия

Аванесов Р. И., Фонетика современного русского языка, изд. МГУ, 1957.
Аванесов Р. И., Ударение в современном русском литературном языке, Учпедгиз, 1955.
Аванесов Р. И., Русское литературное произношение, изд. 2, Учпедгиз, 1955.
Богородицкий В. А., Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных, Казань, 1930.
Винокур Г. О., Русское сценическое произношение, М., 1948.
«Русское литературное ударение и произношение». Опыт словаря-справочника, под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, М., 1955.
Щерба Л. В., Русские гласные в качественном и количественном отношении, П., 1912.
Ушаков Д. Н., Русская орфоэпия и ее задачи, „Русская речь“, вып. III, 1928.

В. Графика и орфография

Бодуэн де Куртене И. А., Об отношении русского письма к русскому языку, СПБ, 1912.
Гвоздев А. Н., Основы русской орфографии, Учпедгиз, любое издание.
Грот Я. К., Русское правописание, П., 1885.
Добромыслов В. А. и Розенталь Д. Э., Трудные вопросы грамматики и правописания, Учпедгиз, 1955.
Крючков С. Е., О спорных вопросах современной русской орфографии, Учпедгиз, 1952.

„Правила русской орфографии и пунктуации", Учпедгиз, 1956.
Ушаков Д. Н., Русское правописание, изд. 2, М., 1947.
Шапиро А. Б., Русское правописание, изд. АН СССР, 1953.
Шапиро А. Б., Упорядоченное русское правописание, изд. МГУ, 1956.

Г. Словообразование

Богородицкий В. А., Очерки по языковедению и русскому языку, Учпедгиз, 1939.
Виноградов В. В., Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков), сб. „Вопросы теории и истории языка", изд. АН СССР, 1952.
Винокур Г. О., Заметки по русскому словообразованию, «Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, т. V, вып. 4, 1946.
Земская Е. А., О глаголах со связанной основой, «Русский язык в школе», 1953, № 1.
Крушевский Н. В., Очерк науки о языке, Казань, 1883.
Ожегов С. И., Существительные на ***-аж*** в русском языке, «Доклады и сообщения филологического ф-та МГУ», вып. 3, 1947.
Шанский Н. М., Основы словообразовательного анализа, Учпедгиз, 1953.
Шанский Н. М., О словообразовательном анализе имен прилагательных, «Русский язык в школе», 1958, № 1.

Д. Морфология

Виноградов В. В., О категории модальности и модальных словах в русском языке, «Труды института русского языка АН СССР», т. II, М.—Л., 1950.
Галкина-Федорук Е. М., Наречие в современном русском языке, М., 1939.
Галкина-Федорук Е. М., О категории состояния, «Русский язык в школе», 1957, № 4.
Голанов И. Г., Наклонение глагола в современном русском языке, «Ученые записки МГПИ имени В. И. Ленина». Кафедра русского языка, вып. 4, т. XXV, 1954.
Мучник И. П., О залогах русского языка, «Ученые записки МОПИ», вып. II, М., 1938.
Обнорский С. П., Очерки по морфологии русского глагола, изд. АН СССР, М., 1953.
Потебня А. А., Из записок по русской грамматике, т. IV, изд. АН СССР, М.—Л., 1941.
Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7, 1956. Общая часть.
Шапиро А. Б., О залогах в современном русском языке, «Ученые записки МГПИ имени В. П. Потемкина». Кафедра русского языка, вып. 1, 1941.
Шахматов А. А., Синтаксис русского языка, М.—Л., 1941. III. Синтаксис частей речи.
Щерба Л. В., О частях речи в русском языке, сб. „Русская речь", вып. 2, 1928.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов 2
Введение 3

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

I. Лексика в системе современного русского языка

§ 1. Лексикология как раздел науки о языке (15). § 2. Слово как лексическая и грамматическая единица речи. Значение слова (15). § 3. Многозначность слова. Способы развития значений в русском языке (17). § 4. Омонимы в русском языке (20). § 5. Синонимы в русском языке (22). § 6. Антонимы (24).

II. Лексика современного русского языка с точки зрения ее происхождения

1. Исконно-русская лексика 26

§ 7. Понятие „исконно-русская лексика“ (26). § 8. Общеславянские слова (28). § 9. Восточнославянская лексика (33). § 10. Собственно русские слова (35).

2. Заимствованные слова в русском языке 39

§ 11. Понятие „заимствованные слова“ (39). § 12. Старославянизмы в лексике русского языка (39). § 13. Иноязычные элементы в лексике русского языка (45). § 14. Иноязычные слова (45). § 15. Заимствования из скандинавских, угро-финских и тюркских языков (48). § 16. Греческие и латинские слова в составе лексики русского языка (48). § 17. Западноевропейские слова в составе русской лексики. Слова из других языков (50). § 18. Переоформление иноязычных слов в русском языке (52). § 19. Лексические кальки (54). § 20. Отношение к заимствованным словам (56).

3. Словообразование и его роль в обогащении лексики русского языка 58

§ 21. Словообразовательные процессы и лексика. Способы словообразования (58). § 22. Типы морфологического словообразования (61).

III. Лексика современного русского языка с точки зрения ее социально-диалектного состава

§ 23. Общенародная и диалектная лексика в общей системе лексики (64). § 24. Профессиональная и терминологическая лексика и ее стилистическое использование в художественной литературе (66). § 25. Жаргонная и арготическая лексика и ее стилистическое использование (67).

IV. Лексика современного русского языка с точки зрения ее активного и пассивного запаса

§ 26. Активный и пассивный словарный состав языка (68).§ 27. Устаревшие слова (70). § 28. Неологизмы (76).

V. Лексика современного русского языка с точки зрения экспрессивно-стилистической

§ 29. Общеупотребительная лексика, свойственная устной и письменной речи (80). § 30. Лексика устной речи (80). § 31. Лексика письменного литературного языка (82). § 32. Эмоциональная лексика (84).

VI. Фразеология русского языка

§ 33. Основные типы фразеологических единиц в современном русском языке (85). § 34. Фразеологические сращения (86). § 35. Фразеологические единства (87). § 36. Фразеологические сочетания (88).

VII. Основные черты развития русской лексики и фразеологии в советскую эпоху

§ 37. Обновление лексики русского языка (92). § 38. Основные типы новообразований. Важнейшие процессы в изменении лексики и фразеологии (93).

VIII. Сведения по русской лексикографии

§ 39. Основные типы словарей (96). § 40. Словарь Даля (99). § 41. Словарь русского языка II отделения Академии наук (101). § 41. Словари советской эпохи (102). § 43. Словари областные, или диалектные (105). § 44. Фразеологические словари (106). § 45. Синонимические словари (107). § 46. Этимологические словари (108). § 47. Исторические словари (108). § 48. Словари иностранных слов (109).

ФОНЕТИКА

Введение

§ 49. Предмет фонетики (111). § 50. Понятие фонемы (111). § 51. Сильные и слабые фонемы (114). § 52. Фонетическая транскрипция (116).

Согласные звуки русского языка

Классификация согласных звуков 117

§ 53. Принцип классификации (117). § 54. Участие голоса и шума (118). § 55. Место образования шума (118). § 56. Способы образования шума (119). § 57. Твердость и мягкость согласных (отсутствие или наличие палатализации) (119).

Образование отдельных согласных звуков 120

§ 58. Губно-губные согласные [п], [п'], [б], [б'] (120). § 59. Губно-зубные согласные [ф], [ф'], [в], [в'] (120). § 60. Переднеязычные зубные смычные [т], [т'], [д], [д'] (120). § 61. Переднеязычные зубные щелевые [с], [с'], [з], [з'] (120). § 62. Переднеязычные нёбно-зубные [ш], [ж], [ш'], [ж'] (121). § 63. Заднеязычные согласные (121). § 64. Аффрикаты [ц] и [ч'] (121). § 65. Губные носовые согласные [м], [м'] (122). § 66. Зубные носовые согласные [н], [н'] (122). § 67. Зубные боковые согласные [л], [л'] (122). § 68. Нёбно-зубные дрожащие звуки [р], [р'] (122). § 69. Среднеязычные звуки [j] и [i̯] (*и* „неслоговое") (123).

Система согласных фонем 124

§ 70. Состав согласных фонем русского языка (124). § 71. Общие сведения о системе согласных фонем (124). § 72. Соотносительный ряд глухих и звонких согласных фонем (126). § 73. Сильные по глухости-звонкости парные согласные фонемы (126). § 74. Слабые по глухости-звонкости парные согласные фонемы (126). § 75. Варианты внепарных глухих согласных фонем (127). § 76. О вариантах сонорных согласных фонем (127). § 77. Соотносительный ряд твердых и мягких согласных фонем (128). § 78. Сильные по твердости-мягкости парные согласные фонемы (128). § 79. Слабые по твердости-мягкости парные согласные фонемы (129). § 80. Разновидности внепарных по мягкости-твердости согласных фонем (130). § 81. Фонема [j] (131). § 82. Долгие и двойные согласные (131). § 83. Позиционные и исторические чередования согласных фонем (132). § 84. Понятие фонемного ряда (132).

Гласные звуки русского языка

§ 85. Ударение (134).

Классификация гласных звуков 135

§ 86. Принципы классификации (135). § 87. Фонетическая характеристика гласных звуков (136).

Система гласных фонем 137

§ 88. Сильные и слабые позиции для гласных звуков (137). § 89. Состав гласных фонем русского языка (137). § 90. Изменение гласных фонем в положении под ударением (137). § 91. Изменение гласных фонем после шипящих (139). § 92. Основной вид и разновидности сильных гласных фонем (139). § 93. Слабые гласные фонемы первого предударного слога (140). § 94. Слабые гласные фонемы второго предударного слога (141). § 95. Слабые гласные фонемы заударных слогов (142). § 96. Позиционные чередования гласных (143). § 97. Фонемные ряды гласных (143).

Слогораздел и типы слогов в русском языке

§ 98. Определение слога (144). § 99. Слогораздел (145). § 100. Типы начальных слогов (146). § 101. Типы конечных слогов (147). § 102. Слогоделение при сочетании знаменательных слов (147). § 103. Слогоделение на стыке морфем (147). § 104. Образец фонетической транскрипции (148).

Орфоэпия

§ 105. Понятие об орфоэпии (149). § 106. Значение орфоэпии (149). § 107. Историческая основа русского литературного произношения (149). § 108. Источники отклонений от литературного произношения (150).

Основные правила русского литературного произношения

§ 109. Произношение безударных гласных (151). § 110. Глухие и звонкие согласные (154). § 111. Твердые и мягкие согласные (155). § 112. Смягчение согласных перед мягкими согласными (155). § 113. Сочетания согласных (158). § 114. Произношение отдельных грамматических форм (160). § 115. Некоторые особенности произношения слов иноязычного происхождения (161).

ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

Графика

§ 116. Понятие о графике (163). § 117. Соотношение между буквами русского алфавита и звуками русского языка. Обозначение гласных звуков (163). § 118. Обозначение согласных звуков (164).

Орфография

§ 119. Понятие об орфографии (165). § 120. Основной принцип русского правописания (165). § 121. Применение фонетических написаний (166). § 122. Традиционные написания в русской орфографии (167). § 123. Слитные, полуслитные и раздельные написания (167). § 124. Употребление прописных букв (169). § 125. Правила переноса слов (168). § 126. Дифференцирующие написания (170). § 127. Краткие сведения из истории русской графики и орфографии (170).

МОРФОЛОГИЯ

Введение в морфологию русского языка

§ 128. Морфология как грамматическое учение о слове (174). § 129. Грамматические значения и грамматические формы (176). § 130. Морфологическая структура слова в русском языке (178). § 131. Производная и непроизводная основы (179). § 132. Производная и производящая основы (182). § 133. Словообразовательные и формообразующие аффиксы русского языка (185). § 134. Морфематические связи и продуктивность словообразовательных и формообразующих аффиксов (188). § 135. Словообразовательные элементы иноязычного происхождения (191). § 136. Изменения в морфологическом строении слова (193).

Части речи

§ 137. Части речи в современном русском языке (198).

Имя существительное 200

§ 138. Имя существительное как часть речи (200). § 139. Лексико-грамматические разряды имен существительных (202). § 140. Существительные нарицательные и собственные (202). § 141. Существительные одушевленные и неодушевленные (203). § 142. Собирательные существительные (205). § 143. Существительные вещественные (207). § 144. Существительные единичные (сингулятивы) (208). § 145. Отвлеченные существительные (209). . . . . .

Категория рода имен существительных 211

§ 146. Значение и грамматическое выражение категории рода в именах существительных (211). § 147. Распределение существительных по родам (212). § 148. Существительные „общего рода“ (214). § 149. Колебания в роде существительных (215).

Категория числа имен существительных 216

§ 150. Значение и грамматическое выражение категории числа в именах существительных (216). § 151. Существительные, употребляемые в формах обоих чисел (218). § 152. Существительные, употребляемые только в единственном числе (219). § 153. Существительные, употребляемые только во множественном числе (220). § 154. Остатки форм двойственного числа (220).

Категория падежа имен существительных 221

§ 155. Система падежа в современном русском языке (221). § 156. Основные значения падежей (222). § 157. Типы склонения имен существительных (225). § 158. Варианты падежных окончаний и их значение (229). § 159. Разносклоняемые существительные (233). § 160. Склонение имен существительных, употребляющихся только во множественном числе (234). § 161. Несклоняемые существительные (235). § 162. Основные типы ударения при склонении имен существительных (236).

Образование существительных 238

§ 163. Способы словообразования имен существительных (238). § 164. Суффиксальный способ словообразования абстрактных существительных (239). § 165. Суффиксальный способ образования существительных со значением лица (242). § 166. Суффиксальное словообразование существительных, обозначающих животных (246). § 167. Суффиксальное словообразование существительных со значением предмета (246). § 168. Суффиксальное словообразование существительных со значением места (247). § 169. Суффиксы собирательного и единичного значения (248). § 170. Суффиксы субъективной оценки и реального уменьшения и увеличения (248). § 171. Образование сложных существительных (250). § 172. Сложносокращенные слова (252). § 173. Безаффиксный способ образования существительных (253). § 174. Суффиксально-префиксальный способ образования существительных (254). § 175. Префиксальный способ образования существительных (255).

Имя прилагательное 255

§ 176. Имя прилагательное как часть речи (255). § 177. Лексико-грамматические разряды имен прилагательных (256). § 178. Качественные прилагательные (258). § 179. Относительные прилагательные (260). § 180. Качественно-относительные прилагательные (261). § 181. Притяжательные прилагательные (262). § 182. Относительно-притяжательные прилагательные (264). § 183. Переход относительных прилагательных в качественные (264). § 184. Семантика, морфологические свойства и синтаксические функции кратких форм прилагательных (265). § 185. Образование и употребление кратких форм прилагательных (267). § 186. Усеченные прилагательные (271). § 187. Степени сравнения имен прилагательных и способы их образования (272). § 188. Формы сравнительной степени (273). § 189. Формы превосходной степени (276). § 190. Формы субъективной оценки качества (277). § 191. Склонение имен прилагательных (279). § 192. Переход прилагательных в существительные (282).

Образование прилагательных 284

§ 193. Способы словообразования имен прилагательных (284). § 194. Суффиксальный способ образования имен прилагательных (287). § 195. Префиксальный способ образования прилагательных (294). § 196. Суффиксально-префиксальный способ образования прилагательных (294). § 197. Сложные прилагательные (295).

Имя числительное 297

§ 198. Имя числительное как часть речи (297). § 199. Разряды имен числительных (298). § 200. Количественные числительные. Их состав и структура (299). § 201. Морфологические свойства количественных числительных (301). § 202. Склонение количественных числительных (304). § 203. Синтаксические особенности количественных числительных (305). § 204. Собирательные числительные (307). § 205. Дробные числительные (310). § 206. Количественно-дробное числительное *полтора, полторы* (311). § 207. Вопрос о порядковых числительных (312). § 208. Неопределенно-количественные слова (314).

Местоимение 317

§ 209. Местоимение как часть речи. Разряды местоимений по значению (317). § 210. Грамматические особенности местоимений (321). § 211. Склонение местоимений (324). § 212. Переход слов из различных частей речи в местоимения (326).

Глагол 326

§ 213. Глагол как часть речи. Значение и формы глагола (326). § 214. Неопределенная форма глагола (327).

Категория вида 328

§ 215. Общее понятие о виде (328).

Типы видовой корреляции в русском языке 329

§ 216. Продуктивные типы образования соотносительных видовых пар глагола (329). § 217. Малопродуктивные и непродуктивные типы видовой корреляции (332). § 218. Двувидовые глаголы (333). § 219. Одновидовые приставочные глаголы совершенного вида (334). § 220. Одновидовые приставочные глаголы несовершенного вида. (335). § 221. Непродуктивный ряд соотношений глаголов с суффиксом *-ива(-ыва-)* (335). § 222. Видовые различия в глаголах движения (336).

Категория залога 337

§ 223. Переходные и непереходные глаголы и их отношения к залогу (337). § 224. Образование залогов (338). § 225. Основные залоги глагола (339). § 226. Глаголы с частицей *-ся*, не входящие в систему залогов (340).

Классы глаголов 341

§ 227. Основы глаголов (341). § 228. Общее понятие о классах глаголов (342). § 229. Продуктивные классы глаголов (343). § 230. Непродуктивные классы глаголов (345).

Категория лица 346

§ 231. Общее понятие (346). § 232. Спряжение глагола (346). § 233. Безличные глаголы (348).

Категория наклонения 349

§ 234. Общее понятие (349). § 235. Изъявительное наклонение (349). § 236. Повелительное наклонение, его образование (350). § 237. Значение и употребление повелительного наклонения (351). § 238. Сослагательное наклонение (352). § 239. Модальные значения инфинитива (352).

Категория времени 353

§ 240. Общее понятие (353). § 241. Образование форм времени (353). § 242. Абсолютные и относительные формы времени (355). § 243. Значения и употребление форм настоящего времени (356). § 244. Значения и употребление форм будущего времени (356). § 245. Значения и употребление форм прошедшего времени (357). § 246. Особые случаи выражения категории времени (358).

Образование глаголов 359

§ 247. Типы глагольного словопроизводства (359). § 248. Образование глаголов от основ имен существительных и прилагательных (360). § 249. Образование глаголов от других частей речи (361). § 250. Внутриглагольное образование (362).

Причастие 362

§ 251. Общее понятие о причастии (362). § 252. Образование причастий настоящего времени (363). § 253. Образование причастий прошедшего времени (364). § 254. Категория времени у причастий (365). § 255. Переход причастий в прилагательные (366).

Деепричастие 367

§ 256. Общее понятие о деепричастии (367). § 257. Деепричастия несовершенного вида (368). § 258. Деепричастия совершенного вида (369). § 259. Адвербиализация деепричастий (370).

Наречие 370

§ 260. Наречие как часть речи. Разряды наречий (370). § 261. Определительные наречия (370). § 262. Обстоятельственные наречия (371). § 263. Морфологические признаки наречия (372). § 264. Синтаксические функции наречий (373). § 265. Степени сравнения наречий (373).

Образование наречий 374

§ 266. Способы словообразования наречий (374). § 267. Наречия, образованные от имен прилагательных (375). § 268. Наречия, образованные от прилагательных с предлогом (376). § 269. Наречия, образованные от имен существительных (377). § 270. Образование наречий от числительных (379). § 271. Наречия, образованные от местоимений (380). § 272. Отглагольные наречия (380). § 273. Наречия, образованные от наречий (381).

Категория состояния 381

§ 274. Общее понятие о категории состояния (381). § 275. Важнейшие признаки категории состояния (381). § 276. Состав слов категории состояния по значению. Соотносительность ее с другими частями речи (382).

Модальные слова 383

§ 277. Общее понятие о модальных словах (383). § 278. Семантические группы и синтаксическая роль модальных слов (384).

Предлоги 385

§ 279. Общее понятие о предлогах (385). § 280. Морфологическая классификация предлогов (386).

Союзы 388

§ 281. Общее понятие о союзах (388). § 282. Морфологическая характеристика союзов (388). § 283. Сочинительные и подчинительные союзы. Употребление союзов (388). § 284. Сочинительные союзы (389). § 285. Подчинительные союзы (390). § 286. Союзные (относительные) слова (391).

Частицы 391

§ 287. Общее понятие о частицах (391). § 288. Группы частиц по значению (392). § 289. Словообразующие и формообразующие частицы (396).

Междометия 397

§ 290. Понятие о междометии (397). § 291. Способы образования междометий (398). § 292. Классификация наречий по значению (399). § 293. Междометия, выражающие эмоции (399). § 294. Повелительно-побудительные междометия (400). § 295. Звукоподражательные слова (401).

Из литературы 402

Евдокия Михайловна Галкина-Федорук,
Клавдия Васильевна Горшкова,
Николай Максимович Шанский.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК.

Лексикология, фонетика, морфология

Редактор *З. А. Богданова.*
Художник *П. М. Кузанян.*
Художественный редактор *Б. М. Кисин.*
Техн. редактор *Н. П. Цирульницкий.*
Корректор *В. А. Глебова*

* * *

Сдано в набор 21/V 1958 г. Подписано к печати 30/VIII 1958 г. 60 × 92¹/₁₆ 25³/₄ п. л. Уч.-изд. л. 27,50. Тираж 75 000 экз. Заказ № 1906. Цена без переплета 5 р. 50 к., переплет 1 р. 50 к.

Учпедгиз. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.